

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО»
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ (г. ЯЛТА)**

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ**

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии
(г. Ялта, 8-10 октября 2019 г.)

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2019

УДК 316.62
ББК 51.1
П 84

*Рекомендовано Ученым советом Гуманитарно-педагогической академии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
в г. Ялта от 28 августа 2019 года (протокол № 7)*

***Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 19-013-20023\19 от 13.03.2019***

П 84 **Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии** : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года / под редакцией Коврова В.В. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 498 с.
ISBN 978-5-907198-20-3

Сборник включает материалы Международной научно-практической конференции «Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии», проведенной 8-10 октября 2019 года в г. Ялта.

В сборнике представлен отечественный и зарубежный опыт инновационной практики функционирования региональных моделей межведомственного взаимодействия по вопросам реализации вариативных социально-психолого-педагогических технологий профилактики отклоняющегося поведения в жизнедеятельности подрастающего поколения; проанализирована научная, методическая и практическая проблематика достижений в области девиантологии на региональном и муниципальном уровнях.

Материалы сборника могут быть использованы преподавателями, научными работниками, аспирантами и студентами в научно-исследовательской, учебно-методической и практической работе.

Сборник статей подготовлен согласно материалам, представленным авторами в электронном виде.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

УДК 316.62
ББК 51.1

© Коллектив авторов, 2019
© Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского» (г. Ялта), 2019
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2019

ISBN 978-5-907198-20-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Профилактика отклоняющегося поведения детей и молодёжи является актуальной междисциплинарной проблемой современности и определяется государственными и общественными институтами в качестве приоритетной в деле реализации стратегии опережающего развития страны и регионов и должна опираться на современные мировые и национальные тенденции общественного развития, научно-практические и организационные инновации в данной сфере. В материалах сборника представлены научные статьи авторов – участников международной научно-практической конференции «Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии». В статьях обсуждаются подходы к модернизации вариативных систем профилактики девиантного поведения детей и молодёжи на основе системности и комплексности межведомственного взаимодействия, непрерывности, адресности, единства профилактической деятельности на всех уровнях законодательной и исполнительной власти, сотрудничества всех слоёв и структур общества, включая некоммерческие и волонтерские организации, религиозные конфессии и другие группы населения. Авторы рассматривают современные вызовы и новые требования к специалистам, работающим с несовершеннолетними и молодёжью с девиантным, противоправным, аддиктивным поведением, с детьми – жертвами преступных посягательств и буллинга, детьми из социально уязвимых групп, находящимися в трудных жизненных, социально-опасных и юридически значимых ситуациях.

В материалах статей отражаются задачи конференции по:

-совершенствованию нормативно-правового регулирования региональных систем профилактики девиантного поведения детей и молодёжи;

-анализу эффективности моделей управления, координации взаимодействия и сотрудничества между основными структурами и уровнями региональной системы профилактики девиантного поведения детей и молодёжи;

-повышению уровня информированности потенциальных участников и субъектов процесса формирования и функционирования системы профилактики девиантного поведения детей и молодёжи в регионах;

-интегрированию основных профилактических принципов и мероприятий, касающихся профилактики девиантного поведения детей и молодёжи, в программы развития регионов на долгосрочный и краткосрочный период;

-обеспечению необходимых условий для разработки инновационных программ профилактики, образования и просвещения, адресованных специалистам сферы социально-психолого-педагогической помощи детям и молодёжи и развитию социально-педагогических и психологических форм помощи и сопровождения в системе профилактики девиантного поведения детей и молодёжи;

-обеспечению современного уровня профессиональной подготовки специалистов в сфере девиантологии на этапах университетского и последиplomного и иного профессионального образования, а также развития волонтерского движения в сфере профилактики девиантного поведения детей и молодёжи;

-совершенствованию сотрудничества государственных, общественных институтов и СМИ по широкому кругу вопросов, касающихся темы профилактики девиантного поведения детей и молодёжи.

Содержание сборника представлено в трёх разделах:

-актуальные технологии девиантного поведения детей и молодёжи: междисциплинарный подход и критический анализ инновационного опыта их использования в региональной специфике;

-профилактика социальных рисков, правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних в опыте и «проблемном поле» межведомственного взаимодействия;

-современные тенденции и опыт подготовки специалистов-девиантологов для организаций и учреждений – субъектов профилактики отклоняющегося поведения детей и молодёжи в регионах.

СЕКЦИЯ 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ: ИННОВАЦИОННЫЙ ОПЫТ РЕГИОНОВ

УДК: 37.01

ФОРМИРОВАНИЕ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ОТВЕТСТВЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА КАК ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Акутина Светлана Петровна,

доктор педагогических наук, заведующий кафедры социальной работы, сервиса и туризма
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского» (Арзамасский филиал), г. Арзамас

Постановка проблемы. Системно-деятельностный и фамилистический подходы к исследованию проблем формирования у современной молодежи ответственного родительства как профилактики девиантного поведения, определивший логику исследования, позволил определить специфику исследования данной проблемы в диаде взаимодействия «родительская семья-общество» как целостной системы развития благополучной здоровой семьи. В качестве дополнительных в нашем исследовании использованы аксиологический и культурологический подходы, позволившие выявить сущность, специфику и особенности формирования ответственного (осознанного) родительства у молодого поколения.

Цель статьи. Теоретически обосновать концепцию формирования у современной молодежи ответственного родительства как профилактики девиантного поведения и определить педагогические условия ее реализации.

Изложение основного материала исследования.

Происходящие в обществе инновационные процессы затрагивают многие сферы общественной жизни, в том числе и семейные. В современном мире кардинально изменились жизненные приоритеты у молодежи, в том числе и семейные ценности. Одни ученые говорят о перерождении института семьи, другие – об девальвации семейных ценностей. Очевидно, что современная семья приспосабливается к новым условиям, в которых происходит процесс обострения противоречий между семейными и внесемейными ценностями. Исследования ученых показали, что на данный момент семья и наличие детей перестали быть социально значимыми приоритетами в системе ценностей современной молодежи. Она превыше всего ставит независимость, свободу выбора и карьеру, достижение высокого социального и профессионального статуса. Семья же планируется после создания успешной карьеры в далекой перспективе.

Однако, по исследованиям как отечественных (Е.В. Бондаревская, И.Ф. Исаев, С.В. Кульневич, П.И. Пидкасистый, Н.Е. Щуркова и др.), так и зарубежных Ч. Рейч, Д. Янкелович, Д. Райт, Н. Луман, Ш.Х. Пфюртнер и др.) ученых показано, что, несмотря на модификацию ценностных установок, семья не перестает быть не просто важной, но очень важной ценностью для молодежи. Поэтому укрепление института семьи будет невозможно без внесения коррекций в ценностные установки современной молодежи.

Насущной задачей общества является формирование у молодых людей ответственного родительства (материнства или отцовства) как базовой социально-психологической и педагогической функций человека, которую он призван выполнять на протяжении всей своей сознательной жизни при вступлении в брак и создании семьи.

Воспитание ответственного семьянина возникает из потребности общества и приобщения молодых людей к выживанию в практической жизни. Так наблюдается тенденция неготовности молодежи к ответственному выполнению роли родителей

(маленьких детей 2-3-х лет оставляют мамы одних на несколько дней дома без еды и воды, отцы жестоко избивают и насилуют своих несовершеннолетних дочерей и сыновей, оставляют без присмотра на улице, безответственно относятся к воспитанию ребенка). В настоящее время на всех нас лежит огромная ответственность за духовно – нравственное состояние семьи, детей и молодежи, которые определяют судьбу России в XXI веке. Чему мы их научим, как воспитаем – от этого зависит судьба нашего Отечества. Для любого государства дети – это национальная ценность, достояние и будущее страны. И сегодня судьба нашей страны напрямую зависит от правильности осмысления, принятия и реализации управленческих решений в вопросах обеспечения создания здоровой семьи. Важно, чтобы в обществе у всех была и укреплялась сердечная убежденность в том, что: «мой дом – моя крепость», «мой дом и моя семья – это частица моей страны». И именно семья – выступает в качестве гаранта благополучия страны, так как семья – это не только основа достойной счастливой жизни человека, «семья – это живая клетка страны», которая может быть либо здоровой, либо больной. А современная семья больна. Диагноз ее заболеванию еще в начале XX века поставил И.А. Ильин: «Семья распадается не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человеком духовного кризиса, он подрывает семью и ее духовное единение, лишает ее главного, а именно – чувства взаимной духовной сопринадлежности» [3].

Современное общество оказалось на грани духовно-нравственной катастрофы – утрата высоких нравственных идеалов привела к процветанию низменных интересов и потребностей – создан огромный рынок алкоголя, наркотиков, порнографии, что приводит к проявлению девиантного поведения современной молодежи, стиранию граней дозволенного и недозволенного. Существенное влияние на увеличение девиантного поведения оказывают: политические, социальные, экономические и идеологические изъяны; слабая законодательная база, правовой нигилизм; отсутствие вразумительной молодежной политики в стране; недостаточное межведомственное взаимодействие; неэффективность отдельных звеньев в профилактической работе.

Порой молодые люди и хотели бы создать счастливую семью, воспитать детей, выстроить дружеские отношения, как с собственной семье, так и в семьях родителей жены (мужа), но очень часто им не хватает педагогических и психологических знаний в формировании позитивных отношений в семье и воспитании детей, отсюда возникает непонимание, конфликты и, как правило, разводы.

А как писал И.Г. Песталоцци «материнское чувство, сила отцовского воздействия, семейные добродетели, вся прелесть любви, весь опыт окружающей среды, образование через труд, взаимосвязь всего этого хорошего и его воздействие через узы, объединяющие членов семьи, домашние неприятности и заботы, неизбежные даже в обеспеченных семьях, - все это самой природой, установленные основы поистине хорошего воспитания» [4].

Исследователи А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, В.А. Петровский, Э. Г. Эйдемиллер, Л.Б. Шнейдер и др. писали, что социальная, психологическая ориентация в жизненном устройстве начинается у детей с постижения образа семьи, у ребенка формируется целостная картина мира, в семье дети «не учатся жить, а живут» (Е.А. Аркин), а мы добавляем, что современные дети «учатся учиться» жить в семье, так как именно семья, являясь для ребенка первым и наиболее значимым проводником социального влияния и воспитания и создания благоприятного социально-психологического климата, вводит его в мир родственных отношений (супруг-супруга, мать-отец, мать-дети, отец-дети, бабушки-дедушки-внуки, братья-сестры, родственники), домашнего обустройства, семейных традиций, обрядов и обычаев, вызывая те или иные чувства, действия, способы поведения, оказывая влияние на формирование привычек, черт характера, мудрого наставничества, психических свойств. Приобретая свой опыт жизни в семье, ребенок пользуется приобретенными знаниями и во взрослой жизни.

Ведущая идея нашего исследования заключается в том, что духовно-нравственные ценности являются базовой основой формирования готовности молодежи к ответственному

родительству, их интеграции в современное инновационное общество. Гармоничное единство аксиологических установок родительской семьи и общества является гарантией формирования и развития достойного гражданина и семьянина Российской Федерации. Ценностно-целевая направленность данного взаимодействия, на наш взгляд, обеспечит возможность и готовность создания благополучной семьи и сформированности у современной молодежи ответственного (осознанного) родительства, которое является фактором и средством «взращивания» счастливых детей, обеспечивающих профилактику девиантного поведения.

Нам импонирует научная концепция Г.Н. Филонова на природу семейных ценностей, как многомерной системы взаимодействия с социумом, как деятельностного социокультурного процесса, ориентированного на осмысление, самооценку и прогнозируемое развитие всей совокупности общечеловеческих гуманистических ценностей: «человек, его жизнь и достоинство, высокая духовность и нравственные основы дееспособности личности в обновляемом социуме, современная культура мировоззрения» в условиях семейного социума [5, с. 29].

Успешное формирование у современной молодежи ответственного родительства как профилактики девиантного поведения может реализовать теоретически обоснованная целостная концепция (модель) формирования ответственного родительства в системе взаимодействия «семья-общество», которая включает следующие структурные компоненты: целевой, содержательно-практический, рефлексивно-оценочный и результативный. В данном случае содержательный компонент, ориентированный на формирование у современной молодежи ответственного родительства, выполняет системообразующую роль и обеспечивает упорядоченность и целостность модели, функционирование и развитие ее основных элементов в тесном взаимодействии, основанных на достижении гармоничных диалоговых отношений. Результатом реализации концепции является сформированность у молодых людей ответственного отношения к родительству, созданию семьи и воспитанию детей, которые впоследствии будут успешно интегрированы в общество и в дальнейшем смогут построить свою благополучную семью.

Формирование готовности к семейной жизни и ответственному родительству включает следующие показатели: осознанность когнитивной составляющей семейных ценностей, установок и ожиданий родителя, родительских позиций, чувств, отношения, ответственности, стиля воспитания; осознание себя в роли родителей, формирование мотивов родительского поведения; понимание своего супруга (супруги), его (её) реакций на ту или иную ситуацию, оснований родительского поведения; развитость, стабильность, надежность, прочность и взаимное соответствие компонентов в интегральной психолого-педагогической структуре родительства.

Для создания модели ответственного родительства необходимо выделить ряд педагогических условий. Мы выделяем несколько условий семейных духовно-нравственных ценностей, способствующих формированию ответственного (осознанного) родительства у современной молодежи в контексте профилактики девиантного поведения:

-условия, способствующие еще в рамках обучения в школе формировать у школьников ценности семьи (включение школьников в исследовательскую деятельность по изучению и освоению традиционных семейных духовно-нравственных ценностей);

-вовлечение родительской семьи к участию в данном процессе с целью формирования родительской компетентности (совместное планирование воспитательной работы в класс и школе, психолого-педагогический всеобуч для родителей, опережающее педагогическое просвещение родителей по формированию у них ценностей семьи, сознательного родительства, работа школьных методических и психологических служб для родителей и др.);

-условия, способствующие формированию фамилистической компетентности у педагогов (осознание педагогом общечеловеческой ценности и личностной значимости семьи, семейной жизни; понимание многоаспектности и полифункциональности семейной

жизни; владение культурой семейных отношений, бытовыми умениями, навыками общения с родными и близкими людьми; обладание необходимыми качествами личности для оптимального выстраивания собственной семейной жизнедеятельности и организация конструктивного взаимодействия с семьями обучающихся на основе технологий работы с разными типами семей; создание единого воспитательного пространства и здоровьесозидающей среды в школе и др.).

Основными показателями сформированности у молодежи ответственного родительства выступают следующие показатели: ориентация на чувства любви и понимания, принятия, ответственности обоих партнеров; на официальный брак и рождение детей; на ответственное выполнение родительской функции (материнства или отцовства); выполнение основных хозяйственно-бытовых обязанностей; на взаимосвязь с родительскими семьями, ориентация на ценности расширенной семьи и рода; на создание в семье комфортной морально-психологической атмосферы.

Сегодня актуальной становится проблема о научно обоснованной концепции, позволяющей задействовать весь комплекс воспитательных ориентиров и ценностно-личностных установок на подготовку молодежи к выполнению роли ответственных родителей. В этом направлении осуществляется большая работа, в частности, в Нижегородской области, реализуются различные программы и проекты в сфере формирования ответственного родительства как профилактики девиантного поведения: мегапроект «Мое Отечество» по развитию творческого потенциала детей в интересах личного и общественного прогресса; программа развития технического, декоративно-прикладного и эколого-биологического направлений работы в образовательных учреждениях Нижегородской области «Дети. Творчество. Родина»; туристско-краеведческая программа «Отечество»; программа развития физической культуры и спорта в образовательных учреждениях области; программа по профилактике аддиктивного поведения, комплексной социальной коррекции и реабилитации несовершеннолетних, злоупотребляющих психоактивными веществами «Выбери жизнь»; программа развития технического (профессионального) творчества учащихся учреждений, реализующих программы начального профессионального образования «Ступени к совершенству» и другие.

Интересен опыт городской научно-практической лаборатории по проблемам воспитания и семьи г. Н. Новгорода. В течение ряда лет реализуется комплексная программа «В интересах ребенка», целью которой является повышение качества ценностного партнерства образовательных учреждений и семьи как ведущих социальных институтов воспитания. Одним из направлений деятельности лаборатории является формирование у молодежи осознанного отношения к будущему родительству. В лаборатории разработаны и функционируют программы: «На пороге семьи», «Материнская школа», «Школа социальной зрелости». Большое внимание научно-практическая лаборатория уделяет работе с молодой семьей, активно работает факультет «Осознанное родительство» [2, с.10].

Выводы. Обобщая научный анализ, можно заключить, что большинство современных исследователей согласны с тем, что формирование ответственного родительства является сложной психолого-педагогической и социальной проблемой, стоящей перед обществом и только совместные усилия всех институтов воспитания позволят решить задачи в преодолении трудностей формирования ответственного родителя, которые решены при соблюдении определенных факторов: сформирована ценностно-нравственная и моральная подготовка к семейной жизни и воспитанию ответственного семьянина, включающая осознанность нравственных норм, формирование нравственного сознания, поведения и деятельности в сфере семейных отношений, духовная преемственность поколений; осуществляется психолого-педагогическое просвещение семьи по вопросам семейного воспитания, формирования знаний о роли ответственного семьянина, воспитании детей, родительской самоотверженности; готовность принять на себя новую систему обязанностей по отношению к своему брачному партнеру, будущим детям и ответственности за их поведение и жизнь; эффективно осуществляется «многоаспектное взаимодействие семьи с

различными социальными институтами в условиях изменившегося семейного социума, отвечающих за сохранение и развитие личности и за развитие комплекса семейных ценностей» [1, с. 35].

Для полноценной реализации роли семьянина, и, как следствие, благополучного бытия семьи, формирование духовности личности необходим ряд обстоятельств: защита интересов семьи в целом и отдельных ее субъектов (родителей, детей, мужа, жены), адекватная репрезентация и признание всех ее составляющих в разных сферах духовной культуры, воспитание будущего семьянина на основе духовно-нравственных ценностей, многоаспектное взаимодействие семьи и всех общественных институтов в условиях изменившегося семейного социума. В связи с этим семейная политика должна укреплять положение семьи в обществе и быть нацелена на укрепление семейного образа жизни, ответственного родительства, укрепление социальных норм семьи и брака, создание благоприятных условий для развития семьи, эффективного выполнения ею функций; создание и поддерживание позитивного образа семьи; социально-правовую защиту проблемных семей (многодетную, монородительскую, кризисную семью); изменение отношения к собственному образу жизни, ведение здоровой жизнедеятельности; целенаправленную подготовку кадров, способных высоко профессионально взаимодействовать с семьей и квалифицированно оказывать ей помощь.

Все сказанное, подтверждает значимость формирования ответственного родительства у современной молодежи в контексте профилактики девиантного поведения, что и обуславливает актуальность и своевременность данного исследования.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема формирования у современной молодежи ответственного родительства как профилактики девиантного поведения в диаде взаимодействия «родительская семья-общество» как целостной системы развития благополучной здоровой семьи. Предложена целостная концепция (модель) формирования ответственного родительства, включающая структурные компоненты: целевой, содержательно-практический, рефлексивно-оценочный, результативный. Выделены показатели и условия сформированности ответственного родительства в контексте профилактики девиантного поведения – формирование у школьников ценности семьи; формирования родительской компетентности и фамилистической компетентности у педагогов.

Ключевые слова: ответственное родительство, современная молодежь, профилактика, девиантное поведение, концептуальная модель, педагогические условия.

Annotation. The article deals with the problem of formation of responsible parenthood in modern youth as prevention of deviant behavior in the dyad of interaction "parent family-society" as an integral system of development of a prosperous healthy family. The proposed integrated concept (model) of the formation of responsible parenthood that includes structural components: objective, content and practical, reflexive evaluation, effective. Selected indicators of conditions of formation of responsible parenthood in the context of prevention of deviant behavior - the formation of students' family values; the formation of parental competence and familistical competence of teachers.

Keywords: responsible parenthood, modern youth, prevention, deviant behavior, conceptual model, pedagogical conditions.

Литература:

1. Акутина С.П. педагогические условия эффективного взаимодействия семьи и школы по воспитанию духовно-нравственных ценностей старшеклассников [Текст] / С.П.Акутина // Образование и общество. – 2009. – №1 (54). – С. 35-38.
2. Белик Н.Н. Городская научно-практическая лаборатория по проблемам воспитания и семьи [Текст] / Н.Н. Белик // Проблемы школьного воспитания. – 2008. – №1. – С.9-12.
3. Ильин, И.А. О семье [Текст] / И.А. Ильин // Собрание сочинений в 10 т. – Т.1. М.:

Русская книга. – М.: Просвещение, 1993.

4. Песталоцци И.Г. Избранные педагогические произведения [Текст] / И.Г.Песталоцци. – М.: АПН РСФСР, 1965. – Т.3. – 395 с.

5. Филонов Г.Н. Образование – ресурс консолидации гражданского общества [Текст] / Г.Н. Филонов // Педагогика. – 2004. – №8. – С. 26-34.

УДК: 159.99

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖА

Ананьева Оксана Александровна,

аспирант кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Постановка проблемы. Девиантное поведение среди подростков и молодёжи является как барьером на пути становления личностной и профессиональной идентичности, так и одной из причин, препятствующих созданию психологической безопасности образовательной среды. Данная проблема обусловлена рядом причин:

- социально-экономическая нестабильность в обществе;
- социальное неравенство;
- воспитание в неблагоприятных социальных условиях;
- педагогическая запущенность;
- влияние средств массовой информации на сознание подростков;
- психологические проблемы, формирующие неуверенное поведение и препятствующие становлению личностной и профессиональной идентичности подростков;
- труд и учеба носят прагматический характер (Л.Б. Шнейдер);
- отсутствие представления о своей будущей профессии, профессиональная неопределенность;
- социально-психологический дискомфорт и отсутствие психологической безопасности в образовательной среде.

Цель статьи: раскрыть пути формирования психологической безопасности образовательной среды и способы профилактики девиантного поведения учащихся колледжа.

Изложение основного материала исследования. Теоретический анализ литературы, посвященный изучению психологической безопасности образовательной среды, а также психолого-педагогическое сопровождение учащихся колледжа позволяет сделать вывод: студенты в течение всего периода обучения нуждаются в психологической поддержке со стороны преподавателей и педагога-психолога [7]. И.А. Баева определяет образовательную среду как «психолого-педагогическую реальность, содержащую специально организованные условия для формирования личности, а также возможности для развития, включенные в социальное и пространственно-предметное окружение; психологическая сущность этой реальности – совокупность деятельностно-коммуникативных актов и взаимоотношений участников учебно-воспитательного процесса. Фиксация данной реальности возможна через систему отношений участвующих в ней субъектов» [3, с. 32]. В.А. Ясвин определил образовательную среду как: «систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [6, с. 14]. Проводя анализ двух определений, мы видим сходства в данных понятиях: формирование и развитие личности, включенное в пространственно-предметное окружение. Таким образом, психологическая безопасность

необходима в образовательном пространстве для формирования доверительных отношений среди учащихся, сохранения психического здоровья и удовлетворения основных потребностей психического развития. Основными принципами психологической безопасности образовательной среды являются: принцип опоры на развивающее образование; принцип психологической защиты личности; помощь в формировании социально-психологической умелости [3, с. 38].

Специфика формирования психологической безопасности образовательной среды в среднем профессиональном учебном заведении реализуется следующим образом: для личностного и духовного развития обучающихся преподавателем психологии и педагогом-психологом проводятся тренинги личностного роста. В рамках практических занятий осуществляются психологические и ролевые игры, направленные на социальное развитие учащихся. Данные мероприятия способствуют сплочению коллектива, формированию уверенности в себе, корректирует нежелательное поведение внутри самой группы. Для интеллектуального и духовного развития кураторами групп, педагогом-организатором планируются и реализуются экскурсии, студенческие конференции, КВН и т. д. Для реализации физического развития: урок физкультуры, спортивные секции. Физическое воспитание помогает снять психозэмоциональное напряжение, формирует дисциплину и ответственность во время спортивных игр.

Реализуя первый принцип опоры на развивающее образование, преподавательский и психолого-педагогический состав колледжа создают психологическую защищенность, препятствующую психологическому и физическому насилию среди студентов. Совместно с куратором группы, социальным педагогом и педагогом-психологом разрабатывается план сохранения места проблемного учащегося. Поскольку занятия в колледже проходят в форме урока, это дает возможность преподавателю обеспечить индивидуальный подход к каждому учащемуся: оценить настроение, манеру и стиль общения, интеллектуальный уровень развития, а также после урока провести индивидуальную беседу. Таким образом, совместная работа преподавательского состава обеспечивает психологическую безопасность образовательной среды для учащихся. Для реализации третьего принципа в колледже практикуется самоуправление среди учащихся, как показала практика самоуправления дисциплинирует коллектив, создает условия для успешного обучения и поддержания дружественной атмосферы.

Данная специфика образовательной среды идентична школьной среде, поскольку среднее профессиональное учебное заведение рассчитано не только на учащихся с высокой учебной и профессиональной мотивацией, но и на подростков, которые не определились с будущей профессией, не набрали нужное количество баллов при сдаче единого государственного экзамена в школе, подростки с ОВЗ, а также подростки из социально неблагополучных семей. Данная категория подростков входит в группу риска девиантного поведения, так как обучаясь в учебном заведении на протяжении двух или трех лет таким подросткам сложно сфокусировать внимание на учебном процессе, освоить новую профессию, которая с самого начала не вызывает положительных эмоций (отсутствует мотивация, способность к саморегуляции). Подростки при выборе специальности иногда испытывают когнитивный диссонанс, что также является одной из причин пересмотреть свое отношение к будущей специальности, а также к учебному заведению. Из-за негативного отношения к учебному процессу, подростки прогуливают уроки, создают антирекламу колледжу и педагогическому коллективу, а также формируют негативную атмосферу внутри группы. Риск заключается в следующем: подросток с неформальными лидерскими качествами и с отсутствием желания приобретать знания становится образцом для других учащихся, а именно для учащихся с низкой самооценкой, со слабой мотивационно-волевой сферой. Работа с таким подростком происходит следующим образом: применяется психотерапевтическая «техника присоединения»: поза и жесты, мимика и дыхание, когда требуется разговаривать проблемного подростка и выяснить причину отклоняющегося поведения. На уроках психологии предоставляется коллективное задание на сплочение

коллектива, развитие коммуникативных навыков, развитие харизматических качеств и т.д., составить сценарий и распределить роли на такие темы как: «Презентация колледжа», «Организация концерта для музыкальной группы», «Встреча известной личности». В конце занятий психолог подводит итог о проделанной работе, указывает на психологические ошибки и раздает домашнее задание: подумать над другим способом распределения ролей. Таким образом, отрабатывается и закрепляется тема урока: «Роль и ролевые ожидания по Э. Бернсу».

Подросток, который не является лидером, в начале учебного года регулярно посещает занятия, но при этом не проявляет инициативы на уроках, не выполняет домашнее задание, демонстрирует нулевые знания по предмету, становится изгоем для коллектива и как показывает практика, начинает прогуливать уроки, неделями не появляется в колледже. Работа с такими подростками происходит следующим образом:

- индивидуальное общение с родителями (оценка социальной и психологической обстановки в семье);

- индивидуальное общение с подростком (выяснение скрытых мотивов не посещать данное учебное заведение);

- составление индивидуального плана для подростка (составление графика исправления оценок совместно с преподавателями и включение в общественную студенческую жизнь).

Совместная работа педагога-психолога, социального педагога, преподавателей, а также помощь со стороны родителей, формируют единую команду. Главная задача команды: помочь подростку (учащемуся колледжа) поставить перед собой цель и прописать задачи для ее реализации, научить рационально использовать свое время. Для реализации это цели применяется упражнение «Рациональное использование времени» В.П. Пугачёва. Перед учащимся стоит задача выяснить, что мешает лучше использовать свое время, к каждому из высказываний написать не менее пяти окончаний: «1. У меня слишком мало времени, потому что... 2. У меня было бы больше времени, если бы... 3. Я расходую слишком много времени понапрасну, потому что... 4. Я слишком мало могу влиять на планирование своего времени, потому что...» [4. с. 42]. Данное упражнение помогает подросткам пересмотреть свое отношение ко времени, определиться со своими целями и желаниями, структурировать свои непосредственные дела, связанные с учебным процессом, поменять отношение к использованию Интернета.

Цель жизни современных подростков, согласно наблюдению Л.Б. Шнейдер, сводится к достижению материального благополучия любой ценой, «труд и учеба утратили общественную ценность и значимость, стали вносить прагматический характер – больше получать благ, привилегий и меньше работать, и учиться. Такая позиция подростков приобретает все более открытые и воинствующие формы, порождая новую волну потребительства, часто провоцирующую поведенческие девиации» [5. с. 4]. У учащихся колледжа, которые видят перед собой конструктивную цель (успешно закончить среднее профессиональное учебное заведение, определиться с местом будущей работы, с поступлением в высшее учебное заведение) формируется учебная и профессиональная мотивация, которая способствует становлению личностной и профессиональной идентичности.

Существуют различные определения девиантного (отклоняющегося поведения). Рассмотрим некоторые из них. Б.Г. Мещеряков и В.П. Зинченко определили девиантное поведение как: «действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию» [1, с. 122]. Б.Д. Карвасарский: «Отклоняющееся (девиантное- от позднелат. *deviatio* – отклонение) поведение – система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам... Девиантное поведение в виде делинквентных (от лат. *delinquens*) – противоправных и аутоагрессивных поступков может

быть как патологическим, обусловленным различными формами патологии личности и личностного реагирования, так и непатологическими, то есть психологическими» [2, с. 535]. Подростки не всегда отдают отчет о своих поступках в виду своего воспитания, специфики сформировавшихся ценностей, отсутствия положительного примера в семье. Учитывая психологические особенности таких подростков в рамках психологических занятий, стали проводиться тренинги по тайм-менеджменту, целеполаганию, самопрезентации, а также обсуждение карьерного пути. Учащиеся колледжа рисуют схематично свой карьерный путь, так как они его представляют. Задача преподавателя психологии и педагога-психолога скорректировать представление подростка о профессиональном пути. Подобные психологические занятия помогают сформировать профессиональную и личностную идентичность, пересмотреть свое отношение к своей будущей профессии. Занятия также направлены на развитие памяти, мышления и воображения, которые помогают успешно осваивать профильные дисциплины, решать ситуационные задачи, находить нестандартные решения и т. д. Каждая ситуация в группе требует индивидуального подхода.

Выводы. Особенности формирования психологической безопасности образовательной среды и профилактика девиантного поведения учащихся колледжа заключается в следующем: своевременное выявление неформального лидера, подключить в учебно-воспитательный процесс родителей, индивидуальные беседы для выявления скрытых мотивов, вызывающих дискомфорт у учащихся, включение в общественную студенческую жизнь. Можно полагать, что психологически безопасная образовательная среда будет способствовать не только профилактике девиантного поведения, но и становлению профессиональной и личностной идентичности студентов колледжа.

Аннотация. В статье рассматриваются принципы формирования психологической безопасности образовательной среды и способы профилактики девиантного поведения учащихся.

Ключевые слова: психологическая безопасность, образовательная среда колледжа, девиантное поведение, личностная идентичность, профессиональная идентичность.

Annotation. The article deals the principles formation of the psychological security of the educational environment and ways prevention deviant behavior of students.

Keywords: psychological safety, educational environment of college, deviant behavior, personality identity, professional identity.

Литература:

1. Большой психологический словарь/ Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П.Зинченко, – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
2. Клиническая психология: Учебник. 3-е изд. / под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб: Питер, 2007. – 960 с.
3. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / под. Ред. И.А. Баевой. – СПб.: Речь, 2006. – 288 с.
4. Руководство персоналом: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов / В.П. Пугачёв. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 316 с.
5. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М.: Академический проект, Трикта, 2005. – 366 с.
6. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.
7. Baeva I.A., Zinchenko U.V., Laptev V.V., (2016). Psychological resources of modern Russian adolescents' resilience to violence in the educational environment // Psychology in Russia: State of the Art, 9(3), 159-172. doi: 10.11621/pir.2016.0311.

**РАННЕЕ ВЫЯВЛЕНИЕ РИСКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Банников Геннадий Сергеевич,

кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник отделения клинической и
профилактической суицидологии Московского НИИ психиатрии –
Филиала ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр
психиатрии и наркологии имени В.П.Сербского» Минздрава России,
старший научный сотрудник Центра экстренной психологической помощи
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
г. Москва

Вихристюк Ольга Валентиновна,

кандидат психологических наук,
руководитель Центра экстренной психологической помощи
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
г. Москва

Постановка проблемы. Выявление неспецифических факторов риска суицидального и самоповреждающего поведения в общей популяции при помощи скрининговых процедур, является одним из базовых форматов первичной профилактики суицидального риска.

Целью статьи является представление данных, полученных в ходе применения поэтапной системы оценки риска суицидального поведения несовершеннолетних и молодежи.

Изложение основного материала исследования. В России, как и в других странах, превенция суицидального поведения обучающихся является командной работой специалистов образовательной организации – представителей администрации, социально-психологической службы, заместителей директора по воспитательной работе, по безопасности и пр. Вместе с тем, традиционно основная доля ответственности как за организацию такой работы, так и за ее результаты принадлежит школьной психологической службе (или педагогу-психологу). Основными видами работ в рамках профилактики для педагога-психолога образовательной организации являются информационная работа с учителями и родителями, проведение групповых занятий с обучающимися, диагностические мероприятия, направление обучающихся и их родителей в профильные медико-психологические организации и пр.

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются психологи образовательных организаций в профилактической работе – это ранее выявление обучающихся группы риска и выстраивание индивидуальной траектории психолого-педагогического и иного сопровождения (в зависимости от тяжести состояния и симптомов неблагополучия, наблюдаемых у обучающихся). Инструмент для подобного выявления должен отвечать нескольким характеристикам: помимо надежности, быть простым и быстрым в использовании, не содержать прямых вопросов о суициде, давать быстрый результат, позволяющий ранжировать большую выборку по степени экстренного вмешательства.

В 2013–2014 гг. Центром экстренной психологической помощи ФГБОУ ВО МГППУ разработан программный продукт (скрининг) с использованием ИКТ-технологий, направленный на выявление актуальных и потенциальных факторов суицидального риска у несовершеннолетних [6]. Организация обследования обучающихся и их дальнейшее психолого-социальное сопровождение проводится поэтапно: обучение специалистов образовательной организации; фронтальное тестирование обучающихся; индивидуальное обследование обучающихся группы риска; определение содержания психолого-педагогического сопровождения и необходимости помощи профильных специалистов

обучающимся группы риска, контроль результатов (методическое сопровождение, супервизия специалистов, динамическое наблюдение за обучающимися, получение обратной связи от профильных специалистов). В данной статье приводятся некоторые результаты скрининга – фронтального тестирования и индивидуального обследования обучающихся группы риска.

Цель скрининга – первичное выявление обучающихся с признаками актуальных и потенциальных факторов риска развития суицидального поведения.

Теоретико-методологическое основание скрининга: интерперсональная теория суицида [4], модель развития суицидального поведения у подростков [6], когнитивная модель суицидального поведения [10], теория социально-психологической дезадаптации А.Г. Амбрумовой [1].

Методики. Шкала безнадежности (Hopelessness Scale, А. Beck), шкала одиночества (UCLA версия 3, Д. Расселл 1993), опросник склонности к агрессии Басса-Перри (BPAQ, А. Н. Buss, М.Р. Perry), индекс хорошего самочувствия (WHO-5, Well-Being Index, ВОЗ), опросник личностных расстройств (PDQ-IV, три шкалы: нарциссическая, пограничная и негативистическая, Nyer, 1987), опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3/тест Олсона).

Результаты первого этапа. Скрининг в период 2013–2017 гг. прошли более 6000 обучающихся образовательных организаций города Москвы, Ленинградской области, Чукотской автономной области. Из них 3502 лиц женского пола и 2498 – мужского пола. Средний возраст составил 15,6 лет. Из общего числа обследованных к условной норме отнесено 3810 (63,5%) обучающихся; к предположительной группе риска по актуальным и потенциальным факторам 2190 (36,5%) опрошенных.

К актуальным факторам риска отнесены следующие показатели: негативные представления о своем прошлом, настоящем и будущем, переживания одиночества, своей ненужности, симптомы депрессии, склонность к неосознаваемой и плохо контролируемой агрессии.

Из группы риска (№ 2190) по результатам скрининга 339 (15,47%) опрошенных демонстрируют умеренную или тяжелую степень переживания безнадежности. У 523 (23,88%) респондентов выявлена высокая выраженность переживания одиночества (выше 34 баллов). По формальным критериям опросника «Индекс хорошего самочувствия» проявления депрессии наблюдаются у 908 (41,46%) опрошенных. Однако такой большой процент объясняется частыми жалобами на недосыпание, тревожность. Группа риска с жалобами на ангедонию и устойчивое снижение настроения составила 256 (11,7%). Тенденции к проявлениям физической агрессии отмечаются у 830 (37,89%) опрошенных, гневу — 854 (38,99%), враждебности – 918 (41,91%) респондентов. В связи с тем, что в настоящее время нормативные значения по данной методике разработаны только для взрослых респондентов, предполагается, что несовершеннолетние могут иметь более высокие показатели по опроснику Басса-Перри в силу низкого уровня дифференциации своих эмоций и стратегий совладания.

К потенциальным факторам риска отнесены признаки предварительно выделенных акцентуаций характера и сбалансированность/несбалансированность семейных отношений. Данные скрининга свидетельствуют о наличии у респондентов акцентуаций нарциссического типа – 745 (34,01%), эмоционально-неустойчивого типа – 788 (35,98%), негативистического – 766 (34,97%). Положительно ответили на вопрос о наличии фактов самоповреждающего поведения 711 (32,47%) респондентов. Несбалансированность (экстремальный уровень) семейной структуры отмечается у 16,0% опрошенных. Опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3/Тест Олсона) оценивал уровень семейной сплоченности. Экстремальные уровни обычно рассматриваются как проблематичные, ведущие к нарушениям функционирования семейной системы. Выявлены корреляции между экстремальным уровнем семейной дисфункции, пограничной структурой личности и безнадежностью.

В зависимости от сочетания проявлений потенциальных и актуальных факторов риска выделены четыре группы риска, существенно прогностически различающихся по степени тяжести психического состояния и необходимости экстренного вмешательства (интервенции):

1) группа несовершеннолетних с наличием эпизодов самоповреждающего поведения, а также с высокими показателями по параметрам «безнадежность», «одиночество», «депрессия» – 247 (12,51%) подростков;

2) группа несовершеннолетних без эпизодов самоповреждений, но с высокими показателями по параметрам «безнадежность», «одиночество», «депрессия» в сочетании с признаками акцентуаций характера – 578 (26,39%) подростков;

3) группа несовершеннолетних с сочетанием признаков агрессивности и акцентуаций характера – 627 (28,63%) подростков;

4) группа несовершеннолетних с эпизодами самоповреждающего поведения, и наличием признаков агрессивности и акцентуаций характера – 711 (32,47%) подростков.

Таким образом, основой для отнесения к 1-й и 2-й группе явилось наличие кризисного состояния, а основой для 3-й и 4-й группы - склонность к агрессии и/или возможные акцентуации характера.

Результаты второго этапа исследования. Для подтверждения данных скрининга с 225 подростками (в том числе в составе семьи) предварительной группы риска были проведены индивидуальные диагностические интервью. Интервью проводились совместно врачом-психиатром и клиническим психологом. Из 225 обследованных подростков четырех выделенных групп риска в 69,7% (157) были выявлены признаки психического неблагополучия. В зависимости от особенностей и тяжести психопатологических симптомов и их динамики выделены две подгруппы риска.

1-я подгруппа: 125 (79,6%) обучающихся характеризуются наличием отдельных составляющих кризисного состояния (неясное видение будущего, сложности в общении и поддержке, раздражительность, неявно сниженный фон настроения) на фоне длительных, как правило, с родителями, конфликтных ситуаций. При этом подростки данной группы в целом находились в компенсированном состоянии, включая тех, кто наблюдается у психолога или у психиатра. Клиническая картина характеризовалась субсиндромальными проявлениями депрессии: на первый план выходила эмоциональная нестабильность, сниженный фон настроения с преобладанием дисфории и обвинениями окружающих. Характерен низкий уровень интеграции эмоций. Причины декомпенсации: незаметные для других события, «косой взгляд», «холодные интонации» в голосе, особенно со стороны значимых людей, могли вызвать резкую смену настроения. Самоповреждающее поведение отмечалось в 50% случаев, и чаще всего имело демонстративный характер с целью привлечения внимания. Четыре подростка в связи с депрессивным состоянием посещали врача-психиатра и принимали поддерживающую терапию. На момент обследования актуальных суицидальных тенденций ни у кого из обследованных не выявлено. Поскольку основной проблемой развития начальных проявлений кризисных состояний являлись хронические конфликтные отношения с родителями, основной рекомендацией было направление на семейное консультирование в ППС-центры.

2-я подгруппа: 32 (20,4%) обучающихся, нуждающихся в консультации психиатра, в связи с наличием тревожно-депрессивного состояния (19 девушек, сред. возраст 15,4 года; 13 юношей, сред. возраст 16,2 года). У 15 подростков наблюдалось длительное, устойчивое (более 2 лет) снижение настроения. В клинической картине преобладала подавленность, переживание вины, своей ненужности, одиночества, безнадежности. В 75% наблюдались различные телесные сенсации, чаще чувство тяжести в области груди, алгии мигрирующего характера. О своих переживаниях родителям не рассказывали, считая это ненужным. Отражение негативных переживаний находило в социальных интернет-сетях в виде антивитальных высказываний, стихов, рисунков. Самоповреждающее поведение фиксировалось в 72% наблюдений – механизм депрессивный. Родители на консультациях

часто вели себя агрессивно, активно не соглашаясь с позицией консультанта, заявляя, что они сами со всем справятся.

У семи обследованных обучающихся (из 225 чел.) кризисное, тревожно-депрессивное состояние развилось на фоне психотравмирующей ситуации (чаще всего неразделенная любовь на фоне непонимания ситуации и состояния подростка со стороны родителей). В структуре депрессивного состояния на первый план выходила тревога, тесно связанная с переживаниями обиды, «оставленности», обвинениями окружающих в непонимании. Астенический компонент выявлялся в 80% случаев. Наблюдались элементы суженного сознания с деперсонализацией (45%). Самоповреждающее поведение – единичные случаи на высоте тревожного аффекта. В 25% присутствовали антивитальные переживания, пассивные суицидальные мысли. Родители данной группы подростков, как правило, были настроены на конструктивный разговор.

Шесть подростков (из 225 обследованных) жаловались на беспричинные колебания настроения длительностью в среднем от двух недель до месяца. Колебания настроения отмечались в 90% случаев больше года, а в 50% случаев депрессивные фазы стали более длительными, а состояние более тяжелым. На высоте депрессивных переживаний наблюдалась тревога с растерянностью, связанной с непониманием происходящего. Настроение устойчиво снижалось, выявлялась ангедония, когнитивно-мнестическое снижение, соответственно ухудшались результаты учебы. Отмечалось наличие самоповреждений импульсивного характера. Антивитальные переживания, пассивные суицидальные мысли, двое подростков жаловались на навязчивые мысли о смерти, связанные со страхом, что они могут с собой что-то сделать.

У четырех подростков (из 225 чел.) на фоне астено-депрессивного синдрома наблюдалась негативная симптоматика с преобладанием эмоциональной уплощенности, апатии, снижения мотивационного компонента в учебе. В поведении отмечалась замкнутость, необщительность, подозрительность. Увлечение носило часто вычурный характер: чтение комиксов со сценами смерти и насилия, фантазии о самоубийстве. Отмечалась низкая критичность к своему состоянию. Паттерн поведения преимущественно шизоидный.

Выводы. Скрининговая процедура выявления потенциальных и актуальных факторов риска позволяет определить очередность и приоритетность оказания медико-психологической помощи обучающимся группы риска. В первую очередь требуют внимания специалистов (школьной психологической службы, медицинских организаций) обучающиеся с риском самоповреждающего поведения и имеющие признаки кризисного состояния (безнадежность, одиночество, депрессия, агрессивность). В индивидуальных беседах с подростками из числа групп риска по кризисному состоянию в 70% случаев были выявлены признаки психического неблагополучия, из них 20% подростков нуждались в психиатрической помощи. Следовательно, крайне важно направлять усилия специалистов на раннюю диагностику психического неблагополучия для оказания своевременной помощи ребенку (в составе семьи), что позволит снизить частоту суицидальных эпизодов среди несовершеннолетних и молодежи.

Аннотация. Представлены результаты скрининга потенциальных и актуальных факторов риска суицидального поведения подростков. Выборку составили более 6000 несовершеннолетних в возрасте 13–18 лет. Обследование включало как тестирование (шкалы безнадежности, одиночества, опросник склонности к агрессии Басса-Перри, индекс хорошего самочувствия, опросник личностных расстройств, шкала FACES-3, так и индивидуальные консультации подростков группы риска).

Ключевые слова: суицидальное поведение, подросток, скрининг, профилактика суицидального поведения.

Annotation. The article presents the results of the screening of potential and actual risk factors of suicide behavior in adolescents. More than 6,000 minors aged between 13 and 18 were given scaled tests. Examples include scales of hopelessness, loneliness, Buss-Perry Aggression

questionnaire, well-being index, personality disorders questionnaire and FACES III scales. Afterwards, we were able to direct individual mental health counseling to those of highest risk.

Key words: Suicidal behavior, teenager, screening, prevention of suicidal behavior.

Литература:

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: метод. рекомендации. – М., 1980. 48 с.
2. Банников Г.С., Федунина Н.Ю., Павлова Т.С., Вихристюк О. В., Летова А. В., Баженова М.Д. Ведущие механизмы самоповреждающего поведения у подростков: по материалам мониторинга в образовательных организациях // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. Т. 24, № 3. – С. 42–68. DOI: 10.17759/cpp.2016240304.
3. Банников Г.С., Павлова Т.С., Вихристюк О. В. Скрининговая диагностика антивитаальных переживаний и склонности к импульсивному, аутоагрессивному поведению у подростков (предварительные результаты) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. Т. 6, № 1. – С. 127–146. DOI: 10.17759/psyedu.2014060116.
4. Банников Г.С., Павлова Т.С., Кошкин К. А., Летова А. В. Потенциальные и актуальные факторы риска развития суицидального поведения подростков (обзор литературы) // Суицидология. – 2015. № 4. – С. 21–32.
5. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии – СПб.: Питер, 2003. 304 с.
6. Методические рекомендации для педагогов-психологов образовательных организации по диагностике факторов риска развития кризисных состояний с суицидальными тенденциями у обучающихся 7–11 классов / под ред. О.В. Вихристюк. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017.
7. Прогноз и превенция самоповреждений и суицидов // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. Т. 25, № 3. С. 153–169. DOI: 10.17759/cpp.2017250311
8. Холмогорова А.Б., Воликова С.В. Основные итоги исследований факторов суицидального риска у подростков на основе психосоциальной многофакторной модели расстройств аффективного спектра [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. № 2. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer11.php (дата обращения: 09.03.2016).
9. Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г., Горошкова Д. А., Мельник А.М. Суицидальное поведение в студенческой популяции // Культурно-историческая психология. – 2009. № 3. – С. 101–110.
10. Joiner T. E. Why people die by suicide. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. P. 64.
11. Bridge J. A., Goldstein T.R., Brent D.A. Adolescent suicide and suicidal behavior // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2006. No. 47:3/4. P. 372–394.

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФИЛАКТИКЕ
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ**

Беганцова Ирина Серафимовна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал, г.Арзамас

Калинина Татьяна Валентиновна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и практической психологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал, г.Арзамас

Постановка проблемы. Современная ситуация развития России вызывает неоднозначные оценки, но, несомненно, одно, при том, что в стране появляются новые возможности и формы социального развития, имеется достаточное количество нерешенных проблем. Проблема отклоняющегося поведения среди подрастающего поколения в разных вариантах ее выраженности вызывает неизменный интерес современных исследователей и широко представлена в работах С.И. Беличевой, Т.А. Донских, Е.В. Змановской, Ю.А. Клейберга, Г. Сайка, Д. Матза и др., в работах которых отмечено, что современных подростков отличает высокий уровень тревожности, агрессивности, жестокости, искаженность ценностных ориентаций и духовная опустошенность [2]. При этом речь идет не только о детях, воспитывающихся в социально неблагополучных семьях, но семьях, вполне подходящих под социально приемлемый стандарт. Общество не всегда использует то многообразие видов деятельности, которые могут удовлетворить самые разные интересы, склонности и потребности ребёнка.

Идеи гуманистической психологии и педагогики, сформулированные в лично ориентированном подходе к пониманию развития личности человека; идеи деятельностной теории развития человека; теории возможностей и потребностей, а также теоретические основы метода проектов дают возможность, с учетом особенностей современной российской действительности, рассматривать проектную деятельность как технологию профилактики девиантного поведения среди подрастающего поколения.

Целью статьи является теоретическое обоснование и практическое описание возможностей проектной деятельности в профилактике девиантного поведения детей и молодежи.

Изложение основного материала исследования: Проектная технология сама по себе является средством первичной профилактики девиантного поведения подростков и молодежи. Особенно это касается деятельности, организованной самими детьми.

Нравственный кризис в обществе ведет к росту деструктивных тенденций развития личности. Подрастающее поколение не может найти позитивный смысл собственной жизни из-за отсутствия культуры мировоззренческой рефлексии. Ценностный вакуум во многом объясняет различные социальные патологии. Уровень самоубийств, связанных в т.ч. с особенностями общения в виртуальном пространстве (кибербуллинг и пр.), как следствие социального неблагополучия служит одним из индикаторов социального и духовного состояния общества. Около 80% подростков в России выходят в Интернет бесконтрольно, через компьютеры в своих комнатах или мобильные телефоны и большую часть времени они проводят в виртуальном общении в социальных сетях. Духовное нездоровье общества, рост настроений разочарования, нигилизма, неверия в свое будущее ведут к утрате смысла жизни,

суицидальному поведению. Церковь постоянно говорит о духовной, нравственной безопасности, причем не только в Интернете, но и во всех сферах современной жизни. Целенаправленная работа по профилактике социально-опасного поведения в виртуальном пространстве связана с формированием у подростков устойчивости к интернет-угрозам, что возможно лишь в условиях благополучной окружающей среды. Включенность подростков в воспитательную среду, основанную на традиционных православных ценностях, на осведомленности об интернет-опасностях и угрозах, об интернет-безопасности, будет способствовать формированию гражданственности, духовности, ответственности за свою жизнь.

В рамках деятельности ОО «Педагогическое общество г. Арзамас» и фонда Преподобного Серафима Саровского реализуется проект «Интернет-рискам – СТОП. ВЫХОД ЕСТЬ!». Реализация проекта обеспечит взаимодействие светских и духовных учреждений в решении проблем профилактики социально-опасных ситуаций, связанных с интернет - рисками, среди подростков и молодежи, воспитание у них понимания ценности жизни; привлечение внимания общественности к повышению духовной культуры подрастающего поколения. Реализация проекта позволит не только подготовить специалистов для работы с подростками и их семьями по профилактике социально-опасного поведения в виртуальном пространстве, но обеспечит реализацию программы работы с детьми «групп риска»; через проведение цикла православных просветительских бесед по воспитанию устойчивости подростков к интернет-рискам.

Целенаправленная работа по профилактике социально-опасного поведения в виртуальном пространстве связана с формированием у подростков устойчивости к интернет-угрозам, что возможно лишь в условиях благополучной окружающей среды. Включенность подростков в воспитательную среду, основанную на традиционных православных ценностях, на осведомленности об интернет-опасностях и угрозах, об интернет-безопасности, будет способствовать формированию гражданственности, духовности, ответственности за свою жизнь.

В рамках реализации проекта проводятся тематические мероприятия, охватывающие различные возрастные группы учащихся школ участников проекта. В процессе работы осуществляется не только просвещение родителей, детей и молодежи; но создается информационное психологическое пространство, позволяющее любому родителю свободно, добровольно, осознанно и целенаправленно формировать, и корректировать свою родительскую позицию, развивать и совершенствовать компетенции в сфере воспитания детей с учетом эффективного использования интернет ресурсов. Следует отметить особую ценность данного проекта, заключающуюся в том, что проектные мероприятия организуют и реализуют сами дети и молодежь при поддержке студентов-волонтеров и сотрудников образовательных учреждений – участников проекта. В результате чего происходит максимальное раскрытие творческих возможностей детей и несовершеннолетних, что позволяет в процессе реальной деятельности корректировать негативные поведенческие проявления личности и ее морально-нравственную сферу в целом, в связи с чем, погруженность в процесс социально позитивной активности позволяет человеку приобрести личностно значимый положительный социальный опыт. В ходе реализации проекта подросткам и молодежи оказывается помощь в овладении навыками эффективного использования интернет ресурсов, что способствует профилактике социально опасного поведения, снижению количество учащихся, стоящих на внутришкольном учете и в комиссии по делам несовершеннолетних, в целом снижается количество детей «группы риска».

В рамках реализации проекта решаются задачи, связанные с организацией не только православного просвещения детей и подростков, находящихся в социально-опасной ситуации, обучающихся в образовательных учреждениях г. Арзамаса и их родителей в ходе духовно-просветительской и культурно-досуговой деятельности, но и задачи направленные на создание оптимальных условий, необходимых для воспитания духовной, психологически

здоровой личности, стремящейся найти позитивный смысл собственной жизни, осознающей ее ценность, обладающей потребностью в самосохранении, владеющей способами саморегуляции своих действий и поступков.

Организация Молодежного форума и конференции, по итогам реализации проекта, направленных на продвижение идеи ценности жизни, выбор модели безопасного поведения в виртуальном пространстве даст возможность не только распространить позитивный опыт проектной деятельности в профилактике девиантного поведения детей и молодежи, но позволит представителям образовательных учреждений, а точнее самим учащимся представить свои проекты и опыт их реализации в рамках конкретного образовательного учреждения с представлением реальных результатов.

Выводы. Актуальность проблемы потенциальных возможностей использования проектной деятельности в процессе профилактики девиантного поведения детей и молодежи заключается в том, что она способствует развитию социально позитивного опыта детей и молодежи «группы риска», в частности через взаимодействие светских и духовных учреждений и организаций, в решении проблемы профилактики социально-опасного поведения, связанного с интернет-рисками, среди подростков и молодежи через организацию экскурсий духовно-культурного и православно-просветительского характера; бесед и «устных журналов» с детьми и подростками, обучающимися в общеобразовательных учреждениях и их семьями, профилактической и православно-просветительской направленности и других видов деятельности.

Аннотация. В статье рассматривается проблема, связанная с возможностями использования проектной деятельности в профилактике девиантного поведения детей и молодежи, и описывается конкретный опыт реализации проекта «Интернет-рискам – СТОП. ВЫХОД ЕСТЬ!» в рамках деятельности ОО «Педагогическое общество г. Арзамас» и фонда Преподобного Серафима Саровского.

Ключевые слова: проектная деятельность, профилактика, девиантное поведение детей и молодежи.

Annotation. The article discusses the problem associated with the possibilities of using project activities in the prevention of deviant behavior of children and youth and describes the specific experience of the project “Internet Risk - STOP. THERE IS AN EXIT! ”Within the framework of the activity of the “ Pedagogical Society of Arzamas ”and the foundation of the Monk Seraphim of Sarov.

Keywords: project activities, prevention, deviant behavior of children and youth.

Литература:

1. Беганцова И.С. Проблема формирования интернет-зависимости у детей подросткового возраста / И.С. Беганцова, В.С. Маслова /Теория и практика психолого-социальной работы в современном обществе материалы международной заочной научно-практической конференции. Под редакцией Т.Т. Щелиной, Ю.Е. Болотина. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. – С. 255-260.
2. Калинина Т.В. Профилактика девиантного поведения подростков / Т.В.Калинина / Феноменология и профилактика девиантного поведения: Материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции: В 2 т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. – Т. 2. – С. 61-64.

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Беленцов Сергей Иванович,

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и профессионального образования
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск

Постановка проблемы. Обращение к проблеме преодоления негативного поведения подрастающего поколения связывает нас с работами А.М. Новикова, М.И. Рожкова, Л.Н. Петрановской, нашими работами, в которых рассматриваются различные положительные способы, принципы, инструменты ее решения. В данных тезисах мы кратко еще раз определим важнейшие из них.

Целью статьи является характеристика важнейших способов профилактики девиантного поведения подростков в современных условиях.

Изложение основного материала исследования.

По мнению М. И. Рожкова и коллектива авторов, в настоящее время актуальной становится реализация *социальной адекватности воспитания*, подразумевающей соответствие содержания и средств воспитания социальной ситуации. Ее применение возможно только на основе учета разнообразного влияния социальной среды. Основными условиями успешности данного инструмента являются:

- ориентация воспитательного процесса на возможности социума;
- коррекция воспринимаемой обучающимися разнообразной информации, в том числе и от СМИ;
- координация взаимодействия социальных институтов, оказывающих влияние на личность обучающихся [2, с. 240].

М.И. Рожков, А.М. Новиков указывают на реализацию *принципа социального закаливания*, под которым они понимают включение обучающихся в ситуации, требующие волевого усилия для преодоления негативного воздействия социума, овладения определенными положительными способами его форсирования, адекватными индивидуальным особенностям человека, формирования социального иммунитета, стрессоустойчивости, рефлексивной позиции [2, с. 246].

В процессе воспитания педагоги, как правило, заботятся об успешности обучающихся, стремятся к удовлетворению их социального статуса, профессиональной деятельности, собственной реализации в системе социальных отношений. Решение данных задач осуществляется, начиная с педагогической опеки, базирующейся на авторитарном стиле воздействия, до полного отстранения от регулирования отношений обучающегося с социумом [1].

На этой основе возникает так называемый *комфорт отношений*, приводящий к невозможности приспособления к более сложным отношениям, менее благоприятным для молодого человека. При этом некоторые из них воспринимаются им как должные, типичные, обязательные. Формируется *социальное ожидание благоприятных отношений как нормы*. Однако в обществе, в системе социальных отношений существуют или в равном количестве, или даже в преобладании неблагоприятные факторы, воздействующие на человека (например, юноши могут попасть под влияние неформальной радикальной группы, не зная, как сопротивляться ее влияниям) [2, с. 247].

А.М. Новиков говорил о том, что в работах Махатмы Ганди встречается термин *«социальные прививки»* как постепенное познание обучающимися отрицательных сторон жизни общества и выработка своеобразного иммунитета на негативные явления. Они предполагают:

- познание физического страдания;

- духовной опустошенности;
- преодоление болезни, страха;
- непротивление злу насилием.

В результате актуализируются условия реализации принципа социального закаливания:

- включение молодых людей в решение различных проблем социальных отношений в реальных и имитируемых ситуациях (*социальные пробы*);
- диагностирование волевой готовности к системе социальных отношений;
- стимулирование самопознания молодыми людьми в различных социальных ситуациях, определение своей позиции и способа адекватного поведения;
- оказание помощи обучающимся в анализе проблем социальных отношений и вариативном проектировании своего поведения в сложных жизненных ситуациях [2, с. 247].

В настоящее время при проявлении негативных явлений несовершеннолетними достаточно значима роль *эффекта Вертера* – массовой волны подражающих самоубийств, которые совершаются, как правило, после него, широко освещенного телевидением или другими СМИ либо описанного в популярном произведении литературы или кинематографа [6].

С.Н. Ениколопов, заведующий отделом медицинской психологии научного центра психического здоровья РАМН, утверждает, что в школах всего мира (Россия не является исключением) есть категория обиженных обучающихся. Объективно или субъективно обиженных – на соучеников, учителей. Это не менялось никогда. Конфликты в школе были и раньше. Но в настоящее время эти конфликты становятся достоянием массовой информации. Это является важным общественным явлением (и «ивантеевский стрелок», и нападавшие в Перми были посетителями сайтов, где обсуждались нападения). Есть люди, у которых бытует мнение, что их обижают. Есть подсказка, как решить проблему. И есть СМИ, которые сообщают об этом [5].

Эффект Вертера выявлен в 1974-1975 гг. американцем Дэвидом Филипсом (США, Калифорнийский университет в Сан-Диего), который исследовал волну подражающих самоубийств, прокатившуюся по всей Европе в конце XVIII века и спровоцированную распространением романа Гете «Страдания юного Вертера» (отсюда и произошло название феномена).

Также Дэвид Филипс и Линди Карстенсен (1986) изучали существование такой взаимосвязи на протяжении 7 лет (1973-1979), взяв данные о 12 585 самоубийствах подростков и проследив их связь с телерепортажами о самоубийстве в новостях и статьями первых полос газет. Они обнаружили, что число самоубийств значительно возрастало по прошествии 0-7 дней после такой истории в новостях. Это увеличение коррелировало ($r = 0,52$) с количеством программ, передававших данную информацию. Такая корреляция имела значение только для подростков, а не для самоубийств взрослых людей, и была гораздо сильнее для девочек, чем для мальчиков [6].

Наконец, изучив статистические данные о самоубийствах в Соединенных Штатах Америки с 1947 по 1968 год, Филипс обнаружил, что в течение двух месяцев после каждой громкой публикации о самоубийстве в среднем суициды совершало на 58 человек больше, чем обычно. Филипс отметил сходство между ситуацией первого ставшего знаменитым самоубийцы и ситуациями тех, кто покончил с собой вслед за ним (если самоубийца был в возрасте, возрастали самоубийства среди пожилых людей; если принадлежал к определенному социальному кругу или профессии, то учащались самоубийства в этих сферах), а также сходство между первым и последующими способами сведения счетов с жизнью. Реакция имитации суицида свойственна и неуверенным в себе, привыкшим во многом брать пример с других людей, особенно если их жизненная ситуация напоминает жизненную ситуацию человека, наложившего на себя руки. Отчаявшись, не видя иного решения своей проблемы, они нередко воспринимают известие о чем-то самоубийстве как

своеобразную подсказку и принимаются копировать действия тех, кто во многом на них похож [6].

Психолог Е. Идзиковский считает, что существование эффекта Вертера научно доказано, когда после громкого самоубийства идет волна подражательных самоубийств. Здесь действует тот же принцип [4]. По его мнению, лучше всего просто не писать о подобных нападениях – это самый эффективный фактор. Именно поэтому на освещение самоубийств наложено столько ограничений [4]. Кроме того, доказано, что подростки воспринимают мир по-другому. До определенного возраста они хуже ощущают эмпатию. Не могут себя поставить на место другого, ощутить те же эмоции и переживания. Они не ощущают сдерживающих факторов.

В современных условиях общество столкнулось с беспрецедентными возможностями информационного, пропагандистского воздействия на людей. Это новая проблема для каждого, и очевидно, что детей к этому надо готовить и учить распознавать *манипуляции* [8]. Психолог Л.Н. Петрановская в своих работах говорит о том, что, «вспоминая различные истории про клубы самоубийств – от «Принца Флоризеля» до акунинской «Любовницы смерти», можно сделать вывод о том, что за ними стоит или неустроенный в жизни психопат, который таким образом тешит свою власть, или мошенник, который это монетизирует. Никаких других вариантов нет. Это то, что нужно доводить до детей» [18].

Участвуя в различных асоциальных группах в сети Интернет, дети отстаивают свою субъектность, свои права. «Вы считаете, что мы не имеем права распоряжаться своей жизнью? Нет, мы имеем! Вы считаете, что мы должны бояться? Нет, мы не будем бояться!» [3]. Противоядием могут быть только подобные слова: «Посмотри, тебя же обманывают! Тобой манипулируют, как марионеткой. И главное – кто? Не «черный князь тьмы», а мошенник, которые делает деньги на твоей смерти. Либо человек с психическими отклонениями, который не успешен в жизни. Он получает удовольствие от того, что управляет чужими жизнями. Нет никакой философии, нет никакого «сатаны», нет никакого культа смерти – ничего этого нет». Характерный пример – когда история с «синими китами» началась в украинской части Интернета, там отреагировали «*стебом*» (молодежный сленг). Это способ, который детям понятен. Делали это такие же подростки: они «обстёбывали» «кураторов», снимая эту магию [3].

Необходимо формировать *критическое мышление* у подростков и не огорчаться, если ребенок чего-то не хочет, отказывается что-то делать. Пусть он тренируется на родителях сопротивляться и не слушаться. Л.Н. Петрановская твердо уверена, что «если вы думаете, что можете контролировать ребенка в Интернете – запрещать ему что-то или читать его переписку, не обольщайтесь. Вы уверены, что он не завел два аккаунта и не пишет в одном то, что читаете вы, а в другом – то, что он хочет? Вы уверены, что он не завел аккаунт с телефона приятеля, а вы об этом даже не знаете и искренне уверены, что вашего ребенка в соцсетях нет?» [3]. «Проверки взрослых, по ее мнению, не гарантируют ничего. Хотя есть ситуации, когда ребенок с суицидальными мыслями, с серьезными намерениями «случайно» забывает закрыть свой аккаунт, «случайно» оставляет дневник на столе. Он дает сигналы, знаки – просьбы о помощи. Потому что, если он находится в депрессивном, подавленном состоянии, для него попросить о помощи – невозможно» [3].

Почему одни дети поддаются различным манипуляциям, а другие нет? Во-первых, большое значение имеет сформированность личных качеств подростков. Как считают педагоги, большая или меньшая впечатлительность, подверженность тревожным расстройствам, депрессивным состояниям – это, скорее, свойства нервной системы и в меньшей степени зависят от воспитания. Другое дело, когда у ребенка все благополучно в отношениях с родителями, и единственная причина трагедии находится в воздействии каких-то групп – это редкие, единичные истории. В большинстве случаев это совокупность факторов: и с родителями не очень хорошие отношения, и в школе все не очень гладко, и свои какие-то внутренние проблемы, а родители годами не замечают, что ребенку плохо. Достаточно большой процент подростков живет в твердой уверенности, что родителям они

не нужны, что родители в них разочарованы, что родители предпочли бы, чтобы их не было. На самом деле родители их любят, конечно, но подростки абсолютно искренне считают, что для мамы и папы они – типичное «не то». Необходимо, чтобы дети слышали от родителей: «Да, можно поссориться из-за того, что не вынес мусор, но это не значит, что ты плохой и тебя не любят». Когда подросток просит денег, а родители раздраженно реагируют, у него складывается представление, что от него одни проблемы, что вечно ему что-то нужно, что он родителям осложняет жизнь и без него будет только лучше. Не нужно будет переживать из-за вызовов в школу и деньги на новый телефон тратить. Хотя нельзя думать, что если ты сказал ребенку: «Я тебя люблю», то с ним совершенно точно ничего плохого не случится. Это не гарантия, но, безусловно, дополнительная страховка [3].

Выводы. Поддержание социального благополучия подрастающего поколения требует от каждого человека актуализации своих положительных личностных качеств (и прежде всего таких, как активность и ответственность), а от общества – пересмотра сложившихся приоритетов и традиций в сфере воспитания и образования, труда и отдыха. Не допустить скатывания наших детей к бездуховности в ее извращенных формах, радикализму – это главная задача российского общества, от успешного решения которой зависит наше общее будущее.

Аннотация. Рассматриваются важные способы преодоления негативного поведения подрастающего поколения в настоящее время.

Ключевые слова: преодоление негативного поведения, подрастающее поколение, воспитание, обучение.

Annotation. Important ways to overcome the negative behavior of the younger generation are considered.

Key words: overcoming negative behavior, the younger generation, education, training.

Литература:

1. Зузуля И.В. Социальное здоровье молодежи как фактор успешной социализации // Социализация молодежи Юга России в XXI веке [Текст] / И. В. Зузуля. – Ростов-на-Дону, 2007.
2. Профессиональная педагогика: учебник для студентов, обучающихся по педагогическим специальностям и направлениям [Электронный ресурс] / под ред. С. Я. Батышева, А. М. Новикова. Издание 3-е, переработанное. – М.: Из-во ЭГВЕС, 2009. – URL: https://www.anovikov.ru/books/prof_ped.pdf (дата обращения: 08.03.2018).
3. Сознательно.Ру. Колонка Л. Петрановской [Электронный ресурс]. – URL: <https://soznatelno.ru/avtorskie-kolonki/lyudmila-petranovskaya> (дата обращения: 08.03.2018).
4. Сайт Е. Идзиковского [Электронный ресурс]. – URL: <http://idzikovsky.ru> (дата обращения: 08.03.2018).
5. Ениколопов С. Н. Понятие агрессии в современной психологии [Текст] / С.Н. Ениколопов // Прикладная психология. – 2001. – No 1. – С. 60-72.
6. Schmidtke A. Häfner H. The Werther Effect After Television Films: New Evidence for an Old Hypothesis // Psychological medicine. – 1988. – Vol. 18. – P. 665-676.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ СРЕДСТВАМИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

Бережнова Мария Александровна,
педагог-психолог
МБУ «Молодежный центр» г. Владимир
Куликов Сергей Александрович,
социальный педагог
МБУ «Молодежный центр» г. Владимир

Постановка проблемы. В современной семье супружеские, родительские и другие социально-важные роли с поразительной быстротой претерпевают большие изменения, наполняясь новым содержанием, что актуализирует исследовательский интерес к их изучению [1, с.6].

У многих молодых людей «складываются противоречивые представления о семье и семейной жизни, об отношениях между супругами. В настоящее время у многих семейных пар часто отмечается искажение образа супруга и семьи в целом, в результате чего формируются «семейные мифы», которые отрицательным образом сказываются на характере супружеских взаимодействий и жизнедеятельности семьи.

Молодые люди в браке сталкиваются с различиями представлений о распределении внутрисемейных ролей, функций в семье каждого из супругов, которое часто ведет к разрыву отношений и распаду семьи. Будущие супруги, как правило, опираются на модели поведения родительской семьи, формирование позиции лидера типично и для мальчиков, и для девочек. Отсюда зачастую партнеры сталкиваются с невозможностью идти на компромисс, уступать в решениях, отдавая первенство супругу.

В связи с этим, гендерные отношения имеют ряд изменений на различных уровнях жизни человека в обществе и в семье, что приводит к необходимости исследования распределения семейных ролей в современной семье [4, с.49].

По мнению И.С Кона главным субъектом перемен являются женщины, социальное положение, деятельность и психика которых изменяются сейчас значительно быстрее и радикальнее, чем мужская [2, с.26].

По мнению Е.И. Николаевой «семья – живой и крайне изменчивый организм. Несмотря на внешне кажущуюся фундаментальность и незыблемость, даже в течение жизни одного поколения можно видеть происходящие внутри нее трансформации. Все меньше семей живет группами из нескольких поколений, все больше возникает смешанных семей, в которых родители вступают не в первый брак, а дети имеют родителей, живущих в других семьях» [3, с.124].

Целью статьи является исследование условий формирования межличностных отношений между юношами и девушками средствами социально-психологического тренинга

Изложение основного материала исследования. Теоретический анализ литературных источников по проблеме формирования межличностных отношений в юношеском возрасте показывает, что межличностные отношения между юношами и девушками адекватно формируются в процессе активного взаимодействия, в ролевой игре, в выполнении различных упражнений на интерактивное взаимодействие. Эти условия наиболее удачно представлены в рамках социально-психологического тренинга.

Получение информации об исследуемой группе проводилось в условиях анкетирования, применялась авторская анкета. Анализ выявленных позиций респондентов представлен ниже.

Возраст участников анкетирования.

В исследовании принимали участие старшие подростки и юноши. Большую часть опрошенных (56%) составляют респонденты 15-16 лет. Возраст участников исследуемой

группы обусловлен тем, что программа реализуется предпочтительно среди учащихся первых курсов средних специальных учебных заведений учебных заведений.

Пол участников анкетирования.

В анкетировании приняли участие 57 юношей и 74 девушки

Рисунок 1 Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто в вашей семье будет принимать основные решения?»

опрощенных. Достаточно часто такой ответ мотивируется наличием подобного типа отношений в родительской семье респондентов, а также тем, что мужчина несет ответственность за семью в целом, соответственно и решения должны приниматься им. По мнению 48% участников принятие решений должно происходить совместно обоими партнерами, наиболее частым аргументом в пользу такой позиции является необходимость учета мнений и интересов всех членов семьи для наиболее удовлетворяющих отношений между ними.

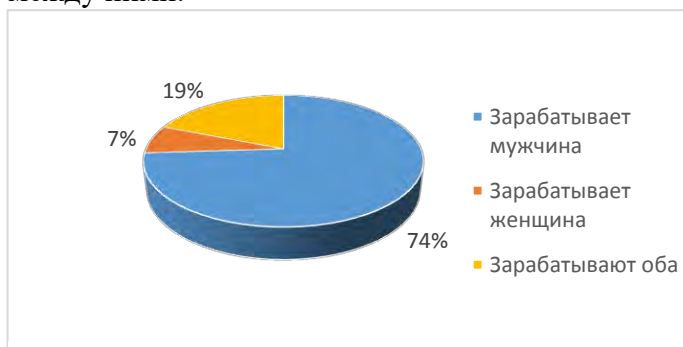

Рисунок 2 Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто в вашей будущей семье должен больше зарабатывать?».

проявляется инфантилизация молодежи. Представители каждого пола зачастую возлагают ответственность за финансовое обеспечение на представителей противоположного пола.

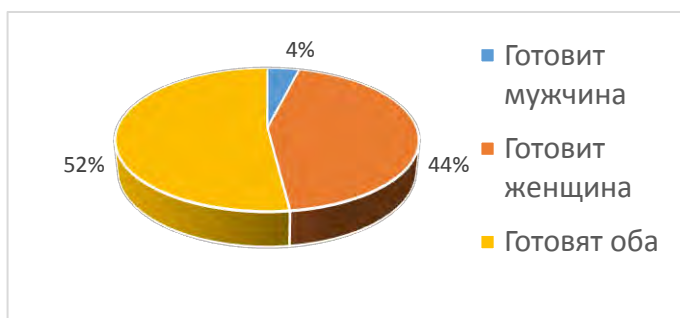

Рисунок 3 Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто в вашей семье будет готовить?».

достаточно часто прослеживалась идея о ведущей роли женщины в данной сфере и о роли мужчины как помощника.

Один из вопросов анкеты был направлен на выявление представлений молодежи о том, кто будет принимать решения в их будущей семье. Следует сказать о том, что представления респондентов разделяются на две практически равные группы, одну из которых можно охарактеризовать как представителей эгалитарной концепции семьи, а другую – как сторонников

традиционной патриархальной модели. Принятием основных решений будет заниматься мужчина согласно представлениям 46%

Большая часть респондентов (74%) ожидают, что в их будущей семье больше будет зарабатывать мужчина. Мнение данной группы отражает роль мужчины как добытчика, человека ответственного за материальное благосостояние семьи. Чаще всего юноши и девушки объясняют выбранную ими позицию тем, что «так изначально сложилось»,

Следует отметить, что при обсуждении ответов на данный вопрос

Современные условия жизни предполагают трудовую занятость обоих партнеров, что обуславливает ограниченное время у каждого из них для решения вопросов ведения домашнего хозяйства. Сложившаяся ситуация предполагает совместное решение данных проблем. Также респонденты часто говорили о важности разделения

хозяйственно-бытовых вопросов для благополучия отношений между мужчиной и женщиной. В то же время

Также, молодые люди указывали на возможные различия в гастрономических предпочтениях супругов и как следствие говорили о независимости в решении данного вопроса.

Исходя из вышеописанных размышлений 52% респондентов ответили, что в семье должны готовить оба супруга.

Сторонники традиционных взглядов на распределение ролей в семье поддерживают идею о том, что заниматься решением хозяйственно-бытовых вопросов, в том числе готовить, должна женщина (44%). И всего 4% респондентов отметили, что готовить должен мужчина.

Как и с ответом на первый вопрос о распределении лидерских позиций в семье, в вопросе об организации досуга наиболее популярной стала позиция, в которой во внимание принимаются мнения и интересы обоих партнеров. Решая вопрос об организации досуга, 60% участников исследования считают, что оба партнера вместе должны придумывать идеи для семейного досуга и принимать решение чем его заполнить. Третья часть опрошенных (32%) передают роль организатора досуга женщине, указывая на высокое значение эмоциональной удовлетворенности для девушек. Также среди опрошенных 12% считают, что формы проведения свободного времени будет определять мужчина.

Рисунок 4 Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто будет придумывать идеи для вашего семейного досуга?»

Представления респондентов о характере труда супруга распределились в следующем соотношении: 46% считают, что трудовая

Рисунок 5 Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой характер должна носить трудовая деятельность партнера?»

деятельность должна носить интеллектуальный характер. Отметим, что, выбирая данный вариант, студенты аргументировали его тем, что в профессиях умственного труда необходимость постоянного развития и личностного роста человека выше, что в свою очередь интуитивно ощущается респондентами как фактор, положительно влияющий на сохранение отношений и интереса партнеров друг к другу.

Студенты, выбравшие физический труд (38%) как вид трудовой деятельности будущего возлюбленного отмечали, что со временем подразумевается карьерный рост и, таким образом, возможна трансформация вида деятельности из физического труда в умственный, например, переход на руководящую должность.

Рисунок 6 Распределение ответов респондентов на вопрос «Что для вас важно при выборе партнера?»

Один из вопросов анкеты ставил перед участниками анкетирования непростую задачу: им необходимо было сделать выбор между внешними данными будущего партнера и его интеллектуальным развитием. Большая часть опрошенных (60%) в качестве наиболее важного для них критерия выбрала наличие высокого уровня интеллектуального развития у будущего супруга. Комментируя

свой выбор, респонденты говорили о том, что это будет способствовать качественному общению между супругами. Одна четвертая часть респондентов в своем партнере хотят видеть присутствие одновременно и внешних данных, и развитого интеллекта. Для 18% опрошенных наиболее важна внешность партнера.

Обобщая представленные анкетные данные, можно утверждать, что принятием основных решений будет заниматься либо мужчина, либо оба партнера вместе, при этом доход семьи по мнению двух третей респондентов формирует мужчина. Поровну между мужчиной и женщиной в представлениях современной молодежи разделяются обязанности по приготовлению пищи, и организации семейного досуга.

Реализация программы тренинговых занятий по формированию межличностных отношений осуществлялась в группе студентов первого курса в количестве 27 человек, из них 12 юношей 15 девушек. Занятия проводились с периодичностью один раз в три недели. Продолжительность одного занятия составляла 1,5 часа. Встречи имели единую структуру: нескольких небольших упражнений, информационный блок, игровые и ролевые упражнения и рефлексия. Программа тренинга включает в себя следующие занятия: занятие 1 «От унисекса к мужественности и женственности»; занятие 2 «Женско-мужские отношения»; занятие 3 «Два полюса, два материка» занятие с элементами тренинга, I часть; занятие 4 «Два полюса, два материка» занятие с элементами тренинга, II часть; занятие 5 Тренинговое занятие «Любовь - восьмое чудо света»; занятие 6 «Волшебство отношений: преодоление конфликтов».

Представляется ценной обратная связь, полученная в процессе тренинга. Прежде всего, участники тренинга часто говорили о наличии у них потребности в обсуждении темы отношений мужчин и женщин, и одновременно невозможности реализовать эту потребность вне условий тренинга. Они заявляли о значимости для них проводимой работы. При анализе обратной связи можно выделить две важные категории для участников: с одной стороны, это наличие возможности открытого управляемого обсуждения отношений между мужчинами и женщинами в разнополой группе, а с другой, - получение достоверной информации о гендерных различиях. Значительное количество участников отмечали важность рассмотрения разницы представлений о семейных ролях мужчин и женщин в семье на конкретных примерах.

Одно из упражнений тренинга («Претензии к противоположному полу») было направлено на выявление представлений об идеальном партнере и неприемлемых в нем качествах. Участникам сначала в индивидуальном порядке, а затем объединившись в команды, необходимо было составить список привлекающих и отталкивающих в партнере качеств. По многим вопросам возникали споры о различиях в представлениях юношей и девушек. По итогам второго дня группа пришла к выводу о наличии идеалистических представлений о партнере. В связи с этим возникает необходимость определения черт, с которыми человек может соглашаться или нет при выборе партнера и данный набор качеств уникален для каждого.

Также в ходе тренинга использовалось модифицированное упражнение Джеффа: участникам предлагалось перейти к одной из надписей, размещенных по тренинговому залу и отражающих вариант ответа на поставленный ведущими вопрос. Вопросы касались распределения ролей в будущей семье. В ходе данного упражнения участники получили возможность увидеть многообразие представлений по данному вопросу. Участники пришли к выводу о том, что причинами возникающих разногласий могут являться как семейные стереотипы, так и протестная позиция по отношению к ним.

Выводы. Изначальное отношение участников программы к тренингу было неоднозначным. Девушки активно работали в тренинге при том, что юноши выражали определенную настороженность. В процессе реализации программы мотивация студентов выросла, все они включились в общую работу группы, стали чувствовать себя более раскованно. По самоотчетам участников, их представления о распределении семейных ролей стали детализированными и осмысленными, молодые люди смогли увидеть широкое

разнообразии позиций других в распределении ролей. В своих высказываниях участники говорили о том, что проводимые упражнения помогли увидеть ранее допущенные ошибки в существующих на данный момент отношениях. Студенты осознали наличие собственных ожиданий в области мужских и женских ролей в отношениях и пришли к выводу о значимости их прояснения с партнером.

Аннотация. В статье рассматриваются представления юношей и девушек о распределении семейных ролей. У значительной части респондентов нет четких представлений о семейных ролях мужчины и женщины. Показана эффективность социально-психологического тренинга по формированию широкого репертуара различных семейных ролей у юношей и девушек.

Ключевые слова: семейные роли, межличностные отношения, социально-психологический тренинг, партнерские отношения.

Annotation.

The article discusses young men's and women's views on family roles distribution. A significant part of the respondents doesn't have clear ideas about family roles of a man and a woman. The article proves the psychological training effectiveness regarding formation of a wide family roles repertoire among adolescents

Keywords: family roles, partner, interpersonal relationships, training, partner relations.

Литература:

1. Васильева О.С., Хомякова Ю.Ю. Исследование представлений современной молодежи об альтернативных формах брака. [Электронный ресурс] Северо-Кавказский психологический вестник № 13/2 2015 г. Режим доступа: <http://skpv.sfedu.ru/index.php/skpv/article/view/97>. (Дата обращения: 24 июня 2019).

2. Кон И.С. Человеческая сексуальность на рубеже // В поисках сексуальности: Сборник статей /под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002 – 612 с.

3. Николаева Е.И. Психология семьи: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.

4. Бережнова М.А., Куликов С.А. Семейная роль и представление о ней среди молодежи// Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения: сборник научных статей / сост.: С.Д. Матюшкова, С.Г. Туболец; под науч. ред. А.П. Орловой; отв. за вып. С.А. Моторов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 241с.

УДК: 316.6

**РОЛЬ ИГНОРИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ В
ФОРМИРОВАНИИ АНТИСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ. РЕЗУЛЬТАТЫ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ЧАСТЬ 1. МЕТОДОЛОГИЯ**

Бойкина Екатерина Эдуардовна,

аспирант кафедры «Юридическая психология и право»
факультета «Юридическая психология»
ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»
г. Москва

Постановка проблемы. Как показывает анализ научной литературы, на сегодняшний день феномены игнорирования и социального исключения в отечественной психологии недостаточно изучены: социальное исключение, как правило, активно изучается в поле

социологии, политологии или истории, а в психологии активно исследуются лишь наиболее явные формы игнорирования, исключения и/или отвержения, такие как буллинг, моббинг. Феномен остракизма, однако, включающий в себя как игнорирование, так и социальное исключение, с точки зрения психологии является понятием более широким [9]. К.Д. Вильямс выделяет как минимум пять основных видов остракизма: ролевой, защитный, ненамеренный, карающий и псевдо-остракизм [5]. Более того, остракизм, являясь составной частью социальной коммуникации, может встречаться в жизни индивида ежедневно и принимать либо затяжной характер, как, например, буллинг, либо быть мимолётным (как, например, в случае с псевдо- или ненамеренным остракизмом).

Если проблема буллинга в школах на сегодняшний день находится в фокусе внимания общественности, предпринимается широкий спектр действия для борьбы с подобными негативными явлениями в детско-подростковой среде, то что делать, если «враг невидим» и не имеет такого «демонстративного» характера? Как показывают исследования остракизма, даже ненамеренное игнорирование (не ответил на приветствие одноклассника), краткосрочное игнорирование (не передали пасс в игре в мяч), банальный отказ в романтических отношениях «вызывает у индивида активацию дорсальной передней поясной коры, которая является в головном мозге индикатором физической боли» [9, с. 433]. Иными словами, даже незначительные акты игнорирования могут серьёзно психологически травмировать индивида. Как показывает мета-анализ 126 случаев «школьной стрельбы» из 13 стран, накануне нападения у агрессоров-подростков были зафиксированы «свидетельства тех или иных форм отвержения сверстниками или исключения в примерно 70% случаев» [7, с. 34]. При этом не все случаи игнорирования агрессоров носили демонстративный характер с применением мер психологического или физического насилия. Так, например, в 2005 году пятнадцатилетний подросток устроил резню двумя мачете в своей школе в г. Вальпараисо. Впоследствии его одноклассники с удивлением рассказывали, что он был для них невидимкой, некоторые даже не знали его имени и никто не подвергал его травле. Его просто не замечали, игнорировали. Не подвергался буллингу и Роберт Штайнхаузер, однако он очень тяжело переживал значительный факт исключения - отчисление из старших классов школы. Реакцией на это исключение стало убийство им 16 человек в бывшей школе [9].

К сожалению, подобные случаи не стали редкостью и для нашей страны [2]. В этой связи на лицо актуальная необходимость изучения отечественной психологией механизмов реагирования ребёнка не только на акты демонстративного, агрессивного и пролонгированного остракизма, такого, как, например, буллинг, но прежде всего механизмов реагирования ребёнка на почти ежедневные, незаметные стороннему наблюдателю «уколы» игнорирования и исключения? Могут ли эти «уколы» действительно привести нашего ребёнка к радикальным стратегиям реагирования?

Цель статьи – описание итогов серии первичных экспериментов по изучению влияния остракизма (игнорирование и/или социальное исключение) на детей от 7 до 18 лет в плане построения ими ответной стратегии реагирования на ситуацию остракизма.

Изложение основного материала исследования.

В качестве теоретико-методологической основы нашего исследования были взяты данные зарубежных исследований феномена остракизма за последние 30 лет (К.Д. Вильямс, Л. Задро, М. Лири, Р. Ф. Баумайстер и др.) [3,9]. Согласно представленной научному миру в 1997 году К. Д. Вильямсом теоретической модели остракизма (The temporal need-threat model of ostracism – TNTM), у любого индивида, как у взрослого, так и у ребёнка, в ситуации остракизма нарушается одна или несколько базовых потребностей: в принадлежности (belonging), самоуважении¹ (self-esteem), контроле (control), осмысленном существовании (meaningful existence) [9]. Данная теория постулирует трёхфазное развитие реакции на

¹ В данном случае понятие «самоуважение» следует понимать более широко: как самооценку индивида, его степень уверенности в себе на момент погружения в ситуацию остракизма [1] (прим. автора)

ситуацию остракизма (рефлекторная, рефлексивная и стадия резигнации (принятия). Согласно TNTM, на второй, рефлексивной стадии, индивид принимает решение о выборе стратегии реагирования на ситуацию игнорирования и/или исключения: просоциально, антисоциально или избрать стратегию избегания. На наш взгляд, данная типология реакций на ситуацию остракизма весьма условна и в перспективе подлежит серьёзному научному дискурсу.

Эксперимент. Основной гипотезой исследования стало предположение, что в ситуации игнорирования/социального исключения в отличие от ситуации включения (инклюзии) дети, вне зависимости от личностных характеристик, более склонны к радикальному поведению (будут вести себя более агрессивно, делать более категоричные заявления, будут склонны к противоправному и антисоциальному поведению).

Статус остракизма манипулировался установленной на персональный компьютер (ноутбук) игрой "Кибербол" ("Cyberball")² [4,7,9]. Статус остракизма противопоставлялся одному контрольному состоянию: ситуации включения. Нейтральные условия использовались как тренировочные условия. Для проверки основной и частных гипотез сразу после того, как участник эксперимента погружался в ситуацию остракизма/включения, нами оценивались его предпочтения по поддержке действий радикальной организации по защите животных (несуществующей). С целью избежать социальной желательности в ответах и дать возможность выбора между различными альтернативными вариантами, нами применялся ранжированный формат ответов. Мы предполагаем, что остракизм (в сравнении с ситуацией включения) повлияет на степень лояльности участников к методам действий радикальной организации и в таком состоянии сделает радикальные реакции приемлемыми и оправданными в глазах самих участников.

На момент подачи данных тезисов (август 2019 г.) нами были проведены два этапа пилотажных исследований и начат этап собственно эксперимента, что обуславливает небольшое количество выборки. Сам эксперимент, по нашим оценкам, займёт период с июня 2019 г. по август 2020 г. В этой связи в данной статье мы описываем прежде всего итоги работы по комплектованию батареи методик эксперимента.

Метод. Участники (по состоянию на август 2019 г.) и схема эксперимента

В эксперименте приняли участие 56 детей (32 девочки, 24 мальчика; возраст: 21 ребёнок 7-9 лет (начальная школа – 1-4 классы), 13 детей в возрасте 10-12 лет (средняя школа), 14 детей в возрасте 13-15 лет (средняя школа), 8 детей в возрасте 16-18 лет (старшие классы). Три участника эксперимента некорректно заполнили бланки опросников и в итоге были исключены из выборки. На момент подачи данных тезисов эксперимент находится в активной стадии проведения и объём выборки не является значительным для проведения корреляционных и иных статистических расчётов, однако уже имеет результаты в области оценки методологических решений.

Участники случайно (случайно, наугад) разделялись по условиям остракизма (N=31) и условиям включения (N=25). Нейтральные условия прошли все участники на этапе «знакомства» с программой «Кибербол» (N=56).

Процедура и методологические приёмы

Эксперимент и его пилотаж проводились на базе одного из детских оздоровительных лагерей (далее – ДОЛ) в рамках реализации программы отдыха и оздоровления, предполагающей получение от родителей информированного согласия на оказание услуг по психологическому сопровождению ребёнка, включая проведение тренингов, тестирования и опросов. Схема эксперимента выстроена в соответствии с этикой психологического исследования и на заключительном этапе предполагает раскрытие схемы эксперимента, проведение тщательного дебрифинга со всеми участниками, обратную связь с родителями.

² Данная программа предоставлена разработчиками для свободного скачивания по ссылке: <http://www.empirisoft.com/cyberball.aspx>

Канва схемы эксперимента является репликой эксперимента, проведённого немецким исследователем Микаэлой Пфундмайер в одном из университетов ФРГ [6] в 2017 году. Автором получено разрешение М. Пфундмайер на использование основных структурных элементов её эксперимента по проверке гипотезы о том, что «остракизм может запускать террористические аттитюды и соответствующие поведенческие интенции» [6, с. 2].

Легенда эксперимента

В период отдыха в ДОЛ дети, согласно утверждённой программе, будут участвовать в занятиях дополнительного модуля программы «Городские джунгли». На этих занятиях детям в разной форме представляется возможность приобрести дополнительные компетенции, необходимые им для более эффективного функционирования в рамках проживания в многомиллионном городе (ознакомление с транспортной системой мегаполиса, правилами поведения в общественных местах, навыки оказания первой медицинской помощи, экологическое воспитание и т.д.). Все участники эксперимента по легенде приглашаются на занятие по экологическому воспитанию «ЭКО Логично!».

Пока помощник экспериментатора проводит с отрядом (около 20 человек) занятие (подготовка плакатов по экотематике, изготовление поделок из природных материалов), экспериментатор приглашает одного добровольного участника для участия в простой компьютерной игре против искусственного интеллекта и просмотра видеоролика о защите животных. После этого участник возвращался обратно к отряду. Задача помощника экспериментатора состоит также в том, чтобы не допустить обмена информацией между детьми о том, какая это была игра и что это был за ролик. Как показала практика, эксперимент не вызывал у детей опасений, и дети охотно принимали в нём участие.

На этапе пилотажных исследований в эксперименте участвовало два экспериментатора: первый проводил с участником сеанс знакомства с игрой (нейтральные условия), затем контрольный сеанс игры в «Кибербол» по заданным условиям (исключение или включение) и предлагал заполнить короткий опросник (для определения нарушенных потребностей и контрольного замера статуса – 9 вопросов), а затем сопровождал участника в соседнюю комнату ко второму экспериментатору, который рассказывал участнику легенду о несуществующей зарубежной организации «Животные хотят жить!», борющейся радикальными способами за жизнь животных, демонстрировал 3х-минутный видеоролик и предлагал оценить свою лояльность к действиям данной организации по пяти шкалам: присоединение к организации (*"Я бы хотел(а) стать членом подобной суровой организации"*), угроза применения насилия (*"Для того, чтобы защитить животных, человека надо припугнуть"*), нанесение материального ущерба (*"Чтобы чего-то добиться, можно что-то сломать, разрушить"*), ненасильственные методы (*"Для защиты природы нужно использовать силу и агрессию"*), физический ущерб (*"Я лично готов(а) наказать тех людей, которые наносят вред животным"*). Для детей от 10 до 18 лет ответы ранжировались по 5 пунктам от "полностью согласен" до "совершенно не согласен", для детей от 7 до 9 лет, с учётом возрастных особенностей, - по 3 пунктам: да, нет, не знаю. Однако после проведения анализа пилотажных серий мы пришли к выводу, что в целях сохранения эффекта условий остракизма/включения и недопущения переключения участника во время перехода от первого ко второму экспериментатору, весь эксперимент должен проводиться одним экспериментатором, в одном помещении и при максимальном раппорте.

Во второй половине дня весь отряд снова приходил на занятие к экспериментатору «ЭКО Логично!», в ходе которого детям демонстрировалась презентация социально-приемлемых методов помощи природе и реального эколого-благотворительного проекта "Добрые крышечки", в познавательной форме раскрывалась суть эксперимента, обсуждалась недопустимость применения радикальных мер в борьбе за экологию. В конце дети собирали из заготовленных заранее пластиковых крышечек мозаичные картины, получали сертификат участников проекта «ЭКО Логично!».

Методы исследования. «Кибербол». Данная игра была специально разработана К.Д. Вильямсом и коллегами для исследования феномена остракизма и около 20 лет активно используется учёными во всём мире для программирования условий социального исключения или включения. По данным на 2009 год в ней уже приняли участие более 5000 испытуемых. По факту это простая компьютерная игра с участием от 3 до 5 игроков, которые перекидывают друг другу мяч. Реальный участник только один, остальные – программные коды, которые программируются экспериментатором. По легенде разработчиков участнику говорят, что это сетевая игра, направленная на визуализацию игроков.

Уже первые пилотные попытки использовать «Кибербол» в соответствии с действующей инструкцией авторов-разработчиков наглядно показали, что в таком виде использовать её в эксперименте невозможно: дети не верили, что игра сетевая и за аватарами игроков скрываются реальные люди, она вызывала скуку и раздражение, задача по визуализации других игроков тоже не находила отклика. В конечном итоге декларируемая легенда не воспринималась детьми (особенно более старшего возраста: с 13-14 лет) и условия исключения (только 3 броска участнику из 30) не воспринимались серьёзно, что ставило весь эксперимент под угрозу.

Автору не удалось найти информацию об использовании данного метода симулирования ситуации остракизма как «Кибербол» на российской выборке. В этой связи высока вероятность того, что данный метод был применён в нашей стране впервые и поэтому валидность данного методологического приёма для российской выборки пока не подтверждалась. По данным многочисленных исследований остракизма за рубежом «Кибербол» успешно применяется не только с участием детей, но, по большей части, на взрослой выборке. Полагаем, вопрос о том, почему такой метод столько лет работает на всех возрастных выборках в зарубежных исследованиях и не срывает в случае с нашими детьми, – это предмет отдельной научной дискуссии.

С учётом анализа критических замечаний детей, участвовавших в пилотных сериях, мы приняли решение кардинально поменять легенду к «Киберболу». При реализации данного метода симулирования условий исключения очень важно, чтобы участник доверял экспериментатору, условия игры не ставили под сомнение его умственные способности, а сама игра несла в себе хотя бы минимальную интригу. В итоге на вторую пилотную серию мы представили другим участникам следующую легенду, которая в итоге стала адекватно восприниматься участниками эксперимента:

"Привет! Хочешь поучаствовать в мини-эксперименте? Я предлагаю тебе две коротких игры против компьютерных ботов. Игра называется "Кибербол", она очень простая! Ты, наверное, в такие простые игры и не играешь. А потом я покажу тебе короткий ролик и задам несколько вопросов. Согласен? (далее у ноутбука, на экран выведена стартовая страница "Cyberball") Как видишь, это игра "Кибербол". Она очень простая. В ней четыре игрока: реальный игрок только ты, а три остальные – это компьютерные боты, то есть искусственный интеллект. Вы будете перекидывать друг другу мяч. Всего 30 бросков. У тебя две игры. В первой вы как бы знакомитесь друг с другом: ты тренируешься, изучаешь, что и как, но и они делают то же самое. А вот во второй игре, по какой-то неизвестной нам причине, эти боты начинают играть с реальным участником каждый раз по-разному: могут принять его в игру, а могут начать игнорировать. Нам интересно, почему так происходит. Ну, что готов поиграть против искусственного интеллекта?"

Самоотчётные методики. В эксперименте использовались два вида опросников: первый сразу после окончания игры в «Кибербол» – «Шкала нарушенных потребностей» и второй после просмотра ролика о радикальной организации «Животные хотят жить!» – бланк оценки лояльности к этой организации.

«Шкала нарушенных потребностей». В виду того, что аналогов подобной шкалы, измеряющей уровень степени угрозы четырёх базовых потребностей (в принятии, контроле, самоуважении и осмысленном существовании) применительно к ситуации социального

исключения в отечественной психологии нет, перед нами было два пути: разработать такой опросник самостоятельно или адаптировать уже имеющиеся англоязычные варианты. Мы выбрали второй вариант и взяли за основу разработанный Д. Дж. Хоусом и коллегами для детей опросник [8] на основе подобного опросника «Basic Needs Scale» (для взрослых) [4]. Опросник был дважды переведён с английского языка на русский, а русские варианты дважды переведены обратно на английский. В конечном итоге нами были выбраны наиболее близкие по смысловому значению русскоязычные варианты и сохранена структура опросника, в котором каждое утверждение начиналось со слов «Я чувствовал...»:

Таб. 1. Шкала нарушенных в ситуации остракизма потребностей (дети)

Исходный вариант	Адаптированный на русский язык вариант	Шкала
1. I felt unwanted	Я чувствовал себя лишним	в принадлежности
2. I felt like I was part of the group	Я чувствовал себя частью группы	
3. I felt invisible	Я чувствовал себя невидимым	в осмысленном существовании
4. I felt like no-one would notice if I left the game	Я чувствовал, что никто не заметит, если я выйду из игры	
5. I felt good about myself	Я чувствовал, что удовлетворён собой	в самоуважении
6. I felt liked	Я чувствовал, что нравлюсь	
7. I felt powerful	Я чувствовал себя влиятельным	в контроле
8. I felt in charge	Я чувствовал себя главным	
9. I felt ignored	Я чувствовал, что меня игнорируют	проверка статуса исключения/включения

Однако, как и в случае с применением первичных условий игры «Кибербол», данный опросник ввиду своей лаконичности вызывал у детей всех возрастных групп массу уточняющих вопросов, что не могло, в конечном итоге, не сказаться на всём ходе эксперимента. Проанализировав полученную в первой пилотажной серии информацию, мы начали работу по адаптации другого варианта подобного опросника (Need Threat Scale, Van Beest, Williams, 2006), предназначенного для взрослых. В исходном варианте данная шкала состоит из 20 утверждений (по 5 на каждую из четырёх потребностей) и по сравнению с «Basic Needs Scale» (для детей) является более информативной, а также содержит реверсивные утверждения:

Таб. 2 Шкала нарушенных в ситуации остракизма потребностей / взрослые (Need Threat Scale, Van Beest, Williams, 2006)

Исходные пункты шкалы	Нарушенные потребности
1. I felt as one with the other players. 2. I had the feeling that I belonged to the group during the game. 3. I did not feel accepted by the other players. (R) 4. During the game I felt connected with one of more other players. 5. I felt like an outsider during the game. (R)	Belongingness/принятие
6. I had the feeling that I could throw as often as I wanted to the other players. 7. I felt in control over the game. 8. I had the idea that I affected the course of the game.	Control/контроль

9. I had the feeling that I could influence the direction of the game. 10. I had the feeling that the other players decided everything. (R)	
11. Playing the game made me feel insecure. (R) 12. I had the feeling that I failed during the game. (R) 13. I had the idea that I had the same value as the other players. 14. I was concerned about what the other players thought about me during the game. (R) 15. I had the feeling that the other players did not like me. (R)	Self-esteem/ самоуважение
16. During the game it felt as if my presence was not meaningful. (R) 17. I think it was useless that I participated in the game. (R) 18. I had the feeling that my presence during the game was important. 19. I think that my participation in the game was useful. 20. I believed that my contribution to the game did not matter. (R)	Meaningful existence/ осмысленное существование

К началу второго этапа пилотажа мы точно таким же способом, как и было описано ранее, перевели и адаптировали весь опросник «Need Threat Scale» и выбрали по два утверждения из каждой из группы потребностей. При этом одно утверждение «прямое», а второе – «реверсивное». В итоговом варианте, который вошёл в конечный дизайн эксперимента, остались лишь те пункты шкалы, которые не вызывали в детях желание переспросить, уточнить, выразить своё недовольство формулировкой:

Таб. 3. Адаптированная шкала нарушенных в ситуации остракизма потребностей (дети)

Утверждение	Шкала
1. По-моему, в игре я был (а) частью команды	принятие
2. В ходе игры я ощущал (а), что моё участие в ней бессмысленно (P)	осмысленное существование
3. Я чувствовал, что контролирую ситуацию в игре	контроль
4. Я не чувствовал, что меня приняли в игру (P)	принятие
5. Такое впечатление, что всё решали другие игроки	контроль
6. Мне показалось, что у меня с другими игроками много общего	самоуважение
7. Такое ощущение, что в игре меня игнорировали	проверка статуса исключения/включения
8. Мне показалось, что я не понравился другим игрокам	самоуважение
9. Полагаю, я внёс (внесла) свой вклад в игру	осмысленное существование

Выводы. Этап апробации батареи методик к данному эксперименту стал наглядным доказательством ряда трудностей, с которыми может столкнуться российский учёный, изучающий феномены игнорирования и социального исключения. Во-первых, на сегодняшний день в отечественной психологии на лицо острый дефицит валидных методик и методологических приёмов, созданных для изучения именно этих феноменов. Во-вторых, как показала наша работа, имеющиеся у зарубежных исследователей в достаточном количестве методы, самоотчётные и иные экспериментальные методики, на наш взгляд, в силу культурно-исторических и иных отличий, не могут быть использованы при работе на

российской выборке в варианте, приближенном к первоисточнику, и требуют кропотливой работы по их переработке и адаптации.

Аннотация. Согласно зарубежным исследованиям за последние 30 лет, феномен остракизма (игнорирование и/или исключение) настолько мощный, что даже его непродолжительное воздействие может опосредовать у взрослого или ребёнка неоправданно радикальную ответную реакцию: агрессию, аутоагрессию, присоединение к культам или экстремистским организациям. В нашем исследовании мы проверяем гипотезу, согласно которой ребёнок даже после непродолжительной ситуации остракизма может стать более лояльным к радикальным действиям. В этой части мы подробно описываем процесс адаптации методик для исследования остракизма, что может стать исходным материалом для отечественных психологов, изучающих феномены игнорирования и/или социального исключения.

Ключевые слова: остракизм, игнорирование, социальное исключение, методология, «Кибербол».

Abstract: According to foreign studies over the past 30 years, the phenomenon of ostracism (ignoring and/or exclusion) is so powerful that even its short-term impact can mediate an unjustifiably radical response by adult or child: aggression, autoaggression, joining cults or extremist organizations. In our study, we test the hypothesis that a child, even after a brief situation of ostracism, may become more loyal to radical action. In this part, we describe in detail the process of adaptation of methods for the study of ostracism, which can be useful for russian psychologists who study the ignoring and/or social exclusion.

Keywords: ostracism, ignoring, social exclusion, methodology, «Cyberball».

Литература:

1. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
2. Чупракова Н.Н. Свидетель и потерпевший – ребёнок. Специфика психологического сопровождения / сборник научных трудов по итогам III международной научно-практической конференции «Основные вопросы теории и практики педагогики и психологии», Омск: Инновационный центр развития и образования науки, 2016. – 199 с.
3. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation [Электронный ресурс] // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117, issue 3. pp. 497-529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
4. Kassner M.P., Wesselmann E.D., Williams K.D. (2012) Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, 12(8). 399-403. doi: 10.1089/cyber.2012.0113
5. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize [Электронный ресурс] Nezelek J. B. [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. pp. 432-451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
6. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset [Электронный ресурс] // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2018. pp. 1-15. doi:10.1080/19434472.2018.1443965
7. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression [Электронный ресурс] // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. pp. 34-38 doi:10.1016/j.copsy.2017.03.026
8. The effects of peer ostracism on children's cognitive processes [Электронный ресурс] Hawes D.J. [et al.] // European Journal of Developmental Psychology. Vol. 9. Issue 2. pp. 599-613. doi: 10.1080/17405629.2011.638815
9. Williams K. D. Ostracism [Электронный ресурс] // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. pp. 425-452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641

УДК: 159.943.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИИ И ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ РАБОТЫ С АГРЕССИВНЫМИ ДЕТЬМИ

Вачков Игорь Викторович,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной педагогики и психологии,

факультет педагогики и психологии,

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,

г. Москва

Постановка проблемы. Агрессивное поведение, проявляющееся в разных формах в отношениях между людьми, существует и прогрессирует - несмотря на усилия ученых, политиков, психологов и педагогов, а также сотрудников органов внутренних дел и пенитенциарной системы и других специалистов, призванных противостоять такому поведению. Важность разработки четкого и полного представления о факторах, механизмах, видах агрессии как с научной, так и с практической точки зрения не вызывает сомнений. Вместе с тем, до настоящего времени не выработана единая теория агрессии, в различных психологических школах имеются принципиальные расхождения в ее понимании [6].

Цель статьи – описание психологической модели проявлений агрессии, включающей типы, формы и последствия проявлений агрессии, а также представление некоторых возможных стратегий работы с агрессивными детьми.

Изложение основного материала исследования.

Обобщенная психологическая модель проявлений агрессии представлена на схеме (см. рис.). Данная модель носит предварительный характер и не может претендовать на полную завершенность и универсальность. Вместе с тем, в ней описаны характеристики агрессивного поведения, которые, по-видимому, относимы к проявлениям агрессии как детей и подростков, так и взрослых. В данной статье мы кратко проанализируем эту модель в отношении детской агрессии. Психологическая модель проявлений агрессии способна помочь педагогам и психологам определить те стратегии, которые можно реализовать в работе с агрессивными детьми [2].

Причиной детской агрессии в первую очередь оказывается определенная ситуация, провоцирующая эту агрессию. Таких причин может быть достаточно много: неудовлетворение какой-то значимой для него потребности ребенка, агрессивное поведение со стороны другого ребенка или взрослого, обида на какой-то поступок или слова другого, желание отомстить, стремление достичь некой важной цели, психические нарушения и т.д.

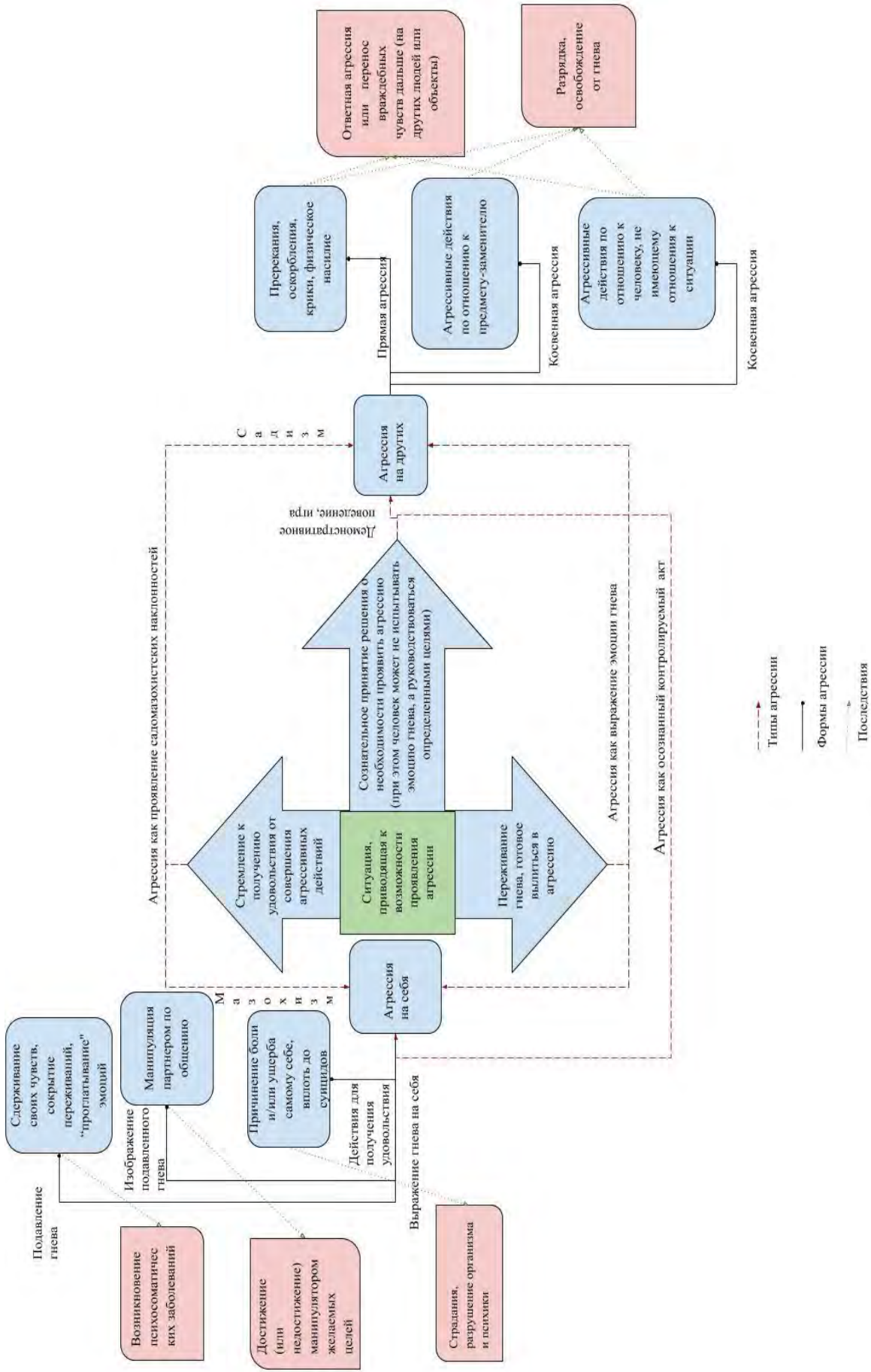

Рис. Психологическая модель проявлений агрессии: типы, формы, последствия

Каковы типы детской агрессии, проявляющейся в результате возникновения таких ситуаций? По нашему мнению, среди разнообразных вариаций следует выделить три основных типа, правильное определение которых подскажет взрослому, какую стратегию воздействия следует выбрать.

1. Агрессия как осознанный, контролируемый акт. В этом случае агрессивное поведение со стороны ребенка преследует какие-то цели и является, по своей сути, манипулятивным. Если эта агрессия направлена на взрослого, то, важным оказывается умение не поддаваться на манипуляцию. При этом, по-видимому, при необходимости допустимы достаточно жесткое пресечение агрессивных действий или их игнорирование (при условии, разумеется, отсутствия негативных последствий для самого ребенка и окружающих), т.е. необходимо не попадаться на уловку.

2. Агрессия как проявление садомазохистских наклонностей. В этом случае можно предположить наличие у ребенка каких-то психических нарушений, а значит, оказание помощи ребенку со стороны психолога следует сочетать с обязательным посещением психиатра. При этом аутоагрессия может оказаться псевдоагрессией.

3. Агрессия как способ выражения гнева. Вероятно, это тип агрессии является наиболее часто встречающимся. В результате ситуации-триггера ребенок просто не может сдержаться и проявляет агрессию, практически не контролируя свои действия. Следует заметить, что гнев может выражаться не только в агрессии на других, но и на себя. Этот тип агрессии – в зависимости от индивидуальных особенностей ребенка и форм проявления агрессии – подразумевает использование довольно широкого спектра стратегий воздействия. Назовем только некоторые, применимые в большинстве случаев:

1) Если агрессивное поведение выражается в прямой форме, то психологическая помощь ребенку будет заключаться в обучении его приемам предъявления своих негативных чувств не через проявление враждебности в отношении окружающих людей, а посредством «канализации агрессии», например, через трансформацию прямой агрессии в косвенную, с помощью предметов-заменителей (швыряние бумажных тарелок, битье подушки и т.п.). Также возможно снятие внутреннего напряжения посредством активных действий, чему могут способствовать занятия спортом, участие в соревнованиях, подвижные игры. Иными словами, следует «выплеснуть» агрессию безвредными для окружающих способами.

2) Другая стратегия, которую можно применить в данном случае, имеет своей целью развитие комплекса умений, позволяющих снижать уровень эмоционального напряжения и контролировать свои эмоции через физическую и психологическую релаксацию (здесь могут оказаться полезными приемы аутотренинга, прослушивание медитативной, спокойной, расслабляющей музыки, техники имаготерапии фантазии-визуализации, применение некоторых методов телесно-ориентированной психотерапии и танцевальной терапии, специальные дыхательные упражнения и т.п.);

3) Еще одна стратегия, разрабатываемая в школах экзистенциально-гуманистического подхода, определяется ценностью уникальности личности каждого человека и отказом от конфронтации с ним. В этом случае необходимо научиться предъявлять партнеру по общению свои чувства с помощью их проговаривания и приглашения к сотрудничеству. Взрослому – лучше всего на собственном примере – обучить ребенка правильно сообщать другому человеку о своих переживаниях, что позволяет преодолеть возникшие противоречия и, что самое важное, предотвратить будущие конфликты. Гуманистическими психологами даются следующие рекомендации: «используйте «я-послания», избегая «ты-осуждений», т.е. сообщайте о своем чувстве, не обвиняя партнера, а делаясь с ним переживанием; осуществляйте «мы-подход», говорите о вашей с партнером («нашей»!) ситуации взаимодействия, предлагайте выход, конструктивное решение возникшей проблемы, но будьте готовы выслушать и принять другой вариант, дайте партнеру свободу выбора; говорите открыто, дружелюбно, искренне; будьте «конгруэнтны» - ваши слова, интонации, жесты, мимика, поза должны находиться в соответствии друг с другом, не быть

фальшивыми; выражайте свою эмоцию, отражайте ее, не пытайтесь занять позу всепрощения, если она не отвечает вашим подлинным переживаниям» [2, с. 9].

При обсуждении стратегий работы с агрессивными детьми следует помнить о главном условии, при котором такая работа вообще не потребуется: ребенку необходимо постоянно видеть образцы миролюбивого отношения между людьми, прежде всего в семье, он должен с малых лет воспринимать примеры конструктивного разрешения возникающих конфликтов, агрессивное поведение со стороны любого человека должно осуждаться (разумеется, кроме тех случаев, когда кажущееся внешне агрессивным поведение служит по-настоящему высоким целям и ценностям).

Еще одним условием профилактики агрессивного поведения детей выступает отсутствие агрессивной среды в образовательном пространстве. Особенно опасной может оказаться ситуация, когда ребенок воспринимает агрессию со стороны учителя. К сожалению, такая ситуация весьма вероятна. Еще в самом начале 90-х годов прошлого века Л.М. Митиной было обнаружено, что у педагогов есть серьезные проблемы с социальной адаптацией [4]. Впоследствии эти результаты неоднократно подтверждались [5]. А ведь давно было доказано, что социальная дезадаптация является одним из признаков эмоционального выгорания [7].

Как следствие характерного для учителей довольно быстрого эмоционального выгорания у них часто проявляются конфликтность, грубость, враждебность по отношению к окружающим (в том числе к детям), раздражительность и агрессивность. Конечно, такие особенности личности присущи не всем учителям, а в основном тем, у кого большой стаж работы в школе, но бывают и случаи, когда даже начинающие педагоги демонстрируют высокий уровень агрессии. «Критическим» уровнем педагогического стажа оказались 20 лет, после которых резко снижается уровень эмоциональной устойчивости у большинства учителей [4]. Сходные данные были получены в наших собственных исследованиях [3].

По данным Н.А. Аминова, изучавшего эту проблему, имеет значение возраст педагогов. Он полагает, что после 40 лет эмоциональное выгорание можно зафиксировать у всех учителей [1].

Выводы. Проблема агрессии в психологии оказывается острой по многим причинам, среди прочего и потому, что трактовка самого понятия и ее механизмов очень различаются в разных научных школах. В предложенной психологической модели проявлений агрессии предпринята попытка объединения разных подходов, что создает возможности для разработки обобщенных стратегий работы психолога с агрессивным поведением детей. Одним из важнейших условий профилактики агрессивного поведения детей выступают такие отношения в семье, которые могут служить образцами конструктивного решения конфликтов. Не менее важным условием является специальная работа со школьными учителями в целях профилактики и преодоления их эмоционального выгорания, порождающего не только социальную дезадаптацию, но и агрессивное поведение в отношении обучающихся, что в свою очередь запускает цепочки детской агрессии.

Аннотация. Разработанная психологическая модель проявлений агрессии описывает основные типы (осознанный контролируемый акт, проявление садомазохистских наклонностей, способ выражения гнева), формы (прямая и косвенная) и последствия агрессивного поведения (разрядка и ответная агрессия или перенос далее). На основе этой модели могут быть предложены конкретные стратегии работы с агрессией детей в зависимости от типа агрессии и индивидуальных особенностей детей: «канализация» агрессии, релаксация, конструктивное предъявление своих чувств. Условиями профилактики агрессии выступают примеры миролюбивых отношений в семье и снижение агрессивности школьных педагогов.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение детей, модель проявлений агрессии, стратегии работы с агрессивными детьми, эмоциональное выгорание педагогов.

Abstract. The developed psychological model of aggression describes the main types (conscious controlled act, the manifestation of sadomasochistic tendencies, the way of expressing

anger), forms (direct and indirect) and the consequences of aggressive behavior (discharge and retaliatory aggression or further transfer). Based on this model, specific strategies for working with aggression of children can be proposed depending on the type of aggression and individual characteristics of children: "Sewerage" of aggression, relaxation, constructive presentation of their feelings. Examples of peaceful relations in the family and reducing the aggressiveness of schoolteachers are the conditions for the prevention of aggression.

Key words: aggression, aggressive behavior of children, model of manifestations of aggression, strategy of work with aggressive children, emotional burn-out of teachers.

Литература:

- 1 Аминов, Н.А. Психофизиологические и психологические предпосылки педагогических способностей / Н.А. Аминов // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 71-77.
- 2 Вачков, И.В. Как работать с агрессией / И.В. Вачков // Школьный психолог. № 18. 2001. С.9-12.
- 3 Вачков, И.В. Синдром профессионального выгорания у психологов и педагогов / И.В. Вачков // Современные технологии высшего профессионального образования: Сборник статей. М., 2006. С.69-71.
- 4 Митина, Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя / Л.М. Митина. – М.: Изд-во «Академия», 2004. – 320 с.
- 5 Митина, Л.М. Профессиональное и карьерное развитие специалистов системы образования / Л.М. Митина, Г.В. Митин, И.Г. Колмакова, В.Н. Барцевич, Л.В. Брендакова, Л.И. Акованцева, Е.В. Токарева // Российский научный журнал. 2017. № 1(54). С. 104-122.
- 6 Психология девиантности. Дети. Общество. Закон: монография / Под ред. А.А. Реана / А.А. Реан, Д.В. Адамчук, Е.Г. Дозорцева и др. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 479 с.
- 7 Форманюк, Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя / Т.В. Форманюк // Вопросы психологии. 1994. № 6. С.57-64.

УДК: 159.9.07

ГАРМОНИЗАЦИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Власова Наталья Викторовна

кандидат психологических наук,

доцент кафедры юридической психологии и права

ФГБОУ ВО «Московский психолого-педагогический университет»,

г. Москва

Постановка проблемы. Детско-родительские отношения в младшем школьном возрасте существенно влияют на формирование личности ребенка. Гармоничность данного взаимодействия, структурированность в отношениях ребенок-родитель, эмоциональное принятие и сбалансированность системы требований и поощрений являются основополагающим фактором для нормального развития ребенка, профилактики различного рода девиаций, в том числе Интернет-зависимого поведения.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование связи детско-родительских отношений в младшем школьном возрасте с формированием у ребенка склонности к Интернет-зависимому поведению.

Изложение основного материала исследования. Теоретический анализ различных научных источников, а также результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что одним из существенных факторов, влияющих на формирование склонности к развитию Интернет-зависимости в младшем школьном возрасте, являются дисгармоничные детско-родительские отношения: нарушения в стиле семейного воспитания, эмоциональное неприятие, холодность в отношении к ребенку либо крайняя сконцентрированность на нем. Психокоррекция данных нарушений выступает эффективным средством профилактики Интернет-зависимости в младшем школьном возрасте.

Проблема Интернет-аддикции не может не беспокоить специалистов, работающих с детьми младшего школьного возраста. Недостаток критериев оценки уровня увлеченности младшего школьника игровыми компьютерными технологиями и социальными сетями, является, прежде всего, проблемой установления границ стандартного, нормативного и излишнего пользования Всемирной сетью. Недостаточная освещенность актуальности в профессиональной психолого-педагогической литературе в настоящее время не дает возможности сформировать общую стратегию профилактической работы с младшими школьниками, склонными к Интернет-зависимому поведению [4].

На сегодняшний день эта проблема не остается без внимания государственных структур. Они содействуют проведению многочисленных исследований, предоставляющих вероятность избежать развитие у школьников различных форм аддиктивного поведения, в том числе и Интернет-зависимого, а также разработку эффективных способов психокоррекционных работ с уже сформировавшейся Интернет-аддикцией.

В современных научных источниках по проблематике Интернет аддикций можно констатировать наличие дефицита количества исследований, посвященных теме детско-родительских отношений и их влияния на формирование у ребенка данного вида зависимости.

В отечественной психологии актуальность темы изучения человеческой деятельности в сети Интернет значительно возросла. Интернет, как социотехническая система, базируется на классической семиотике и содействует ее качественному и количественному изменению и конфигурации. Согласно основным идеям культурно-исторического подхода изучения формирования психики знаковые системы обеспечивают формирование и изменение сложных психических процессов (ВПФ) [1].

Анализируя вариации деятельности, посредством Интернета, можно сделать вывод о том, что данное действие способствуют масштабным личностным трансформациям. Исследователи выделяют основные виды деятельности Интернет-пользователей: познавательная, игровая и коммуникативная. Все они косвенно или напрямую влияют на следующие личностные изменения: заинтересованность программированием и телекоммуникаций или, как крайний вариант, хакерство; активное проявление интереса к компьютерным играм и играм, подключенным к локальной сети или, как крайний вариант – игровая зависимость; заинтересованность сетевой коммуникацией или, как крайняя форма – Интернет аддикция [3].

Психологические особенности младшего школьника отличаются повышенной восприимчивостью к окружающему миру и социальному окружению вообще. Для данного возрастного этапа наиболее характерно отражение всех социальных процессов, происходящих в мире и их внедрение в многостороннее формирование личности ребенка. Так, младший школьник не может самостоятельно критично оценивать свое увлечение Интернетом, он, подражая взрослым, становится наиболее активным участником всех новых компьютерных технологий, легко погружается в пространство сети, тем самым нередко может стать зависимым от Интернета.

Учитывая особенности данного возрастного периода, такие как:

- созревание отделов головного мозга и центральной нервной системы;
- неустойчивость интеллектуальной трудоспособности;
- довольно выраженную астеничность;

- неспособность к долгой концентрации;
- повышенную эмоциональность, возбудимость;
- нервно-психическая чувствительность ребёнка;
- формирование познавательных потребностей;
- последующее физиологическое и психическое формирование;
- формирование словесно-логического мышления;
- способность к произвольной регуляции поведения, можно говорить об излишней подверженности влиянию информации Интернет на психику ребенка [2].

В связи с данным обстоятельством важнейшую роль в предупреждении этого негативного влияния может играть лишь ближайшее окружение ребенка, те, кто непосредственно постоянно взаимодействуют с ним – прежде всего его семья.

В настоящее время выделяют следующие факторы или предикты, в результате которых формируется Интернет зависимость младшего школьника:

- наличие в семье ребенка уровня нравственности ниже среднего. Данное обстоятельство объясняется тем, что формирование у ребенка нравственности, морально-этических норм начинается только тогда, когда он находится в четко сформированных границах оценок своего поведения;

- неблагоприятная эмоциональная атмосфера в семье (постоянные, глубокие конфликты между членами семьи, грубое отношение, психологическое или даже физическое насилие со стороны одного из членов семьи, нарушенный эмоциональный контакт). В данной семейной обстановке, ребенок как бы «уходит» в виртуальный мир, где тем самым восполняет данный дефицит эмоционального принятия;

- отсутствие доверительных отношений с родителями. Так как ребенок нередко нуждается в советах и рекомендациях по поводу своего поведения в школе, взаимоотношений с одноклассниками и учителями, информации личного и интимного характера.

- стратегии контроля со стороны родителя, которые не соответствуют возрастным особенностям младших школьников. Повышенные требования, возложение на ребенка слишком большой ответственности и нежелание родителей оказывать ему помощь, а при этом еще и постоянные порицания его за неуспех, заставляют ребенка искать признания в других сферах, в том числе в виртуальном мире.

- постоянная и неограниченная доступность ребенка к гаджетам с самого раннего возраста. Необходимо, чтобы ребенок развивался в соответствии с его возрастом, так например, у ребенка дошкольного возраста должен быть сделан акцент на развитие творческих способностей и формировании коммуникативных навыков, его нужно учить играть в реальные, а не компьютерные игры;

- неумение, а часто и нежелание взрослого заинтересовать младшего школьника жизнью в реальном, а не в виртуальном мире.

Общетеоретические исследования в области психологии дают возможность раскрыть особенности и характеристики детско-родительских отношений. В настоящее время принято, исследуя отношения между ребенком и его родителями, опираться на такие показатели гармоничности этих отношений:

- временная продолжительность и условная непрерывность взаимодействия с ребенком;

- эмоциональная важность поддержки и принятия ребенка его родителями;

- отсутствие двойственности во взаимоотношениях родитель-ребенок;

- возможность изменения характера отношений в связи с взрослением ребенка, постепенной его сепарацией и закреплением большей ответственности за ним [5].

Таким образом, для выявления взаимосвязи детско-родительских отношений и склонности к Интернет зависимости в младшем школьном возрасте нами было проведено эмпирическое исследование. В исследовании использовались следующие методики: тест для младших школьников на определение компьютерной зависимости, составленный

О.Л. Кутуевой; тест «PARI» – «Родительско-детские отношения» в модификации Т.В. Нещерет; «Опросник эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой (ОДРЭВ)».

Исследование проводилось на выборке в количестве 186 человек, из них 76 детей в возрасте 8-9 лет средних общеобразовательных школ г. Москвы и 110 человек из числа их родителей.

Результаты эмпирического исследования. В семьях, имеющие детей младшего школьного возраста, показатели результатов по тестированию на определение компьютерной зависимости близки к статистической норме. Высокая склонность к Интернет зависимому поведению, наблюдалась у 22% детей. При том были получены существенные различия в детско-родительских отношениях между группами детей с разным уровнем склонности к Интернет зависимости.

Так, по полученным данным методики «Родительско-детские отношения» в группе с низким уровнем склонности к Интернет зависимости показатели средних значений в блоке «оптимальный эмоциональный контакт» были выше – 14,4, чем те же показатели в других группах – в группе со средним уровнем склонности к Интернет зависимости – 13,0 и в группе с высоким уровнем склонности к Интернет зависимости – 12,7.

Показатель излишняя эмоциональная дистанция дал более низкие результаты в группе детей с низкой склонностью к Интернет зависимости – 9,02 и более высокие данные в группах со средним и высоким уровнем зависимости – соответственно 10,3 и 13,2.

Анализ результатов методики «Отношение родителей к ребенку» показал, что также видны существенные различия между показателями средних по трем представленным группам, с тенденцией уменьшения показателя. Выявлены существенные различия по всем трем блокам взаимоотношений между ребенком и родителями – в блоке чувствительности, в блоке эмоционального принятия, в блоке поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия. Результаты двух методик сопоставимы между собой и соответствуют друг другу с коэффициент корреляции Пирсона (0,95 , $p \leq 0,01$).

Также нами была выявлена сильная прямая взаимосвязь между эмоциональной дистанции и склонностью к Интернет зависимости (0,83, $p \leq 0,01$) что позволяет говорить о том, что, чем больше эмоциональная дистанция между родителем и ребенком, тем выше склонность его к Интернет зависимости.

Таким образом, полученные нами данные дают возможность сделать вывод о том, что при снижении эмоционального контакта с ребенком, при дистанцировании от него родителя, ребенок довольно быстро находит замену своим неудовлетворенным потребностям со стороны родителя, осуществляя уход в Интернет пространство.

Изучение и анализ дисгармонии процессов, которые происходят в семье, дают возможность выявить основные проблемные зоны в детско-родительских отношениях, а также позволяют на их основе разработать принципы коррекционно-развивающей работы, учитывая взгляды самих родителей на отношения с ребенком.

Предупреждение развития Интернет аддикции в младшем школьном возрасте необходимо организовывать, учитывая непрерывность и системность профилактической деятельности, при этом оно должно формировать эмоционально-доверительные отношения родителя с ребенком. В этом случае необходимо оказывать помощь по профилактике аддиктивного поведения не только детям, но и их родителям. Профилактика должна учитывать сферу детско-родительских отношений, эмоциональность и глубину этого взаимодействия, а при работе с родителями быть направлена на выработку у них эффективных способов общения с ребенком, развитие навыков эмоциональной и поведенческой саморегуляции собственного поведения, обучение эффективным моделям воспитания.

Выводы. Интернет-зависимость в настоящее время является наиболее распространенной и значимой проблемой в области изучения аддикций, как одного из видов девиантного поведения. Проведенное эмпирическое исследование позволило констатировать, что опора на знание процессов, которые происходят в семье и основных

проблемных зон в детско-родительских отношениях даст возможность разработать принципы коррекционно-развивающей работы по профилактике склонности к Интернет-зависимости детей младшего школьного возраста.

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы Интернет-зависимого поведения младших школьников в контексте семейных взаимодействий, а именно, в направлении изучения детско-родительских отношений и их влияния на формирование Интернет-аддикции в младшем школьном возрасте. Характерными особенностями таких семей являются: авторитарный либо попустительский стиль воспитания, утрата эмоционального контакта между родителями и ребенком, проявления холодности и неприятия со стороны родителя. Гармонизация данных особенностей семейного взаимодействия будет являться эффективным средством профилактики Интернет-зависимости младшего школьника.

Ключевые слова: Интернет-зависимость, аддикция, детско-родительские отношения, стиль воспитания, профилактика, психокоррекция.

Annotation. The article is devoted to the study of the problem of Internet-dependent behavior of junior schoolchild in the context of family interactions, namely, in the direction of the study of child-parent relationships and their impact on the formation of Internet addiction in primary school age. Typical features of such families are: authoritarian or permissive parenting, loss of emotional contact between parents and child, manifestations of coldness and rejection by the parent. Harmonization of these features of family interaction will be an effective means of preventing Internet addiction of primary school children.

Keywords: Internet addiction, addiction, parent-child relationship, parenting style, prevention, psychocorrection.

Литература:

1. Буслаева Е.Л. Особенности развития подрастающего поколения в современных условиях // В сборнике: Россия и мир: развитие цивилизаций. Феномен развития радикальных политических движений в Европе Материалы VIII международной научно-практической конференции. – 2018. С. 261-263.

2. Буслаева Е.Л., Власова Н.В. Психокоррекция вербально-логического мышления у детей младшего школьного возраста с синдромом дефицита внимания и гиперактивности / Психология обучения. – 2018. № 2. С. 16-26.

3. Власова Н.В. Психологические детерминанты Интернет-аддикции // В сборнике: Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека Сборник научных статей и материалов международной конференции. Под общей редакцией Р.В. Ершовой. – 2018. С. 67-71.

4. Шлычков В.Р. Деформация ценностей и девиаций социально-нормативного поведения современной молодежи // В сборнике: Психолого-педагогическая деятельность: сферы сотрудничества и взаимодействия. Материалы III межрегиональной заочной научно-практической интернет-конференции с международным участием. Костромской государственный университет. – 2017. С. 43-48.

5. Шлычкова О.Н. Эволюция семейных ценностей в современной культуре. Человеческий капитал. – 2010. – 80 с.

**ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ АДДИКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ**

Голубева Галина Федоровна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры
общей и профессиональной психологии
ФБГОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»,
г. Брянск

Спасенников Валерий Валентинович

доктор психологических наук, профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФБГОУ ВО «Брянский государственный технический университет»,
г. Брянск

Постановка проблемы. Одной из главных задач государства и общества является обеспечение здоровья нации. Данная задача связана с недостаточной проработанностью в современной науке понятия аддиктивное поведение, а также вопросов ее специфики, причин, возрастной динамики развития и представлений молодежи о данном феномене.

К наиболее часто встречающимся разновидностям аддикций в среде современной молодежи следует отнести: зависимость от веществ, изменяющих психическое состояние, таких как алкоголь, наркотики, лекарства; зависимость от участия в азартных играх; пищевые аддикции, кибер-аддикции и ряд других форм аддиктивного поведения.

Целью статьи является выявление особенностей имплицитных и эксплицитных представлений молодежи об аддиктивном поведении.

Изложение основного материала исследования. Методологическую основу исследования составили основные положения концепции социальных представлений С. Московичи [9, 14]; идеи системного, субъектно-деятельностного и системно-субъектного подходов к изучению личности С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, и др. [1, 2, 12 и др.]; концепции формирования личности и закономерностей ее развития Л.С. Выготского, И.С. Кона, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконина, Д.И. Фельдштейна и др. [3, 5, 8, 10 и др.].

Для достижения поставленной цели, решения задач и проверки гипотез использовались следующие методы исследования: *теоретические* – анализ научной литературы по проблеме исследования. *Эмпирические* – тестирование, контент-анализ. *Диагностические*: опросник «Незаконченные предложения», анализ документов, личностный опросник Г. Айзенка); методов математической статистики (определение элементарных математических статистик: среднего, моды, медианы и стандартного отклонения; а также определение вторичных статистических показателей: коэффициент корреляции Пирсона).

Социальные представления – идеи, мысли, образы, ценности, знания и практики, разделяемые людьми и формирующиеся в социальных взаимодействиях, прежде всего под влиянием средств массовой информации. Термин «социальные представления» был предложен в 60-х годах С. Московичи [14].

Основы концепции социального мышления в отечественной психологии были заложены С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, с категорией «социальные представления» смыкается категория «житейские понятия», разработанная в отечественной психологической науке Л.С. Выготским. Вместо категории «социальное представление» в обороте использовались близкие категории: «понятие», «суждение». В дальнейшем изучением социальных представлений в отечественной психологии занималась К.А. Абульханова – Славская [1].

Первоначально термин «аддикция» (от англ. addiction – пагубная привычка) применялся только для описания поведения, основанного на употреблении психоактивных веществ на том этапе, пока еще не сформировалась физическая зависимость. Однако в настоящее время понятие «аддиктивное поведение» применяется по отношению к различным видам зависимости, как имеющим под собой физиологическую основу, так и не имеющим ее. Круг объектов адикции включает в себя не только алкоголь, никотин, наркотические препараты, вызывающие определенные биохимические процессы в организме, которые формируют физическую зависимость, но и психоактивные вещества, не вызывающие физической зависимости, а также азартные игры, пищу, деньги, власть, сексуальное поведение и др. Кроме того, объектом зависимости может являться другой человек или социальная единица, такая как семья, религиозный орден или система веры.

В соответствии с этим аддиктивное, или зависимое, поведение охватывает различные сферы: алкоголизм, курение, пристрастие к наркотикам, обильной еде, азартным играм, компьютеру и интернету, гиперсексуальность, подчинение групповому давлению, зависимость от семьи или конкретного человека и т.д. [11].

В отечественной психологии основы понимания закономерностей развития в подростковом и юношеском возрасте заложены в работах Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович и др. [3, 5, 10 и др.].

Как показано в наших и других исследованиях, аддиктивное поведение – это особая форма деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности посредством специального изменения своего психического состояния. Аддиктивное поведение характеризуется широким спектром патологии, различной степени тяжести: от поведения, граничащего с нормальным, до тяжелой психологической и биологической зависимости [6, 7, 11].

Для изучения особенностей представлений современной молодежи об аддиктивном поведении было проведено эмпирическое исследование на базе МГБОУ СОШ № 11 и факультета психологии БГУ в течение февраля – апреля 2019 года. В эмпирическом исследовании принимали участие 80 учащихся. Из них 40 подростков в возрасте 14-15 лет и 40 студентов в возрасте 18-19 лет.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что социальные представления подростков о психологической зависимости будут отличаться от представлений юношей в понимании данного феномена.

В ходе проведения исследования мы использовали валидную и надежную батарею методик, после проведения которых были получены психодиагностические результаты [4].

На первом этапе исследования был использован опросник «Незаконченные предложения» с целью диагностики особенностей социальных представлений подростков и юношей о психологической зависимости. Результаты по проведенной методике представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Результаты по методике «Незаконченные предложения» у подростков

	Положительные	Нейтральные	Отрицательные
Представления о спиртном	55%	20%	15%
Представления о курении	50%	40%	10%
Представления о наркомании	15%	9%	76%
Представления о сексе	50%	41%	9%

Представления о компьютерной зависимости	68%	18%	14%
Представления об азартных играх	45%	13 %	42%
Представления о пищевых аддикциях	40%	41%	19%
Представления о лжи	80%	0%	20%

На основании полученных результатов можно констатировать, что представления подростков об алкоголе в основном нейтральные. Представления о курении в целом положительные, но в то же время у достаточно большого количества респондентов (40%) они нейтральные. Следует отметить, что представления о наркомании у подростков в основном отрицательные. Отметим, тот факт, что социальные представления о сексе и компьютере и об азартных играх у учащихся в основном положительные. В то же время, представления о пищевых аддикциях в основной массе испытуемых нейтральные. Стоит обратить внимание, на то, что отношения ко лжи у большей части подростков положительные (80%), что может свидетельствовать о стремлении испытуемых выглядеть в более благоприятном свете.

Таблица 2

Результаты по методике «Незаконченные предложения» у юношей

	Положительные	Нейтральные	Отрицательные
Представления о спиртном	25%	63%	12%
Представления о курении	50%	47%	3%
Представления о наркомании	4%	14%	82%
Представления о сексе	64%	31%	5%
Представления о компьютерной зависимости	77%	14%	9%
Представления об азартных играх	34%	18%	48%
Представления о пищевых аддикциях	50%	20%	30%
Представления о лжи	40%	30%	30%

В ходе анализа полученных эмпирических данных можно отметить, что у юношей и девушек представления об алкоголе и курении в основной массе нейтральные. Также, как и у подростков, у них отрицательные представления о наркомании, и положительные о сексе и компьютерной зависимости. Отметим, что у юношей и девушек положительные представления как о пищевых аддикциях, так и о лжи.

Таким образом, у подростков и юношей наблюдаются положительные представления о лжи, сексе и компьютерной зависимости, однако по другим параметрам отношения к аддикциям различаются.

Проиллюстрируем полученные данные с помощью диаграммы (рис. 1.)

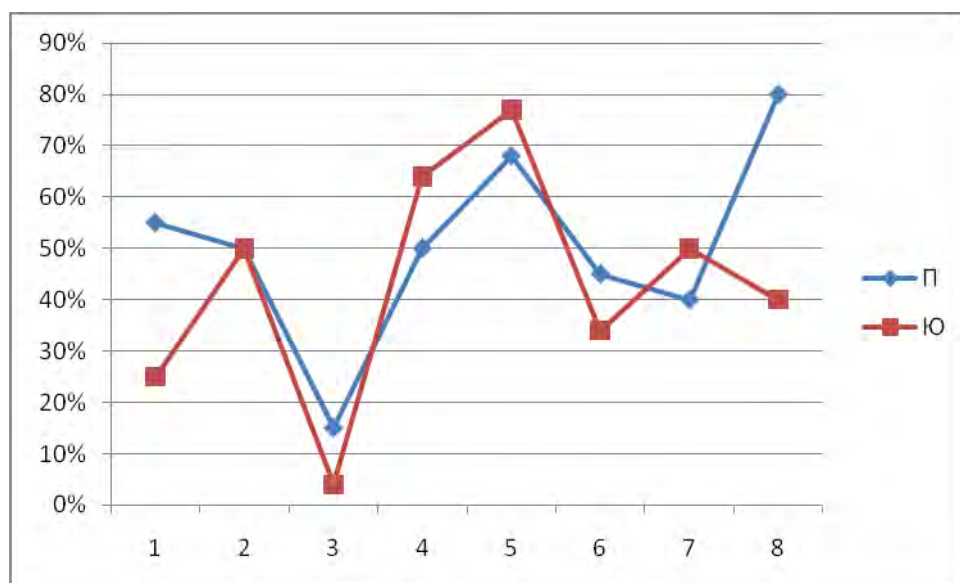

Рис. 1. Диаграмма представлений о зависимостях у подростков и юношей

Условные обозначения: П – подростки, Ю – юноши. 1 – Представления о спиртном; 2 – Представления о курении; 3 – Представления о наркомании; 4 – Представления о сексе; 5 – Представления о компьютерной зависимости; 6 – Представления об азартных играх; 7 – Представления о пищевых аддикциях; 8 – Представления о лжи.

Для более детального изучения особенностей представлений подростков и юношей о психологических зависимостях нами была проведена методика сочинение – эссе на тему «Психологическая зависимость в современном мире» (таблица 3,4).

Таблица 3

**Результаты по методике эссе на тему
«Психологическая зависимость в современном мире» у подростков**

Категория	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение
Молодежь	2,2	2	3	0,8366
Мир	2,4	2	2	1,1401
Человек	1	1	1	1,2247
Возможность	2,6	2	2	1,5165
Компьютер	3	4	4	1,4142
Алкоголь	2	2	2	0,7071
Наркотик	0,8	1	0	0,8366
Зависимость	3,6	3	3	0,8944
Интернет	2,2	2	2	0,8366
Общество	1,4	1	0	1,6733
Проблема	3,2	3	2	1,3038
Секс	1,2	1	2	0,8366
Факт	2,6	3	3	1,1401
Трудно	1,8	2	1	0,8366

На основании полученных данных мы можем отметить, что у подростков в сочинениях чаще всего встречались такие категории как молодежь, мир, возможности, компьютер, алкоголь, зависимость, интернет, проблема, факт. Меньше всего у подростков было обнаружено следующих категорий: человек, наркотик, общество, секс, трудно.

Таблица 4

Результаты по методике эссе на тему «Психологическая зависимость в современном мире» у юношей и девушек

Категория	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение
Молодежь	1,85	1,5	0	1,7851
Мир	1,9	2	0	1,5525
Человек	2,85	3	4	2,0072
Возможность	1,35	1	2	1,0399
Компьютер	1,65	2	2	1,0894
Алкоголь	1,75	1	1	1,4823
Наркотик	1,15	1	1	0,9333
Зависимость	2,55	2	2	1,5719
Интернет	1,4	1,5	2	0,8207
Общество	2,25	2	2	1,5517
Проблема	2,7	3	3	1,0310
Секс	0,45	0	0	0,7591
Факт	1,6	2	2	1,0954
Трудно	1,6	2	2	1,0954

На основании полученных данных мы можем утверждать, что у подростков в сочинениях чаще всего встречались такие категории, как молодежь, мир, человек, компьютер, алкоголь, зависимость, общество, проблема, факт, трудно. Меньше всего в сочинениях у юношей и девушек было обнаружено следующих категорий: возможности, наркотик, секс.

Таким образом, результаты контент – анализа сочинения – эссе демонстрируют, что представления подростков, юношей и девушек о психологических зависимостях практически не различаются.

Для изучения склонности подростков, юношей и девушек к отклоняющемуся поведению нами был проведен опросник «СОП» (Склонность к отклоняющемуся поведению) А.Н. Орел. Это стандартизированный тест-опросник, предназначенный для измерения готовности (склонности) к реализации различных форм отклоняющегося поведения. Результаты, полученные в ходе проведения опросника представлены в таблице 5.

Таблица 5.

Результаты, полученные в ходе проведения опросника «СОП»

	Подростки		Юноши и девушки	
	М	Ж	М	Ж
Имеющие склонность	65%	35%	80%	20%
Не имеющие склонности	35%	55%	20%	80%

Анализируя полученные данные, можно констатировать, что подростки более склонны к отклоняющемуся поведению, чем юноши. Большая склонность к отклоняющемуся поведению отмечается у лиц мужского пола.

Для изучения личностных особенностей подростков и юношей нами был проведен опросник Г. Айзенка ЕРІ (Eysenck Personality Inventory).

Результаты, полученные в ходе проведения опросника представлены в таблицах 6 и 7.

Таблица 6

**Результаты, полученные в ходе проведения
личностного опросника Г. Айзенка у подростков**

	Экстраверсия-интроверсия	Нейротизм	Шкала лжи
Умеренная	40%	70%	60%
Высокая	55%	15%	20%
Низкая	5%	15%	20%

Основываясь на полученных результатах, мы можем утверждать, что у подростков в основном высокие показатели по шкале «Экстраверсия-интроверсия» и умеренные по шкале «Нейротизм».

Таким образом, подростки характеризуются высокой экстраверсией и низким уровнем нейротизма, что соответствует собирательному образу подростков холерического типа темперамента.

Таблица 7.

**Результаты, полученные в ходе проведения личностного опросника Г. Айзенка
на выборке юношей и девушек**

	Экстраверсия-интроверсия	Нейротизм	Шкала лжи
Умеренная	45%	40%	60%
Высокая	40%	40%	20%
Низкая	15%	20%	20%

Исходя из полученных результатов, можно считать, что у юношей и девушек в основном умеренные показатели по шкале «Экстраверсия-интроверсия» и умеренные по шкале «Нейротизм». Так как показатели по шкале лжи в основном умеренные, то мы можем сделать вывод о том, что большая часть испытуемых отвечала на вопросы искренне и результаты достоверны. Таким образом, в целом по группе юноши и девушки характеризуются средними показателями по всем шкалам.

С целью изучения ситуативной и личностной тревожности у подростков, юношей и девушек была проведена методика «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч. Спилбергера. Полученные результаты были представлены в таблицах 8 и 9.

Таблица 8.

**Результаты, полученные в ходе проведения теста Ч. Спилбергера
на выборке подростков**

	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность
Умеренная	60%	60%
Высокая	25%	30%
Низкая	15%	10%

Результаты тестирования показывают, что у подростков преобладает тревожность умеренного уровня (и ситуативная тревожность и личностная тревожность умеренного уровня встречается у 60 % подростков). В то же время, низкая тревожность практически у подростков нашей выборки слабо выражена.

Таблица 9

Результаты, полученные в ходе проведения теста Ч. Спилбергера на выборке юношей и девушек

	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность
Умеренная	55%	50%
Высокая	20%	15%
Низкая	25%	35%

Результаты тестирования свидетельствуют, что у юношей преобладает тревожность умеренного уровня. В то же время низкая тревожность так же достигает заметного уровня.

Анализируя полученные результаты в целом, мы можем сказать о том, что и у подростков, и юношей уровень, как и ситуативной так и личностной тревожности в большей части умеренный.

Для подтверждения гипотезы о том, что представления подростков и юношей о психологической зависимости взаимосвязаны с личностными особенностями, была использована статистическая обработка данных при помощи коэффициента линейной корреляции Пирсона. Для сравнения выбрана методика «Незаконченные предложения» в связи с тем, что ее результаты представлены не только в качественных, но и в количественных показателях; методика «Личностный опросник Г. Айзенка». Критические значения коэффициента корреляции Пирсона для $p_{0,01} = 0,3598$ и $p_{0,05} = 0,4227$.

Рассматривая корреляционные связи между показателями методик «Незаконченные предложения» и личностным опросником Г. Айзенка у подростков можно отметить, что обнаружена значимая корреляция для уровня 0,01 между низкими показателями нейротизма и положительными представлениями об азартных играх, а также положительными представлениями о пищевой аддикции. Кроме того, была обнаружена значимая корреляция для уровня 0,05 между низкими показателями экстраверсии и положительными представлениями о курении и азартных играх.

Рассматривая корреляционные связи между показателями методик «Незаконченные предложения» и личностным опросником Г. Айзенка у юношей можно отметить, что обнаружена значимая корреляция для уровня 0,01 между низкими показателями нейротизма и положительными представлениями о пищевой аддикции. Кроме того, была обнаружена значимая корреляция для уровня 0,05 между низкими показателями экстраверсии и положительными представлениями о сексе.

Таким образом, как в подростковом, так и в юношеском возрасте низкие показатели экстраверсии (соответственно высокие показатели интроверсии), связаны с положительными представлениями о различного рода зависимостях и с терпимым к ним отношением.

Выводы. Обоснованная и выбранная батарея психодиагностических методик соответствует поставленной цели и выдвинутой гипотезе эмпирического исследования. Методики соответствуют возрастным и гендерным особенностям испытуемых. Представления подростков, юношей и девушек позволяют констатировать положительное отношение ко лжи, сексу и компьютерной зависимости, однако по другим параметрам отношения к аддикциям различаются. Результаты контент – анализа сочинения – эссе дают основание считать, что представления подростков, юношей и девушек о психологических зависимостях практически не различаются. Перспективным направлением исследований является выявление и сравнительный анализ отношения к аддикциям различных молодежных групп на более репрезентативных выборках.

Аннотация. Статья посвящена теоретико-экспериментальному исследованию представлений современной молодежи об аддиктивном поведении. На основе валидного и

надежного методического инструментария верифицирована гипотеза о статистически значимых различиях в представлениях подростков - школьников и студентов по отношению к различным формам аддиктивного поведения.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, подростки, юноши и девушки, социально-психологические представления, эмпирическое исследование.

Annotation. The article is devoted to a theoretical and experimental study of the ideas of modern youth about addictive behavior. Based on valid and reliable methodological tools, the hypothesis of statistically significant differences in the perceptions of adolescents - schoolchildren and students with respect to various forms of addictive behavior was verified.

Key words: addictive behavior, adolescents, boys and girls, socio-psychological representations, empirical research.

Литература:

1 Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Социальная психология в трудах отечественных психологов/ К.А.Абульханова-Славская. – СПб.: Питер, 2000. – С. 289-314.

2 Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – 380с.

3 Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.

4 Бурлачук Л.Ф. Словарь – справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: СПб.: Питер, 2002– 528 с.

5 Выготский Л.С. Проблема возраста / Л.С. Выготский // Хрестоматия по детской психологии от младенца до подростка. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 656 с.

6 Голубева Г.Ф. Проблемы подготовки психологов-консультантов для психологической службы в образовании / Г.Ф. Голубева // Вестник Брянского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 117-121.

7 Голубева Г.Ф. Социально-психологическая диагностика личностных особенностей представителей студенческого актива в процессе формирования лидерских качеств / Г.Ф. Голубева, В.В. Спасенников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2010. – Т. 16. – № 2. – С. 170-174.

8 Кон И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.

9 Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд / С. Московичи // Психологический журнал. – 1995. — Т. 1. – № 1. – С. 3-14.

10 Психология современного подростка / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Педагогика, 1987. – 236 с.

11 Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В. Д. Менделевича. –СПб.: Речь, 2007.—768 с.

12 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Изд-во «Питер», 2002. – 720 с.

13 Эльконин Д. Б. Введение в психологию развития / Д.Б. Эльконин. – М.: Тривола, 1996. – 196 с.

14 Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations // Social Representations/ Ed. by R. Farr, S. Moscovici. – Cambridge – Paris, 1984. – P. 6-35.

ДЕВАЛЬВАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ КОРРЕКЦИИ

Горбунова Наталья Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор,
заместитель директора Гуманитарно-педагогической
академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялте

Постановка проблемы. В современном обществе, в эпоху стремительных глобальных изменений повсеместно наблюдается снижение общего уровня культуры, девальвация нравственных ценностей, переориентация ценностно-смысловой сферы. В условиях кризиса экономики, культуры, морали молодежь утрачивает духовно-мировоззренческие ориентиры, не ощущая «твердой почвы» при формировании жизненных планов, общечеловеческих ценностей. Кризисные явления происходят во всех сферах жизни: экономической, социальной, в сфере ценностных ориентаций. Вышесказанное актуализирует острую необходимость выявления причин девальвации ценностей современной молодежи и поиска эффективных путей их коррекции.

Цель статьи. Выявить причины девальвации ценностной сферы современной молодежи и определить эффективные условия и пути их коррекции.

Изложение основного материала исследования. Общество как система социальных отношений, жизнедеятельности человека состоит из множества сложных подсистем, элементы которых взаимодействуют между собой, создавая сложный живой организм. В целом каждый элемент системы является необходимым, но недостаточным условием развития общества. Исключением при этом является *homo sapiens* – творец, выполняющий функции необходимости и достаточности. Изучение сложной системы предусматривает использование таких методов, которые, не нарушая фундаментальных связей, позволяют вычленивать отдельные блоки и определить их сущностные характеристики.

Начало XXI века ознаменовано резким обострением социальных проблем молодежи в разных странах мира. В большинстве из них молодежь примерно вдвое чаще, чем представители старших возрастных категорий, оказывается в маргинальном положении при выборе места работы, непропорционально велика ее доля в когорте безработных, низкими показателями характеризуется уровень ее доходов и стартовые возможности получения образования и самоутверждения. В условиях формирования рыночной среды молодежь требует особой социальной поддержки и социальной защиты как находящаяся в состоянии формирования и утверждения жизненных позиций. Молодежь, составляющая более половины трудоспособного населения государства, имеет свои ориентации, интересы и потребности, болезненно ощущает на себе бремя экономического кризиса и недостаточность государственных ассигнований на социальные нужды. В то же время молодежь – будущее государства, от обеспечения стартовых условий ее деятельности зависит дальнейшее развитие нынешнего общества, будущих поколений.

В связи с этим, особую актуальность приобретает проблема стабилизации ценностно-смысловой сферы молодежи. Ухудшение материального положения широких слоев молодежи толкает часть молодежи на противоправные, преступные действия. Праздность и безделье становятся привычным образом жизни части молодежи. Значительно уменьшилось стремление молодежи к получению знаний, к науке. Это становится «не модно».

Необходимость поворота к реальным, практическим задачам строительства правового, демократического государства, решение целого комплекса политических, социально-экономических проблем, возникающих в связи с этим, предполагает переосмысление всех общественных и индивидуально-личных ценностей, формирование на этой основе новой системы мировоззренческих ориентаций.

Проблемы молодежи неоднократно становились предметом научного интереса ученых. Еще в древние времена греческие философы Пифагор и Гиппократ занимались определениями возрастных границ молодежи. Особенность данного периода заключается в том, что четкой ориентации в жизненных ценностях у подавляющего большинства молодежи нет: чувствуется дискомфорт между перспективой выбранной профессии, общественными «запросами» на нее, вернее отсутствием таких запросов с одной стороны, и своими наклонностями, способностями, представлениями – с другой. Осложняет ситуацию выбора ценностей для современной молодежи и атмосфера разрушения «устоявшейся системы идеалов, чувств, ориентаций» и необходимости «привлекаться к новой системе мировоззренческих, этических, политических ценностей», которая, к сожалению, еще не имеет четких очертаний.

Одной из характерных черт современной эпохи является возможность свободного выбора тех ценностей, которые соответствуют представлениям человека об идеале, смысле жизни, поскольку полностью уничтожена старая система ценностно-нормативного регулирования выбором индивида, его моралью. Это не означает, однако, возможности каждому реализовать данные преимущества современного «переходного» периода, и составляет одно из противоречий в отношениях общества и личности. Слом стереотипов ценностей непосредственно влияет на ценностные ориентации личности в силу природных закономерностей. Человеческая природа, по утверждению Э. Фромма, «не неизменна», поэтому культуру нельзя объяснить, как результат постоянных человеческих инстинктов. Человек по своим природным свойствам может адаптироваться к постоянным изменениям в условиях своего существования, своего «культурного самовыражения», но в процессе такой адаптации вырабатываются определенные ментальные и эмоциональные реакции.

«Человек, – отмечает Э. Фромм, – может адаптироваться к рабству, но он реагирует на него снижением своих интеллектуальных и моральных качеств; он может адаптироваться к культуре, проникнуть общим недоверием и враждебностью, но он реагирует на такую адаптацию ослаблением своих сил... Человек может адаптироваться к любой культурной системе, но в той мере, в какой эти системы противоречат его природе, у него развиваются ментальные и эмоциональные нарушения, побуждающие его в конце концов к изменениям этих условий, так как он не может изменить свою природу» [3, с. 167].

Проблема выбора индивидом ценностей, типа поведения не нова в философии. Она является основной для представителей экзистенциализма – направления философского осмысления проблемы ценностей. Человек, по их мнению, совершенно «свободен» в своем выборе, ведь все, что он делает, зависит, в первую очередь, от индивидуального выбора. Что бы ни делал человек, утверждал Ж.-П. Сартр, все является «постоянным», «непрерывным проектированием» своего «Я», неутомимым желанием стать «чем-то», быть «кем-то». Человек, считал он, является «то», чем он стремится быть, поэтому и сущность человеческого существования – это свободный «выбор различных возможностей» [2, с. 228].

Выбор индивидом личностных ценностей всегда связан с динамикой процессов, происходящих в общественно-экономической и политической сферах, а также процессов, связанных с осмыслением индивидом себя как «Я – сейчас», «Я – в будущем». При этом познавательные-личностные усилия направляются прежде всего на собственную смысловую сферу, на свой внутренний мир, свое понимание ценностей, их значимости для реализации жизненной перспективы.

В XIX столетии исследовательские интересы были нацелены на способы распространения просветительских идей среди молодежи (Я. Головацкий, И. Вагилевич, М. Шашкевич, Т. Шевченко, И. Франко), а в XX – междисциплинарный аспект ее формирования, развития и реализации потенциала. Именно в таком ключе следует рассматривать работы отечественных и зарубежных демографов (Ю. Корчак-Чепурковского, А. Рославского-Петровского, Б. Урланиса, С. Пирожкова), психологов (Ш. Бюлер, Т. Титаренко, С. Василькова), социологов (К. Мангейма, Г. Шельски, С. Иконников,

А. Балакиревой, В. Печи, Н. Черныш), антропологов (П. Парсонса, Дж. Колемана), экономистов (Н. Зибера, И. Лукинова, П. Самюэлсон, М. Бурда, Г. Манкива).

Повышенный интерес к проблемам формирования ценностно-смысловой сферы молодежи обусловлен тем, что старшее поколение имеет уже устоявшиеся ценности, которые не так легко меняются под влиянием событий. А молодежь – это та часть общества, которая производит свою систему ценностей, и эта система во многом зависит от того, что происходит вокруг. В свою очередь, от жизненных ценностей современной молодежи будет зависеть то, что будет происходить в отдельных странах и в мире уже через несколько лет. До 18-20 лет у человека, как правило, формируется система базовых ценностей, то есть тех, которые влияют на все его решения и поступки. В дальнейшем с течением лет она остается практически неизменной, и существенный ценностный переворот в сознании зрелого человека возможен только под влиянием сильного стресса, жизненного кризиса.

Система ценностей и ценностных ориентаций не является пассивным следствием влияния социокультурной среды, экономических и политических факторов. Она, кроме этого, выступает еще и одной из форм самосознания, самовыражения внутренних интеллектуальных, нравственных, эстетических и других сил и представлений личности, находящихся в тесной взаимосвязи с его потребностями, интересами, мотивами поведения, обуславливая их и одновременно находясь в зависимости от них, от характера и объемности информации о культурных ценностях, их сущности, функций и свойств. При этом четко проявляется взаимосвязь и взаимовлияние социокультурной макро- и микросреды и личности, эффективность образовательно-воспитательной системы общества.

Среди ценностей современная молодежь отдает предпочтение таким:

- здоровье;
- семья;
- коммуникативные ценности общения;
- материальные блага, финансовая стабильность;
- любовь;
- свобода и независимость;
- самореализация, образование, любимая работа;
- личная безопасность;
- престиж, популярность, слава;
- творчество;
- общение с природой;
- вера, религия.

Большое место в жизни молодежь отводит здоровью и семейным ценностям. Высокий рейтинг имеют у молодых материальные ценности – в том числе и как средство достижения семейного благополучия. Такая материально-финансовая ориентированность молодежи связана с эпохой перемен в период рождения современных молодых людей, а детство пришлось на тяжелые для всего постсоветского пространства года. Детям 90-х пришлось насмотреться, как их родители приспосабливались, буквально выживали, стремясь заработать минимум средств для обеспечения основных потребностей. Трудности тех лет заставляют нынешнюю молодежь желать стабильности и денег как средства достижения этой стабильности.

Нравственные ценности практически не вошли в список базовых ценностей современной молодежи, а духовные и культурные ценности занимают последние строчки. Это связано с тем, что молодежь согласовывает свою систему ценностей, прежде всего, с критериями жизненного успеха. Такие понятия, как честно прожитая жизнь, чистая совесть, скромность, к сожалению, уходят на второй план.

Таким образом, система ценностей современной молодежи представляет собой микс из традиционных ценностей: семья, здоровье, коммуникация и ценности, связанные с достижением успеха: деньги, независимость, самореализация. Равновесие между ними пока

не устойчиво, но, возможно, в ближайшие десятилетия на его основе сформируется новая стабильная система ценностей общества.

Среди причин девальвации ценностей в молодежной среде можно выделить следующие: усиление напряженности в социально-психологической атмосфере общества, обострение противоречий и конфликтов между индивидуальными сущностными силами, стремлением личности к сознательному определению своих потребностей, жизненных перспектив как одного из ключевых признаков ее суверенности, с одной стороны, и стремлением властных структур ускорить процесс социокультурного «развития» государства путем трансформации новых нормативных ценностей, что воспринимается индивидом как нарушение его свободы выбора данных ценностей.

Очевидно, именно этим можно объяснить тот факт, что вопреки ожидаемой «перестройке» сознания индивидов в спрогнозированных направлениях происходит процесс ее «расщепления»: одни внутренние силы, подвергаясь традиционной привычке придерживаться социальных норм поведения, стремятся к немедленному положительному реагированию, другие – вступают в противодействие, которое проявляется в поведении индивида как своеобразный протест против угнетения его внутренней свободы.

Вхождение личности в новые социальные отношения проходит сложно и неоднозначно. Процесс интегрирования также носит многоплановый характер: он затрагивает мировоззренческие аспекты духовной жизни индивида, его политические приоритеты, стабильность или подвижность, динамичность стереотипов мышления ставит индивида в ситуацию перестройки всей структуры мышления.

Как показывает историческое развитие общества, переходные, кризисные периоды всегда сопровождаются глубокими психологическими кризисными явлениями, в первую очередь это касается молодежной категории населения. Эти явления имеют, как правило, различные формы проявлений – от растерянности, разочарований, пессимизма к четко выраженному бунтарству, открытому нигилизму. Иногда в таких кризисных ситуациях молодой человек, у которого еще не полностью сформировано жизненное кредо, выбирает наиболее легкий путь – путь балансирования, однако такой период длится недолго. Как показывают исследования, в последнее время значительно увеличилось количество пациентов социальных психиатров. Одной из причин этого является обострение противоречий между запросами и стремлениями индивида, его субъективными возможностями и отсутствием общественных условий для их реализации, в конечном последствии приводит к психологическому (а иногда и к психическому) срыву. Как правило, именно такая молодежь пополняет число наркоманов, самоубийц, террористов, которым не свойственна уже способность самоконтроля, саморегуляции и самооценки. Это одна из форм проявлений внутреннего кризиса личности, вызванной нестабильностью общественного развития, а, следовательно, и системы ценностей.

Второй формой неприятия изменений в общественно-политической, экономической и других сферах жизнедеятельности является бунтарство, своеобразный вызов «официальным» процессам. Эта форма протеста также свойственна в большей мере молодежной среде и имеет самые разнообразные проявления бунтарского поведения. Наиболее активно бунтарство и как личностная черта отдельного индивида, и как целое направление в молодежном движении проявляется через художественно-творческие ориентации, когда молодежь проявляет свой протест против традиционных форм искусства, литературы, кино и телепродукции и «ищет» так называемые «новые средства» самовыражения, которые полностью противоречили традиционным. В свое время это были хиппи, панки, металлисты и другие многочисленные формы проявления бунтарства молодежи.

Демократизация и гуманизация современного общества и воспитательного процесса обуславливают актуальность решения проблемы привлечения арсенала педагогических средств коррекционного воздействия на личность. Значение и роль коррекции поведения в жизнедеятельности личности требует нового ее осмысления в контексте перестройки системы воспитания, переориентации ее на усвоение общечеловеческих и национальных

ценностей и традиций с целью комплексного решения проблемы интеллектуального, духовного и физического развития личности. При таком понимании проблема коррекции направляется на совершенствование поведения и жизнедеятельности личности в социуме, поскольку ее объектом выступают недостатки и пороки как в характере и поведении, так и в будущей общественной жизни.

Эффективными условиями коррекции девальвации ценностных ориентаций современной молодежи считаем следующие:

- высокая мотивированность на «занятие любимым делом»;
- повышение общекультурного уровня, духовности молодежи;
- личная заинтересованность и увлеченность «любимым делом»;
- комплексность психолого-педагогических коррекционных мероприятий ценностно-смысловой сферы;
- повышение гражданской активности молодежи;
- обеспечение мобильности молодежи.

Определяя эффективные пути коррекции девальвации ценностей современной молодежи, считаем необходимым обратить внимание на деятельностный подход, поскольку любая активность, деятельность, во-первых, является противодействием «бездействию» и пассивности, порождающим отчаяние, негативизм; во-вторых, человек по своей природе деятелен. Найдя занятие «по душе», он превращается в инициативного творца, способного к самосовершенствованию, саморазвитию, творчеству.

Наиболее эффективными и доступными путями коррекции девальвации ценностно-смысловой сферы студенческой молодежи считаем физическую культуру и спорт, а также обеспечение социальной активности молодежи, вовлечение в молодежную политику, обеспечивающую активное участие молодежи в жизни государства и общества.

Главными факторами всестороннего развития личности является развитие всех видов деятельности человека и умение использовать их в повседневной жизни. В процессе занятий физической культурой и спортом развиваются и формируются идейно-политические, нравственные и эстетические нормы и идеалы, мировоззренческие установки, активная жизненная позиция. Физическая культура и спорт открывают перед человеком огромные возможности для самовыражения и самоутверждения, способствуют возникновению радости общения, сопереживания, сопричастности, радости победы и гордости за человека и его неисчерпаемые возможности.

Физическая культура является качественной, динамической характеристикой уровня развития и реализации возможностей человека, которая обеспечивает биологический потенциал ее жизнедеятельности, необходимый для гармоничного развития, проявления социальной активности, творческого труда (Т.Ю. Круцевич) [1, с. 31].

Физическая культура должна входить в жизнь человека с раннего возраста и не оставлять его до старости. Основными показателями состояния физической культуры и спорта являются:

1. Уровень здоровья и физического развития разных слоев населения.
2. Степень использования физической культуры в различных сферах деятельности, уровень развития системы физического воспитания, самодеятельного массового спорта.
3. Высокие достижения спортсменов в отдельных видах спорта.
4. Уровень обеспеченности квалифицированными кадрами, спортивными сооружениями и инвентарем.

Спорт высоких достижений дисциплинирует, мобилизует молодежь, учит ставить цель и достигать ее. У молодых людей, занимающихся профессиональным спортом, повышается ответственность, осознание необходимости вести здоровый образ жизни, появляется «командный дух», ответственность, патриотизм.

Большим потенциалом как коррекционное средство профилактики девальвации ценностей выступает социальная активность молодежи, формирование активной жизненной позиции, приобщение молодежи к управлению городом, республикой, страной. Наиболее

эффективными мероприятиями при этом являются такие, как «Ты нужен республике», «Я – профессионал», выборы в молодежный парламент республики, в молодежный парламент при государственной думе, разные формы волонтерства, медиаактивность; формирование социально активной личности – патриота Республики Крым, России; поддержка молодежных инициатив, талантливых молодых людей, создание условий для самореализации, профессионального и творческого развития молодежи; формирование в молодежной среде осознанной необходимости ведения здорового образа жизни; укрепление отношений и связей между молодежью разных стран, обмен опытом и знакомство с практиками молодежных организаций и объединений с целью формирования новых тенденций в молодежной среде.

Выводы. Таким образом, причинами девальвации ценностей современной молодежи являются обострение противоречий и конфликтов в обществе, экономический и социально-духовный кризис, снижение общекультурного уровня населения. Условиями коррекции девальвации ценностных ориентаций современной молодежи являются: высокая мотивированность на «занятие любимым делом»; повышение общекультурного уровня, духовности; личная заинтересованность и увлеченность «любимым делом»; комплексность психолого-педагогических коррекционных мероприятий; повышение гражданской активности молодежи; обеспечение мобильности молодежи. Среди эффективных путей коррекции девальвации ценностно-смысловой сферы студенческой молодежи считаем физическую культуру и спорт, а также повышение социальной активности молодежи, привлечение ее к участию в молодежной политике, обеспечивающей активное участие молодежи в жизни государства и общества.

Аннотация. В статье рассматривается проблема ценностно-смысловой сферы современной молодежи. Очерчен круг ценностей молодого поколения населения. Выявлены причины девальвации ценностей студенческой молодежи. Определены эффективные пути и условия ее коррекции.

Ключевые слова: молодежь, ценности, девальвация ценностей, коррекция.

Annotation. The article determines the value-meaning sphere of modern youth. The set of basic values of the younger generation is outlined. The causes of the devaluation of the students' values are identified. Effective ways and conditions of improving this condition are determined.

Keywords: youth, values, devaluation of values, correction.

Литература:

1. Круцевич Т. Ю. Фізичне виховання як соціальне явище / Т.Ю. Круцевич, В.В. Петровський // Теорія і методика фізичного виховання: підручник. – К.: Олімп. література, 2008. – Т. 1. – С. 27-46.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто // Филос. и социол. мысль. – 1995. – № 5-6. – 228 с.
3. Фромм Э. Человек для себя. – Минск: Коллегиум, 1992. – 167 с.

АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ МЕДИАКОНТЕНТА В СЕТЕВЫХ СУБКУЛЬТУРАХ

Гуреева Софья Максимовна

студентка 4 курса бакалавриата факультета юридической психологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
г. Москва

Научный руководитель

Делибалт Варвара Васильевна,

доцент кафедры «Юридическая психология и право»
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
г. Москва

Постановка проблемы. В настоящее время нет общих психологических критериев для изучения, оценки и анализа содержания медиаконтента. При этом большую часть времени современный подросток проводит именно в социальных сетях, которые заменяют ему привычные институты социализации [1]. В нашей исследовательской работе была разработана и применена специальная процедура анализа, позволяющая формализовать содержание контента.

Изучение медиаконтента сетевых субкультур в социальных сетях является важной частью современной психологии, поскольку несовершеннолетние и взрослые сейчас проводят перед экранами компьютеров и других гаджетов и девайсов продолжительное время, просматривая массив различного по содержанию контента. Помимо информационного аспекта, неотъемлемая часть этого контента приходится на развлекательную его часть. К сожалению, не весь контент, распространяющийся в социальных сетях, можно назвать полезным или информативным. Опасней всего, если контент можно отнести к ненадлежащему или деструктивному.

Целью статьи является описание разработанного метода оценки деструктивности медиаконтента сетевых субкультур для его последующего анализа и классификации.

Изложение основного материала исследования. Исследование направлено на выявление и описание специфики и психологических особенностей медиаконтента в социальных сетях. В статье рассматривается разработанный нами метод на примере сетевой субкультуры аниме. Для этого был отобран медиаконтент, включающий в себя 150 постов, взятых из двух пабликов, которые объединены общей аниме-направленной тематикой в социальной сети «ВКонтакте» и канал в мессенджере «Telegram»: 50 постов было проанализировано в паблике «死士 .png» из социальной сети «ВКонтакте», 50 постов проанализировано в паблике «К ранам души аниме приложи» в социальной сети «ВКонтакте», а также 50 постов из канала «МСМ» в мессенджере «Telegram».

Для проведения такого анализа необходимо было выделить психологические индикаторы, характерные для медиаконтента сетевой субкультуры аниме. Качественной единицей контент-анализа выступают категории контент-анализа, составляющие схему исследования, индикаторами являлись тематика и цвет фотографии, смысловое содержание подписи и смысловое содержание музыкального сопровождения, которые являлись качественными признаками в рассматриваемых категориях. [2] Под количественной единицей анализа принимается пост в рассматриваемой группе, принадлежащей к рассматриваемым сетевым субкультурам. Также, рассмотрение отдельных публикаций в сообществах, относящихся к определенной субкультуре, помогут исследователю провести более подробный разбор психологического содержания смыслов и идей, которые несет в себе разбираемое сообщество, путем детального анализа фотографий, текстового содержания и прикрепленного музыкального произведения, способного всецело отражать суть самой сетевой субкультуры.

Этап психологического анализа медиаконтента сетевой субкультуры заключается в выделении параметров:

- Определение тематики и цвета фотографии (например, присутствие подписи на фото; использование картинки, отображающей принадлежность к разбираемой сетевой субкультуре; на фотографии преобладают темные тона; изображение действий криминального характера; изображение крови и др.).

- Определение смысловой нагрузки текстовой подписи (при ее присутствии) (такие как: содержание подписи несет в себе призыв к суициду; содержание подписи несет в себе призыв к насильственным действиям или содержит описание насильственных действий; содержание подписи несет в себе одобрение аутодеструктивного поведения и др.).

- Определение смысловой нагрузки музыкального сопровождения (при его присутствии) (например, музыкальное сопровождение включает в себя призыв к суициду; музыкальное сопровождение включает в себя призыв к насильственным действиям или содержит описание насильственных действий и др.).

Данные, полученные из постов групп в социальных сетях, подвергаются психологическому анализу. На следующем этапе определяются отдельные темы и частота встречаемости вынесенных выше параметров:

- Изображения. К ключевым деталям изображений, которые относятся к категории *«открытые телесные самоповреждения»*, относятся: шрамы, явно демонстрирующие следы самоповреждения, процесс нанесения себе ран. К ключевым деталям изображений, относящихся к категории *«оружие»*, обозначены: фотографии и изображения пистолетов, автоматов, ножей, и вещей, способных нанести вред здоровью человека. К ключевым деталям изображений, которые относятся к категории *«сцена курения, употребление алкоголя или иных наркотических средств»*, мы обозначили: бутылки из-под алкоголя, распитие алкоголя, зажжённая сигарета, пачка сигарет на столе, шприцы и изображение жгута, которые можно отнести к процессу употребления наркотических средств. К ключевым деталям изображений, которые относятся к категории *«криминальные действия»*, мы обозначали изображения такие как: бомба. К ключевым деталям изображения, которые относятся к категории *«другое содержание»*, мы обозначили: неразделенная любовь, дружба, романтические отношения, преданность, мотивационные призывы, одиночество.

- Смысловая нагрузка текста. К определению смысловой нагрузки текстовой подписи, в категории *«призыв к суициду»* мы отнесли фразы: «теперь можно в петлю», «почему бы тебе не прыгнуть с обрыва?». К определению смысловой нагрузки текстовой подписи, под категорию *«призыв к насильственным действиям или описание насильственных действий»* нами были отнесены: «click to die» и подобные. К категории *«популяризация употребления курения, алкоголя или наркотических средств»* нами были отнесены следующие словосочетания: «дымлю красиво», «пьяное утро» и подобные. К категории *«призыв к рискованному действию»* мы отнесли: «ну что, погнались?!» (данная подпись является «крылатой фразой интернета» и рассматривалась нами с тем же смыслом, который нес создатель и распространитель этой фразы). К категории *«другое содержание»* мы отнесли подписи к фотографии, которые содержат название или описание аниме, описывают неразделенную любовь, дружбу, романтические отношения, использование различных эмодзи, преданность друг к другу, проверка активности подписчиков в группе.

- Музыкальное сопровождение. Ключевыми словами музыкального сопровождения в категории *«призыв к суициду»* являются: «отдай свою жизнь суициду», «мы рады умереть», «соверши харакири в живот», «встретил свою смерть», «петля ждет», и подобные. К ключевым словам музыкального сопровождения в категории *«призыв к насильственным действиям»* отнесены такие ключевые словосочетания как: «хочешь бить – бей», «принеси всем вокруг боль» и подобные. К ключевым словам музыкального сопровождения, в категории *«одобрение аутодеструктивного действия»* обозначены ключевые словосочетания: «вырежи свою кожу» и т.д. К ключевым словам музыкального сопровождения, в категории *«передача позитивного образа употребления курения, алкоголя»*

или наркотических средств» мы обозначили ключевые словосочетания: «кури никотин, РСР, таблетки возьми на кухне», «они под спидами, а ты стоишь как вкопанный» и подобные. К ключевым словам музыкального сопровождения, в категории «другое содержание» отнесены: содержание в мелодии и в словах японских мотивов, слова о неразделенной любви, о романтических отношениях между мужчиной и женщиной и преданности любимому делу.

Далее мы предлагаем перейти к сужению имеющихся подпунктов в типы для соотнесения различных форм девиаций среди медиаконтента сетевых субкультур:

- **Призыв к суициду.** К типу «призыв к суициду» были отнесены такие особенности медиаконтента как: изображение открытых телесных самоповреждений и шрамов, намекающих на самоповреждение, картинки с изображением крови, текстовые подписи, несущие в себе призыв к суициду, подписи, одобряющие аутодеструктивное поведение, подписи, одобряющие рискованное действие, музыкальное сопровождение, описывающее или призывающее к совершению самоубийства, музыкальное сопровождение, призывающее к рискованному действию и музыкальное сопровождение, одобряющее аутодеструктивное поведение.

- **Материалы с сексуальным подтекстом.** К материалам с сексуальным подтекстом мы отнесли фотографии, которые содержат обнаженные части тела и картинки, содержащие сексуальный подтекст.

- **Призыв к аддиктивному поведению.** К типу «призыв к аддиктивному поведению» были вынесены изображения, которые демонстрируют сцены курения, употребления алкоголя или иных наркотических средств, подписи, популяризирующие употребление табака, алкогольной продукции и наркотических средств и музыкальное сопровождение, которое передает позитивный образ курения, употребления алкоголя и наркотических средств.

- **Призыв к делинквентному поведению.** В отдельный тип «призыв к делинквентному поведению» мы вынесли следующие параметры: изображение сцен насилия, изображение оружия, изображение действий криминального характера, подписи, призывающие к насильственным действиям или описывающие насильственные действия, подписи, содержащие позитивное описание оружия, подписи, содержащие одобрение экстремистских действий, музыкальное сопровождение призывающие к насильственным действиям или описывающие насильственные действия, музыкальное сопровождение, описывающее использование оружия и музыкальное сопровождение, описывающее экстремистские действия.

- **Контент, не направленный на призыв к девиации.** К последнему типу были отнесены картинки, подпись и музыкальное сопровождение в посте, имеющие другое содержание.

Выводы. Таким образом, мы предлагаем разработанный нами метод и категории для анализа медиаконтента сетевых субкультур в процессе психологического анализа, направленный на выделение тех или иных индикаторов, которые имеют значение для оценки деструктивности медиаконтента, в том числе связанного с проявлениями девиантного поведения в социальных сетях.

Аннотация. Данная работа освещает особенности анализа медиаконтента сетевых субкультур. В частности, при изучении медиаконтента рассматриваются различные формы деструктивности медиаконтента. Описан метод изучения изображений, смыслового содержания подписи и музыкального сопровождения в постах сетевых субкультур.

Ключевые слова: медиаконтент, сетевая субкультура, сетевой анализ, алгоритм оценки, деструктивный контент.

Annotation. This work highlights the features of the analysis of media content of network subcultures. In particular, various forms of media content destructiveness are considered in the study of media content. The method of studying images, semantic content of the signature and musical accompaniment in the posts of selected network subcultures is described.

Keywords: media content, network subculture, network analysis, evaluation algorithm, destructive content.

Литература:

1. Абдуллина Т.С. Молодежная субкультура «готов»: философско-культурологический анализ: дисс. кан. философ. н.: / Абдуллина Татьяна Сергеевна- Казань, 2015. – 187 с.
2. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста / Лингвистика речи. Медиастилистика : кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. – Москва, 2012., с. 320-334.

УДК 159.95

СТРЕССИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Данилков Андрей Анатольевич,

кандидат психологических наук, доцент кафедры
педагогики и психологии ИФМИЭО ФГБОУ ВО

«Новосибирский государственный педагогический университет»,
г. Новосибирск

Постановка проблемы. В статье рассмотрены актуальные вопросы возрастающего влияния стрессирующих факторов, влияющих на развитие и формирование субъектности детей. Современные институты образования и воспитания выступают в качестве основных источников личностных эмоциональных расстройств, вызванных возникновением ситуативной тревожности (школьная тревожность, адаптивная тревога и т.д.).

Цель статьи. Раскрыть факторы, оказывающие стрессирующее влияние на развития субъектности современных детей в образовательных системах.

Изложение основного материала исследования.

В последнее два-три десятилетия все большую актуальность в системе современного образования России приобретает не только проблема психологической безопасности детей, но исследование причин и факторов, влияющих на эту безопасность. Мы имеем виду стрессирующее воздействие различных факторов при нахождении детей в разных по своей сути образовательных и воспитательных учреждениях. Особое место в перечне этих учреждений занимает школа и детские оздоровительные лагеря – учреждения, которые ребенок очень часто посещает помимо своей воли и желания.

И действительно, очень много исследователей в последние два-три десятилетия отмечают то, что достаточно большое количество детей рассматривают школу как место, где они переживают негативные эмоции. Связаны эти переживания с различными явлениями школьной жизни: со сверстниками и их поведением, с отношением к самим детям как со стороны других детей, так и учителей, с «инновационными» программами обучения и т.д. Все эти факторы вызывают, по мнению исследователей (Г.А. Жук, 1989; Т.Ю. Андрущенко, 1993; В.А. Крутецкий, 1976; М.М. Рыбакова, 1990; В.Е. Каган, 1984 и др.) формирование и развитие тревожных состояний в структуре личности школьника, а, следовательно, негативно влияют на их личностное развитие.

По оценкам различных исследователей всё большее количество школьников рассматривают школу как зону эмоционального дискомфорта. Если в конце 90-х годов таких детей было 25-27%, то сейчас их 62-65%. Цифра катастрофическая! Школа – это «неминуемая неприятность, растянутая во времени» (как охарактеризовал её один из

старшекласников), а, следовательно, изначально вызывающая повышенный уровень ситуативной тревожности.

Детский оздоровительный лагерь для многих детей также является нежелательным в силу определенных причин и служит местом, где ребенок переживает ряд негативных эмоций, переживаний, стрессующих моментов и т.д. Но здесь есть одна приятная особенность: для многих детей ситуация кардинально меняется после из первого посещения детского лагеря. Получив положительный опыт пребывания в лагере, ребенок меняет свое отношение к нему.

Нас интересуют механизмы формирования данных явлений, причины их возникновения и формы проявления стрессового поведения, вызванного, как правило, высоким уровнем ситуативной тревожности. Для начала рассмотрим ситуацию развития ребенка в рамках школы. На первых этапах поступления ребенка в школу на смену сложившимся формам жизнедеятельности ребенка приходят новые. Игра заменяется учением, необходимо приспособляться к новым требованиям, режиму. Тревога ребенка по поводу своего соответствия этим требованиям, своих способностей и возможностей занимает едва ли не центральное место его внутренней психической жизни. Данные эмоциональные переживания очень часто приводят к возникновению широкого спектра психосоматических заболеваний у детей-первоклассников: желудочно-кишечный тракт, сердечно-сосудистая система, эмоциональная сфера – все они подвержены негативному действию тревожности. Характер этой тревожности – ситуативен. Именно в этом возрасте исследователи отмечают у детей резкий рост тиков и тикообразных движений.

Эти тики имеют свое название – *временные расстройства в виде тиков*. Одиночные или множественные двигательные или голосовые тики, проявляющиеся по много раз в день. Время проявления не более 12-ти месяцев. Быстро проходящие тикоподобные привычные движения или нервно-мышечные подергивания встречаются у детей довольно часто. По разным данным, Г.И. Каплан и Б.Дж. Сэдок определяют, что от 5 до 24% детей школьного возраста переносили эти расстройства. Временные тики, скорее всего, имеют и органическое, и психогенное происхождение. Средний возраст появления тиков – 7 лет.

Наиболее часто встречающиеся тики, выделяемые различными специалистами, можно условно разделить на: лицевые, связанные с руками, связанные с телом и ногами, связанные с дыханием и органами пищеварения.

Кстати, очень интересно то, что данные тики исследованы нами в условиях детского лагеря. Они возникают у большинства детей-новичков, попавших в новые для них условия (новая обстановка, новые дети, новые взрослые, новая деятельность и т.д.). В большинстве случаев временные тики не прогрессируют и со временем либо уменьшаются, либо исчезают совсем. Но следует отметить, что основной причиной их возникновения является повышенный уровень ситуативной тревожности, который имеет социальную природу, подкрепленную физиологическими особенностями индивида.

Н.В.Фролова (1995) отмечает, что школьная тревожность возникает как реакция на столкновение ребенка с требованиями обучения и невозможностью их освоить. Причинами могут также выступать школьные и домашние санкции морального и физического характера, неблагополучие в общении со сверстниками, неуверенность в себе, чувство неполноценности, дискомфорт в общении с учителем. Повышенный уровень тревожности, отмечает автор, характерен для периода поступления ребенка в школу.

По нашему мнению, повышенный уровень тревожности в период поступления ребенка в школу – нормативное явление его психического развития. Вопрос заключается только в том, каким образом научить ребенка справляться с этой тревожностью (научить ли его регулировать свои состояния, избегать тревогосгенных ситуаций, оценивать их не как потенциально опасные, а как конструктивные?). Данные способы избегания тревожности осложнены возрастной особенностью детей-первоклассников. Их развитие не позволяет взрослым применять способы научения избеганию тревожности, принятые в более старших

возрастах. Именно в силу этого необходимо наряду с психологическими средствами избегания (регуляции) тревожности в этом возрасте, применять и педагогические средства.

К таким средствам мы относим коммуникативно-деятельностные технологии работы как с отдельными детьми, так и с целыми классными коллективами (коммуникативные игры, командообразующие дела, коллективно-творческую деятельность, event-технологии, совместную творческую деятельность, элементы социально-психологического тренинга, педагогическую анимацию).

Очень интересно, что ряд исследователей рассматривают формирование и развитие школьной (учебной) тревожности в рамках проблемы психогенной школьной дезадаптации (В.Е. Каган, 1984; Б.И. Кочубей и Е.В. Новикова, 1988). Дезадаптация проявляется как психогенные реакции, заболевания и формирования, нарушающие субъектно-объектный статус ребенка в школе и семье и затрудняющие процесс обучения и воспитания. В данном случае речь идет не только о нарушении личностного развития ребенка, но и на формирование его субъектности, что очень актуально для подростков. Развитие психогенной школьной дезадаптации связывают со следующими факторами:

1. Процесс обучения сам по себе является психотравмирующим фактором. Школьные нагрузки и требования часто избыточны и непосильны. Но это, с одной стороны, является стимулирующим моментом. Учение и развитие личности наилучшим образом протекают не тогда, когда тревожность близка к нулю, а когда она находится на оптимальном уровне, и когда ребенок обучен адекватным способам борьбы с ней (Б.И.Кочубей, Е.В.Новикова, 1988).

2. Неразрывная связь младшего школьника с личностью и поведением учителя. Доминирование в этот период отношений «ученик – учитель» отмечают Л.И. Божович (1968), Г.М. Бреслав (1990). Особое положение учителя в социальной ситуации младшего школьника предопределяет его исключительный авторитет. Соответствовать требованиям для того, чтобы понравиться учителю – это одна из основных внутренних задач многих детей в этом возрасте. Тревога по этому поводу вызывает часто не совсем адекватное поведение ребенка, доходящее до подражания, желания угодить учителю, полностью соответствовать его требованиям.

3. Врожденная и конституциональная уязвимость центральной нервной системы ребенка. Чем больше такая предрасположенность, тем меньшей силы средовые влияния требуются для возникновения невротических реакций.

4. Личностные особенности родителей, нарушение отношений и неправильное воспитание в семье.

Завершая рассмотрение проблемы психогенной школьной дезадаптации, нельзя не привести точку зрения Е.В.Новиковой, отмечающей, что причиной возникновения психогенных школьных нарушений являются не сами промахи в учебной деятельности младшеклассников, а их переживания по поводу этих промахов. Эти психотравмирующие ситуации и неблагоприятные условия, действуя в довольно долгий промежуток времени, могут стать базисом для патологического развития личности (В.В.Лебединский, 1985). В большинстве случаев это приводит к поведенческим расстройствам, изменениям характера, эмоциональным кризисам, стойкой депрессии, соматическим заболеваниям, имеющим психологическую природу.

Если же рассматривать данные проблемы в жизни детей более старшего возраста, то к имеющимся стрессующим факторам и причинам возникновения (не зависимо школа это или детский лагерь) прибавляются и другие. В первую очередь, это факторы межличностного взаимодействия, коммуникации между детьми, между детьми и взрослыми. Если в детском коллективе отсутствует благоприятный психологический климат, если отношения между детьми или отношения взрослых к детям имеют негативные или асоциальные оттенки, то ребенок в данном коллективе испытывает явный дискомфорт. Эти негативные эмоциональные состояния приводят к нежеланию детей посещать школу, к различным «уходам» (например, в болезнь), к различного рода аддикциям (курение,

алкоголь, наркотики, лудомания и т.д.), о чем указывают Ц.П.Короленко и Н.В.Дмитриева. Очень часто возникает ситуация, когда ребенок, чувствуя безвыходность своего положения, условно принимает ценности таких коллективов и отношения, сложившиеся в нем. В данном случае он просто приспособливается, мимикрирует, что не означает полной его адаптации, но в любом случае оказывает негативное влияние на развитие его личности.

Существует еще один момент, который влияет на личностное развитие современных детей и является объективным. Исследователи отмечают, что в последнее время в связи с изменившимися условиями жизни и негативными явлениями в сфере социальной защищенности личности возникает культ личностных достижений и успеха (так называемый культ «рацио»), соответствия самым высоким стандартам (социальным, интеллектуальным, физическим и т.д.). Культ «рацио» возносится до степени сверхценной значимости для человека. Осознание того, что на каком-то этапе жизни, в определенных ситуациях ребенок может не соответствовать им, приводит к мучительному ожиданию возможного неуспеха и неудач в среде сверстников, сопровождающемуся низким порогом возникновения тревоги. Современные атрибуты успешного человека (дорогой мобильный телефон, айпод, «навороченный» компьютер, ноутбук и т.д.), рассматриваются ребенком как крайне необходимые для формирования его социального статуса.

В данном случае мы видим смещение ценностных приоритетов современных детей. Оно в свою очередь вызвано реалиями информационной цивилизации. А это ещё один фактор, влияющий на личностное развитие современных детей. Реалии этой цивилизации таковы, что у каждого из нас есть свое личное информационное пространство. Оно находится не около нас как личности или телесной субстанции, а за пределами тела – в виртуальном мире. Также, как и личностно-интимное пространство, эта сфера человеческого бытия очень тщательно оберегается нами, хотя некоторые люди стремятся «выложить» в это пространство достаточно интимную информацию. Несмотря на то, что данное пространство любого человека доступно практически для каждого желающего, в отдельные его сферы и уголки допускаются только особо приближенные люди.

Все усиливающийся ритм жизни, динамика развития событий вокруг каждого из нас, бешенные информационные потоки, всеобщие «телефонизация», «интернетизация» и «телевизоризация» – все это приводит к очень печальным последствиям. И мы, и наши дети очень быстро научаются псевдообщению: интернет-форумы, СМС-сообщения, блоги, «Живой журнал» и прочие явления информационного мира заменяют живое человеческое общение. В большинстве из этих форм общения «размывается» живой человек как объект и субъект общения. На основной план выходят средство и предмет общения. Привычка эта порождает ещё более печальное явление – дети все больше перестают общаться непосредственно друг с другом: один на один или с группой сверстников. Да и предмет общения зачастую оставляет желать лучшего.

С точки зрения психологии общения (да и с общечеловеческой точки зрения) люди все более отдаляются друг от друга: меньше времени проводят в разговорах, уделяют времени беседам друг с другом, своими детьми. Уходят такие необходимые атрибуты общения как взгляд, прикосновение, мимика, жесты и т.д. На смену им приходят символы, знаки, «сетевые» речевые обороты и т.д. Вслед за этим происходит не только межпоколенное дистанцирование, удаление друг от друга и общества, но и внутриспоколенное дистанцирование. Это парадокс современности: информации и общения становится все больше, они приобретают все новые и новые формы, а удовлетворенности от общения – все меньше. Нарушение живых связей в общении приводит к изменениям в психике человека (что уж говорит о детях!): психологический дискомфорт, эмоциональная нестабильность, невротизация – всё это последствия возникновения глобальной тревоги, вызванной вышеперечисленными явлениями и занимающей все большее место в жизни каждого из нас. Уже необходимо говорить о глобальном общечеловеческом конфликте: между вышеперечисленными последствиями информационной цивилизации, вызванном шквалом

информации и ментальной необходимостью глубины и проникновенности человеческого общения.

Данный конфликт очень остро проявляется у подрастающего поколения. Он накладывается на особенности определенных возрастных групп детей и наиболее ярко выражен у подростков и юношества. Дело в том, что, по мере своего взросления ребенок вынужден вступать во взаимоотношения все с большим количеством людей. Расширяется не только круг общения, но и способы и формы этого общения, изменяется его содержание. Кроме близких родственников и друзей он неизбежно общается с другими взрослыми, сверстниками, детьми младших и старших возрастов. По мнению Е.Б.Ковалевой (1998), в подростковом возрасте вероятность возникновения тревожных ситуаций увеличивается пропорционально расширению сферы общения и сферы деятельности, в которые постепенно включается ребенок. Тем не менее, общение современных детей становится все более поверхностным не только среди сверстников, но и в семье, в других социальных институтах. Смысловая составляющая этого общения все чаще сводится к обиходным: «Как дела?»-«Все в порядке». Именно эти особенности подростничества усиливаются названными последствиями информационного общества и приводят к весьма печальным последствиям.

Как одно из условий, усугубляющих данный конфликт, многие психологи и педагоги, занимающиеся исследованием процессов, происходящих в школе, выделяют несформированность коллективистского начала в школьных классах или других детских сообществах. Дети все менее приспособлены жить в коллективе, эффективно взаимодействовать со сверстниками, работать на командный успех. А от этого страдает психологический климат детских коллективов, мироощущение каждого отдельного ребенка, его эмоциональное благополучие и успешность усвоения знаний, умений, навыков. Эффективному общению, жизни в коллективе, командной деятельности необходимо обучать! Ведь в позитивно направленном детском коллективе со сформированным коллективистским началом, развитой системой взаимопомощи все эти неприятные моменты переживаются гораздо легче и не приводят к тяжелым негативным последствиям, к личностным деформациям.

Ещё один важный фактор возникновения личностных деформаций лежит в специфическом сегменте современного образования и воспитания – семье. Мы относим этот институт к глобальной системе образования. Справедливости ради стоит сказать, что мы рассматриваем только возможное влияние семьи на возникновение и развитие тревожности её влияния на личностное развитие ребенка, т.к. доказанных фактов, проведенных в рамках специальных законченных исследований нами не обнаружено. В силу этого обстоятельства мы позволим себе встать на точку зрения ряда авторов (Г.В. Майер, 2003; Г.И. Каплан и Б.Дж. Сэдок, 1994; Э. Берн, 1992 и др.) и высказать свои предположения относительно этого вопроса. Данное предположение основывается на многолетних собственных наблюдениях автора и материалах, изложенных в ряде научных статей и монографий.

В частности, в статье «Генетические факторы» Г. Майер (2003) отмечает, что часто обнаруживаются внутрисемейные сходства различных психических расстройств (в т.ч. и тревожных). Два или более члена семьи чаще, чем другие, демонстрируют похожую выраженность расстройств, чем два или более индивида в нормальной популяции (не являющиеся родственниками). В этой связи возникают закономерные вопросы:

1. Можно ли идентифицировать и выделить типы поведения и паттерны расстройства, сходные у членов семьи. Какова степень этого сходства?
2. Какие компоненты участвуют в данном семейном сходстве (генетические и не генетические компоненты как причинные условия)?
3. Какие механизмы, обусловленные детерминирующими генами, участвуют в развитии фенотипа?
4. Какие социальные (в данном случае внутрисемейные) факторы влияют на развитие данных расстройств?

Отвечая на первый вопрос, можно прибегнуть к наблюдениям за многопоколенными семьями, в которых одинаковые черты тревожного поведения (как типа поведения) встречаются, практически, в каждом поколении. Нами явно не отслежено, по каким линиям (материнским или отцовским) происходит повторение, но то, что оно встречается достаточно часто – это очевидно. Степень этого сходства достаточно высока и варьируется только от особенностей типа темперамента того или иного члена семьи.

Второй вопрос представляет достаточную трудность, но имеет подтвержденные данные молекулярной генетики. В частности, по мнению специалистов, 23 пары хромосом представляют совокупность всех наследуемых факторов и задатков, содержащихся в клеточных ядрах (геном). В настоящее время доказано наличие генетической вариабельности в ДНК. Поскольку ДНК идентична во всех соматических клетках одного человека, всю генетическую информацию можно извлекать даже из ядер периферийных клеток. Варианты одного и того же гена могут, таким образом помочь в объяснении вариабельности признаков и состояний. Именно изучение интраиндивидуальной изменчивости признаков и состояний (фенотипов) средствами биохимической и биометрической генетики может дать ответ на интересующий нас вопрос.

В этом плане интересным представляется то, что психологические переменные тоже можно понимать как фенотипы: это и относительно стабильные во времени свойства (например, личностные признаки), и наступающие время от времени, нередко, интермиттирующие состояния (например, эпизоды болезни). По мнению Г. Майера, неслучайное частое проявление одного признака (или похожих признаков) в семье может быть обусловлено:

1) генетическими причинами, т.е. определенные свойства гена повышают вероятность проявления какого-либо признака;

2) факторами семейного окружения, которые неслучайно часто влияют на членов одной и той же семьи;

3) суммарным взаимодействием или взаимодействием между семейными причинами (1 и 2); это можно предположить для большинства неорганических психических заболеваний и расстройств. На проявление поведения могут влиять три типа взаимодействия:

– *пассивное взаимодействие*. Если члены семьи живут вместе, то не только генетическая вариантность, но и характеристики семейного окружения у них общие; генетические факторы и факторы окружающей среды ассоциированы друг с другом, и эта ассоциация передается в семье;

– *реактивное взаимодействие*. Генетически обусловленное поведение кого-то из членов семьи (идентифицированного случая) индуцирует реакции у связанных с ним лиц. Это, в свою очередь, воздействует на идентифицированный случай. Следовательно, эта реакция представляет собой фактор окружения, который передается генетически;

– *активное взаимодействие*. Некоторые генетические диспозиции могут мотивировать носителя гена к созданию определенных окружающих условий.

Рассматривая эти положения, мы частично ответили на третий вопрос о механизмах, обусловленных детерминирующими генами, участвующими в развитии фенотипа. Тем не менее, автор считает, что «эмпирически подтвержденных моделей семейной и генетической передачи тревожных расстройств у нас на сегодняшний день нет. Но очень вероятно, что генетический компонент передается через один-единственный ген. Исследования генетического сцепления и ассоциаций при тревожных состояниях, проведенные к настоящему времени, пока не дают никакой информации о казуальных или способствующих генах» (Майер).

Изучив социальные (в нашем случае – внутрисемейные) факторы, влияющие на развитие тревожных расстройств, мы выделяем следующие:

- индивидуальные психологические особенности семейного окружения;
- особенности взаимоотношений между членами семьи;
- особенности воспитания (в т.ч., и тип семейного воспитания);

- религиозные, культурные, национальные особенности членов семьи (в том числе, наличие установок и стереотипов, присущих этим особенностям);
- особенности поведения членов семьи;
- наличие других детей в семье и особенности отношения к ним;
- традиции отношения к детям, принятые в данной семье;
- многопоколенность семьи;
- материальное благополучие семьи и степень уверенности старших в завтрашнем дне.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности сделать предположение о том, что развитие тревожности у детей в семье обусловлено данными факторами и может протекать по нескольким возможным вариантам:

1. Передача тревожности на генном уровне (наследственный вариант развития тревожности).
2. Неосознанное подражание ребенка поведению взрослых членов семьи, имеющих высокий уровень тревожности.
3. «Научение» тревожности: влияние на ребенка, заключающееся в его «научении» взрослыми членами семьи идентифицировать достаточно широкий диапазон ситуаций как опасных для жизни, здоровья, личности. Данную тревожность можно назвать внушенной.
4. Недостатки и перекосы воспитания, имеющиеся в семье (от жесткой требовательности до гиперопеки).

Выводы. В качестве вывода необходимо отметить, что отслеженные нами и такие разноплановые тенденции в современной системе образования и воспитания приводят к весьма печальным последствиям. А именно к нарушениям личностного развития и формирования субъектности. На наш взгляд, личностный рост ребенка, психолого-педагогическое сопровождение его развития, смыслообразование, ценностный потенциал и целеполагание личности – это те современные направления образования и воспитания, которые актуальны в настоящее время. Необходимо использовать личностно-ориентированные технологии и методы в работе с детскими коллективами. А через коллектив влиять на каждого из его членов – отдельного ребенка. Ориентиром в данном направлении являются положения ряда психологов о том, что регулирующее воздействие и психологическая помощь, сформированная субъектность личности, в конечном счете, должны обеспечить ребенку личностный рост (К. Рудестам, С.Л. Братченко, Е.Б. Ковалева, С.А. Бадмаев, И.В. Вачков и др.). В этом огромная роль должна принадлежать разработанному и применяемому в практике коммуникативно-деятельностному подходу.

Аннотация. В статье рассмотрены стрессоры современных образовательных и воспитательных систем, оказывающие негативное влияние на развитие субъектности детей. Вместе с факторами рассмотрены формы поведения при эмоциональных расстройствах детей, вызванные школьной дезадаптацией.

Ключевые слова. Ситуативная тревожность, стрессоры, школьная дезадаптация, психогении.

Annotation. The article deals with the stressful factors of modern educational systems, which have a negative impact on the development of subjectivity of children. Along with the factors considered behaviors by emotional disorders in children caused by school destepatarea.

Keyword. Situational anxiety, stressors, school maladjustment, psychogenies.

Литература:

1. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. – СПб.: МФИН, 1992.
2. Божович Л.И. Избранные психологические труды: Психология формирования личности. – М.: Международная педагогическая академия, 1995.

3. Данилков А.А. Ситуативная тревожность у детей: возникновение и генезис, диагностика и опыт преодоления: монография. – Новосибирск: Твердый знак, 2006.
4. Дмитриева Н.В., Короленко Ц.П. Психоанализ и психиатрия: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003.
5. Каган В.Е. Психогенные формы школьной дезадаптации // Вопросы психологии, 1984, № 4.
6. Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия. – М.: Медицина, 1994.
7. Новикова Е.В. Диагностика и коррекция школьной дезадаптации у младших школьников и младших подростков / Проблемы психодиагностики обучения и развития школьников. – М.: 1985.
8. Фролова Н.В. Влияние рассогласованного когнитивного стиля и технологии обучения на развитие тревожности у детей. / Дис... канд. психол. наук. 19.00.07. – Бийск, 1995.

УДК 159.9.072.3

**К ВОПРОСУ МОБИЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ У
КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД
РОССИИ**

Деулин Дмитрий Владимирович,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности,

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», г. Москва

Паришутин Игорь Александрович,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности,

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», г. Москва

Аникеева Наталья Викторовна,

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности,

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», г. Москва

Постановка проблемы. Проблема нехимической зависимости, в частности от мобильного телефона, в настоящее время становится крайне актуальной. Распространение цифровых технологий, доступность различного рода гаджетов и повсеместное использование интернет-мессенджеров выводят проблему зависимости от мобильных телефонов на новый уровень обсуждения.

Целью статьи является ознакомление читателя с масштабами распространения мобильной зависимости среди учащихся образовательной организации МВД России.

Изложение основного материала исследования. Отечественными психологами было проведено исследование, направленное на установление связи между склонностью к зависимому поведению и такими индивидуально-психологическими особенностями, как интеллект, коммуникативные качества, конформизм и адекватность самооценки. В рамках данной работы было выявлено, что склонность к зависимому поведению, в частности, к мобильной зависимости, связана с такими свойствами, как самооценка, общительность, доминантность, сдержанность, нормативность поведения, конформизм, самоконтроль и интроверсия. Вместе с тем, не было выявлено значимой корреляционной связи между

уровнем интеллекта и степенью зависимого поведения, в том числе зависимости от мобильного телефона [1].

В других смежных исследованиях изучались индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимым поведением и выявлялись психологические факторы риска формирования интернет-зависимого поведения. Таким образом, можно говорить о том, что интернет-зависимые подростки в целом испытывают трудности в понимании и прогнозировании поведения людей, а также хуже распознают различные смыслы, которыми наделены одни и те же вербальные сообщения в зависимости от характера взаимоотношений людей и контекста ситуации общения. Данные результаты, вероятно, связаны с особенностями протекания коммуникативной деятельности в Интернете, которая в первую очередь характеризуется виртуальной формой взаимодействия.

Исследование выявило, что для таких подростков характерно чувство беспокойства, отвлекаемость, недостаточная концентрация внимания, трудность самоконтроля как над своим поведением, так и над своими эмоциями, склонность к аффективному реагированию и повышенной личностной фрустрированности. Обращает на себя внимание то, что социальная компетентность подростков с интернет-зависимостью достоверно ниже, чем подростков контрольной группы. Интернет-зависимые подростки хуже распознают различные смыслы, которые могут принимать одни и те же вербальные сообщения в зависимости от характера взаимоотношений людей и контекста ситуации общения. Эмоциональный интеллект как система навыков идентифицировать и понимать эмоции, использовать их для повышения эффективности общения, также значимо снижен у подростков с интернет-зависимым поведением, что препятствует построению близких межличностных отношений и способствует компенсаторному использованию подростками Интернета для удовлетворения потребностей, фрустрированных в реальной жизни. Наиболее значимыми индивидуально-психологическими факторами риска возникновения интернет-зависимости у подростков в рамках проведенного исследования были выявлены следующие: повышенная возбудимость, сниженный самоконтроль, эмоциональная неустойчивость, высокий уровень тревожности, склонность к интроверсии, а также недостаточная развитость социального и эмоционального интеллекта [2].

Также специалистами изучалась проблема взаимосвязи интернет-зависимости и социального интеллекта. Установлено, что в ситуации с интернет-зависимыми подростками и даже умеренными пользователями выявляется недостаточно высокий уровень эмоционального интеллекта. Такие подростки не умеют понимать психологическое содержание эмоциональной реакции [3].

В отдельных исследованиях было установлено, что у студентов с часто возникающими негативными эмоциональными переживаниями выше склонность к нахождению в виртуальном пространстве Интернета, который выступает своеобразным способом уклонения от реальной проблемы и отвлечения от нее [4].

В статье Гришина С.Е. утверждается, что 82,4 % интернет-зависимых – это молодежь в возрасте от 16 до 24 лет [5]. При этом возраст этой зависимости с каждым годом молодеет.

Анализ приведенных научных исследований показывает, что, во-первых, зависимости от мобильного телефона и Интернета подвергается значительная часть аудитории такой социальной группы как «студенчество», проживающая преимущественно в крупных городах. Во-вторых, основной причиной увлечения мобильным телефоном является эскапизм как некая форма устранения от реальности и решения возникающих проблем. Часто жизненные задачи, представляющиеся учащимся непреодолимыми, неразрешимыми заставляют прибегать их к неконтролируемому чрезмерному использованию мобильных аппаратов.

В целях подтверждения ранее установленных результатов предыдущих исследований о распространенности мобильной зависимости (в том числе Интернет) нами была поставлена задача по проведению подобного констатирующего эксперимента среди обучающихся образовательной организации МВД России с ее специфическими особенностями служебной и учебной деятельности.

В исследовании приняли участие курсанты и слушатели в возрасте от 18 до 22 лет, как юноши, так и девушки. Средний возраст обучающихся составил 20 лет. Необходимо отметить, что проведенное исследование стоит отнести к пилотажному в силу незначительной выборки испытуемых – всего 22 человека.

Испытуемым предлагалось самостоятельно изучить время, проведенное за мобильным телефоном в течение прошедшего дня и в течение прошлой недели. Для этого было предложено воспользоваться устанавливаемыми на современных телефонах приложениями (программными компонентами), которые в автоматическом режиме (экранное время) позволяют отслеживать время использования телефона, а также давать качественную характеристику интернет-пространству, в которое погружается пользователь. Это позволило нам объективно оценить интернет-вовлеченность курсантов и слушателей как с качественной (адреса сайтов), так и с количественной (время, потраченное в сети) стороны. Стоит отметить, что в данном исследовании мы учитывали только использование мобильных телефонов, при этом не учитывался выход в интернет-пространство при вовлечении иных технических устройств (компьютеров, ноутбуков др.).

Основной задачей исследования было определение длительности времени нахождения курсантов и слушателей за мобильным телефоном. Гипотезой исследования выступило предположение о потенциальной взаимосвязи между успеваемостью обучающихся и их времяпрепровождением в сети Интернет (в том числе пользование мобильным телефоном). За критерий успеваемости мы взяли интегративную оценку по наиболее репрезентативным дисциплинам (учитывалась сложность учебного материала, количество часов и др.) за текущий учебный период. В их число вошли такие дисциплины как «Психофизиология», «Психология личности», «Профессиональная этика и служебный этикет», «Методология и методы социально-психологического исследования», «Педагогика».

В качестве основных методов исследования нами использовались: анкетирование, наблюдение, беседа, а также анализ данных, полученных с помощью специально установленной на мобильных телефонах технической программы (приложения) My Apps Time.

При этом было проанализировано так называемое «экранное время», то есть то время, которое фиксируется программой как время пользования мобильным телефоном. Так, нами было учтено среднее время за день и за неделю, а также качественная характеристика проведенного времени, а именно используемые курсантами и слушателями ресурсы и приложения.

Анализ полученных результатов исследования позволил установить, что среднее время, проведенное в сети, составляет 2206 минут, что соответствует почти 38 часам в неделю. Качественный анализ показал, что в основном обучающиеся тратят время на общение в социальных сетях (ВКонтакте, Instagram, Facebook и др.) пребывания в мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram и др.), браузерах (Chrome, Yandex, Safari и др.), видеосервисах (YouTube), музыкальных порталах (сайты и музыкальные приложения в телефоне); игровых онлайн-чатах и играх на телефоне; приложениях самого телефона (галерея, настройки, часы, будильник, календарь, заметки, диспетчер задач, файлы и др.).

Рисунок 1. Распределение затраченного времени в мобильном телефоне с учетом анализа данных программы «My Apps Time» (анализатор экранного времени)

На рисунке 1 представлены результаты распределения затраченного времени в мобильном телефоне. Анализ полученных данных показал, что все затраченное время распределилось приблизительно таким образом: социальные сети (33%); мессенджеры (35%); браузеры (7 %); игровые сессии (6%); видеосервисы (7%); музыкальные порталы (6%); приложения на телефоне (6%).

Таким образом, обучающиеся большую часть времени проводят в сети Интернет с целью общения, обмена информацией, просмотра фото- и видео- материалов. При этом мы не обнаружили ни одного сервиса, связанного с чтением научной или учебной литературы, просмотром научно-познавательных документальных фильмов или получением информационно-справочных сведений. Это обстоятельство оценивается нами как тревожный сигнал и подводит к выводу, что мобильный телефон и Интернет-пространство в основном используется обучающимися в развлекательно-коммуникационных целях.

Таблица 1. Взаимосвязь успеваемости обучающихся и «экранного времени»

№	Время нахождения в мобильном телефоне согласно отчету программы My Apps Time (за неделю в минутах)	Средний интегральный показатель успеваемости (мультидисциплины, пятибалльная система)
1	4205	4,27
2	1223	4,40
3	2269	4,18
4	2105	4,42
5	1860	4,57
6	1443	4,33
7	2586	4,46
8	1443	4,42
9	2355	4,10
10	1688	4,10
11	3721	4,06
12	1682	4,65
13	2286	4,27
14	1535	4,08
15	1765	4,69
16	1847	4,15
17	3654	4,25
18	2340	4,52
19	3246	4,60
20	2347	4,64
21	2564	4,04
22	3764	4,16

Проведенный статистический анализ результатов исследования при помощи рангового коэффициента корреляции Спирмена показал, что, несмотря на отсутствие достоверно значимых связей, на уровне выявленной тенденции можно обнаружить повышенный интерес к интернет-серфингу, просмотру страниц на различных веб-ресурсах, у испытуемых с более низкими показателями успеваемости (таблица 1).

Параллельно в исследовании было установлено, что количество времени, проведенное курсантами факультета психологии служебной деятельности и слушателями факультета подготовки иностранных специалистов в сети Интернет, отличается (рис.2).

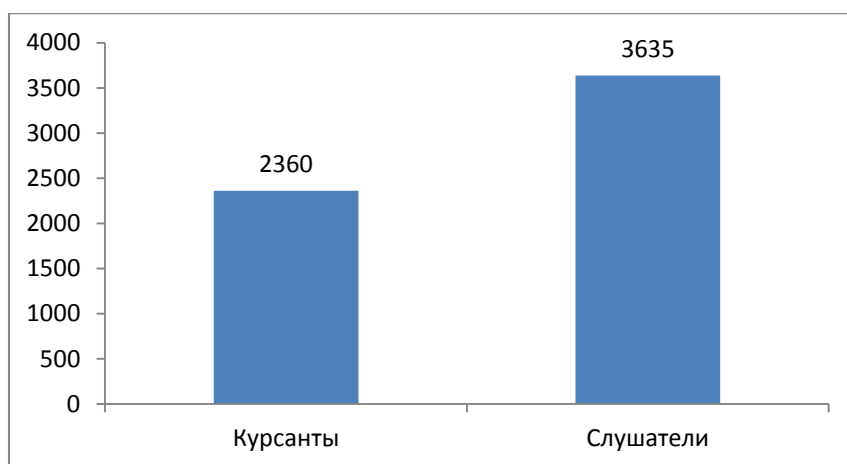

Рисунок 2. Соотношение «экранного времени» в сети Интернет между курсантами и слушателями за неделю (ср. значения в мин.)

Проведенный статистический анализ данных исследования при помощи непараметрического критерия Манна-Уитни (Уэмп.) подтвердил достоверность обнаруженных отличий на уровне $p < 0,001$ (табл. 2). Таким образом, слушатели иностранных государств значительно больше проводят время в мобильном Интернете.

Таблица 2. Результаты статистического анализа

Признак отличия	Уэмп.	p-level	Н курсанты	Н слушатели
экранное время в мин. за неделю	46	0,004	22	11

На наш взгляд этот феномен объясняется, прежде всего, социальной депривацией слушателей (замкнутостью круга общения, территориальной удаленностью от родных и друзей), языковым барьером (отсутствием необходимых знаний языка и навыков общения), культурной средой (поликультурной средой, состоящей из представителей разных национальностей), малой численностью группы (численный состав учебных взводов слушателей составляет 5-8 человек) и др.

Выводы:

1. В нашем исследовании отмечается следующая тенденция: испытуемые с низкими показателями успеваемости проводят в мобильном телефоне больше времени по сравнению с испытуемыми, имеющими более высокие показатели успеваемости.

2. Слушатели факультета подготовки иностранных специалистов проводят значительно больше времени в мобильном телефоне, чем курсанты.

Рекомендации: в качестве основной, на наш взгляд, рекомендации, в образовательном пространстве необходимо использовать различные технологии «цифровой диеты» или «цифрового детокса», когда в мягкой форме предлагается установить специальное программное обеспечение на мобильный телефон, которое осуществляет контроль времени его использованием.

Как показала проведенная после анализа времени беседа с курсантами, установившими подобное программное обеспечение, они стали более дисциплинированными при использовании мобильными устройствами, стали придерживаться определенной «цифровой диеты» и более тщательно распределять свое время, планировать его.

Аннотация. В статье проводится анализ проблемы распространения мобильной зависимости среди курсантов и слушателей образовательной организации МВД России. Основной задачей является установление длительности пользования мобильными телефонами в течение астрономического дня и недели. В качестве основных методов выступали анкетирование, наблюдение, беседа и анализ данных, полученных с помощью

специально установленной на мобильных телефонах технической программы (приложения) My Apps Time. Авторы констатируют, что курсанты и слушатели тратят значительную часть времени на неразвивающий контент.

Annotation. The article deals with the problem of the spread of mobile dependence among cadets and students in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The main task is to establish the duration of use of mobile phones throughout the astronomical day and week. The main methods were survey, observation, conversation, and special technical programs (applications) installed on mobile phones (My Apps Time). The authors state that cadets and listeners spend a significant part of their time on non-developing content.

Ключевые слова: мобильная зависимость, академическая успеваемость, курсанты и слушатели, образовательная организация, анкетирование, уровень интеллекта.

Keywords: mobile addiction, academic performance, cadets and students, educational organization, questioning, the level of intelligence.

Литература:

1. Городецкая И.М., Исламгулов И.Р. Мобильная зависимость как форма зависимого поведения современных студентов // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. С. 328-330.

2. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 7(30). – С. 7. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 31.05.2019).

3. Ионова М.С., Баляев С. И. Особенности социального интеллекта подростков, склонных к интернет-зависимому поведению // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник». – 2018, №1 (10). [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 31.05.2019).

4. Хасанова И.И., Котова С.С. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // Образование и наука. – 2017. Т. 19, № 4. С. 146-168. DOI:10.17853/1994-5639-2017-4-146-168 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 31.05.2019).

5. Гришин С. Е. Интернет-зависимость молодежи // Научно-практический журнал Информационная безопасность регионов. – 2017. № 2(27). С.44-49.

УДК: 37.091.12.011.3-051:005

РОЛЬ ШКОЛЬНОГО ПСИХОЛОГА В ДИАГНОСТИКЕ И КОРРЕКЦИИ «ТРУДНОГО КЛАССА» В ШКОЛЕ

Димитрова Екатерина,

доктор социальной психологии, главный ассистент
Института исследований населения и человека Болгарской академии наук,
Департамент «Психология», секция «Социальная, трудовая и
консультативная психология»,
г. София, Болгария

Постановка проблемы. Обсуждение вопроса о «трудном классе» становится все более актуальным так как в своей работе педагоги и школьные психологи ежедневно сталкиваются не только с отдельными подростками, поведение которых трудно поддается социальному контролю и влиянию, но и с целыми классами, проявляющими групповое поведение вне установленных норм. В Болгарии эта проблема впервые нашла свое научное

обоснование, анализ и исследование в диссертационном труде автора этого доклада по теме: «Социальные поля агрессивных проявлений в трудном школьном классе» [2].

Важно отметить, что трудный школьный класс по своей сути – это нормальный класс, который видоизменился из за ряда факторов, порожденных как внешней социальной средой, так и внутрigrupповыми взаимоотношениями и взаимодействиями. Это не означает, что раз сформированный как трудный, класс не может вернуться снова к своему нормальному функционированию при применении подходящих социально-психологических методов и интервенции [6]. В школьной среде, самый подходящий и профессионально подготовленный специалист, который мог бы прецизно провести диагностику и коррекционную работу с трудным классом, это школьный психолог.

Цель данной статьи поставить акцент на специфическую роль школьного психолога при проведении диагностических работ и коррекционных действий через использование программ для превенции и интервенции агрессии и насилия в болгарской школе.

Изложение основного материала исследования.

О трудном школьном классе: определение.

Принята следующая дефиниция трудного школьного класса: трудный школьный класс это маленькая социальная группа, которая характеризуется наличием социально-психологического климата, поощряющего конфликтные взаимоотношения; слабым социальным контролем над групповым поведением; выраженной демотивацией и в сравнении с нормальными классами более высоким уровнем группового проявления агрессии и деструктивного поведения [1].

Виды ситуационных цепей.

Превращение нормального школьного класса в трудный может определяться развитием ситуации в нескольких направлениях.

1. Первая цепь развития ситуации.

В некоторых школьных группах непреднамеренно попадают юноши со сходными личностными характеристиками, что предопределяет их быстрое сплочение. Еще в первом месяце их знакомства они образуют хорошо организованную неформальную группу. Если в классе нет внутрigrupповой силы, способной естественным путем им противопоставиться, они начинают применять свой обычный агрессивный стиль поведения. Характерными для такого класса, еще в самом начале его существования, являются частые сигналы со стороны преподавателей о наличии агрессивных действий и невозможности осуществлять контроль над ними [6]. Это первый тип цепного развития ситуации, которая ведет к формированию трудного класса.

2. Вторая цепь развития ситуаций.

Этот тип ситуации обнаруживается тогда, когда юноши в классе, после продолжительного периода, постепенно сформировали обособленные группы на базе общих интересов, сходных личностных характеристик и т.д. Среди этих групп начинает выделяться такая, в которой юноши демонстрируют агрессивные модели поведения. Эта группа, хотя порой и маленькая, отличается отрицательной активностью, целью которой подчинение остальных подгрупп в классе. Если последние не сумеют противопоставиться этому, тогда весь класс приобретает психологические черты трудного класса [4, с.437-447].

3. Третий тип цепного развития ситуации.

Этот тип развития ситуации переносится на взаимоотношения преподаватель-ученики. Он описан русскими авторами Румянцевой П. и Микляевой А. (2006) которые называют подобные классы «субъективно трудными» классами, так как они могут такими для одного преподавателя, но эффективными для остальных [6, с.51]. Если данному преподавателю не удастся дешифровать получаемые от класса вербальные и невербальные сигналы о наличии серьезных нарушений в коммуникации, то поведение членов группы начинает меняться в негативном направлении. Сначала это случается только на его уроках, а позже переносится и на занятия с другими преподавателями. Таким образом нормальный класс может превратиться в трудный.

Структура трудного класса.

Трудные классы характеризуются следующей внутригрупповой структурой:

Ядро – представляет центр взаимоотношений в классе и включает в себя лидеров, имеющих самый высокий статус и престиж в группе. [7]. Они являются основными катализаторами и мотиваторами агрессивных проявлений.

Окружение ядра – в него входят популярные личности в классе, наиболее приближенные к лидерам из ядра. Члены группы ближайшего окружения придерживаются агрессивных моделей поведения лидеров.

Периферия – в который обособливаются две группы. В одной из них входят юноши, наименее популярные в группе, но по отношению к которым лидеры и их последователи проявляют безразличие. В другой группе попадают аутсайдеры – «козлы отпущения» для ядра [7].

Школьный психолог и трудный класс.

Существование трудных классов, как и этапы их формирования обуславливают необходимость в диагностике и определении их с помощью научных методов. Нужно чтобы трудные классы стали объектом прецизированной, внимательной и детальной диагностики. Через нее можно было бы установить в каждом конкретном случае идет ли речь о типичной симптоматике, определяющей трудный класс как таковой или на лицо единичный инцидент, который не скажется на общем социально-психическом климате в данной группе.

Так как речь идет о психологической диагностике, то самый подходящий и системно подготовленный специалист, который может компетентно провести диагностику статуса школьного класса как трудного, это школьный психолог.

Методы диагностики.

Диагностика трудного класса проводится разными методами: от наблюдения, через интервью с преподавателями и классом, до проведения исследований при помощи специально созданных методик для исследования трудных классов [2].

Прежде всего для исследования трудных классов используется включенное наблюдение. Через него можно установить развивающиеся процессы в группе. Возможность того, что класс почувствует, что является объектом наблюдения и изменит к лучшему свое поведение на наш взгляд не является релевантным. В случаях с трудными классами, то, что за ними ведется наблюдение не заставляет их корректировать свое поведение до границ нормального. Наоборот, перед лицом наблюдающего с полной силы разворачивается модель агрессивного поведения группы. Разумеется, метод наблюдения нужно применять в строгой последовательности и целенаправленно на симптомы, характеризующие данного класса как трудного.

Какими должны быть конкретные диагностические действия школьного психолога и в какой последовательности? Прежде всего необходимо провести наблюдение присутствуя на уроках в классе. После этого нужно понаблюдать за поведением юношей на перемене. Затем следует изучить всю документацию, связанную с этим классом – обычно дневниковые записи такого класса изобилуют замечаниями о поведении и слабыми оценками, есть и школьники с конкретными наказаниями за агрессивное поведение, вплоть до предупреждения об исключении из школы и перевода в другую.

Второй метод, которого целесообразно использовать при работе с трудным классом, это интервью. Через него психолог может не только подтвердить установленные факты наблюдения, но добавит новые штрихи к портрету трудного класса, чем поможет лучшему его диагностированию. Для проведения интервью психолог должен подготовить вопросы, которые несут определенную информационную нагрузку и провести подробные беседы с каждым из преподавателей класса, а также с классным руководителем. Не на последнем месте по важности нужно рассматривать проведение разговоров с каждым учеником из класса и с юношами из соседних классов, которые имеют друзей или знакомых в данном классе.

Психолог поймет, что класс становится трудным при наличии следующих симптомов:

- Большая часть преподавателей все чаще сигнализируют об агрессивном поведении;
- Если в классе зачастили негативные проявления – побои над одноклассниками, массовые бегства с уроков, недисциплинированность, неуважительное отношение к преподавателям; плохая успеваемость; апатия по отношению к учебному процессу и др.;
- Юноши такого класса постоянно жалуются на конкретного учителя – в тех случаях, когда преподаватель ответствен за превращение класса в субъективно трудный [6];
- Частые обращения со стороны родителей, по поводу физического и психического давления и издевательства над их детьми со стороны одноклассников.

Кроме описанных методов, для углубленной диагностики необходимо использовать вопросник для исследования трудных классов (инструмент изготовлен автором) Через него по пяти дифференцированных признаков доказывается наличие дисфункциональности в классе, по которым его можно отнести к категории трудных, а именно: уровень конфликтности; уровень агрессивности; уровень реактивности; уровень самонадеянности и уровень демотивации. Созданы так же две подшкалы измеряющие внутригрупповую (ориентированную на одноклассников и „включенного“ преподавателя) и внегрупповую (ориентированную на отдельных лиц и целых групп вне класса) агрессию.

Основная цель создания вопросника заключается в получении более точных данных по всем или большинства наблюдаемых признаков, показывающих наличия трудного класса. Вопросник содержит 41 утверждений и ранговую петистепенную ликертовую шкалу оценки (от «полностью не согласен» до «полностью согласен») [2].

После того как диагностика подтвердит симптоматику, характеризующую трудный класс, школьный психолог, должен возможно быстрее приступить к коррекционной работе.

Школьный психолог и коррекционные работы с трудным классом.

Овладевание ситуации с трудным классом, который плохо усваивает учебный материал, отклоняется от реализации смысла образования и целей школьной подготовки, эрозирует школьные и более общие просоциальные модели поведения, является деликатной, сложной, нелегкой задачей, требующей немалых усилий. Это медленный и сложный процесс, позитивный выход из которого не всегда гарантирован. После завершения первоначальной диагностики и установления параметров развития, к трудному классу применяется программа коррекции. Психологическая коррекционная работа проводится в форме семинаров, тренингов, тематических встреч и др. [5].

В связи с этим в Болгарии Министерством образования и науки был поручен проект Департаменту психологии при ИИНЧ БАН о создании программы для интервенции и превенции агрессии и насилия в школе. На самом деле интервенция направлена именно на те классы, которые при диагностическом обследовании показали проблемное поведение и разную степень трудности.

Созданная программа для превенции и интервенции по поводу агрессии и насилия в школе включает два основных этапа: организационный (диагностический) и основной или сущностный (этап превенции или интервенции).

На первом организационном этапе реализации программы необходимо провести первичную диагностику учеников всех классов, от начального, среднего и последнего уровня образования. Эта предварительная диагностика необходима для определения уровня агрессии и насилия в различных учебных структурах и классах. Психологам рекомендуется проводить диагностику в конце первого месяца после начала учебного года в рамках одного учебного часа.

Если при первичной диагностике психологом установлено, что в конкретном классе или другой структуре нет высоких уровней агрессивности, а также частых и серьезных отдельных проявлений агрессии, нужно одноразовое проведение второй, сущностной части программы, то есть первичной превенции.

Если же будут обнаружены средние и высокие уровни агрессивности, а также частые и серьезные проявления агрессии, (например, частые проявления вербальной или индиректной,

а также физической агрессии), необходимо применять следующий, второй этап программы в форме вторичной профилактики или коррекционного воздействия.

Коррекционное воздействие осуществляется на групповом уровне (уровень школьного класса), в тех случаях, когда по результатам первичной диагностики установлено наличие меньшей группы школьников (как минимум трое, которые могут сформировать агрессивное ядро) с высоким уровнем агрессивности или частыми/серьезными проявлениями агрессии.

Существенное значение имеет неотлагательное применение программы профилактики агрессии и насилия психологом среди школьников в новосформированных классах, таких как I, V, VIII/XI класс. (в зависимости от профиля школы). Установлено, что они являются критичными в отношении начальных проявлений различных форм агрессии, так как они являются переходными и соответственно предполагают новую динамику в межличностных и межгрупповых отношениях школьников – по данным исследованию они чаще всего преобразуются в трудных [2].

Чтобы профилактическая программа имела максимально положительный эффект она должна начаться на втором месяце после начала учебных занятий. Этот момент наиболее удачен, потому что к этому времени школьники уже успели познакомиться и в известной степени узнать друг друга.

Если результаты диагностики покажут нужду в коррекционных действиях, то они должны проводиться не менее двух раз в месяц (через неделю) в течении трех календарных месяцев, т.е. на протяжении двух первых четвертей учебного года, с общей продолжительностью коррекционных действий от 6 до 8 учебных часов.

После окончания этого периода, психологу необходимо снова провести диагностику уровня агрессии, чтобы установить появились ли изменения в позитивную сторону (редуцирование частоты и/или тяжести агрессивных действий), а также чтобы определить необходимость продления программы. Преимущество данной программы в том, что всякое предложенное упражнение или игра имеет дублирующий вариант, который используется при необходимости повторения программы, т.е. если не зарегистрирован позитивный эффект в проблемном классе после первого применения.

В целом предложенные упражнения, в каждом разделе, представлены в форме игры (социально-психологический тренинг) для повышения позитивного настроения и сплоченности группы, ориентированы на эмоциональную разгрузку, снижения уровня личностной тревожности и развития позитивной самооценки. Не на последнем месте их целью является то, чтобы дети и юноши усвоили умения адекватного управления гнева и агрессивных импульсов [3].

Другая специфическая особенность программы состоит в том, что она различна для отдельных возрастных групп – одна для школьников с I по IV класс, другая для тех, кто в V по VII, и третья для учеников с VIII по XII класс.

Упражнения и игры, включенные в программу для коррекции учащихся трудных классов, содержат следующие элементы:

- улучшение коммуникативных умений школьников;
- развитие самопознания, интерперсональной перцепции, создание более реалистичного Я-образа;
- создание позитивного настроения сотрудничества и сплоченности группы;
- эмоциональная саморефлексия и способность выражать свои эмоции;
- редукция гнева и мотивации к проявлению агрессивности [3].

На данном этапе программа апробирована в четырех болгарских школах – две в столице, одна в большом городе и одна в небольшом городе страны. Она реализуется в 13 учебных классах. После проведения диагностики установлено, что в 7 из них нужно провести профилактику, а в 6 интервенцию. Этот факт ясно показывает тенденцию увеличения трудных классов в болгарской школе. В конце реализации программы, в ее части относящейся к интервенции, была приложена анкета для оценки ее эффектов. Несмотря на

то, что программа была выполнена в течение двух-трех дней, а не целого учебного полугодия, (как заложено по процедуре) большая часть школьников из тех кто участвовали в программе ответили: «...чувствуют себя лучше, ощущают себя более принятыми и понятыми своими одноклассниками, чем раньше».

Это дает основание утверждать, что после правильного применения этой программы школьными психологами, можно достигнуть эффекта значительного уменьшения агрессивных проявлений в болгарской школе.

Выводы. Знакомство с трудными классами в школе приведет к систематическому изучению их характеристик и проявлений в школьной социальной сети. Это знание поможет лучше управлять эти классы.

На данном этапе, однако болгарские школьные психологи не имеют достаточной подготовки в сфере теоретико-прикладных моделей связанных с преодолением поведенческих отклонений целых школьных групп (и, в частности, трудных классов), действующих как единый организм. Они работают рассчитывая больше на свои субъективные убеждения, интуицию и профессиональный опыт. Вот почему, одна из основных целей при утверждении предлагаемых программ о превенции и интервенции (коррекции) агрессии и насилия в школе, это специализированное обучение всех школьных психологов. Обучение будет направлено не только на конкретное использование программы, но и на расширения познания о формировании, структуры и различных проявлений трудных классов в школе и во внешкольной среде.

Анотация. В статье поставлен акцент на роли школьного психолога как специалиста, перед которым стоит задача правильно диагностировать насколько данный школьный класс является „трудным“ и предпринять коррекционные действия в связи с этим. Представлены элементы программы для превенции агрессии и насилия в болгарской школе.

Ключевые слова: Школьный психолог, трудный класс, диагностика, коррекция, программа.

Annotation. Emphasis is placed on the figure of the school psychologist – the professional, who necessarily must diagnose the degree of difficulty of a class in proper way and to take actions of normalization the direction. There are also elements of a program for prevention of aggression and violence in the Bulgarian school.

Keywords: school psychologist, difficult school class, diagnosis, correction, program.

Литература:

1. Димитрова, Е. (2006). Социалнопсихологични аспекти на трудния ученически клас. В: Българско списание по психология, бр. 2, с. 62-80.
2. Димитрова, Е. (2011). Социални полета на агресивни прояви в трудния ученически клас. Автореферат за присъждане на образователната и научна степен «Доктор».
3. Зографова, Й., А. Христова, Д. Бакалова, В. Недева-Атанасова, Е. Димитрова (2019). Програма за превенция и интервенция на агресията и насилието в училище. Доклад по Договор № Д01-166/31.08.2018г., възложен и финансиран от Министерство на образованието и науката.
4. Андреева, Г., (2001). Социальная психология. Изд. «Аспект-Пресс», Москва.
5. Журавлева, Т., М. Гнатюк, О. Михайлов, Е. Палагина, Е. Цымбал (2011). Методические рекомендации (алгоритм) психолого-педагогической работы в трудном классе: профилактика агрессии в детском коллективе. [www. s-psy.ru](http://www.s-psy.ru). Отворен последно на 21.06.2019.
6. Румянцева П., А., Микляева (2006). Трудный класс – диагностическая и коррекционная работа. Изд. «Речь», Санкт-Петербург.
7. Forsith, D., (2006). Group dynamic. UK: Thomsan Learning.

Дубровина Ирина Владимировна,

доктор психологических наук, профессор, академик РАО,
гл. научный сотрудник ФГБНУ «Психологический институт РАО»,
г. Москва

Постановка проблемы. Поведение человека – это образ его жизни и действий. Человек всегда так или иначе «ведет себя» – совершает определенные действия, поступки по отношению к окружающему его миру, и, прежде всего, по отношению к людям. Именно в поведении проступает сущность личности человека, выявляются особенности его характера, темперамента, его потребности, взгляды, вкусы, желания, предпочтения. В обществе существуют определенные правила, нравственные принципы, которые служат ориентиром для поведения человека. Нередки случаи, когда люди знают нравственные нормы, но не следуют им в своем поведении. Отдельные поступки или систему поступков, противоречащих принятым в обществе правовым или нравственным нормам, называют девиантным поведением. При девиантном поведении имеет место нарушение процесса социального развития, социализации индивида. Ученые выделяют и изучают разнообразные взаимосвязанные факторы, которые обуславливают генезис девиантного поведения [6]. Обратим внимание на педагогический фактор, связанный с дефектами семейного и школьного воспитания; и социально-психологический, раскрывающий неблагоприятные особенности взаимодействия индивида со своим ближайшим окружением.

Цель статьи – обсуждение тезиса о том, что депривации различного рода, в том числе и девиантное поведение, возникают тогда, когда в обществе и представляющих его социальных институтах отсутствует понимание сути культурного развития ребенка, которое является результатом его полноценного психического и психологического развития.

Изложение основного материала исследования.

Особенности поведения формируются в тесной связи с развитием личности. Все начинается с детства. Каждый родившийся ребенок одарен природой и социумом возможностью индивидуального развития в контексте развития человечества в целом. «В ребенке потенциально заключено множество будущих личностей, – замечал Л.С. Выготский, – он может стать и тем, и другим, и третьим. Воспитание ...из человека как биотипа ... формирует человека как социотипа» [2, с.93]. Одним из важнейших «законов воспитания» является положение о том, что психическое развитие ребенка есть процесс его культурного развития. А «врастание» ребенка в культуру является развитием в собственном смысле слова» [3, с.292]. Он постепенно учится «быть человеком» и это «научение» происходит в контексте культуры и образования, которые неразрывно связаны друг с другом: культура определяет содержание, смысл и ценность образования, образование сохраняет культуру, передает ее достижения из века в век.

Ведь что такое содержание любого учебного предмета? Это особая форма культуры, которая вводит ребенка на доступном для его понимания уровне в пространство своих культурных смыслов, значений, ценностей, тем самым расширяет его мировоззренческий горизонт, создает условия для развития, предоставляет ему возможность выбора своего места в жизни. Жаль только, что, психология как наука о человеке в этом общем поликультурном пространстве не представлена, и среди базовых ценностей культуры сам человек как ценность отсутствует. Это означает, что человек как ценность в состав базовых ценностей культуры, которые формируются в школьном возрасте, не входит [5].

Необходимыми и взаимообусловленными процессами феномена «образования» являются обучение и воспитание. Освоение любых знаний в процессе обучения и воспитания

должно пониматься, по мысли Л.С. Выготского, как «средство «вхождения» в культуру, ориентированную на развитие чувств, мыслей и социальных начал в человеке» [3, с. 241].

Итоги взаимодействия образования и культуры проявляются в поведении, общении, отношениях человека. Культура выступает для последующих поколений ориентиром в развитии смыслов жизни и стратегий поведения в обществе. Проблемы культурного развития, возникшие в дошкольном и школьном детстве, становятся привычными или усугубляются на последующих этапах онтогенеза.

«Вхождение в культуру» Л.С. Выготский во многом связывал с эмоциональным развитием человека и предупреждал об опасности «эмоционального невежества»: «... эмоциональная сторона личности имеет не меньшее значение, чем другие, и составляет предмет и заботу воспитания в той же мере, как ум и воля. Ведь эмоции не менее важный агент, чем мысль» [2, с. 142]. Ум и чувства должны развиваться равномерно. Развитие одного вне развития другого ведет к ущербности формирующейся личности, к ее недоразвитию.

Растущий человек воспринимает мир, понимает его и относится к нему сквозь призму своих переживаний. Между ребенком и средой (миром) возникают особые отношения, которые Л.С. Выготский назвал социальной ситуацией развития. Основу такой ситуации составляют переживания ребенком среды своего обитания и себя в этой среде. «За переживаниями, – замечает Л.И. Божович, – лежит мир потребностей ребенка – его стремлений, желаний, намерений в их сложном переплетении между собой и в их соотношении с возможностями их удовлетворения. ... переживание выполняет в жизни субъекта крайне важную функцию: «осведомляет» его о том, в каком отношении со средой он находится, и в соответствии с этим ориентирует его поведение...» [1, с.137, с.141]. Эти переживания направляют вектор отношений с окружающим миром, окружающими людьми.

Особенно важными переживаниями являются нравственные чувства, каждое из которых – сложнейшее единство переживаний и размышлений. Нравственные чувства возникают тогда, когда человек начинает понимать эмоциональное состояние другого и учитывать в своих действиях и отношениях эти состояния. Не случайно, В.В. Давыдов считал, что очень важным для становления личности психологическим новообразованием в подростковом возрасте являются – сознательная регуляция своих дел и поступков, умение понимать чувства, настроения, интересы других людей и строить свое поведение и отношения в соответствии с этим [4, с. 126]. Часто ли и в семье, и в школе обращается внимание на развитие таких чувств у детей и школьников?

Учить чувствовать и понимать чувства другого человека – самое трудное, что есть в воспитании. Но именно эмоции детей и подростков являются своеобразными индикаторами, они указывают, насколько благополучно формируется то, что К.Д. Ушинский называл строем человеческой души. Незрелость нравственных чувств, подмена их ложными ориентирами способствует развитию агрессивности, эгоизма, зависти, лживости. Или – жажды власти, самоутверждения за счет унижения другого. Иными словами, следствием эмоционально-нравственной незрелости человека является нарушение его позитивных отношений с миром [5]. Под условиями развития позитивной связи с миром Л.С. Выготский понимал не просто проведение каких-либо мероприятий, а всю систему работы с ребенком в семье, школе, обществе. Такая система – сложный феномен.

В.В. Давыдов на основании серьезных теоретических и экспериментальных исследований сформулировал вывод о том, что «способности и качества личности складываются и развиваются в процессе её онтогенеза при решающей роли сотрудничества ребенка со взрослым при определяющей роли воспитания и образования» [4, с.138].

Именно такое сотрудничество, детско-взрослое взаимодействие и в семье, и в школе делает возможным осознание и овладение растущим и взрослеющим человеком культурно заданными предметами, действиями, общением, отношениями, собственным поведением [4, с. 51]. Сотрудничество в учебной деятельности создает зону ближайшего развития интеллектуальных, познавательных способностей ребенка, школьника. Общение взрослого с ребенком – тоже сотрудничество. Оно, прежде всего, ответственно за создание зоны

ближайшего развития личностных качеств ребенка, школьника, его потребностей, чувств, интересов, отношений, мировосприятия и пр. В позитивном взаимодействии со взрослым ребенок попадает в обе «зоны» – зону интеллектуального и зону личностного ближайшего развития. Развивающий потенциал этих «зон» определяется реализацией их взаимообусловленности и уровнем общекультурного и личностного развития самого взрослого, его способностью ввести ребенка в мир знаний, в мир созидания и творчества, в мир человеческих отношений. Решающая роль принадлежит нравственной атмосфере, характеру взаимоотношений между взрослыми и детьми.

Вектор социальной направленности поведения зарождается, а затем укрепляется в таких социальных институтах, как семья, школа, «досуговое пространство» и имеет свои особенности на каждом этапе онтогенеза. Влияние всех этих «институтов» на жизнь и культурное развитие ребенка взаимообусловлено: в школу ребенок приходит из семьи, в досуговом пространстве реализуются те привычки, интересы, желания, представления о хорошем/плохом, которые сформированы в семье и школе. Задачи обучения и воспитания в любом «социальном институте» должны соотноситься с центральными задачами развития личности каждого возрастного периода и учитывать, что «...всякий новый этап в развитии ребенка необходимо понять как вытекающий с логической необходимостью из предыдущего этапа» [3, с. 257]. Нормальное развитие ребенка зависит от понимания взрослыми (в семье, школе) его формирующегося внутреннего мира, его возрастных потребностей, сущностных особенностей его индивидуального развития на разных этапах онтогенеза. Непонимание этого приводит к возникновению у детей деприваций различного рода и асоциального, девиантного поведения.

Семья – первая и главная социальная среда, источник психического и личностного развития ребенка. Образ жизни и поведения родителей в значительной степени предопределяет нравственную позицию формирующейся личности. Следует учесть, что поведение бывает, условно говоря, двух видов: реальное и вербальное (словесное). Реальное поведение – это практические действия и поступки человека. Вербальное поведение – это высказывания, мнения, суждения, замечания, доказательства. Иногда взрослые не придают должного значения словам, сказанным нередко в минуту раздражения, усталости или просто походя. Однако слова значат не менее, чем действия и поступки. Их резкость, грубость иногда несправедливость ранят неокрепшую душу растущего человека.

Самое ценное, что ребенок получает в семье, это ощущение себя нужным, любимым, это дает ему спокойствие и уверенность в отношениях с окружающим миром, он к нему тоже начинает относиться с любовью и доверием. Рождаясь в благоприятной для ребенка ситуации общения, доверие постепенно укрепляется, становится личностным достоянием, входит в структуру психологической культуры личности. Если ребенок вырастает в обстановке бессердечия, у него не формируется чувство доверия к миру, к людям, к самому себе.

Семьи, как известно, бывают очень разные, и могут выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора развития и воспитания. Основное патогенное значение для нарушения психического и личностного развития имеет недостаточное удовлетворение аффективных потребностей ребенка, т.е. эмоциональная депривация. В жизни многих детей отсутствует любовь как явление культуры, как тип нормальных отношений между людьми. Дети нередко живут в ситуации насилия (побои, оскорбления, криминальная обстановка, и пр.), тяжелых эмоциональных переживаний [5]. Каждый случай насилия, пережитый ребенком, оставляет свой травматический след, который разрушающе действует на формирующуюся личность: нарушается эмоциональная жизнь, возникает ощущение никому ненужности; происходит неконструктивная направленность развивающегося мировоззрения и мотивационно-смысловой сферы личности; утрачивается доверие к взрослому человеку; обесцениваются общение и взаимодействие; не формируется чувство собственного достоинства; развиваются такие качества, как ложь, недоверие, лицемерие, ненависть, агрессивность, бесчувственность, и пр.

В.А. Сухомлинский с горечью отмечал, что иногда взрослому уму кажется непостижимым: почему подросток или юноша совершил столь жестокое, бесчеловечное преступление; как у него поднялась рука на человека, на его достоинство? Но если приглядеться внимательнее к такому юноше, то увидим его эмоциональное невежество, порожденное таким «букетом», как насилие, оскорбление, недоверие, равнодушие, бессердечность со стороны старших.

Школа – один из важнейших социальных институтов. В школу дети приходят из очень разных семей, а поэтому одна из приоритетных задач школы – возвращение детства тем, кто в семье был лишен его. Школа, конечно, не может и не должна заменять семью, но, если ребенок лишен дома ласки, сердечности, заботы, педагогу следует быть особенно внимательным и доброжелательным к нему. Это и составит основу развития позитивного отношения ученика к школе, к знаниям, культуре, одноклассникам, учителям, к самому себе, что будет плодотворно влиять на укрепление его культурного развития и психологического здоровья [5].

Не случайно, Л.С. Выготский обращал внимание на то, что когда речь идет о моральных проступках детей, от легких провинностей до настоящих преступлений, то правильнее говорить не об их моральной дефективности, а о *социальной недовоспитанности* или запущенности ребенка. Никакой особой педагогики такие дети не требуют, никаких исправительных и карательных мер, а только удвоенного социального внимания и учетверенного воспитательного воздействия среды [2, с. 261]. Эта же мысль отчетливо прослеживается в работах Е.А. Аркина, который, говоря о причинах агрессивности некоторых детей, отмечал, что за таким поведением таится отсутствие «психологических витаминов» – неудовлетворенная потребность в общении, во внимании, прежде всего, со стороны взрослых.

Система современного образования и практическая психология, обслуживающая эту систему, оказались не в полной мере готовыми к решению вновь ставшей актуальной задачи воспитания школьников. Их основное внимание сфокусировано на развитии интеллектуальной сферы, усвоении знаний, формировании компетенций учащихся, на их подготовке к сдаче ЕГЭ и пр. И значительно меньше внимания направлено на психолого-педагогические и социальные проблемы воспитания детей и школьников – развития потребностей, мотивов, эмоциональной, нравственной сферы, коммуникативных потребностей и способностей, развития уважительного отношения к людям – взрослым и сверстникам, культурного взаимодействия с ними. Нередко остаются незамеченными педагогами и психологами чувства и переживания детей. Отсюда – трудно решаемые проблемы, усугубленные общей скудостью эмоциональной сферы многих сегодняшних детей, развитием которой никто всерьез не занимается. Все это создает почву для порождения девиантного поведения, которое, к сожалению, все чаще проявляется в общении и отношениях подростков [5].

А между тем, общение со сверстниками является ведущей деятельностью в подростковом возрасте, которая обуславливает развитие личности на этом этапе онтогенеза, является условием познания растущим человеком действительности и формирования у него эмоционального отклика на эту действительность. Общение – не только обмен информацией, мыслями, идеями, но и взаимное понимание, сопереживание, сочувствие, желание быть понятым и самому понять мир мыслей другого человека и пр.

Хорошо известно, что поиск друга и мечты о дружбе занимают большое место в переживаниях подростка. Сама потребность в дружбе, замечает И.С. Кон, – нравственная потребность, которая возвышает личность, делает ее добрее, гуманнее, щедрее к людям. Нравственный кодекс дружбы воплощает выработанные культурой представления о том, какими должны быть человеческие взаимоотношения [7, с. 218-219].

Для подростков резко возрастает значение коллективных отношений, расположение товарищей, оценка ими успехов и поступков и пр. Мнение коллектива сверстников или группы неформального общения становится важнейшим условием психического развития

подростка, фактором его социализации. Здесь у подростка реализуется потребность принадлежать к сообществу, с которым он может соотносить свои взгляды, ценностные представления, у него формируется ощущение принадлежности к группе, формируется понятие «мы».

Однако не редко система межличностных отношений подростков в классе остается вне поля зрения и учителей предметников, и классных руководителей, и психологов. В школе никто серьезно не занимается проблемой организации деятельности общения. Общение как важнейшее условие развития личности пущено в школе чаще всего на самотек, взрослых волнует то, чтобы дети учились. Невнимание к проблеме общения нарушает позитивную социальную ситуацию развития школьников и оборачивается нередко крупными проблемами в воспитании [5]:

- Многие подростки предпочитают живому общению – общению в интернете, и постепенно не только теряют навык реального общения и взаимодействия, но утрачивают саму потребность в таком общении и взаимодействии.

- Неконтролируемые взрослыми сложившиеся негативные отношения между сверстниками провоцируют развитие их экстремального поведения, в частности, таких форм отношений как буллинг, кибербуллинг. Инициаторами и «союзниками» буллы становятся чаще всего подростки с низким уровнем нравственного сознания, эмоциональной незрелостью, социальной отчужденностью.

- Отсутствие дружеских отношений со сверстниками толкает подростков вступать в общение со случайными людьми и в различные молодежные группы [8, с. 90-94]. Участие в таких группах и объединениях обычно воспринимается самими подростками как очень интересное и приятное времяпрепровождение. Однако, роль таких групп в жизни подростка может быть разной – от благотворной до губительной. По данным ряда исследований [8], многие современные молодежные организации носят черты криминальной субкультуры.

В субкультурных объединениях подросток получает то, чего ему так не хватает в повседневной жизни: он становится принятым в организацию, его окружают вниманием; он осваивает вместе с другими нормы, ценности стили взаимодействия членов сообщества.

Ученые, изучающие проблемы молодежной криминальной субкультуры, обращают внимание на то, что молодые люди, осужденные за бандитизм и организованную преступность, отмечают существенное лишение в детстве друзей и внимания близких. То, что не дало общество, они нашли в банде» [8].

Различные асоциальные объединения широко привлекают к работе с подростками психологические знания, «психологическую обработку». Подросток часто оказывается перед психологическим «натиском» беззащитным, в силу своей, культурной невоспитанности и психологической неграмотности. Государственная система образования со своими педагогическими, психологическими, социальными службами не вполне готова к противодействию подростковой агрессивности, девиантности, буллингу, суициду и пр. Проводятся всевозможные опросы, мероприятия и беседы на тему: «Так нельзя!» и пр. Однако знание нормативов нравственности, правил само по себе не имеет для подростков решающего значения. Нравственное развитие личности заключается в интериоризации моральных норм, т.е. превращения их во внутренние убеждения человека, регулятор его поведения. «Сущность процесса формирования нравственной стороны личности заключается в том, что глубокое, неформальное усвоение норм и правил поведения предполагает не простое их понимание и знание, а такое их усвоение, при котором эти нормы и правила становятся мотивами поведения и деятельности» [1, с.49]. Моральные знания, не побуждающие ребенка, школьника, а затем и взрослого к моральному действию, становятся ширмой, за которой скрываются лицемерие и ханжество.

Внимание подростков следует направлять не столько на то, что они не должны делать, сколько на то, что, как и с кем нужно, можно и интересно делать. Там, где школьники в «досуговое» время заняты интересным и общественно полезным делом, где существуют

классные и школьные коллективы и нормальные отношения между взрослыми и учащимися, – там все в порядке.

Проблема воспитания не нова. Может быть, не только стремиться к инновациям, но вспомнить то полезное, что наработано в отечественной педагогике и психологии воспитания. Так, было доказано, что методика воспитания не может создаваться в отрыве от определенных воспитательных целей, что целенаправленный процесс воспитания должен учитывать возрастные особенности детей и школьников, что в формировании личности большую роль играет детский коллектив. В разработанной Л.И. Божович и Т.И. Конниковой концепции воспитания нравственной направленности личности школьников с учетом их возрастных особенностей глубоко проанализированы типичные ошибки в воспитании детей и подростков, которые могут быть связаны, во-первых, с организацией их деятельности и, во-вторых, с организацией их взаимоотношений в коллективе. Они доказали, что объединяющая подростков деятельность должна иметь общественную ценность, что достижение общественно ценного результата должно быть увлекательным для всех детей и восприниматься ими как общее дело, что результат действий каждого должен быть необходим для достижения общего результата, и пр. Иными словами, они разрабатывали позитивную социальную ситуацию развития, которая ориентировала бы поведение подростка на то, чтобы уметь радоваться успехам другого, помогать отстающим, не испытывать зависти к тем, кто действует наиболее успешно, соприкоснуться с коллективно пережитым чувством морального удовлетворения [1].

На основе конкретных, реальных поступков формировали моральные убеждения, направленные на уважение интересов других людей, в Павлышской школе В.А. Сухомлинского. Об этом доказательно писали В.А. Караковский, Л.И. Новикова и многие другие.

Задачей школьного психолога, очевидно, должно стать более глубокое взаимодействие со всеми взрослыми участниками образовательного процесса по проблеме профилактики девиантного поведения учащихся. В каком результате это взаимодействие может выразиться?

- В понимании взрослыми, что детство должно быть согрето добротой, любовью и заботой, что с малых лет растущий и взрослеющий человек должен ощущать свою нужность семье, затем школе, государству, стране.
- В создании психологической атмосферы в школе, основанной на взаимном уважении и доверии участников образовательного процесса. Такая атмосфера – основа позитивной социальной ситуации развития учащихся.
- В признании того, что все элементы образовательного процесса должны быть пронизаны культурой, доверием и доброжелательным отношением к ученику: учебник, урок, программа, экзамены и пр.
- В более заинтересованном и грамотном понимании взрослыми формирующегося внутреннего мира ребенка, его ценности и уникальности, особенностей его развития на разных этапах взросления.
- В понимании роли детского коллектива в формировании личности, необходимости учитывать и поддерживать «социальный статус ребенка», его самочувствие в коллективе.
- В создании для каждого ребенка на всех ступенях онтогенеза ситуаций успеха не только в учебной деятельности, но и в той, которая является для него лично значимой.
- В понимании того, что не только учителям и родителям необходимы знания о психологии человека. Важно помочь самому растущему человеку разобраться в себе самом, в своих желаниях, возможностях, поступках, отношениях. Заронить в его душу искру сочувствия и позитивного интереса к другому человеку, помочь в овладении средствами и способами развития саморегуляции и др. Без этого невозможно самовоспитание, вопросы которого особенно актуальны для подросткового и раннего юношеского возраста [5, 162, 163].

Вывод. Заключая, отметим, что одним психологам, даже вместе с педагогами, родителями и социальными работниками проблему воспитания школьников в современных социокультурных условиях не решить. Искать пути решения проблемы воспитания, очевидно, следует не только на уровне высоко профессиональной междисциплинарной интеграции педагогической, психологической, социальной и др. наук и практик, но и на уровне современного взаимодействия различных наук и форм общественного сознания – культуры, искусства, средств массовой информации (телевидение, радио, интернет), права, морали, религии и пр.

Аннотация. Целью статьи является обоснование влияния социальной ситуации развития на формирование особенностей поведения современных детей и школьников. Обсуждаются важные для психологии воспитания вопросы о взаимосвязи культуры и образования, о роли эмоций в культурном развитии и воспитании, о сотрудничестве, об ответственности взрослых за нравственное формирование личности растущего и взрослеющего человека.

Ключевые слова: образование, культура, поведение, воспитание, социальная ситуация развития, общение, семья, школа, межличностное взаимодействие.

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the impact of the social situation of development on the formation of modern preschool and school children's behaviour. We also discuss a number of issues important for the psychology of education, such as the relationship between culture and education, the role of emotions in cultural development and education, cooperation, and the adults' responsibility for the moral formation of the personality of an individual who grows up and develops into an adult.

Key words: education, culture, behaviour, child rearing, social situation of development, communication, family, school, interpersonal interaction.

Литература:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – Питер, 2008.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М., 1991
3. Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. – М., 1984. Т. 5.
4. Давыдов В.В. Личности надо «выделаться» /С чего начинается личность. – М., 1970.
5. Дубровина И.В. Психологическое благополучие школьников в системе современного образования. – М., 2017.
6. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. – Москва-Ульяновск, 2005.
7. Кон И.С. Дружба. – М., 1980.
8. Сочиво Д.В., Полянин Н.А. Молодежь в России: образовательные системы, субкультура, исправительные учреждения. – М., МПСИ, 2009.

ОБ ОПЫТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДЕТЬМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Жокина Надежда Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
начальник ресурсного центра по подготовке
специалистов в области воспитания,

ФГБОУ ВО «РГУ имени С.А. Есенина» г. Рязань

Харитоновна Елена Евгеньевна

директор ОГБУ ДО «Детский
эколого-биологический центр», г. Рязань

Постановка проблемы. В современных условиях интенсивных социальных, экономических, культурных изменений вопросы воспитания подрастающих поколений становятся весьма актуальными не только в профессиональной сфере. Проблема выстраивания адекватного взаимодействия с детьми волнует представителей взрослого общества. Сегодня государство рассматривает воспитание детей как стратегический национальный приоритет, утверждая целью развитие личности ребёнка, его успешную социализацию. Нормативные документы устанавливают в качестве основополагающего принцип гуманизма в формировании системы образовательных отношений, педагогическим работникам необходимо учитывать индивидуальные потребности и интересы своих воспитанников [6, 8]. Однако реализация индивидуального подхода, поиск решения проблем детей, не укладывающихся в понятие «нормы» в своём поведении и развитии, по-прежнему являются зоной особого внимания педагогической науки и практики.

Цель статьи. Проанализировать эффективный опыт, сложившийся в регионе, который демонстрирует практику педагогического взаимодействия с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

Изложение основного материала исследования.

Термин «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации» используется в соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7] и предполагает довольно широкий спектр проблем, сказывающихся на развитии ребёнка и требующих индивидуального подхода в их решении. Рассмотрим подробнее опыт взаимодействия с детьми, демонстрирующими отклоняющееся поведение.

Отклоняющееся поведение – это феномен и личностный, и социокультурный, в котором проявляются особенности реагирования взрослеющей личности на окружающие условия. Психолого-педагогический аспект отклоняющегося поведения в своих трудах рассматривали А.С. Белкин, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, К.С. Лебединская, С.В. Немировская, М.М. Райская и др. Так, Л.С. Выготский полагал, что природа отклонений поведения "большей частью заключается в психологическом конфликте между ребёнком и средой, или между отдельными сторонами и слоями личности ребёнка" [2, с. 178]. Иными словами, стремление вывести ребёнка из девиации сопряжено с необходимостью изменять условия среды, особенности его взаимодействия в микросоциуме.

Исследователи сходятся в суждении, что управление процессом развития личности происходит именно при условии создания поля взаимодействия. Е.В. Коротаева считает педагогику взаимодействий новым интегративным направлением современной науки, которое способно дать анализ закономерностей, принципов, методов взаимосвязей, взаимовлияний образовательного пространства, начиная от межличностных контактов участников деятельности до общих процессов всей системы [4]. Исследование такого междисциплинарного феномена, как взаимодействие, позволяет вести поиск педагогических стратегий, эффективных технологий организации совместной деятельности взрослых и детей в воспитательных коллективах, ориентированных на решение актуальных задач.

Кроме того, важно исходить из понимания, что взаимодействие представляет собой довольно сложную систему связей, которые в итоге и приводят к определённым результатам личностного формирования. Например, Х.Й. Лийметс выделяет несколько уровней педагогического взаимодействия:

- взаимодействие человека с самим собой,
- взаимодействие человека с другим человеком,
- взаимодействие с различными системами.

В этой логике и воспитание рассматривают как «взаимодействие людей, спецификой которого является постановка особых воспитательных задач, а итогом – изменения психологических характеристик личности», – такую трактовку предлагал Ю.К. Бабанский [5, с. 37].

Отметим также, что решение задач воспитания требует организации взаимодействия в социуме, то есть привлечения социальных партнёров. Весьма важно, что Стратегия развития воспитания в РФ [6] основана на идее консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Анализируя проекты, реализованные в регионе, отметим, что задача достижения позитивных изменений в личности ребенка с отклоняющимся поведением, так же основывается на объединении усилий различных ведомств и организаций. Именно эта характеристика делает реальной результативность этих проектов.

В последнее десятилетие в городе Рязани были успешно реализованы социальные проекты, рассчитанные на взаимодействие с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Инициатива принадлежала управлению образования и молодежной политики администрации города Рязани, а также городскому Штабу молодёжного актива, которые сумели консолидировать усилия Комитета по делам молодежи Рязанской области, Рязанской городской комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, Управления внутренних дел по городу Рязани, Управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Рязанской области. Межведомственное взаимодействие помогает привлекать квалифицированных специалистов для решения поставленных задач, обеспечивает основательность в содержании деятельности.

Проект «Дорога в жизнь» ставил своей задачей социальную реабилитацию детей, находящихся в конфликте с законом, и повышение правовой грамотности несовершеннолетних. За основу реализации проекта авторы взяли волонтерскую деятельность, которая позволяет осуществлять возрастной подход во взаимодействии с детьми и проявляет их общественную активность. В плане работы предполагались: мероприятия по обучению волонтеров особенностям взаимодействия с детьми в трудной жизненной ситуации (семинары, обучающие лагеря), проведение деловой игры «Закон и порядок» в школах города, организация деятельности молодёжных клубов «Успех в твоих руках» и «Противодействие».

Ожидаемо действующими лицами проекта стали студенты-волонтеры, которые взяли на себя организацию клубной деятельности, оказывали помощь подросткам в освоении школьных предметов, проводили профориентационные занятия, мастер-классы «Достижение целей», «Стратегии цивилизованного лидерства», «Противостояние манипуляциям» и др. Оправдывая название клуба, организаторы проводили творческие встречи с людьми, добившимися успеха в определённых сферах деятельности (педагогами, депутатами, руководителями учреждений и др.), просмотры и обсуждение специально подобранных фильмов («Учитель года», «Заплати другому», «Двенадцать»), посещение музеев и выставок.

Молодежный клуб «Противодействие» был создан как площадка для вовлечения самих подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, в добровольческую практическую деятельность по профилактике алкоголизма, табакокурения и распространения наркотических веществ в молодежной среде. Волонтеры-студенты юридических специальностей вместе с подростками-активистами клуба организовывали рейды по выявлению нелегальной продажи алкогольной продукции и табачных изделий,

консультировали по различным правовым вопросам, участвовали совместно с сотрудниками органов внутренних дел в мероприятиях по профилактике алкоголизма и табакокурения среди школьников. Деятельность клуба была организована при поддержке межведомственной комиссии по профилактике правонарушений в городе Рязани. Обучением и консультированием волонтеров занимались специалисты УВД, Управления Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков по Рязанской области, ГУЗ «Рязанский областной клинический наркологический диспансер».

Названный опыт реализовал технологию наставничества: с одной стороны, студенты получали необходимые консультации, информирование, методическое и организационное сопровождение специалистами организаций-соисполнителей. Безусловно, для молодых людей это – дополнительные возможности саморазвития как личностного, так и профессионального. С другой стороны, волонтеры и сами стали наставниками, включившись в педагогическое взаимодействие с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Кроме того, студенты для школьников послужили примером в выстраивании межличностных взаимоотношений, самореализации в общественной деятельности.

Данный аспект проекта является весьма важным, поскольку у названной категории подростков исследователи отмечают заниженный уровень самоуважения, отсутствие сложившихся механизмов самоконтроля, мотивации к саморазвитию. В целях достижения личностных изменений в рамках проекта им было предложено включиться в волонтерскую деятельность, проявить активность и самостоятельность.

Весьма показательной стала деловая игра «Закон и порядок», основанная на решении ситуаций, связанных с практикой выстраивания правовых взаимоотношений. Проведение игры сопровождается предварительной беседой с действующим сотрудником уголовного розыска, инспекции по делам несовершеннолетних или следователем, который консультирует участников с точки зрения правовой грамотности. Участникам игры предлагается самостоятельно найти верный алгоритм действий в предложенных ситуациях. Например: «Карманная кража телефона из сумки в автобусе», «На улице Вас ударили кулаком по лицу и отобрали сумку», «Вы пришли домой, вскрыта дверь, из дома пропали ценные вещи», «Незнакомый человек попросил у Вас телефон позвонить, и убежал с ним» и т.п. Обыденность подобных происшествий, с одной стороны, предполагает, что любой человек может предложить выход, однако выясняется, что регулировать поведение необходимо, принимая во внимание законодательные нормы, зная, к кому можно обратиться за помощью. После игры ведущими подводятся итоги, на которых участникам игры разъясняется, что ими было сделано правильно, а что нет, как нужно было поступить в той или иной ситуации. Игра вызвала большой интерес, и волонтеры (в этом случае это и студенты, и подростки, с которыми они работали в рамках клуба) в течение учебного года провели её в более, чем пятидесяти школах города.

Организаторы отмечали, что подростки впервые смогли ощутить себя уважаемыми и востребованными, а также авторитетными в правовых вопросах. Подросток, находившийся в конфликте с законом, получал знания правового характера, общаясь с представителями правопорядка, в связи с этим у детей изменяется и самооценка, и мнение о сотрудниках правоохранительных органов. Кроме того, происходит смена роли в социуме: из «преследуемого» законом он становится «представителем» закона, «проводником» правовых знаний. Изменяется мотивация участия в предложенных мероприятиях, появляется желание участвовать в социально значимой деятельности. Подросток получает подтверждение положительной общественной оценки: каждому вручается личная книжка волонтера, каждый, будучи организатором, оказывается в центре внимания, слышит суждения в свой адрес.

Показателем успешности предложенного проекта стало увеличение за один учебный год числа вовлечённых волонтеров в три раза, 35 подростков, включившихся в проект, были сняты с внутришкольного учёта, ни один из участников проекта из числа целевой группы не совершил повторных правонарушений.

Схожий опыт педагогического взаимодействия описан в коллективной монографии, авторы которой убеждают, что главным механизмом перевоспитания несовершеннолетних осуждённых является формирование их социальной активности и ответственности. Исследователи отмечают, что педагогическое взаимодействие создаёт условия для эффективного самоуправления в том случае, если деятельность несовершеннолетних сопровождается «всеобщей заинтересованностью, учётом интересов воспитанников, их полезной занятостью, взаимной ответственностью и требовательностью» [1, с. 287].

Заслуживает внимания и модель педагогического взаимодействия, предложенная Областным государственным учреждением дополнительного образования «Детский эколого-биологический центр» в рамках реализации государственной программы Рязанской области «Профилактика правонарушений и предупреждение чрезвычайных ситуаций на 2015-2020 годы». Проект «Трудовое лето» работает в течение нескольких лет и ставит своей задачей создание условий для социальной адаптации подростков, их оздоровления, развития познавательной активности, формирования положительных познавательных мотиваций через включение в систему трудовой и учебно-исследовательской деятельности.

Данный проект так же основан на межведомственном взаимодействии: ГКУ «Центр занятости населения», районные комиссии по делам несовершеннолетних – главные партнёры в его реализации. Эколого-биологический центр предлагает подросткам приобрести трудовой опыт и найти себя в мире профессий, используя для этого время летних каникул. Участников проекта делят на пять трудовых отрядов: юные зоологи, цветоводы, растениеводы, садоводы, экологи. Педагоги предлагают детям познакомиться с различными технологиями, обучают необходимым навыкам, а также привлекают подростков к настоящим научным исследованиям. Например, по заданию агрофирмы «Семко» проводились опыты по сортоизучению огурцов для закрытого и открытого грунта, совместно с сотрудниками агротехнологического университета исследовали эффективность применения стимулятора роста «Эмикс» на яровой пшенице и т.д. Подобная работа вызывает неподдельный интерес, поскольку проводится под руководством учёных, ребята по-настоящему включаются в процесс наблюдений, используют лабораторное оборудование. Необычна для городских школьников и работа на учебно-опытном участке: они сеют семена деревьев, обрезают кустарники, ухаживают за растениями и т.п. Благодаря взаимодействию с центром занятости за работу подростки получают минимальную заработную плату, что является немаловажным обстоятельством для школьников не только с материальной точки зрения, но и оказывает влияние на формирование их самооценки, чувства взрослости.

Обращает на себя внимание отбор участников проекта: дети 14-17 лет из неполных и многодетных семей, а также состоящие на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних. Безусловно, специфика контингента определяется во взаимодействии с различными заинтересованными учреждениями и организациями. Педагогическое сопровождение их профессионального самоопределения должно не только учитывать индивидуальные особенности детей, но и специфичность обстоятельств, в которых формируется их личность.

Между тем педагоги отмечают положительную динамику даже за столь короткий каникулярный период. Полученный трудовой опыт помогает участникам проекта в социальной адаптации и профессиональной ориентации. Работа на участке является начальной ступенью профориентационной работы, поскольку школьники имеют возможность получить представление о востребованных профессиях: агронома, зоотехника, ветеринарного фельдшера, дизайнера. Кроме того, взаимодействие в созданных детско-взрослых сообществах на основе образовательной, исследовательской, трудовой деятельности приводит к позитивным личностным изменениям. Исследователи называют это технологией встречных усилий: активизируются эмоциональные, интеллектуальные, волевые усилия участников взаимодействия, проявляется оптимальная ответственность за результат совместной деятельности. Такие характеристики педагогического взаимодействия, как со-бытие, со-творчество, со-трудничество, предполагают создание особого образа жизни, изменяющего личностные характеристики участников, происходят взаимные изменения в их

отношениях, деятельности, поведении [3]. Для подростков, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, это приобретает принципиальное значение.

Выводы. Таким образом, предложенные модели педагогического взаимодействия с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, демонстрируют свою эффективность в решении актуальных воспитательных задач. Необходимо отметить, что каждая из этих моделей совершенствуется, отрабатываются инновационные технологии, вовлекаются новые участники. Данный опыт заслуживает внимания педагогов-практиков, может быть использован в работе с детьми, демонстрирующими отклоняющееся поведение.

Аннотация. В статье рассматривается региональный опыт реализации моделей педагогического взаимодействия с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Авторы иллюстрируют использование волонтерства, наставничества в решении воспитательных задач. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия различных социальных институтов, консолидации усилий в рамках реализации социальных проектов.

Ключевые слова: педагогическое взаимодействие, дети в трудной жизненной ситуации, отклоняющееся поведение, наставничество, волонтерство, социальный проект.

Annotation. The article discusses the regional experience of implementing models of pedagogical interaction with children in difficult situations. The authors illustrate the use of volunteering, mentoring in solving educational problems. Particular attention is paid to the analysis of the interaction of various social institutions, the consolidation of efforts in the framework of social projects.

Keywords: pedagogical interaction, children in difficult life situations, deviant behavior, mentoring, volunteering, social project.

Литература:

1. Воспитание подростков с девиантным поведением: история, теория, опыт. Учебно-методическое пособие для студентов вузов /под ред. А.А. Романова, С.А. Завражина; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2006. – 342 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. Т.5. – М.: Педагогика, 1983. – 367 с.
3. Жокина Н.А. Социально-педагогические аспекты подготовки педагогов к взаимодействию с подростками/ В сб.: Образование для XXI века: доступность, эффективность, качество: труды Всероссийской науч-практ. конф. – М., 2002. – Ч.2. – 826 с.
4. Коротаева Е.В. Педагогика взаимодействий: автореф. дис. докт.пед.наук. – Екатеринбург, 2000. – 36 с.
5. Педагогика. Учебное пособие для студентов пед. институтов / Под ред. Ю.К. Бабанского. – М.: Просвещение, 1988. – 479 с.
6. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р) – <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (Дата обращения 09.06.2019г.)
7. Федеральный закон “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации” от 24.07.1998г. N 124-ФЗ (последняя редакция). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (Дата обращения 09.06.2019г.)
8. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ. – <https://duma.consultant.ru> (Дата обращения 09.06.2019г.)

THE AGRRESSION IN SCHOOL ENVIRONMENT - FACTORS FOR MANIFESTATION AND MOTIVATIONAL SPECIFICS

Zografova Yolanda Konstantinova,

Doctor of Philosophy, professor,

Director of Institute for Population and Human Studies Bulgarian Academy of Sciences,
Sofia, Bulgaria

Conceptual aspects. The aggressiveness manifested by the youngest members of society provokes not only the interest but also the concern of different social levels and groups - parents, teachers, educational institutions, the public. In order to be able to develop a system of prevention, reduction and intervention in destructive types of manifestations, a thorough knowledge of the nature, motives and forms of aggression is necessary. On the other hand, the factors that cause or instigate this kind of behavior are many and their study also forms the basis of building effective preventive systems.

Albert Bandura defines aggression as "behavior that results in personal injury and / or destruction of property. The harm can be psychological (in the form of devaluation or degradation / or physical) [1, p. 5]. His approach to exploring aggression and its factors evolves from behaviorism to cognitive, combining his research with personologists in his fundamental conceptual approach to social learning of aggression. Thinking about aggressiveness and violence as interpersonal phenomena advances slowly, despite the addition of cognitive and behavioral-interaction variables to the approach. In fact leading factors in the study of destructive behavior are result-oriented and motivational-behavioral (see 2). The paradigm outlined by Bandura for the learning of aggressive behaviour, even without rewards, on the one hand, and through the one created by Buss through the "aggression machine", on the other, has been accumulated a great amount of experimental knowledge. In Buss' approach however, using primarily electric shock as a dependent variable to demonstrate the aggressive intentions of the individual, they actually simplify and reduce most of the studied aggressive acts to an individual level. Moreover, by such an approach, the focus remains mainly on the emotionally hostile type of aggression, where harm is precisely the goal in all cases - a harm as a goal in itself.

A commonly cited conception is that of Baron and Richardson, according to which aggression is any form of behavior aimed at harming another being that is motivated to avoid such treatment (3). In this way, the definition includes, in addition to conscious intentionality when causing damage, a victim's relevant motivation to avoid damage, and the interpersonal aspect. Famous researcher and follower of the frustration-aggression hypothesis, Berkowitz, thinks that aggression refers to some kind of physical or symbolic behavior that is done to harm someone [4].

According to Anderson and Bushman - leaders in developing the cognitive approach and the information-process models of aggression, "human aggression is any behavior directed toward another individual that is carried out with the proximate (immediate) intent to cause harm. In addition, the perpetrator must believe that the behavior will harm the target, and that the target is motivated to avoid the behavior"[5, p. 28]. The harm could be physical, mental, indirect, and so on.

Emotional and impulsive aggression is triggered by both affective regulatory mechanisms and cognitive schemes, including thoughts of revenge, assault, feelings of hatred, and so on. In turn, the mechanisms of instrumental aggression include sociopsychic motivators from different levels of the identity structure: interests, aspirations, long-term goals, past social experiences of relationships, as well as attempts to solve social problems through instrumental aggression. On the basis of conceptual analysis and my studies, an advanced conceptualization was composed, and it includes aggressiveness at a *group subjective level* as well as on a *person-to-person level*. It includes both instrumental and emotional-hostile type of aggression, thus differentiating their founding mechanisms, goals and results. From the analysis of the phenomena and the types of aggressiveness, as well as its manifestations at different levels, becomes obvious the presence of

their common, interlinking the two levels /personality and subordinate/ mechanism, namely the violation of public or common norms and rules (2,6). In turn, deliberation involves and implies the information processes that have been systematically developed and explored in the information models of aggression. Cognitive variables or factors, especially scenarios of aggressive behavior and problem solving, I-concept, are important determinants at the individual level [2, 5].

Factors for aggression

In contemporary approaches, there are tendencies towards enrichment of the social context. Actual social psychological determinants for forming and manifestation of aggressiveness: personality prerequisites such as mischief, emotional sensitiveness, personal attitudes and dispositions like tolerance towards violence and moral disengagement. The data show that students condemn morally aggressiveness at low levels. Juvenile moral disengagement is manifested through mechanisms of allowed displacement of responsibility. Moral justification allows aggression to be seen as socially acceptable, serving some moral or social goals. The process, in its core, comprises moments of responsibility displacement and diffusion of accountability - everyone performs a part of an action which may seem harmless but the summed up totality of actions builds up to a destructive result; consequences are being ignored, subjects are being dehumanized and circumstances - justified [7, 8]. Many experiments prove that quite a few cognitive variables are being affirmed as elements in the structure of personality and thereby determine the forming of aggressiveness as well as its later manifestation. At an early ontogenetical stage, a number of scripts are learned and are being updated later when a relevant event takes place and thus are being used as a strategy to cope with personality tasks and problems [2, 5].

It seems that sociopsychological knowledge is advancing more slowly in the field of the linkage between parents' socializing practices and the aggressiveness of children. This does not result from disregard for the factors of human socialization and personality formation, but rather from the persistent approaches in the study of aggressiveness in the direction of situational influences and reactions. Sociopsychic determinants formed precisely in the process of socialization are those that mediate the role of different agents of socialization in its later stages. The susceptibility and willingness of a person towards the formation of models of aggressive behavior are created during the main stages of socialization and through its main agents - family, school, social environment, reference groups, channels of communication. Cultural values and norms adopted at the macro social level regulate socialization and emerging dispositions, personal value orientations, specific norms and values perceptions, ethical standards at the micro-level in the primary social group. This does not mean straightforward transferring of norms and standards - at all stages of its civilization development, society supports certain aggressive behavioral patterns. Social ambivalence towards the realization of various forms of aggression plays a significant role in both phylogenetic and ontogenetic plan. For instance, serious forms of violence are rejected, but milder and indirect forms of daily aggression are supported. Or, all kinds of aggression are officially rejected, but unofficially, "under the radar" micro or passive aggressiveness is supported because of the profit it may lead to. Social norms and every day social guidelines may foster aggressive behavior by encouraging individuals to assert their rights, to manifest and impose themselves, to seek revenge (for example, drive boys to assert themselves through physical aggression), later in active social life through verbal attacks in discussions, debates, etc. Therefore among the milestones of socialization in early individual development is the creation of specific alternative models for actively dealing with problem situations. At the same time, it is necessary to "translate" the abstract value standards and ethical principles at the level of the particular social situations so that they will construct in the adolescent a clear assessment of what is commonplace, what violates the norm in the case, etc. Otherwise, stable and reliable relationships between common principles and values on the one hand and behavior are not created, and aggression is the most common manifestation of such divergences.

Media environment and aggression

One of the most up-to-date sociopsychic problems for teenagers and adolescents is related to media violence, video games for which there is already a lot of empirical material proving that they

are among the most important factors and basic preconditions for learning and storing in the memory of relevant scenario. Multiple studies lead to the conclusion that media violence also affects the attitudes and behavior of children on a long-term basis. The classic idea of catharsis, according to which observation or manifestation of an aggressive decreases subsequent aggressive reactions has been rejected by a large number of experimental results. It is assumed that even news of violence increase, the likelihood that viewers regardless of age behave more aggressively [4, 5].

According to data carried out during the transition to democracy, it appears that in Bulgaria the tolerance for violence grows in proportion to the increase in aggression itself among young people [2]. In turn, they show the highest aggressiveness compared to other age groups. Supplying too much information about violence is one of the most serious factors for aggression in adolescents, as observed aggressiveness reduces inhibitions and is being perceived as approved, and as a way to achieve desirable results. Norms of behavior are being learned and accepted through aggressiveness manifested by children's and adolescents' favorite characters and public figures. There are many sources where children learn aggressive behavior and violence - television, video games, the Internet, aggressive musical styles, and more. Scientists, especially psychologists and pedagogues, have repeatedly initiated public discussions with, the aim of attracting the attention of media and the public to the issues of learning aggression and violence and the susceptibility of children and young people to sex and violence. But such attempts are often met with negative attitudes or lack of interest in any kind of measures to change the broadcasts of violence (whether in different films or in the newscasts), the time of their transmission, etc. Commercial interests greatly dampen the possibilities for dialogue and changes in the scheme and content of media programs, and similar proposals are interpreted as censorship.

Current data for Bulgarian schools

The factors, motives and socialization influences reflect on school behavior and the aggressiveness among pupils and between teachers and students. A team at The Institute for Human and Social Studies at the Bulgarian Academy of Sciences, we conducted a study on motives, factors and forms of aggression, funded by the Ministry of Education and Science. Over 990 students from 18 schools have been studied in various Bulgarian cities. A complex model of aggressive behavior has been designed to address factors such as family environment, school environment, extracurricular activities, media, personality, and deviant behavior. Measured basic forms of aggression show that most students use verbal aggression - 70%; 45% of individuals resort to physical aggression while 43% of them - to indirect aggression. Boys more often show verbal and physical aggression, while with cases of indirect aggression there are no significant differences between the genders. Verbal and indirect aggression manifestations increase with age, while physical does not follow the same trend, although it is higher in 8th grade compared to the same occurrences in 4th. An interesting fact is that one-third of students explain their own aggression with their intention to defend "someone weaker"; the second most registered reason that students indicated was "having suffered insult or physical aggression beforehand". When asked about their strategies in a conflict situation, the students most often responded "I'm trying to figure out why they do this" and "I ignore them" (each answer getting 52% of responses); and 42% indicated the strategy "I'm trying to talk to him/her in order to solve the problem." Significant influences on aggression have personality variables - revenge, anger, suspicion, unhappiness and control. These data generally confirm the conclusions theoretical works have come to (9). Our research also covered the question of security that students feel in school environment - it turned out that psychological security is more of a concern to them than their physical safety; they fear mocking and verbal aggression from classmates and peers. The impact of punishment occurrences at home on the spread of aggressive behavior in school has also been demonstrated. Effects coming from the family environment are very significant - for example, in the case of deviant behaviors by family members, the aggressiveness of the children transferred to school increases. Aggressive relationships within the family leads to a growing aggression towards teachers and peers. Other factors of aggressiveness at school include watching violent and horror films as well as video games. Not of a lesser importance is the virtual environment in which teenagers communicate - an

important part of the aggressiveness patterns are formed online that could then occur in real situations. Due to the volume of the article, the study is presented in a very partial way, but its results are very important and enable the development of a program to prevent aggression and violence at school.

There are many inquiries in the field of psychological theory and practice that tackle aggressiveness issues and aim at implementing intervention strategies through multisystem therapies, including all the important factors of the family environment and atmosphere, relationships in school, peer groups and social networks. For instance, humor has been used in creating new methods, as well as learning of alternative coping strategies in unusual situations, empathy in communication, recognition of other possibilities outside of aggressive models and more. Even larger in scale are the strategies for reducing the conditions that are favorable to aggressiveness, as well as its manifestations, but such strategies require wide social value-normative and cultural change.

Аннотация:

Рассматриваются некоторые значимые концептуальные подходы к определению и изучению агрессивности. Анализируются важнейшие факторы формирования и проявления агрессивного поведения в школьной среде, в том числе влияние средств массовой информации на агрессивность несовершеннолетних. Представлены актуальные данные о проблемах агрессии в болгарских школах.

Ключевые слова: агрессивное поведение, школьная среда, факторы.

Annotation: This paper considers some of the significant conceptual approaches to defining and exploring aggressiveness. An outline of the important factors for the formation and manifestation of aggressive behavior in the school environment is presented, including the influences of different types of media on juvenile aggressiveness. Current research data on the problems of aggression in the Bulgarian school are proposed for discussion and analysis.

Keywords: aggressive behavior, school environment, factors

References

- 1 Bandura, A. (1973). *Aggression: a social learning analysis*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N. J.
- 2 Zografova, Y. (2001). *Bulgarian's Aggressiveness in the Transitional period*. Academic Publishing House "Prof. M. Drinov" (In Bulgarian with an English abstract)
- 3 Baron, R. & D. Richardson, (2004). *Human Aggression*, Plenum Press, NY, London.
- 4 Berkowitz, L. 1993. *Aggression: its causes, consequences, and control*. NY, McGraw-Hill
- 5 Anderson, C. and B. Bushman, (2002). Human aggression. *Annual Review of Psychology*, 53, 27-51
- 6 Zografova, Y. (2008). The Problem of aggressiveness – development of the conceptual sphere and possibilities of widening. *Psychological Research*, v..1, 99-120. (In Bulgarian with an English abstract)
- 7 Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G., Pastorelli, C. (1996). Mechanisms of Moral Disengagement in the Exercise of Moral Agency. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 71, No 2, 364-374
- 8 Bandura, A. (1999). Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*.3;193.
- 9 Zografova, Y., Bakalova, D., Hristova, A., Andreev, B., Nedeva-Atanasova, V., Racheva, R., Totkova, Z (2019). Personality traits and family environment – antecedents of students' aggression. *Psychological Research*, (In Print).

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В КОМИССИЯХ ПО БОРЬБЕ С АНТИСОЦИАЛЬНЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БОЛГАРИИ

Иванова Десислава Асенова,

Юго-западный университет «Неофит Рилски»,
г. Благоевград, Болгария

Крастев Иван Димитров,

Юго-западный университет «Неофит Рилски»,
г. Благоевград, Болгария

Введение. В соответствии с Законом о борьбе с антисоциальным воздействием на несовершеннолетних, действующим в Совете министров, существует Центральный комитет по борьбе с антисоциальными актами несовершеннолетних. На региональном уровне были созданы местные комитеты по борьбе с антиобщественными действиями несовершеннолетних. Деятельность местных комитетов контролируется центральным комитетом. Центральный комитет по борьбе с антисоциальными актами несовершеннолетних разрабатывает и предлагает следующие программы и мероприятия по предотвращению и ограничению криминогенных факторов (Правила процедуры Центрального комитета по борьбе с антисоциальными актами несовершеннолетних находящийся в структуре Совета министров):

- программы по работе с несовершеннолетними с целью предотвращения и противодействия совершению антиобщественных действий или преступлений и участия в мероприятиях, способствующих их нормальному развитию и воспитанию;

- программы по воспитанию и социальной интеграции несовершеннолетних, совершение антиобщественных действий и совершение преступлений несовершеннолетними;

- программы профессионального обучения и трудоустройства несовершеннолетних, проживающих в социально-педагогических интернатах, воспитательных школах-интернатах, исправительных учреждениях, а также условно осужденных и условно-досрочно освобожденных лиц;

- программа для работы с родителями в связи с действиями или преступлениями их ребенка;

- поощрительные программы для работодателей, которые нанимают несовершеннолетних, совершивших антиобщественные действия или преступления.

Местные комитеты являются компетентными органами, которые рассматривают дела в отношении антиобщественных действий, совершенных несовершеннолетними, и преступлений, совершенных несовершеннолетними, которые освобождены от уголовной ответственности по ст. 61 Уголовного кодекса. Согласно ст. 61 Уголовного кодекса, в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление по неосторожности или безрассудству, которое не представляет большой общественной опасности, прокурор может принять решение не открывать и не прекращать досудебное производство, и постановление суда о том, чтобы его не отправляли в суд или не приговаривали, если к нему могут быть успешно применены воспитательные меры в соответствии с Антисоциальным законом о несовершеннолетних. В таких случаях суд сам может наложить корректирующую меру, уведомив местную комиссию по делам несовершеннолетних об антиобщественных действиях, или направив материалы для наложения такой меры [13]. Когда прокурор принимает решение не возбуждать досудебное производство или прекращать досудебное производство, он или она направляет дело в комиссию для наложения исправительной меры. Таким образом, к несовершеннолетним применяются необходимые образовательные меры, направленные на достижение воспитательного эффекта и позитивного изменения поведения,

преодоления недостатков в их нравственном развитии, а также формирования отношения к уважению законов и норм в обществе. Комитеты в большинстве регионов имеют два вспомогательных органа - государственные наставники и консультационные бюро по профилактике и психосоциальным вмешательствам. Социальные педагоги (с педагогическим или психологическим образованием) осуществляют следующие виды деятельности:

- оказывают помощь родителям и их иждивенцам в воспитании несовершеннолетних;
- содействуют правильной организации воспитания, работы и отдыха несовершеннолетних;
- следят за поведением несовершеннолетних и следят за тем, чтобы они были надлежащим образом направлены;
- предупреждают компетентные органы о наличии риска для физического или психического развития несовершеннолетнего;
- ставят вопрос решения социальных проблем несовершеннолетнего перед дирекцией социальной помощи в соответствующем регионе.

Консультативные бюро по профилактике и психосоциальным вмешательствам организуют и проводят профилактические и корректирующие мероприятия с несовершеннолетними и их родителями в рамках реализации мер в рамках Закона о борьбе с антисоциальным воздействием на несовершеннолетних, касающихся детей и их родителей. Часть занятий в классных комнатах направлена на повышение компетенции государственных педагогов и других специалистов по вспомогательным профессиям (педагоги, социальные работники, школьные медсестры и т. д.) В решении дел из их практики, связанных с консультированием детей с нарушениями поведения и в работе с «трудными» семьями.

Консультационные кабинеты ориентированы на работу с детьми с антиобщественными проявлениями и их окружением (семьей, школой) с целью: ограничения их асоциального поведения; улучшение отношений в семейной среде; поддержка их общения с учителями и сверстниками в школе; активизация их ресурсов и потенциала для адаптивного поведения в соответствии с их возрастом и социальными нормами. Кроме того, они проводят первичные профилактические мероприятия, контролируют работу государственных педагогов, проводят тренинги для педагогов и других специалистов, работающих с несовершеннолетними с проблемным поведением, консультируются с родителями и детьми после ранее заявленной потребности по конкретному вопросу. Квалифицированные психологи и педагоги работают в консультационных кабинетах для профилактики и психосоциальных вмешательств, и при необходимости консультируются с внешними экспертами - юристами, логопедами и другими специалистами.

Психологическое консультирование детей с девиантным поведением в консультационных кабинетах местные комитеты по борьбе с антиобщественными действиями несовершеннолетних.

Ю.В. Смык, рассматривает проблему психологической защиты подростков. Доказывается, что тенденция к девиантному поведению связана с личностными и социальными составляющими психологической безопасности. Подростки, склонные к девиантному поведению, демонстрируют снижение социальных показателей психологической безопасности. Они поддерживают психологическую безопасность за счет достаточно выраженной личностной составляющей. Смык обращает внимание на то, что в реальных социальных ситуациях психологическая защита этих детей достигается за счет агрессивного защитного поведения, которое имеет низкую долю проявления социальной ответственности [12].

Большинство авторов считают синонимами понятия психологической безопасности и психологической защищенности [1; 4]. Внимание других авторов сосредоточено на обеспечении личной безопасности, как важного фактора предотвращения девиантного поведения несовершеннолетних [5]. Несмотря на концептуализацию, работа с подростками с девиантным поведением с учетом их специфики требует ряда профессиональных навыков

для обеспечения эффективного решения их проблем [7]. Н.В. Кулагина обращает внимание на ряд недостатков в подходе специалистов по профилактике девиантного поведения среди подростков [6]. Одно из вышеперечисленных – это отсутствие навыков конструктивного, бесконфликтного общения с детьми, которое, по нашему мнению, имеет первостепенное значение для результатов психологического консультирования у детей с девиантным поведением. Т. Милушева подчеркивает, что в работе с молодежью с девиантным поведением усиление мотивации к изменениям является результатом специфики и качества взаимодействия со специалистом [8]. Поскольку ситуация, в которой с ними проводились консультации, отличается от обычной (они приходят не по собственному желанию, а по усмотрению комитетов), в процессе консультаций требуется гибкий подход, который, с одной стороны, не вызывает сопротивления в процессе общения, а с другой – создает ощущение того, чтобы быть в безопасном и надежном месте. В этом отношении метод мотивационного интервьюирования, который включает в себя поддержку, а не убеждение или аргументацию в поиске внутренней мотивации для изменения, является особенно подходящим. Принципы, которым нужно следовать, работая в духе мотивационного интервьюирования: выражать сочувствие; развивать несоответствие, идти с сопротивлением; поддерживать самооценку [9]. Например, когда речь идет о подростках с отклоняющимися проявлениями, выражение эмпатии означает не принятие или одобрение их поведения, а понимание чувств и взглядов ребенка, с которым вы общаетесь. Развитие несоответствия направлено на поиск личных целей, которые важны для ребенка, чтобы перевесить амбивалентность (я хочу или я не хочу менять свое поведение). Например, стремление к будущей профессиональной реализации или другая жизненно важная ценность, которая так важна, чтобы можно было изменить поведение. Цель состоит в том, чтобы использовать несоответствие, усиливать и расширять его, пока оно не превалирует над текущими поведенческими характеристиками и проявлениями. Однако это должно происходить без создания чувства давления и принуждения.

При умелом вмешательстве, аргументы в пользу перемен исходят от подростка (а не от консультанта) после осознания несоответствия между его или ее действиями и целью или ценностью, которые важны для него / нее. Непреодолимой ситуацией является ситуация, в которой консультант настаивает на определенном изменении в поведении, а подросток выступает против этого. Такие споры непродуктивны. Вот где дух мотивационного интервью требует идти против сопротивления консультанта. Сопротивление – это сигнал о том, что психолог должен изменить подход. Он может вернуть вопрос или проблему, которые ранее обсуждались, без предоставления ответов и предложения решений. Сопротивление, которое оказывает ребенок, можно избежать, изменив формулировку, чтобы не остановить импульс для изменения. В процессе консультирования подростку важно чувствовать, что консультант верит в возможность изменения. В то же время консультант дает четкое сообщение о том, что изменения могут быть достигнуты только подростком, и его роль заключается в том, чтобы поддержать его и укрепить его уверенность в том, что он справится и преуспеет. Самодостаточность – другая сторона личной ответственности за изменения. Вера психолога в то, что ребенок может изменить свое поведение, является важным фактором в пробуждении его или ее внутренней мотивации и активизации позитивного поведенческого ресурса для повышения его или ее собственной эффективности. Таким образом, подросток уверен, что он или она может принять и быть успешным в реализации поведенческих изменений, с помощью которых он или она может преодолеть свою девиантную проблему.

Случай из практики. Общение с 16-летним Т.И. Во время работы в Консультативном бюро по профилактике и психосоциальным вмешательствам он предоставил данные как о психофизиологическом развитии мальчика, так и о причинах, вызвавших его антиобщественные проявления. Родители Т.И. развелись, когда ему было семь лет. Отец не поддерживает связь с ребенком. Влияние развода на неокрепшую психику мальчика оказывает негативное влияние – отсутствие отцовской фигуры на следующем этапе его развития и травма разлуки с ним. Они также являются частью факторов, которые

привели к текущим поведенческим проблемам Т.И. При разводе дети очень часто подсознательно фиксируют свои потребности в привязанности, безопасности и привязанности к родителю, с которым они живут (в данном случае к матери), чтобы преодолеть боль от потери другого родителя (отца). Отношения между Т.И. и его матери М.В. также развиваются по этой схеме. По словам матери, он – нежный и любящий ребенок, который не создает проблем до определенного этапа, а именно появления нового человека в жизни М.В. и рождение его брата. Картина усугубляется конфликтами и взаимной нетерпимостью между Т.И. и текущим партнером матери. В возрасте пятнадцати лет начинаются тяжелые пьянства и эпизоды совместного употребления марихуаны и алкоголя Т.И., сопровождающиеся агрессивным поведением по отношению к матери и ненадлежащим поведением на публике. Затем следует госпитализация несовершеннолетнего мальчика на двадцать дней в местную психиатрическую клинику. Между тем в школе очень много пропусков. Проявления Т.И. в часы уроков и между ними вызывают напряжение между ним, его учителями и его одноклассниками. Есть также издевательства над ним, что он больной, ненормальный и т. д. Оскорбления, которые он терпит, не способствуют его регулярному посещению занятий и его дисциплине. Следует отметить, что, несмотря на систематические пропуски и нарушения дисциплины, Т.И. удается поддерживать хорошую успеваемость по предметам, изученным в первом полугодии одиннадцатого класса.

В процессе консультирования между психологом и мальчиком установилась доверительная связь. Эмпатический стиль общения помог избежать сопротивления со стороны Т.И. Постепенно подросток открылся психологу и сообщил что «чувствует боль от отсутствия отца после развода с матерью и сильную привязанность к ней». М.В. характеризует возникшую ситуацию как «предательство», считает, что его бросили после появления мужчины в жизни матери, однако он относится к своему младшему брату с любовью. Т.И. хотел бы, чтобы мать проводила больше времени с ним. Отсутствие осуждения со стороны психолога позволило обсудить употребление психотропных веществ и его последствия. Кроме этого, Т.И. смог немного почувствовать себя лучше и не думать о том, что не хватало ему его жизни. Мы призвали подростка самому придумать возможности перемен - он сказал, что хотел бы закончить школу и подать заявку на инженера-строителя. Средняя школа, в которой он учится, имеет ту же профессиональную направленность, а в то же время Т.И. имеет большой интерес, и хорошо справляется с дисциплинами, связанными с проектированием и строительством структурных сооружений. Он сам выявил противоречие между нарушениями дисциплины, во время занятий и амбициями закончить и продолжить свое образование. Другим мотивом перемен, которыми он поделился, было желание улучшить свои отношения с матерью, быть ближе к ней и воспитать своего младшего брата. В процессе консультирования негативные проявления Т.И. в школе уменьшились, и его посещаемость стала регулярной. Это дало мальчику уверенность в том, что он способен внести позитивные изменения в свое поведение. Повышенная самооценочность, приверженность к консультациям и критика его собственного негативного поведения в предыдущие месяцы были названы хорошим прогностическим фактором. Существенным для преодоления девиантных поведенческих черт подростков было участие матери, М.В. и ее нынешний партнер в процессе консультаций. С ними было проведено несколько консультаций относительно надлежащего распределения обязанностей в семье, чтобы у матери было больше времени для Т.И., а забота о младшем брате мальчика, будет передан ее партнеру. Все это помогло нормализовать отношения между Т.И. и его новым отцом. Последующее наблюдение предоставило информацию об отсутствии текущих отклоняющихся от нормы проблем и подтвердило положительные изменения в поведении подростка.

Заключение. Антисоциальное поведение подростков в Болгарии является проблемой, вызывающей острые социальные реакции. В последние годы наблюдается рост числа новых (незарегистрированных) несовершеннолетних, занимающихся антиобщественной деятельностью [14]. Поэтому тщательное изучение причин, факторов и условий, приводящих

к девиантному поведению в этом возрасте, находится в центре внимания национальных стратегий, правил, исследований, и деятельности государственных и неправительственных организаций [13]. Работа с семьями тех лиц, которые совершают антиобщественные действия, также является областью, в которую следует направить усилия, поскольку в ряде исследований в качестве возможного фактора риска, вызывающего девиантное поведение подростков, упоминается стиль воспитания детей [15]. Златанова поддерживает идею влияния родительского поведения на эмпатию и самоконтроль ребенка [3]. Роль отношений ребенка с учителем и влияние сверстников в объяснении девиантного поведения также нуждаются в углубленном изучении [16]. Не менее важным является вопрос о том, как психологи должны проконсультировать эти подростки в кабинетах местных комитетов и какие психосоциальные вмешательства им подходят. Какие методы консультирования помогают установить терапевтический контакт, а какие из них вызывают резистентность и абстиненцию. Исследовательские усилия должны быть направлены на выявление тех подходов консультирования, которые работают и тех, которые не подходят для консультирования детей с девиантным поведением из-за отсутствия доказательств их эффективности в этой области.

Аннотация: Представлена структура и деятельность местных комитетов по борьбе с антисоциальным воздействием несовершеннолетних в Болгарии. Основное внимание уделяется специфике психологического консультирования детей с девиантным поведением в консультационных кабинетах по профилактике и психосоциальному взаимодействию с комитетами. Приведен пример практики, в которой применяется эффективное психосоциальное воздействие для преодоления антисоциальных проблем подростков.

Ключевые слова: местные комитеты, антиобщественные действия, девиантное поведение, психологическое консультирование, дети.

Abstract: The structure and the activity of the Local Commissions for Combating the Anti-social Events of minors and juveniles in Bulgaria are presented. The focus is on the specifics of psychological counseling of children with deviant behavior in counseling offices for prevention and psychosocial interventions to the Commissions. An example of a practice in which effective psychosocial interventions are implemented to overcome the antisocial problems of adolescent is presented.

Keywords: local committees, anti-social events, deviant behavior, psychological counseling, children.

Литература:

1. Баева И.А. Психологическая безопасность и психологическая безопасность современного человека [Электронный ресурс] // РГУ. СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Режим доступа: [http // www.ruscenter.com/netcat_files / multifile / 2416 / Психологическая_защищенность_психологическая_безопасность_современного_человека_text_i_audiozapis_vystuple_niya_Baeva_I._A.201.\(201\).](http://www.ruscenter.com/netcat_files/multifile/2416/Психологическая_защищенность_психологическая_безопасность_современного_человека_text_i_audiozapis_vystuple_niya_Baeva_I._A.201.(201).)
2. Закон о борьбе с антиобщественными проявлениями несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Название. изменить. - Изв. 11/1961 г) вступил в силу 15.03.1958, отражая деноминацию от 05.07.1999. Режим доступа: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/2123897345> (дата обращения: 12. 05. 2019).
3. Златанова В. Исследования девиантного поведения. – С.: Авангард Прима, 2017. – 347 с.
4. Захарова Т.Н., Андросова М.И. Психологическая безопасность образовательной среды студентов. [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 26. – С. 67-70. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/770714.htm> (дата обращения: 12. 05. 2019).

5. Ковров В.В., Мириманова М.С., Оганесян Н.Т. Образовательная система образовательного учреждения как ресурс психологической безопасности. Учебное пособие. – М.: Эконом-информ, 2012. – 181 с.
6. Кулагина Н.В. Девиантное поведение подростков: современное состояние и проблемы. // Психология и Психотехника. – 2016. – № 2. – С. 174-178. DOI: 10.7256 / 2070-8955.2016.2.18823.
7. Медведев А.М., Прокофьев Т.В., Юнда А.В., Зиновьева Д.М., Панкратова Е.В. Психологическая работа с девиантными подростками: проблемы и возможности: монография / ФГОУ ИДП Волгоградская академия государственной службы. – Волгоград: Издательство Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования ВАГС, 2009. – 316 с.
8. Милушева Т. Социальная работа с молодежью с девиантным поведением. Методы повышения мотивации к изменениям. // Социальная работа. – 2014. – 1. – С. 48-79.
9. Миллер В., Ролник С. Мотивационные интервью. Подготовка людей к переменам. – С.: ЛИК, 2010, 591 с.
10. Правила устройства, организации и деятельности Центральной комиссии по противодействию антиобщественным событиям при Совете министров, принятые постановлением Совета министров № 228 от 24.09.2012 [Электронный ресурс] // Пром. Высший разряд Выпуск 75 от 10/10/2012 Режим доступа: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/2135812221> (дата обращения: 12. 05. 2019).
11. Смык, Ю.В. Состояние психологической безопасности подростков, склонных к девиантному поведению [Электронный ресурс] // Интернет-журнал World of Science, 2018 год № 4, режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/23PSMN418.pdf> (дата обращения: 12. 05. 2019).
12. Тодорова, К. Поведение в отношении себя, других и общества – уточнение понятий. // Журнал Софийского университета образовательных исследований, 2014 / 3. – С. 41-55.
13. Уголовный кодекс Республики Болгария [Электронный ресурс] // ст. 61. (Am. – SG, выпуск 89 в 1986 г.; поправка – SG 75/06, в силе с 13.10.2006 г.). Режим доступа: <https://lex.bg/laws/ldoc/1589654529> (дата обращения: 12. 05. 2019).
14. Anti-Social Acts of Minor and Juveniles, 2017 [Электронный ресурс] // Republic of Bulgaria, National Statistical Institute, 2017. Режим доступа: <http://www.nsi.bg/en/content/6294/anti-social-acts-and-crimes-minor-and-juvenile-persons> (дата обращения: 12.05. 2019).
15. Deković, M., Wissink, I. B., Meijer, A. M. The role of family and peer relations in adolescent antisocial behaviour: comparison of four ethnic groups // Journal of Adolescence 2004. No. 27. P. 497-514.
16. Herero, H., Estévez, E., Musitu, G. The relationships of adolescent school-related deviant behaviour and victimization with psychological distress: Testing a general model of the mediational role of parents and teachers across groups of gender and age. // Journal of Adolescence 2006. No. 29. P. 671-690.

**РОЛЬ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В
КОМПЛЕКСНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Ильина Леся Олеговна,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры
социально-педагогических технологий и педагогики девиантного
поведения Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта

Постановка проблемы. Современный период развития государства характеризуется кризисными явлениями во многих сферах социальной жизни, которые, оказывая значительное воздействие на психику, способствуют распространению в обществе – и особенно в детской и подростковой среде – различных негативных явлений, увеличению частоты встречаемости делинквентного поведения.

Факторами развития делинквентного поведения подростков являются: ограниченность воспитательного ресурса семьи; дефицит событийного положительного участия взрослых; недостаток сценариев правомерного поведения; аддиктивное направленность подростковой среды; трудности адаптации в обществе; падение культурного уровня общества в целом; неблагоприятные социальные и экономические условия в обществе.

Вышесказанное актуализирует необходимость ранней диагностики делинквентности, с целью организации своевременной профилактики и превенции негативных явлений, способствующих трансформации делинквентного поведения в криминальное. Отметим, что сфера деятельности педагога-психолога образовательной организации включает работу с делинквентными подростками, одним из направлений которой является своевременная диагностика отклонений в поведении и их дальнейшая коррекция.

Целью исследования является изложение теоретических аспектов диагностики делинквентного поведения, как одного из условий комплексной своевременной профилактики правонарушений в подростковой среде.

Изложение основного материала исследования. На основании проведенного анализа дефиниции «делинквентное поведение», представленной в научных трудах отечественных и зарубежных исследователей определено, что последнее является разновидностью девиантного поведения. Основываясь на теоретических подходах Н.Н. Васягиной, Е.В. Змановской, В.В. Коврова, М.Э. Паатовой выделим, что делинквентное поведение подростков – это совокупность действий и поступков, которые характеризуются нарушениями правил поведения, дисциплинарных требований, социальных норм и правонарушениями некриминального характера [1; 3; 4; 5].

Диагностика является общепринятым методом и применяется во многих науках. Психолого-педагогическая диагностика подразумевает под собой специально организованный процесс познания, в котором происходит сбор информации о влиянии на личность и социум социально-психологических, педагогических, экологических и социологических факторов в целях повышения эффективности педагогических факторов [2, с. 37].

Согласно функциональным обязанностям педагога-психолога среди ряда многочисленных задач выделяются, в частности, предупреждение конфликтов в ученических коллективах, ориентация учащихся на здоровый образ жизни, профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, работа с учениками «группы риска».

Целью диагностики делинквентного поведения подростков является, прежде всего, своевременное выявление отклонений в поведении, которые могут способствовать

совершению правонарушений.

Среди основных задач диагностики делинквентного поведения подростков в общеобразовательной организации можно выделить:

- установление степени достоверности события, которое преподается его участником как событие, связанное с делинквентным поведением подростка;
- определение психического состояния делинквентного подростка, вызвано ли делинквентное поведение отклонениями в психике подростка;
- ретроспективное исследование причинно-следственных связей;
- установление механизма события, связанного с делинквентным поведением подростков, в целом;
- изучение и оценка окружения подростка на предмет наличия негативного влияния на него;
- сбор исходных данных для прогнозирования и планирования психолого-педагогической работы по профилактике делинквентного поведения среди учащихся общеобразовательной организации [2; с. 107].

Диагностическая деятельность может проводиться в процессе комплексных профилактических мероприятий, направленных на предупреждение у учащихся проявлений делинквентного поведения. Тогда диагностика будет проводиться на отдельных учебных коллективах (классах). Также педагог-психолог может проводить диагностическую работу с отдельными подростками после сигнала родителей, педагогов или учащихся об отклонениях в поведении данной личности. В таком случае диагностика будет направлена на выявление предпосылок и причин данного поведения у подростка и за ней пойдет коррекционная работа, направлена на предотвращение повторения проявлений делинквентного поведения у ученика.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод о том, что диагностика делинквентного поведения подростков занимает весомое место. Это характеризуется в первую очередь тем, что подростки являются самой многочисленной возрастной категорией в школе, а также в силу возрастных психологических особенностей и самой проблемной. Следовательно, своевременная диагностика делинквентного поведения подростков и дальнейшая коррекционная работа с ними является одной из основных задач, стоящих перед работающими в школе специалистами психолого-педагогической сферы

Диагностика делинквентного поведения в школе должна проводиться в соответствии с определенными критериями и опираться на определенные показатели.

Основываясь на классификации, предложенной В.Г. Беловым, Н.Г. Дмитриевым и Ю.А. Парфеновым [2] выделим основные виды критериев делинквентного поведения: индивидуальные и социальные, и соответствующие им показатели (таблица 1.).

Таблица 1.

Критерии делинквентного поведения подростков

Виды критериев		Характеристика показателей
Индивидуальные	1. Характерологические особенности подростка	Акцентуация характера, тип темперамента, уровень ригидности, психологические установки
	2. Медицинские заключения	Психическое и физическое здоровье, противопоказания
	3. Поведение в стрессовых ситуациях	Устойчивость, депрессивность, пути выхода из данных ситуаций
	4. Наличие зависимого поведения	Алкогольная, наркотическая, никотиновая зависимость, зависимость от окружающих
Социальные	1. Уровень адаптации и статус в коллективе	Адаптированный, не адаптированный, лидер, аутсайдер, конформист

	2. Поведение в социуме	Конфликтность, агрессивность, враждебность, отчужденность, замкнутость, грубость, общительность, дружелюбие
	3. Оценка семейных отношений	Взаимопонимание, доверие, конфликтность, отчужденность, уровень информирования родителей о жизни подростка и принятие участия в ней
	4. Соблюдение норм и правил, принятых в обществе	Уровень осведомленности с правилами и нормами морали, их соблюдения, участие в жизни общества, противоправное поведение

На основании выделенных критериев и показателей определены три уровня делинквентного поведения подростков, а именно: I уровень – «ситуативный», II уровень – «зона риска», III уровень – «асоциальный». Их характеристика представлена в таблице 2.

Таблица 2.

Уровни делинквентного поведения подростков

Уровень	Характеристика
I уровень - «Ситуативный»	Приоритетом подростка является интимно-личностное общение. Отвергаются воровство, агрессия, вредные привычки. Одновременно у подростка происходит нарушение положительных связей (самопознание, самовыражение, самоутверждение, самозащищённость). Подросток иногда не выполняет возложенные на него нормы, наблюдается нарушение элементарных запретов, невыраженные аддикции вследствие кризисного периода.
II уровень - «Зона риска»	Характеризуется деформацией ценностных ориентаций. Количество социальных связей уменьшается, начинаются межличностные контакты с отрицательными неформальными группами. Употребление алкогольных напитков, воровство, уход от организованной деятельности более выражен. Велика вероятность асоциального поведения, для чего достаточно незначительного давления.
III уровень - «Асоциальный»	Характеризуется большим смещением ценностей, приоритетов. Такие понятия, как труд, семья, школа, как правило, категорически отвергаются. Количество социальных связей еще более уменьшается, но одновременно увеличивается число конфликтных связей

Отметим, что современные методы диагностики делинквентного поведения подростков характеризуются направленностью на все сферы жизнедеятельности, они позволяют продиагностировать как личностные характеристики и качества, так и межличностные взаимосвязи подростка, уровень его адаптации в обществе, ценностные ориентации и эмоциональное состояние. Но на современном этапе не существует четко определенной системы психолого-педагогической диагностики делинквентного поведения подростков в образовательной организации, поэтому актуальной является классификация групп методик по определенным показателям.

Согласно выделенных критериев для диагностики уровня делинквентного поведения подростков, могут быть использованы следующие тестовые методики: выявление акцентуаций характера К. Леонгард (модификация Шмишека); определение уровня социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд); выявление агрессивных

состояний (опросник Басса-Дарки); выявление показателей межличностных отношений (опросник А.А. Рукавишников); определение алкогольной и никотиновой зависимости (Теренса-Горский); определение показателя склонности к поведению, отклоняющегося от нормы (А.Н. Орел).

Отметим, что ранняя диагностика делинквентного поведения является начальным этапом в комплексной психолого-педагогической деятельности, основанием для дальнейшей профилактической и коррекционной работы с делинквентными подростками в условиях общеобразовательной организации.

Выводы. Таким образом, делинквентное поведение подростков – это противоправные действия, которые отклоняются от установленных в данном обществе и в данное время законов, угрожающие благополучию других людей или социальному порядку и уголовно наказуемые в крайних своих проявлениях. Диагностика делинквентного поведения подростков предполагает деятельность специалиста, направленную на выявление отклонений в поведении подростка, которые ведут к совершению правонарушений и противоправному поведению.

В соответствии с функциональными обязанностями педагога-психолога диагностике делинквентного поведения отводится значительная роль в комплексной психолого-педагогической деятельности в связи с усилением негативных тенденций появления отклонений в поведении среди подростков и необходимости ранней профилактики правонарушений среди различных групп несовершеннолетних.

Аннотация. В статье рассмотрены содержательные аспекты организации диагностики делинквентного поведения, как одного из условий ранней профилактики противоправного поведения в среде несовершеннолетних. Определены критерии делинквентного поведения, соответствующие им показатели и уровни, а также методики диагностического исследования.

Ключевые слова: делинквентное поведение, подростки, профилактика, диагностика, социальные нормы, правонарушения.

Annotation. The article deals with the content aspects of the organization of diagnosis of delinquent behavior as one of the conditions for early prevention of illegal behavior among minors. The criteria of delinquent behavior, corresponding indicators and levels, as well as diagnostic methods are defined.

Keywords: delinquent behavior, adolescents, prevention, diagnosis, social norms, offenses.

Литература:

1. Васягина Н.Н. Делинквентное поведение подростков: феноменология, причины, возможности профилактики / Н.Н. Васягина // Вестник практической психологии образования. – 2018. – № 1-2 (54-55). – С. 12-17.
2. Дмитриев Н.Г. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков / В. Г. Белов, Ю. А. Парфенов. – СПб.: ЗАО «ПОНИ», 2010. – 316 с.
3. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2 -е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 288 с.
4. Ковров В.В. Системный и комплексный подходы в профилактике отклоняющегося поведения учащихся в аспекте обеспечения психологической безопасности образовательной среды / В.В. Ковров // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2018. – № 1. – С. 15-20.
5. Паатова М.Э. Теоретико-методологический анализ социально-педагогических феноменов «девиантное поведение» и «делинквентное поведение» подростков / С.Н. Бегидова, Н.Х. Хакунов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2012. – № 1. – С. 96-104.

ПРОФИЛАКТИКА НЕГАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МАРГИНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ*Исаева Эльмира Гаджиевна,*доктор психологических наук, профессор кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»*Сутаева Аида Рамазановна,*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ДГУ
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

Постановка проблемы. Трансформация социальных процессов в современном обществе является одним из факторов формирования и эскалации деструктивных проявлений маргинальной личности. Для сохранения стабильности в регионе и в стране в целом необходима реализация комплексных мер, направленных на профилактику негативных тенденций развития маргинального поведения детей и молодёжи.

Целью статьи является теоретическое обоснование структурно-функциональной модели профилактики негативных проявлений маргинализации сознания, характеризующихся личностной дезорганизацией индивида, которая возникает вследствие дискредитации его прежней стабильной структуры опыта, привычек, ценностей, установок, организующих взаимодействие в его социальном кругу и его личный опыт.

Теоретико-эмпирический анализ позволил предположить, что: 1) профилактику негативных тенденций развития маргинальной личности целесообразно основывать на конкретных психологических предпосылках, активирующих девиантные модели поведения; 2) структура маргинальной акцентуации включает отдельные проявления профиля внутриличностной конфликтности, снижающие жизнестойкость субъекта.

Изложение основного материала исследования. В условиях трансформирующегося социума, религиозного ренессанса, социальной мобильности сложившейся структуры, ее распада на относительно независимые фрагменты, зыбкость социального статуса различных общественных слоев, исчезновение устоявшихся механизмов регуляции поведения, формирование новой системы социальной иерархии, закономерен отказ от унификации прежних норм идентичности, высокий динамизм оценочных суждений. Смена одной социокультурной среды на другую не может проходить безболезненно. Существование разрыва и перехода обуславливает ситуации маргинального кризиса. Для современной науки представляется весьма актуальным рассмотрение тактики и стратегии поведения личности в экзистенциальных ситуациях [1].

Формирование молодого поколения новой России происходило в основном в условиях негативной социально-экономической ситуации 1990-х гг., что создало предпосылки маргинализации значительной части молодежи, девиации ее поведения, включая экстремизм и радикализм.

Урбанизация, массовые миграции, интенсивное взаимодействия между носителями разнородных этнокультурных и религиозных традиций, размывание вековых культурных барьеров, влияние на население средств массовой коммуникации – все это привело к тому, что маргинальный статус стал в современном мире не столько исключением, сколько нормой существования миллионов и миллионов людей. Индивидуальная маргинальность характеризуется неполным вхождением индивида в группу, которая его полностью не принимает, и его отчуждением от группы происхождения, которая его отторгает как отступника. Индивид оказывается «культурным гибридом» (Парк Р.), разделяющим жизнь и традиции двух и более различных групп. Теоретической базой исследования послужили основные идеи концепции культурной маргинальности (Р. Парк, Э. Стоунквист, Е. Хьюз, А. Антоновски, Дж. Манчини), а также основные положения теории структурной маргинальности (А. Фарж, А. Турен, Я. Штумски, Ж. Леви-Стрэнже). В работе использован

ряд положений, сформулированных в трудах классиков социологической мысли Г. Зиммеля, М. Вебера.

Маргинальный человек, маргинальный элемент (от лат. *margo* – край) – человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем, статусов, культур и испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей. Понятие о «маргинальном человеке» ввел в научный обиход в 1928 году американский социолог Роберт Эзра Парк (1864–1944), занимавшийся проблемами иммигрантов, наводнивших Соединенные Штаты в начале XX столетия. Люди, бурным потоком хлынувшие в Новый Свет на рубеже веков, оказались неспособны преодолеть кризис идентичности и пребывали в полной растерянности, полагая себя брошенными на произвол судьбы. Не желая расставаться с традиционными ценностями и одновременно не принимая чуждых стереотипов поведения, пришельцы выпадали из всех и всяческих рамок.

Человек, сформировавшийся в одних условиях, усвоивший соответствующие ценности, нормы и традиции, которые закреплялись фактически с момента его рождения, оказывается во власти чувства тревоги, обеспокоенности за свое будущее. В случае отсутствия обстоятельств, способствующих благоприятной адаптации маргинала, не только возможен, но и в большинстве случаев происходит взрыв агрессии, выливающийся нередко в преступное действие. Определенный интерес представляют психологические характеристики, присущие личности маргиналов: слабая сопротивляемость жизненным трудностям, дезорганизованность, ошеломленность, неспособность к самостоятельному анализу тревожных ощущений, неприспособленность к борьбе за свои права и свободы, беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение, переходящее иногда в ничем не оправданную панику; изолированность, отчужденность и неприязнь к другим людям; разрушение собственной организации жизни, психическая дезорганизация, бессмысленность существования, склонность к психической патологии и суицидальным действиям; эгоцентричность, честолюбие и агрессивность. Все эти черты маргинала как бы стихийно образуют тот глубокий слой психики, который приводит его к черте криминогенности и делает его уязвимым в правовом отношении. Эгоцентричность, честолюбие и агрессивность почти всегда входят в спектр факторов, побуждающих к насильственным действиям.

Типология маргинальности. Маргинальность может быть как нисходящей (деклассирование, выпадение), так и восходящей (формирование новых структур и надструктурных уровней). Для нисходящей маргинальности характерны: разрушение гражданского общества, его связей и традиционных социальных институтов. Особо опасен маргинал в религиозной сфере. Он способен оказать серьезное амбивалентное влияние на положение в обществе, выступать его разрушителем и консолидировать данное сообщество, опираясь на несоответствие между культурными ценностями и институциональными средствами их достижения. Это может привести к аномии социума, и подобное состояние – часто результат миграционных или урбанизационных процессов, диффузии классовых структур, их размытости и текучести (переход из крестьян в рабочие и наоборот, разрушающий как сельскую, так и городскую субкультуру, их традиционные ценности и ориентиры).

Современный этап исследований по проблеме профилактики негативных проявлений маргинализации сознания характеризуется недостаточной степенью разработанности ряда вопросов, имеющих принципиальное значение для оформления психолого-философской концепции и ее дальнейшего развития. Структурирование может быть произведено как по предмету, объекту исследования, так и по методу, методологическому инструментарию.

Опираясь на работы современных авторов, можно выделить специфическое предметное поле, исследование которого может оказаться основополагающим.

Бытие человека стало центральной проблемой в философии **персонализма и экзистенциализма**. Экзистенциализм фиксирует противоположности человеческого существования, не схватываемые мышлением. Подчеркиваются противоречия, парадоксы человеческого бытия, промежуточный характер человеческой реальности.

Сформулированные в экзистенциализме такие понятия, как иное, ничто, абсурд, проект, трансценденция открыли новое измерение в философской теории человека.

Психоаналитическая психология (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, А. Адлер, Г. Маркузе, В. Франкл, К. Хорни, Э. Берн, Э. Эриксон, Ж. Лакан) обратилась к скрытым, глубинным пластам человеческой психики, которыми и определяется природа человека. Психоанализ стремится обнаружить внутренние структуры человеческого бытия, показать процессы, происходящие в подсознании, расшифровать символический язык бессознательного.

Маргинальность может выступать предпосылкой формирования экстремизма. Исследование феномена экстремизма как следствия маргинальности личности с точки зрения психологических причин и механизмов его проявления, представляется актуальным, востребованным, но практически не разработанным направлением в психологической теории и практике и представляет собой как научную проблему психологической безопасности личности. Понятие «безопасность» означает отсутствие угроз или наличие защиты от них. Общество переживает период продолжающейся маргинализации, признаком которой является распад социальных связей, размывание базовых норм и структур самого социального целого, способствующий возникновению своеобразного типа кризисной личности, так называемого маргинального человека, потерявшего свое место, положение, статус под влиянием внешних обстоятельств, подверженный экстремистским поступкам. Само понятие «маргинальная личность» ввел основатель Чикагской школы социологии Р.Э. Парк, в своем эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» Он отмечал, что в результате культурного конфликта возникает человек со специфическими психологическими чертами, такими, как: неуверенность, эгоцентричность, агрессивность. Экстремизм формируется преимущественно в маргинальной среде. Термин «экстремизм» обозначает приверженность к крайним взглядам, мерам. Маргинальность – это промежуточность положения индивида или группы, занимающих крайнее пограничное положение в слое, группе, классе, обществе, а потому не полностью включенных в данное социальное образование.

Состояние маргинальности характеризуется личностной дезорганизацией индивида, которая возникает вследствие дискредитации его прежней стабильной структуры опыта, привычек, ценностей, установок, организующих взаимодействие в его социальном кругу и его личный опыт. В этом комплексе структур, подвергающихся дискредитации, особенно выделяется система ценностей. Таким образом, неустойчивость норм и ценностей индивида является одним из важнейших критериев маргинальности.

Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. Маргинальная группа находится на границе двух культур или субкультур и имеет частичную идентификацию с каждой из них. Она отвергает определенные ценности и традиции той культуры, в которой возникает, и утверждает собственную систему норм и ценностей. Таким образом, субъектом экстремизма становятся не отдельные личности, а некая масса, объединенная единой идеей и охваченная стремлением разрушать.

Мы полагаем, что маргинальность можно трактовать как процесс, свойство и состояние личности.

Маргинальность как процесс. Характеристика маргинальности как процесса отражает перемещение субъекта из одного состояния в другое, фазовую динамику, которая ведет к качественным изменениям на базе актуализации новых свойств личности. В случае отсутствия обстоятельств, способствующих благоприятной адаптации маргинала, не только возможен, но и в большинстве случаев актуален взрыв агрессии, выливающийся нередко в преступное действие.

Внутренняя картина природы маргинальности как свойства. Психологическая характеристика индивидуально-типологических *свойств* маргинальности проецируется 1) в формах её функционирования и 2) иерархических уровнях.

Маргинальность проявляется в двух *формах*: как временное явление и как устойчивая характеристика личности. Маргинальность как временное явление обусловлено резкой сменой социокультурной ситуации развития (смена местожительства, новый социальный статус) и отражает сложности процесса адаптации в новой социальной среде и образовательном пространстве.

В **иерархической картине** статусов маргинальности мы выделяем три уровня: нисходящая, флюктуирующая (промежуточная) и восходящая.

Психологическая картина нисходящей маргинальности: слабая сопротивляемость жизненным трудностям, неприспособленность к борьбе за свои права и свободы; ошеломленность, беспокойство; личностная дезорганизованность, моббинговость, склонность к психической патологии и суицидальным действиям; изменённое отношение к смерти; реализация негативного протестного потенциала.

Эгоцентричность, честолюбие и агрессивность почти всегда входят в спектр факторов, побуждающих к насильственным действиям. В психологическом портрете **маргинала-террориста** можно выделить следующие особенности: синдром «мессии», жестокость, озлобленность на основе затаенной обиды на окружающий мир, манипулятивность, склонность к рискованному поведению, обесценивание чужой и своей жизни, синдром «жертвенности», внушаемость, когнитивная упрощенность. Прежде всего, это лица, не сумевшие реализовать себя в социальной, профессиональной, политической сфере, но рвущиеся к власти и обладающие комплексом неполноценности.

Трансформации на втором, промежуточном уровне, т.е. основа преодоления. Платформой обозначенных трансформаций могут быть: побуждение к протесту, изменённые границы мотивационных структур, повышение аффективного состояния, амбивалентные установки чувствований, «вызывающие в душе ужаснейшие бури».

Феноменологическая картина восходящей маргинализации сознания. Третий иерархический уровень маргинальности, сохраняя резонанс закона гетерогонии целей, характеризуется осознанием новых возможностей, внешних и внутренних препятствий в достижении поставленных задач, реализацией себя как подлинного субъекта происходящего, без гарантий победности. Восходящая социальная динамика маргинализации, с присущим ей формированием новых структур и надструктурных уровней, в личностном фонде имеет:

- открытость к изменениям, проявление свободы мышления;
- неоднородность и многообразие способов человеческого существования;
- реализация творческого потенциала, подавляемого социальным окружением;
- конструирование на новой основе базовых характеристик субъектности;
- рационализация представлений о действительности;
- адаптация к вызовам современности на базе отбора культурных ценностей;
- способность к трансцендированию, т.е. выходу за собственные пределы через сдерживающие трудности.

Этиологический модуль: эндо- и экзопсихический. Эндопсихический уровень представлен секретными территориями генетических диспозиций и маркеров, матрицами устойчивых рассогласованных состояний при деструкциях, вяло функционирующем мозговом детекторе ошибок, выделенном Н.П. Бехтеревой, преморбидными особенностями, постсостояниями соматических изменений, проявлениями в различных регистрах психических расстройств и невротизации. Возможны такие паттерны поведения, которые симбиотически (трансгенерационно) передаются из поколения в поколение, неся с собой скрытую кармическую опасность постепенно разворачивающегося бессознательного плана под влиянием стрессовых факторов повторной негативной программы в филогенезе.

Экзофакторы маргинализации. Экзогруппу образуют факторы социальной ситуации развития. «Самый поразительный факт, как отмечает Г. Лебон, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался **род коллективной души**, заставляющей их

чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности».

Спектр экзофакторов: социальная нестабильность, напряженный психологический климат, информационно-сенсорная депривация; замещение социальных контактов виртуальными; расслоение общества на богатых и бедных; беспокойства, связанные с серией террористических актов, эскалацией насилия, криминализацией общественных отношений; вторжение в личностное пространство (болезни контакта); индивидуальный опыт экзистенциальной негативности. В контексте значимости анализируемого фактора мы хотим обратить внимание на результаты принуждающего воздействия социума, описанного в эксперименте Ф. Зимбардо, известного в науке как «эффект Люцифера». Испытуемые, находящиеся в границах чистой нормы, под прессингом измененной социальной роли превратились в безвольных зомби, безропотно выполнявших все приказы надсмотрщиков.

Профилактика негативных проявлений маргинализации сознания должна основываться на активации механизмов обеспечения психологической безопасности. Механизмы не инициируют конкретного действия, но они инициируют и регулируют интенсивность психической деятельности, направляя её в определенную ценностную зону. Регулятивная роль психологических механизмов в ситуациях профилактики террористических угроз приобретает двойной резонанс. Во-первых, изменяется сама личность в целом, конкретизируется направленность выполняемых операций, осуществляется перераспределение ресурсов. Другой важный момент, требующий действия специальных механизмов регуляции, образуется в связи с тем, что происходит прокладывание пути по осуществлению целей и мотивов в условиях преодоления противодействующих сил, изменения жизненного сценария. Регулятивный аспект включает в себя оценку того, в какой степени данная ситуация благоприятствует или препятствует реализации и конкретизации личностных программ [4; 5].

Основными механизмами стабилизации личности, её психического здоровья и противодействия асоциальным течениям являются: гармонизация, эмоциональная устойчивость и копинги. Механизм гармонизации, влияя на диалектическое взаимодействие идеальных и реальных структур «Я», обеспечивает комфортное жизнесуществование без кризисных внутренних противоречий.

Механизм эмоциональной устойчивости отражает меру интернализации личности, её стабильной атрибуции, стабильности характерных для неё образований. Эмоциональная устойчивость проявляется в способности управлять своими эмоциями и не доводить уровень эмоционального напряжения до степени, разрушающей структуру личности и деятельности. Она представляет сложное, интегральное образование всех граней аттитюда, т.е. эмоциональные, волевые, нравственные, интеллектуальные аспекты психической действительности, которые обеспечивает успешное достижение цели деятельности в сложной эмотивной обстановке (Л.М. Аболин, М.И. Дьяченко, В.М. Писаренко, О.А. Сиротин, О.А. Черникова) [4, с. 149].

Ведущая функция копинга состоит в обеспечении выбора цели, селективных процессов активации, придании деятельности конкретной направленности, избирательности, конкретных шагов деятельности и постреализации. В ходе копингового процесса происходит не только организация деятельности, но и формирование защитного, компенсаторного поведения (А. Адлер, Г. Салливен, Э. Эриксон). Психологическая защита, выполняя регулятивную функцию, выступает как совокупность приемов, используемых «Я» в ситуации конфликта, направленных на поддержание стабильности внутреннего мира личности.

Нас интересовала концепция защитных механизмов как средства социально-психологической адаптации. Номенклатура защитных механизмов разнообразна и персонально специфична. Защитные механизмы личности как бы предохраняют осознание личностью различного рода отрицательных эмоциональных переживаний и перцепций, способствуют сохранению психологического гомеостаза, стабильности, разрешению

внутриличностных конфликтов и протекают на бессознательном и подсознательном психологических уровнях. Механизмы психологической защиты направлены на уменьшение тревоги, вызванной интрапсихическим конфликтом. Вслед за своим отцом З. Фрейдом, А. Фрейд считала, что защитный механизм основывается на двух типах реакций:

1. Блокирование выражения импульсов в сознательном поведении;
2. Искажение их до такой степени, чтобы изначальная их интенсивность заметно снизилась или отклонилась в сторону [4, с. 197].

Защитные механизмы образуют базу копинга, т.е. продуктивных стратегий поведения. В ситуациях социальных коллизий и противодействия неприемлемым нормам, личность может использовать механизмы избегания и вытеснения как накопительные, способствующие переосмыслению, активации ресурсов и отсроченному преодолению.

Таким образом, отмеченные нами механизмы профилактики негативных проявлений маргинализации сознания личности – гармонизация, эмоциональная устойчивость, защитные механизмы – образуют основу резистентности, продуктивного противодействия деструктивным силам и факторам социума.

Модель работы по преодолению негативных тенденций маргинального развития

На основе проведенных нами исследований мы рекомендуем семиуровневую, диалектически используемую модель (модуль) преодоления негативных проявлений маргинализации личности.

Модуль преодоления угроз негативных проявлений маргинализации

Рис. Модель уровней преодоления негативных тенденций

В качестве апогейной ступени предлагаемой нами модели мы рассматриваем трансцендирование, отражающее: метапозицию личности; возвышение над собой и ситуацией; надситуативное поведение; вызов социальной ситуации, оспаривающий согласно концепции В.А. Петровского, непредрежденность ее исходов (принцип «активной неадаптивности»). Личность в состоянии трансцендирования избыточна в своих проявлениях. Источник новых побуждений к действию действует над порогом ситуативной необходимости. Важно, что человеку известно о том, что выбор, который он собирается сделать, будет оплачен, возможно, разочарованием или срывом, но это не отталкивает, а еще сильнее стимулирует к действию.

При оказании психологической помощи личности на всех обозначенных ступенях по исцелению травматического опыта проявлений нисходящей маргинализации, следует проводить консультативную работу: по осознанию отношения к себе; к своей жизни; переструктурированию жизненных позиций; и формированию компетентного реагирования субъектов на современные трудности социального взаимодействия.

Выводы. Профилактика и преодоление устойчивых паттернов маргинального дезадаптивного поведения продуктивно на платформе трансцендирования личности как фундамента резистентности (сопротивляемости к воздействиям) и противодействия деструктивным силам и факторам социума.

Решение проблем противодействия негативным тенденциям маргинального развития продуктивно на основе позитивной динамики от базисного уровня развития личности к метаярванию: от внутриличностной конфликтности к внутриличностной устойчивости, от маргинализации сознания к состоянию психологической безопасности.

Аннотация. Дается теоретический анализ проблемы маргинальности сознания. Отражен авторский подход к пониманию маргинальности как процесса, состояния и свойства личности. Представлена феноменологическая карта маргинализации в зависимости от ее иерархического уровня и форм проявлений. Рассмотрены угрозы и риски маргинализации. Выявлены содержание и структура нисходящей, промежуточной и восходящей фаз развития маргинальности.

Ключевые слова: маргинальность сознания как процесс, состояние и свойство личности; иерархический уровень; угрозы и риски маргинализации.

Abstract. The article is dedicated to theoretical analysis of the problem of marginalization of consciousness. There is reflected authors' approach to the problem solving through understanding marginalization as process, state and feature of personality. In the article there is also presented phenomenological map of marginalization according to its hierarchical levels and forms of demonstration. Authors also review threat and hazard of marginalization. In the article authors identify content and structure of descending, intermediate and ascending phases of development.

Keywords: marginalization of consciousness; process, state and feature of personality; marginal-terrorist; hierarchical level.

Литература:

1. Баева И.А. Общепсихологические категории в пространстве образовательной среды: Монография. – М.: МГППУ. 2008.
2. Калшед Д. Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа. – М.: Акад.Проект.2007.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформации личности. – М. Парф, 1998.
4. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. 2-е изд. – М., Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004.
6. Park R.E. Race of culture. Glence, Free press, 1950 Part 26. Marginal man. Chat 26. Human migration and the marginal man // Amerikan Journal of Sociology. – Vol. 33. – № 6. – Chicago, 1928.
7. Stonequist E.V. The Marginal Man: A Study in Personality and Culture Conflict. – New York, 1937.

**ВОЗМОЖНОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ПРОФИЛАКТИКЕ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ**

Комарова Александра Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры возрастной психологии и педагогики семьи
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет имени А.И. Герцена»,
г. Санкт-Петербург

Ситников Валерий Леонидович,

доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет имени А.И. Герцена»,
г. Санкт-Петербург

Слотина Татьяна Викторовна,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры возрастной психологии и педагогики семьи
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет имени А.И. Герцена»,
г. Санкт-Петербург

Постановка проблемы. С начала третьего тысячелетия отмечается возникновение асоциального подросткового движения АУЕ, особенно активно развивающегося с 2016 года. Так, по данным А. Бойко, к августу 2018 года в социальной сети «ВКонтакте» было зарегистрировано более 6 миллионов подписчиков групп АУЕ [1.]. Причины девиантного поведения в период подростничества различны. При этом к социальной категории причин можно отнести недостаточный опыт продуктивного совладания с трудными ситуациями или сложившиеся стереотипы преодоления трудностей неконструктивными, разрушительными или саморазрушающими способами и практически отсутствующий опыт созидательной коллективной творческой деятельности, направленной на заботу об окружающих. После разрушения системы пионерских и комсомольских организаций, фактического отказа от воспитательной работы в школах и других образовательных учреждениях подростки и молодежь нередко оказались предоставлены уличной стихии. В начале девяностых под призывы некоторых руководителей отказаться от тоталитарной педагогики стал предаваться забвению уникальный опыт А.С. Макаренко, И.П. Иванова, их сторонников и последователей.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование возможностей коллективной творческой деятельности в формировании продуктивного репертуара стратегий просоциального поведения подростков и юношей на основе социальной технологии, разработанной А.С. Макаренко и И.П. Ивановым. Как справедливо отмечал О.В. Лишин: «...семена воспитательской методики будущего, посеянные А.С. Макаренко в 20-е годы, сбереженные И.П. Ивановым и его друзьями и последователями в 50-70-е годы, дали всходы и выдерживают испытание даже нынешним весьма суровым временем.» [4]

Изложение основного материала исследования. Если набрать в запросе всего три буквы: АУЕ, то меньше, чем за секунду поисковик выдает более 1880000 ссылок из русскоязычного сектора интернета. А еще 20 лет назад этой аббревиатуры не было и сегодня немногие без помощи интернета смогут ее расшифровать, хотя большинство, встречая или слыша это звуко сочетание, сразу связывают, отнюдь, не с древнеримским приветствием – «Здравствуй», а с криминальной подростковой субкультурой, поскольку это звуко сочетание

означает: «Арестантский уклад един», а его использование свидетельствует о принятии подростками уголовных норм и «романтики» криминального мира.

Движение АУЕ впервые стало проявлять себя в начале 2000-х годов на Дальнем Востоке и Сибири, а сегодня захватило и европейскую часть России. Корреспондент «Комсомольской правды» Александр Бойко, ссылаясь на аналитическую записку с одного из закрытых совещаний силовиков приводит шокирующие факты:

- «с февраля 2017-го по август 2018-го число подписчиков групп АУЕ в соцсети ВКонтакте увеличилось с 1,8 до 6 миллионов человек;
- активно банды АУЕ действуют в 37 российских регионах;
- в частности, такие преступные группы заправляют порядками в Себежском (Псковская область), Рефтинском (Свердловская область), Кипельском (Курганская область), Астраханском и Читинском детдомах;
- есть информация, что банды АУЕ крышуют несколько торговых центров в Петербурге» [1].

Принято считать, что наибольшее распространение движение АУЕ получило там, где отмечается высокий уровень криминала и не развита система дополнительного образования. Но в век разгула социальных сетей воровская псевдоромантика легко захватывает и регионы с развитой системой образования и относительно низким уровнем криминала.

Видимо дело не только в недостатках дополнительного образования и дурном влиянии социальных сетей, а в отсутствии адекватной системы противодействия криминальной заразе, в психолого-педагогической беспомощности вполне конкретных специалистов по работе с детьми, подростками и молодежью.

Удивительны grimасы отечественной педагогики и ее истории... Как будто не у нас в стране была разработана эффективнейшая педагогическая система воспитания несовершеннолетних преступников. Сегодня, как ни странно, об А. С. Макаренко и его творчестве гораздо лучше знают за рубежом, чем в России. Существует обширное зарубежное макаренковедение, возникшее в 50-е годы в Германии. Центром его является лаборатория «Макаренко-реферат», существующая с 1968 года при философском факультете Марбургского университета. Заведует лабораторией один из ведущих зарубежных исследователей педагогической и иных граней деятельности, творчества и биографии А.С. Макаренко, иностранный член Академии педагогических наук Украины и Российской академии образования, вице-президент Международной Макаренковской ассоциации – Гётц Хиллиг. С 1991 по 1998 гг. – президент, а с 2003 г. – вице-президент Международной Макаренковской ассоциации

К 25-летию лаборатории, т.е. еще в 1993 году вышел указатель её работ, насчитывающий 220 наименований. Сегодня активные исследования применения опыта А.С. Макаренко ведутся и в других странах: Венгрии, Великобритании, Италии, Китае, Польше, США, Франции, Чехии, Японии. Сегодня Президентом Международной Макаренковской ассоциации является руководитель кафедры общей педагогики философского факультета университета La Sapienza, профессор Никола Сичилиани Де Кумис.

Социальная технология коллективной творческой деятельности, разработанная на основе работ А. С. Макаренко и собственного опыта педагогической, организаторской и исследовательской деятельности, бывшим деканом и профессором Герценовского педагогического факультета (ныне института детства РГПУ им. А.И. Герцена) академиком Игорем Петровичем Ивановым в 50-х–70-х годах XX века – это система, опирающаяся на гуманистические идеи включения учащихся, воспитанников разного возраста, в деятельность по улучшению и совершенствованию окружающей их жизни, обучению их социальному творчеству, и объединяющая условия, методы, приемы и организационные формы коллективной творческой деятельности.

Основной единицей этой технологии является коллективное творческое дело (КТД), обеспечивающее активную и созидательную позицию всех участников на каждом из этапов подготовки, организации, проведения и анализа результатов. Коллективное творческое дело

– это, прежде всего, групповая форма работы, которую можно назвать ядром всей технологии. В данном случае общее групповое взаимодействие строится и на работе в малых группах (от 4 до 10-12 человек), что во многом предполагает высокую эффективность и порождает следующие характеристики совместной деятельности: максимальную активность и включенность всех участников большой группы; разделение видов деятельности между участниками адекватно индивидуальным возможностям, опыту и способностям; принятие ответственности каждым за общий результат; комфортность и безопасность взаимодействия, так и на включение в работу всего коллектива. В малой группе устанавливается тесный психологический контакт, снимаются психологические барьеры, вероятность быть услышанным возрастает, повышается самооценка, а значит и самооценка участников взаимодействия. Каждый может попробовать себя в роли лидера, в роли рядового участника в ситуации группового решения, научиться подчинять личные интересы интересам общего дела сохраняя собственную индивидуальность. В коллективном творческом деле происходит развитие коммуникативных умений, появляется возможность проявить себя, познать свои коммуникативные и ораторские способности [6].

«Ключевыми элементами системы А.С. Макаренко и И.П. Иванова являются: включение в общую заботу об окружающих; структурирование коллектива на разновозрастные микрогруппы, объединенные общими задачами по организации совместной деятельности; отношения творческого содружества разных поколений коллектива; чередование творческих поручений внутри групп; ротация выборных руководителей; коллективное планирование, коллективное исполнение и подведение итогов любой деятельности с обязательной позитивной оценкой каждого внесшего реальный вклад в достижение желаемого результата; сохранение традиций и ритуалов коллектива; бодрый, «мажорный» тон даже в самых сложных ситуациях; требовательное и бережное отношение к каждому члену коллектива, сформулированное А.С. Макаренко так: «Как можно больше уважения к человеку и как можно больше требовательности к нему» и многое другое» [5, с. 85].

Анализу педагогических особенностей и возможностей педагогики общей заботы, технологии коллективной творческой деятельности посвящено достаточно большое количество научных работ (Аванесян И.Д., Борисова Л.Г., Кононова О.Б., Лишин О.В., Лишина А.К., Маслюк О.Н., Нагавкина Л.С., Платонова С.М., Поляков С.Д., Соколов Р.В., Титова Е.В., Тузова В.Л., Царева Н.П. и др.).

При этом исследований, в том числе современных, посвященных оценке психологической эффективности коллективной творческой деятельности, анализу психологических особенностей участников коллективной творческой деятельности до сих пор очень мало. Сегодня, когда отмечается небывалый подъем и востребованность разнонаправленных психологических исследований, психолого-педагогическая составляющая в изучении результатов коллективной творческой деятельности является весьма актуальной. Кроме того, ее можно считать и перспективной с точки зрения профилактики асоциальности, деструктивности во взаимодействии людей, особенно, когда речь идет о подростках и юношах.

Так, в диссертационном исследовании Кононовой О.Б. (научный руководитель В.Л. Ситников, 2010) изучалось участие старшеклассников в коллективной творческой деятельности. В результате исследования было доказано, что даже однократное участие в подготовке и проведении большого коллективного творческого дела ведет к «существенной трансформации Я-образа, образа хорошего, плохого человека и образа старшего товарища в сознании современных старшеклассников, к переоценке личностных качеств человека. После участия в деле старшеклассники стали оценивать себя более положительно и почувствовали себя теми людьми, которые могут быть интересны другим...» [3, с.177].

В 2017-2019 г.г. под руководством А.В. Комаровой в школах и вузах Санкт-Петербурга А.В. Сугоровским было проведено исследование сравнительных возможностей формирования продуктивного копинг-поведения подростков и юношей в условиях

командного взаимодействия в ходе спортивной, познавательной и творческой деятельности по системе И.П. Иванова. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что между уровнем включённости учащихся в различные виды командного взаимодействия и репертуаром используемых ими адаптивных копинг-стратегий существуют значимая связь.

Учитывая современные научные тенденции психологии стресса, мы опирались на точку зрения, согласно которой, наиболее интенсивное формирование и развитие совладающего поведения приходится на подростковый и юношеский возраст. Именно в пубертатный период в силу возрастных особенностей, которые зачастую связаны с социально-психологическими факторами, а также гормональными изменениями, юноши и девушки, находясь в поисках средств защиты от напряжения, дискомфорта, стресса, попадают в острые, сложные ситуации проб и ошибок при выборе эффективно действующих копинг-стратегий. Среди них зачастую легче и быстрее «срабатывают» неадекватные копинги, таких как, употребление веществ, изменяющих психическое состояние: алкоголь, наркотики, лекарственные препараты, токсические вещества, уход от проблемы и другие.

Поскольку механизмы формирования копингов является лишь частично осознаваемыми, мы предположили, что необходимо мягкое, фактически скрытое изменение имеющихся непродуктивных способов совладания со стрессом. Одним из таких способов является включение учащихся в организацию и проведение коллективного творческого дела.

Участие в любой коллективной деятельности – это определенный уровень стресса для подавляющего большинства участников и организаторов. Вместе с тем, это та необходимая искусственно-созданная социально-психологическая ситуация, где происходит научение совладания со стрессом. В результате эффективного прохождения такой деятельности, стрессоустойчивость возрастает и тенденция к обращению к деструктивным копингам и психологическим защитами снижается.

В исследовании приняли участие учащиеся 8 – 9 классов школ г. Санкт-Петербург и студенты 1 курса Санкт-Петербургских вузов. В качестве методик исследования было использовано 5 стандартизированных опросников:

1. Методика многомерного измерения копинга (Coping Inventory for Stressful Situations, CISS), разработанная в 1990 г. Н.С. Эндлером и Д.А. Паркером, в адаптации 2001 г. Т.Л. Крюковой (КПСС – копинг-поведение в стрессовых ситуациях).

2. Юношеская копинг-шкала (Adolescent Coping Scale, ACS) разработанная в 1993 г. психологами Эрикой Фрайденберг и Рамоном Льюисом, в адаптации 2002 г. Т.Л. Крюковой.

3. Опросник совладания со стрессом COPE, созданный в 1989 г. К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом, в адаптации 2013 г. Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина.

Для выявления степени включённости в командное взаимодействие, был проведен опрос школьников и студентов, позволяющий установить опыт участия в совместном творчестве в группе, в совместной деятельности, направленной на решение задачи в группе (например, в коллективной творческой деятельности, в проектной деятельности и др.), а также опыт участия в командных видах спорта. Для установления связи между полученными данными был проведен корреляционный анализ с вычислением коэффициента линейной корреляции Пирсона.

В ходе исследования были получены достаточно интересные данные о том, как копинг-стратегии подростков и юношей связаны с их опытом участия в командном взаимодействии (таблица 1).

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа копинг-стратегий и видов командного взаимодействия у подростков – школьников (Ш) и юношей – студентов (С)

Тип совладающего поведения	Участие в командных видах спорта		Участие в деятельности, направленной на решение задачи в группе	Участие в совместной коллективной творческой деятельности	
	Ш	С	С	Ш	С
Позитивное переформулирование			r =0,42 p <0,01		r =0,31 p =0,04
Инструментальная социальная поддержка			r =0,40 p <0,01		r =0,47 p <0,01
Обращение к религии	r =0,45 p =0,02	r =0,23 p =0,05			
Юмор			r =0,49 p <0,01		
Поведенческий уход от проблемы				r =-0,4 p =0,04	
Эмоциональная социальная поддержка	r =0,43 p =0,03		r =0,31 p =0,04		r =0,47 p <0,01
Подавление конкурирующей деятельности			r =0,31 p =0,04		
Планирование			r =0,48 p <0,01		r =0,31 p =0,04

При этом у юношей, имеющих больший опыт участия в совместной творческой деятельности, проектной деятельности, установлено большее количество связей с продуктивными копинг-стратегиями. Так были выявлены положительные связи участия в совместной деятельности, направленной на решение задачи в группе, и совместном творчестве с позитивным переформулированием проблемы, с инструментальной социальной поддержкой, с эмоциональной социальной поддержкой, с планированием, с юмором и с подавлением конкурирующей деятельности. Юноши, прошедшие школу совместной деятельности, обладают богатым репертуаром стратегий, позволяющих справляться с трудными ситуациями.

У школьников – подростков выявлена отрицательная связь совместного творчества в группе и стратегии «Поведенческий уход от проблемы». Это результат показывает, что включение подростков в коллективную творческую деятельность будет способствовать формированию активной позиции принятия ответственности за их жизнь, развитие интернальной личности.

Полученные данные согласуются с результатами и выводами А.А. Реана о том, что профилактикой и предотвращением асоциальности подростка является «включение его в группу просоциальной направленности, в которой удовлетворялись бы его базовые потребности в уважении и признании» [7, с.7].

У школьников и студентов, участвующих в командных видах спорта выявлена положительная связь с обращением к религии.

Таким образом, создание ситуаций совместной деятельности, организация коллективной творческой деятельности способствуют формированию и расширению продуктивного копинг-репертуара подростков и юношей.

Задачей руководителя является осуществление именно этой составляющей, за счет грамотного построения этапов проведения и обсуждения коллективного творческого дела.

На основании анализа художественных и научных работ А.С. Макаренко, И.П. Иванова, а также собственного опыта, мы выделяем этапы коллективно-творческого дела, которые, на наш взгляд согласуются с развитием определенных копинг стратегий теории Р. Лазаруса и С. Фолкмана.

Первый этап – «Заражение». Здесь происходит совместное принятие решение о проведении КТД, обдумывание темы, ее названия и общей формы. Поскольку задачей руководителя, является лишь координация, направление деятельности, соблюдение формата и программы учебной дисциплины, то основная часть возлагается на остальных участников. Данный этап «вынашивания» и «штурмования» идей о проведении КТД предполагает активное взаимоуважающее участие ребят. На этом важном и длительном этапе возможно, на наш взгляд, формирование, развитие и закрепление таких копингов как «Позитивное переформулирование», «Инструментальная социальная поддержка», «Эмоциональная социальная поддержка».

На втором этапе «Планирование» осуществляется обсуждение организации, распределение ролей и поручений каждому участнику. Мы выделяем такие копинги как: «Планирование», «Инструментальная социальная поддержка», «Эмоциональная социальная поддержка», «Принятие ответственности».

Третий этап – этап подготовки. Поскольку здесь все самостоятельно проводится самими участниками, то активно «работают» такие копинги, как «Инструментальная социальная поддержка», «Эмоциональная социальная поддержка», «Принятие ответственности» и «Самоконтроль».

Четвертый этап «Само дело». Здесь имеет место импровизация, а значит можно выделить такие копинги как «Планирование», «Инструментальная социальная поддержка», «Эмоциональная социальная поддержка», «Принятие ответственности» и «Самоконтроль».

Последним, но одним из самых значимых в психологическом смысле является этап «Рефлексия». После непосредственного проведения коллективного творческого дела у его участников возникает много эмоций, мыслей и желания высказаться. Именно сейчас есть возможность сказать слова благодарности, похвалить друг друга, обратить внимание на сильные и слабые стороны работы участников. Несмотря на эмоциональную усталость большинства в группе, и возможного сопротивления с их стороны, проведение этого этапа в данный момент необходимо: во-первых, проговорив о своих впечатлениях, удастся снять напряжение, во-вторых, обсудить то, что в процессе коллективного творческого дела по ряду причин было невозможным. После устного анализа, полезно составить письменный отчет или эссе, который дает возможность «высказать невысказанное» и вспомнить ещё раз, а значит закрепить полученные результаты. Уместны и другие формы самовыражения как индивидуального, так и группового характера: изготовление стенгазет, коллажей по результатам КТД.

«Каждый из этапов организации КТД оснащен своими методическими приемами. «Финишная» рефлексия – коллективный анализ свершенного - тоже имеет свое методическое обеспечение. По И.П. Иванову на общем сборе обсуждаются три основных вопроса:

1. Что было хорошего, что удалось и почему?
2. Что не получилось и почему?
3. Что предлагаем на будущее?

Принципиальное значение имеет также их последовательность.

Методика рефлексии по И.П. Иванову помогает снимать психологическое напряжение, управлять межгрупповыми и межличностными конфликтами. Этот

положительный эффект достигается, когда начинают не с «негатива», а с хорошего: что понравилось, удалось, обрадовало, кто особенно отличился, кому спасибо скажем.

Когда коллектив не только оценивает прошлое, но и намечает программу своих дальнейших действий, когда «финишная» рефлексия становится «стартовой», у людей появляется перспектива, оптимизм, желание действовать» [2].

Таким образом на последнем этапе, прежде всего, возможно формирование копингов: «Инструментальная социальная поддержка» и «Эмоциональная социальная поддержка», а также «Позитивное переформулирование», «Планирование».

В результате, мы полагаем, что большинство продуктивных стратегий совладания со стрессом можно формировать на разных этапах коллективной творческой деятельности.

Необходимо также отметить, что глобальной целью любого КТД является общая забота об окружающих. Эта ключевая идея является, на наш взгляд источником и предпосылкой не только развития любой продуктивной стратегии совладания со стрессом, но и духовным фундаментом профилактики асоциального поведения. Если коснуться страниц истории коммуны, которую создал А.С. Макаренко, то она чрезвычайно отчетливо показывает, как из девиантных, асоциальных подростков «вырастали» стойкие, гармонично развитые личности.

Ценности системы Макаренко-Иванова являются важным духовно-нравственными ориентирами и современных подростков и юношей. А ее принципы и элементы: отношения творческого содружества разных поколений коллектива; чередование творческих поручений внутри групп; ротация выборных руководителей; коллективное планирование, коллективное исполнение и подведение итогов любой деятельности с обязательной позитивной оценкой каждого внесшего реальный вклад в достижение желаемого результата; сохранение традиций и ритуалов коллектива; бодрый, «мажорный» тон даже в самых сложных ситуациях; требовательное и бережное отношение к каждому члену коллектива лежат в основе многих продуктивных стратегий совладания со стрессом. Подчеркнем, что осознание их, под чутким руководством организатора коллективных творческих дел, может быть полезным с точки зрения расширения репертуара копинг стратегий.

Выводы. Цель и ценности коллективной творческой деятельности, логика организация коллективного творческого дела, психологическая атмосфера, позиция участников коллективно творческой деятельности, завершающая рефлексия в форме подведения итогов, анализ роли каждого в достижении результата и совместное планирование дальнейшей деятельности способствуют формированию продуктивных стратегий совладания со стрессом и коррекции деструктивных процессов, что в свою очередь ведет к снижению асоциальности подростков и является эффективным средством профилактики асоциальной деятельности подростков и молодежи.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современных возможностей использования коллективной творческой деятельности для профилактики асоциальности подростков благодаря формированию продуктивных стратегий поведения в стрессовых ситуациях. Авторами соотносятся результаты участия в организации коллективного творческого дела по системе академика И.П. Иванова с продуктивными копинг-стратегиями теории А. Лазаруса. Проведено эмпирическое исследование, на основании которого был сделан вывод о том, что создание ситуаций совместной деятельности, организация коллективной творческой деятельности способствуют формированию и расширению продуктивного копинг-репертуара подростков и юношей.

Ключевые слова: коллектив, коллективная творческая деятельность, рефлексия, совместная деятельность, копинг-стратегии, совладающее поведение

Abstract. Article is devoted to consideration of modern opportunities of use of collective creative activity for prevention of asociality of teenagers thanks to formation of productive strategy of behavior in stressful situations. Authors results of participation in the organization of collective creative business on the system of the academician I.P. Ivanov correspond to the productive coping-strategy of the theory of A. Lazarus. The empirical research on the basis of which the conclusion

was drawn that creation of situations of joint activity, the organization of collective creative activity promote formation and extension of the productive coping-repertoire of teenagers and young men is conducted.

Keywords: team, collective creative activity, reflection, joint activities, coping strategies, coping behavior

Литература:

1. Бойко А. Новая криминальная чума России: Банды малолеток уже крышуют торговые центры. – Комсомольская правда, 29.01.2019.

2. Комарова А.В., Слотина Т.В. Современный взгляд на идеи А.С. Макаренко и И.П. Иванова о взаимосвязи личности и коллектива // Российский гуманитарный журнал. – 2014. № 2. Т. 3. – С. 122-130.

3. Кононова О.Б. Образ человека и смысло-жизненная ориентация старшеклассников, включенных в коллективную творческую деятельность // Российский гуманитарный журнал, 2014. №3 Т. 3. – С. 166-178.

4. Лишин О.В. Педагогическая психология воспитания. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 332 с., с ил.].

5. Ситников В.Л. Гуманистическая психопедагогика командообразования на принципах общей заботы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. №1. – С. 78-88.

6. Ситников В.Л., Комарова А.В., Слотина Т.В. Практикум по психологии командообразования. – Санкт-Петербург: ПГУПС, 2011. – 189 с.

7. Реан А.А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. – 2018. №2(30). – С. 3-12.

УДК 378.14

ИЗ ОПЫТА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Костина Любовь Николаевна,

доктор психологических наук, доцент,

начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса

психологии служебной деятельности,

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»,

г. Москва

Постановка проблемы. Проблема безопасности граждан в условиях дорожного движения является одной из наиболее актуальных для Российской Федерации в связи с тем, что «... количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях ... по-прежнему значительно превышает аналогичный показатель стран» [1]. Одна из причин этого заключается в недостаточном уровне развития правосознания и культуры безопасного поведения участников дорожного движения, в т.ч. юных граждан.

Цель статьи заключается в раскрытии психологически обоснованного опыта профилактических мероприятий с несовершеннолетними, проводимых курсантами (слушателями) образовательных организаций высшего образования МВД России под руководством преподавателей психологических дисциплин.

Изложение основного материала исследования. В настоящее время общепринятым считается утверждение, что грамотное применение психологических знаний в

профилактической деятельности способствует повышению этой деятельности. Основываясь на результатах проводимых психологических исследований, в период 2008-2018 гг., курсанты (слушатели) Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова и Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя провели 98 воспитательно-профилактических мероприятий [4, с. 47-91]. Этими мероприятиями были охвачены дети младшего школьного и подросткового возраста (1692 чел.), 127 студентов. В период 2016-2018 гг. курсанты Института психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя провели 8 пропагандистских и воспитательных мероприятий в ГБОУ г. Москвы «Школа 2101 «Филёвский образовательный центр», охватив 240 детей младшего школьного и подросткового возрастов [3, с. 9].

Обобщение опыта Европейских стран показывает, что в основе профилактики правонарушений находится идея о борьбе с причинами психологического характера. Как показывают исследования, уровень правосознания юных граждан как участников дорожного движения нельзя признать адекватным. У несовершеннолетних пешеходов имеются дефекты правосознания, что проявляется в нейтрально-отстраненном отношении к правонарушителям-пешеходам (43% подростков и 72% лиц юношеского возраста) и нейтрально-негативном отношении к сотрудникам дорожно-патрульной службы ГИБДД, пресекающим такое поведение пешеходов (21% подростков и 64 % лиц юношеского возраста). Это негативным образом сказывается на формировании готовности следовать требованиям Правил дорожного движения [4, с. 29]. Несформировавшиеся у юных граждан должным образом ценностные ориентации и убеждения нарушают осознанную готовность соблюдать специальные правовые требования и нормы предосторожности на дороге. Поведение таких пешеходов на дороге регулируется либо страхом перед наказанием и боязнью за жизнь, либо давлением группы лиц.

Полученные в ходе научных исследований результаты были использованы в период 2008-2018 гг. при проведении курсантами (слушателями) образовательных организаций МВД России профилактической работы. Эта работа организовывалась преподавателями психологических дисциплин, была рассчитана на психологию младшего, подросткового и юношеского возрастов, реализована при помощи комплекса психологических и педагогических методов воспитательного воздействия и обучения. Психологизация профилактики правонарушений несовершеннолетних в сфере дорожного движения согласуется с охранно-защитной концепцией профилактики (обоснованной профессором С. А. Беличевой) и международным опытом реализации превентивных мер и программ [2, с. 11-12].

Выступления курсантов (слушателей) в форменной одежде сотрудников перед юными гражданами направлены не только на формирование культуры безопасного поведения в условиях дорожного движения (как пешеходов, пассажиров, водителей велосипедов и иных транспортных средств). Также осуществлялось развитие правосознания юных граждан за счет формирования у них позитивного отношения, авторитета и доверия к сотрудникам органов внутренних дел, в т.ч. сотрудникам Государственной инспекции безопасности дорожного движения, значимая роль которых состоит в сохранении жизни и здоровья людей.

Методика подготовки и проведения воспитательно-профилактических мероприятий включала: разбивку учебной группы курсантов /слушателей) на подгруппы по 3-5 человек, выбор темы и подготовку сценария занятия с учетом психологии возрастной аудитории (класса, студенческой группы), распределение между собой обязанностей (ведущего, соведущего, ответственного за презентацию и пр.), подбор интересных фактов, статистики, нормативных правовых документов; подготовка текстов, наглядных материалов (презентаций, фотографий, видеосюжетов) и системы поощрений; репетиция и выступление перед сокурсниками.

С учетом возрастной психологии лиц младшего школьного возраста и причин несоблюдения ими Правил дорожного движения для профилактики правонарушений курсанты (слушатели) использовали следующие методы и приемы:

- чередование устного изложения информации с демонстрацией наглядных материалов и опросом для выявления уровня знаний Правил дорожного движения Российской Федерации (ПДД РФ);

- обращение к примерам поведения детей (как пешеходов и пассажиров) и анализ безопасности этого поведения в различных ситуациях дорожного движения - типичных, ежедневных для ребенка: переход проезжей части по пешеходному переходу (регулируемому и нерегулируемому) или перекрестку вблизи школы, дома, магазина; поведение в транспортном средстве, при посадке и высадке из него и т. д. Так, в третьем классе на вопрос о том, кто пристегивается ремнями безопасности в легковом автомобиле, были подняты всего лишь пять рук из восемнадцати. Полученные ответы от детей послужили основой для разъяснения обязанностей пассажиров, а также информирование о негативных последствиях их несоблюдения;

- демонстрация мультфильмов, ярких картинок и анализ поведения героев; демонстрация видеосюжетов (включая видеозаписи правонарушающего и правомерного поведения детей, специально отснятые вблизи той школы, где проводится профилактическое мероприятие) для совместного просмотра и последующего анализа конкретных нарушений ПДД и опасного поведения, соблюдения правил и безопасного поведения;

- практическое решение задач в виде схематического или фотоизображения дорожной ситуации, в которых детям предлагается: правильно и безопасно «пройти» через дорогу, пешеходный переход, перекресток; оценить степень соблюдения ПДД РФ пешеходом, пассажиром; выявить ошибки, допущенные участником дорожного движения, и исправить их; оценить отношение к собственному поведению и поведению других участников дорожного движения. Подобные задачи позволяют определить степень усвоения детьми ПДД, внести вклад в формирование правосознания, а также готовность следовать этим правилам в реальной дорожной ситуации;

- игровая и практической деятельностью в максимально приближенных или моделируемых условиях дорожного движения для: развития у детей познавательных процессов; формирования навыков и привычек правомерного поведения; накопления опыта безопасного и культурного поведения на дороге; закрепления в памяти чувства ответственности, ценности жизни, а также оценок собственного правомерного поведения и поведения других граждан.

- беседы и совместное обсуждение игр направлены на выявление причин дорожно-транспортных происшествий (ДТП) и травматизма, проведение сравнения опасного/безопасного поведения, бдительности/рассеянности отдельных участников игр и их взаимодействия друг с другом, наглядную демонстрацию последствий отдельных действий и поведения детей на проезжей части, в игровых дорожных ситуациях. Особое внимание в таких играх обращается на роль сотрудника дорожно-патрульной службы, его профилактические функции, сложности и трудности в работе, обеспечение безопасности граждан в дорожном движении, переживания по поводу дорожно-транспортных происшествий, помощь пострадавшим и т.д.

- подражание образцам и тренировочные упражнения в правомерном поведении при моделировании дорожных ситуаций, прогнозирование дорожных ситуаций способствуют развитию воспитываемых желаний, эмоций, мыслей, совершенствованию правовой культуры, безопасного поведения ради сохранения жизни и здоровья;

- проведение викторин, соревнований, в ходе которых вызываемые познавательные эмоции (любопытство, любознательность, интерес) и дух соревновательности стимулируют познавательную и практическую активность, заражают детей в демонстрации чувства ответственности, правовых знаний и навыков соблюдения правил на дорогах;

- позитивное стимулирование детей в ходе проведения мероприятий и по их окончании, что способствует закреплению у детей приобретаемых правовых знаний и навыков безопасного и культурного поведения на дороге.

При проведении профилактических мероприятий с подростками и юношеством курсанты акцентируют внимание на экстремальности дорожного движения, усиление эмоциональных реакций и снижение адекватности оценки складывающейся обстановки, что может привести к правонарушениям и ДТП. Более того, в процессе бесед курсанты отмечают связь между правонарушением (перебегание дороги вблизи движущихся навстречу, открывание двери транспортного средства во время движения транспортного средства и пр.) и потребностью подростков к новым ощущениям, риску и азарту, самоутверждению и самолюбованием. Поэтому во время профилактических мероприятий курсанты (слушатели) использовали следующие методы:

- проведение бесед, разъяснение ПДД, прав и обязанностей пешеходов, пассажиров, водителей велосипедов, мотоциклов. Учитывая интерес подростков и юношей к управлению транспортными средствами, курсанты и слушатели проводят беседы по вопросам законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения, рассказывают о результатах исследований, судебных разбирательств в отношении лиц, совершивших правонарушения.

- игровые моделируемые ситуации, в которых у подростков развиваются внимательность, логические способности к оценке дорожной ситуации и прогнозированию негативных последствий поведения, воспитываются чувства долга и социальной ответственности, правосознания – важные качества личности законопослушного гражданина;

- апеллирование к результатам научных исследований, трагической статистики погибших и пострадавших в дорожных авариях, мнениям авторитетных людей. На основе подчеркивания «чувства взрослости, определенного житейского опыта, включая опыт участника дорожного движения, подросткам и юношам предоставляется возможность сделать вывод о том, что является основной причиной большинства ДТП, предоставляют перечень личностных особенностей законопослушных пешеходов, водителей, пассажиров, а также лиц, которые нарушают ПДД РФ;

- демонстрация впечатляющих, поучительных видеосюжетов, социальной рекламы, в которых представлено правонарушающее поведение юных участников дорожного движения (пешеходов, водителей, пассажиров) с последующим совместным анализом и обсуждением особенностей дорожной ситуации, допущенного правонарушения, причин ДТП, а также оценки поведения участников дорожного движения («соблюдает ПДД/не соблюдает», «ведет себя культурно/некультурно»; «рискует/бдителен»); характеристикой последствий этого нарушения (-ий) и особенностей аварий (страдания пострадавших, родственников, моральных и материальных потерь и пр.); оценкой и отношением к тем, кто совершает административное правонарушение, а также тех, кто предупреждает такие правонарушения на дороге. Такое критическое отношение к произошедшему ДТП способствует логическому связыванию правонарушения с последствиями в виде административной и уголовной ответственности виновного лица. После тщательного анализа видеосюжета подросткам предлагается исправить ошибки правонарушителя, предоставив описание действий участника дорожного движения, который соблюдает ПДД, оценив отношение к правомерному поведению. Так достигается эффект влияния за счёт осознания подростками и юношами связи между опасностью правонарушающего поведения в условиях дорожного движения и последствиями (административной, уголовной, причинение вреда здоровью), понимания необходимости проявления дисциплинированности на дорогах, ответственности не только за собственную жизнь, но и жизнь других участников дорожного движения.

Выводы. Таким образом, опыт проведения профилактических мероприятий показывает, что курсанты (слушатели) под руководством преподавателей психологических дисциплин учатся осуществлять одну из наиболее важных видов деятельности сотрудников органов внутренних дел – правовоспитательную [5, с. 254]. Проводимая профилактическая работа с несовершеннолетними отличается двойной превенцией, т. к. содействует

предупреждению более опасных правонарушений, а также направлена на сдерживание и корректировку поведения тех юных граждан, кто не нарушал, но у которых имеется соблазн нарушить Правила дорожного движения. Самое трудное в таких мероприятиях – добиться того, чтобы юные граждане соблюдали правила дорожного движения, проявляли дисциплину и культуру поведения на дороге не только за счёт знаний ПДД, но и уважительного отношения к нормам и правилам поведения на дороге, законопослушным гражданам и обеспечивающим безопасность сотрудникам Госавтоинспекции. В настоящее время субъективный фактор был и остается ведущим в профилактике правонарушений, обеспечении безопасности дорожного движения, сохранении жизни и здоровья юных граждан. Поэтому повышается ответственность и других социальных институтов, деятельность которых должна быть целенаправленной, осуществляться на комплексной основе, с использованием возрастной психологии, психолого-педагогических методов и приемов, одновременном воздействии на рациональную и эмоциональную составляющие психики участников дорожного движения.

Аннотация. Раскрываются особенности проведения профилактических мероприятий курсантами (слушателями) образовательных организаций МВД России с подростками и юношеством с целью воспитания у них культуры безопасного поведения и правосознания. Акцентируется внимание на том, что проводимая профилактическая работа, способствует формированию у несовершеннолетних позитивного отношения, авторитета и доверия к сотрудникам органов внутренних дел, значимая роль которых состоит в сохранении жизни и здоровья людей. Представлены и охарактеризованы методы и приемы, рассчитанные на возрастную психологию несовершеннолетних и устранение причин правонарушений психологического характера.

Ключевые слова: несовершеннолетние, сотрудники органов внутренних дел, безопасность дорожного движения, Правила дорожного движения Российской Федерации, психология, психолого-педагогические методы и приемы.

Annotation. The features of preventive measures by cadets (students) of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia with adolescents and youth in order to foster a culture of safe behavior and sense of justice are revealed. The attention is focused on the fact that the ongoing preventive work contributes to the formation of minors a positive attitude, credibility and trust towards the employees of the internal affairs agencies, whose significant role is to preserve the life and health of people. The methods and techniques designed for the age psychology of minors and the elimination of the causes of psychological offenses are presented and characterized.

Keywords: minors, law enforcement officers, road safety, Traffic Regulations of the Russian Federation, psychology, psychological and pedagogical methods and techniques.

Литература:

1. Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. N 1-р. г. Москва.
2. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. М.: Редакц.-изд. центр консорциума «Социальное здоровье России», 1994. – 220 с.
3. Костина Л.Н., Костина Е.Ю. Психологические знания в обеспечении безопасности дорожного движения. Монография. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 255 с.
4. Костина Л.Н. Психология в пропаганде безопасности дорожного движения: учебное пособие / Л. Н. Костина. – Орёл: ОрЮОИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2014. – 100 с.
5. Столяренко А.М. Общая педагогика: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по педагогическим специальностям. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 480 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОСТИ

Куделина Анастасия Андреевна,

студентка ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
г. Владимир

Шефов Сергей Александрович,

старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
г. Владимир

Постановка проблемы. Проблема подростковой агрессии является сегодня весьма актуальной по причине распространённости случаев применения физического и психологического насилия в школьной среде. В связи с этим встает проблема снижения уровня агрессивности у школьников-подростков. Однако агрессивность – это всего лишь верхушка айсберга. Она имеет свои корни, занимает определенное место в структуре личности. Едва ли возможно действительно эффективно работать с агрессивностью подростка, не затрагивая его личности в целом. Поэтому для проведения успешной психокоррекционной работы с агрессивными школьниками, необходимо иметь представление об их психологических особенностях.

Целью статьи является выявление психологических особенностей подростков с высоким уровнем агрессивности для поиска новых возможностей и направлений психокоррекционной работы.

Изложение основного материала исследования. Агрессия обычно понимается как деструктивное поведение, которое противоречит общепринятым нормам и правилам поведения, причиняет ущерб или вызывает психологический дискомфорт у объекта нападения. Однако стоит обратить внимание на то, что проявление агрессии рассматривается не только как негативное явление, но и как защитный механизм личности [1]. Для некоторых ребят в возрасте 13-15 лет быть агрессивным – значит «казаться или быть сильным». Именно этот возраст сопровождается резким подъёмом делинквентности подростков [2]. Это косвенно указывает на то, что подростковая агрессия может быть связана с неуверенностью в себе, заниженной самооценкой. Теоретический анализ научной литературы выявил также, что агрессивным подросткам свойственны следующие особенности: отсутствие ориентира на добросовестность в рамках учебно-воспитательного процесса, нестабильность по отношению к окружающим в процессе взаимодействия с другими субъектами учебно-воспитательного процесса, низкий показатель миролюбия по отношению к окружающим, а также неумение анализировать свое поведение в полной мере [3]. Отсюда следует, что агрессивные подростки имеют сложности с саморегуляцией и самоконтролем. В целом, можно говорить о том, что для агрессивных подростков характерна слабая выраженность некоторых «положительных» качеств, таких как, например, эмпатия. Вместе с тем существует некоторая рассогласованность в исследовательских данных, а сами авторы (например, С. Фешбах, исследовавший взаимосвязь агрессии и эмпатии [3]) объясняют её недостатками исследовательских методологий.

На основании вышеизложенного была выдвинута гипотеза о том, что подросткам с высоким уровнем агрессивности свойственен низкий уровень самооценки, саморегуляции и эмпатии. Для проверки данной гипотезы было проведено эмпирическое исследование, направленное на определение уровня агрессивности у подростков и выявление различий между агрессивными и неагрессивными подростками по параметрам саморегуляции,

самооценки и эмпатии. В качестве основного метода использовался психодиагностический метод, реализованный посредством следующих методик:

- опросник «Виды агрессивности» Л.Г. Почебут (разработан на основе методики Басса-Дарки);
- тест «Рука» Э. Вагнера;
- опросник «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана;
- методика исследования самооценки личности С.А. Будасси;
- методика диагностики уровня эмпатии В.В. Бойко.

В исследовании приняли участие 65 подростков в возрасте от 13 до 15 лет, учащиеся 7-8 классов МБОУ Вольгинская СОШ.

Для выявления уровня агрессивности подростков нами использовался опросник «Виды агрессивности» Л.Г. Почебут и тест «Рука» Э. Вагнера. По результатам опросника Почебут, общий высокий уровень агрессивности был выявлен только у 6 подростков. Это, прежде всего, объясняется тем, что у многих испытуемых при максимально высоких показателях по отдельным шкалам (чаще всего по вербальной агрессии) в противовес имелись шкалы с крайне низкими баллами (чаще – предметная агрессия). Кроме того, необходимо учитывать возможность влияния сознательного контроля при ответе на пункты опросника в русле установки на социально желательные ответы. В связи с этим результаты опросника сопоставлялись с данными теста «Рука», который относится к категории проективных методик и позволяет обойти сознательный контроль со стороны испытуемого. Среди достаточно большого количества испытуемых с пограничным уровнем агрессивности по опроснику Почебут (у которых не хватало 1-2 баллов до высокого уровня агрессивности) нашлось 14 подростков с высокими показателями агрессии по тесту «Рука», что позволило отнести их к группе агрессивных подростков. Таким образом была сформирована группа, состоящая из 20 подростков с высоким уровнем агрессивности. Подобным образом, на основании данных двух указанных методик была сформирована группа из 20 подростков с низким уровнем агрессивности.

В данных двух группах учащиеся различаются также по степени личностной дезадаптации. Это легко объяснимо: агрессивность подростков проявляется в агрессивном поведении, что создаёт напряжённость в отношениях с окружающими, разжигает конфликты как со сверстниками, так и со взрослыми, в частности с учителями, что приводит к снижению адаптации. Вероятно, адаптационные свойства личности напрямую связаны с саморегуляцией, ведь подросток с высоким уровнем самоконтроля сможет побороть свои гневные выплески в бытовой ситуации, подобрать нейтральные слова взамен резким, обидным.

Количественный анализ видов агрессии показал, что в группе агрессивных подростков высокий уровень вербальной агрессии встречается у 70% испытуемых. Остальные шкалы по частоте встречаемости высокого уровня того или иного вида агрессии выстроились следующим образом: самоагрессия (высокий уровень – у 65% испытуемых), физическая агрессия (60%), эмоциональная агрессия (60%), предметная агрессия (20%). У неагрессивных подростков высокий уровень различных видов агрессии встречается существенно реже: самоагрессия – у 25% испытуемых, физическая – у 20%, вербальная – у 15%, эмоциональная – у 5%, а высокий уровень предметной агрессии вовсе отсутствует. Обращает на себя внимание то, что у агрессивных и неагрессивных подростков особенно выделяется самоагрессия. Она может оказаться очень разрушительной для личности: когда нельзя выразить агрессию на окружающий мир, подросток направляет негативную энергию на себя. С другой стороны, в основе ее может лежать низкая самооценка, и тогда данный вид агрессии может становиться фундаментом для всех остальных видов агрессии. Отсюда вытекает, в частности, эмоциональная отчуждённость, при которой недовольный собой подросток испытывает по отношению к другим лицам неприязнь, враждебность и подозрительность. Что касается относительно низкого уровня предметной агрессии в обеих группах, то это может быть связано как с особой ценностью вещей для данных подростков

(иной раз вещи могут оказаться даже дороже людей), так и с отсутствием собственных доходов, невозможностью самостоятельно заработать на новую вещь взамен сломанной в гневе.

В дальнейшем в каждой из групп учащихся исследовались саморегуляция, самооценка и эмпатия.

С помощью опросника Зверькова и Эйдмана было установлено, что агрессивные и неагрессивные подростки достоверно различаются по уровню развития волевой саморегуляции ($t = 3,325$; $p < 0,01$; предварительная проверка на нормальность распределения осуществлялась с помощью критерия Шапиро-Уилка, $W = 0,953$ для одной группы и $W = 0,93$ для другой группы). В этой части гипотеза исследования подтверждается: агрессивные подростки более импульсивны и неустойчивы в своих намерениях, для них характерна невысокая рефлексия, что снижает способность контролировать свои слова и поступки.

Согласно данным, полученным с помощью методики Будасси, 45% испытуемых из группы подростков с высоким уровнем агрессивности имеют неадекватную самооценку: либо высокую неадекватную самооценку (30%), либо низкую неадекватную самооценку (15%). Адекватная самооценка присутствует у 55% агрессивных подростков, при этом у 25% эта самооценка является низкой. Самооценка неагрессивных подростков в основном является адекватной (у 70% испытуемых, из которых половина имеет высокую адекватную самооценку, и половина имеет низкую адекватную самооценку), лишь у 30% испытуемых данной группы выявлена неадекватная самооценка. Установлено, что агрессивные и неагрессивные подростки в нашей выборке значимо не отличаются по уровню самооценки. Мы можем предположить, что на агрессивность влияет не сам уровень самооценки, а степень её адекватности. Подростки с неадекватной самооценкой способны здоровые, положительные качества личности, такие как достоинство, уверенность в себе и самоуважение, переродить в негативные качества: высокомерие, эгоцентризм и тщеславие. Излишне самоуверенные подростки ставят себя выше других, чем вызывают неприятие у окружающих, что, в свою очередь, провоцирует агрессивные реакции из-за уязвленного самолюбия. Действительно, процент испытуемых с неадекватно высокой самооценкой в группе агрессивных подростков в 2 раза больше, чем в группе неагрессивных: 30% и 15% соответственно (чего нельзя сказать о заниженной самооценке, одинаково часто встречающейся в обеих группах – по 15%), однако это различие не является статистически значимым, что может быть связано с недостаточно большим размером выборки.

Степень развития эмпатии, по данным, полученным с помощью методики Бойко, оказалась на невысоком уровне как в группе агрессивных подростков, так и в группе неагрессивных. Высоких показателей эмпатии не выявлено ни у кого из испытуемых. В обеих группах отмечается только средний, заниженный или очень низкий уровень развития эмпатических способностей: в группе подростков с высоким уровнем агрессивности – 30%, 55% и 15% соответственно, в группе подростков с низким уровнем агрессивности – 20%, 60% и 20% соответственно. Различия в уровне эмпатии между двумя группами не являются статистически значимыми. Таким образом, главное, на что здесь следует обратить внимание – это не различие между группами, а сходство: для всех учащихся, участвовавших в исследовании, независимо от уровня агрессивности, характерен преимущественно низкий уровень развития эмпатических способностей. Это может быть связано с возрастными особенностями: подросткам 13-15 лет часто свойственно быть озабоченными своей личностью, обращать больше внимание на себя, а не на окружающих, несмотря на то, что они склонны искать единомышленников в группе и испытывают потребность быть включенными в групповое взаимодействие.

Выводы. Результаты нашего исследования демонстрируют, что подростки с высоким уровнем агрессивности имеют менее развитые навыки саморегуляции, в то время как по уровню самооценки и эмпатии они значимо не отличаются от подростков с низким уровнем агрессивности. В то же время, несмотря на отсутствие значимых различий по самооценке, неадекватно завышенная самооценка в два раза чаще выявлялась у агрессивных подростков.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично (подтвердился более низкий уровень саморегуляции у агрессивных подростков по сравнению с неагрессивными). Относительно большая частота встречаемости неадекватно высокой самооценки у подростков с высоким уровнем агрессивности требует дополнительного исследования на большей по размеру выборке. Что касается эмпатии, то для всех подростков, участвовавших в исследовании характерен преимущественно низкий уровень развития эмпатических способностей.

Полученные данные имеет смысл учитывать при проведении развивающей, профилактической и психокоррекционной работы с подростками и просветительской работы с родителями. Стоит учитывать, что в подростковом возрасте умение контролировать себя во многом зависит от окружающей среды. Усталость и стресс в жизни подростка целесообразно минимизировать. Эту информацию важно донести до педагогов и родителей. Важно учить подростков последовательно пользоваться «тормозной системой», отвечающей за саморегуляцию. Уместно и целесообразно проведение психологических занятий с элементами тренинга, направленных на развитие различных компонентов саморегуляции, а также психокоррекцию неадекватной (в первую очередь завышенной) самооценки и развитие эмпатических способностей в среде подростков.

Аннотация. В статье рассматривается проблема агрессивности подростков и ее коррекции. Обсуждаются результаты эмпирического исследования психологических характеристик агрессивных подростков, таких как саморегуляция, самооценка, эмпатия.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, подростки, саморегуляция, самооценка, эмпатия, психокоррекция.

Annotation. The article deals with the problem of aggressiveness of adolescents and its correction. The results of an empirical research of the psychological characteristics of aggressive adolescents, such as self-regulation, self-rating, empathy, are discussed.

Keywords: aggression, aggressiveness, adolescents, self-regulation, self-rating, empathy, psycho-correction.

Литература:

1. Бисалиев Р.В. Психологические аспекты агрессии и агрессивного поведения: современное состояние проблемы / Р.В. Бисалиев, А.С. Кубекова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 34-36.
2. Раттер М. Помощь «трудным» детям / М. Раттер / Общ. ред. А. С. Спиваковской. – М.: Прогресс, 1987. – 424 с.
3. Фомиченко А.С. Причины проявления агрессии в детском возрасте / А.С.Фомиченко // Культурно–историческая психология. – 2010. – № 2. – С. 83-87.

Кузина Ирина Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры общей педагогики и

педагогики профессионального образования,

Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
г. Арзамас

Постановка проблемы. Портрет современного ребенка, будь то дошкольник, младший школьник, подросток отличается от особенностей детей XX века. Причиной являются изменения в информационном поле. Если еще относительно недавно (20-25 лет назад) телевизор, радио были практически единственными в познании окружающего мира; книга занимала достойное место среди юношеских увлечений, то в настоящее время интернет как глобальное мировое явление интегрировал в себе всевозможные источники информации, раздвинул знаниевое и коммуникативное пространство, сократив поиск необходимого до минимума; повысил значимость медийных технологий. Ребенку стали доступны образовательные ресурсы, новостные порталы, социальные сети, онлайн-конструкторы, сетевые компьютерные игры, видеоканалы и многое другое, поэтому стало незнакомо состояние ожидания, например, любимой телепередачи, радиоспектакля, газеты или журнала.

Особую воспитательную атмосферу читальных залов заменили электронные библиотеки, в которых дети «находятся» наедине с собой, и их познавательная деятельность во внеурочное время чаще всего не контролируется. Так, для того чтобы найти что-то, совсем не обязателен человек, не нужен компьютер, достаточно иметь смартфон, и любая проблема перестает ей быть. Виртуальная среда поглощает подростка, отнимает у него радость от проявления разнообразных эмоций, растворяя их в пространстве полном неясностей. С одной стороны, цифровой контент ориентирован на самостоятельный поиск, осмысление и интерпретацию разнообразной информации, с другой стороны, подавляется внутренняя потребность формирующейся личности в совместной поисковой деятельности. Современный подросток «пропускает» через себя массив аудиовизуальных образов, в которых не всегда, в силу возрастных особенностей, может разобраться. Непонимание в реальной жизни становится причиной девиантного поведения, чтобы избежать такого развития, необходима профилактическая работа, которая бы учитывала интересы детей и подростков и давала возможность, дистанцировавшись от внутренних переживаний, посмотреть на ситуацию со стороны и научить принимать осмысленные решения, избегая неадекватных действий по отношению к окружающим и к себе.

Целью статьи является обоснование эффективности применения медийных технологий в профилактике девиантного поведения детей и подростков.

Изложение основного материала исследования. Проблема внедрения медийных технологий в современный образовательный процесс активно решается учеными-педагогами. Так, А.В. Федоров в своих работах обращает внимание на одну из особенностей медиаобразования, которая, по его мнению, заключается в том, чтобы «дать возможность учащимся систематически размышлять о процессах «чтения» и «письма», понимать и анализировать их собственную деятельность как читателей и авторов». [2, с. 11] Учитывая направленность современных подростков на виртуальный мир [1], включение в обучающе-воспитательную деятельность таких технологий как «Звук и изображение», «Место и кадр», «Видовые трансформации», «Сравнения медиатекстов», «Замораживание кадра», «Имитация» позволяет расширять знаниваемое поле подростков и развивать у них

«способности к критическому мышлению/критической автономии личности» [3, с. 73], что в свою очередь удовлетворяет потребность формирующейся личности в анализе и самоанализе.

Особенность медиатехнологий заключается в их ориентированности на информацию, качественный и объективный анализ и интерпретацию медиатекста. Современный подросток смотрит интернет-каналы, ведет блоги, создает собственные медиапродукты и выкладывает их, ожидая положительной реакции подписчиков. Отрицательный отзыв может вызвать эмоции, способные привести к нарушающим социальные нормы поведению. Неспособность контролировать свои действия связана чаще всего с отсутствием навыка самооценки и умения абстрагироваться. Именно медийные технологии служат тем инструментом, который позволяет корректировать поведение подростков.

Так, например, технологический прием, или метод контент-анализа медиатекста (это может быть социальный ролик, трейлер, художественный фильм) нацелен на сопоставление, в результате которого подросток не просто узнает о каких-то фактах, он учится выявлять конфликты и мотивы, определять тему, подбирать систему аргументаций. Главное, чтобы в процессе анализа была возможность сравнить действия главного героя с тем, как в той или иной ситуации поступил бы сам ребенок. Детальное «прочтение» медиатекста позволяет понять, какой эффект производит явное, четко выраженное содержание на аудиторию.

Целесообразно в процессе профилактики девиантного поведения подростков акцентировать внимание на технологическом приеме «Видовые трансформации», эффективность которого заключается в умении «переводить» медиатекст из одного вида в другой. [3, с. 74] Возможности данной методики настолько широки, что позволяют детально разбираться в особенностях поступков, которые меняют отношение к тому, кто их совершает. Так, в настоящее время пристального внимания заслуживает литература десятых годов XXI столетия, которая на наш взгляд, носит репрезентативный характер жанров средств массовой коммуникации. Любое обращение к произведениям современных писателей как в урочной, так и внеурочной деятельности подразумевает, что учитель (классный руководитель) медиаграмотен и способен сформировать у школьников умения «прочитывать» подтекстовую информацию, воплощенную в образной системе, идеи и проблематике произведения. Например, одна из повестей Станислава Востокова (дважды лауреата премии «Кенгуру» (2013 и 2015 гг.), лауреата премий им. В. Крапивина и им. С. Маршака) «Криволапыч» написана метафорическим языком. Несмотря на то, что главными действующими лицами являются еотовидный пес Криволапыч из России и лис-вегетарианец Веган из Финляндии, в их увлекательных и опасных приключениях прочитывается желание современных подростков поскорее покинуть родной дом и отправиться ближе к горизонту, в другую страну, где все совсем по-другому, все намного лучше, чем там, где они родились и росли. Криволапыч пренебрежительно относится к своему отцу, всем своим поведением дает понять, что уже давно повзрослел и готов покинуть дом, совсем не сожалея об этом. Вымышленный (виртуальный) мир влечет своей неизвестностью. С. Востоков через сравнения и иносказания пытается показать, как во время путешествия по чужой стране меняется у Криволапыча представление о реальном мире и как изменяется он сам. Художественный текст стилистически напоминает некий разножанровый композит из дневниковых записей, путевого очерка, газетной статьи, записей в блоге. Самостоятельно подросток не сможет осознать всю глубину произведения, поэтому помочь разобраться в проблематике текста должен высоко квалифицированный учитель. При этом необходимо учитывать, что сам сюжет повести «Криволапыч» является прямым отражением проблем внутренней и внешней политики России, поэтому многое из вложенного в мысли и «уста» еотовидной собаки (по возрасту – подростку), без детального анализа новостных интернет-изданий понять неподготовленному к восприятию читателю-школьнику будет сложно. В качестве профилактики девиантного поведения, подросткам можно предложить, например, написать сценарий художественного фильма; продумать диалоги к комиксу, «нарисовать» мультфильм; подготовить к публикации в одной из социальных сетей

фоторепортаж путешествия; составить характеристику Криволапыча до того, как убежал из дома и после того, как он вернулся.

Таким образом, медийные технологии дают возможность подростку понять себя и окружающих, что в свою очередь помогает предотвратить различные девиации в поведении.

Выводы. Эффективность применения медийных технологий в профилактике девиантного поведения детей и подростков связана с их интегративностью. Каждая из методик нацелена на детальный анализ медиатекстов, которые, с одной стороны, позволяют провести четкую грань между реальным и виртуальными мирами, а, с другой стороны, даже на уровне подсознания, воздействуют на подростка и учат продуктивному взаимодействию с окружающим миром.

Аннотация. Статья посвящена медийным технологиям в системе профилактики девиантного поведения детей и подростков. Особое внимание уделяется контент-анализу медиатекста и видовым трансформациям, их роли в процессе развития личности.

Ключевые слова: медиаобразование, медийные технологии, контент-анализ, видовые трансформации, девиантное поведение, подросток.

Annotation. The article is devoted to media technologies in the system of prevention of deviant behavior of children and adolescents. Particular attention is paid to the content analysis of the media text and species transformations, their role in the process of personal development.

Keywords: media education, media technologies, content analysis, species transformations, deviant behavior, adolescent.

Литература:

1. Лысенко А.В., Петров А.В. Ценностные ориентации подростков. – Таврический научный обозреватель. – 2017. – №12(29). – С. 61-67.
2. Федоров А.В. Медиаобразование: история и теория. – М.: МОО «Информация для всех», 2015. – 450 с.
3. Федоров, А.В. Новикова А.А. Медиаобразование в ведущих странах Запада. / А.В. Федоров, А.А. Новикова. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2005. – 270 с.

УДК: 37.015.31

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОУ КАК УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

Кукушкина Мария Дмитриевна,
педагог-психолог ГБДОУ детский сад № 143
Невского района г. Санкт-Петербурга,
аспирантка кафедры психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»,
г. Санкт-Петербург

Постановка проблемы. В работах, посвященных девиантному поведению детей и подростков наряду с биологическими и генетическими факторами особое место занимают социальные факторы, под воздействием которых формируется склонность ребенка к девиантному поведению. Формирование психологически безопасной образовательной среды ДОУ является одной из форм профилактики девиантного поведения дошкольников.

Целью статьи является обоснование психологически безопасной образовательной среды ДОУ как условия профилактики девиантного поведения дошкольников.

Изложение основного материала исследования. В большинстве работ по психологии и социологии девиантным поведением человека называют «систему поступков (или отдельные поступки), противоречащую принятым в обществе нормам» [5, с.8]. Такие проявления как несбалансированность психических процессов, неадаптивность, нарушение хода самоактуализации, уклонение от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением относятся к проявлениям девиантного поведения. В литературе в основном термин «девиантное поведение» встречается, когда речь идет о школьниках, в частности – подростках. К детям с девиантным поведением в дошкольном возрасте относят агрессивных, вспыльчивых, пассивных. Следует отметить, что нарушения поведения могут иметь в своей основе не только педагогические просчеты взрослых, но и определенную слабость ЦНС ребенка, которая может быть обусловлена такими факторами, как возрастная незрелость, неблагоприятная беременность, родовые травмы.

При рассмотрении причин девиантного поведения можно выделить три основных подхода в зависимости от того, какому компоненту придается главное значение:

1. Биологический подход (Ч. Ломброзо, У. Шелдон), согласно которому девиантное поведение обусловлено определенными физическими особенностями человека.

2. Психологический подход (З. Фрейд) рассматривает в качестве детерминант девиаций внутриличностные конфликты человека, неосознаваемые индивидом психические процессы, развивающиеся в ходе взаимовлияния сознательного и бессознательного, а также некоторые психологические черты и качества, характерные для потенциальных девиантов.

3. Социологический подход (Д.Э. Дюркгейм, Г. Беккер, Т. Селлин, Р. Мертон, Т. Парсонс и др.) объясняет девиантное поведение такими социальными причинами, как: несовершенство общества, социальное неравенство. Девиантное поведение здесь рассматривается как реакция на изначально заданные конфликты и протест против несправедливого общественного устройства.

В.Д. Менделевич выделяет «возрастной, психиатрический, этнокультурный, гендерный и профессиональный подходы» [5, с.14]. Следовательно, среди причин девиации могут быть особенности конкретного этапа онтогенеза человека, и рассматривать поведение как нормативное или отклоняющееся стоит, только принимая во внимания возрастные нормы, сензитивные периоды и возрастные кризисы. Например, само наличие протестного поведения ребенка во время кризиса трех лет никак нельзя считать девиацией. Произвольность поведения и внимания также формируется у ребенка только к 5-7 годам, поэтому нормы поведения детей разных возрастных групп будут существенно отличаться. Гендерный подход рассматривает традиционные половые стереотипы мужского и женского поведения. Инверсия в данном случае или же гиперролевое поведение будут считаться девиацией. По мнению Л. Кольберга формирование константной половой идентификации у ребенка продолжается в промежутке от 2 до 7 лет, в этом возрасте ребенок только осознает свою принадлежность к определенному полу и константность(неизменность) пола человека, поэтому здесь возможны небольшие отклонения в ролевом поведении.

В.Д. Менделевич обращает внимание на существование как «писанных», так и «неписанных» законов и норм. Автор пишет: «Индивид, становясь свободным и ответственным и формируя нормативное (недевиантное) поведение, осознанно принимает на себя ответственность за соблюдение «писанных» законов, которые предполагают сохранение прав и свобод окружающих его людей, а также «неписанных» норм — традиций и стереотипов поведения, принятых в той или иной микросоциальной среде.» [5, с.11]. Следовательно, девиантным поведением считается такое, когда наблюдаются отклонения хотя бы от одной из общественных норм.

Исходя из этих определений можно выделить три функции нормы:

1. Регулирующая. Норма является инструментом как внешней, так и внутренней регуляции поведения членов сообщества.

2. Формирующая. Формирование и закрепление моделей поведения членов определенного сообщества происходит под воздействием принятых в этом сообществе норм и правил.

3. Оценивающая. Адекватность поведения того или иного члена сообщества оценивается с опорой на такие модели поведения, которые считаются нормальными и вызывают позитивную реакцию у в данном сообществе.

Находясь в определенном сообществе (микросоциуме), человек перенимает приемлемые в этом сообществе модели поведения. В особенности это касается детей дошкольного возраста, которые «впитывают» как губка демонстрируемые им модели поведения, а затем копируют (перенимают) их. Именно на основе моделей поведения принятых в окружающей ребенка среде у него формируется понятие нормы. Следовательно, одной из задач среды окружающей ребенка является формирование норм и правил, способствующих позитивному и безопасному взаимодействию людей в обществе. Таким образом, ребенок, столкнувшийся с проявлениями психологического насилия или физической агрессии, будет рассматривать это как «ненорму». Здесь речь идет о внутренней норме (или интроецированной внешней). Исходя из вышесказанного, можно предположить, что ребенок, выросший в психологически безопасной среде (т.е. среде, свободной от проявлений психологического насилия) и не имеющий никаких биологических или генетических причин для девиантного поведения, имеет все шансы и дальше вести себя безопасно для окружающих.

Согласно статистике, дошкольники проводят, в среднем, от 3 до 10 часов в день в детском саду, следовательно, среда детского сада оказывает существенное влияние на формирование личности ребенка, особенностей его поведения.

По определению И.А. Баевой, образовательная среда «представляет собой психолого-педагогическую реальность, содержащую специально организованные условия для формирования личности, а также возможности для развития, включенные в социальное и пространственно-предметное окружение» [3, с.17]. Сущностью образовательной среды является совокупность личностных особенностей и особенностей взаимодействия участников образовательного процесса, особенности содержания образования в единстве материально-предметного содержания и способа его усвоения. Качество образовательной среды, в таком случае, будет определяться содержанием отношений участников образовательного процесса, поскольку именно в характере их взаимоотношений проявляется психологическая сущность образовательной среды [3, с.20].

По мнению исследователей (З.И. Тюмасевой, И.Л. Ореховой, Е.Г. Кушниковой и др.) образовательная среда дошкольной образовательной организации представляет собой подсистему целостного здоровьесберегающего образовательного пространства, а следовательно, она должна быть организована так, чтобы способствовать сохранению здоровья ее субъектов: как физического, так и психического.

В.А. Ясвин определяет образовательную среду как общность влияний, условий и возможностей формирования личности. В его работах подчеркивается взаимозависимость как свойств образовательной среды от ее субъектов, так и субъектов образовательной среды от ее свойств и структуры, то есть подчеркивается некое единство свойств образовательной среды и самого обучающегося.

В соответствии с ФГОС ДО (Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования) образовательная среда ДОУ состоит из следующих компонентов: взаимодействие ребенка со взрослыми, взаимодействие ребенка с другими детьми, развивающая предметно-пространственная развивающая среда, отношение ребенка к миру, другим людям, самому себе.

Выдвигаемые ФГОС ДО требования к деятельности педагогических работников и образовательной среде ДОУ подчеркивают взаимосвязь между характеристиками образовательной среды и психическим здоровьем, а также эмоциональным благополучием ребенка, как ее субъекта. Известно, что основной угрозой для психического здоровья ребенка

является психологическое насилие. И.А. Баева называет состояние, свободное от проявления психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников психологической безопасностью образовательной среды» [2, с. 65].

Из вышесказанного следует, что субъекты психологически безопасной образовательной среды рассматривают эффективное личностно-доверительное общение как норму и воспринимают любые проявления физического или психологического насилия как «ненорму».

И.А. Баева выделяет следующие критерии психологической безопасности образовательной среды:

1. Защищенность от психологического насилия во взаимодействии для всех участников образовательной среды

2. Референтная значимость образовательной среды, фиксируемая как отношение к ней, другими словами, желание субъектов образовательной среды быть ее частью.

3. Уровень удовлетворенности основными характеристиками процесса взаимодействия» [1, с.167].

В работах М.А. Галагузовой, Р.В. Овчаровой, С.А. Беличевой говорится о том, что девиантное поведение дошкольников старшего возраста выступает одним из проявлений социальной дезадаптации ребенка. П.Б. Ганнушкин, в свою очередь, выделяет склонность к дезадаптации как один из признаков поведенческой патологии.

Согласно социологическому подходу, источниками девиации являются социальное неравенство в обществе, различия в возможностях удовлетворения потребностей для разных социальных групп.

М.Ю. Бурькина к базальным потребностям дошкольников относит: потребность во впечатлениях, в доброжелательном внимании, в привязанности и принятии, подражании, контакте с окружающими людьми, в восприятии, понимании другого человека, идентификации и самосознании, в сопереживании, в признании и поддержке, в уважении, во взаимопонимании, в самовыражении, в одобрении» [4, с.3]. Психологически безопасная образовательная среда предполагает удовлетворение всех этих базальных потребностей дошкольников во время пребывания в ДОУ.

Выводы. Психологически безопасная образовательная среда ДОУ является мощным ресурсом эмоционального благополучия ребенка, как ее субъекта. Такая образовательная среда демонстрирует и формирует нормы поведения ее субъектов, модели конструктивного общения и безопасного и эффективного разрешения конфликтов. Формируется микросоциум, правила и нормы которого ребенок усваивает и интроецирует, формируя при этом понятие внутренней нормы. Такие показатели психологической безопасности образовательной среды, как референтная значимость, защищенность от психологического насилия и удовлетворенность ее субъектов характеристиками среды является профилактикой одной из причин девиантного поведения, согласно социологическому подходу: протеста против несправедливого общественного устройства. При формировании психологически безопасной образовательной среды принимаются во внимания возрастные особенности детей, одной из задач является удовлетворение базовых потребностей дошкольников, в частности, потребности в доверительном общении.

Аннотация. В данной статье девиантное поведение дошкольников рассматривается как одно из проявлений социальной дезадаптации ребенка. При изучении причин девиантного поведения детей наряду с биологическими и генетическими факторами особое место занимают социальные факторы, под воздействием которых формируется склонность ребенка к девиантному поведению. Формирование психологически безопасной образовательной среды в дошкольных образовательных учреждениях способствует формированию и закреплению у ребенка эффективных и безопасных моделей коммуникации субъектов образовательной среды и разрешения конфликтных ситуаций. Таким образом у

дошкольника формируется понятие нормы и закрепляются принятые в психологически безопасной образовательной среде поведенческие модели, которые ребенок сможет применять при переходе на следующий (школьный) этап развития.

Ключевые слова: девиантное поведение дошкольников, психологическая безопасность образовательной среды, образовательная среда дошкольного образовательного учреждения

Annotation. In this article, the deviant behavior of preschool children is considered to be one of the signs of social maladjustment of the child. In the study of the causes of deviant behavior of children, along with biological and genetic factors, a special place is occupied by social factors, under the influence of which the child's tendency to deviant behavior is formed. Formation of psychologically safe educational environment in preschool educational institutions contributes to the formation and consolidation of the child's effective and safe communication models of subjects of the educational environment and effective conflict resolution. This is how the preschooler can form the concept of norms and apply adopted in a psychologically safe educational environment behavioral models after the transition to the next (school) stage of development.

Keywords: deviant behavior of preschool children, psychological safety of the educational environment, educational environment of preschool educational institution.

Литература:

1. Baeva I.A., Zinchenko U.V., Laptev V.V., (2016). Psychological resources of modern Russian adolescents' resilience to violence in the educational environment // Psychology in Russia: State of the Art, 9(3), 2016, с. 159-172.

2. Баева И.А. Оценка и сопровождение безопасности образовательной среды школы как условие развития и формирования личности // Известия РАО № 2 (38) 2016, с. 64-74.

3. Психологическая безопасность образовательной среды региона: теоретические основы и практика создания (Монография) / колл. авторов; под науч. ред. И.А. Баевой, С.В. Тарасова. – Гатчина: Издательство ГИЭФПТ, 2019. – 174 с.

4. Бурыкина М.Ю. Личностные потребности детей и подростков: гармония и дисгармония (Монография) / М.Ю. Бурыкина. – Брянск: Курсив, 2009. – 157 с.

5. Менделевич В. Д. Девиантное поведение детей и подростков. – М., 2006, – 288 с.

УДК 364.146

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РИСКОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ, ВЫЗВАННЫХ ДЕВИАНТОГЕННЫМ ВЛИЯНИЕМ ЦЕННОСТЕЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Кулишов Владимир Валентинович,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры общей и социальной педагогики

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

г. Краснодар

Постановка проблемы. Массовая культура является фактором социализации современного ребенка. Несмотря на широкое распространение ценностей массовой культуры в современном российском обществе, в педагогике до сих пор не исследованы характеристики субъектов педагогического процесса, оказавшихся в орбите влияния массовой культуры. Массовая культура как атрибут педагогической реальности воздействует на социально-психологическую сферу ребенка не как обстановка, а как фактор его социализации и развития, однако педагогизация этого понятия до сих пор не осуществлена.

Не установлены методологические ограничения в построении эффективных систем предупреждения девиантогенного влияния массовой культуры на растущего человека.

Целью статьи является выявление методологических проблем построения эффективных систем предупреждения девиантогенного влияния массовой культуры на растущего человека.

Изложение основного материала исследования. Одним из проявлений глобального кризиса, переживаемого сегодня человечеством, можно считать кризис в области современного образования. Педагогические усилия прошлого века так и не породили нового типа человека, превосходящего человека прежних веков в духовном и умственном развитии. Известные педагогические концепции, претендовавшие не так давно на принципиальную новизну и эффективность, утратили свой созидательный и вдохновляющий потенциал. Многочисленные попытки реформировать образование привели в конечном итоге лишь к изменению его внешних организационных форм [2].

Этот кризис имеет разные уровни проявления – ценностно-смысловой, целевой, содержательный, технологический и результативный. Одной из его граней является неспособность педагогов видеть эти социокультурные вызовы современности и адекватно на них реагировать. Современный кризис образования протекает на фоне массового отказа от идеалов единой европейской культуры с единым типом рациональности. На смену ей приходит реальность, опирающаяся на манифесты постмодернизма, неофрейдизма и радикального гедонизма.

Сегодня можно заметить отсутствие интереса в педагогике к одному из самых противоречивых феноменов нашего времени – массовой культуре, о которой так настойчиво в последние два десятка лет говорят и пишут философы, социологи и антропологи [1].

В историко-гносеологическом аспекте феномен массовой культуры исследован в рамках философского, социологического и культурологического научных дискурсов. Поэтому, очевидно отсутствие единства в определении и трактовках этого явления среди исследователей (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Н.А. Бердяев, В. Паретто, Д.С. Мережковский, С.Л. Франк, Х. Ортега-и-Гассет, Н.К. Михайловский, З. Фрейд, Г. Лебон, Г. Тард, Э. Фромм, Р. Мертон, П.А. Сорокин, Д. Белл, Э.Тоффлер, М. Кастельс, Р. Инглхарт, А. Этциони, Э. Гидденс, Дж. Ритцер, У. Эко, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, П. Клоссовски, Т.А. Хагуров). Эти различия обусловлены различной предметной ориентацией их авторских концепций. Несмотря на различия в толковании, тем не менее можно выделить инвариантное ядро различных определений этого понятия. Практически во всех определениях подчеркивается, что массовая культура обладает рядом специфических девиантогенных признаков: упрощением и вульгаризацией ценностно-смысловой сферы культуры; ориентацией представлений и образов на запросы «среднего человека», унификация стандартов жизни и отношений между людьми; ограничение культурного горизонта границами утилитарно-гедонистических интересов; направленность социальной информации на развлечение и упрощенные переживания; эстетизация негативного и натурализм изображении реальности; доминирование идеологии пассивности, вседозволенности, пошлости и китча; дегуманизация и деиндивидуализация, отношение к человеку как к средству, эксплуатация его чувств; культ силы и социальной успешности; мифологизация и манипулирование массовым сознанием; культ моды; снижение «качества человеческого капитала», формирование установок безвольности, радикального гедонизма и эгоизма.

Необходимость педагогизации понятия массовая культура нам представляется актуальным по следующим причинам:

- несмотря на широкое распространение массовой культуры в современных обществах, в педагогике до сих пор не исследованы характеристики субъектов педагогического процесса, оказавшихся в орбите влияния массовой культуры;

- массовая культура как атрибут педагогической реальности воздействует на социально-психологическую сферу ребенка не как обстановка, а как фактор его социализации и развития;

- девиантогенная составляющая массовой культуры трансформирует смысловую саморегуляцию растущего Человека, существенно изменяя его отношение к явлениям действительности;

- массовая культура порождает дисфункции процессов социализации и социального контроля, которые могут изменить качество социокультурного капитала российского общества.

Исследования влияния массовой культуры на социализацию и воспитание подростков (исследования проводилось с 2006 по 2018 годы в 46 образовательных организациях Краснодарского края под руководством НИИ Проблем образования ФППК КубГУ) позволили установить, что массовая культура порождает целый ряд явлений, несущих угрозы благополучию и самоактуализации подростков, дегуманизирующие ход и деформирующие результаты их социализации и воспитания. К этим явлениям можно отнести: «модус обладания» (Э. Фромм) [6]; препятствия самоактуализации в виде комплекса характеристик «снижение человечности» (А. Маслоу) [4]; комплекс характеристик, объединенных понятием «человек-потребитель» (Т. Хагуров) [7]; комплекс характеристик «Moral insanity» (Л.С. Выготский); аномия; образовательные симулякры (П.А. Амбарова) [3].

Понимание сути происходящих перемен служит ключом к пониманию смыслов и перспектив развития образования двадцать первого века. В этой связи, перед социальной педагогией встает вопрос – какую позицию она должна занять по отношению к изменениям в человеке, ввергнутом в пространство массовой культуры? Как понимать природу этого феномена: педагогически обеспечивать этот процесс или рассматривать этот новый модус развития человека как отклонение от нормы человеческого качества (девиацию) и искать педагогическое содержание, пути и инструменты, обеспечивающие реализацию полноты человеческого качества в социокультурном пространстве современного мира?

Помощь в таких сложных вопросах социальная педагогика всегда находила науках, исследующих феномены девиантности. Однако, анализ методологических оснований ведущих теорий девиантности показывает ограниченность их теоретико-методологического аппарата для удовлетворительного объяснения этого феномена [7].

Действительно, биологический подход обладает существенными ограничениями в познании сложных социокультурных феноменов вообще, а феноменов девиантогенности культурно-антропологических процессов, в частности.

Психологические и социологические подходы обладают ограниченными возможностями в силу свойственным им релятивизма и редукционизма. Релятивизм проявляет себя как отказ от ценностных суждений, ограничивая область применения теорий нормами второго порядка без выхода на концептуальные обобщения относительно «патологичности» или «нормальности» практики. Редукционизм понимается как сужение объектно-предметной области девиантологической теории, проявляющееся там, где в поле зрения исследователя попадает не собственная проблема «норма/отклонение», а одна из проекций этой проблемы – «адаптация/дезадаптация» (для психологических подходов); «соответствие/несоответствие распространенным в данный момент образцам» (для социологических теорий) [7]. В этом случае, сложная и многогранная проблема, требующая комплексного анализа, сводится к одному из своих аспектов.

В этой связи, можно зафиксировать весьма любопытную с методологической и гносеологической точек зрения ситуацию, в которой сегодня невольно оказывается социальная педагогика. С одной стороны, очевидна девиантность и даже некая патологичность той культуры, которая воздействует на современного ребенка, девиантность порождаемого ею антропологического типа человека; с другой стороны, эту «ненормальность» в рамках привычных нам биологических, социологических и психологических концепций девиантности мы не можем ни обосновать, ни объяснить, поскольку обобщенного понимания нормы, восходящей к онтологии человечества и общества, эти концепции не предполагают.

Выводы. Социальная педагогика находится сегодня перед непростым выбором: либо признать симптомы распространения массовой потребительской культуры «нормальными», то есть совпадающими с интенциями культуры, а значит отказаться от попыток судить о них, либо попытаться найти основания возможной методологии изучения и объяснения феноменов современного мира в девиантологическом ракурсе. Решение этой задачи позволит в дальнейшем социальной педагогике найти тот не простой путь, который сможет обеспечить «экологию души» растущего Человека в социокультурном пространстве современного мира, на основе совокупного научного знания прошлых веков составить интегрированное педагогическое представление о полисистемной организации человека как целостности, где линией интеграции станет его движение к самому себе, к самоосуществлению и самоактуализации, построить целостный контекст понимания природы человека как педагогического феномена [2]. В смысловом отношении – это задача вытеснения, замещения, преобразования разрушительного, животного, асоциального, агрессивного – внечеловеческого в структуре личности человека, в системе ее жизнедеятельности, заполнение смысловой пустоты бытия, смещение доминанты поведения в плоскость Человечности.

Аннотация. Статья посвящена анализу методологических ограничений при построении эффективных систем профилактики рисков социализации детей в условиях массовой культуры. Статья содержит обоснование необходимости педагогизации понятия «массовая культура».

Ключевые слова: массовая культура, девиация, социализация, методология, развитие

Annotation. The article is devoted to analysis of methodological limitations in building effective risk prevention systems of socialization of children in situations of mass culture. The article contains a justification for pedagogization of the concept of "popular culture".

Keywords: popular culture, deviation, socialization, methodology development

Литература:

1. Аверинцев С.С., Араб-Оглы Э.А., Ильичев Л.Ф. (ред.) *Философский энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с. – URL: <http://diclist.ru/slovar/filosofskiy/o/massa.html>).
2. Колесникова И.А. *Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. Курс лекций по философии педагогики*. – СПб.: ДЕТСТВО – ПРЕСС, 2001. – 288 с.
3. Литвинова Е.Н. *Массовая культура и массовая коммуникация в современном информационном пространстве: к проблеме взаимодействия // Знание. Понимание. Умение*. – 2010. № 1. – С. 195-199.
4. Маслоу А. *Новые рубежи человеческой природы*. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
5. Орнатская Л.А. *Массовая культура и «дух эпохи» / Российская массовая культура конца XX века: Материалы круглого стола. 4 декабря 2001 г. Санкт-Петербург*. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 2001.
6. Фромм Э. *Иметь или быть? : Пер. с англ./ Общ. ред. и посл. В.И. Добренъков*. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1990. – 336 с.
7. Хагуров Т. А. *Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа*. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – 328 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В
ВОИНСКОЙ СРЕДЕ**

Купач Тамара Юрьевна,

доктор педагогических наук, старший преподаватель 31 кафедры
3 авиационного факультета (бомбардировочной и штурмовой авиации)
Краснодарского ВВАУЛ г. Борисоглебск (Воронежская область)

Кондрашов Сергей Александрович,

преподаватель 31 кафедры 3 авиационного факультета
(бомбардировочной и штурмовой авиации) Краснодарского ВВАУЛ
г. Борисоглебск (Воронежская область)

Шкуров Александр Вячеславович,

преподаватель 31 кафедры 3 авиационного факультета
(бомбардировочной и штурмовой авиации) Краснодарского ВВАУЛ
г. Борисоглебск (Воронежская область)

Рязанов Алексей Алексеевич,

курсант 3 авиационного факультета
(бомбардировочной и штурмовой авиации) Краснодарского ВВАУЛ
г. Борисоглебск (Воронежская область)

Постановка проблемы. Актуальные технологии профилактики девиантного поведения в воинской среде являются основополагающими в содержании всей подготовки воспитательно-образовательного процесса будущих офицеров-лётчиков. Теоретический анализ различных литературных источников позволил нам предположить, что: одной из самых главных технологий профилактики девиантного поведения в воинской среде является пропаганда здорового образа жизни; к девиантному поведению в воинской среде можно отнести алкоголь, наркотики, табакокурение и т.д.

Целью статьи является теоретико-методологическое обоснование проблемы применения технологий профилактики девиантного поведения курсантов в воинской среде.

Изложение основного материала исследования.

Современный этап реформирования системы высшего военного образования характеризуется приведением ее в соответствие с изменениями, которые происходят в государственно-политическом и социально-экономическом устройстве страны. Это связано в первую очередь с обновлением и укреплением оборонной мощи российского государства; реформированием всей системы высшего военного образования; созданием новых систем стратегического оружия дальнего поражения; обеспечения условий безопасности и здоровья военнослужащих.

Свои ожидания от военного образования общество связывает с разработкой новых технологий профилактики девиантного поведения молодёжи, влияния на развитие всей системы профессиональной подготовки военных, динамично меняющийся социум, на совершенствование социально оздоровительной политики государства в целом.

Обобщённый научно-исследовательский анализ позволяет выявить тот факт, что образ жизни современной молодежи призывного возраста не соответствует требованиям сохранения и укрепления здоровья, что собственно снижает оборонный потенциал страны. Поэтому так важно принять радикальные меры по сохранению здоровья подрастающего поколения. Отсюда так важно изучения проблемы одной из самых главных технологий: здоровый образ жизни – как условие профессиональной подготовки будущего военного летчика.

Решение данной проблемы особенно актуально в период реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации, хотелось бы отметить, что разработка и появление качественно новых образцов вооружения и военной техники диктуют

необходимость высокого уровня развития личностно – профессиональных качеств выпускников военных вузов. Формирование здорового образа жизни у курсанта – летчика в процессе военно-образовательной деятельности позволяет ему самосоциализироваться, раскрыть природный и физический потенциал, реализовывать личностные качества, познать свое личностное «Я» и тем самым достичь уровня самосовершенствования.

Технология – совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата. Технология включает в себя способы работы, её режим, последовательность действий. Технология является сравнительно новым, многогранным термином, точное определение которого ускользает из-за постоянного развития смысла этого понятия, как самого по себе, так и взятого в отношениях с другими, такими же широкими понятиями: культура, общество, политика, религия, природа.

В Толковом словаре русского языка предлагается следующее определение: «Здоровье – это нормальное состояние правильно функционирующего организма» или «Правильная нормальная деятельность организма» (стр.138,187). Здоровье – явление самостоятельное и многоаспектное, требующее глубокого, непредвзятого исследования, поэтому так важно разработать на современном этапе концепцию здоровья и создать гипотетическую модель здоровой личности, которая стала бы ориентировочной основой для изучения здорового образа жизни в целом.

Уже Ибн Сина (Авиценна) подчеркивал необходимость не только изучения и лечение болезней, но и научного постижения основ здоровья, тщательного исследования «режима (образа жизни) здоровых людей». Он выделил в медицинской науке две части – теоретическую и практическую. Последняя, в свою очередь, также включает две составляющие. Это, во-первых «изучение режима здоровых тел» – раздел, посвященный вопросам сохранения здоровья или «наука сохранения здоровья».

Жизненный уклад будущего лётчика можно представить в виде открытой системы, имеющей функционально-структурные компоненты и технологии. Из основных структурных компонентов можно выделить: клинический, психический и физический статусы, которые оказывают определяющие влияние на функциональное состояние физических и психических качеств и функциональной устойчивости лётчика. На эти качества лётчика влияют отбор, условия, организация и средства профессиональной деятельности. Важнейшим условием профессиональной надежности является профессиональная подготовка. Важным выступает высокий уровень профессионального здоровья, тем самым обеспечивается высокая профессиональная надежность.

Помимо этого, здоровый образ жизни будущего лётчика включает в себя следующие основные элементы: рациональный режим обучения и отдыха, искоренение вредных привычек, оптимальный двигательный режим, личная гигиена, закаливание, рациональное сбалансированное питание и т.д.

Рациональный режим обучения и отдыха. При правильном и строго соблюдаемом режиме устанавливается чёткий и необходимый ритм функционирования организма, что создает условия, как для обучения будущего лётчика, так и для отдыха и тем самым способствует укреплению здоровья. Здесь важно отметить: если начало процесса умственной деятельности было удачным, то последующие операции протекают ровно, непрерывно, без срывов. Курсант должен планировать своё время. Он может ежедневно сэкономить два часа и потратить их на отдых, самообразование, хобби и т.д.

Процесс обучения строится на аудиторных занятиях, которые регламентированы расписанием. Для вечерних самостоятельных занятий курсант выбирает не шумные помещения (библиотека, аудитория, кабинет), в котором желательно, чтобы не было громких разговоров и других отвлекающих моментов. Во время занятий и самостоятельной подготовки не рекомендуется включать громко радио, магнитофон, телевизор. Основным условием для выполнения домашней работы является подготовка, начиная с изучения сложного материала и постепенного перехода к облегченному (от сложного к простому). Все это тренирует и укрепляет мышление, волю.

Благоприятно организованный процесс обучения способствует укреплению нервной системы, сердечно-сосудистой, а также влияет на костно-мышечный аппарат. Организация физической подготовки в вузе способствует укреплению тела. Помимо этого курсант должен и правильно чередовать как труд, так и отдых. Здесь отдых не означает полный покой. Только при очень большом утомлении (наряд, большие физические нагрузки) может быть предложен пассивный отдых. Курсант должен знать, что чередование физических и умственных нагрузок полезно для здоровья, а также должен избегать переутомления от однообразной работы.

Следующим этапом здорового образа жизни будущего лётчика является искоренение вредных привычек курение, алкоголь, наркотики.

Курение – одна из самых вредных привычек. Широко распространены мифы о курении (курение не вредно; когда я курю, у меня повышается работоспособность; если я наносу вред, то только себе), играющие роль «психологической защиты» и служащие средством самооправдания. Ущерб, вызванный использованием табака на организм курсанта лётчика, включает заболевания, поражающие сердце и легкие: курение является одним из основных факторов риска развития сердечных приступов, инфарктов, хронической болезни лёгких, эмфиземы и рака. Под влиянием табака мышечная сила снижается, также понижается умственная работоспособность. Действие никотина на органы дыхания приводит к раздражению слизистых оболочек, вызывая в них воспалительные процессы, сопровождаемые различными негативными проявлениями (кашель, выделение мокроты).

Исходя из вышеизложенного следует, что влияние курения на организм курсанта лётчика не совместимо с его профессиональным долголетием и работоспособностью.

Проблема алкоголизма является одной из проблем современных Вооруженных Сил. Достаточное количество людей, которые служат в рядах Вооруженных Сил, злоупотребляют алкоголем. Вооруженным Силам для защиты Родины нужны здоровые и психологически крепкие люди, которыми не могут быть страдающие алкогольной зависимостью. Употребление алкоголя военнослужащими может привести к печальным последствиям, потому что в руках людей в погонах находится оружие. Если это оружие попадет в руки к человеку, который после определенной дозы алкоголя перестает контролировать свои действия и поступки, то можно предположить к чему это приведет.

Стиль жизни военнослужащего, связанный с употреблением алкоголя, неизбежно приводит к утрате профессиональной активности. Снижается качество жизни военнослужащего, профессиональные и жизненные ориентиры искажаются, возникает конфликтный характер взаимоотношения с обществом.

Наркомания – это заболевание, которое возникает в результате употребления наркотических средств и психотропных веществ, вызывающих в определённых дозах одурманивание или наркотический сон.

Наркомания характеризуется непреодолимым влечением к приёму наркотиков, тенденцией к повышению принимаемых доз, формированию психической (психологической) и физической зависимости от наркотика. Так формируется наркотическая зависимость.

Систематическое употребление наркотиков приводит к резкому истощению организма, изменению обмена веществ, психическим расстройствам, ухудшению памяти, появлению стойких бредовых идей.

Рассмотрим подробнее влияние наркотических средств на состояние военнослужащих лётного состава. Среди причин этих негативных явлений основными можно считать:

- ухудшение моральных устоев;
- низкий уровень жизни, необустроенность, неуверенность в завтрашнем дне, безысходность и социальная незащищенность военнослужащих;
- подрыв престижа военной службы, нехватку кадров, плохой подбор личного состава, особенно военнослужащих по контракту;
- выполнение служебно-боевых задач в условиях повышенной психической напряженности, часто связанных с риском для жизни;

- некачественную организацию воспитательной работы, антинаркотической пропаганды, культурного досуга военнослужащих;

- личную недисциплинированность, безответственность отдельных военнослужащих.

Требование Устава внутренней службы Вооружённых Сил гласит о том, что *«трезвый образ жизни должен быть повседневной нормой поведения всех военнослужащих»*.

Физическая подготовка является одним из главных факторов приобщения курсантов к здоровому образу жизни, поскольку она:

- обеспечивает гармоническое физическое и духовное развитие;

- способствует развитию и поддержанию таких физических качеств у курсанта как выносливости, силы быстроты ловкости;

- формирует навыки в передвижении по пересеченной местности в пешем порядке и на лыжах, преодолении естественных и искусственных препятствий, рукопашного боя, военно-прикладного плавания;

- способствует повышению устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов военно-профессиональной деятельности и окружающей среды;

- воспитывает психическую устойчивость, уверенность в своих силах, целеустремленность, смелость и решительность, инициативу и находчивость, настойчивость и упорство, выдержку и самообладание;

- формирует готовность курсантов к перенесению экстремальных физических и психических нагрузок в период подготовки и ведения боевых действий.

Оптимальный двигательный режим. Двигательная активность (деятельность) является обязательным и определяющим фактором, обуславливающим разворачивание структурно-функциональной генетической программы организма в процессе индивидуального возрастного развития. Правильное чередование работы, отдыха, питания, тренировки и сна очень важно для полноценного функционирования организма курсанта лётчика. Двигательная активность положительно влияет на уровень обменных процессов, функцию внутренних органов, объем мышечной ткани, увеличение жизненной емкости лёгких, состояние сердечно-сосудистой системы организма человека. Общеизвестно, что рациональная физическая активность, приводя к увеличению мощности и стабильности механизма общей адаптации за счёт совершенствования функций ЦНС, восстановительных процессов, позволяет поддерживать состояние здоровья и трудоспособность на высоком уровне.

Физические упражнения, являются важным условием профилактики и сохранения здоровья. Недостаток движения – гипокинезия – вызывает целый комплекс изменений в функционировании организма, который принято обозначать как гиподинамию.

Современная учеба и автоматизированное производство создают выраженное эмоциональное напряжение, которое не сопровождается активной двигательной деятельностью. Гипокинезия уменьшает силу и выносливость мышц, снижает их тонус, уменьшает объем мышечной массы, красных и белых мышечных волокон, ухудшает координацию движения, приводит к выраженным функциональным изменениям: учащаются сердечные сокращения, уменьшается ударный и минутный объем кровообращения, а также объем циркулирующей крови, сокращается емкость сосудистого русла, замедляется время общего круговорота крови.

Исходя из вышесказанного следует, что применение таких форм физической подготовки, как утренняя физическая зарядка, учебные занятия по физической подготовке, спортивно-массовая работа, самостоятельная физическая тренировка является важным фактором оптимальной двигательной активности курсанта лётного училища для качественного выполнения задач связанных с повседневной жизнедеятельностью, а также подготовки организма к выполнению специфических задач связанных с военной службой.

Следующим элементом здорового образа жизни лётчика является соблюдение личной гигиены. Каждый военнослужащий должен заботиться о сохранении своего здоровья, не скрывать болезней, строго соблюдать правила личной гигиены.

Выполнение правил личной гигиены включает:

- утреннее умывание с чисткой зубов;
- мытье рук перед приемом пищи;
- умывание, чистку зубов и мытье ног перед сном;
- своевременное бритье лица, стрижку волос и ногтей;
- принятие гигиенического душа;
- помывку в бане не реже одного раза в неделю со сменой нательного и постельного белья, портянок (носков);
- содержание в чистоте обмундирования и постели.

Прическа военнослужащего, усы, если они имеются, должны быть аккуратными, отвечать требованиям гигиены и не мешать использованию средств индивидуальной защиты и ношению снаряжения.

Закаливание и физическое совершенствование способствуют повышению устойчивости организма к неблагоприятным факторам окружающей среды и к военной службе. Оно должно проводиться систематически путем использования водных, воздушных и солнечных факторов в сочетании с занятиями физической подготовкой и спортом.

Рациональное сбалансированное питание. Очень важным является режим питания и питьевой режим. Несоблюдение их в ряде случаев может привести к снижению работоспособности, а грубые нарушения даже к заболеваниям. Питание должно быть достаточным по количеству, т.е. обеспечивать восполнение энергетических затрат организма, и качественно полноценным, т.е. обеспечивать доставку в организм необходимых для его жизнедеятельности веществ – белков, жиров, углеводов, витаминов, минеральных солей. Пища должна быть вкусной и привлекательной на вид.

Существующие нормы питания военнослужащих лётного состава научно обоснованы и обеспечивают необходимые потребности организма. Однако в некоторых случаях, например при интенсивной тренировке спортсменов, необходимо увеличивать их пищевой рацион и повысить витаминную насыщенность питания.

Весьма важным для сохранения здоровья и работоспособности является и сам режим питания. Пищу следует принимать всегда в одно и то же время в соответствии с распорядком дня. Нарушение регулярности питания ухудшает усвоение питательных веществ в организме и может даже привести к заболеваниям органов пищеварения.

Особое значение режим питания, труда и отдыха приобретает для лётного состава. Рационально организованное питание лётного состава должно способствовать укреплению здоровья и повышению работоспособности курсантов лётчиков, но оно требует специального режима. Известно, что вся повседневная деятельность лётного состава связана с относительно небольшими энерготратами. Она характеризуется малой двигательной активностью и нагрузками преимущественно статического характера, что, в свою очередь, определяет целый ряд изменений в физическом состоянии лётного состава. При этом характерно нарастание избыточного веса у лётчиков, что приводит к ухудшению их работоспособности, снижению общего тонуса организма, мышечной силы, выносливости и др., а следовательно, и преждевременному отстранению от лётной работы по состоянию здоровья. Поэтому соблюдение режима питания, труда и отдыха является обязательным условием лётного долголетия.

Выводы. Актуальность проблемы технологий профилактики девиантного поведения в воинской среде связана со сложностью, многоуровневым характером и консерватизмом данного явления, его негативным влиянием на систему подготовки будущих офицеров-лётчиков.

Исследование актуальных технологий профилактики девиантного поведения в воинской среде является одним из базовых условий оптимизации профессиональной подготовки будущего летчика, требует опредмечивания наиболее общих социально-психологических, социокультурных и индивидуально-личностных детерминант, являющихся

элементами (уровнями) единой системы подготовки военных специалистов. На основании вышесказанного следует заключить:

- подготовка компетентных военных специалистов, имеющих базовые знания о здоровом образе жизни, является актуальным направлением в подготовке выпускников курсантов военного вуза;

- в системе подготовки будущих офицеров следует уделять особое внимание формированию здорового образа жизни и восприятию здоровья как первоочередной жизненной целостности;

- в процессе личностно-профессионального становления в военном вузе, феномен здорового образа жизни должен рассматриваться как важное условие успешной самостоятельной военно-профессиональной деятельности офицера-выпускника.

Аннотация. В статье раскрываются технологии профилактики девиантного поведения в воинской среде. Актуальные технологии предотвращения девиантного поведения в военной среде являются основополагающими в содержании всего процесса обучения будущих офицеров-пилотов.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, алкоголизм, наркотики, табакокурение, девиантное поведение, здоровье будущего лётчика.

Annotation. The article reveals technologies for the prevention of deviant behavior in the military environment. Actual technologies for the prevention of deviant behavior in the military environment are fundamental in the content of the entire training of the educational process of future officer-pilots.

Key words: healthy lifestyle, alcoholism, drugs, smoking, deviant behavior, health of the future pilot.

Литература:

1. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: изд. Центр «Академия», 2010.

2. Теоретические основы физической подготовки личного состава военно-воздушных сил. Учебное пособие. Военное издательство Министерства обороны СССР. - М., 1997.

3. Большова Т.Е. Военнослужащие // Российская энциклопедия социальной работы. - М., 1997.

4. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. – М., 2007.

УДК 376.5

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ШКОЛЕ

Лазарева Ирина Владиленовна,

педагог-психолог

ГБОУ «Школа № 626 им. Н.И. Сац», г. Москва

Волком Михаил Александрович,

инструктор по физической культуре

ГБОУ «Школа № 626 им. Н.И. Сац», г. Москва

Постановка проблемы. Проблемы девиантного поведения подростков в современном обществе является одной из актуальных тем. Ребёнка воспитывает среда, в которой он взрослеет. Решать эту проблему желательно по месту проживания подростка, в кругу его ближайшего окружения. Сначала, несомненно, это семья, родители. По мере

взросления ребёнка расширяется и воздействие окружающей среды, доступной ему. Школа является одним из главных мест, где происходит становление личности индивида, проходит его детство, юность. Поэтому именно в школе необходимо создавать среду, в которой можно отслеживать отклонения в эмоциональном состоянии подростка, негативные изменения в поведении и оказывать необходимую помощь, имея возможность влияния на многие факторы его жизни. Прежде всего, это взаимодействие с семьёй подростка, доверительные беседы с психологом, а самое главное – привлечение детей и подростков к спорту, где есть возможности развивать потребность в здоровом образе жизни, физически самосовершенствоваться, реализовывать потребность в достижении успеха, что позволяет укрепить положительную самооценку. В совокупности всё это создаёт предпосылки для улучшения психоэмоционального самочувствия подростка и, как следствие, оптимального вхождения в социум.

Целью статьи является теоретическое обоснование модели профилактических мероприятий при взаимодействии с подростками, попавшими в сложную жизненную ситуацию, которая может привести к социальным срывам, внеправовым поступкам, девиантному поведению.

Мы хотим подтвердить многие исследования в этой области, что спорт и физическая культура способствуют снижению уровня агрессии, перенаправлению её энергии на преодоление трудностей, достижение успеха.

Изложение основного материала исследования. Поиск оптимальных средств коррекции потребностно-мотивационной сферы детей и подростков с девиантным поведением является актуальным во все времена. Всем известны трудности взросления, становления личности, проблемы перехода от детства к взрослости.

Выготский Л.С. отмечал: «Сам по себе это возраст мощного подъёма, но вместе с тем возраст нарушенного, неустойчивого равновесия, возраст развития... и именно подъём, лежащий в основе этого возраста, делает его особенно критичным. Тоже самое явление, которое на путника, идущего по ровной дороге, не окажет заметного действия, может оказаться труднейшим препятствием, иногда опрокидывающим, для путника, идущего в гору...» [2, с.167].

Таким образом, задача тех, кто находится рядом с подростком в тот момент, когда ему нужна поддержка, увидеть это и вовремя помочь. Часто родители в период взросления своего ребёнка не справляются с появившимися проблемами. Как известно, для подростка общение с родителями уходит на второй план, часто с ними возникают напряжённые отношения, а иногда и просто избегание. Даже в благополучных семьях возникает такое взаимное непонимание, и, как следствие, давление со стороны родителей, что приводит к срыву в поведении подростка. Тогда чего можно ожидать в тех семьях, в которых не совсем благополучная обстановка, а то и просто асоциальная, связанная с излишним потреблением алкоголя родителями или одним из них, а так же с иными психоэмоциональными проблемами, приводящими к враждебным отношениям между детьми и их родителями. Подростковый возраст – это возраст смены авторитета, когда дети отдают предпочтение мнению группы, общению со своими сверстниками.

Быстрая возбудимость, частая смена настроений и физического состояния, которые возникают в организме в связи с функциональной перестройкой внутренних органов, влияют на самочувствие ребёнка не лучшим образом. Это так же становится основой отклонений в поведении на фоне личностных конфликтов, неудач и негативного влияния среды. Таким образом, вопрос отклоняющегося поведения у детей и подростков – это область изучения не только педагогики, психологии, криминалистики, социологии, но и медицины. В совокупности все факторы негативного внешнего влияния и внутренней физиологической разбалансированности, часто приводят к невротическим срывам, к формированию нездоровых внутренних мотивов, направленных на удовлетворение негативных, в том числе аномальных для данного возраста потребностей, таких как курение, алкоголь. Стремление самоутвердиться среди сверстников, подталкивает подростков с девиациями в поведении и на

совершение асоциальных поступков, проявление немотивированной агрессии. Как предположил Реан А.А., агрессивность, как устойчивая личностная характеристика, формируется у индивида вследствие наличия значительного социального опыта подавления возможностей реализации его актуальных личностных потребностей. Агрессивное же поведение формируется в детском и раннем подростковом возрасте в системе социального воздействия. Таким образом, агрессивное поведение является формой отреагирования физического и психического напряжения, стрессов, фрустрации или может выступать в качестве средства достижения какой-либо значимой цели, в том числе и повышения собственного статуса за счёт самоутверждения [6, с 8].

Именно поэтому спорт и физическая культура могут стать тем полем, где будет выплёскиваться избыточная агрессия подростков. М.Н. Жуков экспериментальным путём доказал, что занятия физической культурой в сочетании с психолого-педагогическим воздействием улучшают психофизическое состояние подростков, что способствует нормализации потребносто-мотивационной сферы и, как результат, поведения [5, с 12].

Оценив факторы, влияющие на проявление девиаций в поведении подростка и проанализировав возможные методы влияния на такое поведение, мы пришли к выводу, что необходимо развивать в школе дополнительное образование спортивного направления: кружки, клубы, секции.

В Государственной программе города Москвы «Спорт Москвы» от 28 марта 2017 г. N 119-ПП 0, внесены изменения в постановление Правительства Москвы от 20 сентября 2011 г. N 432-ПП, которые направлены на расширение возможностей обучающихся общеобразовательных организаций города Москвы и «возможность заниматься спортом в свободное от учебы время в школьных спортивных секциях, спортивных секциях по месту жительства, в спортивных школах».

В этом документе говорится: «Для сохранения положительной тенденции роста интереса у детей и молодежи к занятиям спортом следует продолжить работу по популяризации спорта и поддержке молодежных спортивных движений».

В Постановлении Правительства Москвы от 12 мая 2009г. «О совершенствовании системы физического воспитания и массового спорта среди детей и учащейся молодежи города Москвы» говорится: в целях привлечения детей, учащейся молодежи города Москвы к регулярным занятиям физической культурой и спортом, развития форм семейного досуга, обеспечить стопроцентное использование спортивных залов государственных образовательных учреждений Департамента образования города Москвы в будние дни, вечернее время и в выходные дни.

Опираясь на эти постановления, в нашей школе организованы в системе дополнительного образования спортивные кружки и секции по футболу, баскетболу, восточным единоборствам, танцам, гимнастике.

В основном это платные услуги, но администрация школы, учитывая интересы малообеспеченных семей, предлагает бюджетные места для детей, нуждающихся в социальной адаптации и коррекции поведения.

Перед школьным психологом стоит задача выявления детей с девиантным поведением, определение причин такого поведения, начиная уже с младшей школы. При исследовании причин девиантного поведения среди школьников используются различные методы.

Для диагностики отношений в семье применяются методики: «Анализ семейных взаимоотношений» (АСБ), «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафер, Шкала общения родителя с ребёнком А.И. Баркан, опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин) и др. Самим подросткам предлагается процедура самодиагностики по нескольким психологическим методикам: тест «Склонность к девиантному поведению» (СДП) Е.В. Леус, «Методика идентификации детей с родителями» (опросник А.И. Захарова), опросник социализации для школьников «Моя семья», «Методика незаконченных предложений» А. Пейна (в модификации С. Подмазина) для разных возрастных категорий.

Внимательное отношение к детям и подросткам, стремление к выстраиванию доверительных отношений позволяет школьному психологу определить уровень неуверенности, импульсивности, склонность к агрессивному поведению и обману, асоциальную замкнутость, тревожность.

Подростки, которых считают трудновоспитуемыми, очень отличаются направлениями стереотипной реакции на конфликтную ситуацию, что позволяют выявить такие тесты и опросники как: теппинг-тест, для изучения типа реагирования в конфликтной ситуации, тест фрустрации С. Розенцвейга, опросник Г. Айзенка.

Важно понять, кто из ближайшего окружения ребенка является для него наиболее авторитетным, кому доверяет, от кого ждет помощи. В этих случаях используют методики изучения социальной близости, в том числе и проективные тесты. Дети воспринимают их как игру, что дает возможность лучше понять проблемы школьника, чего не всегда можно достичь вербальным методикам. Достаточно информативными являются такие проективные методики, как «Дом, дерево, человек», «Рисунок семьи», «Несуществующее животное».

Немаловажным фактором для школьной социализации является выявление возможных нарушений в освоении школьной программы, в организации обучающего процесса, который зависит и от статуса учащегося в классе, и от его способностей, мотивации, и от индивидуальности учителей. В этом случае можно использовать методику «Направленность на отметку» (Е.П. Ильин, Н.А. Курдюкова), методику «Оценка силы волевых качеств» (Н.Н. Обозов), методику «Выявление уровня смелости» (Г.А. Калашникова), «Методику оценки уровня притязаний детей школьного возраста» (Т. Дембо и С.Я. Рубинштейн), Тест животных Рене Зазо, Тест школьной тревожности Б. Филипса, социометрия Дж. Морено и др.

Особенности характера ребёнка, его психо – эмоциональное состояние можно выявить при помощи методик, направленных на изучение самооценки личности по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. Исследование самооценки с помощью процедуры ранжирования проводятся по многофакторному личностному опроснику Р. Кеттела (юношеский вариант – 14 F), акцентуации характера выявляются по тесту-опроснику Шмишека, эмоциональное состояние диагностируется по методике цветовых выборов Люшера.

Анализ собранного материала даёт психологу возможность применения дифференцированного подхода, как к отдельному индивиду, так и к группе подростков. Совместная работа с инструктором по физической культуре и тренерами спортивных секций позволяют оптимальным образом подобрать подростку спортивное направление, а в дальнейшем взаимодействовать с ним, учитывая его индивидуальные особенности.

Мы знаем, что работа с подростками в группах предпочтительнее индивидуальной работы с ними, поскольку в этом возрасте сверстники играют важную роль в их жизни. Именно поэтому мы привлекаем подростков в коллективные виды спорта, такие как футбол и баскетбол.

Футбол или баскетбол – это те виды спорта, где формируются важные черты характера, развиваются многие навыки: умение общаться, работать на командный результат, способность выдерживать физическую нагрузку. Игра развивает координацию, ловкость и воображение, укрепляет физически, формирует определённый образ мышления, умение быстро реагировать и принимать решения [7, с 24]. Такие приобретённые качества полезны для достижения высоких результатов не только в спорте, но и в жизни.

Но для некоторых детей хорошо подходят спортивные единоборства. В нашей школе успешно работает секция Дзюдо. Эта одновременно боевое искусство и философия, формирующая свойства личности, необходимые для формирования нравственного сознания. Борьба развивает внимательность, смелость, решительность, терпеливость и настойчивость, нестандартность мышления, дисциплинированность.

У детей с девиантным поведением часто отмечается сниженная мотивация, низкая самооценка, настрой на проявление негативизма, да и просто отставание в физическом

развитии. Чаще всего это дети из семей асоциальных, где родители не надлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию детей [3, с 16]. Этим подросткам необходимо мотивировать к взаимодействию в процессе предварительной индивидуальной беседы. В такой беседе принимает участие психолог и инструктор по физической культуре. Привлекаются родители подростка, педагоги. Взрослым необходимо проявить особую гибкость при контакте с подростком, не использовать поучительную, менторскую позицию. Помимо сочувствия и тепла важно выразить уважение к подростку.

Познание подростком себя происходит в ходе групповой работы через соотнесение себя с другими, через восприятие себя другими (посредством обратной связи), через результаты собственной деятельности, через восприятие своего внешнего облика и внутренних переживаний [4, с 31]. И всё это возможно в спортивной секции, где, при определённых усилиях и мотивации, можно стать сильнее, независимее, успешнее, реализуя при этом свои основные потребности быть принятым, выплеснуть избыток агрессивной энергии, получить эмоциональное и физическое удовлетворение.

Условиями успешности коррекционной работы считают ее комплексность, последовательность, дифференцированность, своевременность, что особенно важно в работе с активно формирующейся личностью в подростковом возрасте.

А.Д. Гонеев отмечает, что сочетание индивидуального и коллективного педагогического и психологического воздействия, применение различных форм, методов и видов внеучебной деятельности в коррекционно-педагогической и психологической работе с подростками с отклоняющимся поведением усиливает её результативность, помогает сделать процесс преодоления недостатков в развитии личности и девиаций в поведении подростков реальным, действенным, а задачи по формированию положительных качеств его личности вполне осуществимыми [4, с. 48].

Занятия в спортивной секции предоставляет возможность подростку не только свободы выбора действия, но и создают условия для упражнения и тренировки определённых эмоционально-волевых и нравственно-поведенческих качеств, выполнения общепринятых требований, соблюдения норм межличностных отношений. Тренер спортивной секции, используя те или иные приёмы и методы педагогического воздействия в процессе тренировок, спортивных соревнований, влияет как на сознание, чувства, поведение, так и на развитие личности в целом. Комплексное применение методов делает их средством перестройки личностной системы подростков.

Параллельно с внеурочной воспитательной работой в спортивных кружках, и секциях, в рамках единого педагогического процесса, школьным психологом проводятся коррекционно-развивающие занятия в классах, где обучаются эти ребята, а также на специальных групповых и индивидуальных занятиях.

Немаловажная роль в работе с детьми с девиантными проявлениями уделяется семье.

Взаимодействие с семьёй повышает шансы изменения поведения детей. Необходимо сочетать прямое воздействие на семью – психологическое просвещение родителей, с опосредованным, которое осуществляется через самих подростков, через организацию совместной деятельности детей и взрослых. В нашей школе организуются совместные с детьми и родителями спортивные праздники «Мама, папа, я – спортивная семья», спортивные фестивали, сдача норм ГТО.

Выводы. В заключение можно отметить, что отношения взаимного доверия, принятия, любви являются прекрасной профилактикой асоциального поведения у несовершеннолетних. Важно помнить, что растущее поколение должно быть не только умным, знающим, но и отзывчивым, сопереживающим другим. Эти качества не появляются сами собой, они воспитываются. Главную роль в этом играет родительская любовь, не маловажную – поддержка, принятие и понимание значимым взрослым, которым становится для подростка тренер.

Климат в семье, взаимоотношения с ровесниками и педагогами в классе – все это влияет на ребенка. И если мы будем внимательно и осторожно относиться к детям, если

сможем вовремя заметить эмоциональное напряжение, возникшие трудности социализации, отгороженность и враждебность, то сможем во время помочь, направить на путь продуктивного развития. И этому во многом способствует спорт и физическая культура, помогая стать ловким, сильным, умелым, а так же получить важные навыки взаимопомощи, коллективной ответственности и успешности.

Важно понять, что чаще всего девиантное поведение проявляют дети из малообеспеченных, неблагополучных семей, где родительские обязательства выполняются в ненадлежащей мере, где родители не всегда могут или готовы финансово вкладываться в образование и развитие своих детей. Именно поэтому мы считаем, что спортивные кружки и секции в школе для таких детей должны быть бесплатными, на бюджетной основе.

Аннотация. В статье ставится задача, рассмотреть вариант организации работы в школе и по месту жительства с подростками, проявляющими девиации в поведении. Рассмотрен вариант организации в школе спортивных клубов и кружков на бюджетной основе совместно с работой психолога, а так же педагогов и родителей.

Ключевые слова: Девиантное поведение подростков и спорт. Варианты работы с подростками психолога и инструктора по физической культуре. Организация спортивных кружков и секций в школе.

Annotation. The task of this article is to consider an options of work organization in school and at home with deviant behavior of teenagers. In the article are different options of organization sports clubs and additional classes based on budgetary framework collectively with a psychologist and teachers, and parents.

Keywords: Deviant behavior of teenagers, sport. Different variants of work a psychologist and a sports teacher with kids. Organization of sports classes in school.

Литература:

1. Виноградов П. А Основы физической культуры и здорового образа жизни: Учеб. пособие для учеб. заведений / П.А. Виноградов, А.П. Душанин, В.И. Жолдак. – М.: Советский. спорт, 1996.
- 2 Выготский Л.С. Педология подростка: в 3 т. Под редакцией Д.Б. Эльконина – Т.2. Изд. М.: Педагогика, 2004.
- 3 Дидарова И.К. Методика занятий физической культурой с трудными подростками в условиях социально-реабилитационного центра: диссертация кандидата педагогических наук: 13.00.04 / Дидарова Ирина Казбековна; [Место защиты: Волгогр. гос. акад. физ. культуры]. – Волгоград, 2010. – 183с.
- 4 Гонеев А.Д. и др. Основы коррекционной педагогики: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / А.Д. Гонеев, Н.И. Лифинцева, Н.В. Ялпаева. Под ред. В.А. Сластенина. – 2-е изд., перераб. – М.: Изд. центр «Академия», 2002. – 272 с.
- 5 Жуков М.Н. Подвижные игры: Учеб. для студ. пед. вузов. – М.: Изд. центр «Академия», 2002. – 160 с.
- 6 Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. 1996. №5. – С. 3-18.
- 7 Сучилин А.А. Футбол во дворе / А.А. Сучилин – 2-е изд., доп. – М.: Физкультура и спорт, 1983.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮМОРА КЛАССНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ КАК ИНСТРУМЕНТА ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ СПО

Литинский Борис Борисович,

преподаватель истории
ГБПОУ «Московский многопрофильный техникум им. Л.Б. Красина»,
г. Москва

Постановка проблемы. В ходе организации в образовательной организации целостного педагогического процесса использование педагогом юмора выступает (может выступать) как эффективное психолого-педагогическое средство снятия психологического напряжения, психологической разрядки, создания творческого самочувствия и, в конечном итоге, способствовать эффективности педагогической деятельности. С помощью юмора педагог «ненасильственно управляет» групповыми настроениями в детской среде, создаёт условия для коллективно-творческого взаимодействия с учащимися, что снижает риски асоциальных проявлений в поведении и деятельности учащихся в образовательной организации и социальной среде, оптимизирует процесс профилактики и коррекции девиантного поведения детей и подростков. Практика показывает, что чем выше у участников педагогического процесса способность создавать и понимать юмор, использовать его для преодоления трудных ситуаций, тем менее выражены у них симптомы депрессии (сниженное настроение, низкая самооценка, безнадежное восприятие своего будущего), а также различные деструктивные проявления в жизнедеятельности учащихся.

Целью работы является рассмотрение юмора как педагогического средства эмоциональной поддержки учащихся и окружающих его коллег, теоретическое обоснование использования юмора классным руководителем как эффективного педагогического инструмента профилактики девиантного поведения в процессе общения с обучающимися.

Изложение основного материала исследования.

Современная система образования претерпела немало изменений, в частности большой акцент сделан на подготовке к олимпиадам и выпускным экзаменам. Мало внимания уделяется профилактике девиантного поведения и работе с обучающимися, находящимися на различных профилактических учётах.

В данном случае работа классного руководителя может выступать главным инструментом профилактики девиантного поведения. Классный руководитель в своей работе должен помогать обучающимся и решать различные возникающие проблемы. При работе классного руководителя можно использовать элементы юмора для предотвращения конфликтных ситуаций и профилактики девиантного поведения. В.А. Сухомлинский, говоря о связи педагогики и юмора, писал: «Способность видеть в нарушении дисциплины смешное и пристыдить смешным – в этом проявляется умение проникнуть умом и сердцем в духовный мир ребёнка» [5].

Юмор в работе классного руководителя может выступать в качестве профилактического инструмента девиантного поведения. Говоря о юморе, необходимо дать его определение.

Юмор – это педагогическое средство, в основе которого лежит осознание участниками коммуникаций различного вида несоответствий (между ожидаемым и случившимся, между видимым и реальным и т. д.), связанных с комическим эффектом, снимающее психологическое напряжение, способствующее созданию доброжелательных взаимоотношений [3].

М.И. Станкин писал: «Юмор – это свойство личности, компонент педагогических и управленческих способностей, важнейшее условие совместимости людей» [4]. По мнению автора, в воспитательном процессе юмор выполняет ряд функций:

1. Позволяет снять физическое и психологическое напряжение. Таким образом, агрессия у обучающихся, проявляющих девиантное поведение, уменьшается.

2. Акцентирует внимание на словах классного руководителя. В процессе общения классный руководитель может эффективнее донести до осознания обучающимся значимые образовательные и воспитательные смыслы своих слов.

3. Позволяет в деликатной форме сделать замечание учащемуся. При нарушении обучающимся правил жизнедеятельности в образовательной организации, именно шутка способна обратить внимание ученика на имеющиеся у него проблемы в поведении.

4. Создаёт основу для доброжелательных отношений между классным руководителем и обучающимся. При хорошем контакте между педагогом и учащимися количество нарушений будет уменьшаться.

5. Оказывает помощь в изучении характера обучающегося и причин девиантного поведения. С помощью юмора можно узнать причины асоциального поведения и таким образом быстрее разрешить возникшую в образовательной организации проблемную (для учащегося) ситуацию.

6. Формирует положительный имидж педагога. С педагогом, владеющим инструментом юмора, обучающиеся хотят общаться больше.

Таким образом, использование юмора в работе классного руководителя не только может предотвратить девиантное поведение, но и не порождает агрессию в ответ, тем самым позволяя разрешать возникающие конфликтные ситуации.

Задачей юмора в педагогической деятельности является демонстрация обучающимся позитивного типа мышления, а не использование злых насмешек и высмеиваний, особенно за счёт слабых [2].

Среди этических правил использования юмора в работе классного руководителя следует отметить:

- Не унижать обучающегося.
- Шутка должна нести элемент комического.
- Соблюдать субординацию, не переходя в панибратство.

Юмор в работе классного руководителя противопоставляется авторитарному педагогическому взаимодействию. Он позволяет перейти от субъектно-объектных отношений между педагогом и обучающимися к субъектно-объектным, позволяющим более разнообразно и глубоко воздействовать на всех участников общения [1].

Выводы. Юмор в работе классного руководителя для профилактики девиантного поведения имеет огромное значение, так как невозможно иметь высокие результаты в обучении без работы с обучающимися. Классный руководитель, обладающий чувством юмора и умеющий его грамотно использовать, будет иметь авторитет среди обучающихся.

Использование юмора позволяет достойно выходить из сложных ситуаций и обсуждать противоречия, при этом уменьшая количество конфликтов.

Аннотация. В статье рассматривается влияние юмора на поведение обучающихся в работе классного руководителя при общении с обучающимися. Юмор рассматривается автором как педагогическое средство, имеющего важное значение для установления диалога между классным руководителем и обучающимися с целью профилактики девиантного поведения. Автор проанализировал функции юмора в профилактике девиантного поведения в педагогической деятельности: дидактическая, воспитательная и психологическая.

Annotation: The article deals with the influence of humor on the behavior of students in the work of the class teacher when communicating with students. Humor is considered by the author as a pedagogical tool that is important for establishing a dialogue between the class teacher and students in order to prevent deviant behavior. The author analyzed the functions of humor in the prevention of deviant behavior in pedagogical activity: didactic, educational and psychological.

Ключевые слова: классный руководитель, образование, внимание, социализация, юмор, общение, девиантное поведение.

Keywords: class teacher, education, attention, socialization, humor, communication, deviant behavior.

Литература:

1. Кухранова И. Юмор в педагогической деятельности // Воспитание школьников. 2003. №7. – С. 33-34.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003. – 713 с.
3. Спирин Л.Ф. Теория и технология решения педагогических задач (развивающееся профессионально-педагогическое обучение и самообучение) / Под ред. засл. Деятели науки РФ, доктора пед. наук, профессора П.И. Пидасистого / Л.Ф. Спирин. – М.: Российское пед. агентство, 2008. – 174 с.
4. Станкин М.И. Юмор как средство психолого-педагогического воздействия: от смешного до серьёзного – один шаг. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2007. – 157 с.
5. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: В 3-х т. Т.3. [Текст] / Сост. О.С. Богданова, В.З. Смаль, А.И. Сухомлинская. – М.: Педагогика, 1981. – 640 с.

УДК 37.061

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

Матвеевко Вероника Эдуардовна,

кандидат педагогических наук,
социальный педагог, МОБУ СОШ № 7, г. Сочи

Постановка проблемы. После развала СССР Россия стала перевалочным пунктом для наркоторговли и одновременно огромным потребителем психоактивных веществ. В настоящее время растет количество людей (особенно подросткового возраста), употребляющих синтетические наркотики, которые доступны (можно заказать через интернет) и сравнительно дешевы (несколько сотен рублей). Главная опасность синтетических наркотиков – они дают моментальную зависимость.

Согласно статистике, общее число наркоманов в России приблизительно равно 500 тысячам человек. Некоторые исследователи (например, кандидат медицинских наук В.А. Коршунов, 2017) утверждают, что действительные цифры превышают официальную статистику в 3-10 раз, число наркозависимых в России по подсчетам В.А. Коршунова в настоящее время превышает 8,5 миллионов человек [4, с. 3]. Однако медицинские учреждения могут оказать стационарную помощь только 50 тысячам людей в год (10 % от общего числа больных наркозависимостью). Таким образом, актуальной проблемой является необходимость организации эффективной работы по ранней профилактике наркотизации населения (особенно в учебных заведениях – школах, колледжах, вузах и др.).

Цель статьи. В работе предпринята попытка проанализировать современную ситуацию наркозависимости среди молодежи, описать проблемы, возникающие при организации профилактики наркомании в образовательных учреждениях.

Изложение основного материала исследования. С целью выяснения причин употребления наркотиков детьми и подростками необходимо проанализировать некоторые аспекты психологии современного подрастающего поколения. Дети и подростки, которые начали пробовать наркотики недавно или уже получили привыкание к ним, являются жертвами наркомании. В этом случае необходимо обратиться к науке виктимологии (от латинского *victim* – жертва, *logos* - наука) – сравнительно недавно вошедший в российское

употребление термин, обозначающий научное направление, которое изучает с различных точек зрения кризисные состояния людей, ставших жертвами или потенциальных жертв (жертвы наркомании, алко- и табакозависимости, различных форм насилия, преступлений и др.), меры помощи пострадавшим, отношения между жертвой и преступником. Предрасположенность к тому, чтобы стать жертвой, называется виктимностью (другими словами, уровень уязвимости человека). К предрасположенности (виктимности) автор статьи относит:

- личную невнимательность жертвы и его неподготовленность (например, наивность и доверчивость ребенка ввиду возраста, отсутствие у него жизненного опыта и бдительности, неинформированность о последствиях, чувство стыда, слабости, боязни потерять уважение в случае отказа от предложенной в компании сигареты, алкоголя, наркотиков);

- психологические особенности подросткового возраста (желание попробовать сигареты, алкоголь, наркотики для того чтобы показаться взрослее и авторитетнее в компании сверстников, скрытый комплекс неполноценности, стереотипность поведения в компании);

- недостаточное или неполноценное выполнение родительских обязанностей (отсутствие у родителей должного интереса и внимания к ребенку, его друзьям, компании, интересам, свободному времени, эмоциональному и физическому состоянию, учебе, интернет-сайтам, которые посещает ребенок, характеру компьютерных игр и др.; отсутствие заботы к ребенку, похвалы, внимания; конфликтность родителей, характер их общения в семье, их алко- табако- наркозависимость, недостаточный уровень педагогико-воспитательных знаний, неумение и нежелание контролировать поведение своего ребенка и др.). В некоторых странах с высокой степенью виктимности (уязвимости, социальной и психологической незащищенности) относятся лица женского пола, в России к данной категории людей с высокой степенью виктимности можно отнести детей, подростков, молодое поколение.

Несомненно, что дети, попробовавшие наркотики, являются жертвами наркомании и требуют незамедлительного реагирования родителей, родственников, сотрудников образовательных учреждений и профессионального медицинского лечения. Как отмечает Л.Ф. Артемьева: «Наркомания все активнее проникает во все образовательные учреждения, в том числе и ведомства, которые должны бороться с их распространением» [1, с. 3]. Согласно статистике, 20 % от общего числа наркозависимых – школьники, 60 % – молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет, 20 % - люди старше 30 лет. Средний возраст наркоманов в России – юноши и девушки 15-17 лет, однако отмечаются случаи употребления наркотиков детьми 6-13 лет. 70 % опрошенных (в рамках проведения исследования В.А. Коршуновым) пробовали наркотики именно в школе или на дискотеке / в клубе. Е.Е. Горбунова отмечает, что «каждый наркоман вовлекает за собой в употребление наркотических веществ 13-15 человек» [3, с. 6]. Как пишет Л.Ф. Артемьева, в настоящее время наблюдается резкое увеличение количества несовершеннолетних, в первую очередь девушек, в общем числе наркозависимых. Она отмечает, что «темпы роста числа лиц, употребляющих наркотики, значительно выше среди женщин по сравнению с мужчинами» [1, с. 11].

В.А. Коршунов отмечает, что настоящее число больных наркоманией превышает официальные статистические данные в 3-10 раз: «Число потребителей наркотических средств и психотропных веществ в России оценивается в 8,5 миллионов человек», т.е. 6 % наркозависимых от общего числа населения [4, с. 3]. Р.Г. Осипова подчеркивает, что в настоящее время в России более 140 тысяч детей и подростков, употребляющих различные виды наркотиков [6, с. 53]. Большое распространение в сегодняшние дни получили синтетические каннабиноиды («спайсы»), которые очень дешевы и доступны, торговцы ими выбирают места для продаж именно такие, как школы и среднепрофессиональные заведения.

Однако, несмотря на высокий процент наркозависимых (в том числе несовершеннолетних), в России не существует единой комплексной программы первичной

профилактики наркомании среди детей и юношества, а действующие в регионах программы недостаточно развиты, реализуются в отдельных субъектах по-разному, осуществляются лицами, не имеющими для этого необходимой квалификации, знаний, переподготовки (например, социальными педагогами в школе / среднеспециальных учебных заведениях / вузах, педагогами-психологами, классными руководителями, медицинскими сестрами). Как пишет В.А. Коршунов, процент студентов российских учреждений среднего профессионального образования, употреблявших ПАВ, составил 31,0 % (из них 69,2 % – юноши) [4, с. 18]. Такой высокий процент молодых людей, пробовавших ПАВ, подтверждает, что действующие антинаркотические региональные программы в России неэффективны, и требуют тщательной доработки. Более того, учитывая рост числа наркозависимых несовершеннолетних, количество детей, попавших с наркотическим отравлением в медицинские учреждения, можно утверждать, что действующие профилактические меры не эффективны. В некоторых городах, где наблюдается высокий уровень наркомании среди подростков, отсутствуют специализированные реабилитационные центры для несовершеннолетних (например, в г. Сочи).

В настоящее время практикуется следующая профилактика наркомании (предотвращение) в общеобразовательных школах и СПО:

1) информирование (проведение профилактических бесед, показы фильмов о губительном воздействии наркотиков на организм человека);

2) формирование здоровых жизненных установок, взглядов, принципов путем вовлечения детей в дополнительную занятость (спортивную, творческую, интеллектуальную);

3) влияние окружающего социума (профилактические беседы с родителями о необходимости наблюдения за кругом общения ребенка, его поведением, немедленном реагировании в случае изменения поведения или психоэмоционального и/или физического состояния; выбор компании для общения);

4) «прямая» борьба с распространением наркотиков (волонтерские отряды по закрашиванию на стенах, заборах информации – адресов, телефонов – с данными наркоторговцев, мониторинг социальных сетей на предмет рекламы и продажи наркотиков и ПАВ).

В 2002-2009 гг. в России действовали федеральные целевые антинаркотические программы, разработкой, координацией и внедрением которых занималась Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков. Как отмечает В.А. Коршунов, «в настоящее время Федеральная антинаркотическая программа, содержащая мероприятия ППН, отсутствует» [4, с. 35]. Таким образом, организация профилактики в учебных заведениях, в том числе школах, переложена на работающих в них сотрудников, не имеющих специальной переподготовки в области профилактики наркомании в детской и молодежной среде (например, социального педагога, классных руководителей, воспитателей), а также муниципальные структуры (комиссию по делам несовершеннолетних, специалистов здравоохранения, инспекторов полиции). Следовательно, в настоящее время в России отсутствует единая профессиональная систематизированная программа по профилактике наркомании в детской и молодежной среде с перечнем конкретных мер, материалов, необходимых действий. Таким образом, профилактика наркомании в российских учебных заведениях (в том числе и для несовершеннолетних) в настоящее время является неразработанной.

В каждом субъекте РФ антинаркотическая программа разрабатывается и реализуется самостоятельно. Например, в Краснодарском крае бюджет, выделенный на финансирование антинаркотических программ, распределен следующим образом [4, с. 136]:

1) финансирование информационных мероприятий в СМИ и интернете – 22 % от общей суммы выделенных средств;

2) финансирование культурно-массовых и спортивных мероприятий – 8 %;

3) поддержка волонтерских движений, общественных организаций – 45 %;

- 4) профилактические мероприятия в образовательной среде – 6 %;
- 5) поощрение антинаркотической деятельности (олимпиады, конкурсы антинаркотической направленности) – 10 %;
- 6) подготовка специалистов для работы в области профилактики наркомании – 4 %;
- 7) финансирование мониторинга наркоситуации – 3 %;
- 8) иное – 3 %.

Таким образом, в Краснодарском крае на информационные ролики антинаркотического содержания в СМИ и интернете тратится в 5 раз больше средств, чем на подготовку / переобучение специалистов, которые непосредственно ежедневно работают с детьми в школах, техникумах, колледжах, также информация в интернете финансируется в 3,6 раза больше, чем организация практических профилактических мероприятий в образовательных учреждениях.

Существует практика выделения дополнительных субсидий для организации воспитания и дополнительного образования несовершеннолетних (финансирование Казачьих обществ в Краснодарском крае). Отметим, что единого центра управления системой профилактики наркомании с обученными в данном направлении специалистами в Краснодарском крае нет, равно как и во всей России.

Одними из обязательных мер первичной профилактики (предотвращения) наркомании в школах, СПО и вузах автор считает:

- 1) пропаганду здорового образа жизни в федеральных СМИ, целенаправленное формирование антинаркотического общественного мнения на государственном уровне;
- 2) ужесточение законодательства за распространение наркотиков (особенно в среде несовершеннолетних);
- 3) разработку единой комплексной федеральной антинаркотической программы для школ, СПО и вузов с четким указанием мероприятий, мер профилактики, материалов для распространения, видеороликов и др.;
- 4) строительство большего числа наркодиспансеров для больных наркоманией, в том числе несовершеннолетних, принудительное их лечение;
- 5) регулярное медицинское тестирование учащихся учебных заведений на наркотики;
- 6) профессиональную переподготовку сотрудников учебных заведений (учителей, социальных педагогов, педагогов-психологов) в области профилактики наркомании.

Выводы. Наркомания в российской детско-подростковой среде – проблема, которая становится все сложнее решаемая, так как в наркозависимость ежедневно попадают десятки детей, а в регионах наблюдается малое количество наркологических диспансеров для несовершеннолетних. Для достижения положительных результатов в борьбе с наркоманией необходима комплексная, взаимосвязанная и четко координируемая работа медицинских, социальных и образовательных учреждений, а также создание в обществе на государственном уровне необходимых условий для качественной профилактики наркомании. В настоящее время действующие региональные программы построены на простом обобщении предложений различных ведомств и представляют собой хаотичный набор мероприятий, а принцип распределения их финансирования непонятен. Регионы полноценно не взаимодействуют по данной проблеме, таким образом, не имеют возможности обсудить наиболее эффективные и малоэффективные меры.

Аннотация. Статья посвящена вопросам профилактики наркомании в детско-подростковой и юношеской среде. Описаны проблемы современной антинаркотической политики России, предложены пути их решения. Подчеркивается государственная необходимость совершенствования мер по предотвращению наркомании среди несовершеннолетних в учебных заведениях (школах, СПО).

Ключевые слова. Профилактика наркомании среди детей, подростков и юношества, образовательные учреждения, антинаркотические программы.

Abstract. The article is devoted to the prevention of drug addiction among children, teenagers and young people. The problems of modern anti-drug policy of Russia are described in the paper, the ways of its solution are offered. The state need to improve measures to prevent drug addiction among minors in educational institutions (schools, colleges) is emphasized.

Key words. Prevention of drug addiction among children, teenagers and young people, educational institutions, anti-drug programs.

Литература:

1. Артемьева Л.Ф. Педагогические условия организации профилактики наркомании среди студенческой молодежи. Автореф. ...к. пед. н. – Челябинск, 2013. – 23 с.

2. Вислова А.Д. Риски девиантной адаптации у подростков, связанные с потреблением наркотиков, и возможности их профилактики // Национальный психологический журнал. – 2018. № 2 (30). – С. 102-112.

3. Горбунова Е.Е. Особенности профилактики злоупотребления психоактивных веществ в общеобразовательных учреждениях. // Молодой ученый. – 2016. № 8 (112). – С. 5-8.

4. Коршунов В.А. Эпидемиологические закономерности распространения наркопотребления и наркозависимости и направления по оптимизации мер профилактики. Дисс. ... к. мед. н. – М., 2017. – 213 с.

5. Мусакаев М.Б., Сладков С.Н. и др. Современные представления о профилактике наркомании в молодежной среде. Учебно-методическое пособие. – Стерлитамак: ГАОУ СПО СТФК, 2012. – 38 с.

6. Осипова Р.Г. Наркомания в молодежной среде: причины распространения и возможные методы профилактики. // Молодой ученый. – 2011. № 7. Т. 2. – С. 53-59.

7. Цыпнятова К.М. Профилактика наркомании в детско-подростковой среде. // Молодой ученый. – 2014. № 21. – С. 704-706.

УДК: 37.062.1

ПРОФИЛАКТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Мириманова Мария Суреновна,

кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
г. Москва

Создание безопасной образовательной среды и ее профилактика, направленная на сохранение и поддержание физического и психического здоровья детей, сегодня является одной из приоритетных задач. Системный подход и система профилактики признаются определяющими и весьма важными, как отмечает В.В. Зарецкий, «Системность обеспечивает качество функционирования составляющих ее элементов» [1, с.9].

Важное место в системе обеспечения мер, направленных на противодействие разным формам отклонений или зависимостей в образовательной среде, занимают исследования ориентированные, на выявление, объяснение, прогнозирование основных рисков и угроз. Именно объективные, реально существующие факторы определяют конкретные цели и задачи профилактической деятельности, направленной на снижение рисков, связанных с проявлением отклоняющихся форм поведения. Психология развития здоровых, адаптивных форм поведения, направленных на решение возрастных, психологических и социальных задач не может рассматриваться изолированно от профилактики других нарушенных форм

поведения. При этом структура среды образовательных организаций России весьма неоднородна и отличается одна от другой.

Образовательная среда по своему воздействию может быть: *пассивной, нейтральной, активной* [5]. *Пассивная*, индифферентная среда, где нет общих традиций, единства целей; она, принимает всех, включает в свою структуру, не меняя или слабо влияя на каждого человека. Здесь часто возникают споры, конфликты, которые разрешаются сторонами насилием, применением силы. По классификации В.А. Ясвина, такая «догматическая среда», способствует формированию пассивной, зависимой личности, но при этом, обеспечивает твердое усвоение необходимого образовательного содержания путем заучивания, дрессировки детей [5, с. 242].

Активная среда (карьерная или творческая) способствует развитию активной личности, но «карьерная» – тоже формирует зависимую личность. Самостоятельная работа проходит здесь по заданным правилам и алгоритмам – дети рисуют, танцуют, говорят, делают, но только по заданию педагога. Данная среда удобна для учителя и администрации, а ребенок – жертва их успеха. В дошкольных организациях часто функционирует именно такая модель. Дети смотрят на воспитателя, не проявляя ни малейшей инициативы. Вот так и формируется зависимость ребенка от взрослого, а в будущем, когда он вдруг сделает свой неверный шаг к курению, попробует алкоголь, а еще хуже наркотик, будем удивляться и сокрушаться, не понимая, откуда это.

Нейтральная среда – «безмятежная», способствующая развитию свободной, но пассивной личности, где дети «предоставлены сами себе», а роль педагогов сводится к предупреждению конфликтов и обеспечению физической безопасности детей путем заданий педагога, перехода от одного занятия к другому. Чисто теоретически данная среда лучше, но совсем иное дело – «творческая» среда, способствующая развитию активной и внутренне свободной личности, предусматривающая выполнение работ созидательного характера. Роль педагога при этом – сотрудничество, сотворчество, ориентирование и поощрение результатов. Важнейшим показателем здесь является психологическая атмосфера: взаимоотношения детей, педагогов и родителей, общий стиль, настрой, основанные на общих целях, уважении достоинств каждого, на сотрудничестве и доверии.

«Вирус отклонений поведения» в скрытой форме, всегда присутствует в школе и дремлет, но в «благоприятной» среде распространяется достаточно быстро: кто-то из любопытства, а кто-то вопреки запретам пробует то, что запрещают взрослые. Известно стремление детей экспериментировать, пробовать «запретный плод».

Для подростков важна текущая ситуация, атмосфера в образовательной среде, отношения со сверстниками и, конечно, в семье. Семейные конфликты часто возникают из-за кардинальных различий в ценностях подростка и старшего поколения, что приводит иногда даже к мотивам суицидального поведения. Важно вовремя ориентировать их на поиск позитивных целей и достижение счастья с помощью имеющихся внутренних ресурсов, а не путем ухода от ответственности и формирования зависимостей.

Профилактика психологической безопасности образовательной среды (ПБОС) весь контингент подростков сегодня подразделяет на: *здоровых, группу риска и злоупотребляющих* (курением, алкоголем и пр.). Сама работа, при этом, ориентируется не столько на группу риска или злоупотребляющих, сколько на здоровых. Злоупотребляющие не особо интересуются всеми предлагаемыми школой мероприятиями, для них школьная группа часто уже не является референтной, как не авторитетны педагоги и родители. Группа риска дистанцирована от всех школьных дел, они уже сделали свой выбор в пользу, так называемой, «своей свободы», до них трудно достучаться или переубедить. Значит момент, когда целесообразно было вести диалог уже упущен.

Следует отметить, что профилактика должна начинаться не тогда, когда подросток замечен в употреблении или еще хуже при сформированной зависимости, а гораздо раньше. Причем формирование отношения должно носить не запретительный, негативный характер, а наоборот, позитивный. Запреты могут помочь на время и лишь при определенных условиях.

Должны появляться уравнивающие позитивные цели, не привнесенные извне, а выработанные и принятые самими подростками или совместно с взрослыми.

Понятие «единое профилактическое пространство» включает понимание уровней профилактики: *первичная, вторичная и третичная*. Эти уровни или «компоненты единой профилактической цепи» по В.В. Зарецкому [1, с. 19] не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Говоря об этих уровнях, имеется в виду, что поэтапное развитие личности ребенка сопровождается соответствующими внутренними изменениями. В кризисные моменты у ребенка возникают новые потребности и соответственно противоречия, сопротивления, порождающие новые конфликты развивающейся личности. Вот они сигналы, которые должны быть пойманы. На них надо реагировать, не избегая, а конструктивно преодолевая конфликты, тем самым способствуя созданию качественных условий перехода на следующий уровень.

Рассмотрим систему с помощью метафоры, превращения отдельных элементов в новую целостность. Возьмем в качестве элементов системы, например, обыкновенные дощечки. Соединив их между собой, получаем новую целостность – ящик. Каждая дощечка, заняв свое место, будет дном, его крышкой или боковиной ящичка. Отсюда, ящик состоит из элементов предыдущего уровня. По результату можно судить о возможности перехода на следующий уровень системы. Если результат удовлетворяет, а полученная целостность может быть использована как элемент следующего уровня, можно стремиться к новому уровню. Так ребенок из элементов (букв, цифр, образов), которые он осваивает, выстраивает новую целостность – свой тезаурус, весь запас собственных знаний о мире.

Вернемся к метафоре. Переход на следующий уровень системы, в свою очередь, предполагает соединение этих ящичков так, чтобы получилась следующая, возможно более совершенная или более сложная структура. В данном случае – это некая новая конструкция ящичков. Здесь следует сказать о плане конструкции в нашей голове и его реализации. Например, из ящичков можно создать стеллаж, стенку, письменный стол и т.д. Еще интересней, если творческое решение приведет к структуре, о которой с ходу не могли даже подумать. А какое это все имеет отношение к профилактике отклонений в детско-подростковом возрасте?

Допустим, что работа по профилактике табакокурения, токсикомании и пр. у подростков, начинается с преодоления негативной составляющей - конкретной зависимости. На что можно здесь опираться, как подготовлена почва – «наша голова» с ее целями и планами, а как осознают проблему подростки, каковы их установки, сопротивление, готовность к позитивным изменениям и т.д. Иными словами, оказываясь сразу на третьем (подростковом) уровне, не пройдя первых двух уровней профилактики, скорее всего, пытаемся «ухватить за хвост жар-птицу». На первом уровне, когда проблема явно или неявно отсутствует, хорошо было бы заложить основу, сформировать у детей определенную установку, отношение к данному явлению, его оценку. Часто, избегая обсуждений по проблемным вопросам с дошкольниками и младшими школьниками, стремясь не нарушить их устойчивости, взрослые «замалчивают», затушевывают проблему. Проблемные вопросы могут ставиться позитивно, например, ориентируя детей на сохранение здоровья, достижение успеха, счастья и пр. Не обязательно поучать: что курить и сквернословить плохо и т.д. Лучше дать им самим это сформулировать. Важен свой путь – самостоятельно добытый опыт, ориентация на здоровый образ жизни, осознание общечеловеческих и индивидуальных ценностей, самосовершенствование. Возможно, это лишь идеальная модель для современных подростков, поскольку живут они в мире реальном и видят, понимают гораздо больше, чем иногда хотелось бы.

Уровень психологической защищенности детей определяется разными факторами, но безопасность личности в целом определяют три главных: *психологический фактор* – это исходно разные реакции человека: для одного конфликт – всегда обида и слезы, а для другого – кулаки и угрозы; *фактор воспитания и социализации* – социальная готовность,

умение общаться со сверстниками и взрослыми; *фактор среды* – ее значимость для ребенка, удовлетворенность, защищенность от негативного влияния [2, с.76].

Дошкольный период в силу уязвимости ребенка чреват психотравмами, что во многом определяет его судьбу и последствия. Часто последствия оказываются гораздо более значимы, чем сами травмирующие события. Сравнительно недавно ученые стали говорить о влиянии среды и об аномалиях личностного развития детей, увязывая это с психологической травматизацией, конфликтами, о «чувстве покинутости», что впоследствии может стать причиной многих психологических проблем, вплоть до суицида.

Специфика реакций ребенка на стрессовые и конфликтные ситуации, резкое изменение привычного образа жизни, неблагоприятные события (утрата близких, развод родителей) могут привести дошкольника к отказу.

Реакция отказа – от занятий, игр, контактов, пищи. Она отмечается у детей при неблагоприятной адаптации, дефиците позитивного эмоционального отношения матери, даже если она кормит, ухаживает за ним, не проявляя любви, теплого материнского отношения. Дети с ненадежной материнской привязанностью, дефицитом позитивного эмоционального отношения, ощущая «покинутость», сталкиваются с множеством проблем, особо остро реагируют на стресс, что дополнительно усиливается в подростковом возрасте.

Реакция сопротивления детей – неоправданное упорство, упрямство, капризность. Это тоже может быть реакцией на стресс. Ребенок проснулся и сопротивляется: не может быстро одеваться, есть и пр. Мама торопится на работу, а ребенок рыдает и противодействует. Если не удастся переключить его или «заставить», грянет наказание. В углу стоять некогда – он получает порцию шлепков, а в придачу обещание выдать «добавку». Затем он оказывается в детском саду, где реакция сопротивления усиливается (самоизоляция, вплоть до попыток побега из сада). Однажды такому ребенку, когда он уже вроде бы слегка успокоился и начал играть, я сказала: «Ты такой хороший, умный мальчик...». А он, тяжело вздохнув, отвечает: «Нет, я плохой. Мама так сказала». Ребенок согласился с моделью «Я-плохой – Ты – хорошая», которая по Томасу А. Харрису в подростковом возрасте приведет к более сложным проблемам. Сейчас он сам смирился и занял позицию «плохого», а мама остается для него «хорошей», но затем он попытается выравнять ситуацию. Мама станет тоже «плохой», а это позиция агрессии, враждебности сначала к маме, а потом и ко всему миру [4, с. 124].

Реакция компенсации проявляется в том, что ребенок всеми силами пытается не показать свои слабости, затушевать их, устранить. Он не плачет, когда ему больно, стремясь не уступить более крепким сверстникам, доказывает свою храбрость, прыгая с опасной высоты, неудачи в занятиях восполняет драками, привлекает внимание «выделываясь», кривляясь и пр. Ему важна компенсация, но идя по такому пути, ребенок может создать себе и близким множество проблем. Другое дело попытаться создать таким детям условия для самоутверждения. Интересный опыт удалось наблюдать в Австралии, где стараются ставить как можно меньше ограничений детям и для этого на территории оздоровительных лагерей и школ имеются самые разные тренажеры, устройства, приспособления. Заметив стремление ребенка к самоутверждению и риску, педагоги способствуют развитию его спортивных навыков, помогают пробовать свои силы, но со страховкой (страховочный пояс, тренер, опытные старшие, спортсмены).

Реакция зависимого поведения – скованность или демонстративность поведения, иногда непомерное подражание кому-либо (негативному герою, персонажу кинофильма), что проявляется в копировании агрессивных жестов, речи, употреблении бранных слов, выражений, проявлении агрессии в мимике (он строит рожицы, показывает язык, бравитурет неприличными жестами). Все эти реакции неожиданно и резко появившиеся – свидетельство неблагополучия ребенка, что пытаются устранить путем наказаний, не задумываясь о трудностях малыша.

Маркерами или индикаторами психологического неблагополучия ребенка проявлениями, которые должны настораживать педагогов и родителей являются: трудности

засыпания и беспокойный сон (дневной или ночной); быстрая утомляемость, чего недавно еще не было; рассеянность, невнимательность; постоянный поиск одобрения взрослого; сосание пальца или соски; нарушение аппетита или еда без разбора и при этом заглатывание пищи; игра с половыми органами; тики (подергивание плеч, глаз, щечки, покачивание головы); тревожность, резкое снижение или увеличение веса (симптомы ожирения), что при резком изменении жизненной ситуации может быть сигналом психотравмы. «Нередко и нарушения развития, и отклонения в поведении становятся следствием психических травм, полученных детьми, пережитых ими стрессов, порой до конца не преодоленных и определяющих их дальнейшую дезадаптацию» [3, с. 28].

Другой фактор, влияющий на психологическую безопасность ребенка – воспитание. Дети из неполной семьи, пережившие ее распад в дошкольном возрасте, входят в группу риска. Но и дети из полных семей становятся жертвами известных типов неадекватного воспитания, например, *гиперопеки*, когда ребенок постоянно находится под неусыпным контролем, постоянно слышит многочисленные запреты и ограничения, строгие окрики (не ходи, не делай, упадешь, разобьешь и пр.). В результате, ребенок становится безынициативным, нерешительным, зависимым. Он не умеет постоять за себя и свои интересы, у него растет обида за то, что другим «все можно, а он такой несчастный». В подростковом возрасте это ведет к протесту против родительского влияния. Такие дети совершают побеги из дома, нарушают все запреты и правила, стремятся снять сразу все границы.

Другая форма гиперопеки – «*кумир семьи*». Им восхищаются, просьбы и желания его с легкостью выполняются. В результате, повзрослев, он не в состоянии преодолеть эгоцентризм, соразмерить свои силы и желания; его часто не принимают сверстники; переживая, он обвиняет всех, но не себя. Источником отклонений личности, суицидогенными составляющими семейного воспитания становятся: гиперопека, ригидные установки, авторитарность, культурный уровень родителей, но самым сильным источником является страх.

Детские страхи – явление обычное в психическом развитии ребенка. Оставаясь, неприятным состоянием, он не является однозначно опасным или «вредным». Страх защищает ребенка от неоправданного риска, уводит от опасностей, регулирует, организует поведение. Слишком открытый, ничего не боящийся ребенок, беззащитен перед лицом жизненных ситуаций. Такие подростки становятся «жертвами» более активных негативных лидеров, «экспериментаторов», их с легкостью втягивают в асоциальные группы, и они – «хорошие исполнители чужой воли». Психологические особенности таких детей, их эмоциональная чувствительность, впечатлительность, приводят к травмирующему запечатлению, появлению страхов, их фиксации и постепенно они превращаются в мишень для травли.

Жестокое воспитание – порождает в человеке приспособленчество, озлобленность, жестокость. Частые наказания за мелкие проступки, в дальнейшем могут приводить к преступлениям, а человек испытывая только страх наказания и садистическую ненависть, даже малозначительный конфликт будет воспринимать как безысходность.

Повышенная моральная ответственность – другая крайность. Ребенку с детства внушается, что он должен непременно оправдать надежды родителей, их мечты (стать музыкантом, балериной, выдающимся спортсменом и пр.). Другой вариант ответственности – на него возлагаются непосильные заботы (ухаживать за близкими, растить братьев, сестер и т.п.). У таких детей зачастую появляются навязчивые страхи. Такое воспитание тоже обрекает на психотравмы и трудности отношений с окружающими.

Полное попустительство и безнадзорность – другой тип воспитания. Родители заняты своими делами и не уделяют должного внимания детям. Будучи предоставлены самим себе, в поисках радости, развлечений, они попадают под влияние «уличных» компаний.

Профилактика – превентивные меры должны быть организованы таким образом, чтобы способствовать ликвидации или уменьшению негативных факторов. Проблема безопасности образовательной среды привлекает все большее внимание исследователей, демонстрируя при этом отсутствие единопонимания, как в трактовках психологически безопасной образовательной среды, так и в анализе факторов, разрушающих или поддерживающих данную среду. Система профилактики, представленная разными моделями, включающая разные уровни и возможности перехода на следующий (более высокий) уровень, открывает возможность реальных изменений и позволяет увидеть существенные внутренние трансформации.

Аннотация. Модель психологической безопасности образовательной среды и ее профилактика, как противодействие формированию разных форм отклонений и зависимостей подростков, рассмотрена с позиций системного подхода. Показано, что конкретные цели и задачи профилактики определяются способами реагирования детей, закладываемыми в дошкольном детстве стилями воспитания и другими факторами.

Ключевые слова: безопасность образовательной среды, системность профилактики, отклонения в поведении, подростки, зависимости (курение, алкоголь, наркотики).

Annotation. The model of psychological safety of educational environment and her prophylaxis, as counteraction to forming of different forms of rejections and dependences of teenagers, are considered from positions of approach of the systems. It is shown that concrete aims and tasks of prophylaxis are determined by the methods of reacting of children, styles of education and other factors mortgaged in preschool childhood.

Keywords: safety of educational environment, psychological safety, system of prophylaxis, rejections in behavior, dependences (alcoholic, smoking, drugs).

Литература:

1. Зарецкий В.В. Концептуализация профилактики – шаг к системной деятельности // Не будь зависим. – 2014 №6. С. 44.
2. Мириманова М.С. Технологии обеспечения психологической безопасности дошкольного образовательного учреждения. – М.: Экон-Информ, 2012. – 146 с.
3. Мириманова М.С. Раннее прогнозирование социально-психологических рисков и их профилактика в дошкольных образовательных учреждениях Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru – 2013, № 1.
4. Харрис Т. Я-хороший, Ты – хороший: Сокр. пер. с англ. / Томас А. Харрис. – М. Соль, 1993. –171 с.
5. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А. Ясвин – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

Миронычева Валентина Федоровна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры общей педагогики и педагогики
профессионального образования,
Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
г. Арзамас

Постановка проблемы. Современный этап развития образования характеризуется апробацией и внедрением различных стандартов (общеобразовательных, адаптивных, высшей школы и т.п.) и моделей (проективная, поведенческая, педагогическая путем открытия, гендерная, инклюзивная и т.п.) обучения и воспитания подрастающего поколения. Изменения касаются в том числе методик и технологий преподавания, применение которых в школьной практике должно разрешить противоречие, возникающее между потребностями личности и комплексом средств обучения и воспитания. [2] Несмотря на то, что инновации активно проникают в педагогическую деятельность, профилактика девиантного поведения подростков остается одной из проблем, на решение которой отводится значительное время в процессе воспитания. Каждой общеобразовательной организацией разрабатывается система технологий, позволяющая решать проблемы в развитии личности и корректировать воспитание школьников, склонных к девиациям. Большое значение имеют личностно-ориентированные технологии, универсальность которых заключается, во-первых, в учете индивидуальных и возрастных особенностей подростка; во-вторых, направленности на социализацию и адаптацию к окружающим школьника условиям: в-третьих, в результативности их применения как на уроках, так и во внеурочной деятельности и системе дополнительного образования.

Целью статьи является обоснование целесообразности использования технологии творческих мастерских как одного из эффективных средств профилактики девиантного поведения подростков.

Изложение основного материала исследования. Политические, экономические, социальные изменения, происходящие в обществе, напрямую влияют на мировоззренческое становление подростка, которое отчасти зависит от переосмысления интерпретаций, представленных различными источниками информации. Внутренняя потребность быть значимым в коллективе ровесников не всегда достигает цели в реальных жизненных условиях. Отсутствие продуктивного для развития личности опыта коммуникации и анализа окружающей действительности подталкивает подростка к поиску таких форм самореализации, которые позволяют ему занять определенное положение в обществе. Как показывает практика, именно в этот период в поведении начинают проявляться различные девиации, в результате которых достигается цель. Подросток находит для себя единственно верный путь – нарушение правил. Со временем формируется поведенческая модель, требующая серьезной коррекции как со стороны родителей ребенка, так и со стороны школы.

Современную систему образования отличает ориентированность на формирование и развитие высоко духовной нравственной личности, поэтому в практику воспитания активно внедряются технологии, которые направлены на профилактику и коррекцию девиантного поведения подростка. Так, например, особого внимания заслуживает технология творческих мастерских, исторически зарекомендовавшая себя как оригинальный способ организации групповой деятельности школьников, где учитель выступает не только в роли мастера, ставящего задачи поисково-творческого характера, но и активного участника события [1].

В настоящее время технология творческих мастерских представляет собой интегрированную модель становления личности, нацеленную на раскрытие ее внутреннего потенциала. Если изначально одной из задач являлось развитие критического мышления у подростков в процессе решения проблемных предметных заданий, то в условиях реализации ФГОС меняется вектор творческих мастерских: ориентированность в большей степени на личностное развитие, на формирование практико-ориентированных умений выстраивать диалог между всеми участниками деятельности и принимать себя и других такими, какими они являются в конкретно взятый временной период. Технология творческих мастерских имеет одну актуальную особенность, которая заключается во внедрении в структуру технологии и совершенствовании применяемых технологических приемов: консультационных, тренинговых, коучинговых. Так, эффективной профилактикой поведенческих девиаций выступают такие творческие мастерские, которые помогают подростку, во-первых, разобраться в себе; во-вторых, понять окружающих; в-третьих, уметь адекватно реагировать на происходящее. Такое возможно только в том случае, если занятия представляют собой открытую систему, в которой важным является каждое событие; в свою очередь отдельно взятое событие – это микросистема для тех, кто по разным причинам не может регулярно участвовать в поисково-творческой деятельности.

Обязательным условием организации и проведения творческих мастерских является создание атмосферы взаимоуважения, поэтому целесообразно на одном из первых занятий коллективно разработать правила, которых необходимо придерживаться в процессе деятельности. Главное, чтобы каждый подросток имел возможность внести свой вклад в решение проблемы. Для этого необходимо так продумывать задачу, чтобы ее условие не становилось препятствием для раскрытия внутреннего потенциала, напротив уже на этапе прочтения вселяла уверенность в собственных силах. Необходимость в таком подходе к проведению творческих мастерских обусловлена особенностями становления подростка: быстрота реакций на внешние проявления способна либо «включить» в процесс, либо обособить от коллектива. Если предположить, что событие развивается по второму варианту целесообразности в таких мастерских, где хотя бы один человек чувствует себя «лишним», нет. Таким образом, учет возрастных особенностей подростков является главным принципом в процессе профилактики девиантного поведения. Немаловажное значение имеет объединение в группы. Как показывает практика, положительный результат дает «случайность» создаваемого коллектива: это может быть жеребьевка, продуманная таким образом, чтобы она не вызвала отрицательных реакций; мини-тренинг, снимающий напряжение перед творческой мастерской; задания на общую эрудицию, быстроту принятия решений, на внимательность и скорость представления целостной картинки и прочее. Главное, что в процессе деятельности подростки учатся доверять друг другу и не боятся быть непонятыми, поэтому, не скрывая своих эмоций, высказываются, предлагают свои варианты решения, огорчаются или радуются. Мастеру (учителю) отводится роль не просто наблюдателя, его задача оценить на принятие каждого в группе. Если возникает ситуация, когда кто-то исключается, например, из обсуждения, или проявляет негатив по отношению к возможному члену коллектива, педагог должен как можно оперативнее вмешаться в процесс и, применяя различные методические приемы, исправить ситуацию. Это касается и основного этапа творческой мастерской, так как данная технология нацелена на профилактику поведенческих девиаций, а не на их проявление.

Выводы. Технология творческих мастерских в современной практике образования позволяет решать не столько образовательные задачи, сколько ориентирована на преодоление противоречия, возникающего между потребностями личности и комплексом средств обучения и воспитания. Интегративный характер и универсализм технологии творческих мастерских позволяет педагогу планировать деятельность по профилактике девиантного поведения подростков и достигать положительного результата. Эффективность применения зависит от соблюдения условий:

- 1) учет индивидуальных и возрастных особенностей развития подростков;

- 2) создание атмосферы взаимоуважения;
- 3) владение консультационными, тренинговыми, коучинговыми технологиями.

Аннотация. В статье рассматривается потенциал технологии творческих мастерских в системе профилактики девиантного поведения подростков. Особое внимание обращается на условия ее применения в реалиях современного образовательного процесса.

Ключевые слова: современный образовательный процесс, девиантное поведение, подросток, технология творческих мастерских.

Annotation. The article discusses the potential of technology of creative workshops in the system of prevention of deviant behavior of adolescents. Particular attention is paid to the conditions of its application in the realities of the modern educational process.

Keywords: modern educational process, deviant behavior, teenager, technology of creative workshops.

Литература:

1. Бабкина Т. Н. Технология творческих мастерских как средство формирования коммуникативных навыков [Текст] // Педагогика: традиции и инновации: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 110-112.
2. Бахтин Ю.К., Толпова Р.С. Пути профилактики девиантного поведения детей и подростков на основе учета возрастных особенностей формирования личности // Педагогика высшей школы. – 2016. – №3.1. – С. 35-38.

УДК 378

СПОРТИВНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ДЕТЕЙ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Морозова Марина Алексеевна,

кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой
медико-биологических дисциплин
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Киров

Свинар Елена Владимировна,

кандидат биологических наук,
доцент кафедры медико-биологических дисциплин
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Киров

Постановка проблемы. Одной из форм девиантного поведения, в том числе и детей, является наличие зависимости в различных вариантах ее проявления. Одним из трендов современности являются цифровизация и внедрение умных технологий во все сферы и стороны жизни человека, которая распространяется на всё более молодое поколение. Такой тренд, по мнению некоторых ученых, может в скором времени привести к появлению новой стадии развития общества и образования – смарт-общество и смарт-образование [1, с. 39]. Появление смарт как качественно новой ступени развития постинформационного общества может привести к обострению проблемы смарт-зависимости детей и подростков, являющейся одной из форм девиантного поведения - компьютерной зависимости. Проблема интернет-аддикции, возникшая за рубежом в конце 1980-х, стала актуальной и в России. Однако исследований возрастных механизмов ее формирования у детей в доступной литературе практически нет. В основном встречаются сведения о распространенности этого

явления у взрослых и детей, начиная с подросткового возраста, мониторинговые исследования носят эпизодический фактологический характер. В связи с вышеизложенным, в настоящее время вопрос поиска способов и методов профилактики этой формы аддиктивного поведения у детей становится актуальным. Учитывая, что все большая часть взрослого и детского населения вовлекается в различные формы физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности, полагаем, что этот тренд развития общества можно использовать в качестве профилактики смарт-зависимости.

Цель статьи. Рассмотреть возможность использования спортивной ориентации детей как одну из форм профилактики смарт-зависимого поведения детей.

Изложение основного материала исследования. Под аддиктивным поведением понимается одна из форм девиантного поведения с формированием стремления человека к уходу от реальности. Одной из наиболее изученных форм аддиктивного поведения детей является зависимость от компьютерных игр – разновидность технологической зависимости, для которой пристрастие к игре, связанной с использованием компьютера, приводит к резкому сокращению других видов деятельности и ограничению общения.

Исследователи отмечают, что компьютерные игры могут повлечь нарушения процесса формирования личности ребенка, стать стрессогенным фактором, усугубляют коммуникативные проблемы детей, способствуют формированию и конфликтных отношений [4, с. 45]. Причиной формирования зависимости от компьютерных игр являются абстрагирование от окружающей действительности, закрытость игрового пространства, отсутствие ответственности, безнаказанность в случае совершения аморальных поступков.

В связи с интенсивной цифровизацией общества, технологической революцией производства гаджетов и «интернетизацией» общества компьютерная зависимость все более превращается в smart-зависимость – привязанность к использованию гаджета с целью погружения в web-пространство. Очевидно, что с ростом цифровизации будет увеличиваться и число интернет-аддиктов среди молодежи. Однако на сегодняшний день не описана ранняя симптоматика, предикторы развития этой патологической формы поведения у детей. Вместе с тем, предложены критерии, по которым можно выявить интернет-аддикции [6, с. 59]. К ним относятся сверхценность интернета; чрезмерно высокая интенсивность его использования в ущерб другим видам деятельности; отсутствие субъективного самоконтроля; переживание негативных эмоций при депривации; проявление специфических соматических симптомов; интернет-пользование как средство получения удовольствия.

Немногочисленные данные о распространенности интернет-зависимости свидетельствуют, что от 2% до 20% исследованных в разных возрастных категориях являются кибер-аддиктами. Данных о распространенности перечисленной выше симптоматики у детей, приступающих к обучению, нами не выявлено. Вместе с тем, очевидно, что доступность гаджетов для детей, поощрение их использования родителями и наличие их собственного негативного примера, перемещение коммуникаций в виртуальное пространство наряду с трендом ускорения технологического процесса способствуют смещению времени формирования смарт-зависимости на более ранние возрастные периоды.

Одним из способов предупреждения и предотвращения гаджет-зависимости является профилактика – комплекс различного рода мероприятий, направленных на предупреждение развития аддикции и устранение факторов риска ее появления. В качестве профилактических мер предлагается музыкотерапия, психогимнастика, активные игры, творчество [3, с. 137]. На наш взгляд, в качестве одной из форм профилактики можно рассматривать физическую культуру и спорт. Занятия спортом помогают справиться с нагрузками, повышенными требованиями среды, стрессами и конфликтами. Эта деятельность направлена на укрепление здоровья, коррекцию индивидуальных психологических особенностей, самоорганизации психической деятельности. Потенциал физической культуры в профилактике зависимого поведения отмечается разными авторами, но их исследования касаются в основном наркотической зависимости [5, с. 13]. Например, в исследованиях Воронова Д.И. показано, что большинство молодых людей считает физическую культуру и спорт самым

эффективным средством профилактики употребления наркотиков [2, с. 103]. Однако, эти способы являются не только превентивным средством поддержания и укрепления здоровья, но и служат для профилактики различных заболеваний и зависимостей, связанных с непосредственной деятельностью и коммуникацией.

Одним из механизмов вовлечения в спортивную деятельность детей является спортивная ориентация – система организационно-методических мероприятий, позволяющих наметить направление развития ребенка в определенном виде спорта. Спортивная ориентация исходит из оценки его возможностей, на основе которых производится выбор наиболее подходящей спортивной деятельности.

Исходя из того, что обозначенные выше проблемы требуют дальнейшего изучения, нами проведено исследование, для которого были составлены вопросы с целью анкетирования родителей учащихся 7-8 лет школ и гимназий областного центра и районов Кировской области. Анкету из 15 вопросов, направленных на изучение поведения ребенка в интернете (в том числе длительности пребывания, решаемым целям, уровню владения гаджетами, возможного формирования зависимости), а также отношения родителей к этому, составили на основе модификации опросника «Скрининговой диагностики компьютерной зависимости» [7, с. 163].

Анализ данных опроса родителей 365 учащихся начальных классов городских и сельских школ города и районов, находящихся на разном удалении от областного центра, показал, что 75,4% детей независимо от места проживания используют интернет через smart-устройства в основном для развлечений. Так, независимо от проживания интернет используется для игр в 75,9%; а для подготовки домашних заданий – лишь 33,9%. При этом 25,2% опрошенных родителей уверены, что без использования интернета их ребенок не получит новых знаний и умений.

Анализ анкет показал, что большинство младших школьников находятся в интернете 1-2 часа в сутки, но 15,68% сельских детей находятся в сети более 3 часов (в 2 раза больше горожан), при этом около 2% детей проводит в сети до 5 часов в сутки. Треть опрошенных родителей отмечают у детей феномен многозадачности: 36,3% детей совмещает использование гаджета с другими видами деятельности, в 14,6% случаев это отмечается часто, что беспокоит и раздражает родителей. По мнению респондентов, 15,2% детей уже сейчас, а 22,2% горожан и 64,3% сельчан в скором времени будут более уверенными пользователями в сети, чем их родители.

Контролируют длительность пребывания ребенка в сети только половина опрошенных (55,7%), остальные не считают это необходимым, а 15,3% родителей уверены, что ребенок сам должен контролировать время пользования гаджетом.

Родители отмечают, что школьники находятся в сети в ущерб подготовке к урокам (16,9% опрошенных); помощи по дому (12,5%); прогулкам (9,3%); чтению книг (18,6%). На ограничение пользования гаджетами только треть детей реагируют спокойно, около половины – возмущаются, а каждый десятый ребенок реагирует на выход из сети выраженным эмоциональным возмущением. Приведенные выше данные могут свидетельствовать о том, что уже в 7-8 лет у детей проявляются симптомы формирования smart-зависимости.

Следует отметить, что 72,7% родителей уверены в том, что занятия спортом и творчеством снижают продолжительности нахождения детей в сети. Вместе с тем 12,3% опрошенных считают, что ребенок все равно найдет время на нахождение в сети в ущерб другим занятиям.

Изучение особенностей поведения детей, занимающихся спортом (n=155), показало, что в отличие от не занимающихся (n=210), юные спортсмены чаще используют смартфон, а не другие устройства (82,6% против 65,6%), особенно мальчики (84,9% против 55,6%). Использование гаджетов в основном связано с играми (80,0% против 68,2% у не занимающихся). При этом большинство родителей юных спортсменов (58,1%) считают, что использование smart-устройств их детьми не идет в ущерб другим видам деятельности. У не

занимающихся спортом детей процент уверенных в этом родителей меньше (48,2%), но при этом среди них в 2 раза больше ответивших, что интернет-пользование идет в ущерб приготовлению домашних заданий (22,2% против 11,8%) и прогулкам (9,3% против 4,3%).

Следует отметить, что дети-спортсмены чаще используют гаджет утром после пробуждения и в транспорте, а не занимающиеся – в любое свободное время и перед сном.

Нами показано, что дети, занимающиеся спортом, используют гаджет менее интенсивно: в 82,2% случаев не более 2 часов в сутки (против 73,6% у незанимающихся). Детей, проводящих в сети 3-4 часа в сутки, среди спортсменов меньше на 7% (13,5% против 20,5%).

Вместе с тем, стоит отметить, что синдром отмены более выражен у детей спортсменов – они чаще возмущаются в ответ на ограничения (в 43,9 % случаев против 40,3%), в том числе эмоционально выражая своё недовольство (11,0% против 4,2% у незанимающихся).

Выводы.

1. В литературных источниках по теме исследования в основном рассматриваются вопросы, посвященные проявлениям интернет-зависимости и ее профилактике у детей подросткового и юношеского возраста. Данные о распространении признаков smart-зависимости у детей младшего школьного возраста практически отсутствуют.

2. Показано, что у детей 7-8 лет выявляются признаки формирования smart-зависимости, в том числе: интенсивное использование smart-устройств до 5 часов в сутки в ущерб другим видам деятельности, проявление синдрома отмены, который характеризуется выраженным эмоциональным возмущением на депривацию.

3. Занятия спортом способствуют снижению длительности пребывания детей в сети интернет, но не влияют на механизм формирования зависимости, что проявляется синдромом отмены на ограничение использования smart-устройств.

4. В младшем школьном возрасте занятия спортом можно рассматривать как один из способов профилактики smart-зависимости, для чего необходимо проведение спортивной ориентации с целью повышения успешности и мотивации ребенка к занятиям.

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования поведения детей 7-8 лет в сети интернет. Ставится вопрос о необходимости профилактики smart-зависимости уже в дошкольном периоде. В качестве одного из способов предотвращения данной формы аддиктивного поведения рассматривается приобщение детей к спорту через проведение спортивной ориентации. В статье показано, что уже в возрасте 7-8 лет у исследованной группы детей наблюдались признаки зависимого поведения в отношении использования smart-устройств. Выявлено, что занятия физической культурой и спортом снижают длительность пребывания детей в web-пространстве, но не влияют на выраженность реакций при ограничении использования smart-устройств.

Ключевые слова: smart-зависимость, спортивная ориентация, младший школьный возраст

Annotation. This article presents the results of a study of the behavior of children 7-8 years old on the Internet. The question of the need to prevent smart addiction is already in the preschool period. One of the ways to prevent this form of addictive behavior is considered to involve children in sports through sports orientation. The article shows that, at the age of 7-8 years, the studied group of children showed signs of addictive behavior regarding the use of smart devices. It was revealed that physical education and sports activities reduce the duration of children's stay in the web space, but do not affect the severity of reactions to restrictions on the use of smart devices.

Keywords: smart-addiction, sports orientation, primary school age

Литература:

1. Ардашкин И.Б. Смарт-общество как этап развития новых технологий для общества или как новый этап социального развития (прогресса): к постановке проблемы // Вестник

Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 4 – С. 38-41.

2. Воронов Д.И. Социально-психологические детерминанты компьютерной зависимости и ее профилактика средствами физической рекреации и психокоррекции: дисс. канд. психол. наук. – С-Пб, 2016 – 266 с.

3. Гилева Н.С. К вопросу о профилактике интернет-зависимости у подростков // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – №4(26). – С. 136-138.

4. Жукова М.В., Фролова Е.В., Шишкина К.И. К вопросу о необходимости подготовки будущего педагога к работе по профилактике игровой компьютерной аддикции у дошкольников и младших школьников // Вестник Челябинского гос. педагогического ун-та. – 2016. – №8. – С. 44-51.

5. Корчагина Г.А., Евсеев С.П. Критерии эффективности профилактических мероприятий наркоманий в сфере физической культуры и спорта: метод. пособие. – С-Пб, 2004. – 48 с.

6. Карабанов А.П., Шарковский Д.М. Современное состояние проблемы измерения интернет-зависимого поведения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2018. – Т. 26. – С. 53-62.

7. Юрьева Л.Н., Больбот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография. – Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с.

УДК 316.454.3

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФОРМАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ДЕСТРУКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, НА ПРИМЕРЕ «ЗАЦЕПЕРЫ»

Моцовкина Елена Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры социально-педагогических технологий и педагогики
девиантного поведения Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

г. Ялта,

Пяткова Кристина Николаевна,

студентка 5 курса специальности

«Педагогика и психология девиантного поведения»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Ялта

Постановка проблемы. Возрастные и психологические особенности взрослеющих подростков и юношей во многом объясняют тот факт, что они являются одной из наиболее вовлекаемых категорий населения в асоциальную активность в социальной среде. Учитывая не сформированность моральных и политических взглядов, ценностных ориентаций, шаткость самооценки и небольшой социальный опыт, молодые люди легко поддаются влиянию и часто становятся частью неформальных деструктивных организаций.

По данным МВД России на 2018 год на учете органов внутренних дел состоят 302 деструктивные организации, из них 50 несут наибольшую опасность для жизни человека и общества. Кроме того, в последние годы увеличивается количество «искусственных» объединений, создаваемых «сверху» (государственной властью) или «со стороны» (экстремистскими организациями, зарубежными фондами, коммерческими структурами) и рассматривающих молодое поколение в качестве объекта манипуляции. В результате

молодежь превращается в некое подобие «одеяла», которое «тянут» в разные стороны противостоящие друг другу политические силы.

Цель статьи. На основе анализа научной литературы, методических материалов, а также популяризации и активизации неформальных общественных организаций и объединений выявить специфику деятельности неформальных молодежных деструктивных организаций, на примере «зацеперы».

Изложение основного материала исследования. В научном мире нет единого мнения о том, что же такое молодежные неформальные организации, так как в современном обществе собрано недостаточно информации о них. Они являются мобильными постоянно меняющимися, что значительно затрудняет формирование теоретической базы по этой теме. Однако, можно сказать, что неформальные молодежные объединения или же субкультура – это организации, созданные на добровольной основе, характеризующиеся особым стилем жизни, который возник на основе молодежной инициативы и общих интересов ее участников. Организации достигают определенных целей по средствам групповой активности. Такие объединения создаются на время, иногда спонтанно и так же спонтанно распадаются, имея постоянно меняющуюся структуру.

Вопрос изучения субкультур издавна интересовал ученых, еще в 1920-1940 годах началось изучение в Университете Чикаго, когда это явление еще не имело такого названия, профессорами Ф. Трэшем и П. Кресси. В исследованиях таких авторов как А. Коэн, Р. Клоурд отождествляли причастность молодежи к субкультурам исключительно как деструктивное проявление в подростковом возрасте. В научных разработках, сделанных в Великобритании, субкультуры приобретают несколько другой оттенок и высвечиваются как процесс культурной борьбы между буржуазией и пролетариатом. Такое мнение было актуально в 1960-1970 годах и его авторами были Дж. Кларк, М. Брейк, С. Коэн. В отечественной науке активное изучение этого вопроса началось в 80-х годах XX века и основными разработчиками были С.Н. Иконникова, И.К. Кучмаева, Т.Б. Щербанская и другие; в научном обороте категория «субкультура молодёжи» отождествлялось посредством понятия «неформальное объединение молодежи».

Многие отечественные социологи поднимали такой аспект деятельности молодежных неформальных объединений как социальные ориентиры, ценностные ориентации, мотивы деятельности молодежи. Представителями этого направления являются Ю.Р. Вишневский, С.С. Фролова, В.Т. Шабко. Однако сегодня наиболее актуальными исследованиями является комплексный структурный подход к описанию жизнедеятельности субкультур. П.Е. Быстров, Е.Л. Омельченко активно представляют в научном сообществе этот подход к неформальным молодежным организациям.

По мнению С.В. Косарецкой [2] любая неформальная общественная организация является противопоставлением себя обществу и своеобразным протестом против современных тенденций общественного развития. В Россию такие организации пришли в 90-х годах из западных стран и получили свое активное распространение благодаря средствам массовой информации. Со снятием железного занавеса в России оказались популярными такие молодежные течения как хиппи, панки, готы, скинхеды, рокеры, реперы. Они противопоставляли себя обществу и предлагали свободную жизнь: свободный стиль одежды, любовь, музыку.

Сегодня спектр таких организаций значительно расширился. В связи с этим ученым удалось классифицировать молодежные неформальные организации, опираясь на конструктивность их деятельности. Так к конструктивным организациям Е.Л. Омельченко [3] относит:

1. Профессиональные и околопрофессиональные;
2. Культурные
3. Игровые;
4. Спортивные;
5. Политические (не представляющие социальной опасности);

6. Землячества (если они не криминализованы);
7. Религиозные (кроме тоталитарных и сатанинских сект);
8. Гендерные.

Деструктивные организации – объединения экстремистской и радикальной направленности, криминально-ориентированные, сатанинские и тоталитарные объединения, секты.

Ярким примером деструктивной неформальной молодежной организации является «зацеперы» или трейнсерферы [1]. Это движение появилось с момента создания железных дорог, и подразумевает езду снаружи поездов на крыше, на переходных площадках или в открытых кузовах. В современности свои поездки молодежь снимает на видео и выкладывает в интернет. Следовательно, зацеперы – это молодежь, которая нелегально передвигается снаружи железнодорожного транспорта, а зацепинг – это молодежное движение предполагающее проезд на крышах либо на разделительных площадках поездов. Молодежь в этом движении привлекает большое количество факторов, например получение адреналина, утверждение в группе сверстников, повышение популярности в социальных сетях по средствам снятия на видео поездок и выкладывания в сеть интернет. Зацеперами часто становятся путешественники и молодежь, которой не хватает острых ощущений. В некоторых восточных странах зацепинг является вынужденной мерой передвижения в результате низкого материального положения граждан и перенаселения страны. Однако в нашей стране, эти «активисты» рискуют получить административное наказание. Но самым страшным наказанием за такой способ получения адреналина может быть смерть в результате несчастного случая.

Активное распространение это движение получило в первой половине XX века, однако сегодня оно является не менее популярным. Молодежь стремится получить больше острых ощущений. Массовые поездки снаружи поезда применяются как способ протеста и привлечения внимания к каким-либо вопросам. Так 10 июля 2010 года на московской железной дороге зацеперами была проведена массовая акция протеста об отмене пригородных железнодорожных маршрутов. И таких примеров достаточно много. В социальных сетях не составит труда найти видео с массовыми поездками молодежи снаружи поездов, а также с ситуациями несчастных случаев гибели участников этого движения.

На примере этой организации видно, что особенностью деятельности деструктивных неформальных молодежных организаций является приобщение к коллективу, обеспечение единой цели и идеи деятельности, возможности самореализации хоть и в негативном ключе. Эта организация собирает молодежь, которая разочарована в нынешних идеалах и не находит поддержки со стороны близких, они испытывают стремление к героизму и самопожертвованию, стремятся выйти за рамки, установленные обществом, и привнести элемент хаоса, испытывают адреналиновый голод.

Важно отметить, что в подростковой среде деятельность зацеперов активно рекламируется, невозможно определить ее структуру, так как постоянно меняется количество молодежи, приобщенной к этой деятельности, что значительно осложняет и определение масштабов распространения этого движения. Молодежь пользуется особым языком, в основе которого лежит транспортная терминология, чувствует себя частью огромного механизма, не принимая во внимание факт подвергания своей жизни риску. По данным дорожной полиции в 2018 году на железной дороге было зарегистрировано 250 несчастных случаев с участием молодежи, 111 из них со смертельным исходом, что и подтверждает деструктивность этой организации.

В противовес тенденции увеличения численности деструктивных молодежных организации сегодня молодежные организации могут получать поддержку от государства в популяризации своих идей и финансировании деятельности в том случае, когда организация имеет юридический статус и существует не менее 1 года. На основании Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» регламентируется профилактический аспект создания неформальных деструктивных

молодежных объединений, так как создаются большие площадки для самореализации в многочисленных социально полезных направлениях [4].

Вывод. Таким образом, молодежные неформальные общественные деструктивные организации характеризуются наличием асоциальных групповых ценностей и интересов, преобладание интимно-личностного общения на основе единой идеи, наличием особого стиля жизни и своего языка общения – сленга, ситуативным характером групповой деятельности. Движение зацеперов активно привлекает молодежь, так как это простой способ получения адреналина, утверждения в коллективе и повышения собственной самооценки. Становясь частью зацеперства, молодое поколение не чувствует угрозы, а только жаждет острых ощущений, которые часто стоят им жизни.

Аннотация: в статье представлена характеристика деструктивных молодежных организаций, которые состоят на учете в Министерства Внутренних Дел России. Представлена классификация неформальных молодежных организаций по принципу конструктивности характера их деятельности. Так же описаны особенности деятельности неформальных молодежных деструктивных организаций на примере «зацеперы». Представлены отличительные черты этой организации, указан период начала ее деятельности. На основании анализа научно-исследовательской и публицистической литературы представлена специфика деятельности деструктивных молодежных неформальных объединений.

Ключевые слова: зацеперы, деструктивные неформальные молодежные организации.

Annotation: The article presents the statistics of destructive youth organizations that are registered with the Ministry of Internal Affairs of Russia. A general description of destructive informal youth organizations is given. The classification of informal youth organizations on the principle of the constructive nature of their activities is presented. It also describes the features of the activities of informal youth destructive organizations on the example of «zatsepery». The distinctive features of this organization are presented, the period of the beginning of its activity is indicated. Based on the analysis of research and journalistic literature, the specifics of the activities of destructive youth informal associations are presented.

Keywords: hooks, destructive informal youth organizations.

Литература:

1. Егорова Т. В. Работа с экстремистскими объединениями в Германии [текст] / Т.В.Егорова // Педагогика. – 2006. – № 5. – 92 с.
2. Косарецкая С.В. О неформальных объединениях молодежи / С.В. Косарецкая. М.: Академия. – 2004 – 231 с.
3. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. – М.: Академия. – 2009 – 132 с.
4. Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций»: [Фед. закон: принят Гос. Думой 22 августа 2004 г.]. – СПб.: Victory: Стаун-кантри, 2004. – 63 с.

Назмутдинов Ризабек Агзамович,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и дефектологии Костанайского государственного педагогического университета имени У. Султангазина
Республика Казахстан, г. Костанай

Постановка проблемы. Проблема психологического влияния неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних является важнейшей проблемой превентивной психологии-раздела юридической психологии, изучающего природу и генезис отклоняющегося поведения с позиции междисциплинарного системного подхода, включая личностные, социальные, социально-психологические, психолого-педагогические и другие факторы, обуславливающие социопатогенез.

Целью статьи является рассмотрение вопроса: каким образом влияют родители на своих детей и в чем выражается негативное влияние неблагополучных семей на поведение несовершеннолетних.

Изложение основного материала исследования. Для характеристики негативного психологического влияния неблагополучной семьи на несовершеннолетних необходимо разъяснить понятие «отрицательный фактор» и «отрицательное влияние».

«Отрицательный фактор» – явление действительности, которые по содержанию и направленности вступают антиподами положительных факторов. Если последние оцениваются как источник, способствующий прогрессу личности, то их антиподы – отрицательные факторы как сила, тормозящая этот процесс. По мнению Т.В. Богудской [1, с.35], отрицательными факторами процесса формирования личности следует считать те явления действительности, которые по содержанию и направленности не соответствуют нормам и требованиям общества, а своим воздействием на личность способны тормозить ее дальнейшее совершенствование.

«Отрицательное влияние» относится главным образом к результатам воздействия того или иного фактора. Влияние на субъект может быть амбивалентным (двойким), то есть при определенных условиях положительное может переходить в отрицательное и наоборот. И.П. Прокопьев [2] полагает, что все отрицательные явления действительности, включаясь в реальную среду в развитие конкретной личности, становятся факторами этого процесса и могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие.

И.Б. Пономарев, Е.А. Пономарев [3, с.48-50] выделяют пять основных причин дезорганизации семейных отношений: 1) социально-экономические условия (хроническое безденежье, нищета, отсутствие нормальных условий жизни) часто служат причиной дезорганизации, конфликтности семейных отношений; 2) социально-психологические причины (семейные конфликты) связаны со спецификой взаимоотношения и общения супругов; 3) личностные причины (акцентуации характера, особенности личности супругов); 4) негативные межличностные отношения (недоверие, безразличие, недовольство) могут некоторое время не находить отражения в общении супругов; 5) дезорганизация общения супругов выражается в язвительности, грубости, невнимательности, провоцирует конфликты на поведенческом уровне.

Зарубежные исследователи утверждают, что фундамент личности закладывается в самый ранний период взаимодействия ребенка с родителями. Так, по мнению Зигмунда Фрейда, потребность в любви, эмоциональной привязанности является одной из главенствующих потребностей человека, которая способна определить не только поколение, но и всю его жизнь. Сегодня большинство психологов и психотерапевтов понимает невроз как нервно-психическое расстройство, в основе которого лежит неудовлетворенная, как правило, детская потребность в любви.

Альфред Адлер считал, что родительское пренебрежение детьми, отвержение может

стать причиной появления у них чувства неполноценности по той причине, что отвергаемые дети чувствуют себя нежеланными. Они идут по жизни без достаточной уверенности в своей способности быть полезными, любимыми и оцененными по достоинству другими людьми. Детские страдания могут стать причиной возникновения неврозов в зрелые годы.

Существует большое количество исследований, которые убедительно доказывают зависимость между негативными взаимоотношениями в системе «родители – ребенок», эмоциональной депривацией в семье и детской агрессией. Установлено, например, что если у ребенка сложились негативные взаимоотношения с одним или обоими родителями, если тенденция развития позитивности самооценки и Я – концепции не находит поддержки и опеки, то вероятность длительного девиантного поведения существенно возрастает, ухудшаются отношения со сверстниками, проявляется агрессивность по отношению к собственным родителям.

Недостаток общения родителей с детьми и неприятие их со стороны родителей также является верным признаком делинквентного поведения личности в будущем. Браун доказал, что неблагоприятные эмоциональные отношения детей с родителями играют большую роль в развитии деятельности. Признаками неблагоприятных эмоциональных отношений в семье являются частые случаи повышения голоса на ребенка, называние его оскорбительными прозвищами, чрезмерная критика или полное игнорирование ребенка.

Свидетельствуют об отрицательном влиянии семейных ссор и скандалов на формирование личности детей: В.Л. Васильев [4] говорит «Важнейшим условием формированию личности трудного подростка в большинстве случаев является неблагоприятная ситуация в семье.

Влияние неблагоприятной семьи отражается и на социальном уровне функционирования психики В.Л. Сисенко [5] подчеркивает: «Если ребенок растет в семье, для которой характерны постоянные ссоры, конфликты, скандалы, то он полагает, что теплые, нормальные взаимоотношения между людьми лицемерны. Первый, самый решающий опыт эмоционального общения у него отрицательный. В результате вырабатывается особый взгляд на мир человеческих взаимоотношений, который закрепляется в психике и который очень трудно перевоспитать».

В литературе по психиатрии завоевала признание точка зрения о том, что в условиях конфликтной семьи ребенок приобретает отрицательный опыт общения, чувствует враждебные, недружелюбные взаимоотношения между родителями, преждевременно разочаровывается в человеческих взаимоотношениях вообще и не приобретает положительного опыта сотрудничества и кооперации, столь необходимого для жизни в обществе. Поэтому в условиях конфликтной, проблемной семьи частые случаи патологического развития характера ребенка, возникновение трудновоспитуемости девиации поведения несовершеннолетних.

Считаем неблагоприятную такую дисфункциональную семью, которая:

-не выполняет своих основных функций по воспитанию, образованию, первичные социализации детей;

-оказывает криминогенное влияние на несовершеннолетних, наносит подрастающему поколению психологический вред;

-способствует девиации и делинквентности поведения несовершеннолетних.

В ходе эмпирических исследований подтверждается предположение о том, что неблагоприятная семья негативно влияет на поведение несовершеннолетних, способствует формированию девиантного поведения несовершеннолетних. Ученые-психологи выделяют семь типов неблагоприятной семьи, способствующих возникновению девиантного поведения в подростковом возрасте:

1. Алкогольные – семьи, в которых один или оба родителя чрезмерно употребляют алкоголь;

2. Асоциально-аморальные – семьи, которые характеризуются антиобщественными установками и ориентациями;

3. Конфликтные – семьи, которых постоянно или периодически происходят конфликты, где царит атмосфера взаимного неуважения, придинок, нередко дело доходит до рукоприкладства;

4. Криминальные – семьи, в которых родители, старшие братья(сестры), другие члены семьи отбывают либо уже отбыли наказание в местах лишения свободы;

5. Семья с психически больными родителями – семьи, в которых один или оба родителя состоят на учете в психодиспансере; часто несовершеннолетние из этих семей имеют психические отклонения: шизофрению, олигофрению, задержки психического развития и в силу этого не успевают в школе, уходят с уроков, проводят время в уличных компаниях;

6. Педагогически несостоятельные – семьи, утратившие свое влияние на несовершеннолетних в силу психологических причин, либо по причине незнания детской психологии;

7. Наркотические семьи, в которых родители употребляют наркотики.

В основе предложенной классификации лежит криминогенный характер, влияние неблагополучных семей и признак доминирующего психологического влияния неблагополучной семьи.

В ходе нашего эмпирического исследования установлено, что наиболее весомыми типами неблагополучных семей, являются алкогольные и асоциально-аморальные.

У несовершеннолетних из неблагополучных семей зафиксировано четырнадцать форм девиантного поведения (в среднем 3,7 на одного ребенка): 1) повышенная агрессия, жестокость (16,22%); 2) тунеядство, нежелание учиться, второгодничество (14,89%); курение (12,02%); 3) употребление спиртных напитков 11,64%); 5) бродяжничество, попрошайничество (11,07%); 6) раннее начало половой жизни, проституция (7,44%); 7) токсикомания (6,11%); 8) воровство (5,73%) ; 9) хулиганство (5,15%); 10) участие в криминальных группах (4,01%); 11) наличие судимости (2,67%); 12) суицидальное поведение (1,72%); 13) вандализм (0,76%); 14) употребление наркотиков (0,57%).

Наиболее весомыми формами девиантного поведения несовершеннолетних являются следующие: повышенная агрессия, жестокость – на первом месте; тунеядство, нежелание учиться – на втором; курение – на третьем; употребление спиртных напитков -на четвертом; бродяжничество, попрошайничество – на пятом; раннее начало половой жизни, проституция – на шестом; токсикомания – на седьмом.

Выводы. Стрессы и дистрессы, которые испытывает несовершеннолетний в условиях жизни в неблагополучной семье, способствуют запуску психологических механизмов преступного поведения и формированию девиантного поведения несовершеннолетних. Таким образом, полученные данные позволяют нам сделать вывод о том, что неблагополучная семья психологически-негативно влияет на поведение несовершеннолетних и способствует формированию девиантного поведения последних.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема влияния неблагополучной семьи на поведение подростков. Утверждается, что в конфликтной семье подросток приобретает отрицательный опыт общения, приводятся данные эмпирического исследования. Данные могут быть использованы в профилактической работе.

Ключевые слова: социопатогенез; «отрицательное влияние»; стресс; дистрессоры.

Annotation. This article discusses the problem of the influence of a dysfunctional family on the behavior of adolescents. It is argued that in a conflict family a teenager acquires a negative experience of communication. Empirical research data are presented. Data can be used in preventive work.

Keywords: sociopathogenesis; «negative influence»; stress; distressors.

Литература:

1. Богуцкан Т.В. Компенсация негативных влияний микросреды на младших

школьников: Дис. ... канд. пед. Наук. – Барнаул, 2001. – 124 с.

2 Васильев В.Л. Юридическая психология. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 380 с.

3 Пономарев И.Б. Избранные труды: Юридическая психология, конфликтология и психология управления, практическая психология в ОВД. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2012. – 464 с.

4 Прокопьев И.П. Проблемы отрицательных влияний в воспитании. – Курск, 1994. – С. 102-129.

5 Сысенко В.А. Супружеские конфликты. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1989. – 168 с.

УДК 376.56

ТЕХНОЛОГИИ КЛУБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Никитина Екатерина Леонидовна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры педагогики

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,

г. Киров

Постановка проблемы. Одним из путей решения проблем девиантного поведения подростков является целенаправленная педагогическая деятельность, направленная на предупреждение отклоняющегося поведения. Современная ситуация заставляет искать новые формы и методы организации профилактической работы с подростками. Одной из эффективных форм профилактики девиантного поведения подростков является технология клубной деятельности, содействующая установлению новых взаимоотношений как со сверстниками, так и со взрослыми. Исходя из вышесказанного, определяем проблему исследования: каково содержание реализации технологии клубной деятельности в условиях учреждения дополнительного образования?

Целью статьи является теоретическое и практическое обоснование эффективности технологии клубной деятельности в профилактике девиантного поведения подростков в условиях учреждения дополнительного образования детей.

Изложение основного материала исследования. Взросление современной молодежи происходит в сложных социально-экономических условиях: нестабильность экономической ситуации в стране, кризис института семьи, размытость моральных ценностей, которые уже не являются твердой опорой для выстраивания собственной личности. Следовательно, возникает необходимость использования специальных мер для развития и усиления «Я» подростка, формирования жизнеспособной личности, обладающей достаточными внутренними ресурсами для успешного взаимодействия в социуме. Особую роль в решении сложных проблем социализации подростков занимают учреждения дополнительного образования за счет оптимально организованной жизни детей вне уроков, вне школы в контексте жизненного, социального и профессионального самоопределения. Одним из направлений деятельности по профилактике девиантного поведения подростков является клубная деятельность, реализующая программы и проекты культурно-воспитательного характера с целью организации общения и досуга, социализации и адаптации детей.

Подростковый клуб является самостоятельной, самодостаточной культурно-досуговой системой, располагающей собственной базой, с постановкой своих целей, задач, формой существования и видов деятельности. Подростковый клуб представляет собой пространственное окружение, приводящее подростка в мир духовно-нравственных ценностей и отношений, которые обеспечивают необходимые условия его социализации и развития [3].

Клубная работа с подростками имеет ряд преимуществ перед другими формами взаимодействия с детьми:

1. В рамках подростковых клубов создаются все условия для снятия характерного для подросткового возраста психологического напряжения. Эмоционально-доброжелательная атмосфера клуба сама по себе является притягательной для подростков.

2. Функционирование подростковых клубов в сфере свободного времени детей, что способствует раскрепощению, открытости, готовности подростка к контакту со сверстниками и взрослыми.

3. Подростки получают возможность не только задать свои вопросы и поделиться проблемами, но и осознать само наличие таких проблем. Придя из любопытства на заседания клуба, многие находят ответы на свои еще не до конца оформившиеся вопросы.

4. Организация взаимодействия специалистов и воспитанников клуба на основе добровольного выбора подростков. Формат свободного общения, вопросов и ответов, обмена мнениями позволяет не учить детей, а дать им возможность самим прийти к разрешению своих сомнений.

5. Подготовленная заранее программа занятий клуба может меняться. Также программа может создаваться пошагово, в процессе работы клуба, т. е. после каждого занятия подростки могут решать, какая проблема станет основой для обсуждения на следующем клубном занятии.

Мотивы, обуславливающие участие в деятельности клуба, основываются на ряде потребностей подростков, которые группируются следующим образом:

– потребность в общении (от попытки «убить время» за приятным разговором до надежды обрести значимого взрослого или надежного друга)

– желание чему-либо научиться;

– потребность в развлечении;

– потребность в реализации своих способностей;

– потребность в социальном статусе.

Клубное объединение характеризуется общими признаками, отражающими их сущность: добровольность вхождения, общедоступность, относительная стабильность состава.

В 2015 году на базе Муниципального образовательного автономного учреждения дополнительного образования «Центр развития творчества детей и юношества города Кирова», был создан городской подростковый клуб «Точка опоры» для подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации. Трудная жизненная ситуация – это ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность, привычные внутренние связи и порождающая невозможность реализации внутренних стимулов: мотивов, стремлений, ценностей [1]. Все эти факторы приводят к нарушению процесса нормальной позитивной интеграции в полноценную жизнь общества и к росту подростковой преступности. Такие дети нуждаются в помощи, направленной, с одной стороны, на изменение трудной жизненной или социально опасной ситуации, в которой они оказались, а с другой – на минимизацию его социальных, психологических и педагогических проблем и трудностей с целью их поэтапного решения.

Цель деятельности клуба – профилактика девиантного поведения подростков.

Задачи деятельности клуба:

1. Формирование у подростков стремления к самопознанию, погружение в свой внутренний мир и ориентация в нем.

2. Помощь подросткам в осознании и принятии своего семейного опыта.

3. Выработка и развитие у подростков навыков общения со сверстниками и старшими людьми.

4. Развитие способностей самостоятельно определять цели своей жизни, способности к самопроекции себя в будущем.

Организация работы клуба Центра дополнительного образования имеет следующий алгоритм. Клуб создается приказом директора Центра с назначением ответственного

специалиста, которым является педагог-психолог социально-психологического отдела. Данный специалист разрабатывает программу деятельности клуба с учетом запроса и возрастных особенностей детей, ежегодный и ежемесячный план работы клуба, формирует расписание работы клуба, ведет журнал учета мероприятий, проводимых в клубе, составляет отчетность. Положение о работе клуба содержит общие положения, основные направления и принципы организации клуба.

Наиболее сложной задачей для педагогов дополнительного образования являлась задача включения детей и подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, в деятельность клуба. Для этого были разработаны буклеты, которые распространялись среди детей; проводились дни открытых дверей; осуществлялось взаимодействие с социальными педагогами и классными руководителями образовательных организаций г. Кирова; была создана страничка организации дополнительного образования детей в социальных сетях.

Членами клуба могут стать все желающие дети в возрасте 10-17 лет. Особенностью клуба является включение детей в систему социальных отношений, расширение сферы социальных связей посредством организации досуга, взаимодействия детей и взрослых в совместной деятельности. Определяя направления деятельности клуба, мы опирались на основные потребности подростков, к которым относятся: любопытство, стремление познать и испытать как можно больше; стремление к переживанию «драйва»; стремление к наслаждению, получению удовольствия; стремление уйти от осознания несправедливости мира, разочарований и утрат; протест против родителей; страх потерять расположение определенной социальной группы («Я как мои друзья») [2]. В соответствии с этим, нами были выделены следующие направления деятельности клуба:

1. Спортивно-оздоровительное. Привлечение подростков к занятиям разными видами спорта, участие в соревнованиях, спортивных играх, где подростки имеют возможность переживать радостное напряжение разумного риска (драйва), преодолевать собственный страх, разрядить накопившееся напряжение. Кроме того, в спорте всегда есть четкие правила, дисциплина и порядок, что позволяет подросткам обрести внутренние границы и ориентиры. В рамках данного направления осуществляется информирование подростков о влиянии отклоняющегося поведения (агрессивного, противоправного или аддиктивного) на здоровье, отношения, жизнь и судьбу человека.

2. Профориентационная деятельность, направленная на оказание помощи подросткам в процессе их профессионального становления. Реализация данного направления включает три основных компонента:

– ознакомительный, предполагающий сформированность у подростков знаний об особенностях выбранной профессии, о психологических особенностях личности профессионала, об особенностях профессиональной среды и общения в ней. Включает в себя экскурсии в МЧС, ОМОН, ГИБДД, посещение дней открытых дверей в СУЗах и ВУЗах г. Кирова, встречи и беседы с представителями разных профессий и т. д.

– диагностический, направленный на психодиагностику индивидуальных особенностей личности для выявления и развития профессионально значимых и психокоррекции профессионально нежелательных качеств личности. Необходимым является психологическое консультирование по результатам исследования, стимулирование интереса подростков к самопознанию, самоанализу.

– посреднический, предполагающий организацию совместной деятельности подростков, родителей, педагогов с целью соотнесения профессиональных планов детей с ожиданиями их родителей; координацию их усилий для реализации выбранного профессионального пути. Реализуется данный компонент через организацию и проведение родительских групп, совместных тренингов родителей и детей.

3. Социально-значимая деятельность, включающая в себя помощь педагогам в организации праздников; привлечение подростков к волонтерской деятельности, трудоустройство подростков на время каникул. Данные виды деятельности являются альтернативой девиантному поведению и основаны на механизме замещающего эффекта, что

позволяет преодолеть депривацию значимых потребностей подростка просоциальным способом и избежать рисков девиантного поведения.

4. Культурно-досуговая деятельность включает посещение концертов, развлекательных центров, театров, кинотеатров, использование синема-технологий, флэш-мобов и т.д. Активизация развивающего досуга несовершеннолетних позволяет повысить их общий культурный уровень, показать альтернативные виды досуговой деятельности, расширить кругозор.

Кроме того, в рамках деятельности клуба психолог Центра реализует программу, направленную на помощь подросткам в самореализации, в раскрытии и развитии личностного потенциала, в принятии и освоении собственной свободы и ответственности за жизненные выборы, формировании мотивации к познанию и творчеству. Занятия с подростками проводятся два раза в месяц. Длительность занятий может варьироваться (от 45 мин до 1 часа 30 мин). Активное обучение социально-важным навыкам преимущественно реализуется в форме групповых тренингов, направленных на развитие устойчивости к негативному социальному влиянию. В рамках тренинга осуществляется преодоление установок девиантного поведения, развитие способности говорить «нет» в случае давления сверстников, формирование умений выражать свои эмоции социально приемлемым образом, продуктивно справляться со стрессом и т. д. Часть занятий проводится на базе Вятского государственного университета.

Анализ психолого-педагогической литературы и опыт организации клуба для подростков «Точка опоры» позволяет сделать вывод о том, что важным фактором успешности функционирования клуба является личность руководителя. Одна из самых важных потребностей подростка – это надежная привязанность со значимым заботливым взрослым, который является авторитетом для ребенка. Привязанность к взрослому необходима подростку, чтобы помочь родиться его индивидуальности, встроиться во взрослое общество, защитить его от невыносимых душевных ран, сделать так, чтобы его жизнь была более предсказуемой. К сожалению, в настоящее время у детей ослабевает близость с самыми близкими людьми – родителями в силу их занятости или неблагополучия семьи. Вследствие этого, подростки начинают ориентироваться на сверстников и зависеть от них, что приводит к негативным последствиям. Следовательно, возрастает роль педагога, способного стать советником и не упускать сердце подростка. Это человек, который ставит отношения с подростком в приоритет и подчеркивает это, берет на себя ответственность поддерживать ощущение близости, воздерживается от поощрения зависимости от сверстников и ориентации на них.

Одной из особенностей деятельности подросткового клуба «Точка опоры» является тесное сотрудничество с Институтом педагогики и психологии Вятского государственного университета. К реализации программы клуба привлекаются студенты 3-4 курсов, которые участвуют в следующих видах деятельности:

- непосредственно проводят часть занятий под руководством преподавателя;
- организуют совместную досуговую деятельность студентов и подростков;
- выступают в роли наставников подростков;
- включают подростков в исследовательскую деятельность, создание совместных проектов (преподавателей, студентов и детей);
- осуществляют консультирование подростков по их запросам.

Представленные направления деятельности подросткового клуба «Точка опоры» позволяют расширить социальные связи подростков с внешним миром, в которых осуществляется социализация: общение (расширение круга и повышение качества общения), самосознание (понимание себя как части социума), деятельность (освоение разнообразных видов деятельности). Клубная деятельность на базе центра дополнительного образования позволяет объединить усилия школы, семьи, государственных учреждений и общественных организаций для организации воспитательного процесса.

Выводы. Таким образом, клубная деятельность в учреждении дополнительного образования, является важным средством профилактически девиантного поведения подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации. Это становится возможным благодаря движению от реализации индивидуальных потребностей подростков, через включение в социальную деятельность, к социально одобряемому стилю жизни.

Аннотация. В статье описывается деятельность клуба для подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации: задачи, основные направления и методы работы; раскрывается роль педагога в реализации технологии клубной деятельности по профилактике девиантного поведения подростков.

Ключевые слова: подростки, клуб, трудная жизненная ситуация.

Annotation. The article describes the working of the club for teenagers, who are in a difficult life situation: tasks, main directions and methods of work; the role of the teacher is revealed in the implementation of technology of club activities for the prevention of deviant behavior of teenagers.

Keywords: teenagers, club, difficult life situation

Литература:

1 Дивицына Н.Ф. Социальная работа с неблагополучными детьми и подростками. – Ростов на-Дону: «Феникс», 2005. – 288 с.

2 Емельянова Е. В. Психологические проблемы современных подростков и их решение в тренинге. – М.: Генезис, 2015. – 376 с.

3 Немтинова А.А. Социально-педагогическое сопровождение детей в подростковом клубе [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / А.А. Немтинова. – Калининград, 2013. – 270 с.

УДК 159.9.072

КОРРЕКЦИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Новикова Лариса Юрьевна,

заведующая отделом социально-психологической помощи МБУ «Молодежный центр»,

г. Владимир

Онуфриева Вера Васильевна,

старший преподаватель

ГБОУ ВО «Владимирский государственный университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,

г. Владимир

Постановка проблемы. Исследования девиантного поведения широко представлены в современной психолого-педагогической литературе. Не смотря на многолетнюю разработку этой проблемы в педагогике и психологии, до сих пор в психолого-педагогической литературе авторы пишут о недостатке конкретных форм и методов коррекции девиантного поведения подростков.

В последние годы интенсивным исследованием проблем девиантного поведения среди подростков занимались отечественные исследователи: В.Г. Бочарова, Б.З. Вульф, М.А. Галагузова, С.И. Григорьев, В.И. Загвязинский, Ю.А. Клейберг, М.А. Ковальчук, А.П. Краковский, Г.П. Медведева; Е.В. Змановская; Л.Б. Шнейдер; И.Н. Девятьярова; А.А. Александров, В.Д. Менделевич, Г.Р. Сафина и другие. По мнению авторов в образовательных учреждениях увеличивается количество подростков, имеющих те или иные

девиации в поведении, наиболее часто наблюдается девиантное поведение следующих видов: асоциальное поведение, алкоголизм, наркомания, воровство и другие.

По мнению Е.В. Змановской, девиантное поведение есть, что иное, как внешнее проявление девиантности, имеющее повторяющуюся форму действий, которые представляют явную угрозу для общества и личности, получая отрицательную оценку общества, но в то же время обладающих высокой значимостью в индивидуальном плане, что объясняется направлением изменений и нарушений в структуре социальных взаимоотношений группы или личности [2, с.8].

Девиантное поведение подразумевает систему поступков, имеющих существенные отклонения от действующих в обществе, правил и норм (правовых, нравственных, этических). Девиантное поведение проявляется как не сбалансированный психический процесс, нарушение самоактуализации, сознательное уклонение от самоконтроля над собственными поступками, действиями и поведением. Девиантное поведение особенно остро проявляется в подростковом возрасте (в силу противоречий этого возраста) и приводит к серьезным нарушениям процессов социализации, обучения и развития.

Значимость проявлений девиантного поведения подростков для общества остро ставит проблему его коррекции. В настоящее время коррекционные мероприятия особенно актуальны для старших подростков, обучающихся средних специальных учебных заведениях.

Под понятием коррекции понимается, как психологическое, так и педагогическое воздействие, которое направлено не только на преодоление или ослабление отрицательных качеств подростка, но так, же на получение необходимых ему положительных качеств. Коррекция, пишет Баженов В.Г. – это процесс или система мер, применяемых по отношению к человеку, для восстановления его жизнедеятельности непосредственно в том случае, когда она нарушена. Психологическая коррекция – это деятельность, которая направлена на формирование необходимых подростку психологических качеств, для повышения его социализации и адаптации к изменяющимся условиям жизни [1, с.293].

Коррекция девиантного поведения является социально-педагогическим и психологическим комплексом взаимосвязанных, взаимообусловленных операций и процедур, направленных на регуляцию мотиваций, ценностных ориентаций, установок и поведения личности, а через неё – на систему различных внутренних побуждений, регулирующих и корректирующих личностные качества, характеризующие отношение к социальным действиям и поступкам [1, с.296].

Л.Б. Шнейдер выделяет следующие этапы коррекционной работы в подростковых девиантных группах: формулировка социально-психологической и педагогической трудности; выдвижение гипотез о факторах девиантного поведения; диагностический этап; выбор методов и технологий коррекционной работы; использование методов, методик и технологий коррекционной работы; разработка программы коррекционной работы с подростками; контроль за ходом и эффективностью реализации программы [6, с.298].

Размышляя о принципах психокоррекционной работы Ю.А. Клейберг отмечал, что важно обращать внимание на то, что принцип коррекции должен быть деятельностным, диагностика целостной, педагогическое воздействие прагматичным и своевременным. Ю.А.Клейберг выделял следующие принципы организации и воплощения психокоррекционной работы: целостность диагностики; нормативность развития, системность развития психической деятельности; деятельностный принцип коррекции; высоконравственная гуманистическая направленность психолого-педагогической поддержки; сознание и сострадание; прагматизм психолого-педагогического воздействия; приоритетность превентивности социальных проблем, их профилактика; своевременность психолого-педагогической помощи; профессионализм специалистов; психологов, социальных педагогов, преподавателей и других [4 с. 99].

Целью статьи является теоретическое обоснование, создание, реализация и оценка эффективности программы по коррекции девиантного поведения старших подростков.

Изложение основного материала исследования.

Коррекция девиантного поведения в практическом плане рассматривалась рядом авторов: Г.И. Макарычевой; Е.В. Шукшиной; Е.С. Тимоновой; Т.Ю. Хромовой и другими. Целью программ является коррекция девиантного поведения подростков, психологическая и социальная адаптация, формирование поведенческих навыков подростков [4, 5]. Основные положения системы коррекционно-психологической работы формируют ее основу, устанавливают логику коррекционного процесса, обозначают единую стратегию и определенную тактику управления процессом коррекции развития и поведения подростков.

Анализ Интернет-ресурсов официальных образовательных учреждений показал актуальность разработки программ коррекции девиантного поведения, в том числе и девиантного поведения подростков.

На основании теоретического анализа психолого-педагогической литературы и опытно-экспериментальной работы авторов по составлению и применению коррекционных программ педагогами-психологами образовательных организаций, для реализации целей и задач данного исследования была разработана и реализована программа коррекции девиантного поведения старших подростков, обучающихся на первом курсе технологического колледжа. При этом предполагалось, что включение подростков в специальные психолого-педагогические условия, создаваемые в процессе реализации программы коррекции, позволяют снизить проявления девиаций.

Анализ психолого-педагогической литературы и программ авторов по коррекции девиантного поведения показывает, что наиболее эффективной формой коррекции является социально-психологический тренинг. Цель тренинга – коррекция девиантного поведения подростков, психологическая и социальная адаптация девиантов, формирование эффективных поведенческих навыков.

Задачи тренинга: формирование ответственности подростков за свои поступки, повышение самооценки, формирование навыков управления своими чувствами, выработка эффективных поведенческих навыков противодействия негативному влиянию окружения в рискованных ситуациях, вовлечение подростков в позитивную деятельность, адекватную их интересам, способностям и психическому состоянию, способную отвлечь их от совершения действий девиантной направленности.

Структура тренинговых занятий: разминка, основная часть – выполнение заданий и упражнений, рефлексия. Время проведения занятия: один час, количество занятий - восемь. Состав участников 30 человек, возраст участников 14-15 лет, 16 юношей, 14 девушек.

Ожидаемые результаты – снижение проявлений девиантного поведения у учащихся колледжа, социальная адаптация, снижение негативных установок и агрессивной направленности подростков.

Работа построена по плану формирующего исследования. На первом этапе которого, применялся блок методик для оценки различных аспектов девиантного поведения: анкета Дроковой С.В. «Взаимоотношения подростка с семьей и сверстниками», опросник Орла А.Н. «Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению» (СОП), Басс А. и Дарки Э. «Опросник враждебности Басса-Дарки».

Оценка поведенческих проявлений старших подростков осуществлялась путем анкетирования и показывает, что активно взаимодействующих со сверстниками подростков 30%, у них имеется широкий круг общения в группе, 60% подростков общаются в более узком кругу, имеют меньше друзей. Подростки третьей группы (10%) малообщительны, имеют одного-двух друзей, либо не имеют их совсем.

Оценка склонности к отклоняющемуся поведению показывает, что все подростки в исследуемой группе обладают средней степенью склонности к отклоняющемуся поведению, причем средний балл у девушек немного выше (девушки – 62 балла, юноши – 56 баллов). Это свидетельствует о негативных установках, склонности противопоставлять собственные нормы и ценности групповым, склонности к риску, агрессивной направленности личности, наличию делинквентного потенциала.

Сравнительный анализ индексов агрессивности и враждебности показывает, что индекс агрессивности выше у девушек 28 баллов, у юношей 22 балла, индекс враждебности, напротив, немного выше у юношей 17 баллов, у девушек 12 баллов.

Следовательно, в исследуемой группе подростков имеются предпосылки развития девиантного поведения, склонности к преодолению норм и правил, агрессивному и враждебному поведению.

Оценка эффективности программы коррекции проводилась путем ретестирования тем же набором методик. Полученные результаты позволяют утверждать, что имеются позитивные сдвиги в поведении девиантных подростков:

Анкетирование поведенческих проявлений старших подростков показывает, что количество активно взаимодействующих со сверстниками подростков увеличилось и составило 43%, они имеют широкие контакты с большинством учащихся в группе, количество подростков, общающихся в более узком кругу, имеющих меньше друзей снизилось до 49%. Подростки из третьей, малообщительной группы изменились незначительно (8%).

Показатели склонности к отклоняющемуся поведению снизились (девушки – 53 балла, юноши – 50 баллов). Это свидетельствует о тенденции к формированию установок и стереотипов общепринятых образцов поведения.

Значения индексов агрессивности и враждебности уменьшились, что индекс агрессивности у девушек 21 балл, у юношей 18 баллов; Индекс враждебности у девушек 8 баллов, у юношей 11 баллов. В результате коррекционных воздействий негативные чувства и оценки подростков снизились. Достоверность различий по всем исследуемым параметрам находится на уровне $p \leq 0.05$.

Выводы. Актуальность коррекции девиантного поведения, с одной стороны, связана с усилением девиантной активности подростков, существенная часть которых обучается в средних учебных заведениях. С другой стороны – необходимы новые технологии и модели, направленные на коррекцию девиантного поведения подростков.

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют об эффективности социально-психологического тренинга для коррекции девиантного поведения старших подростков.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема коррекции девиантного поведения подростков. Предложена программа тренинговых занятий. Целью коррекции девиантного поведения является психологическая и социальная адаптация девиантов, формирование эффективных поведенческих навыков. Показана эффективность коррекционной программы по параметрам снижения проявлений девиантного поведения, расширения межличностной коммуникации подростков, снижения враждебности и агрессивности.

Ключевые слова: девиантное поведение, агрессивность, старшие подростки, коррекция, тренинг, межличностная коммуникация.

Abstract. The article deals with the problem of correcting the deviant behavior of adolescents. A program of training sessions is proposed. The purpose of correction of deviant behavior is psychological and social adaptation of deviants, the formation of effective behavioral skills. The effectiveness of the correctional program in terms of reducing manifestations of deviant behavior, hostility and aggressiveness, expanding interpersonal communication of adolescents is shown.

Key words: deviant behavior, aggressiveness, hostility, older adolescents, correction, training, interpersonal communication.

Литература:

1. Баженов В.Г. Психологические механизмы коррекции девиантного поведения школьников: [Текст] / В.Г. Баженов, В.П. Баженова. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 320 с.

2. Змановская Е.В. Девиантология: (психология отклоняющегося поведения) [Текст] / Е.В. Змановская. – 5-е изд., стер. – М.: Академия, 2011. – 287 с.
3. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения Текст: учебник и практикум для вузов / Ю.А. Клейберг. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 292 с.
4. Макарычева Г.И. Коррекция девиантного поведения. Тренинги для подростков и их родителей – СПб.: Речь, 2007. – 368 с.
5. Тимонова Е.С., Хромова Т.Ю. Программа профилактики и коррекции девиантного поведения детей и подростков» [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://multiurok.ru/files/proghramma-profilaktiki-i-korriektsii-dieviantnogh.html> (28.06.2019).
6. Шнейдер, Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – 2-е изд. [Текст] / Л.Б. Шнейдер. – М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2010. – 336 с.

УДК: 37.06

ТВОРЧЕСКАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОФИЛАКТИКА НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ДОПРИЗЫВНОЙ МОЛОДЁЖИ

Самедова Юлия Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры морально-психологического
обеспечения (боевых действий авиации)

ФГКВОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
г. Воронеж

Постановка проблемы. Существенные перемены, произошедшие в социальной, экономической, политической, духовно-культурной сферах нашего общества естественным образом сказались на сознании, чувствах и поведении человека. Многие изменения, такие как рационализм мышления, размытость традиционных ценностей негативно проецируется на формировании личности молодого человека, представляющего будущее нашей страны.

Молодёжь допризывного возраста, испытывающая чувство тревоги, неуверенности, одиночества пытается компенсировать их проявлением агрессии, уходом от реальной действительности с помощью наркотических средств. Это подчёркивает ещё очень важную проблему современного воспитания – отсутствие у молодых людей способов продуктивной самореализации.

Целью статьи является теоретическое обоснование результативности музыкально-эстетического воспитания как метода профилактики подростковой наркомании.

Изложение основного материала исследования. Проблема наркотической зависимости в современном обществе является очень актуальной. Это подтверждается тем, что облик наркомана – это не всегда человек с криминальным прошлым, а зачастую весьма эрудированный подросток из обеспеченной семьи, рассуждающий об идеалах и смыслах жизни. Ненормальные формы поведения, такие, как склонность к употреблению наркотиков, являются суммой разных факторов, обусловленных как индивидуальными, так и социальными особенностями.

Результаты исследований причин употребления молодёжью допризывного возраста наркотических веществ показали, что в основе внутренних побудительных сил лежит действие механизма поиска впечатлений. Его действие осуществляется на фоне неразвитости сферы потребностей личности, подражания взрослым (или сверстникам), искажения процесса социализации, потребности в саморегуляции внутреннего состояния, особенно в психотравмирующей ситуации, нарушения в эмоциональной и познавательной сферах.

Как показывает теоретический анализ различных научных исследований в «группу риска» попадают и люди, не имеющие возможности выражения своего потенциала.

Возможность реализовать свой творческий потенциал способствует развитию у человека различных форм творческой устремленности, проявляющейся в стремлении к новым подходам в разрешении противоречий, познании себя через созидание. Невозможность реализовать творческий потенциал оказывает деструктивное воздействие на молодого человека, что является одной из причин социальной дезадаптации. В то же время отмечается, что подростки, преуспевающие в каком-либо виде деятельности (спорт, искусство и пр.) реже оказываются среди употребляющих психоактивные вещества [3, с. 81].

Блокирование у молодёжи стремления к творчеству приводит к состоянию высокого внутреннего дискомфорта и ощущению безысходности, преодоление которых осуществляется путём ухода от проблем, в частности, с помощью наркотиков. Творчество является условием развития личности. Естественным представляется то, что ограничения этого сильнейшего органического стремления человека оборачивается трагическими последствиями. Именно поэтому особое значение в развитии личности подростка играет музыкально-эстетическое воспитание как одна из форм творческой реализации молодёжи.

В основе музыкально-эстетического воспитания лежит восприятие произведений музыкального искусства, особенность которого состоит в том, что оно развивает способности эмоционального восприятия человека. Музыкальное произведение может создавать новые эстетические переживания, которые качественно отличаются от чувств, вызываемых подобными явлениями в действительности.

Музыкально-эстетическое воспитание не ограничивается только эмоциональной сферой. Оно является источником знаний, практического опыта людей. Быт народа, его нравы и обычаи, представления о добре и зле, о морали, нравственности и этике – всё это отражено в музыкальных произведениях, по которым человек узнаёт о прошедших эпохах, приобщается к истории своего народа.

Ещё одна из особенностей музыкально-эстетического воспитания – это способность раскрывать в музыкальных произведениях сложность общественных отношений в столкновении характеров образов, в их мыслях, чувствах. Эти процессы способствуют формированию личного жизненного опыта человека. Изучая музыкальное произведение, подросток не ограничивается только эмоциональным восприятием и эстетическим переживанием, он неизбежно стремится осмыслить полученные впечатления, сделать из них логические выводы. Поэтому в процессе музыкально-эстетического воспитания у подростков достигается синтез разума и чувства. Музыкальное искусство, обладая такими свойствами, оказывает воздействие на отношение ко всем сторонам жизни, а главное на духовную сферу человека. Этим определяется значение музыкально-эстетического воспитания как средства профилактики наркомании допризывной молодёжи.

Понятие «музыкально-эстетическое воспитание» состоит из двух компонентов: «музыкальное воспитание» и «эстетическое воспитание». В современной педагогике музыкальное воспитание определяется как процесс приобщения личности к музыкальной культуре общества, целью которого является передача опыта музыкальной деятельности новому поколению [5, с. 43].

Эстетическое воспитание – целенаправленное формирование эстетических вкусов и идеалов личности, развитие её способности к эстетическому восприятию явлений действительности и произведений искусства, а также к самостоятельному творчеству. Эстетическое воспитание обусловлено такими специфическими особенностями, как ярко выраженный оценочный подход к явлениям жизни [5, с. 124].

На основе анализа работ по проблеме исследования воспитательных возможностей музыкального искусства (Д.Б. Кабалевский, В.Н. Шацкая, В.В. Медушевский и др.) музыкально-эстетическое воспитание определяется как ценностно-смысловое взаимодействие субъектов, включённых в музыкально-творческую деятельность. Под музыкально-творческой деятельностью мы понимаем форму деятельности человека,

направленную на созидание качественно новых для него ценностей, имеющих общественное значение, то есть важных для формирования личности как общественного субъекта в процессе творческой деятельности. Важным моментом здесь является знание тех психофизиологических процессов, которые протекают в нашем мозге в процессе восприятия музыкального произведения.

Как отмечал В.И. Петрушин, одна из основ музыки, ритм является принадлежностью всех без исключения жизненных функций: от сокращения клетки, дыхания и биения сердца до самых высших процессов, происходящих в мозгу [5, с. 322]. Ритм и темп предполагают определённую степень активности и психологического напряжения эмоции человека. Следовательно, ритм представляет собой подкорковую силу возбуждения.

Необходимо обратить внимание на психофизиологическую закономерность. Функции, связанные с положительными эмоциями человека, предполагают высокую степень ритмичности. Что же касается отрицательных эмоций, то они вызывают нарушение ритмики организма. В своих работах В.И. Петрушин отмечает, что в мозгу человека имеются антагонистические системы нервных клеток (нейронов), которые упрощённо называют центрами удовольствия и неудовольствия. Одни отвечают за положительные эмоции, другие – за эмоции отрицательные. Оказалось, что ритмичность характерна для «систем удовольствия» прежде всего потому, что их деятельность связана со стремлением к повторению раздражений. Что же касается «отрицательных» систем, то здесь тенденции к ритмичности нет, поскольку функция этих систем – как можно быстрее удалить раздражитель. Таким образом, «системы удовольствия» вызывают деятельность, направленную на поддержание, продолжение их работы; «системы неудовольствия» – деятельность, прекращающую их собственную работу. Эмоциональные процессы, зависящие от физиологической природы «систем удовольствия и неудовольствия», образуют глубинную подоплёку психологической значимости музыки [6, с. 64].

Вполне естественно, что возникновение положительных или отрицательных эмоций во многом зависит от ритмической организации музыкального произведения. В.И. Петрушин приводит экспериментальные данные о резонансе биотоков мозга на темповые показатели музыки [6, с. 123]. Его заключение основывается на том, что в процессе восприятия музыкального произведения биотоки нашего мозга настраиваются на частоту ритмической пульсации прослушиваемой музыки. Как в музыке, так и в биоэлектрической активности мозга ритмическое учащение связано с повышением уровня активации и наоборот.

Таким образом, с помощью музыкальных произведений определённой ритмической организации возможно стабилизировать и контролировать негативные психические состояния подростков: агрессии, тревоги, раздражительности, увеличивающие риск отклоняющегося поведения. Положительное эмоциональное возбуждение помогает снятию у молодых людей нервно-психических перегрузок, закрепить в их сознании положительно окрашенные чувства, что существенно способствует предотвращению пристрастия к наркотическим веществам.

Так как ритм музыки наряду с динамикой является одним из средств, вызывающих острую физиологическую реакцию человека, то правильное понимание и использование этих средств музыкального воздействия может внести большой вклад в развитие эмоциональной сферы и психики молодёжи допризывного возраста, что, несомненно, подчёркивает его профилактическое воздействие.

Еще одна особенность музыкального искусства состоит в том, что оно выработало определённую систему информационных средств, по которой определённые звуки и их сочетания связываются с определёнными эмоциями. Это так называемый эмоционально-акустический код [1, с. 920]. Общебиологический характер этого кода подтверждается одинаковым характером эмоциональных реакций разных людей на одно и то же музыкальное произведение.

Безусловность эмоциональных реакций, как показали психологи, распространяется на музыкальную интонацию (соотношение звуков по высоте и длительности). Это неслучайно,

ведь интонационность, являясь одним из основных параметров музыкального языка, имеет много общего с речевой интонацией, связанной с определёнными человеческими эмоциями. Как отмечал В.Л. Леви, на «эмоционально-акустических единицах» основаны глубочайшие биологически механизмы внушения. Поэтому музыка – эффективнейшее средство эмоционального внушения [2, с. 91].

Подросткам даётся возможность прожить различные жизненные сцены и выработать адекватные эмоциональные реакции на те или иные ситуации, пережить нравственные чувства. Сталкиваясь со схожими ситуациями в реальной жизни, в коре головного мозга молодых людей будут возникать именно те эмоциональные реакции, которые они пережили при восприятии музыки. Более того, различные ситуации окружающей действительности, сходные с ситуациями, пережитыми подростками в музыкальных произведениях, не будут их пугать в реальной жизни, заставляя уходить от реальной действительности с помощью наркотических средств.

Необходимо учитывать роль двигательного фактора. Неравномерность и интенсивность физического развития подростков опережает выработку новых двигательных координаций, от чего нарушается гармония и слаженность движений. Это вызывает у молодых людей чувство неуверенности в себе, проявляющееся в замкнутости, неуравновешенности, что негативно сказывается на развитии их эмоциональной сферы.

Особенность воздействия музыки на человеческий организм заключается в подавлении, торможении собственных действий организма, отмене его двигательных импульсов. Такое торможение освобождает психическое пространство от стабильных обусловленных физиологических движений. В.В. Медушевский отмечал, что музыка легко передаёт ощущение массы, скорости, ускорения, силы, направления, а, следовательно, обладает способностью воссоздавать любые виды движения [4, с. 208]. Подобные ощущения движений в обыденной жизни связаны с ориентировкой организма в пространстве.

При активном восприятии музыки физиологические ритмы человека произвольно подстраиваются под её частотные и динамические показатели. Неосознаваемые телесные реакции, становятся предпосылками для осознанных, контролируемых движений. Тело при этом приобретает необходимую степень свободы, давая возможность подросткам освоения не только внешнего пространства, но и пространства внутреннего, почувствовать себя в гармонии с собой и окружающим миром [7, с. 112].

Выводы. Музыкально-эстетическое воспитание как организованный педагогический процесс позволяет преодолевать внешние и внутренние конфликты, противоречия, характерные для допризывной молодёжи. Оно даёт возможность подросткам в различных формах самовыражения: от эмоционального речевого анализа музыкального произведения, высказывания своего мнения до воплощения своих идей в процессе выполнения творческих заданий. Данный процесс даёт возможность молодым людям реализовать себя в полезной деятельности, тем самым формируя чувство уверенности в своей значимости.

Музыкально-эстетического воспитания подростков способствует стабилизации психического и физиологического состояния молодых людей, разрешая их внутренние конфликты.

Таким образом, проведённое нами исследование подтверждает, что музыкальное искусство, претворённое в воспитательных целях способно блокировать негативные факторы окружающей среды, являясь мощным средством профилактики наркомании среди молодёжи допризывного возраста.

Аннотация. В настоящее время проблема наркотической зависимости молодёжи допризывного возраста является одной из ключевых для нашего общества. В статье рассматриваются особенности музыкально-эстетического воспитания как средства профилактики наркомании среди молодёжи. Автор анализирует выразительные средства музыкального искусства, которые способствуют развитию у подростков способности к самовыражению, самоконтролю, самокритичности, формированию чувства личной значимости, ответственности, осознанности своих действий, становлению нравственных

ценностей, что блокирует влияние негативных факторов социальной среды, провоцирующих проявление отклоняющегося поведения, употребление молодыми людьми наркотических веществ.

Ключевые слова: молодёжь допризывного возраста, подростковый возраст, музыкально-эстетическое воспитание, профилактика наркомании.

Annotation. Now the problem of drug addiction of youth of preinduction age is one of key for our society. In article features of musical and esthetic education as drug addiction prophylactics among youth are considered. The author analyzes means of expression of musical art which contribute to the development in teenagers of ability to self-expression, self-checking, self-criticism, forming of feeling of the personal importance, responsibility, sensibleness of the actions, formation of moral values that blocks influence of the negative factors of the social environment provoking manifestation of deviant behavior, the use by young people of narcotic substances.

Keywords: youth of preinduction age, teenage age, musical and esthetic education, prevention of drug addiction.

Литература:

1. Захарова Н.Н., Авдеев В.М. Функциональные изменения центральной нервной системы при восприятии музыки / Н.Н. Захарова, В.М. Авдеев // Журнал высшей нервной деятельности. М., 1992. – Т. 32. вып. 5. – С. 915-929.
2. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов/ Ю.А. Клейберг. – М.: ТЦ Сфера, 2004. – 192с.
3. Колесов Д.В. Эволюция психики и природы наркотизма / Д.В. Колесов. – М.: Педагогика, 2001. – С. 78-84.
4. Колесов Д.В. Эволюция психики и природы наркотизма / Д.В. Колесов. – М.: Педагогика, 2001. – 324 с.
5. Кулагина И.Ю. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / И.Ю. Кулагина, В.Н. Колюцкий. – М.: ТЦ Сфера, 2004. – 464 с.
6. Петрушин В.И. Две гипотезы о психофизиологических закономерностях музыкального воспитания / В.И. Петрушин, Ю.Б. Алиев // Развитие музыкального слуха, певческого голоса и музыкально-творческих способностей учащихся общеобразовательной школы. – М., 1992. – 272 с.
7. Полякова В.Б. К вопросу о влиянии музыки на мышечную и сердечную деятельность человека / В.Б. Полякова // Экспериментальные исследования по физиологии, биофизике и фармакологии. – Пермь. 1997. – Вып. 7. – С. 111-114.

**ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
МОЛОДЕЖИ***Симонова Галина Ивановна,*

доктор педагогических наук, доцент,
директор педагогического института,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Киров

Постановка проблемы. Молодежь в современных условиях является наиболее мобильной, динамично изменяющейся социальной группой. Информационно-коммуникационная среда их жизнедеятельности нередко негативно влияет на взаимодействие человека с социальной средой, способствуя развитию девиантности как устойчивого образования личности, и, как следствие – проявлению девиантного поведения молодежи.

Большое число исследований, посвященных изучению такого многомерного феномена, осуществляется на стыке философии, социологии, культурологии, педагогики, психологии, физиологии и других наук. Получаемые результаты представлены в виде теорий, типологий, факторов, классификаций. Однако очень важно понимать, что в условиях изменяющейся социальной реальности констатируется появление новых форм негативных девиаций, например, в интернет-пространстве. В этой связи важно определить и реализовать адекватные подходы к профилактике девиантного поведения молодежи. Существенный потенциал в этом плане содержит проектный подход, который в большей мере соответствует реализации мероприятий, связанных с решением новых задач.

Цель статьи. Целью статьи является определение возможностей проектного подхода в профилактике девиантного поведения молодежи.

Изложение основного материала исследования. Анализ статистических данных, теоретических источников, социальной действительности свидетельствует о необходимости рассмотрения феномена девиантного поведения как междисциплинарного.

С одной стороны, имеют место быть некоторые физиологические особенности человека, например, особенности нервной системы, которые могут выступить фактором, в прямой или косвенной форме, способствующим развитию девиаций. С другой стороны, некоторые психологические особенности человека, как то – внушаемость, реакции избегания, также могут способствовать проявлениям девиантного поведения. Однако, на наш взгляд, наиболее важный фактор, определяющий девиантное поведение – социальный, точнее даже, социокультурный. Девиантное поведение рассматривается исследователями как совокупность поступков, действий человека или группы людей, несоответствующих установленным или сложившимся в данном обществе нормам и правилам поведения. Следовательно, поведение является девиантным в сравнении с социальными нормами, обычаями, правилами, принятыми в конкретном обществе, социуме, культуре, религии и другое в определенный период истории. Поведенческие девиации возможно выявить, если наблюдается невыполнение принятых норм и неодобрительные реакции окружающих на такое поведение. При этом важно подчеркнуть, что констатируется противоречивость, размытость норм или нормативный вакуум, который связан с тем, что существующие нормы, ценности не соответствуют актуальной системе отношений в обществе, но не выработаны другие, современные нормы. У молодежи ситуация усугубляется несопадением культурных норм тех субкультур, к которым они принадлежат (а их вариативность и количество возрастают), и культурных норм социума, в том числе норм, которые декларируются в образовательных организациях, в рамках государственной молодежной политики.

В разрешении приведенных противоречий следует учитывать совокупность факторов, выделенных Е.А. Маликовой [1], которые необходимо учитывать при выявлении

закономерностей девиантных проявлений в молодежной среде. Во-первых, она отмечает необходимость рассмотрения девиантного поведения в рамках конкретного нормативного поля. В различных социальных системах одно и то же действие может рассматриваться как норма, а в других – как отклонение. Во-вторых, поскольку норма поведения может выступать в качестве усредненного значения показателя, то отклонения возможны как в сторону улучшения, так и в сторону ухудшения показателя. В-третьих, отклонение может способствовать адаптации существующей системы к изменяющимся условиям, выявляя формы поведения, которые приемлемы с точки зрения общественной культуры, но отличаются от имеющегося прошлого опыта.

Важное значение в таком случае принадлежит самому процессу разрушения социальных норм, вследствие которого индивид теряет социальную ориентацию и становится девиантом. Особенно актуально данное положение для молодых людей, у которых активно идет процесс социального самоопределения. Как отмечают О.В. Степанов и М.О. Пухалова, в конце девяностых годов XX века процесс социализации молодежи шел в режиме социального исключения. «Социальное исключение как процесс включения молодого человека в общество (социализация), протекающий в условиях протекания деструктивных тенденций развития страны при невнимании общества и игнорировании государством насущных проблем молодого поколения имеет целый ряд негативных тенденций. С одной стороны, общество не может воспринять и направить в созидательное русло девиации, могущие стать основой инновационного развития. Возникает эффект не востребоваемости творческой энергии молодого поколения. С другой стороны, наблюдается всплеск девиаций деструктивной направленности. Углубляется противоречие между обществом и молодежью, вытесняемой в уязвимые категории населения (группы риска). Многосторонность исключения выражается в дискриминации, отчуждении, маргинализации» [2, с.31].

Государство, общество хотя и декларируют для молодых людей целеполагание в условиях развивающейся экономики, однако система образования, другие социальные институты акцентированы на процессах образования, нежели, чем социализации и социальной адаптации. Именно это нередко является причиной девиантного поведения молодежи, идущего вразрез с институционализированным. Как отмечают исследователи [3, 4] в современном обществе процессы институционализации и социализации переживают серьезные изменения, связанные с нелинейностью, непредсказуемостью названных социальных процессов.

В этой связи особую актуальность приобретает поиск способов профилактики негативных девиаций и создание ситуаций помощи старшеклассникам, студентам в определении ориентиров социальной жизни.

На наш взгляд, существенными ресурсами в этом плане располагает проектный подход, который активно используется не только в образовательном процессе, но и в социальных реалиях. Рассмотренные выше факторы, определяющие девиантное поведение молодежи, позволяют заключить, что изменяющаяся социальная реальность в большей степени требует реализации профилактической работы в проектной парадигме, которая направлена на решение новых задач, уникальных продуктов, результатов или услуг. Важнейшей характеристикой данного подхода является ориентация не на процесс, а на результат. В существующей практике часто идет акцентирование на процессном подходе, однако при соблюдении всех процессуальных составляющих должный результат так и не достигается. Процессный подход ориентирован на повторяющуюся, текущую деятельность и, бесспорно, имеет свои сильные стороны. Динамичность изменений социальной практики требует поиска способов профилактики возникающих девиаций в режиме решения новых задач.

Рассмотрим возможности проектного подхода в профилактике девиантного поведения молодежи. Следует сказать, что проект, как ключевая категория проектного подхода, с точки зрения С.А. Борисова и А.Ф. Плехановой [5] характеризуется рядом признаков. Первое – это

целеполагание как системная характеристика. Важно понимание цели как ключевого понятия. Цель как общенаучное понятие предполагает осмысленное представление о конечном результате деятельности. Реализуя деятельность по профилактике девиантного поведения, педагоги нередко формализованно относятся к данной категории, не учитывая особенностей тех субъектов, на которых профилактика направлена, не учитывая специфики девиаций в конкретных социальных обстоятельствах. Формализация приводит к тому, что процесс реализован, но цель достигнута, в лучшем случае, не в полной мере. Поэтому необходимо прорабатывать целеполагание с педагогами и участниками процесса специальным образом. Тогда эффективнее можно определить показатели следующего признака проекта. Это – временные и финансовые ограничения, которые тесно связаны друг с другом. Нередко при определении стратегии и тактики профилактической работы педагоги мыслят категориями – четверть, полугодие, триместр. Полагают, что финансовая составляющая вообще не их задача, и ошибаются. Однако важно проработать – сколько реально времени, с какой степенью интенсивности работы необходимо не для реализации проекта, а для достижения поставленной цели. И вот в этом случае важен анализ самой проблемы, на профилактику возникновения которой направлена работа. В этом случае осмысленно будут определены временные параметры проекта и понятнее станут какие ресурсы материальные и финансовые в эти сроки будут способствовать достижению цели проекта. Существует четкая связь между всеми ресурсами и необходимо понимать, если недостаточно материальных или финансовых ресурсов, то соответственно необходимо подумать об изменении временных рамок проекта. В поле внимания разработчиков проекта всегда должны быть – время, финансы, ресурсы. Как материальные, так и кадровые, например. Последнее уточнение имеет важное значение при характеристике третьего признака – уникальность, новизна. Она заключается в содержании, методах, организационных формах, их гармоничном сочетании. В условиях существующей социальной реальности крайне важно проработать данные составляющие. Они должны соответствовать цели проекта, должны быть направлены на создание конкретного продукта проекта, отвечать особенностям субъекта профилактики, отражать специфику девиаций. Если данная совокупность признаков будет реализована, то это приведет и к реализации заключительного признака – изменению существующей системы профилактики девиантного поведения, переводу её из существующего состояния в желаемое, то есть результативное и эффективное, обеспечивающее достижение поставленной цели. Таким образом, сущностной характеристикой реализации проектного подхода является оптимальное управление временем, финансами, материальными ресурсами, обеспечивающее качество результата проекта.

Обеспечению результата способствует освоение педагогами таких инструментов проектного подхода как жизненный цикл проекта, график Ганта, сетевая диаграмма и другие. Именно их использование позволяет оценивать результаты деятельности проектной команды на всех этапах разработки и реализации проекта.

Рассмотренные выше возможности проектного подхода к профилактике девиантного поведения молодежи позволяют утверждать, что необходимо прогнозировать и риски, которые могут осложнить применение проектного подхода. К ним можно отнести проблемы с различными видами ресурсов – их наличие или отсутствие, умение работать с этими ресурсами. Второе – квалификация проектной команды в вопросах проектной работы. Педагоги, специалисты системы профилактики вопросами профилактики девиантного поведения владеют, а методологией проектного подхода – в меньшей степени. Третье – это сочетание двойного подчинения. Нужно гармонично сочетать подчинение руководителю проекта и непосредственному руководителю (директору, завучу, руководителю методического объединения, службы или центра).

Выводы. Таким образом, анализ применения возможностей проектного подхода позволяет заключить:

- мобильность социальной практики, изменения социальной реальности требуют поиска новых методологических подходов к осуществлению профилактики девиантного поведения молодежи;
- проектный подход обеспечивает поиск уникальных, инновационных механизмов профилактики девиантного поведения молодежи;
- участникам проектных команд необходимо осваивать методологию, характеристики, инструменты проектного подхода;
- следует работать с рисками для обеспечения результативности проектов и эффективной профилактики девиантного поведения молодежи.

Аннотация. В статье анализируется современное состояние проблемы девиантного поведения молодежи. Дана характеристика проектного подхода. Определены возможности использования проектного подхода в профилактике девиантного поведения молодежи. Представлены риски реализации проектного подхода в профилактике девиантного поведения молодежи.

Ключевые слова: девиации, девиантное поведение, профилактика, проекты, проектный подход.

Annotation. The article analyzes the current state of the problem of youth deviant behavior. The characteristic of the project approach is given. The possibilities of using the project approach in the prevention of deviant behavior of youth are determined. The risks of the implementation of the project approach in the prevention of deviant behavior of youth are presented.

Keywords: deviations, deviant behavior, prevention, projects, project approach.

Литература:

1. Маликова Е.В. Девиантное поведение молодежи: классификация, типология, проблемы. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2015. – № 49-50. – С. 20-24.
2. Степанов О.В., Пухалова М.О. Государственная молодежная политика как фактор снижения девиантного положения молодежи. Теория и практика общественного развития. – 2009. – №1. – С.30-36.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Рискогенность изменяющейся социальной реальности как фактор развития молодежи. В кн.: Социологический альманах //Материалы VII Орловских социологических чтений (Орел, 18-20 декабря 2016 г.) Орел: «Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС», 2016. – С.22-26.
4. Сорокин О.В. Изменяющаяся социальная реальность в регуляции девиантного поведения российской молодежи. Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2018. – Том 43, №3. – С. 429-436.
5. Борисов С.А., Плеханова А.Ф. Сравнительный анализ проектного и процессного подходов в управлении инновационной деятельностью. Российское предпринимательство. – 2013. – №13 (235). – С. 91-96.

УСЛОВИЯ СНИЖЕНИЯ ДЕПРИВАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДЫ ВОЕННОГО ВУЗА НА КУРСАНТОВ

Скибо Татьяна Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент,
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра
Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная
академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
г. Воронеж

Постановка проблемы. Организация жизни и деятельности обучающихся в военном вузе в условиях добровольной вынужденной изоляции имеет черты депривирующего воздействия. Его специфика выражена в разных видах депривации, возникновение которых у отдельных курсантов связано с индивидуальными особенностями сформированности их психологических структур и личностных качеств. Депривация препятствует самореализации и профессиональному становлению будущих офицеров, ведет к разочарованию в выборе профессии и отклоняющемуся поведению. Ее профилактика и коррекция способствуют повышению качества военного образования и обороноспособности страны.

Цель статьи: описать условия, выделенные на основе результатов теоретического и эмпирического исследования депривации военнослужащих в период получения ими профессионального образования, при которых депривирующее воздействие среды военного вуза на курсантов будет снижено.

Изложение основного материала исследования.

Доказано, что в условиях любой изоляции формируется психическая депривация. Депривацию принято рассматривать как лишение, полный запрет или ограниченность в удовлетворении каких-либо потребностей человека. Очевидно, что депривированное состояние вызывает искажение в развитии субъекта, затрудняет адекватное восприятие им действительности и себя в ней, ведет к формированию отклоняющегося поведения.

Специфика среды военного образовательного учреждения (режим и распорядок жизни и учебы, их содержательные, рекреационные и организационные особенности, новая система отношений по горизонтали и вертикали со множеством формальных признаков подчинения и согласования взаимодействия и т.п.) определяет ее как основной депривирующий фактор. Все первокурсники подвергаются его воздействию в период адаптации, а дальнейшая степень его влияния на отдельных курсантов зависит от депривационного опыта обучающегося, с которым он пришел в образовательное учреждение, от конкретных социально-психологических параметров группы и качества работы курсовых офицеров по ее сплочению, от профессиональных и личных особенностей преподавателей и военнослужащих, вовлеченных во взаимодействие с обучающимся.

Как показал проведенный анализ, наиболее распространенными в среде военного вуза являются два вида депривации – социально-психологическая и образовательная.

Социально-психологическая депривация состоит в невозможности или затруднении принятия новой системы отношений (социальная составляющая – социальная депривация) и, как следствие, формирование и развитие отрицательного эмоционального фона в восприятии событий, невозможность удовлетворения потребности в духовной близости и единении с другими (психологическая составляющая – эмоциональная депривация), что в целом ведет к субъективному восприятию и переживанию своего положения как более худшего в сравнении с другими (относительная депривация) и виктимизации личности (страхи, конфликты, неудовлетворенность собой и своим положением, фрустрированность, депрессия и т.п.). Описывая социально-психологическую депривацию, мы пришли к выводу, что она состоит в том, что новые межличностные отношения не выстраиваются как конструктивные и препятствуют реализации социогенных потребностей личности в данных условиях [1, с.

131]. Говоря о причинах этого явления, мы разделяем точку зрения Ю.Е. Руденской, которая считает, что превращение условий обучения в военном вузе в депривационные, когда они не могут быть освоены и интериоризованы, в каждом конкретном случае является специфическим сочетанием характеристик самой среды и онтогенетических особенностей курсанта [2].

Образовательная депривация рассматривается нами как социально-психологическое явление педагогической действительности, состоящее в ограничении обучающегося в удовлетворении своих образовательных потребностей и самореализации в учебной и профессиональной деятельности [3, с. 132]. Л.Н. Бережнова определяет образовательную депривацию в военном вузе как «рассогласование связей личностного смысла с потребностью в образовании как внутренним побуждением к образовательной деятельности» [4, с. 3]. Данная характеристика образовательной депривации ярко выражена в содержании факторов, названных курсантами в ходе эмпирического исследования депривации, проведенного в 2018-2019 у/г в ВУНЦ ВВС «ВВА» в 16 группах 1 курса и 15 группах 4 курса на 7 факультетах (всего опрошенных 627): недостаточная преемственность образования в системе «школа – вуз», неудовлетворенность коммуникацией с преподавателями, ограничения в удовлетворении образовательных потребностей, состоящие в невозможности получить дополнительные сведения по дисциплинам, соответствующие современным требованиям профессиональной деятельности и повышающие конкурентоспособность будущего офицера, и др. Общей выявленной тенденцией по результатам опроса является убывание от первого к четвертому курсу процента курсантов, выбирающих тот или иной фактор депривации как важный для себя, при значительном повышении его балльной характеристики на старших курсах. Выдержка из сводных результатов, иллюстрирующая это явление, представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительный анализ ответов курсантов по проблеме образовательной депривации

№ п/п	Депривационные факторы	1 курс		4 курс	
		Кол-во в-ов, %	Ср. балл	Кол-во в-ов, %	Ср. балл
1.	низкий уровень преемственности образования в системе школа – вуз	36%	3,2	4,5%	6
2.	рассогласование взаимодействия в системе «преподаватель-курсант»	39%	2,4	4,5%	5
3.	недостаточные профессионализм и компетентность преподавателей	33%	3,3	27%	6,5
4.	невозможность удовлетворения образовательных потребностей или их ограничение	42%	3,8	27%	5,8
5.	препятствия на пути самореализации в образовательной деятельности	36%	3,9	14%	6
6.	недостаточное качество образования для обеспечения высокой конкурентоспособности будущего офицера	31%	3,5	9%	6
7.	отсутствие возможности получить дополнительное образование по дисциплинам, расширяющим спектр умений и навыков, необходимых для качественной профессиональной деятельности в дальнейшем	31%	4,3	23%	6,4

Общие данные по образовательной и социально-психологической депривации в их балльной оценке по курсам представлены на рисунке 1, в процентном отношении выбравших тот или иной фактор респондентов – на рисунке 2.

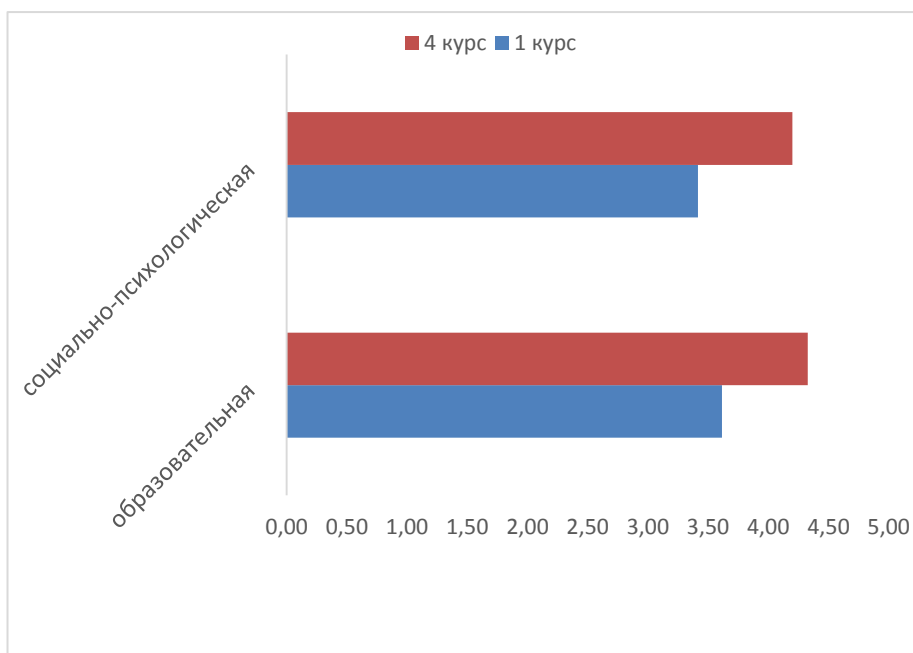

Рисунок 1. Балльная оценка депривирующих факторов по курсам

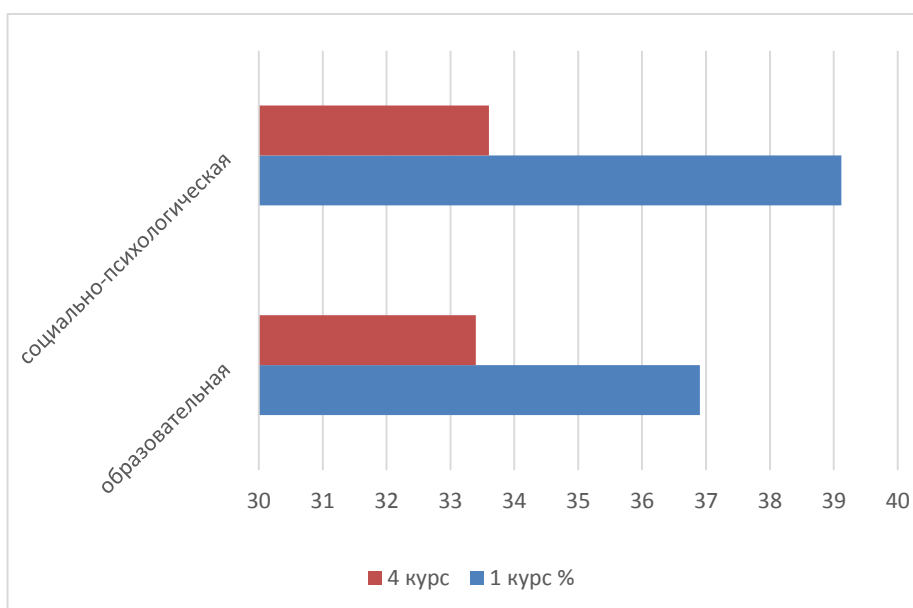

Рисунок 2. Процент респондентов, выбравших тот или иной депривирующий фактор как значимый для себя лично

Представленные на рисунках данные подтверждают обозначенную тенденцию: количество депривированных обучающихся от первого к четвертому курсу сокращается, а степень влияния депривирующих факторов на тех, кто не смог справиться со сложившейся ситуацией, увеличивается.

Очевидно, что в этих условиях необходима специально организованная работа по снижению депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов, испытывающих трудности адаптации и интеграции в образовательное пространство.

Приступая к разработке научно обоснованных рекомендаций по снижению депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов, мы исходили из того, что необходимыми *организационно-педагогическими условиями* для ее осуществления являются:

- определенность методологических основ осуществления деятельности по снижению депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов;

- понимание руководством вуза важности работы в данном направлении и организационно-методическое обеспечение деятельности по снижению депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов;
- наличие действенной психологической службы образовательного учреждения;
- готовность педагогов и курсовых офицеров к осуществлению деятельности по снижению депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов;
- мониторинг депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов и выбор адекватных методов работы с его следствиями.

К числу основных *психолого-педагогических условий* снижения депривационного воздействия среды военного вуза мы отнесли: приоритет гуманистических ценностей педагогической деятельности, выраженный в педагогическом кредо воспитателей; построение субъект-субъектного взаимодействия и межличностных отношений на основе открытости, искренности, заинтересованного участия; понимание проблем жизнедеятельности курсанта и педагогическая поддержка в случае затруднения их решении самим обучающимся; стимулирование развития самосознания обучающихся, расширение сферы их самостоятельного и ответственного выбора в решении задач организации жизнедеятельности; обеспечение индивидуального развития будущего офицера.

Реализация выделенных условий требует взаимосвязанных и разнонаправленных усилий администрации вуза, его офицерского и профессорско-преподавательского состава, специалистов отдельных служб (учебно-методической, психологической и др.). Несмотря на значимость каждого из них, считаем принципиально важным четвертое, поскольку именно те представители вуза (преподаватели и курсовые офицеры), которые вступают в непосредственное взаимодействие с курсантами, во многом определяют качество образовательной среды в целом и общения, в частности, которые напрямую влияют на социально-психологическую адаптированность обучающихся и их способность справляться с депривирующим воздействием среды военного вуза. При этом анализ состояния разработанности проблемы депривации в образовательном процессе вуза показал, что характерная для него социально-психологическая ситуация требует разрешения ряда противоречий, одним из которых является противоречие, состоящее в неготовности педагогического и офицерского состава к работе с депривирующими условиями и их преодолением в культурно-образовательной среде военного вуза [5]. Данная неготовность выражена, прежде всего, в недостаточном внимании субъектов-организаторов образовательного пространства к индивидуальным потребностям обучающихся и их реализации в средовых условиях вуза. В свою очередь готовность к работе по предупреждению депривации в образовательном процессе требует развития навыков эффективного взаимодействия, рефлексии, эмпатии, умения сопереживать обучающемуся и оказывать ему содействие в решении проблем. С целью формирования данного вида готовности у педагогических кадров ВУНЦ ВВС «ВВА» нами была разработана программа спецкурса «Предупреждение депривации в образовательном процессе», которая должна быть реализована на факультете дополнительного образования в рамках курсов повышения квалификации педагогов и курсовых офицеров. Учебный план спецкурса представлен на рисунке 3.

УЧЕБНЫЙ ПЛАН
программы повышения квалификации
«Предупреждение депривации в образовательном процессе»

Уровень образования лиц, принимаемых на обучение: на базе высшего и средне-специального образования

Срок обучения: 1 месяц

Объем курса: 36 часов (1 зач.ед.).

Режим занятий: модульно, возможно индивидуальное планирование (в этом случае доступ к учебным модулям предоставляется последовательно).

Наименование темы (модуля)	Количество часов			Формы организации занятий	Формы контроля (аттестации)
	Всего часов	Теор. занятия	Практ. занятия		
1. Сущность психической депривации, ее виды и следствия	4	2	2	Лекция, семинар, групповое обсуждение, психологический практикум	Тестирование
2. Специфика депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов	6	2	4	Лекция, семинар, групповое обсуждение, психологический практикум, психодиагностика	Тестирование
3. Условия предупреждения депривации в образовательном процессе	6	2	4	Групповое обсуждение, психологический практикум, практические задания, психодиагностика	Тестирование
4. Основы психоэкологии и социально-психологической терапии депривации	8	2	6	Лекция, групповое обсуждение, психологический практикум, психодиагностика	Тестирование
5. Методы социально-психологической реинтеграции депривированных обучающихся	8	2	6	Групповое обсуждение, психологический практикум, практические задания	Тестирование
Итоговая аттестация	4		4	Игровое проектирование	Зачет
Итого:	36	10	26		

Рисунок 3. Учебный план программы
«Предупреждение депривации в образовательном процессе»

В качестве цели организации работы в данном направлении мы видим повышение психологической культуры преподавателей и офицеров академии, формирование их готовности к работе по предупреждению депривации курсантов в образовательной среде военного вуза. Для ее достижения должны быть решены следующие задачи:

а) в области формирования представлений: о сущности и психологических последствиях психической депривации; об основах психоэкологии, психологических

параметрах безопасной образовательной среды военного вуза; об основах превентивной социально-психологической терапии депривации и помощи при выявлении депривирующих условий и признаков дезадаптации курсантов;

б) в области овладения навыками снижения деривационного воздействия среды образовательного учреждения на курсантов: освоение психодиагностических методик по выявлению психической депривации и методов социально-психологической реинтеграции депривированных обучающихся.

Программа включает 5 модулей, содержание которых призвано последовательно и глубоко осветить данную проблематику. В освоении каждого модуля 2/3 времени отводится на выработку у преподавателей и курсовых офицеров практических умений и навыков по организации деятельности по снижению депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов, для чего предполагается использование соответствующих видов и форм организации учебных занятий, нашедших отражение в учебном плане.

Основным результатом освоения курса «Предупреждение депривации в образовательном процессе» должна стать готовность педагогических и офицерских кадров к осуществлению деятельности в данном направлении, которую мы конкретизировали в следующих положениях:

предметные результаты: знать психологические последствия психической депривации и варианты развития личности при различных видах дизонтогенеза; уметь прогнозировать их поведение в условиях депривации; применять в образовательном процессе знания индивидуальных особенностей обучающихся и воспитанников; владеть методами исследования психической депривации;

личностные результаты: сформировать у слушателей ценностное отношение к человеку, его внутреннему миру, уважительное отношение к различным мнениям и позициям; сформировать у слушателей готовность к оказанию содействия в профессиональном и личностном росте и самоопределении обучающихся;

метапредметные результаты: овладеть некоторыми методами саморегуляции, эффективной организации собственной деятельности, препятствующими развитию депривационных тенденций; совершенствовать умения целеполагания, планирования, оценки и представления результатов работы; совершенствовать навыки общения, уверенного поведения, творческого отношения к жизни и профессиональной деятельности, формировать эмпатию и рефлексивные умения.

Выводы. Условия преодоления депривации в образовательной среде военного вуза следует рассматривать с позиции внутренней (феноменологической) составляющей, которая в каждом конкретном случае будет определена индивидуальными особенностями развития курсантов, и внешней (средовой) составляющей, в рамках которой необходима работа в организационно-педагогическом и психолого-педагогическом направлениях. Ведущим условием реализации деятельности по предупреждению и коррекции депривационного воздействия среды военного вуза на курсантов является обеспечение готовности педагогических и офицерских кадров к ее осуществлению на основе гуманистического, ценностного, системно-деятельностного подходов с применением личностно ориентированных технологий обучения. Для его обеспечения необходима специально организованная деятельность по формированию готовности педагогов к предупреждению образовательной, социально-психологической и других видов депривации курсантов, которая может быть осуществлена в рамках курсов повышения квалификации и освоения программы «Преодоление депривации в образовательном процессе». Основной целью разработанной нами программы является повышение психолого-педагогической компетентности и гуманистической направленности воспитателей, без чего никакая работа в данном направлении не может обеспечить положительных результатов.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению условий преодоления депривации в военном вузе, основным из которых является готовность педагогов и офицеров к осуществлению деятельности в данном направлении. Одним из способов реализации

выделенного условия является повышение квалификации педагогических и офицерских кадров в процессе освоения разработанного нами спецкурса «Преодоление депривации в образовательном процессе».

Ключевые слова: среда военного вуза, депривация, условия снижения депривационного воздействия.

Annotation. Article is devoted to consideration of conditions of overcoming a deprivation in military higher education institution, readiness of teachers and officers for implementation of activity in this direction is basic of which. One of ways of realization of the allocated condition is professional development of pedagogical and officer shots in the course of development of the special course developed by us «Overcoming a deprivation in educational process».

Keywords: circle of the military of higher education institution, deprivation, conditions of decrease in deprivational influence.

Литература:

1. Скибо Т.Ю. Опыт осмысления проблемы социально-психологической депривации курсантов военного вуза // Воздушно-космические силы. Теория и практика. – 2017. – № 3. – С. 129-136.

2. Руденская Ю.Е. Социально-психологическая депривация как психологический индуктор виктимогенеза личности // Развитие человека в современном мире. – 2014. – Том V. – № 2. – С.47-57.

3. Скибо Т.Ю., Иванова А.С., Поздняков С.С. Преодоление образовательной депривации как условие повышения качества подготовки военных специалистов // Военная безопасность в России: взгляд в будущее: Материалы 4-й Международной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Москва, 12 марта 2019 года: в 2 т. / Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. – Москва: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2019. – С. 131-138.

4. Бережнова Л.Н. Методология предупреждения образовательной депривации в военных вузах внутренних войск // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность: мат-лы VIII науч.-практ. конф. – СПб., 2012. – С. 3–6.

5. Кудрявцева М.Е., Раянова Э.Т. Образовательная депривация в высшей школе как педагогическая проблема: результаты количественного исследования. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 10 (128). – С. 109–113.

УДК: 37.062.1

«НЕ ПОЙДУ В МУЗЫКАЛКУ!»: ПРОДЕЛКИ И ШАЛОСТИ УЧАЩИХСЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Смирнова Ирина Эдуардовна,

кандидат педагогических наук, доцент департамента педагогики

Институт педагогики и психологии образования

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва

Постановка проблемы. Эмоциональная жизнь полноценного детства невозможна без присутствия в этой жизни разнообразных шалостей и «проделок». Чаще всего они имеют место там, где ребенок находится в слишком жестких для него рамках поведения, и являются, с одной стороны, средством борьбы со скукой однообразия, возникающей в ситуации неуклонного следования режиму, с другой – способом сопротивления, выражения

протеста против чрезмерного внешнего «давления». Последний вариант характерен для шалостей учащихся музыкальных школ (ДМШ), поскольку обучение в ДМШ для многих детей связано с сопротивлением: воле родителей (которые настаивают на обучении), воле учителей (которые реализуют свои собственные профессиональные амбиции), трудностям, возникающим при обучении. Для определения стратегий и способов реагирования на эти проделки и шалости важно понять, являются ли они уже формами раннего проявления отклоняющегося поведения, или это поведенческая норма школьников (в том числе, учащихся ДМШ).

Цель статьи – в ракурсе поставленной проблемы представить и интерпретировать результаты исследования воспоминаний о шалостях людей, бывших школьниками в советский период, и занимавшихся дополнительно в детских музыкальных школах (ДМШ).

Изложение основного материала исследования.

Шалость в толковом словаре Д.Н. Ушакова означает поступок ради забавы, веселую проказу, поделку [7, с. 764]. Шалость является естественным атрибутом жизни ребенка, его детства [3, с. 2], о чем свидетельствует множество книг из «золотого фонда» детской литературы. Герои этих книг – Пеппи Длинныйчулок, Карлсон, Винни-Пух, Крокодил Гена и Чебурашка, Том Сойер и пр. – всем известные и всеми любимые шалуны.

В отличие от литературы, в науке проблеме детских шалостей долгое время не уделялось должного внимания, хотя косвенно этой проблемы в том или ином ее ракурсе касались многие известные ученые, которые внимательно, вдумчиво и бережно относились к сфере внутреннего мира и эмоциональных переживаний ребенка (Ш.А. Амонашвили, А.Г. Асмолов, А.В. Мудрик, Д.И. Фельдштейн, и др.). В последнее время ситуация меняется, и отмечается повышение интереса исследователей к загадкам мира детства [4], к содержанию и особенностям повседневной жизни ребенка, особенно в ее свободной части, не «заданной» процессом обучения в рамках обязательного среднего образования. Осуществляются исследования и по проблеме шалостей, публикуются научные работы, отражающие их результаты. Так, в работе Б.В. Куприянова введено в научный оборот, охарактеризовано и теоретически обосновано явление детской шалости как атрибута жизни ребенка [3]. А.В. Кудряшевым описаны и проанализированы шалости советских подростков на городском транспорте [2], в том числе являющиеся элементом современной подростковой субкультуры («зацепинг»). Настоящая публикация также призвана осветить ряд вопросов, касающихся особенностей и причин проявления детских шалостей.

Детские проделки и шалости, как правило, имеют два источника возникновения: скука и сопротивление. В первом случае в шаловливом поведении дети реализуют свои не занятые, но требующие «выхода» внутренние силы – творческую энергию и деятельностный потенциал. Во втором случае шалости становятся полускрываемой и не всегда осознаваемой формой протеста против «нажима» – со стороны взрослых и установленных ими правил жизни и поведения. Именно поэтому чаще всего мы встречаемся с детскими проделками и шалостями в условиях необходимости подчинения режиму и уставу – в образовательном учреждении, в детском оздоровительном лагере и т.п. Дух свободы, стиснутый рамками ограничивающих поведение правил, ищет не слишком строго наказуемых, но все же сопряженных с определенной долей риска способов реализации в конкретном деле – «подвиге». При этом желательно, чтобы о нём узнали товарищи – публичность придает самому событию и его участникам героические «нотки», что так привлекательно и актуально для детей, особенно в раннем и среднем подростковом возрасте. Также к «подвигам» такого рода детей влечет желание эмоционально пережить приключение, которое является важной составляющей человеческой культуры и наполняет бытие переживаниями риска, удовлетворяет потребность в познании, в стремлении выйти за пределы повседневности.

Шалости имеют различный характер – от так называемых невинных шуток до поступков «на грани» и даже «за гранью», наносящих моральный и материальный вред – людям, организациям, учреждениям, имуществу. О таком богатом спектре свидетельствует разнообразие значений английских вариантов слов «шалость» и «проделка». Так, для

обозначения шалости в значении озорства используют слово *trick*, говоря о неправильном поведении, чаще применяют слово *mischief*. Словом *prank* пользуются, имея в виду выходку, розыгрыш, даже злую шутку, а *naughtiness* и вовсе означает непослушание, надоедливое озорство, капризы. Та же ситуация с прилагательными: например, *playful* используют в значении игривый, шаловливый, дурашливый, а *sly* может иметь совершенно различные смыслы, в зависимости от контекста употребления: чаще это прилагательное применяется в значении скрытый, тайный, но может означать – лукавый и озорной; а может – коварный, ловкий, хитрый, пронырливый [1]. Этот далеко не полный перечень оттенков значений в употреблении слов «шалость» и «проделка» говорит о том, что грань между невинной шуткой и поступком, наносящим вред другому человеку, весьма тонка. Это, на первый взгляд, роднит проделки и шалости с отклоняющимся поведением: от одного до другого, как кажется, всего лишь шаг, и этот шаг легко сделать ребенку, который еще не всегда умеет адекватно оценить последствия совершаемого поступка.

Известно, что уже в детском возрасте проявляются признаки, указывающие на зарождение девиации, и среди них – намеренное поведение с целью досадить взрослому, которое вполне может иметь форму такой распространенной шалости, как «срыв» урока. Также к таким признакам относят нарушение установленных правил и отказы выполнять требования взрослых, и этот признак также легко усматривается в дисциплинарных нарушениях – «прогулах» занятий.

Но все же думается, что шалости нельзя однозначно причислить к сфере девиантных поступков, хотя бы даже к их начальным, зарождающимся формам. Для того, чтобы шалости переросли в девиантное поведение, нужно дополнительное сочетание довольно весомых факторов: ряда личностных особенностей и склонностей (например, к демонстративному поведению) и социальных причин и условий (особенностей воспитания, среды, и пр.). Таким образом, детские шалости не обязательно приведут к девиациям, это может случиться, если у ребенка в результате его развития, социализации и воспитания оказался по каким-то причинам недостаточно отточен, «настроен» своеобразный внутренний индикатор нормы поведения. Часто это происходит из-за ошибок воспитания, поскольку в воспитании чрезвычайно важен момент принятия/непринятия воспитательного воздействия. Если воздействие осуществляется грубо, используются его неподходящие к ситуации формы или шаблоны, то оно воспринимается как насилие и вызывает внутренний протест. И тогда девиация становится способом выразить этот протест, проявить свою волю и позицию – часто по-детски неумело и не к месту. На наш взгляд, именно это желание выразить протест роднит некоторые детские шалости с девиантными поступками. Но несмотря на это, нет оснований отнести шалости к начальным формам девиантного поведения – они осуществляются «на грани», но все же в пределах нормы, и в своей массе бывают поступками единичными, имеющими значение своеобразных «вылазок» в сферы, которые ребенок все же осознает как запретные – в отличие от девиаций, которые определяются как достаточно устойчивые явления в поведении. Добавим к этому, что целями таких «вылазок», «подвигов» и «приключений» все же является стремление к шутке, веселому розыгрышу, там пока не просматривается желание «повоевать всерьез», которое более характерно для девиантного поведения.

В образовательных учреждениях значение такого «подвига» и приключения приобретают, как правило, «прогулы» и срывы занятий. Менее отважные учащиеся предпочитают «отлынивания» от занятий под каким-нибудь более или менее правдоподобным предлогом. При этом для большинства учащихся эти события (если они случаются не постоянно, а эпизодически) имеют значение не столько серьезных дисциплинарных нарушений, сколько озорства, зачастую с легким налетом романтики и геройства. Тот, кто шалит, хочет пережить приключение, но с желанием, чтобы за него не наказали, так как не готов нести серьезную ответственность за действительно серьезный проступок. В связи с этим можно предположить, что шалющие дети в большей мере

обладают пониманием и чувством нормы, чем те, кто находится в поле девиантного поведения, и шалунам легче «уйти назад» - вернуться в норму.

В настоящей публикации внимание сосредоточено на шалостях и проделках учащихся детских музыкальных школ. Детская музыкальная школа (ДМШ) – учебное заведение, в котором дети школьного возраста получают общее начальное музыкальное образование, обучаясь игре на музыкальном инструменте, пению, основам музыкальной грамоты, теории и истории музыки. Обучаясь в ДМШ, школьник должен ежедневно упражняться (в навыках игры на инструменте, пении, чтении нотных текстов и пр.) минимум по 1,5-2 часа – в дополнение к работе над домашними заданиями по дисциплинам общеобразовательной школы. Эти ежедневные занятия составляют значительную часть повседневности учащихся ДМШ, и те, кто оканчивает полный курс обучения (7-8 лет), затрачивают на него много сил и времени. При этом они, как правило, жертвуют временем отдыха, прогулок, развлечений и общения с товарищами, занятиями в сфере других интересов (например, спорт и другие виды искусства) [6]. И если интерес к музыке у учащегося поубавился, а заниматься все же приходится, то пытливым ум ребенка начинает искать и изобретать способы «увильнуть» от занятий.

Некоторые данные об этих способах были получены в ходе исследования «Социально-педагогическая реконструкция внешкольной повседневности учащихся советских школ второй половины XX века» (осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00890). Исследование проводилось с применением метода структурированного интервью с элементами нарратива. Респондентами являлись жители ряда российских городов (Москва, Новосибирск, Калининград, Кострома) – лица 43-65 лет, проживавшие на территории СССР в период с 1960 по 1991 гг., занимавшиеся в музыкальных школах. Для решения задач исследования было отобрано и проанализировано 50 интервью, в которых содержались воспоминания о периоде обучения в музыкальной школе. В дополнение к методу интервью, применялся метод анализа высказываний на интернет-форумах: были проанализированы 225 высказываний с форумов 20 Интернет-сайтов, где имели место воспоминания об учебе в музыкальной школе. Прямые и косвенные указания на годы обучения, а также характер и содержание высказываний, позволили отнести время обучения участников форумов к периоду с конца 70-х годов XX-го века по конец 2000-х годов.

Представляя полученные результаты, прежде всего отметим, что нарративы участников интернет-форумов о нарушениях учащимися ДМШ установленных правил (шалости, «отлынивания» от занятий, способы прогулов и обманов, и пр.) могут быть выделены как отдельная область воспоминаний: такие рассказы составляют 14,7 % от общего количества высказываний, что говорит о том, что они занимают значительное место в воспоминаниях о музыкальной школе [5].

Чаще всего такие рассказы посвящены «прогулам» (почти 1/3 часть всех упоминаний такого рода) и «отлыниваниям» от занятий. Способы для этого придумывались весьма разнообразные, а порой и изощренные:

- *«Я, чтобы не ходить, засовывала верхнюю одежду под кран, а потом звонила маме и говорила, что упала в лужу и мне не в чем идти».*

- *«Когда занималась музыкой дома – ставила на подставку для нот книжку и читала, одновременно что-то изображала на клавишах. Родители думали – девочка занимается, и не беспокоили...».*

- *«Книга под нотами (или вместо) – это, наверное, классика. Поднимите руки, кто никогда не ставил?».*

- *«Мама в очередной раз грозно говорит: «Садись за пианино!», и идет полежать в ванну. Я девушка находчивая, взяла магнитофон, включила запись с микрофона и поиграла минут 10. А потом включала на воспроизведение. В общем, и волки сыты и овцы целы».*

- *«Дрожащей рукой я засовывала в портфельчик оранжевую тетрадку с этюдами Карла Черни, ноты Иоганна Себастьяна Баха, и медленно шла в коридор. Надеюсь*

оттянуть ужасный момент, я по десять минут шнуровала один кроссовок, завязывала шарфик и выбирала шапочку... Я опаздывала на занятие, придумывала глупые оправдания, заводила беседы о литературе, современной музыке, о чем угодно – только бы не играть на фортепьяно».

- *«Любила урок фортепиано прогулять: садилась в троллейбус, доезжала до Владимирской, там он разворачивался, и я ехала домой».*

На форумах также упоминаются способы спрятаться от учителя (например, в «раздевалке»), способы оправдаться за невыученную пьесу («ноты за пианино упали...»), воспоминания о «внезапной болезни» прямо перед уроком музыки, о старании так плохо играть, чтобы выгнали с урока и пр. Но, пожалуй, самый неожиданный и оригинальный из упомянутых на форумах способов, выглядел так: пока родителей не было дома, ученица развесила на столбах объявления о продаже пианино, и «быстренько все обтяпала» (продала пианино).

Конечно, ребенку не всегда хватает смелости на реальный поступок, на протестное действие. Но жгучее желание отделаться от занятий не дает покоя. По воспоминаниям участников интернет-форумов, оно выражалось в придумывании неожиданных, и даже страшных препятствий: чтобы что-то случилось с преподавателем (но непременно с оговоркой «пусть все будет хорошо»), чтобы самого ученика по дороге «несильно сбила машина», чтобы «прищемить дверью палец» и пр.

В интервью респонденты тоже рассказывали о прогулах и «отлыниваниях» от занятий. Однако, несмотря на то, что в интервью имел место вопрос о шалостях, прогулах и иных проделках, по их поводу пожелали высказаться всего 40% респондентов. При этом признались, что прогуливали и пропускали занятия (в том числе и потому, что нужно было помогать родителям), а также стремились «отлынивать» от занятий – всего 8 человек. Остальные респонденты, чьи воспоминания коснулись этой области, ответили, что не прогуливали и не пропускали занятия (исключая уважительные причины). Возможно, это связано с тем, что при интервьюировании (пусть даже и с анонимным представлением результатов) респондент менее откровенен в вопросах освещения собственных, даже мелких, проступков – в отличие от абсолютно анонимного участника интернет-форума, чувствующего себя более защищенным и поэтому – более откровенного.

Поразительным выглядит один из описанных респондентом случаев «прогула»: приятель по музыкальной школе предложил ему не пойти на занятие по сольфеджио, а вместо этого пойти на луг, чтобы в стогу сена («солнышко там сегодня!») самим «как-нибудь на гармонии поиграть». Респондент вспоминал, что они с другом часто именно так пропускали занятия, и «это было очень интересно и весело». Вот такие бывают «творческие прогулы» уроков по музыке – чтобы на лугу и в стоге сена *поиграть на гармонии!* Здесь, конечно, возникает вопрос из области Большой Педагогике – прогулы ли это? Почему-то нам не хочется так думать – при всем уважении к педагогической науке и к проблеме учебной дисциплины.

О шалостях и проделках в интервью упомянули 30% респондентов: по их воспоминаниям, они «строили рожи на хоре», баловались, было смешно, были веселые моменты в общении с преподавателями.

Редко, но все же в связи с шалостями вспоминают совершенно особые, связанные с импровизацией, «музыкальные чудачества». Эти шалости, на наш взгляд, очень напоминают шутки профессиональных музыкантов, которые являют собой демонстрацию «фигур высшего пилотажа» – на «капустниках» в творческих вузах и коллективах, на корпоративных творческих вечерах и пр. В их детском варианте явно проглядывает вполне взрослое стремление к творчеству, к сочинительству. И в них элементы шалости приобретают черты и значение музыкальных творческих проб.

Весьма яркий отпечаток творчества несет в себе описанный на интернет-форуме способ писать музыкальные диктанты по сольфеджио «конвейерным методом»:

- *«Самое большое достижение – заново самостоятельно изобретенный принцип Генри Форда – диктанты писали конвейерным методом. У меня приличный слух, для 1-2 класса хватало, во всяком случае. Когда мелодию для диктанта играли в первый раз, я синхронно расставляла точки на нотном стане и отдавала тетрадку соседке по парте. Она отвечала за ритм (у меня с этим тяжело было), а потом быстро переписывала все к себе».*

Судя по воспоминаниям, учеба в музыкальной школе не обходилась и без шалостей из серии случаев «мелкого хулиганства»:

- *«Ярко запомнились два момента: как меня учат правильно держать руки, и как я исправляю в нотной тетради 5- на 5+».*

- *«Однажды набили пианино старыми газетами и попросили преподавателя сыграть что-то из Рахманинова. Он как даст по клавишам, а они не нажимаются!»*

Также в воспоминаниях встречаются рассказы об использовании музыкального инструмента не по прямому назначению. Их характер и содержание дают основания причислить их к категории шалостей и проделок, причем также с элементом и признаком творчества – нестандартным и оригинальным способом использования предмета:

- *«Я внутри пианино прятала свои дневники и сигареты».*

- *«Из приятных воспоминаний: катание на футляре со скрипкой с горки».*

Анализируя приведенные здесь, и подобные им, рассказы, в соотношении с другими высказываниями и ответами на вопросы интервью, можно сделать предположения о причинах и источниках возникновения таких явлений, как проделки и шалости, у учащихся ДМШ.

Прежде всего, наиболее важным источником видится реакция на отрицательные переживания, связанные с обучением в музыкальной школе. Несмотря на то, что многие бывшие выпускники ДМШ, вспоминая неприятное, все же склонны сегодня давать положительную оценку результатам и периоду своей учебы там, все же нельзя не отметить существенное количество воспоминаний об эмоционально отрицательных переживаниях – и у участников интернет-форумов (40%), и у респондентов при интервьюировании (46%). Отрицательные переживания, по воспоминаниям бывших учеников музыкальных школ, преимущественно связаны с проблемами в отношениях с преподавателями: большинство эмоций, переживаемых как самые неприятные, возникали на почве отсутствия взаимопонимания с учителем и ввиду особенностей его поведения по отношению к ученику. Так, причинами возникновения отрицательных эмоциональных переживаний часто называют несправедливую оценку, отсутствие контакта с учителем, неприятную манеру поведения и разговора, повышенный тон речи и др. Редко, но упоминались случаи физического воздействия на ребенка. Например – «стукнула по спине, чтобы не сутулилась за инструментом». Думается, что во всех случаях возникновения отрицательных эмоциональных переживаний, шалость становится видом протестного ответа на поведение учителя.

Но причиной отрицательных эмоциональных переживаний учащихся музыкальных школ были не только плохо складывающиеся отношения с учителями. При анализе ответов на вопросы интервью и высказываний на интернет-форумах видно, что значительная часть отрицательных переживаний была связана с трудностями в освоении музыкального языка и навыков исполнительства, с недостаточностью или отсутствием успехов в этом. Слишком долгим и трудным казался путь к успеху, о чем один из респондентов сказал так: «Хотелось скорее играть как профессиональный музыкант, но для этого нужно было работать!». Но «было скучно играть гаммы и маленькие пьесы». Многим, очевидно, не хватало уверенности в том, что хватит на это сил и терпения. В такой ситуации, конечно, естественным становится снижение мотивации к занятиям музыкой и происходит «переброс» творческих сил и кипучей энергии действия на другие дела и цели.

Еще одной важной причиной возникновения желания пошалить, побаловаться у учащихся музыкальной школы являлся повышенный (по сравнению с детьми, учившимися

лишь в общеобразовательной школе) уровень занятости и ответственности. Эти дети имели двойную учебную нагрузку, выполняли двойную учебную работу, фактически учились в двух школах одновременно. Тяготы такого уровня занятости хорошо иллюстрируются описаниями в интервью и на интернет-форумах:

- «Занятия у меня были 3-4 раза в неделю, т.е. сразу после школы или до нее (если в общеобразовательной была вторая смена), мне приходилось ехать в музыкалку, возвращаться вечером домой, садиться за уроки, а их задавали и тут, и там».

- «3-4 часа домашних упражнений ежедневно и посещение музыкалки 3-4 раза в неделю».

- «Вечером ездила делать задания, т.к. дома пианино не было».

- «Нужно было далеко ездить. Дорога в один конец занимала час-полтора... Приходилось вставать в 6 утра, если школа была во вторую смену, и толкаться в битком набитом автобусе минут сорок. А обратно еще и ждала долго на остановке... а иногда было и не влезть...».

- «Дополнительная тяжесть в портфеле от нотных тетрадей. Если нет возможности зайти домой, чтобы сменить содержимое ранца, то это проблема... Еще – обеды. Если не заходить домой (например, школа далеко от дома), то ребенок будет перекусывать или кушать в какой-то столовой. Я именно так и делала».

- «Мой график выглядел примерно так: с тяжелым ранцем после 6 уроков я бежу в музыкалку, обедая в столовой. В музыкальной школе часа 2 занятия. Занятия, на которых надо почти неподвижно сидеть! После них поездка домой. Все с тем же тяжелым ранцем... Особо радовали дни, когда припадала еще и физкультура. Дома я кушала и думала, что же мне сегодня вечером сделать – побежать к подружкам поиграть, или сделать уроки, или опять сесть за инструмент, или отдохнуть, потому что устала уже».

- «О прогулках с друзьями, одноклассниками речи, само собой, не было. Общаться с одноклассниками я начала только в 9-м классе (!!!) когда закончила музыкалку».

- «Очень обидно, когда друзья идут гулять, а ты дома сидишь, потому что ещё уроки делать и в музыкалку идти».

- «Свободного времени у меня в детстве почти не было (школа, музыкальная школа)».

- «Первое время у нас дома не было пианино и мне приходилось рано утром или вечером шагать в школу и там выполнять домашние задания. Частенько сидела и ждала своей очереди, так как инструментов было в то время совсем не густо: всего-навсего 2 фортепиано и 2 баяна».

Из приведенных высказываний понятно, что выдерживать такой сложный и годами (!) длящийся режим и ритм жизни очень сложно. Многие и не выдерживали: по данным из интервью – менее пяти лет (это более или менее законченный, хоть и не полный курс обучения) в ДМШ проучились, бросив занятия, 30 % респондентов, а до окончания полного семилетнего курса «не дотянули» еще 22% ответивших. То есть больше половины опрошенных (52%) все же бросили занятия музыкой в ДМШ. Конечно, причины окончания занятий указывались разные, но понятно, что на таком не обязательном, но длительном и одновременно сложном пути легко утратить мотивацию, и вот тогда появляются разнообразные и вполне веские причины избавиться «от музыки». Из всего этого ясно, что занятия в музыкальной школе требовали от ребенка высокого уровня заинтересованности в сочетании со столь же высоким уровнем самоорганизации и самодисциплины. И когда этого не хватало, то родители либо давали ребенку право на самостоятельное решение о прекращении занятий в ДМШ, либо начинали принуждать его заниматься – в той или иной степени мягкости или жесткости. И ответом на принуждение становились шалости (чаще всего – в вариантах «прогулов» и «отлыниваний») – как способ все же проявить свою волю, свое стремление. Анализ высказываний показывает, что именно принуждаемых к занятиям детей особенно «тянуло» на шалости, именно они демонстрировали чудеса детской изобретательности - в ситуации «неволи». О том, что заставляли заниматься музыкой, не давали бросить музыкальную школу, упомянули 24 участника интернет-форумов. А

результаты анализа интервью показали, что почти для четверти респондентов, которых в детстве посещало желание бросить занятия в ДМШ, решающей стала позиция родителей, которые заставили продолжить обучение, или убедили, помогли перебороть желание прекратить занятия музыкой. Но, в любом случае – там, где есть принуждение, начинается сопротивление. И если нет силы и статуса для адекватного ответа, начинаются «партизанские вылазки», в нашем случае – это проделки и шалости.

Выводы. Как показало исследование, не выявлены основания для того, чтобы причислить детские проделки и шалости к сфере девиантного поведения и считать их начальными формами девиаций. Они представляют собой поведенческую норму, но возникают в специфических условиях: являются формой реакции на ситуацию скуки или способом сопротивления в условиях давления – со стороны значимых взрослых или сложных обстоятельств, которые ребенок не в силах изменить. К шалостям ребенка также побуждает стремление пережить сильные эмоции, свойственные ситуации приключения.

Учащиеся музыкальной школы, длительный период времени находясь в условиях повышенного уровня занятости и ответственности, становятся уязвимыми к тенденции снижения уровня учебной мотивации и, часто вынужденные по воле родителей продолжать занятия музыкой, ищут способы выразить свою волю, проявляя ее, в качестве своеобразного протеста, на уровне шалостей и «проделок» – преимущественно в форме «прогулов» и «отлыниваний» от занятий. Таким образом, в этих условиях шалости становятся формой протеста против принуждения к занятиям. Такое же значение протеста имеют шалости и «проделки», осуществляемые в ответ на случаи нарушения этики в поведении учителя – в ситуации, когда ребенок не может прибегнуть к адекватному ответу на это поведение.

Также, при естественном снижении мотивации и потере интереса к занятиям музыкой, шалости становятся формой реализации и выражения творческих сил и энергии действия ребенка. При этом часто они приобретают черты оригинальных творческих «продуктов», и в своих проявлениях близки сочинительству.

Все это не требует специальных и дополнительных мер воздействия на поведение шалющего ребенка, однако заставляет задуматься о том, насколько полноценно и качественно используются учителями и родителями известные педагогические резервы – формы осуществления индивидуального подхода, способы повысить заинтересованность в обучении, умения раскрыть и направить творческие силы и способности учащихся, и др.

В завершение отметим, что представленные результаты исследования отражают лишь один из сегментов воспоминаний о периоде обучения в музыкальной школе, который респонденты в целом в своей массе оценивают как преимущественно положительный, полезный и результативный для себя. Однако, надеемся, что изложенное будет интересно тем, кто не безразличен к тому, как достигаются детьми эти результаты, и какие трудности ребенок встречает на пути, от которого так важно и сложно не отклониться.

Аннотация. Публикация посвящена проблеме шалостей и проделок учащихся детских музыкальных школ. В ней представлены результаты исследования воспоминаний бывших выпускников музыкальных школ, обучавшихся в них во второй половине XX века. В статье предпринята попытка охарактеризовать и структурировать воспоминания, связанные с шалостями, имеющими отношение к процессу обучения в музыкальной школе, к домашним занятиям музыкой, к отношениям с педагогами-музыкантами. Также в статье высказываются предположения о причинах поведения учащихся музыкальных школ, выражаемого в формах шалостей.

Ключевые слова: шалость; поведение; повседневность; музыкальная школа; учащийся.

Annotation. The publication is devoted to the problem of music school students' mischief. It represents the results of a study of the memories of music school graduates who studied there in the second half of the 20th century. The article characterizes and structures the memories associated with mischief related to the process of learning in a music school, mischief related to home music

lessons, mischief related to relationship with music teachers. Besides, the article suggests the reasons for music school students' behavior expressed in the form of mischief.

Keywords: mischief; behavior; everyday life; music school; student.

Литература:

1. Большой англо-русский и русско-английский словарь / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus/ (Дата обращения: 16.08.2019 г.).
2. Кудряшев А.В. Детские шалости советских подростков на городском транспорте / А.В. Кудряшев // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 5. – С. 40–44.
3. Куприянов Б. В. Адреналин детской шалости / Б.В. Куприянов // Непрерывное образование: XXI век. – 2017. – Выпуск 4 (20). – С. 2–14.
4. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина // – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 304 с.
5. Смирнова И.Э. Социально-педагогическая реконструкция повседневности учащихся музыкальной школы второй половины XX века / И.Э. Смирнова // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 4. – С. 31 – 39.
6. Смирнова И.Э. Учащийся музыкальной школы в воспоминаниях на интернет-форумах / И.Э. Смирнова // Социологические и педагогические аспекты образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 4 март 2019 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. 240 с. – С. 179–183.
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.

УДК 159.9

МОТИВАЦИОННЫЕ ИМПУЛЬСЫ «НЕМОТИВИРОВАННОГО» ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Тюрин Павел Трофимович,

доктор психологии,

доцент Балтийской международной академии,

Латвия, г.Рига

Постановка проблемы. Психологически нерешенной остается проблема так называемых «немотивированных правонарушений», видимо, также потому, что они имеют широкий диапазон проявлений – от хулиганских поступков до особо тяжких преступлений.

Целью статьи является психологический анализ внутренних мотиваций делинквентного поведения, несоразмерного вызвавшего его причине.

Изложение основного материала исследования.

Существующие теории агрессии достаточно убедительны в отношении тех правонарушений, в которых обнаруживается какой-либо корыстный мотив и конкретная причина их зарождения. Но есть их разновидность, которые обозначаются как «немотивированные преступления», когда для их совершения у человека, казалось бы, не было никаких видимых причин. Тем не менее, какая-то причина, несомненно, была – если не внешняя, то некая внутренняя (возможно, собственное иррациональное тяготение ко злу).

Хулиганство можно отнести к *немотивированным* преступлениям в том смысле, что подобные поступки оказываются несоразмерны породившему их поводу, не являются логическим завершением стимула, и это-то вызывает сомнения в психическом здоровье и вменяемости человека. Это те случаи, когда нет четкого мотива, агрессивные действия человека возникают по любому поводу и удивляют своей неадекватностью, хотя в то же

время у него нет галлюцинаций или бреда. Однако современные психодиагностические методы не обнаруживают у большинства «немотивированных преступников» существенных отклонений от поведенческой нормы и вопрос, каким образом возникает «беспричинная агрессия» остается открытым – во всех теориях преступности остается этот необъясненный остаток.

Несмотря на разность масштабов совершаемых преступлений между тяжкими преступлениями и хулиганскими поступками можно увидеть глубинное родство и только чудовищность первых заслоняет общее в их психологической структуре. Изучая случаи «немотивированных» преступлений, совершенных «с особой жестокостью и цинизмом», приходишь к убеждению, что целью преступника было не просто устранение человека как мешающего препятствия, но им преследовалась некая сверхзадача [4, с. 215-224].

В криминальной психологии преступника часто характеризуют как человека, которому «то, что хочется – всегда кажется необходимым». Если у индивида отсутствуют нравственные нормы, которые могли бы повлиять на его поведение, то регулятором поведения часто становятся внешние воздействия, поощряющие его, либо препятствующие. Можно утверждать, что в большинстве случаев, преступник руководствуется принципом: **слабость подобна пустоте, которая заполняется силой**, который и формирует схему действий его установки – *«Если возможно – значит можно?»*. В любой конкретной ситуации, если сопротивление жертвы отсутствует или не является для него угрожающим, это воспринимается им как пустота, которая может и должна быть заполнена его силой – насилием. Правонарушение уже перестает восприниматься им как нечто недопустимое, а лишь как некое специфическое усилие, требующееся для достижения цели. Если не возникает опасных для него последствий – он продвигается дальше, дальше... Ничто не дает ему знать, что он совершает нечто недопустимое. Не получая отпора в совершении своих действий, насильник укрепляется в мысли, что – **«Если возможно – значит можно!»** [6, с. 55-56].

Объяснения причин хулиганства обычно сводятся к перечислению личностных особенностей человека, обусловленных неблагополучным детством, в результате чего происходит его эмоциональное отторжение от окружающих, что в будущем может вызвать агрессию как реакцию отмщения за нанесенные обиды. Склонность к хулиганским поступкам может сформировать повышенная конфликтность человека (как следствие низкой адаптивности), тревожность, заниженная самооценка, желание изменить устоявшееся представление о себе, стремление казаться более сильными и значительными и т.п. Тем не менее, непонятным остается, почему у них возникает потребность провоцировать у окружающих возмущение, вызывать у окружающих негативную, шоковую реакцию, с целью ошеломить их наглой выходкой и вселить чувство страха и тем самым подчинить своей воле. Причем, чем ярче будет их реакция, тем вернее хулиган чувствует, что достиг своей цели. В этом хулиганская бравада сходна с псевдоэксгибиционизмом. Бросая дерзкий вызов окружающим, он инициирует скандал, а ответное возмущение и попытки одергивания становятся для него уже конкретной причиной дальнейшей агрессии.

Внешне хулиган – это обычный человек, который периодически испытывает потребность противостоять всем и всему. В эти периоды все его чувства так или иначе фокусируются в направлении тотального негативизма и враждебного отношения к миру. Это приводит к тому, что в нем нарастает чувство, что он должен что-то предпринять, прокричать и «стукнуть» по устойчивости мира. Рано или поздно силы, сдерживающие накопившееся напряжение, иссякают и тогда случайный фактор приобретает свойство пускового механизма, и эмоциональная разрядка становится неизбежной. Такое экспрессивное поведение является частью его внутреннего состояния, которое будто бы не имеет определенной цели. Действительно, какие именно раздражающие факторы вызывают его агрессию не имеет принципиального значения и значит, ответные реакции человека следует отнести к *немотивированной* – неспецифической адаптивно-оборонительной реакции (стрессу).

Для психолога наибольший интерес представляет выявление причин, почему у человека не срабатывают противовесы появившемуся желанию совершить преступление. Почему у хулигана возникает не только побуждение к противозаконному действию, но и формируется *позитивное самовосприятие*, несмотря на то, что он, как правило, отдает себе отчет в том, что его действия противозаконны; он получает особое удовлетворение от зрелища несчастья и унижения другого, превосходства над людьми, и иногда кажется, что это сродни исполнению отмщения всем. И откуда у них возникает уверенность, что правы в своем оскорбительном отношении к миру, несмотря на то, что доказать это ничем иным не могут – ведь та иррациональность и неконкретность наступательности, отсутствие причин для их претензий явно чрезмерны и избыточны, если они совершаются только лишь с целью бахвальства?! [5, с. 95-112]. В его действиях, действительно, нет прямой и очевидной выгоды – хулиган лишь выражает свою агрессию, грубо заявляя окружающим о своем неуважении к ним, но поскольку подтвердить свои претензии ничем конкретным не может, то это его еще больше заводит – тогда он становится все более ожесточенным в попытках «высечь» хоть какую-то искру смысла из своих выходов.

В частности, поэтому необходимо попытаться увидеть человека не в слабости, а в силе соблазнов и оправданий, ведущих его к асоциальному поведению – только так, как говорил Р. Лэйнг, психолог может достичь понимания экзистенциальной позиции человека [2, с. 176]. Подобная установка побуждает психолога не ограничиваться более или менее удобными и простыми объяснениями случаев хулиганского поведения, как то: проявлениями распушенности, невоспитанности, нравственной неразвитости человека, и предположить, что, по крайней мере, за некоторыми из них кроется гораздо более фундаментальная проблема, более серьезная, чем только лишь желание покуражиться, покрасоваться, показать свое превосходство над другими и повысить самооценку.

Эти побуждения обычно возникают по незначительному внешнему поводу, когда ситуация, в том числе потерпевший, не дают повода для агрессии и их жертвами часто становятся совершенно случайные объекты [1, с. 167]. И потому, если рядом с хулиганом не окажется того, кто хоть чем-то его заденет и даст повод к агрессии, то он все равно найдет основание, чтобы выразить свое презрение к окружающим, в особенности к законопослушным гражданам – и чем более те «правильны», тем большую ярость они у него вызывают. Он получает особое удовольствие, когда оскорбляет представителей интеллигенции – насмехается над ними, желая показать ничтожность и мнимость идеальных ценностей в сравнении с грубой силой. Создается впечатление, что он вообще чувствует себя оскорбленным культурой – возможно, по той же причине, по которой Ф. Ницше считал, что в основе разрушений есть воля еще более глубоко заложенного инстинкта – устремление в *ничто*» [3, с. 55].

Какие же проблемы решает такое его поведение? Хулиганские поступки, как правило, совершаются без какой-либо цели – «просто так», но с определенной регулярностью, и когда пытаешься выяснить «С какой целью? Зачем?!», часто получаешь ответы: «Не знаю», «Просто захотелось», «Потянуло» и т.п. *Душа безработная* – так, пожалуй, можно охарактеризовать их общее внутреннее состояние и это наиболее частая причина совершения «беспричинных» преступлений. Не исключено также, что в их основе скрыто желание понять – «а где тот край, дальше которого уже нельзя».

В. Франкл считал, что экзистенциальный вакуум проявляется в основном в состоянии скуки, а многие люди по разным причинам оказываются неспособны к самореализации. Не получая удовольствия от жизни, они не знают, чем себя занять, но их душа требует хоть каких-то значимых событий и тогда их охватывает сознание пустоты и бессмысленности существования, возникает готовность к невротическим сексуальным реакциям, учащаются случаи депрессий и суицидальных импульсов [7, с. 33-34, 308-309].

В качестве иллюстрации приведу наблюдавшийся мной не вполне обычный случай латентного и не вполне сформировавшегося суицидального намерения: «*Легкой смерти ищешь?*» – сказал один мужчина очень сильно пьяному гражданину, грязно оскорблявшему

всех подряд в троллейбусе – услышав это, тот как будто очнулся, смутился и как разоблаченный поспешил выйти на следующей остановке.

Выводы. Анализ случаев немотивированного делинквентного поведения позволяет предположить, что их причиной может стать дефицит осмысленности жизни и отсутствие перспектив для достижения реальных успехов. Профилактика делинквентного поведения, видимо, зависит от возможности понижения у человека остроты переживания чувства «экзистенциального вакуума».

Аннотация. В существующих теориях агрессивности недостаточно разработана проблема причин делинквентности поведения человека, когда в его действиях нельзя обнаружить какой-либо корыстный мотив. Высказывается предположение, что в основе зарождения «бессмысленных правонарушений» может быть бессознательное протестное переживание пустоты существования.

Ключевые слова: делинквентность, экзистенциальный вакуум, протестная реакция, требование смысла.

Annotation. In the existing theories of aggressiveness, the problem of the delinquency of human behavior is not sufficiently developed, when no mercenary motive can be found in his actions. It is suggested that the basis of the emergence of "meaningless offenses" is an unconscious protest experience of a sense of meaninglessness of existence.

Keywords: delinquency, existential vacuum, protest reaction, the requirement of meaning.

Литература:

1. Антонян Ю.М. Психология убийства. – М.: Юрист, 1997. – 304 с.
2. Лэйнг Р. Разделенное Я. (Экзистенциальное исследование душевного здоровья и сумасшествия) / Р. Лэйнг // Логос (философско-литературный журнал). – М., 1992, № 3.
3. Ницше Ф. Фридрих Ницше. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М: REFL- book, 1994. - <http://philosophy.ru/library/nietzsche/volya.html>
4. Тюрин П. Мистическая эрекция зла. – Психология развития. 2011, № 3. – <http://rl-online.ru/uploads/215-224-2011-3.pdf>
5. Тюрин П. Психология феномена хулиганства как асоциальная форма самореализации: проблемы социализации. – Психология развития. 2016, № 3. – <https://cyberleninka.ru/article/v/psihologiya-fenomena-huliganstva-kak-asotsialnaya-forma-samorealizatsii-problemy-sotsializatsii>
6. Тюрин П. Психология между буквой и духом закона (теория и практика юридической психологии). – М.: Флинта, 2017. – 251 с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

УДК: 371.4

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Ус Оксана Александровна,

старший преподаватель кафедры общей и социальной педагогики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Постановка проблемы. Общественная система характеризуется рядом деструктивных явлений, которые способствуют утрате личной мировоззренческой культурной идентификации. Этот процесс активизируется под влиянием массовой культуры, трансформирующей жизненные приоритеты молодого поколения, в частности мораль и нравственность. Нравственное воспитание является ключевым условием формирования

гражданского общества, духовно-нравственной среды и выдвинуто государством в ряд приоритетных направлений системы образования. Сегодня массовая культура является неотъемлемой частью всей человеческой жизни, она определяет вектор построения всех видов общественных отношений. В первую очередь, воздействию массовой культуры подтверждена самая «свободная» и уязвимая категория: дети, в частности подростки. Подростковый возраст, как период самоидентификации, изменения в нравственной сфере и формирования нравственных качеств, не терпит общественной и педагогической беспризорности. Педагогическое сопровождение в данном аспекте не может быть эффективным при масштабном подходе к решению этой проблемы, оно должно быть целевым, направленным на наиболее уязвимые позиции.

Целью статьи является определение наименее сформированных нравственных качеств, выявление степени важности их формирования у подростков в современных условиях.

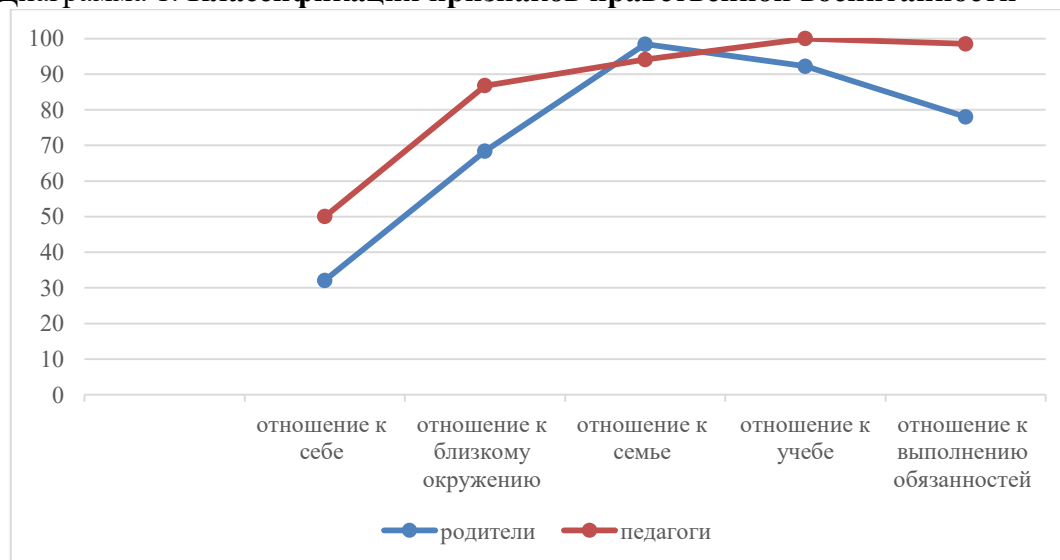
Изложение основного материала исследования.

Для достижения поставленной цели было проведено анкетирование более 400 родителей школьников 6-9 классов и педагогических работников. Анкета состояла из 3 общих вопросов и 6 – основных, содержала рейтинговую оценку сформированности нравственных качеств личности у подростков и важности их формирования. По результатам анкетирования были сделаны следующие выводы.

Более 90 % родителей и 100% педагогов согласны с необходимостью решения проблем нравственного воспитания детей. Более четверти педагогов и родителей считают, что нравственным воспитанием должны заниматься родители. Более трети родителей считают, что нравственным воспитанием детей должны заниматься только образовательные учреждения. При этом свыше 70% педагогов и лишь менее 40% родителей убеждены, что навыки нравственного поведения возможно сформировать лишь при взаимодействии семьи и школы.

По ответам респондентов была составлена классификация признаков нравственной воспитанности (диаграмма 1). Полученные данные позволили увидеть нравственные предпочтения в организации воспитательного процесса каждой из категорий опрошенных. Существенных различий во взглядах на приоритеты нравственного воспитания у респондентов выявлено не было. Однако, заметим, что у родителей нравственные требования по «отношению к выполнению обязанностей» ниже почти на 20% по сравнению с мнением педагогов. Возможно, это связано с имеющимися в воспитании ситуациями подавления эмоционально-волевой сферы, например, встречались следующие комментарии ответов на вопросы: «Он еще ребенок», «... маленький», «... вся жизнь впереди», «...наработается потом».

Диаграмма 1. Классификация признаков нравственной воспитанности

При ответе на вопрос «Насколько качественно осуществляется, на ваш взгляд, нравственное воспитание в современном обществе (где «-3» – самая низкая оценка, полное несоответствие; «+3» – самая высокая оценка, полное соответствие)» педагоги оценили качество реализации своих функций семьей достаточно низко ($+0,5 \pm 0,04$; по мнению родителей $+2,03 \pm 0,05$). При этом родители считают, что школа некачественно осуществляет нравственное воспитание детей ($-0,9 \pm 0,8$; по мнению педагогов: $+2,1 \pm 0,9$). В оценке роли общества в положительном нравственном воздействии обе группы респондентов были солидарны и оценили достаточно низко ($-1,7 \pm 0,4$), при этом иногда комментируя свои ответы очень эмоционально: «Воспитывает детей «нэт», где отсутствует контроль, нам за ним не успеть» (родитель); «Детей не интересует нравственность, им интересна безнравственность и вседозволенность, которую им загружают в головы» (педагог); «Нет идеологии в школе. Без идеологии – нет нравственности» (педагог), «Хочется, иногда, закрыть уши и сбежать с ребенком от потока информации.» и др.

При оценивании степени сформированности нравственных качеств учащихся подросткового возраста учителя и родители также были солидарны. Наименее сформированными названы следующие качества: честность ($-2,1 \pm 0,07$), ответственность ($-1,9 \pm 0,05$), дисциплинированность ($-1,8 \pm 0,04$), чуткость ($-0,5 \pm 0,2$), тактичность ($-0,3 \pm 0,5$), трудолюбие ($-1,0 \pm 0,06$), бескорыстие ($-0,3 \pm 0,7$), воля (целеустремленность) ($-0,3 \pm 0,4$). Наиболее сформированные качества: смелость ($+1,4 \pm 0,3$), справедливость ($+1,3 \pm 0,09$), идейность ($+1,1 \pm 0,2$). Остальные качества (вежливость, благородство, верность, порядочность, доброжелательность, заботливость и др.) имеют положительную, но невысокую оценку от $+0,1 \pm 0,2$ до $+0,5 \pm 0,03$. В свою очередь важность формирования нравственных качеств оценена опрошенными одинаково высоко.

Для уточнения группы нравственных качеств, которые целесообразно и необходимо совместно формировать в рамках воспитательной деятельности, был проведен корреляционный анализ (использовался коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты корреляционного анализа продемонстрировали сильную положительную взаимосвязь между степенью сформированности следующих нравственных качеств: «честность / дисциплинированность» – 0,78; «честность / ответственность» – 0,82; «дисциплинированность / ответственность» – 0,85.

Выводы. В связи с вышеизложенным, в контексте выявления содержательных основ организации воспитательного процесса целесообразно исходить из необходимости и первостепенности формирования вышеуказанных качеств. Данные качества, во-первых, являются взаимосвязанными и наиболее проблемными у подростков; во-вторых, их развитие является наиболее важным с точки зрения особенностей подросткового возраста (психологических характеристик данной возрастной группы, социальных задач, решаемых личностью в этот период развития и пр.); в-третьих, подростковый возраст является сенситивным для решения обозначенных воспитательных задач.

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов исследования о формировании нравственных качеств у подростков.

Ключевые слова: нравственное воспитание, подростковый возраст, нравственные качества.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the research results on the formation of moral qualities in adolescents.

Keywords: moral education, adolescence, moral qualities.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ ОТРЯД КАК РЕСУРС ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Утёмов Вячеслав Викторович,

кандидат педагогических наук, декан факультета педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

Постановка проблемы. В научно-методических источниках под термином «девиантное поведение» понимается целый ряд поведенческих расстройств – от незначительных нарушений общепринятых норм в обществе до тяжелых психопатических нарушений. Обратим внимание на трактовку термина как специфического способа изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью ценностного отношения к ним. В данном ракурсе характеристики современной студенческой молодежи, небесспорно, относят к проявлениям девиантного поведения. Поэтому возникает проблема подбора форм работы со студенческой молодежью, направленных на установление границ нормального поведения. Возможным решением обозначенной проблемы является вовлечение их в добровольную социально-направленную и общественно-полезную деятельность.

Целью статьи является представление опыта профилактики девиантного поведения студенческой молодежи посредством вовлечения их в деятельность добровольческого студенческого отряда.

Изложение основного материала исследования

В научно-методических источниках под термином «девиантное поведение» понимается целый ряд поведенческих расстройств – от незначительных нарушений общепринятых норм в обществе до тяжелых психопатических нарушений. Разносторонняя трактовка понятия выражается в выбранном подходе подбора смысловой нагрузки, так, например, может быть:

- система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали;
- социальными явлениями, выражающиеся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих тем же критериям;
- специфическим способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью ценностного отношения к ним.

Анализ источников показывает, что сложность трактовки рассматриваемого понятия предопределяется смежными понятиями, которые порой отождествляются с понятием «девиантное поведение» в аспекте той или иной проблемы: делинквентное, аддиктивное, дезадаптивное, асоциальное, антисоциальное, неадекватное, трудное, деструктивное и акцентуированное поведение. Категорию «отклоняющее поведение» можно рассматривать как родовой признак, объединяющий данные дефиниции. Отклоняющее поведение – междисциплинарный объект исследования, и для его описания рассматриваются различные варианты групп трансляции, которые характеризуются как патологические. Например: преступление, социальная дезадаптация, антисоциальное, делинквентное и асоциальное поведение или суицид, промискуитет, проституция, разные формы аддикций, сексуальные инверсии, а для психиатрии – психические расстройства.

Учитывая возрастную специфику студенческой молодежи, остановимся на определении термина «девиантное поведение» как специфического способа изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью ценностного отношения к ним. Можно отметить, что «демонстрация отношения» проявляется в поведении личности, а фиксация «отклоняющего» поведения невозможна без определения нормы. Поэтому можно считать, что поведение, зафиксированное между нормой и патологией, будет девиантным.

Заметим, что в работах Л.С. Выготского, В.Т. Кондрашенко и П.Б. Ганнушкина, делается вывод об отсутствии точных границ между нормальным и ненормальным поведением [1–3]. Это связано с различными подходами определения норм. Норму определяют как образец поведения, инструмент регулирования и контроля, предписание, идеал, требование, среднестатистический показатель, меру заключения о чем-либо и меру оценки, функциональный оптимум или предел. Стратегия поведения личности определяется интраперсональными и интерперсональными особенностями. Поэтому выстраивать меры профилактики «девиантного поведения» необходимо с учетом данных особенностей студентов, например, рассматривая установки, мотивацию, потребности, деятельность и межличностные коммуникации студентов.

В практике работы факультета педагогики и психологии ВятГУ в настоящее время активно развивается добровольческий студенческий отряд, специфика работы которого отражается в сферах социальной активности, связанных с получаемым образованием (учителя, воспитатели, психологи и дефектологи). Студенты вовлекаются в инициативные мероприятия со школьниками и людьми, находящимся в трудной жизненной ситуации, становясь для них наставниками. Такими наставниками могут и должны быть студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Образование и педагогические науки» и принимающие активное участие в общественной жизни региона, а именно в волонтерской деятельности. Для будущих педагогов волонтерство является важным способом получения новых профессиональных знаний, развития навыков общественной деятельности, активной гражданской позиции, а главное возможностью видеть и сравнивать поведенческие нормы.

На международном уровне тема добровольчества не является новой, Организация Объединенных Наций уже более 50 лет развивает её. ООН считает волонтерство одним из основных средств участия людей в процессе социального развития, приносящих пользу как сообществу в целом, так и отдельному человеку [4]. В России понятие «волонтер» впервые было закреплено на законодательном уровне в 2007 году в ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [5]. В Основах Государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, «молодежная волонтерская (добровольческая) деятельность» – добровольная социально направленная и общественно полезная деятельность молодых граждан, осуществляемая путем выполнения работ, оказания услуг без получения денежного или материального вознаграждения (кроме случаев возможного возмещения связанных с осуществлением добровольческой (волонтерской) деятельности затрат).

Отметим, что сейчас в России волонтерство – это сектор социального бытия человека, связанный с его обязанностями как гражданина и правами как человека, что определяет правовое регулирование этой деятельности. Сравнительный анализ смежных понятий «волонтерство» и «добровольчество» показывает, что волонтерство рассматривается как разновидность добровольчества в строго определенной сфере, в контексте нашей работы – в сфере образования. Но мы же, рассматривая организацию студенческих отрядов как модельную, применимую для различных сфер профессиональной деятельности, остановимся на наименовании «добровольческий студенческий отряд».

Добровольческий студенческий отряд факультета педагогики и психологии с 2017 года определил инклюзию как ключевую сферу своей социальной практики. Опишем значимость выделения данной сферы. Государственной и региональной программами «Доступная среда» предусмотрено повышение уровня доступности услуг для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Поставленная комплексная задача не может быть решена без вовлечения молодежи в данную социальную практику путем развития добровольческой (волонтерской) деятельности.

С 2016 года активно создаются студенческие добровольческие отряды по сопровождению лиц с ограниченными возможностями здоровья в рамках международного движения «Абилимпикс». Само движение направлено на смену отношения общества к трудоустройству людей с инвалидностью, создание необходимых условий для получения

доступного образования любого уровня, а также мотивацию самих инвалидов к получению высококвалифицированных специальностей и хорошей работы. На пути осуществления этих задач и появляются добровольческие отряды, чья деятельность направлена на психолого-педагогическое сопровождение людей с инвалидностью. Институализация добровольческого отряда в ВятГУ произошла летом 2017 г. через создание студенческого добровольческого центра «Абилимпикс». Создание студенческого добровольческого центра ВятГУ по сопровождению лиц с ограниченными возможностями здоровья «Абилимпикс» обусловлено интеграцией и координацией деятельности подразделений университета по развитию студенческого волонтерского движения в сфере индивидуального социально-педагогического сопровождения людей с инвалидностью. Целевой аудиторией добровольческого центра являются лица с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью:

- участники регионального этапа Национального чемпионата профессионального мастерства людей с инвалидностью «Абилимпикс»;
- участники Национального чемпионата профессионального мастерства людей с инвалидностью «Абилимпикс»;
- школьники и студенты с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья;

– инвалиды пожилого возраста, проживающие в специализированных учреждениях. Студенческий добровольческий центр по сопровождению лиц с ограниченными возможностями здоровья «Абилимпикс» ежегодно:

организует и проводит:

- развивающие программы для детей с ОВЗ;
- творческие программы для детей, студентов с ОВЗ, для инвалидов пожилого возраста;
- физкультурно-оздоровительные и спортивные мероприятия для школьников и студентов с ОВЗ;
- совместные творческие и развивающие мероприятия для детей и родителей;

обеспечивает волонтерское сопровождение:

- физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий для инвалидов (фестивали «Улыбка» и «Надежда», соревнования по лыжным гонкам, слёты, спартакиады);
- культурно-массовых мероприятий с участием инвалидов (фестивали художественного творчества для инвалидов по слуху, зрению, по общему заболеванию «Вместе мы сможем больше», выставки, творческие конкурсы), в которых ежегодно принимает участие более 1000 лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, которые нуждаются в сопровождении мобильных волонтерских групп.

В результате первого года работы было:

- подготовлено 25 студентов-волонтеров для работы с людьми с инвалидностью по различным нозологическим группам;
- оказана волонтерская поддержка проведения регионального и всероссийского этапов Национального чемпионата конкурсов профессионального мастерства для людей с инвалидностью «Абилимпикс»;
- проведено более 10 мероприятий по лучшим методикам и практикам по обучению и социализации людей с инвалидностью;
- налажено сотрудничество с образовательными организациями, учреждениями социальной защиты населения, региональными общественными организациями лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью;
- вовлечены учащиеся педагогических классов ВятГУ через систему «Студент–школьник» в работу центра (более 50 профессиональных команд).

Отметим, что ежегодно осенью в Кировской области проходит региональный этап Национального чемпионата профессионального мастерства среди людей с инвалидностью «Абилимпикс», где волонтерскую поддержку осуществляет студенческий центр ВятГУ. В

чемпионате принимают участие школьники, для которых студенты-волонтеры выступают в качестве наставников, курируют участников, помогают выполнять конкурсные задания.

В перспективе проекта к концу 2018 г. обозначено расширение числа волонтеров, вовлекаемых в деятельность мобильных групп по сопровождению лиц с ограниченными возможностями здоровья за счет педагогического наставничества (вовлечение студентов ВятГУ и обучающихся общеобразовательных организаций региона).

За год работы студенческого центра по инициативе и с участием центра уже проведено более 50 мероприятий в регионе. Большинство из них сформировали новые мобильные команды «Студент–школьник». Студенты-волонтеры становятся для школьников наставниками, стараясь завоевать авторитет у своих подопечных, стимулировать и поддерживать их на пути развития собственного потенциала и необходимых жизненных навыков, а также способствовать выбору и профессиональному становлению в определенной сфере. Эффективным и результативным способом наставничества является психолого-педагогическое сопровождение школьников, в рамках которого происходит обмен опытом и знаниями. Наставничество является ярким примером педагогики сотрудничества, сущность которой заключается в демократическом и гуманном отношении к подопечному, обеспечении его права на выбор, на собственное достоинство, уважение [6].

Таким образом, можно выделить следующие результаты деятельности, достигаемые посредством мероприятий добровольческого студенческого отряда: совершенствование практической ориентированности при подготовке будущих педагогов с обеспечением минимальных издержек при реализации образовательного процесса и апробация новых форм организации занятости школьников для развития их самостоятельной познавательной деятельности, формирования личностных и коммуникативных качеств. Данные результаты имплицитно в опыт волонтеров по сравнению и определению норм поведения в различной общественно-полезной, профессиональной и бытовой деятельности. Условия для рефлексии норм поведения выступают ресурсом профилактики девиантного поведения студентов.

Выводы. Представленный опыт работы студенческого добровольческого отряда может быть рассмотрен как одна из форм работы со студенческой молодежью, направленной на установления границ нормального поведения. Эффективность данной формы можно определить через оценку положительных отзывов, благодарственных писем, отзывов детей, для которых студенты стали наставниками.

Аннотация. В статье представлен опыт работы студенческого добровольческого отряда ВятГУ. Вовлечение студентов в деятельность добровольческого студенческого отряда рассматривается как ресурс профилактики девиантного поведения. Работа волонтера в отряде через реализуемую им добровольную социально-направленную и общественно-полезную деятельность имплицитно в опыт студента по сравнению и определению норм поведения в различных сферах бытовой и профессиональной активности.

Ключевые слова: девиантное поведение молодежи, студенческий добровольческий отряд, волонтерство.

Annotation. The article presents the experience of the student volunteer team of Vyatka State University. The involvement of students in the activities of a volunteer student group is considered as a resource for the prevention of deviant behavior. The work of a volunteer in a detachment through a voluntary socially-oriented and socially useful activity implemented by him is implanted in the student's experience in comparison and determination of norms of behavior in various areas of everyday and professional activity.

Keywords: deviant behavior of young people, student volunteer squad, volunteering.

Литература:

1. Выготский Л. С. Педология подростка / Собр. соч. в 6 т., Т. 4. – М., 1984.
2. Выготский Л. С. Собр. соч. в 6 т., Т. 2. – М., 1982.

3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. / под ред. В.В. Давыдова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2012. – 671 с.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/38. – URL: <http://www.un.org/ru/ga/56/docs/56res1.shtml>.
5. Федеральный закон № 329-ФЗ от 4 декабря 2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». – URL: http://base.garant.ru/12157560/1/#block_20031.
6. Криворучко А. В. Роль педагогического наставничества в подготовке будущих учителей химии к оцениванию учебных достижений учащихся // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 4-2. – С. 120-122. – URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=3991>.

УДК: 316.346.32-053.6

В ПОИСКАХ ГЛУБИННЫХ ПРИЧИН ПОДРОСТКОВОЙ (НЕО)КРИМИНАЛИЗАЦИИ: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ К СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА И ГЕНДЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Хагуров Темыр Айтмечевич,

доктор социологических наук, доцент,
проректор по учебной работе, качеству
образования – первый проректор
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

*На просвещении лежит обязанность
снабжать человека оружием против зла*
Р.У. Эмерсон

Постановка проблемы. В последние годы проявилась достаточно тревожная тенденция – наметившаяся волна неокриминализации подростков и молодежи, своеобразным «брендом» которой стала аббревиатура «А.У.Е.». Очевидно, что «А.У.Е.»-субкультура отражает очередную (далеко не первую в последние 100 лет, но отличающуюся явным своеобразием) волну (нео)криминализации российской молодежи. Говоря о масштабах распространенности данного явления, исследователи высказывают подчас противоположные точки зрения: одни склонны рассматривать «А.У.Е.»-субкультуру как эпидемию, угрожающую национальной безопасности, другие - как «пример «моральной паники»: некто сообщает через массмедиа о незначительном явлении и через это явление получает информационную поддержку [8]. Нет согласия в оценке реальной распространенности и общественной опасности нео-криминальной субкультуры и между представителями силовых структур [5].

Основная проблема заключается в необходимости углубить понимание параметров и причин подростковой криминализации и по возможности представить возможные пути и технологии профилактики и коррекции этого явления.

Целью статьи является попытка первичной концептуализации проблемы подростковой (нео)криминализации в контексте аеу-субкультуры и приглашение к диалогу всех заинтересованных исследователей.

Изложение основного материала исследования.

1. Введение в проблему «А.У.Е.»

Первые упоминания об этом явлении относятся к 2010 году: во время беспорядков, произошедших в Белореченской воспитательной колонии Краснодарского края, несовершеннолетние заключенные выкрикивали «Аеу!». Серьезное же внимание СМИ к проблеме криминализации молодежи и опасном субкультурном влиянии «А.У.Е.» было

привлечено в 2016 году после обращения к В. Путину члена президентского совета по правам человека (СПЧ) Я. Лантратовой по итогам работы специальной межведомственной комиссии для проверки ряда громких инцидентов в Забайкальском крае. Правозащитница указала, что воровская романтика набрала популярность и в 17 других российских регионах, среди них Бурятия, Челябинская, Ульяновская, Тверская, Московская области и Ставропольский край. При этом Лантратова связала проблему массовой криминализации подростков с проблемой национальной безопасности. Тему подхватили журналисты и в 2016-2017 гг. в ряде серьезных центральных и региональных СМИ появились достаточно качественные материалы журналистских исследований феномена «А.У.Е.» и вдохновляемой им подростковой криминализации. Помимо уже упомянутых публикаций в РИА-Новости и Новой газете стоит отметить материал корреспондента «Moscow Times» Оливера Кэррола, выполненный в жанре почти социологического кейс-стади [4] и аналитический обзор, подготовленный интернет-порталом «Meduza» [8].

Можно считать, что журналисты свою задачу выполнили – привлекли внимание общества к проблеме, представили описание её основных параметров в первом приближении.

Итак, что представляет явление подростковой криминализации в контексте феномена «А.У.Е.»? Почему в названии статьи говорится о «нео-криминализации»? Начнём с аббревиатуры.

Согласно всем источникам по данному вопросу существует два варианта расшифровки аббревиатуры «А.У.Е.»: «Арестантский уклад един» или «Арестантское уркаганское единство». Во «взрослой» криминальной субкультуре отдельных регионов России, в частности Забайкалья, этот мем встречается достаточно давно – с 1980-х гг. Однако широкое его внедрение именно в молодежную субкультуру относится, по-видимому, к концу первого – началу второго десятилетия нынешнего века, когда «А.У.Е.» стало символом криминализированной молодежи. Криминализированной, прежде всего, на уровне субкультурных практик: сленга, манеры одеваться, поведенческой экспрессии и практикуемых форм взаимоотношений, музыки, образа жизни в целом, декларируемых ценностей и идеалов и т.п. У значительной части молодежи (трудно сказать количественно какой именно), причисляющей себя к «уркаганскому единству» это сопровождается реальной криминализацией – эпизодической или достаточно регулярной вовлеченностью в совершение сознательно противоправных действий: магазинные (и не только) кражи, разбой и вымогательство, избиения и расправы над «виновными» и т.п.

«А.У.Е.»-субкультура существует в форме устойчивого набора асоциальных установок: отказ от учебы и профессии как социально-значимых видов деятельности (или формально-поверхностное отношение к ним в духе мертоновского ритуализма), ориентация на достижение быстрого материального успеха через криминальную деятельность или в результате «везения», «счастливого случая», социальный паразитизм, отсутствие социально и личностно-продуктивных увлечений (спорт, творчество и т.п.), распространённость агрессии и эксплуатирующих стратегий в межличностных отношениях, культ насилия и презрение к высокой культуре и интеллекту, регуляция поведения на основе контркультурной ценностно-нормативной матрицы («понятий»), одобрение употребления алкоголя и наркотиков, количественная и качественная примитивизация лексикона и активное использование ненормативной лексики. Распространенной в ряде регионов является практика сбора, в том числе в форме вымогательства у сверстников денег для передачи в пенитенциарные учреждения («на грев»).

Можно предположить, что одна из причин серьезного расхождения экспертных мнений связана с неготовностью экспертов различать *регионально-территориальное, социально-экономическое и культурное* измерения распространения «А.У.Е.»-субкультуры.

Прежде всего огромное влияние на глубину и масштабы подростковой криминализации оказывают степень «депрессивности» или – наоборот – развитости конкретной территории, а также количество и качество расположенных в регионе

пенитенциарных учреждений. Первое очевидным образом связано с наличием или отсутствием возможностей для продуктивной самореализации молодежи в сфере учебы, досуга и выбора профессии. Второе - с характеристиками социокультурной среды региона: процент бывших «сидельцев» и распространенность «арестантских традиций». В депрессивных регионах с высокой концентрацией «сидевшего» населения (напр. т.н. «Пермско-уральский лагерный регион», Забайкалье и др.) масштабы реальной криминализации подростков и молодежи могут приобретать характер действительного социального бедствия. Тогда как для благополучных регионов (напр. Москва, С.-Петербург, Краснодарский край) это может носить в большей степени «игровой» (С.А. Кравченко) характер. Фактически в каждом российском регионе присутствуют и реальная и «игровая» криминализация, различаются лишь их масштабы и пропорции.

Не менее важный фактор – социально-экономическая дифференциация внутри региона/территории. Внутри каждого российского региона можно выделить «прогрессивные» и депрессивные территории (как правило, региональный центр и глубинка), различающиеся по уровню криминализации. «А.У.Е», как образ жизни - это субкультура, главным образом, социальных низов, хотя привлекающая часть подростков из среднего класса и «золотой молодежи». Дети богатых родителей чаще всего *играют* в криминальные ценности от скуки – нередкого спутника комфортабельных коттеджей, престижных районов и привилегированных школ. Их сверстники из дворовых компаний, «обычных» школ (по сути, всё больше превращающихся в социальные отстойники) и профессиональных лицеев *вживаются* в криминальную среду, как естественный и нормальный модус их повседневности.

Сложность реальной картины осложняется тем, что территориальные, социально-экономические и культурные измерения подростковой криминализации сопрягаются нелинейным образом, иногда дополняя друг друга, иногда диссонируя между собой.

При этом если относительно масштабов реальной криминализации можно спорить, то масштабы виртуальной оценить проще, и они внушают тревогу. Наиболее популярные А.У.Е.-сообщества в социальных сетях насчитывают свыше 200 тысяч членов. При этом количество пользователей, интересующихся данной темой, но не являющихся зарегистрированными подписчиками, несомненно больше. Среди посетителей много несовершеннолетних, в том числе девушек. Многие из ресурсов переполнены рекламой продукции с символикой «А.У.Е.»: музыки, одежды, аксессуаров.

Предварительный анализ этого явления выводит на типологию, включающую в себя три формы (первичной, игровой, вторичной устойчивой) криминализации. Её вполне можно принять в качестве рабочей матрицы, позволяющей эмпирически классифицировать адептов криминальной субкультуры.

2. К истории подростковой криминализации в советской и постсоветской России

В новейшей российской истории «А.У.Е.» маркирует *четвертую*, в отличие от предыдущих не связанную с явными социально-политическими потрясениями, *постнеклассическую* волну подростковой криминализации. Классическими можно назвать первые две таких волны: постреволуционную, приходящуюся на 1920-е гг., и послевоенную – в конце 40-х – начале 50-х гг. XX века.

В конце 80-х – 90-е гг. проявила себя третья – *неклассическая* – волна подростковой криминализации. Перестройка и порожденный ею глубочайший кризис «лихих 90-х» обусловили не просто аномизацию общества, но в ряде случаев нечто гораздо более худшее – *нормативную инверсию*: замену разделяемых обществом представлений о должном и недолжном на свои противоположности. Произошла невиданная ранее криминализации доминирующей культуры, начавшаяся с массового вторжения криминального сленга (арго, феня) в язык повседневного общения обычных граждан. Параллельно с языком шло проникновение в массовое сознание элементов криминальной психологии и идеологии – «понятий». В реальности же это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте –

«лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и подростковые компании, и даже – в отношения мужчин и женщин.

Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институализированная кинематографом и другими масс-медиа. По меткому наблюдению исследователя феномена силового предпринимательства В.В. Волкова: «На некоторое время влияние этой группы [бандитов] стало преобладающим в экономике, политике и повседневной жизни. Бандитская субкультура «обогастила» российскую массовую культуру романами, кинофильмами и песнями соответствующего стиля и содержания, которые, в свою очередь, сделали слова, жесты и нормы новой социальной группы еще более популярными в потерявшем ценностные ориентиры обществе» [1].

Официальная культура, в том числе институты и механизмы социализации и социального контроля на долгое время оказалась неспособна адекватно выполнять нормальные и социализирующие функции. Ситуация начала меняться в лучшую сторону с началом «нулевых» на фоне укрепления государственных институтов и корректировки молодежной и культурной политики. Какое-то время казалось, что «лихие 90-е» навсегда остались в прошлом, а определенная респектабельность социальной жизни для большинства населения окончательно утвердилась в качестве доминирующего тренда.

Феномен «А.У.Е.», как уже отмечалось, маркирует новую *четвертую* волну подростковой криминализации, происходящую, в отличие от предшествующих в отсутствие (по крайней мере явных) социальных катаклизмов. В этом, а также в опоре на интернет-коммуникации и специфические формы маркетинга заключается её принципиальная новизна, требующая внимательного изучения. То, что на сегодня известно об этой субкультуре вызывает множество вопросов эмпирического и методологического характера. Среди них важно место занимает вопрос о соотношении «грубых» (социально-экономических) и «тонких» (культурных и психологических) факторов криминализации.

3. Инверсивное детство и дефицит нормальной маскулинности как глубинные предпосылки подростковой неокриминализации

Традиционно причины подростковой криминализации объясняют через категории социальной исключённости, жизненных шансов, криминальной социализации и т.п. Это то, что можно назвать явными или «грубыми» факторами криминализации, обладающими, без сомнения, мощным влиянием. В отношении «детей с городских окраин» – обитателей социально-экономического «придонья» – эти объяснения вполне «работают», по крайней мере, до определенного предела. Когда же речь заходит о причинах «игровой» или реальной криминализации детей из семей более или менее благополучных, социально-экономических объяснений оказывается *явно* недостаточно.

Предположение заключается в том, что глубинные (или «тонкие») причины подростковой криминализации связаны с процессами, происходящими в социокультурной реальности детства и сфере гендерных отношений. Коротко рассмотрим эти процессы.

Инверсивное детство, как психологическая база подростковой криминализации.

Тезис о том, что корни взрослых проблем следует искать в детском возрасте, давно стал трюизмом в молодёжной девиантологии. Темы нормального и девиантного детства мы неоднократно касались в ряде публикаций прошлых лет [7], и некоторые из идей, изложенных в них, могут пригодиться при обсуждении вопроса о глубинных причинах подростковой криминализации.

Главная мысль этих публикаций заключалась в том, что детство – это не просто возраст или период жизни человека, но еще и социокультурное явление. Существует очень тонкая и специфичная *культура детства*, особым образом вписанная в культуру того или иного общества. Её основу составляют пять ключевых элементов, пять базовых принципов: *отношения с родителями, детское целомудрие и чистота, детские сказки и повести, игры и игрушки*. Дабы не повторять дословно всё написанное на этот счет ранее, скажем лишь, что главная задача детства – научить ребёнка различать Добро и Зло и дать ему опыт взаимодействия с миром на основе Любви.

У определённой части читателей упоминание категорий «Добро» и «Зло» в научном тексте вызовет неприятие и повлечет обвинения в «ненаучности». Однако, знакомство с девиантологической литературой убеждает нас, что эти понятия отнюдь не так маргинальны в современной науке, как это представляется с неопозитивистской или постмодернистской точек зрения [2]. Еще более определенно высказывается на этот счет норвежский философ Л.Свендсен: «Несмотря на то, что понятие «зло» кажется устаревшим, пережитком далекого от современности прошлого <...>, зло тем не менее является для нас реальностью. Мы видим зло, творим зло и подвергаемся злу».

Итак, главный опыт, который ребенок должен получить – это опыт различения Добра и Зла и взаимодействия с миром на основе Любви. Наличие в жизни ребенка любимых людей, любимых игрушек, любимых игр, любимых книжек и героев сказок создаёт духовную, эмоциональную и интеллектуальную базу формирования исключительно важных для полноценной социализации [6] качеств, таких как человеколюбие и эмпатия, трудолюбие, любознательность. Формируется то, что условно можно назвать «*экзистенциальной компетентностью*». То, что создает необходимые предпосылки для формирования важнейшего качества нормального взрослого человека – *субъектности*, т.е. способности к самостоятельному мироориентированию и целеполаганию. Вне этой способности целеполагание будет носить либо *реактивный* (опирающийся на систему желаний и низших потребностей), либо *манипулятивный* (заданный из вне) характер.

Можно предположить, что процессы, которые протекают сегодня в пространстве детской культуры приводят к появлению новой социокультурной реальности – *инверсивного детства*, в котором практически все структурные элементы нормального детства наполняются противоположным содержанием – выворачиваются наизнанку. Главными результатами инверсии детства становится утрата Любви и Смысла. Вместо нормального опыта любви (требующей достаточно длительных совместных, *со-бытийных* переживаний ребёнка и взрослого) ребенок получает либо её суррогаты (в форме удовольствий, излишней свободы, избалованности и т.п.), либо, не получает совсем. Отсутствие любви приводит к *экзистенциально-эмоциональной депривации*, которая имеет два типа последствий, влияющих на процессы подростковой криминализации.

Первое – это стремление к *замещающей компенсации*, когда недополученную любовь ребенок пытается получить в группе сверстников, через их признание и одобрение. Причем глубина, а значит и эмоциональная ценность этих связей будет выше в группах, сплоченных совместным выживанием, преодолением опасности. Эталонными типами таких групп с древнейших времен являются воинские коллективы и криминальные сообщества. При всех различиях, в характере внутренних связей и нормах внутригруппового взаимодействия в этих группах наблюдается много общих черт. Стихийные подростковые коллективы (дворовые компании) зачастую пытаются не(или, полу-)осознанно приобрести опыт *совместных экстремальных переживаний* (в том числе в процессе совершения или имитации криминальных деяний) с неявной целью (помимо мотивации гедонистического риска) именно обрести связи первичного типа, обеспечить участникам интенсивные эмоции доверия, помощи и т.п.

Второе следствие инверсивного детства – это стремление к *патологической (перверсивной) компенсации* экзистенциально-эмоционального вакуума. Одним из следствий недостатка любви (как при наличии травматического опыта – различных видов насилия, так и в результате избалованности) является снижение способности к эмпатии, сопереживанию страданиям других. В этом случае вероятным становится формирование садистского типа характера (по Э. Фромму), стремящегося компенсировать собственную внутреннюю пустоту и неполноценность насилием и жестокостью по отношению к более слабым. Именно в этом патологическом типе компенсации следует на наш взгляд искать причины внезапных и шокирующих вспышек жестокости в подростковой среде, периодически мелькающих в СМИ.

При этом активно используются ресурсы вербального социального конструирования. Жертва дегуманизируется: на неё наклеивается ярлык «лоха», используются конструкты типа «лох – это судьба».

С учетом опасности такой морали для самих её носителей и их возможности создавать устойчивые социальные структуры, необходимости как-то уживаться с большим социумом и т.п. причинами в классической «взрослой» криминальной субкультуре практики насилия жестко регламентированы, за «беспредел» следует жесткое наказание. В подростковой же ауте-субкультуре в силу целого комплекса причин эти механизмы социального контроля работают гораздо хуже, что открывает широкие возможности патологической компенсации последствий инверсивного детства для её адептов.

Дефицит нормальной маскулинности.

Одним из трендов современной жизни, который всё труднее становится игнорировать исследователям социальной реальности является процесс нарастающего социального аутсайдерства мужчин на фоне растущего социального превосходства женщин [3].

Эти процессы отчетливо проявляют себя во всем мире, заметны они и в России: женщины всё более успешно осваивают социокультурные ниши, традиционно принадлежавшие мужчинам, проявляя при этом большую по сравнению с мужчинами успешность и мотивацию. Есть все основания говорить о процессах *гендерной инверсии*, в результате которой женщины становятся носителями традиционно мужских черт характера и поведения: склонности к риску, стремления к преодолению препятствий и конкурентной борьбе, стремления брать на себя ответственность и принимать решение. В житейских и профессиональных ситуациях они всё более естественно демонстрируют волю, энергию, настойчивость, аскетизм и т.п. «мужские» качества. Мужчины же при этом все чаще выказывают признаки социальной депрессивности, пассивность, инфантилизм, выбирают стратегии *отступающего* или *ритуалистического* (по Мертону) поведения. Эти процессы находят своё отражение в том числе в индустрии актуальной социальной миологии – кино, литературе и других жанрах искусства.

Всё это можно резюмировать следующим образом: в современном мире наблюдается *острый дефицит нормальной маскулинности*, патологические попытки компенсации которого мы наблюдаем в подростковой криминальной субкультуре.

Существуют два основных, изначальных мужских архетипа: Воина и Мудреца. Существует ещё архетип Отца (Правителя), который, по сути, построен на совмещении этих двух изначальных архетипов. Или, согласно иной возможной трактовке, эти архетипы выделяются в результате разложения изначального архетипа Отца на элементарные составляющие. Сути это не меняет – Воин и Мудрец суть базовые мужские архетипы, причем они имеют выраженную темпоральную специфику: образ Воина естественным образом ассоциируется с молодым возрастом, также как образ Мудреца – со зрелостью и старшим возрастом. В формировании и самом социальном бытии мужчины реализация воинского архетипа имеет исключительно важное значение. Есть все основания полагать, что без опоры на него формирование нормальной маскулинности (мужественности) попросту невозможно. Сила, смелость, умение рисковать, готовность к борьбе, преодолению внешних трудностей и внутренних слабостей, нормальная (социально предписанная и морально оправданная) агрессивность, готовность и умение действовать в экстремальной ситуации и т.п. элементы архетипа Воина – всё это необходимые слагаемые нормального образа мужчины, мужского этоса. Добавим, что социальную адекватность архетип Воина обретает благодаря включению в него, наряду с физическим (сила), психологическим (смелость) и волевым (упорство) компонентами моральной составляющей. Готовность защищать слабых и обиженных, вступать в борьбу со Злом, жертвовать собой в этой борьбе – это то, что отличает Воина от Разбойника и превращает его в Героя.

Для полноценного воспитания мужчины в социуме необходим полноценный *дискурс нормальной маскулинности* и работающие механизмы трансляции его содержания на детей, подростков и молодежь. Другими словами, детям нужно рассказать о том, что значит быть

мужчиной и ещё важнее – показать это на конкретных примерах, в том числе через практику личного общения. Это означает нужны книги, фильмы, музыка героического содержания, нужны механизмы их «продвижения» к аудитории, нужна включенность отцов и вообще мужчин в процессы воспитания и образования.

Со всем перечисленным в современном обществе дела обстоят крайне неблагоприятно. Основные симптомы этого неблагоприятия проявляют себя: а) в массовом «выключении» отцов из процесса воспитания; б) тотальном доминировании женщин в системе образования (прежде всего, на уровне школы); в) неспособности массового искусства предложить понятные, убедительные и, что немаловажно, современные образы нормальной (!) мужественности; г) фактическое изъятие из транслируемого СМИ дискурса маскулинности морального компонента и трактовка маскулинности в духе ницшеанской «воли к власти»; д) прямая деформация мужского этоса настойчиво пропагандируемым ЛГБТ-дискурсом. К отмеченным симптомам нужно добавить социально-экономические процессы, в том числе «офисную революцию», открывшую огромные возможности эксплуатации ресурсов *гендерной конкуренции* на рынке труда. Последняя, помимо всего прочего, создает ощутимые трудности для экономической состоятельности мужчин, их способности выполнять роль кормильца и добытчика в семье.

Этот (неполный) перечень тенденций в сфере гендерных отношений и составляет в общих чертах содержание термина «дефицит нормальной маскулинности». Подросткам, как уже говорилось, нужны понятные, убедительные и современные героические образы. В пространстве современного массового искусства это осложняется тенденциями:

– *архаизации* маскулинности в исторических произведениях (опора исключительно на образы прошлого, отсутствие примеров из современной жизни, облегчающих идентификацию), в том числе это касается популярной «военной тематики» в отечественном кино, которая многими рассматривается как панацея гражданского и патриотического воспитания;

– *мифологизации* маскулинности в жанре фэнтези, означающей, что носителями нормальной маскулинности становятся нереальные, выдуманные персонажи, обладающие часто сверхчеловеческими способностями;

– *играизации* маскулинности (например, в практиках «ролевиков» и исторических реконструкторов);

– *виртуализации* маскулинности в жанре *трюкового кино* (фильмы про единоборства, с бедной сюжетно-драматической линией, где в центре внимания находятся изоциренная техника единоборств, фактически недоступная для повторения обывателем).

– наконец, в сфере массового искусства всё более проявляет себя тенденция *дегуманизации маскулинности*; её классический пример – *инверсия героя*, когда вместе традиционного «хорошего парня», воющего с «плохими парнями» за справедливость (это, по сути, главная сюжетная линия героического нарратива) героем становится *симпатичный негодяй*, социопат воющий с другими негодьями ради личных амбиций.

Общий вывод из сказанного прост: принятие норм криминальной субкультуры не в последнюю очередь связано со стремлением подростков компенсировать дефицит нормальной маскулинности. В условиях острого недостатка её образцов в жизни и в виртуальном пространстве на фоне перечисленных выше тенденций, представители криминального мира становятся фактически единственной для подростков эталонной группой-носителем мужского этоса.

Причины популярности бандитских образов у подростков нужно искать не только в «аморальности» и «потерянности» подрастающего поколения. Ставший популярным в 90-е термин «крутость», как ключевой атрибут бандитского этоса соединял в себе силу, агрессивность, успешность – всё то, что составляет существенную часть маскулинности как таковой и демонстрировал прямые параллели с *воинским этосом* прошлых времен [1].

Таким образом, именно в высокой степени соответствия криминальной (бандитской) субкультуры с её культом силы, личной доблести и презрения к смерти воинским архетипам

закключаются глубинные причины её притягательности для подростков и юношества. Притягательности – повторим – в существенной степени обусловленной дефицитом иных убедительных примеров.

Выводы. Резюмируя сказанное, можно заключить: 1) проблема (нео)криминализации подростков и молодежи представляет собой действительную угрозу и вызов социальной стабильности и порядку; 2) в обозримом будущем эта проблема не станет менее острой, скорее наоборот; 3) налицо неспособность существующих институтов и практик социализации и социального контроля эффективно противостоять этой угрозе; 4) обсуждая стратегии решения этой проблемы, необходимо наряду с «грубыми» социально-экономическими причинами, принимать во внимание «тонкие» социально-психологические и культурологические факторы; 5) для выработки адекватных решений в области коррекционно-профилактической работы в данном направлении остро необходимы углубленные, в том числе междисциплинарные исследования.

Аннотация. В статье анализируются глубинные причины процессов подростковой нео-криминализации в современной России, связанные с распространением субкультуры «А.У.Е.». Рассматриваются вопросы масштабов распространенности данного явления, глубины вовлечения в криминальные практики адептов этой субкультуры, анализируются основные социально-экономические причины и исторические прецеденты подростковой криминализации в России. Выдвигается гипотеза о существенном влиянии на эти процессы «тонких» социокультурных факторов, связанных с деформацией культуры детства и культуры нормативной маскулинности в современном обществе.

Ключевые слова: подростковая криминализация, игровая криминализация, ае-субкультура, социально-экономические факторы подростковой преступности, инверсивное детство, нормативная маскулинность, деформация мужского этоса.

Annotation. The article analyses the root causes of the processes of adolescent neo-criminalization in modern Russia, related to the spread of subculture "A.U.E." The issues of the extent of this phenomenon, the depth of involvement in criminal practices of adherents of this subculture are considered, the main socio-economic reasons and historical precedents of juvenile criminalization in Russia are analyzed. The hypothesis is put forward about the significant influence on these processes of "thin" sociocultural factors related to the deformation of the culture of childhood and the culture of normative masquerading in modern society.

Keywords: Juvenile criminalization, game criminalization, aue-subculture, socio-economic factors of juvenile delinquency, inversive childhood, normative masquerading, deformation of male ethos

Литература:

- 1 Волков В.В. Силовое предпринимательство XXI век. Экономико-социологический анализ / В.В. Волков. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 352 с.
- 2 Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо. - М.: Альпина нон фикшн. – 2013.
- 3 Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности/ Пер. с англ. / Ф. Зимбардо, Н. Коломбе – М.: Альпина Паблшер, 2017. – 344 с.
- 4 Кэррол О. Понятия не имеют/ «Такие дела» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://takiedela.ru/2016/02/aue/> (дата обращения: 20.07.2018).
- 5 Проклятье современной молодежи/ ЖЖ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pismadljaliz.livejournal.com/4399326.html> (дата обращения: 23.07.2018).
- 6 Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа / Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко, А.П. Резник, Е.А. Войнова, М.Е. Позднякова, А.А. Щипкова, Л.Н. Рыбакова, Н.Е. Хагурова; под науч. ред. Т.А. Хагурова. – М.: Институт социологии РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Парабеллум, 2013. – 276 с.

7 Хагуров Т.А. В поисках утраченного детства / Т.А. Хагуров. На краю пропасти. Девиантологические этюды об образовании, культуре и политике. – Краснодар: Парабеллум, 2015. – С. 82-116.

8 Что такое АУЕ и стоит ли его опасаться. Это «объект поклонения криминальных подростков» или городской фольклор? [Электронный ресурс] – Режим доступа: Meduza <https://meduza.io/feature/2017/06/20/chto-takoe-ae-i-stoit-li-ego-opasatsya> (дата обращения: 23.07.2018).

УДК 316

ЛИЧНОСТНО-СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Хусаинова Светлана Владимировна,

кандидат психологических наук, ученый секретарь
ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем»,
г. Казань

Постановка проблемы. В настоящее время развивающееся общество сталкивается с ситуациями изменения (политические, социально-психологические, психологические), происходящими на разных уровнях взаимодействия и требующими психологически безопасной среды. Глобализация политических процессов, экономический кризис, приток иммигрантов, возрастающая роль средств массовой коммуникации в жизни общества, широкое распространение Интернета и информационно-коммуникационных технологий способствуют трансформации жизни современного молодого человека. Следствием всестороннего развития технологий является видоизменение, сказывающееся на безопасности образовательной среды.

Целью статьи является обоснование применения методики «личностно-социальной устойчивости» в мониторинге психологической безопасности образовательной среды.

Изложение основного материала исследования. ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем» в 2019 г. проведен мониторинг изучения психологической безопасности молодежной среды в образовательных организациях (вузы, ссузы и школы) с использованием методики «Личностно-социальная устойчивость». Общее количество участников мониторинга, проходившего в мае месяце обучающихся вузов, ссузов и школ составляет 70% от общего количества учащихся в возрасте от 12 до 23 лет.

Цель применения методики – определение психологических характеристик «устойчивости/неустойчивости» личности, ее базовых ценностей, отношения к событиям, явлениям и технологиям социокультурной действительности. В методику входит комплект анкет (для возраста 12-14 лет; 15-17 лет; 18-23 года). Респонденту предлагается ответить на вопросы, которые описывают личностные и ситуационные характеристики. Респондент дает ответ о себе в настоящий момент.

В опросник включен круг вопросов и введены маркеры для выявления «группы риска» с учетом возможных изменений ситуации в социуме и переживаний обучающихся, проведено сравнение с результатами в 2018 году.

С точки зрения безопасности образовательной среды напряженность молодежной среды выступает индикатором, определяющим ее состояние. Максимальный показатель уровня психологической напряженности молодежной среды – 100%.

Таблица 1.

Сводные результаты определения типа реагирования обучающихся на внешнее влияние по всем образовательным организациям (вузы, СПО, школы)

Шкала/Тип реагирования	1 А-нонконформный тип	2 Колеблющийся тип	3 Колеблющийся тип	4 Устойчивый	5 Устойчивый тип (лидеры)
ОУ (Количество анкет)	2257	30590	107711	33465	1979
ОУ (%)	1,28	17,38	61,19	19,01	1,12
ОУ (Средний балл)	19,56	28,02	35	42,16	50,39
Стресс (Количество анкет)	115881	38797	11571	1564	872
Стресс (%)	65,84	22,04	6,57	0,88	0,49
Стресс (Средний балл)	13,46	26,45	34,99	42,83	51,8

Подтипы реагирования:

1. Неустойчивый (а-нонконформный) (от 1 до 22 баллов)– стремящиеся, во что бы то ни стало перечить мнению большинства и поступать противоположным образом, не считаясь ни с чем, склонные уходить в радикальные группы, имеющие высокую ригидность мышления.

2. Колеблющийся (от 23 до 30 баллов)– критично и агрессивно относящиеся к самому себе, испытывающие ощущение ненужности, нереализованности и безнадежности.

3. Колеблющийся (от 31 до 39 баллов) – несмелые, не способные взять ответственность на себя, ведомые и неспособные самостоятельно принять решение, ориентированные на мнение и поддержку группы.

4. Колеблющийся (от 40 до 47 баллов)– относительно устойчивый тип реагирования, имеют устойчивые взгляды, которые поддаются изменению при аргументированном воздействии, твердые, стойкие, надежные.

5. Устойчивый (от 47 до 54 баллов) – имеют *задатки лидера*.

Результаты сравнительного анализа мониторинга показывают, что по состоянию на май 2019 г. психологическая напряженность молодежной среды в образовательных организациях составила 75%. Снизилась выраженность общегражданской российской идентичности с 42,63% до 41,59% с увеличением ощущения себя «гражданами мира» с 18,% до 30,09%.

На этом основании проведен анализ ответов обучающихся по вопросам выявления идентичности и совершения ими насилия.

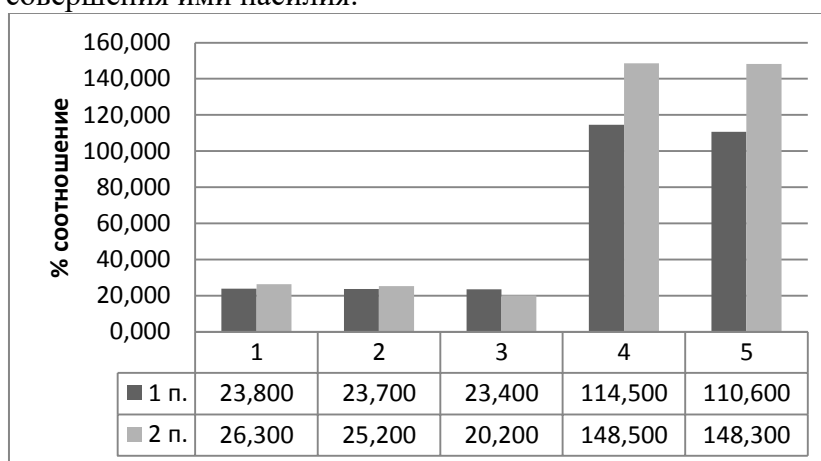

Рисунок 1. – Сравнение результатов обучающихся по вопросам о совершении насилия и вовлеченности в патриотические движения по двум периодам 2018.04.-2019.04.

1. Количество совершивших насилие, процент к общему числу;
2. Количество участников, над которыми совершали насилие, процент к общему числу;
3. Количество вовлеченных в патриотические организации (постоянный участник и активный участник), процент к общему числу;
4. Соотношение участников, над которыми совершали насилие к вовлеченным в патриотические организации;
5. Соотношение совершивших насилие к вовлеченным в патриотические организации.

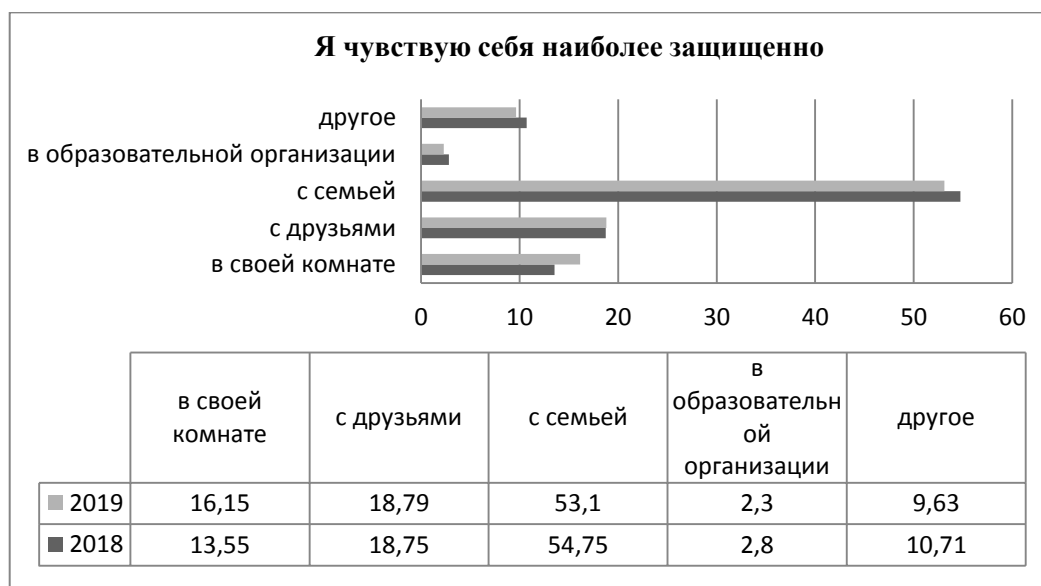

Рисунок 2. – Сравнение результатов обучающихся по вопросам об их защищенности

Результаты ответов обучающихся об их психологической защищенности показали, что отмечается спад приоритета семьи в ощущении защищенности обучающимися 2018 год 53,1% – 2019 год 54,75% и отмечено замыкание обучающихся в своей комнате 2019 16,15 – 2018 год 13,56%.

Рисунок 3. – Сравнение результатов обучающихся по вопросам об их переживаниях в настоящее время

В ответах обучающихся об их переживаниях выявлено, что увеличилось количество учащихся чаще испытывающих страх 2018 год 7,12 – 2019 год 7,49, тревогу 2018 год 10,79% – 2019 11,65%, стали реже испытывать спокойствие, надежду и оптимизм 2018 31,09% – 2019 год 29,77%.

В целом по результатам мониторинга можно говорить о необходимости разработки системного обеспечения психологической безопасности образовательных организаций.

Результаты подтверждают акцентуализацию обеспечения психологической безопасности личности, разработки профилактических мер и методов психолого-педагогического сопровождения в образовательных организациях всех уровней, повышения квалификации психологов и педагогов-психологов образовательных организаций всех уровней в сфере безопасности.

Для снижения напряженности молодежной среды необходимо проведение профилактической работы. Целью профилактики является формирование качественных характеристик личности, обуславливающих, с одной стороны, способность обучающегося противостоять влиянию внешних деструктивных воздействий; с другой стороны – развитие способности к самоуправлению и саморазвитию в рамках установленных социальных норм.

Выводы. На основании полученных данных выявлено, что необходимо выбирать несколько направлений профилактической работы для повышения личностно-социальной устойчивости учащейся молодежи: коррекционная работа на снижение негативных переживаний в прошлом, конфликтности; повышение ценности семьи и способности добиваться поставленной позитивной цели; повышение статуса государства для удержания молодежи, желающей уехать из страны. Проведение данных мероприятий позволит отметить эффективное снижение психологического напряжения молодежной среды в части увеличения числа учащихся, проявляющих себя как «Устойчивые».

Аннотация. Статья направлена на определение фактора психологической безопасности образовательной среды. Автором показаны результаты мониторинга психологической безопасности образовательной среды с использованием методики «Личностно-социальная устойчивость». Выявлены типы личности «устойчивый/неустойчивый» обучающихся и подверженность их к внешнему влиянию. Определены направления профилактических мероприятий для снижения психологической напряженности молодежной среды. Статья предназначена для педагогов-психологов проводящих психологическое сопровождение обучающихся входящих в «группы риска».

Ключевые слова: психологическая безопасность, напряженность молодежной среды, образовательная среда, мониторинг, ситуативные характеристики, личностные характеристики, обучающиеся.

Annotation. The article aims to determine the factor of psychological safety of the educational environment. The author shows the results of monitoring the psychological safety of the educational environment using the method of «Personal-social stability». Identified the types of personality «sustainable / unstable» students and their susceptibility to external influence. The directions of preventive measures to reduce the psychological tension of the youth environment were determined. The article is intended for educational psychologists who conduct psychological support for students who are in «at-risk groups».

Keywords: psychological safety, youth tension, educational environment, monitoring, situational characteristics, personal characteristics, students.

Литература:

1. Франк С.Л. Реальность и человек. / Сост. П.В. Алексеев; Прим. Р.К.Медведевой. / С.Л. Франк. – М.: Республика. – 1997. – 479 с.
2. Хусаинова С.В. Неклассические психологические механизмы развития когнитивной деятельности студента / С.В. Хусаинова // Казанский педагогический журнал. – 2018. – №3. – С. 175-178.

3. Khusainova S.V. et al. Improvement of testing procedures on the basis of students peculiarities identification to self-management/ Muskhanova I.V., Yakhyaeva A.Kh., Makarova E.V., Tararina L.I., Shaikhislamov A.K./ Modern Journal of Language Teaching Methods. – 2017. Т. 7. – №2. – С. 186-192.

4. Bern E. A Montreal Childhood. - EDITORIAL JEDER. - 2010. - 176 p. - ISBN 84-937032-4-9, ISBN 978-84-937032-4-0.

5. Khusainova S.V. et al. Research of teachers professional addictions in order to improve the safety of the educational environment / S.V. Khusainova, M.M. Mishina, V.R.Shlychkov, O.N. Shlychkova, E.B. Redkina, V.Z. Yusupov // Man in India. – 2017. – №3 (97). – С. 467-475.

6. Khusainova S.V. et al. Adaptive model of psychological and pedagogical support of professional training of students Svetlana / S. V. Khusainova, I. V. Matveyeva, I. P. Ermilova, K. N. Yakushevskaya, I.v. Kolomiychenko, N. A. Mashkin. Revista ESPACIOS. Vol. 39 (05). – 2018. – P. 22. – ISSN 0798 1015.

УДК 159.9 316.6

ПСИХОКОРРЕКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТЕ С КОНТИНГЕНТОМ «ТРУДНЫХ» ДЕТЕЙ

Чедия Константин Олегович,

кандидат психологических наук,
педагог дополнительного образования,
музыкально-театральной студии «Вдохновение»
при ГБУ ЦССВ «Южный»,
г. Москва

Постановка проблемы. Одним из основных препятствий успешной социализации детей-сирот (тем более, с отклонениями в развитии) к бытовой, учебной и трудовой деятельности, к непростым социальным отношениям является система патогенных отношений, которая неизбежно возникает в детско-подростковых и подростково-юношеских сообществах низкого культурного уровня развития. В основе этих патогенных отношений лежит стремление отстоять свой статус в группе путём демонстрации протестного поведения, основанного на повышенной агрессивности и цинизме. В этих условиях сквернословие, импульсивно-агрессивное поведение, циничные оценки становятся групповой (конвенциональной) нормой, на которую в большей или меньшей степени (обратно пропорционально уровню индивидуального культурного развития) начинает равняться каждый воспитанник. То есть *вызывающее поведение членов молодёжного сообщества является проблемой не столько дифференциальной, сколько социальной психологии.* Результатом влияния негативных групповых норм на воспитанников является торможение их этико-эстетического развития и интеллектуальной мотивации. В обыденном сознании этот феномен воспринимается людьми как «воинствующее бескультурье».

Целью статьи является обоснование возможного пути решения проблемы преодоления негативных групповых (конвенциональных) норм на основе *не столько индивидуальной коррекции воспитанников школы, сколько групповой коррекции,* обеспечивающей их позитивную динамику.

Изложение основного материала исследования. Адекватным и одним из наиболее ярких средств групповой терапии может оказаться *музыкально-театральная деятельность* при условии совмещения её организаторами музыкально-театральной и одновременно социально-психологической квалификации.

Этот вид деятельности для воспитанников школ, интернатов и ЦССВ *нов, необычен* (а потому облегчает торможение негативных поведенческих стереотипов) и *привлекателен* (так как соответствует стремлению детей и подростков к ролевой игре). Для воспитателей театр (и музыка) – хорошее *средство диагностики уровня развития эмоционально-нравственной сферы психики* воспитанников.

Основными *средствами психологической артпсихокоррекции* (терапии) являются возможности театральных репетиций:

как коллективной деятельности:

- требующей единства, сплочённости и взаимопомощи в общей работе;
- поощряющей доброжелательность, активность и креативность каждого участника репетиций и вынуждающей его тормозить свои капризы, претенциозность, импульсивность и агрессивность на основе социально-психологических механизмов обратной связи коллектива;

- способствующей позитивной перестройке групповых норм и трансляции эмоциональных отношений от его (руководителей, а затем и) формирующихся в активном творческом труде положительных лидеров (методика восходит к практике А.С.Макаренко);

как психодраматического феномена, позволяющего:

- в ролевой игре и анализе образов изживать негативы своего поведения: капризность, безволие, агрессивность – ...и

- развивать привлекательные позитивные качества исполняемых театральных персонажей: доброжелательность, способность выявлять и преодолевать трудности, дружить, любить и т.д. (методика восходит к теории и практике Дж. Морено);

как фактора этико-эстетического влияния – восприятия высших ценностей, являющихся углом зрения на жизнь в художественных произведениях талантливых авторов (методика восходит к позиции многих деятелей культуры в педагогике, начиная с представителей классического афинского образования и воспитания в Древней Греции).

Именно в этой сфере большую роль играют систематически организуемые:

- походы в театры и концертные залы города и области;
- просмотры видеозаписей выдающихся театральных постановок, в частности опер балетов и симфонических концертов;
- более того, постановки опер в жанре оперной пантомимы (под качественную русскоязычную аудиозапись).

Этапами музыкально-театральной артпсихокоррекционной работы являются:

Вовлечение в увлекательную театральную работу на основе *принятия этических требований* отсутствия сквернословия, взаимоуважения мальчиков и девочек, старших и младших, воспитанников и воспитателей. Принятие этих этических требований является *условием* приобщения к театральным репетициям, а также к пению лирических и походных песен под гитару, просмотру видеозаписей фильмов, балетов и опер из фонда мировой классики, к обучению искусству аккомпанемента на гитаре и фортепиано. Таким образом за первые несколько месяцев создаётся группа с альтернативными нормами поведения и отношений.

Расширение и углубление навыков сотрудничества и взаимопомощи на репетициях с максимально сильным *развитием ценностного мышления* участников репетиций. По мере увеличения уровня работоспособности в группе участников театральной студии дозировано наращивается нагрузка путём увеличения количества одновременно ставящихся пьес. Обилие одновременно ставящихся пьес обеспечивает мобильность психокоррекционной работы на основе многообразия исполняемых ролей и возможности переключения с роли на роль, с жанра на жанр в зависимости от текущего психологического статуса отдельных воспитанников и группы в целом. Главными критериями выбора пьес является их нравственное здоровье и сценическая увлекательность.

Принятие ответственности лидерами театральных групп за воспроизводство взаимодоброжелательного, творческого, активно деятельностного (с учётом

многофункциональности музыкально-театральной деятельности) стиля отношений на репетиции. За период в один учебный год театральная группа дорастает до возможности гастрольных выездов с несколькими спектаклями. Новые условия работы позволяют поднять планку этических требований к поведению и отношениям, необходимых для эффективного партнёрства и преодоления дозированно нарастающих деятельностных, коммуникативных, психологических и социальных трудностей. Контакты с интересными людьми и коллективами в условиях взаимных гастролей способствуют социализации воспитанников школы на нравственно здоровых основаниях. Наиболее активные участники театра становятся положительными лидерами, которые принимают на себя ответственность не только за деятельность, но и отношения в процессе деятельности. Они научаются овладевать своими эмоциями и выстраивать адекватную ситуации стратегию поведения. В театральной группе нарастает уровень не только терпимости друг другу, но также дружеских отношений и глубоких привязанностей.

Вынос нравственно здорового стиля отношений за рамки театральных репетиций. Это происходит тогда, когда развиваемые в групповой (и уже коллективной) сценической деятельности ценности дружбы, любви, созидательности и творчества становятся в сознании воспитанников ценнее, чем «ценности» индивидуального комфорта и реванша.

Дальнейшая перспектива театральной артпсихокоррекции в школе-интернате зависит от активности руководителей театра и единства психолого-педагогического состава школы в процессе построения нравственно здоровой воспитательной среды.

Степень вовлечённости воспитанников в музыкально-театральную артпсихокоррекцию и скорость их продвижения по этим этапам зависит от исходного уровня развития эмоционально-нравственной сферы психики воспитанников (и хорошо диагностируется в условиях репетиций). Чем выше этот уровень, тем доступнее человек к воздействию музыкально-театральной артпсихокоррекции. В больших временных масштабах музыкально-театральная артпсихокоррекция первоначально охватывает тех, для кого ценности дружбы, любви, творчества наиболее значимы. Однако, чем шире поле доброжелательных творческих отношений в творческой группе, тем более доступными для влияния музыкально-театральной артпсихокоррекции оказываются и прочие воспитанники. Если со временем в воспитательно-образовательном учреждении формируется система положительных лидеров, то динамика оздоровления отношений в учреждении расширяется и углубляется.

Бытует мнение, что подростков с невысоким культурным развитием можно увлечь только несложным, а то и примитивным драматургическим материалом. Практика показывает, что воспитанников даже с высоким уровнем культурной запущенности увлекают серьёзные жизненные проблемы и соответственно – пьесы авторов-классиков. Они откликаются на сценические ситуации, созданные мастерами детской и взрослой драматургии.

Так, за 5 лет работы театрально-психокоррекционной театральной студии в ГБОУ специальной (коррекционной) школе-интернате № 80 для детей-сирот и детей, лишённых попечения, с отклонениями задержками в развитии, и за 5 лет её работы в ГБУ ЦССВ «Южный» (в прошлом – детского дома №71) с принятием коррекции поведения в условиях репетиций явилась постановка спектаклей (или сцен из спектаклей) в порядке возраста участников:

для детей: «Сказка про козла» и «Петрушка-иностранец» С. Маршака; «Петушиная мельница» Б. Турая; «Петушиная мельница» М. Карима; «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Носова;

для подростков: «Ищи и найдёшь» А. Абу-Бакара; «Моя бабушка – ведьма!» А.Е. Курляндского; «Фарюза и Былтыр» Р. Мингалимова; «Малыш играет на курае» М. Турая; «Синяя птица» М. Метерлинка; «Белая дочь степей» Б. Кулунчаковой;

для юношей и девушек: гвардейские сцены из «Сирано де Бержерак» Э. Ростана; «Мимолётное видение» Л. Ленча (7-8-й класс); «Двадцать лет спустя» Ш. Хусаинова; пролог

на небесах из драмы В. Гёте «Фауст»; «Два болтуна» и «Бдительный страж» М. Сервантеса; «Четверо с одним чемоданом» А. Курляндского; «Сцена из Фауста», «Скупой» и «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина; «За закрытыми дверями» Ж. Сартра;

в жанре оперной пантомимы: опера Дж. Пуччини «Тоска» в 3-х действиях (целиком); сценическая композиция «Татьяна и Евгений» в 2-х действиях по опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин»; пролог из оперы А.Г. Рубинштейна «Демон»; сцены из оперы Дж. Пуччини «Богема».

Эти спектакли или фрагменты из них были неоднократно показаны на школьных концертах, на гастролях в иных учебно-воспитательных организациях и на театральных фестивалях и записаны на видеокамеру. Неоднократно воспитанники ГБОУ СКШИ №80 и ГБУ ЦССВ «Южный» становились лауреатами этих фестивалей в разных номинациях.

Практика показала, что проблема запоминания больших текстов ролей воспитанниками с ограниченными возможностями здоровья вполне решаема, когда делается ставка не на механическое запоминание, а на запоминание в условиях сценических мизансцен и насыщенных эмоциональных переживаний. Текст выучивается прямо на репетиции в процессе актёрской игры и отработки сценических ситуаций «под суфлёра».

На заключительных этапах музыкально-театральной артпсихокоррекции, когда наиболее успешные воспитанники начинают серьёзно задумываться о целях своего существования, музыкально-театральная деятельность может оказать и мировоззренческую помощь. Например, в процессе постановки Пролога не небесах из драмы В.Гёте «Фауст», возникали дискуссии, способствующие формированию понимания, что негативы в жизни людей и общества – это следствие биологической и социальной эволюции животных и людей. И с какими бы бедствиями ни встречались люди, они преходящи. Именно высшие (этико-эстетические) эмоции людей потенциально формируют идеал гармонических общественных отношений, способствующий поэтапному изживанию негативов общественного развития. Идеалы дружбы, любви, созидания уже сегодня отдельные люди могут реализовать, по крайней мере, в микросоциумах. Есть все основания полагать, что в более отдалённой перспективе люди полноценно реализуют их и в своём общественном бытии. Но уже сегодня каждый человек имеет возможность, преодолевая пресс гипертрофированного потребительства и ещё не изжившихся идеологий, продвигаться к идеалам, обретая на этом пути хоть и трудное, но счастье.

Подлинное искусство делает людей оптимистами и даёт силы созидать вопреки реальным трудностям (прошлой, современной и будущей) жизни. Пожалуй, это наиболее существенное условие эффективной, причём созидательной, адаптации людей не только к бытовой, учебной и профессиональной деятельности, но и к непростым общественным отношениям, что, в свою очередь, является успешной социализацией молодёжи. Одним из важных показателей роста уровня культуры отношений молодёжного сообщества является снижение степени иерархии групповых отношений, что соответствует перерастанию группы в коллектив с заменой доминирования социально-эгоцентрических целей социально значимыми гуманистически-созидательными целями. Групповые театральные занятия дополняются в музыкально-театральной студии «Вдохновение» индивидуальными занятиями по обучению искусству аккомпанемента на фортепьяно и (шестиструнной) гитаре. Методика обучения адаптирована для контингента «трудных» детей. В её основе лежит выявление базовой закономерности музыкальной гармонии, позволяющей аккомпанировать песни и романсы на основе сначала 10-ти, затем 26-ти аккордов (гармонических функций в каждой паре мажорной и минорной тональностей).

Впоследствии понятая закономерность, дополняясь употребительными гармоническими вариантами, распространяется на все 12 пар мажоро-минорных тональностей, а 12 гармонических функций (с учётом контекстуального удвоения при использовании функций параллельной тональности – 24) обогащаются представлением об их (не столь многочисленных: четверозвучных с добавлением сексты или септимы; с взаимной заменой большой и малой терции) вариантах. Аналогично при развитии мелодического

слуха теоретической опорой является представления о трёх устоях и четырёх (с альтерационными вариантами) неустоев в семиступенных ладах. Возможность аккомпанирования широкого спектра песен и романсов наступает в среднем через 2-3 месяца от начала занятий. При успешном освоении этого «вводного» курса для желающих осуществляется переход к изучению нотной грамоты и освоению произведений из фонда популярной классики.

Выводы. Проблемы дефицита культурного развития молодёжи могут быть устранены (значительно ослаблены) путём преодоления этого дефицита на основе музыкально-театральной коррекции в условиях организованной социально-психологической динамики групповых конвенциальных норм деятельности и поведения «трудных» воспитанников.

Аннотация. В статье рассматривается метод музыкально-театральной артпсихокоррекции, основанной на увлекательной, непривычной и коллективной деятельности, направленной на динамику групповых норм. В основе метода использование театра как коллективной деятельности, психодраматического феномена и фактора эстетического развития. Психокоррекционными этапами работы являются принятие этических требований взаимного доброжелательства и творческой активности; их развитие в рамках совместного театрально-музыкального творчества и вынос нравственно здоровых отношений за пределы творческой группы. При зрелости групповых отношений молодёжный коллектив в совокупности его позитивных лидеров, сформированных конвенциальных норм и сложившихся традиций значительно усиливает психокоррекционные воздействия педагогов и воспитателей, составляя альтернативу «уличным» нормам поведения.

Ключевые слова: музыкально-театральная артпсихокоррекция; коллективная деятельность; психодраматический феномен; развитие эстетического угла зрения; этапность, интериоризация и развитие групповых норм от принятия норм сотрудничества и взаимопомощи через их с вынесением за пределы творческого коллектива.

Литература:

1. Выготский Л.С. Коллектив как фактор развития дефективного ребёнка. Собр. Соч., т.5, Психология искусства. – М., Педагогика, 1983.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. – М., Педагогика, 1987, 250 с.
3. Каптерев П.Ф. О нравственном закаливании. // В кн. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. – М., Педагогика, 1982.
4. Леонтьев А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства. // В кн. А.Н.Леонтьев «Избранные психологические произведения в 2-х томах», т. II. – М.: Педагогика, 1983. – С. 232-239.
5. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. – Л.: Лениздат, 1976.
6. Мясищев В.Н. Личность и нервозы. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960, 426 с.
7. Психодрама Я.Морено // в кн. Рудестам К. Групповая психотерапия, Психокоррекционные группы и практика. – М.: Прогресс, 1993.
8. Станиславский К.С. Боритесь за крепкий, дружный коллектив. // в кн. «К.С. Станиславский об искусстве театра. Избранное». – М., ВТО, 1988.
9. Столбун В.Д. Психология воспитания П.Ф. Каптерева. – Тверь, 1999, 640 с.
10. Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М., 1961, 335 с.
11. Толстой Л.Н. Что такое искусство? (1889) // «Толстой о Толстом», №3. – М., 1927. Собрание сочинений в 22 томах. – М., Художественная литература, 1983, т. 15.
12. Шердаков В.Н. Духовные ориентиры: Добро, Истина, Красота. // В кн. «Человек и общество» – М.: МГУ, 1993.

СРАВНЕНИЕ ОПЫТА СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Черникова Елена Васильевна,

кандидат педагогических наук, доцент,

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,

Приднестровская Молдавская Республика, г. Тирасполь

Постановка проблемы. С целью изучения форм социального сопровождения подростков девиантного поведения мы обратились к сравнению опыта России, Украины и зарубежных стран.

Социальное сопровождение подростков девиантного поведения реализуется в виде разнообразия профилактических, реабилитационных мероприятий, а также путем организации различных сфер жизнедеятельности подростков с девиантным поведением и семьи. На современном этапе создается развернутая сеть учреждений социально-психологической помощи подросткам: центров социальной поддержки и реабилитации, психологических служб, консультаций.

Целью статьи является теоретическое обоснование и сравнение опыта социального сопровождения подростков девиантного поведения в различных странах (России, Украины, Соединенных штатов Америки, Бельгии, Великобритании, Приднестровской Молдавской Республики).

Изложение основного материала исследования. В настоящее время в систему входят как традиционные государственные организации: представители правоохранительных органов, Комиссии по делам несовершеннолетних, учреждения органов опеки и попечительства, так и негосударственные центры по работе с семьей. В центрах работают квалифицированные специалисты, которые подготовлены к проведению диагностики и провести рекомендации для работы с подростками в домашних условиях [25, с. 40]. Государственные организации занимаются преимущественно вопросами дезадаптации подростков в образовательных учреждениях, в среде общения, личностные проблемы подростков, взаимоотношения с ними, нарушение взаимопонимания, конфликтность и пр.

При центрах по работе с семьей открываются отделения дневного пребывания для подростков с девиантным поведением. Здесь они получают возможность в благоприятных условиях проявить свои личностные возможности, получить консультацию, помощь в подготовке к занятиям, обрести новых знакомых, приобщиться к культуре. Особенно важно, что отделения работают бесплатно и ориентированы на самые малообеспеченные слои населения [там же 25, с. 41].

Адаптация в реабилитационном центре, при участии квалифицированных специалистов, помогает подросткам обрести уверенность в себе, найти сферы самореализации.

Социальное сопровождение подростков девиантного поведения в России опирается на следующие принципы: индивидуально-личностный подход к подростку, опора на положительные стороны личности, работа с семьей, объективность подхода к ребенку, конфиденциальность [26, с. 102].

Особенности опыта социально-педагогического сопровождения подростков девиантного поведения в современной России: организация работы социальных служб на основе посреднических и партнерских связей с учебными заведениями на основе соглашений о сотрудничестве; разработка теоретических моделей социальной службы на основе зарубежного опыта социальной работы [16, с. 35].

Примером модели социальной службы в общеобразовательных учреждениях из опыта России, стали социальные службы, которые направлены на организацию активного взаимодействия с администрацией школы, педагогов, подростков и их семей, совместно с

комиссией по делам несовершеннолетних для оказания реальной, профессиональной, разнообразной и своевременной коррекции и социального сопровождения подростков девиантного поведения, защите их прав и предупреждение их дезадаптации [28, с. 59].

Социальная служба в России выполняет следующие функции: выступает посредником, который создает социальные гарантии каждому представителем школьного коллектива; охраняет и защищает личность, ее права; обеспечивает условия для безопасного, комфортного творческой жизни подростков; в частности социального сопровождения подростков девиантного поведения; налаживает взаимоотношения в коллективе, препятствует фактам психического насилия; изучает взаимоотношения в школьном коллективе; организует социально-психологические для подростков, педагогов, школьной администрации, родителей; решает конфликтные ситуации между подростками; организует работу школьного телефона доверия; способствует здоровому образу жизни коллектива.

Основными принципами деятельности социального сопровождения подростков девиантного поведения и функционирования российской социальной службы являются: многофункциональность – выполнение системы разнообразных мероприятий по охране и защите прав подростков; объективность – учет можно большего количества факторов существования и развития при подборе форм социального сопровождения подростков девиантного поведения; выработки независимых рекомендаций, учет возрастных особенностей и наклонностей каждой личности, ее нравственной позиции; коммуникативность – организация системы взаимосвязи учреждений социально-коррекционной направленности, быстрого нахождения средств, методов квалифицированной помощи; интеграция – полученная информация должна обобщаться в замкнутую систему, обеспечивающую полное сохранение тайны и анонимность респондентов; оперативность – быстрое решение или профилактика социальных проблем в конкретной ситуации; автономность – независимость от внешних несообразных воздействий; адаптация – ориентация на подвижность, отсутствие инерции и быстрая мобильность к изменениям внешней социальной среды, свойств личности и социума [16, с. 39].

Социально-педагогическое сопровождение подростков девиантного поведения создается с целью оказания помощи подросткам, испытывающим трудности в обучении, для преодоления причин пороков поведения и развития, дефектов эмоционально-волевой сферы, коррекции поведения, формировании навыков адекватного социального общения, способности к эффективным коммуникациям.

Его задачами являются: раннее выявление подростков с девиантным поведением, в социального и средового приспособления и определения условий для ослабления и преодоления недостатков в развитии; оказание помощи педагогам общеобразовательных школ в работе подростками с девиантным поведением; проведение специальной работы с подростками, направленная на коррекцию недостатков в развитии; обучения и воспитания подростков с девиантным поведением в условиях, соответствующих возможностям коррекции их личности.

К основным направлениям социально-педагогического сопровождения подростков девиантного поведения относятся: социальная, педагогическая и психологическая диагностика; социально-психологическая поддержка дезадаптированного подростка и его семьи; социальный контроль за условиями воспитания подростков с девиантным поведением, в школе и семье; социальная адаптация и психолого-педагогическая реабилитация в семье и школе.

За рубежом перспективным направлением социальной работы в сфере социального сопровождения подростков девиантного поведения считается интеграция их в общую систему образования (в России этот вопрос активно обсуждается, многие педагоги говорят о сложности одновременной работы с нормальными и трудными подростками).

В Великобритании в 1981 г принят закон об образовании, в котором признана необходимость интеграции подростков с особыми потребностями в общеобразовательных учреждениях с обеспечением их необходимыми для этого условиями. Если они определены в

общеобразовательную школу, то должны активно взаимодействовать в школьной жизни наряду с другими подростками. Существует несколько типов школ, в которых создаются условия для обучения подростков с девиантным поведением:

- 1) ученики со специальными потребностями устраиваются в классы на общей основе;
- 2) подростки устраиваются в общеобразовательную школу на общей основе, однако со специальной поддержкой;
- 3) дополнительные меры предоставляемых учащимся вне общеобразовательной школы;
- 4) подростки обучаются в специальном классе общеобразовательной школы, однако некоторое время проводят в классах основного потока;
- 5) подростки посещают общеобразовательную школу, однако все образование получают в специальном классе или группе;
- 6) обучающиеся проводят часть своего времени в специальной школе, а часть – в обычной школе.

Социальные работники осуществляют социальное сопровождение подростков с девиантным поведением, проводят объяснительную работу с родителями, выступают посредниками между образовательными учреждениями и другими организациями.

В частности, в США нормативной базой для интеграции подростков с девиантным поведением является закон «Об образовании индивидов с аномалиями», разработанный для защиты прав учащихся и их семей. В этом законе определены основные гарантии:

- 1) родители должны проявить согласие на аттестацию своего ребенка и направления его на обучение в соответствии с индивидуальной программой;
- 2) аттестация детей должно проводиться на родном языке;
- 3) тесты и процедуры, используемые для аттестации, должны быть лишены расовых и культурных предубеждений;
- 4) родители имеют право увидеть всю информацию, которая собирается и используется при принятии решений;
- 5) родители и ученики имеют право на беспристрастное заслушивание, если они не согласны с решением аттестационной комиссии;
- 6) секретность всех отчетов и записей подростков охраняется законом.

Работа социального работника сосредоточена на защите прав и информирование и способах помощи.

В Бельгии принят закон «О специальном образовании» (1970 г.), что обеспечивает возможность взаимодействия между общеобразовательной и специальной школой и обеспечивает возможность для подростков с девиантным поведением посещать уроки в обычной школе, получая при этом необходимую помощь. В рамках реализации проекта интегрированного образования (GON-проекта) решаются разносторонние проблемы интегрированного образования.

Волонтерская помощь – один из важных методов добровольной социальной работы. Основные подходы к ней сформулированы во «Всеобщей декларации волонтеров», которая была принята на IX Конгрессе Международной ассоциации волонтеров (Франция, 14 сентября 1990 г.).

Наибольший опыт волонтерской работы в практике деятельности по социальной помощи подросткам девиантного поведения. С этой целью реализуются такие программы, как «Дети улицы», «Друзья по телефону», «Страницы, которые ожили», «Вместе ради развития», «Современное понимание жизни и здорового образа жизни» и т.д.

Телефонное консультирование как метод социальной работы зародилось в США в 1960-е годы XX века (в отдельных изданиях называется точная дата – 2 октября 1953 г.), в то время, когда ощущалась потребность как в социальных службах, так и в службах психиатрической и психологической помощи, что способствовало спонтанному развитию волонтерского движения на местном уровне. Основой этого оказалась неспособность

государственных органов удовлетворить потребности населения в различных видах помощи. В результате начали создаваться и получили развитие службы, агентства и учреждения, которые ставили своей целью удовлетворение потребности всех возрастов. Одними из первых в этом ряду появились кризисные горячие линии, которые начали заниматься такими проблемами, как профилактика самоубийств и кризисная интервенция, консультирование, предоставление справок, информации.

В ряде разнообразия телефонного консультирования выделяются специализированные горячие линии и общие горячие линии. Специализированные горячие линии – телефонные службы, направленные на конкретную цель. В частности, предупреждение подростковых суицидов, основной целью которых является предупреждение самоубийств. Вместе с тем, эта служба может осуществлять консультирование, представлять справки и информацию, прогнозировать отдаленные результаты консультативной помощи и сотрудничать с рядом других общественных служб поддержки и профилактики.

Общие горячие линии имеют более разнообразные программы, которые предлагающие различные услуги. В частности: консультирование, предоставление справок и информации, прогнозирование отдаленных результатов консультативной поддержки, предупреждение самоубийств, эмоциональная поддержка пожилых людей, находящихся без присмотра близких людей, направление по вызову бригад помощи в кризисных ситуациях, помощь личностям, подвергшимся насилию, круглосуточные ответы и в выходные дни на обращение в местные учреждения социальной защиты и др. Эти линии чаще всего работают в течение суток и без выходных.

В Великобритании принято за основу, что нормальное развитие подростка обеспечивается в семье и поэтому здесь отдается предпочтение воспитанию в семье, чем в детских домах и интернатах. Наряду с этим, людей, желающих социально поддержать чужих детей множество. Возможно, одна из причин этого заключается в особенностях представлений граждан этого государства, потому что здесь считается престижной и почетной социальной поддержкой подростков из неблагополучных семей. Такая деятельность является оплачиваемой. На содержание такого ребенка предполагается еженедельная оплата, дополнительные средства выделяются на организацию досуга воспитанника, а также на его лечение. Практика свидетельствует, что настоящая забота и социальная поддержка подростков из неблагополучных семей, в значительной мере способствует предотвращению отклонений в поведении несовершеннолетних.

На Украине нормативно-законодательно установлены следующие формы содержания подростков девиантного поведения из асоциальных семей: усыновление (как основная форма); опека и попечительство над ребенком со стороны физического лица (опекуна, попечителя) государственные учреждения для детей, лишенных родительской заботы; детские дома семейного типа. На Украине в соответствии с «Положением о финансировании на содержание детей» в приемной семье гарантированное государством и осуществляется из местного бюджета: ежемесячно предоставляются средства на питание приемных детей на основании натуральных норм его обеспечения, на покупку одежды, обуви, медикаментов, предметов личной гигиены, игрушек, книг, инвентаря и оборудования, на проведение культурно-массовой работы, а также средства на оплату коммунальных услуг в соответствии с нормами и тарифами, действующими в данной местности в соответствии с количеством приемных детей.

Социально-психологические моменты жизнедеятельности приемных семей особые. С одной стороны, они определяются всем разнообразием проблем обычной многодетной семьи, а с другой – перед такой семьей появляются дополнительные задачи по осуществлению коррекции поведения и компенсации недостатков развития, девиантности, отставания и заброшенности, улучшению здоровья, а также по преодолению последствий психологических травм.

Главное и существенное отличие приемных семей от других форм устройства неблагополучных детей на Украине, определяется тем, что семья имеет социально-педагогическое сопровождение.

В других зарубежных странах с приемной семьей, как правило, работают два социальных работника: отдельно с семьей и отдельно с подростком. Практика, которая сложилась на Украине, предполагает одного социального работника, основной функцией которого является защита прав ребенка в широком смысле этого слова. Таким образом, социальный работник в своей работе совмещает социальное сопровождение с социальным контролем за процессом социализации подростка.

Жизнедеятельность приемных семей нуждается в психологической и профессиональной подготовке приемных родителей, направленность их деятельности на обеспечение коррекции поведения и реализации интересов подростка и на решение насущных проблем. В такой семье должны наиболее полно гармонично сочетаться мотивация родителей по социальной адаптации подростка, человеческое отношение к нему, а также по предотвращению последствий психологических травм, коррекции и компенсации недостатков поведения и развития.

При обеспечении социального сопровождения подростков с девиантным поведением возникает необходимость в создании специальной службы для оказания необходимой психологической, педагогической, социальной, медицинской помощи и поддержки как самого подростка, так и родителей для обеспечения комплексности влияния, с привлечением специалистов: психоневрологов, психиатров и др. и различных досуговых центров.

Существенным отличием приемных семей от детских домов семейного типа является то, что ребенок не должен менять своего устоявшегося жизненного устоя, привычек в связи с приходом приемного подростка. Семья, на базе которой создается детский дом семейного типа, часто вынуждена сменить место жительства (предоставляется новая жилая площадь с учетом увеличения количества членов семьи), пережить сложности, социальный дискомфорт (сразу появляется как минимум пять новых членов семьи) и т.д. Приемная семья, сохраняя устоявшиеся семейные традиции, принимает в свой состав нового члена в уже сложившийся коллектив и учится жить с ним.

Деятельность приемных родителей отличается от работы педагогов интернатных учреждений тем, что она осуществляется непрерывно (круглосуточно), и поэтому социальным институтам и социальным работникам следует разработать систему психологической разгрузки приемных родителей.

Пребывание подростков с девиантным поведением в приемной семье предполагает адаптацию не только к семейной жизни, но и к социальному окружению семьи, комплексное социально-педагогическое сопровождение. Очень важно создать для этого условия для адаптации подростков с девиантным поведением к школе или тому коллективу, где будет находиться (кружок, секция, коллектив внешкольного учреждения), а также и к соседям.

Мобильная социальная работа – инновационный метод социальной работы, социального сопровождения подростков девиантного поведения, назначение которого заключается в том, что социальные службы не ожидают обращения подростков, а выходят со своими услугами на улицы, ставшими местом пребывания большинства подростков девиантного поведения, нуждающихся в помощи.

Появление мобильного социально-педагогического сопровождения связывают с обострением в молодежной среде таких социальных проблем, как бездомность, безприютность, наркомания, правонарушения, проявления агрессивности среди представителей отдельных субкультур. Зародившись в среде пионеров социальной работы в США, она распространилась в Европе, сохраняя при этом английское звучание в немецком, французском и других языках – «стритворк»(streetwork) – уличная социальная работа.

Изучение и анализ разных форм воспитания подростков с девиантным поведением показывает, что форма поддержки, реабилитации и социализации детей подбирается с

учетом конкретных условий, традиций и национальной системы общественного социального сопровождения.

Выводы. Таким образом, социальное сопровождение подростков девиантного поведения в различных странах, может быть реализована путем решения следующих задач:

1. Созидание форм активной действенной социально-педагогической помощи для конкретного подростка девиантного поведения.

2. Формирование базиса социализации, а также правовой и трудовой культуры подростка.

3. Формирование у подростка положительных ценностных ориентаций в процессе коррекционной и социально-педагогической работы.

4. Вовлечение подростков в социально-полезную деятельность, формирование у него разнообразных интересов.

5. Формирование активной личности подростка, привитие ей качеств гражданина, семьянина.

6. Укрепление физического и психического здоровья подростка путем осуществления комплекса медицинских, психолого-педагогических мероприятий.

Итак, мы рассмотрели формы социально-педагогического сопровождения подростков девиантного поведения (такие как: наблюдение, опека, попечительство, волонтерство, надзор, консультативные услуги, назначение испытательного срока воспитания, мобильная социальная работа, а так же программы обучения и профессиональной подготовки и другие формы наблюдения, заменяющие надзор в учреждениях, с целью обеспечить такое обращение с ребенком, которое отвечало бы его благосостоянию, а также его положению и характеру девиации) и опыт работы социально-педагогической поддержки подростков девиантного поведения в России, Украине и за рубежом (в Великобритании, США, Бельгии). В России есть все рассмотренные формы, в Приднестровской Молдавской Республике же только социальный патронаж. Целесообразным видится использование в ПМР и другие формы сопровождения подростков девиантного поведения, применяемые в России и зарубежной социально-педагогической практике.

Аннотация. В статье раскрываются подходы к сравнению опыта социального сопровождения подростков девиантного поведения. Рассматривается социальное сопровождение подростков девиантного поведения России, Украины, Соединенных штатов Америки, Бельгии, Великобритании, Приднестровской Молдавской Республики.

Ключевые слова: социальное сопровождение подростков девиантного поведения, социально-педагогическая деятельность с проблемными подростками, законодательная база для интеграции подростков с девиантным поведением, сеть учреждений социально-психологической помощи подросткам.

Annotation. The article reveals approaches to comparing the experience of social accompaniment of adolescent deviant behavior. The social support of adolescent deviant behavior of Russia, Ukraine, the United States of America, Belgium, Great Britain, the Pridnestrovian Moldavian Republic is considered.

Key words: social support for adolescent deviant behavior, social and educational activities with problem adolescents, a legislative framework for the integration of adolescents with deviant behavior, a network of institutions for social and psychological assistance to adolescents.

Литература:

1. Конституция Приднестровской Молдавской Республики // от 24 декабря 1995 года с изменениями от 6 августа 2011 г.

2. Инструкция по организации работы инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, утверждена приказом № 233 от 30. 07. 2002 Министерства Внутренних дел Приднестровской Молдавской Республики.

3. Методика и технология работы социального педагога: Учебно-методический комплекс дисциплины / сост.: М.Б. Исаева. – Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2008. – 186 с.
4. Социальная педагогика / Под общей ред. М.А. Галагузовой. - М., 2000. – 544 с.
5. Шапиро Б.Ю. Психология семейных отношений: учеб. пособие для вузов. – М., 1992. – 312 с.

УДК 159.9.019.4

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Чуносов Михаил Александрович,

кандидат психологических наук, доцент,
начальник кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России,
г. Симферополь

Постановка проблемы. Современная социальная практика характеризуется повышением роли социальных институтов на глобальные социальные процессы, которые происходят в нашем обществе. Одной из современных проблем, является криминализация поведения несовершеннолетних, что принимает устойчивую динамическую тенденцию. Указанная тенденция актуализирует проблему профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних.

Понятие «делинквентность» – латинского происхождения и означает «проступок, преступление», впервые введено в уголовное право в 1899 году в США для различения преступных, уголовных действий взрослых и делинквентных действий детей и молодежи [1].

Категория «делинквентность» (delinquency) является родовым для определения социально-негативного поведения, связанная с нарушением правовых и других (моральных, этических) норм, а юридический термин «делинквентность» широко распространен в международном праве, а также в криминологии и законодательстве США, Великобритании и странах Западной Европы. В целом, в зарубежной литературе категория «делинквентное поведение», используется редко, вместо него чаще используется категория «делинквентность», под которой понимается: пренебрежение обязанностями, вину, и в ряде случаев выражает, с одной стороны наименьшую степень серьезности преступлений, с другой стороны – ученые отождествляют данные категории. С третьей стороны «делинквентность» рассматривается как социальное явление [2].

В отечественной науке, термин «делинквентность» используется реже, при этом приоритет отдаётся термину «делинквентное поведение». В пособии термин «делинквентность» мы будем использовать: во-первых, как синоним термина «делинквентное поведение», при анализе трудов зарубежных ученых; во-вторых, учитывая лингвистическую специфику русского языка, для обозначения негативного социального явления, наравне с такими категориями как «преступность», «наркомания».

В отечественном законодательстве и юриспруденции термины «делинквентное поведение», «делинквентность» не применяется. Однако, в гуманитарных науках («Социальная педагогика», «Юридическая психология», «Девиантология», «Социология» и др.), категория «делинквентное поведение» используется для обозначения одной из форм отклоняющегося поведения.

Многие авторы (Д. Еникеев, П. Коев, Э. Крайников, А. Личко, В. Оржеховская, И. Стоименов, М. Стоименова, Т. Федорченко и др.), классифицируя виды делинквентного поведения, отождествляют его, в первую очередь, с асоциальным поведением в школе, и

частично с правонарушениями: действия, которые не влекут за собой уголовной ответственности, такие как, например, школьные прогулы, вступление в асоциальные группы, мелкое хулиганство, издевательство над слабыми, вымогательство денег, угон мотоциклов и т.д. (А. Личко); дерзкая манера поведения, сквернословие, драчливость, совершение мелких краж, пьянство и прочее (П. Павленок и М. Руднева); систематические прогулы школьных занятий, нарушения общественных норм поведения, мелкое хулиганство, кражи, драки, отбирание денег и вещей. (Д. Еникеев); разнообразные асоциальные проступки подростков, которые не приводят к уголовной ответственности, систематические прогулы школьных занятий, нарушение общественных норм поведения, мелкое хулиганство, попрошайничество и т.п. (П. Коев, И. Стоименов и М. Стоименова); проблемы со школьным обучением, вандализм, бродяжничество, поджоги, кражи со взломом, грабежи, проституция, злоупотребление алкоголем и наркотиками и т.д. (Э. Крайников); делинквентное поведение может проявляться в форме бесчинства, хулиганства, когда, например, личность желает развлечься, но выбирает для этого неприемлемые формы, вандализм как форму разрушительного поведения, направленного на бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей (В. Оржеховская и Т. Федорченко).

Анализ научной литературы показывает (А. Блау, Ю. Галагузова, М. Еникеев, С. Есс, С. Колинс, Ю. Конрадт, Э. Крайников, Г. Кривонос, П. Талпен, Д. Уэстом, А. Эйчхорн и др.), что термин «делинквентное поведение» должен применяться именно для обозначения поведения несовершеннолетних, нарушающих правовые нормы общества, с целью не клеймить их как «преступников», а отделить несовершеннолетних от взрослых правонарушителей (преступников). Данная дифференциация позволяет применять в отношении несовершеннолетних с делинквентным поведением социально-воспитательные меры воздействия.

В целом, под «делинквентным поведением» следует понимать такое поведение, при котором несовершеннолетние совершают «противоправные поступки», которые имеют внешние признаки правонарушений и преступлений, но они не могут нести юридическую ответственность в силу того, что у них не наступило состояние юридической «дееспособности» [3].

Теоретическое и практическое осмысление проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних, характеризуется наличием сложностей, как в теоретическом, так и в практическом плане. Теоретическая сложность заключается в том, что в последнее время указанная проблематика не была отдельным предметом научных исследований, что привело к недостаточной разработанности теорий и концепций профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних. Практическая сложность заключается в отсутствии эффективных инновационных технологий профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних.

Цель статьи. В последнее время появились исследования в различных областях научных знаний (криминология, педагогика, психология, социология и др.), накоплен значительный опыт, раскрывающий теоретические и практические аспекты профилактики делинквентного поведения, и указанный опыт является полезным для нашего исследования. Следует учитывать, что профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних осуществляется на государственном уровне, она структурирована, в ней четко обозначены основные субъекты, которые осуществляют данный процесс: социальные работники, педагогические работники (учителя, социальные педагоги), законные представители несовершеннолетних и сотрудники органов внутренних дел. Деятельность субъектов профилактики регламентирована нормативно-правовыми актами и осуществляется в социально-профилактическом воспитательном пространстве, в который входят государственные и социально-воспитательные учреждения (дошкольного воспитания, школы, учреждения дополнительного образования), в которых предусмотрены должности, в функциональные обязанности которых входит осуществление профилактических мероприятий.

Социально-профилактические мероприятия реализуются на социальном, социально-психологическом и социально-педагогическом уровнях. На социальном уровне осуществляются профилактические мероприятия, с целью нивелирования или снижения социологических, культурологических, социально-организационных и социально-экономических факторов появления асоциального поведения и предусматривают такие направления. На социально-психологическом уровне, осуществляются профилактические мероприятия по коррекции социально-личностных характеристик несовершеннолетних, которые выступают в качестве условий появления делинквентного поведения: социально-психологических, индивидуально-психологических, также, к социально-психологическому уровню следует отнести и профилактическое воздействия на семью и ближайшее окружение несовершеннолетних. На социально-педагогическом уровне осуществляются мероприятия направленные на формирование правосознания несовершеннолетних.

Следует отметить, что реализация профилактических мероприятий на социальном уровне зависит, прежде всего от деятельности государственных органов власти, тогда как реализация мероприятий на социально-психологическом и социально-педагогическом уровнях зависит непосредственно от субъектов профилактики.

Мы полагаем, что при внешней очевидности значимости проблемы, можно отметить, что проблема технологической обеспеченности процесса профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних, не было предметом отдельных научных исследований, что как следствие, повлияло на недостаточную проработанность профилактических технологий. Таким образом, целью нашей статьи является научное обоснование психолого-педагогических технологий профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних.

Изложение основного материала исследования. Современное общество уделяет достаточно большое внимание профилактической деятельности, основным постулатом которой является не борьбы с последствиями, а на выявление и преодоление причин.

Анализ научной литературы (Г. Аванесов, Э. Алауханов, И. Аминов, В. Белов, Т. Варчук, С. Беличева, А. Беспалько, Ю. Галагузова, Е. Змановская, Н. Зобенько, З. Зарипов, М. Дмитриев, А. Иванова, И. Козубовский, В. Лелеков, В. Ожерховская, К. Пиейс, Ю. Парфенов, А. Павлухин, И. Саламатина, В. Старцева-Тарасова, С. Сулейманова, Н. Эриашвили и др.) позволяет нам сделать выводы, что в отечественной науке существует противоречие в системе понятий и терминов. Так, цели профилактической работы подаются разнопланово, с учетом таких категорий, как направление, уровни, и др. Профилактика делинквентного поведения рассматривается как составной элемент общегосударственной системы профилактики правонарушений, как комплекс мер, направленных на создание условий для предотвращения или повтора делинквентного поведения у несовершеннолетних.

Проблема организации социально-профилактической деятельности рассматривается современными авторами (М.А. Галагузова, Н.И. Никитина, Глухова М.Ф., Шакурова М.В., Василькова Ю.В., А.Ш. Рахманова, П.А. Шептенко, Г.А. Воронина, Л.Я. Олифренко и др.). В целом, социально-профилактическая деятельность сводится к организации мероприятий в нескольких направлениях. Первое направление – профилактика дезадаптивного поведения (школьной и социальной дезадаптации), которая направлена на выявление детей, входящих в группу риска, социально-педагогический патронаж, и др. Второе направление – профилактика аддитивного поведения.

В психологической науке, проблемами профилактики занимается юридическая психология. В юридической психологии (Новик Ю.В., Васильев В.Л., Чуфаровский Ю.В. и др.), проблему профилактики правонарушений рассматривается в рамках проблемы регуляции поведения через категорию «правосознание».

Следует учитывать, что формирование делинквентного поведения происходит при взаимодействии социологических, культурологических, социально-организационных и социально-экономических факторов; социально-психологических и социально-педагогических причин; личностных и ситуационных условий. Комплексное взаимодействие причин, факторов и условий способствует формированию делинквентного поведения.

Однако, указанные факторы, причины и условия не являются жесткими детерминантами, т.е. их наличие не обязательно может привести к формированию делинквентного поведения. Также, мы отмечали, что основным препятствием на пути формирования делинквентного поведения, является появление внутриличностного мотивационного конфликта. Он иллюстрирует результат действия контролирующей функции сознания, а благоприятными условиями для предотвращения формирования делинквентного поведения является качественное содержание компонентов, обеспечивающих его реализацию т.е. наличие в памяти несовершеннолетнего информации, которая позволит несовершеннолетнему узнавать и классифицировать отдельные виды правонарушений; наличие субъективного опыта о последствиях совершения противоправных действий; наличие моральных и социальных установок на правомерное поведение и др. [4].

Процесс профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних основывается на фундаментальном положении о совместной деятельности его участников «субъектов» и «объекта». Субъекты профилактики, как правило относят лиц, которые непосредственно реализуют профилактический процесс. К данным субъектам мы считаем целесообразным отнести такие группы: педагогические работники (учителя школы, руководители групп внешкольного образования); социальные работники (органы управления социальной защиты населения и учреждения социального обслуживания; органы опеки и попечительства); законные представители несовершеннолетних (родители, усыновители, опекуны и др.); сотрудник органов внутренних дел.

Относительно «объекта» профилактики выступают целесообразно классифицировать на две группы. Первая группа – несовершеннолетние, которые являются особым «объектом» профилактического воздействия что детерминировано: спецификой становления личности детей и подростков на начальном этапе их жизненного пути; восприимчивостью к различным видам влияния как позитивного, так и негативного плана; началом процесса формирования мировоззрения и др. Вторая группа представители социального окружения несовершеннолетних (родители, опекуны, усыновители, соседи, педагогические и социальные работники и др.), которые могут являться прямой или опосредованной причиной, формирования делинквентного поведения у несовершеннолетних.

Является очевидным, что профилактическая деятельность должна реализовываться с опорой на научно-обоснованные социально-педагогические технологии. Термин «технология» («techno» – мастерство, «logos» – наука), применяется с использованием прилагательных «педагогическая», «социально-педагогическая», «психологическая».

«Технология», представляет собой: систему знаний о способах и средствах обработки и качественного преобразования объекта (М. Шакурова); определяемое личностными параметрами педагога, строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий (В. Сластенин); совокупность методов и приемов практической деятельности, характеризующейся рациональной и целесообразной последовательностью действий с использованием определенного инструментария (Ю. Галагузова) и др.

Для технологий характерно: предметность (наличие того, что поддается изменению); целенаправленность (ориентация на достижение нового состояния); концептуальность (каждой технологии должна быть присуща опора на определенную научную концепцию, которая обеспечивает обоснование достижения целей); системность (технология должна обладать всеми признаками системы: иметь логику процесса, взаимосвязь всех его частей, целостность); управляемость (предусматривающая: планирование, диагностику, проектирование процесса, варьирование средствами и методами с целью коррекции результатов); эффективность или результативность (технологии должны быть эффективными и оптимальными по затратам, гарантировать достижение результата); прогнозируемость (при разработке технологии должны четко прослеживаться как отдельные этапы всего процесса, так и конечный его результат); воспроизводимость (делает возможным повторное применение технологий) [5].

Поскольку описание всех технологий, не является задачей нашей статьи, мы ограничимся рассмотрением психолого-педагогических технологий профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних.

Анализ научных работ, зарубежных и отечественных авторов (А. Абдуллина, С. Архангельский, В. Беспалько, В. Боголюбов, Е. Бондаревская, А. Вербицкий, А. Гребенюк, Т. Дмитренко, Е. Зеер, М. Зимняя, В. Евдокимов, М. Кларин, А. Коваль, В. Монахов, А. Падалка, А. Пехота, Н. Талызина, Е. Симанюк, Г. Селевко, С. Сысоева и др.), позволяет нам выделить ключевые позиции технологии психолого-педагогической профилактики делинквентного поведения: целевая установка на развитие личности несовершеннолетнего; интеграция форм, методов и профилактических средств; «субъект-объектное» взаимодействие участников профилактического процесса; индивидуально-дифференцированный стиль психолого-педагогической профилактической деятельности.

Возможность разработки технологии психолого-педагогической профилактики делинквентного поведения, обусловлена тем, что профилактическая деятельность, как и всякая другая разновидность социальной деятельности, имеет свою структуру, благодаря которой она может поэтапно разбиваться и последовательно реализовываться. Основными компонентами технологии выступают целеполагание, выбор форм, методов и средств, оценка результатов деятельности.

При конструировании технологий психолого-педагогической профилактики делинквентного поведения» мы исходили из отдельных положений: «Теории социального контроля», «Теории культурных девиаций» и «Теории стигмации» (Ф. Зак, Д. Уайс, С. Сулейманова, К. Пиейс и др.), которые акцентируют внимание на ведущей роли государства и входящего в него социальных институтов, в профилактике делинквентного поведения; отдельных положений «Психологической теории деятельности» и «Теории функциональных систем» (П. Анохин, Л. Выготский, П. Гальперин А. Запорожец, С. Рубинштейн, А. Леонтьев, А. Лурия, К. Судаков и др.) в контексте которых целью профилактических мероприятий является личностное развитие несовершеннолетних, посредством усиления контролирующей функции сознания; «Бихевиористической теории», (А. Бандура, Э. Толмен, Б. Скиннер, Д. Уотсон, К. Халл и др.), применительно к положениям которой, профилактика делинквентного поведения рассматривается как процесс «социального научения», направленного на формирование моделей правомерного поведения, просоциальных моральных установок, а также системы «стимулов» и «реакций», позволяющих несовершеннолетнему: узнавать во внешней среде как противоправные действия, так и вероятность их совершения; припоминать особенности наказания за совершенные правонарушения; делать вероятностные предположения о последствиях совершения правонарушения; модифицировать усвоенные ранее деструктивные модели поведения [6].

Ранее мы отмечали о множественности субъектов и объектов профилактического воздействия, что в целом детерминирует дифференцированный характер психолого-педагогической деятельности, причем данная деятельность, в силу функциональных предназначений может иметь перекрестный характер, когда в роли объектов профилактики могут выступать несовершеннолетние, при непосредственной профилактике, так и другие лица – при опосредованной профилактике. Непосредственная профилактика делинквентного поведения направлена на усиление контролирующей функции сознания несовершеннолетнего, которая реализуется через формирование у них: системы представлений о правонарушениях, как негативного явления в жизни общества; навыков оценки общественных явлений и жизненных ситуаций с правовой точки зрения; психологической установки об ответственности человека за свои поступки; нравственно-правовой устойчивости личности и др. При опосредованной профилактике, реализуются мероприятия, направленные на коррекцию макросоциальных и психолого-педагогических психологических, условий появления делинквентного поведения.

С опорой на теоретические положения указанных выше теорий, в контексте непосредственного и опосредованного специфики профилактических воздействий, нами

были сделаны, модельные построения и разработаны: психолого-педагогическая технология профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних; психолого-педагогическую технологию общения с социальными и педагогическими работниками; психолого-педагогическую технологию общения с законными представителями несовершеннолетних.

Конструктивно, психолого-педагогические технологии представляют собой алгоритмические модели деятельности, состоящие из этапов, в структурном разнообразии форм средств и методов психолого-педагогического воздействия.

Конкретизируем психолого-педагогические технологии профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних:

1) «Психолого-педагогическая технология профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних»:

- «вид профилактики» – непосредственная;
- «субъекты профилактики» – психологи, социальные педагоги, учителя школы, руководители групп внешкольного образования, сотрудники органов внутренних дел, родители, усыновители, опекуны и др.;

- «объекты профилактики» – несовершеннолетние (младший, средний, старший школьный возраст);

- «формы профилактических мероприятий» – групповая, индивидуальная;

- «цель» – формирование у несовершеннолетних: субъективного представления о противоправных состояниях внешней среды; представлений о неотвратимости наказания за совершение противоправных действий; способности предвосхищать появление противоправной ситуации; негативного эмоционального отношения к правонарушению как социальному явлению; общеморальных и этических установок по отношению к себе и другим людям и др.

- «структура технологии»: 1 этап, подготовительный; 2 этап, непосредственное профилактическое воздействие: правовое информирование, актуализация эмоционально-значимых лиц, социальных явлений, предметов и др., формирование негативного эмоционального отношения к правонарушению, информирование об ответственности; формирование умения предвидеть последствия совершения правонарушения; 3 этап, заключительный.

2) «Психолого-педагогическая технология общения с социальными и педагогическими работниками»:

- «вид профилактики» – опосредованная;

- «субъекты профилактики» – психологи, социальные педагоги, сотрудники органов внутренних дел;

- «объекты профилактики» – социальные и педагогические работники;

- «формы профилактических мероприятий» – групповая, индивидуальная;

- «цель» – правовое информирование; психолого-педагогическое консультирование по проблемам: идентификации делинквентного поведения, организационно-методического и технологического обеспечения процесса профилактики и др.

- «структура технологии»: 1 этап, подготовительный – предварительное знакомство, конкретизация цели общения, разработка плана, стратегии общения, определение методов и средств общения и др. согласовывается время и место предстоящей ситуации общения; 2 этап – непосредственное общение, предполагающее прохождения следующих процедур: инициация общения; обмен информацией относительно методов и приёмов профилактики; обмен информацией, согласование позиций; 3 этап – заключительный, согласование достигнутых договорённостей; подведение итогов общения; процедура завершения общения.

3) «Психолого-педагогическая технология общения с законными представителями несовершеннолетних»:

- «вид профилактики» – опосредованная;

– «субъекты профилактики» – психологи, социальные педагоги, сотрудники органов внутренних дел;

– «объекты профилактики» – законные представители (родители, опекуны, усыновители и др.) несовершеннолетних правонарушителей и др.

– «формы профилактических мероприятий» – индивидуальная;

– «цель» – правовое информирование, психолого-педагогическое консультирование по проблемам идентификации делинквентного поведения, коррекции поведения несовершеннолетних и др.;

– «структура технологии»: 1 этап, подготовительный, предварительное знакомство; конкретизация цели общения; 2 этап, непосредственное общение, предполагающее прохождения следующих процедур: инициация общения; диагностика психологического состояния законного представителя, на основании которой выбираются методы и приёмы общения; правовое информирование (об ответственности несовершеннолетних за противоправные действия, об ответственности законных представителей несовершеннолетних за ненадлежащее воспитание), психолого-педагогическое консультирование по методам и приёмам воздействия на несовершеннолетнего, формирование у законного представителя умения предвидеть последствия совершения несовершеннолетним правонарушений; 3 этап, заключительный, подведение итогов общения, уточнение: понимания ответственности законных представителей, за ненадлежащее воспитание, понимание рассмотренных методов и приёмов психолого-педагогического воздействия на детей (опекаемых, воспитанников и др.).

Выводы. Анализ литературных источников, проведенные нами модельные построение и экспериментальные исследования позволяет сделать вывод, что профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних должна лежать в контексте психолого-педагогической теории, что позволяет обосновать практический инструментарий, использование которого позволит субъектам профилактики эффективно реализовывать профилактическую функцию. Базовым компонентом данного инструментария являются психолого-педагогические технологии, представляющие собой научно-обоснованные алгоритмические модели, позволяющие у несовершеннолетних внутренние регулятивные установки, которые в целом обеспечивают формирование правомерного поведения в социуме.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения психолого-педагогических технологий профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних. Рассмотрены теоретические основания и описаны технологии профилактики делинквентного поведения. Показана роль субъектов профилактики в реализации профилактического процесса. Обоснованна целесообразность применения технологий непосредственного и опосредованного профилактического воздействия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, делинквентное поведение, профилактика делинквентного поведения, теоретическая основания, технология, субъект профилактики.

Annotation. The article discusses the features of the use of psychological and pedagogical technologies of prevention of delinquent behavior of minors. Theoretical bases and technologies of prevention of delinquent behavior are considered. The role of subjects of prevention in the implementation of the preventive process is shown. The expediency of application of technologies of direct and indirect preventive influence is proved.

Keywords: minors, delinquent behavior, prevention of delinquent behavior, theoretical grounds, technology, subject of prevention.

Литература:

1. Scherr A. Jugendsoziologie : Einführung in Grundlagen und Theorien / A. Scherr. – [9 erw. und umfassend überarb. Auflage]. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. – 246 s.

2. Саламатина И.И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних (на материале США и Англии): дис. ... д-ра псих. наук. – М., 2007. – 368 с.
3. Чуносков М.А. Теоретический анализ категории «делинквентное поведение» // Вестник академии знаний. – 2013 № 4. – С. 154-159.
4. Чуносков М.А. Моделирование процесса формирования делинквентного поведения несовершеннолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016 № 2(65). – С. 26-31.
5. Фіцула М.М. Педагогіка. – К., 2009. – 560 с.
6. Чуносков М. А. Теоретические основания профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. № 3 (74). – С. 38-43.

СЕКЦИЯ 2.

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ, ПРАВОНАРУШЕНИЙ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК: 159.922.6

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ЗАЩИТНИКОВ ЖЕРТВЫ И АГРЕССОРОВ, УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В СИТУАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

Алексеева Елена Вячеславовна,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры психологии развития и образования, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург.

Николаева Анна Петровна,

студентка 2 курса магистратуры, Институт психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург.

Постановка проблемы. Буллинг является одной из самых актуальных проблем современности. Это связано с набирающим темп распространением данного феномена как в школах, так и за пределами образовательных учреждений, и с непосредственным влиянием на поведение и дальнейшую жизнь всех участников данного процесса.

В Российских СМИ каждый год появляются новости об инцидентах различного масштаба, причиной которых является школьная травля со стороны как учеников, так и учителей. Массовость насилия над детьми подтверждается и различными исследованиями (ООН, Центр социального прогнозирования, Росстат и т.д.). Ежегодно в России (по разным данным) от 2 до 7 млн. детей страдают от различных видов насилия. 20 - 30% детей (от общего числа) подвергаются насилию в школе, в 27,2% случаев – со стороны учителей в отношении учащихся, в 72,8% случаев – со стороны учащихся в отношении других учеников, что может быть связано с одной из особенностей подросткового возраста, а именно, с формированием чувства взрослости, потребности в самоутверждении, что часто приводит к «травле» более слабого ребенка.

Проблема буллинга в современных психологических исследованиях освещена достаточно широко и с разных точек зрения. Зарубежными представителями исследователей в данной области являются С.М. Agora, V. Besag, R. Hazler, K. Kwak, C. Lee, D. Olweus, K. Rigby, E. Roland, P. T. Slee и др.; отечественными – Л.С. Алексеева, И.А. Баева, Е.Ф. Быковская, Е.Н. Волкова, Е.В. Гребенкин, Н.О. Зиновьева, И.С. Кон, Н.Ф. Михайлова, В.Р. Петросянц и др. Довольно подробно рассматриваются структура, формы проявления, виды, участники процесса и многое другое. Однако, с нашей точки зрения, перспективным является изучение взаимосвязи моральной составляющей выбора, который приходится делать подростку, находясь в ситуации буллинга, и исследование личностных ресурсов способствующих (или препятствующих) совершению этого выбора.

Анализ научной литературы показывает, что исследование проблемы насилия в школе началось в 1905 году. Первыми, кто провел систематическое исследование проблем, связанных с травлей в школе, являются скандинавские ученые D. Olweus (1978), E. Roland и E. Munthe (1989). Также в 1973 году (в работе «Личность и агрессия») D. Olweus ввел такое понятие как «bullying» – (от английского bully – хулиган, драчун, задира). Существует довольно широкий спектр определений понятия «буллинг» и его составляющих, но нет четко сформулированного и общепринятого определения данного термина. Однако, в большинстве определений указываются схожие черты, а именно [1; 2; 4; 5]:

- Буллинг имеет повторяющийся или систематический характер проявлений;
- Отличительной чертой буллинга является преднамеренность действий (умысел);
- Дисбаланс сил.

В связи с этим можно заключить, что буллинг - это особый вид насилия, который имеет повторяющийся/систематический характер проявлений, как физического, так и психологического, эмоционального, социального характера, осуществляемый человеком или группой, в отношении более слабого, не способного постоять за себя ребенка.

Говоря о моральной составляющей выбора, который приходится делать всем участникам буллинг-процесса, можно легко проследить их взаимосвязь, так как в ходе буллинг-процесса подросток, вне зависимости от его роли (агрессор, жертва и т.д.), вынужден принимать множество решений, часть которых может иметь и моральную подоплеку. Так, например, ребенок, находящийся в роли агрессора, может столкнуться с потенциальными моральными дилеммами на различных стадиях осуществления буллинга:

- Выбор жертвы;
- Определение публичности действий;
- Совершение самого процесса буллинга;
- Определение степени тяжести насильственных действий;
- Рефлексия (осознание действий).

В ситуации буллинга (или потенциальной ситуации буллинга), ребенок испытывает стресс, тревогу, чувство неопределенности, как происходящего, так и возможных последствий для себя и/или действий со стороны обидчика (инициатора). Именно в таких ситуациях подростку приходится решать своего рода моральную дилемму, где основным фактором принятия решения являются личностные ресурсы, способствующие или препятствующие данному выбору. Личностные ресурсы – это все способности, навыки и внутренние качества человека, способствующие преодолению различного рода трудных жизненных обстоятельств [3]. В ситуации буллинга к ним могут быть отнесены: толерантность к неопределенности, жизнестойкость, общительность, принятие «борьбы» и независимость. Такие ресурсы могут не только помочь ребенку осуществить моральный выбор, но возможно и избежать потенциального буллинга.

Исходя из вышесказанного, **целью** статьи является исследование личностных ресурсов подростков, занимающих различные ролевые позиции, в ситуации морального выбора.

Изложение основного материала исследования. В качестве методик исследования были выбраны: «Тест жизнестойкости», «Опросник толерантности к неопределённости», методика «Q-сортировка», Опросник стратегии поведения участников буллинга (Bullying Participant Behaviors Questionnaire [6]), а также ситуации выбора морально-нравственного поведения подростков во время буллинг-процесса, разработанные в соответствии с целью и задачами исследования. Для статистической обработки полученных данных были использованы: методы первичной статистики и сравнительный анализ, с использованием t-критерия Стьюдента.

Выборку исследования составили учащиеся 6 классов общеобразовательных школ Санкт-Петербурга, возраст учащихся составляет от 11 до 13 лет (средний возраст 12 лет). Выбор в пользу 6 классов был сделан вследствие того, что именно в этом возрасте начинают формироваться принципы, убеждения и идеалы ребенка, происходит становление ценностей и норм, вследствие чего можно проследить динамику развития и формирования моральной (нравственной) сферы ребенка.

По результатам адаптированного нами «Опросника стратегии поведения участников буллинга» всю выборку мы разделили на пять ролевых позиций: агрессоры, помощники агрессора, жертвы, защитники жертв, наблюдатели. Однако в данной статье мы представим лишь соотношение результатов подростков категории «защитники жертвы» и «агрессоры». Данный выбор объясняется тем, что и те, и другие занимают активно-агрессивную позицию в буллинг-процессе, однако нравственный вектор этой активности различен.

Таблица 1.

Результаты исследования значимых различий между «защитниками» и «агрессорами», участниками буллинг-процесса

Показатели	«Защитники» (N=37)	«Агрессоры» (N=15)	T-критерий
Общая жизнестойкость	77,32	88,20	1,92
Контроль	29,32	34,53	2,17*
Принятие риска	16,81	19,13	1,10
Вовлеченность	32,54	35,20	0,95
Толерантность к неопределенности	5,54	1,13	-0,62
Зависимость	9,65	7,27	-2,11*
Независимость	10,35	12,73	2,11*
Общительность	12,27	12,20	-0,09
Необщительность	7,73	7,73	0,00
Принятие борьбы	10,22	11,67	1,33
Избегание борьбы	9,78	8,33	-1,33
Моральность выбора	23,03	7,67	-6,83***

Примечание: *- уровень значимости различий $p < 0,05$

***- уровень значимости различий $p < 0,001$

Из результатов исследования видно, что статистически значимые различия между данными ролевыми позициями наблюдаются по показателям контроль, зависимость, независимость и моральный выбор. Значимо более высокие личностные ресурсы, такие как контроль и независимость, свойственны подросткам «агрессорам», в то время как «защитники» имеют значения выше по показателю зависимость и моральность выбора.

Выводы. В связи с полученными результатами сравнительного анализа личностных ресурсов и моральной составляющей выбора подростков «агрессоров» и «защитников жертв», можно сформулировать несколько выводов:

Во-первых, находясь в ситуации буллинга «агрессоры» склонны к большему личностному контролю над ситуацией, нежели «защитники». Это может быть связано с тем, что именно данная категория подростков являются инициаторами травли, т.е. они сознательно создают стрессовую ситуацию и, как следствие, способны ее контролировать, в то время как для «защитников жертв» вступление в буллинг обусловлено множественными последствиями. Например, если противник окажется сильнее, есть риск причинения вреда здоровью и субъективному благополучию.

Во-вторых, несмотря на, казалось бы, видимую защищенность от травли, подростки «защитники жертв» испытывают большие затруднения при выборе стратегии действий в буллинге, чем дети категории «агрессоры», что выражается в различии по показателям зависимость и независимость, так как им приходится оспаривать авторитет лидера и зачастую идти против коллектива.

И, в-третьих, подростки категории «агрессоры» склонны к принятию более безнравственной модели поведения, что является достаточно закономерным, ввиду личностных характеристик присущих детям данной ролевой позиции (например, потребность в самоутверждении за счет унижения других). Olweus [7] описывает булли как детей проявляющих агрессию по отношению не только к сверстникам, но и к родителям и учителям. Они больше других склонны использовать насилие, импульсивны и имеют сильную потребность доминировать над другими. Некоторые «агрессоры» имеют хорошо развитые социальные навыки и используют издевательства, чтобы завоевать или сохранить

господство в группе сверстников. Из-за того, что им свойственно позитивное отношение к насилию, они не испытывают сочувствия к своим жертвам. Из всех действующих лиц буллинг-процесса именно «агрессоры» имеют наибольший авторитет, поэтому им гораздо легче подчинять своей воле «помощников» и оправдывать свою жестокость по отношению к «жертве».

Таким образом, на наш взгляд, построение мер профилактики буллинга в образовательной среде должно опираться на развитие или коррекцию соответствующих личностных ресурсов участников данного процесса, так как это будет способствовать не только снижению проявлений буллинга, но и развитию более гармоничных личностей.

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных ресурсов защитников жертв и агрессоров, участников буллинг-процесса, находящихся ситуации морального выбора. Рассмотрены основные подходы к пониманию буллинг-процесса в отечественной и зарубежной литературе.

Показана взаимосвязь морального выбора подростка и ситуации буллинга. На примере ролевых позиций «агрессоров» и «защитников жертв» представлены различия в уровневых характеристиках личностных ресурсов и содержании морального выбора участников буллинг-процесса.

Ключевые слова: буллинг, моральный выбор, защитники жертвы, агрессоры, личностные ресурсы.

Abstract: This article presents the results of a research on personal resources of victim protectors and aggressors in bullying process in the situation of moral choice. It reviews main concepts of understanding bullying process in world literature. Article describes key approaches to understanding the bullying process in Russian and world literature.

Article shows the relation between teenager's moral choice and bullying. The article, on examples of "aggressors" and "victim, protectors" shows differences in leveling characteristics of personal resources and the contents of moral choice for the bullying process participants.

Keywords: bullying, moral choice, victim protectors, aggressors, personal resources.

Литература:

1. Волкова Е.Н., Волкова И.В., Гришина А.В., Исаева О.М., Скитневская Л.В. Проблема насилия над детьми: поиски и решения: монография. – Н. Новгород: Мининский университет, 2016. – 287 с.
2. Волкова И. В. Характеристика подросткового буллинга и его определение // Вестник Минского университета. – 2016. – № 2. – С. 26-33.
3. Ильин Е.П. Психология риска. – СПб.: Питер, 2012.
4. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна и Э. Миллера. – СПб.: Питер., 2001.
5. Besag V. E. Bullies and Victims in Schools, Milton Keynes: Open University Press. 1989.
6. Demaray M. K., Summers K. H., Jenkins L. N., Becker L. D. Bullying Participant Behaviors Questionnaire (BPBQ): Establishing a Reliable and Valid Measure. *Journal of School Violence*, 2016. v15 n2 p158-188.
7. Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do. Malden, MA: Wiley-Blackwell; 1993.

ОСОЗНАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ СТУДЕНТАМИ ВУЗА И КОЛЛЕДЖА

Баева Ирина Александровна,

доктор психологических наук, профессор, академик РАО
профессор кафедры психологии развития и образования,
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»,
г. Санкт-Петербург

Акиндинова Ирина Александровна,

кандидат психологических наук, доцент
доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным
ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»,
г. Санкт-Петербург

Ихер Ксения Михайловна,

магистр психолого-педагогического образования, педагог-психолог
**Санкт-Петербургское государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение «Охтинский колледж»,**
г. Санкт-Петербург

Постановка проблемы. Интернет-среда в настоящее время оказывает сильное влияние на процессы формирования личности подростков и молодежи, обладая при этом как конструктивным, так и деструктивным потенциалами. Определенные интернет-сообщества нормализуют и даже романтизируют вредоносные формы поведения, противоположные базовым принципам взаимоотношений людей в обществе, таким как семья, безопасность, свобода, гуманизм, которые «по своей природе несут мощный заряд общественной консолидации и стабильности и содержат в себе интегрирующий общество потенциал» [1, с. 63]. Искажение системы морально-этических ценностей молодого человека в результате деструктивной пропаганды создает опасность дегуманизации его сферы отношений, что может приводить к нарушению адаптации в обществе, расстройствам психологического и физического здоровья [2]. Одним из средств противостояния нежелательным воздействиям интернет-среды на обучающихся может являться развитие их качеств, обеспечивающих информационно-личностную безопасность, которая основывается, прежде всего, на осознании рисков, связанных с использованием интернета. Развитие данных качеств может выступать и профилактикой девиантного поведения молодежи.

Целью статьи является представление результатов исследования уровня осознания обучающимися учреждений высшего и среднего профессионального образования (вуз и колледж) рисков, связанных с использованием интернета.

Изложение основного материала исследования. Теоретический анализ имеющихся научных данных показал, что наряду с развивающими ресурсами, в информационном пространстве сети интернет существует множество рисков, представляющих потенциальную угрозу нормальному психическому развитию и жизнедеятельности в подростковом и юношеском возрасте. Показано, что погруженность подростков и молодежи в сеть более чем на 5 часов в день связана с развитием депрессии и возникновением суицидальных мыслей (Bickham, D.S., Hswen, Y., & Rich, M., 2015). Распространение информационных материалов, транслирующих насилие и жестокость, приводит к тому, что подростки начинают воспринимать эти деструктивные модели поведения как норму и ретранслировать их в реальном поведении, у них формируется толерантность к агрессии и деформируется система морально-нравственных ценностей.

Высокая восприимчивость молодежи к данным факторам, результаты их влияния на личность являются проблемой безопасности, которая осознаётся на уровне государства. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» внёс в другие федеральные законы ряд положений, предполагающих фильтрацию интернет-сайтов по системе чёрного списка и блокировку запрещённых интернет-ресурсов. При этом высокая скорость изменчивости интернет-контента делает невозможным осуществление тотального контроля потока информации в сети, что в значительной мере увеличивает подверженность ее потребителей информационным рискам.

Феномен информационно-психологического воздействия является предметом целого ряда исследований, данной проблемой интересовались специалисты различных научных направлений: социологии, психологии, философии, педагогики, политологии, культурологи. Существует ряд работ, в которых авторами были классифицированы информационно-психологические воздействия, выявлены механизмы влияния на сознание отдельно взятого индивида и группы людей (А.Г. Караяни, 2007; Г.В. Грачев, 2002; И.К. Мельник, 2002; С.А. Зелинский, В.Г. Крысько, 1999; В.Е. Лепский, С.И. Макаренко, 2017; А.В. Манойло, 2007; Г.А. Ковалев, 1991; Ю.П. Зинченко, 2007 и др.).

На основе анализа научной литературы можно сделать вывод, что в настоящее время, как в российских, так и зарубежных исследованиях наиболее широко представлены исследования, посвящённые интернет-аддикции, причинам и факторам зависимости, а также способам ее коррекции: А.Е. Войскунский, 2010; И.В. Воробьева и О.В. Кружкова, 2017; В.Д. Менделевич, 2003 и Р.Г. Садыкова, 2003; Л.Н. Юрьева, 2006; Т.Ю. Ботьбот, 2006; А.Б. Сорокина, 2016; K.W Müller, 2016; M.Dreier, 2016; M.E. Beutel, 2016; E. Duven, 2016; S. Giralt & K. Wölfling, 2016; S. Brooks & P. Longstreet, 2015; Van Zalk N., 2016; Shahla O., 2016; Negah Allahyar, 2016; Hassan Aminpoor, 2016; Fatemeh Moafian, 2016; Mariani BintiMd Nor, M. D., 2016.

В работах авторов, занимающихся проблемой рисков интернет-пространства встречается несколько классификаций интернет-рисков. Н.И. Хохлова (2012) классифицирует риски в интернет-среде следующим образом: программно-технические (вирусы, вредоносные программы); экономические (взлом платежных систем, хищение и продажа личных данных); контентные (детская порнография, пропаганда терроризма и экстремизма, употребления психоактивных веществ, призывы к девиантному и делинквентному поведению) [5].

Российские и зарубежные исследователи классифицируют риски, подразделяя их на **контентные**, коммуникационные, потребительские и технические [4;7]. Е.А. Черных (2016) и S. Livingstone (2013), говоря о вреде, который может быть причинен ребенку в результате интернет-рисков, классифицируют их по сферам благополучия человека: физическому (расстройство, депрессия, страх и др.), психическому (стресс, зависимость, низкая самооценка, агрессия и пр.), социальному (остракизм, потеря друзей), материальному благополучию [6;7].

Риски, с которыми может столкнуться пользователь интернета, разнообразны. Важно понимать, что риск связан с ситуацией, в которой есть потенциальная угроза, но вероятность подверженности человека этой опасности будет зависеть от личностной предрасположенности и действий самого человека, а также от того влияния, которое может оказать на человека его окружение [3].

Таким образом, практическую актуальность приобретает вопрос обеспечения информационно-личностной безопасности подростков и молодежи, формирование которой затруднено без понимания существующих рисков в интернет-среде самими обучающимися.

В исследовании участвовали 289 студентов, из которых 193 обучающихся в колледже (средний возраст 17 лет) и 96 обучающихся в вузе (средний возраст 19 лет).

Для сбора информации была разработана анкета из 14 вопросов, 11 из которых содержат варианты ответов (закрытые), 3 вопроса сконструированы по типу «ассоциации» и «незаконченных предложений» (открытые).

Закрытые вопросы объединены в два блока. Первый блок «Характеристики вовлеченности студентов в интернет-среду» включает в себя вопросы, касающиеся времени начала, частоты, продолжительности, использования технических средств и рода занятий в сети интернет. Второй блок вопросов «Характеристики психологической безопасности интернет-пространства» включает оценку опыта и уровня безопасности интернет-пространства, представление о положительных возможностях и отрицательных характеристиках (угрозах) интернет-пространства, а также эмоциях и чувствах, связанных с использованием Интернета.

Открытые вопросы направлены на выяснение ассоциаций со словом «Интернет» и завершения предложений: «Наиболее опасным с моей точки зрения в Интернете является...», «Как правило, в Интернете меня привлекает...».

Полученные данные были подвергнуты математической обработке при помощи программы «Statistica», количественному и качественному анализу. Для количественного анализа мы использовали метод ранжирования средних показателей и сравнительный анализ с помощью ф-критерия Фишера, корреляционный анализ.

Анализ результатов оценки вовлеченности в интернет-среду (см. табл. 1) показал, что обучающиеся учебных заведений высшего и среднего профессионального образования используют для выхода в интернет примерно одни и те же технические устройства, и близкий показатель частоты их использования. Но время нахождения в сети различается.

Таблица 1.

Характеристики вовлеченности студентов в интернет-среду

	Обучающиеся в университете		Обучающиеся в колледже	
	Ранг	%	Ранг	%
1. Устройства, используемые для выхода в интернет				
Мобильный телефон	1	93**	1	81**
Свой компьютер или ноутбук	2	28*	2	39*
Планшетный компьютер	3	5	3	7
2. Частота использования интернет-ресурсов				
Каждый день	1	100**	1	93**
1-2 раза в неделю	-	0**	2	4**
Реже, чем раз в месяц	-	0**	3	3**
3. Время, проводимое в интернете за сутки				
1-3 часа	1	35**	4	13**
3-5 часов	2	32**	3	18**
5-8 часов	3	21	2	23
8-12 часов	4	5**	1	36**
4. Занятия в интернете				
Поиск интересной информации	1	88**	1	76**
Чтение новостей (соц.сети)	2	78**	2	65**
Поиск информации для учебы	2	78**	3	58**
Общение в интернете	3	67*	4	53*

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Большинство обучающихся (от 81% в колледже до 93% в университете) как *техническое средство* для выхода в интернет используют мобильный телефон. Также от 28% до 39% имеют свой собственный компьютер или ноутбук. Реже (в 5-7% случаев) обучающиеся пользуются планшетом. В единичных случаях (от 1-3%) для выхода в

интернет используются игровая приставка, телевизор, семейный и общественный компьютер (например, в библиотеке).

Частота посещения интернет-пространства в колледже и вузе имеют сходства и различия. Абсолютное большинство обучающихся (93% в колледже и 100% в университете) посещают интернет-пространство каждый день. Однако среди студентов колледжа есть 4% обучающихся, которые заходят туда 1-2 раза в неделю, и 3% обучающихся, которые бывают там реже, чем раз в месяц.

Студенты университета **в течение суток проводят в сети** 1-3 часа (35%) и 3-5 часов (32%), тогда как обучающиеся колледжа в большинстве своем за тот же период проводят в сети по 8-12 часов (36%) и 5-8 часов (23%). Отдельные участники опроса проводят в интернете меньше часа (4-6%) и более 12 часов (6%), утверждая при этом, что находятся там «24 часа в сутки».

Характер занятий в интернет-пространстве у испытуемых совпадает по значимости, но различается по частоте. Так, большинство испытуемых на первое место ставят поиск интересной информации, далее чтение новостей в соцсетях, поиск информации для учебы и общение. Поиском интересной информации занимаются 76% обучающихся колледжа и 88% учащихся в университете; чтением новостей в соцсетях – 65% в колледже и 78% в вузе; поиском информации для учебы – 58% в колледже и 78% в вузе; общением – 53% в колледже и 67% в вузе. Данные показатели статистически значимо различаются между собой.

Значимые различия в оценке характера занятий в сети интернет, проявились следующим образом: студенты университета значительно чаще занимаются поиском информации, в том числе для учебы, чтением новостей, общением в социальных сетях, они активнее используют образовательные порталы и возможности удаленного обучения. Студенты колледжа чаще выбирают действия по скачиванию информации (без критической оценки ее содержания).

Сравнительный анализ **уровня ощущения психологической безопасности в сети интернет** (см. табл. 2) показал отсутствие различий между группами. Большинство всех опрошенных оценивают уровень безопасности как средний (58-59%), при этом воспринимают интернет-пространство как опасное больше студенты университета. Оценивают уровень безопасности интернета как высокий 15% студентов университета и 21% в колледже.

Таблица 2.

Характеристики представлений студентов о психологической безопасности интернет-пространства (данные закрытых вопросов)

	Университет		Колледж	
	Ранг	%	Ранг	%
Оценка уровня безопасности интернет-пространства студентами				
Средний уровень безопасности	1	59	1	58
Низкий уровень безопасности	2	26	2	21
Высокий уровень безопасности	3	15	2	21
Полезные свойства интернет-пространства				
Быстрый доступ к нужной	1	98**	1	87**
Социальные сети	2	83**	3	68**
Просмотр видео, слушание	3	76	2	75
Угрозы интернет-среды				
Технические (вирусы и т.п.)	1	64	1	66
Трата времени впустую	2	61**	4	43**
Мошенничество	3	55	2	57
Интернет-зависимость	4	33*	3	46*
Наличие знакомых, пострадавших в интернет-среде				

Нет	1	69**	1	89**
Есть	2	31**	2	11**
Эмоции и чувства, испытываемые в интернет-среде				
Интерес	1	94*	1	86*
Радость	2	74	2	78
Удивление	3	72	4	63
Удовольствие	4	66	3	64
Восхищение	5	51	5	47
Отвращение	6	13	8	10
Презрение	6	13	8	10
Стыд	7	12	7	11
Гнев	9	5**	6	19**
Страх	10	2**	7	11**
Другое	8	7	9	6
Негативные ситуации в интернет-среде, встреченные за последний год				
Непристойные изображения	1	44	1	43
Фото/видео со сценами насилия	4	34	2	37
Взлом профиля в соц. сетях	2	42	4	33
Вредоносные программы	3	37	3	35
Мошенничество, кража денег	3	37**	8	20**
Оскорбления, унижения,	5	25	5	31
Пропаганда алкоголя,	6	23	6	27
Пропаганда экстремизма	8	12	9	14
Пропаганда самоубийства	9	8**	7	23**
Распространение личной	10	5	11	8
Сексуальные домогательства	11	2**	10	12**
Информ. атака в соц.сетях	11	2	12	4
Не сталкивался ни с чем	7	16	8	20
Потребность в дополнительной информации об интернет-угрозах				
Отсутствует	1	51**	1	68**
Присутствует	2	49**	2	32**

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Наибольшей привлекательностью для студентов обладают следующие полезные свойства интернет-пространства: быстрый доступ к нужной информации – 98% в университете и 87% в колледже; социальные сети – 83% и 68%; просмотр видео и прослушивание музыки – 76% и 75% соответственно.

Наибольшую угрозу в представлении обучающихся имеют такие последствия использования интернета как технические проблемы (вследствие вирусов и т.п.) – 64% в вузе и 66% в колледже; трата времени впустую – 61% в университете и 43% в колледже; мошенничество – 55% и 57%; психологическая зависимость от интернета – 33% и 46% соответственно.

Существенные различия проявились в **наличии у испытуемых знакомых, пострадавших в интернет-среде**. У студентов университета – это третья часть выборки (31%), а в колледже – это десятая часть (11%).

Среди **эмоций и чувств, возникающих у испытуемых при использовании интернета**, преобладают приятные положительные эмоции: на первом месте – интерес (86-94%), на втором – радость (74-78%); на третьем и четвертом удивление (63-72%) и удовольствие (64-66%). Реже всего у обучающихся колледжа встречаются отвращение, презрение, стыд и страх (10-11%), а в вузе – страх (2%) и гнев (5%).

Чувство страха, как показатель переживания небезопасности, находится на достаточно низком уровне, что может свидетельствовать о недостаточной оценке студентами психологических угроз в интернет-пространстве.

Среди *негативных ситуаций в интернет-среде, встреченных за последний год*, чаще всего отмечаются непристойные изображения сексуального характера (43-44%), фото и видео со сценами насилия (34-37%), вредоносные программы (35-37%), взлом профиля в соцсетях (33-42%). Ситуация мошенничества и кражи денег через интернет чаще встречалась обучающимся в университете (37%), чем в колледже (20%). Пропаганда самоубийства, напротив, чаще в колледже (23%), чем в университете (8% опрошенных). С пропагандой экстремизма сталкивались 12% студентов университета и 14% колледжа. С сексуальными домогательствами – 2% в университете и 12% в колледже. От четверти до трети студентов встречались с ситуациями оскорбления, унижения и преследования – 25% в университете и 31% в колледже.

Запрос на получение дополнительной информации об интернет-угрозах присутствует примерно у половины обучающихся в вузе (51%) и трети обучающихся в колледже (32%).

Таким образом, можно видеть, что факт наличия в интернет-среде ситуаций, представляющих потенциальную психологическую угрозу, признается обучающимися вуза и колледжа, но ощущение психологической безопасности при этом и у тех, и у других остается на достаточно высоком уровне.

Таблица 3.

Представления студентов о психологической безопасности интернет-пространства на основе открытых вопросов анкеты

	Университет (%)	Колледж (%)
1. Ассоциации к слову «Интернет»		
Позитивные	47	54
Негативные	25*	37*
Нейтральные	28**	9**
2. Опасности «Интернета»		
Технические	59	62
Контентные	32**	16**
Коммуникационные	9**	22**
3. Возможности «Интернета»		
Доступность информации	42**	23**
Интересное время	28**	46**
Возможность общения	18*	27*
Возможность проявить себя, заработать	12**	4**

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Результаты качественного анализа подтверждают результаты количественного. Ассоциации студентов университета и колледжа, в большинстве нейтральные и позитивные.

Примеры характеристик (ассоциаций):

– позитивные – куда вошли такие слова как: «возможности», «развлечение», «безопасность», «помощь» и пр.;

– негативные – куда вошли такие слова, как: «зло», «опасность», «плохо», «убийца», «зависимость»;

– нейтральные – со словами: «сеть», «паутина», «информация», «средство общения», «социальные сети» и др.

Наибольшую опасность студенты видят в следующих рисках, которые мы условно можем разделить на 3 вида:

- технические – «взлом странички в ВК», «кража информации», «вирусы» и пр.;
- контентные – «сайты пропагандирующие самоубийство», «сайты, продающие наркотики», «порносайты» и пр.;
- коммуникационные – «угрозы в социальных сетях», «общение с незнакомыми людьми» и пр.

Возможности интернета, которые выделили студенты, мы условно разделили на 4 блока:

- доступность информации – «быстро», «просто», «бесплатно», «легко»;
- интересное времяпрепровождение – «игры», «видео», «музыка»;
- возможность общения – «друзья», «родственники», «новые знакомства»;
- возможность проявить себя, заработать – «видеоблоггерство», «работа».

Выводы, полученные в ходе исследования:

Уровень вовлеченности студентов российских колледжей и университетов в интернет-среду, можно назвать его очень высоким. Можно выделить две ведущие цели использования интернета – поиск полезной для учебы и интересной информации, а также общение в социальных сетях.

Студенты вузов и колледжа оценивают свой уровень информационно-психологической безопасности как средний. Наиболее часто определяемыми угрозами интернет-среды являются технические (вредоносные программы), трата времени в пустую, мошенничество и зависимость. Среди чувств и эмоций, сопровождающих пользование сетью, преобладают позитивные – интерес, радость, удовольствие и удивление. Страх занимает последние места по значимости. К негативным ситуациям, отмеченным в сети за последний год, называются изображения сексуального характера, фото и видеоматериалы, содержащие сцены насилия, взлом профиля, вредоносные программы и мошенничество.

Можно утверждать, что молодые люди недооценивают или у них отсутствует представление о реальных угрозах психическому здоровью и позитивному развитию, которые существуют в сети интернет.

Отсутствие осознания опасности психологических угроз для развития личности может выступать провокативным фактором девиантного поведения. Профилактика данных отклонений возможна через развитие психологических качеств обучающихся, обеспечивающих их информационно-личностную безопасность.

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования уровня осознания студентами университета и колледжа рисков, связанных с использованием интернет-пространства. В исследовании приняло участие 289 человек. Показано, что уровень вовлеченности обучающейся молодежи в интернет-среду крайне высок. Осознание опасности психологических угроз находится на низком уровне, что может провоцировать девиантное поведение. Профилактика такого поведения возможна через формирование информационно-личностной безопасности студентов.

Ключевые слова: вовлеченность в интернет-среду, интернет риски, психологические риски, информационно-личностная безопасность.

Annotation. A comparative analysis of the level of involvement in the Internet environment and perceptions of the psychological risks in it of Russian students studying in colleges and universities has been carried out. 289 people took part in the study. All students have a high level of involvement in the Internet environment. Students know the various risks and threats of the Internet environment. The level of awareness of the threat of Internet risks by students from the standpoint of information and psychological safety, i.e. the impact of destructive information on the formation of personality is rather low. It can cause deviant behavior. Forming of information and personal safety of students can be prevention of deviant behavior.

Keywords: involvement into an Internet environment, Internet risks, psychological risks, information and personal safety.

Литература:

1. Баева И.А. Психология безопасности: теоретическая основа помощи в экстремальной ситуации // Развитие личности. – 2016. № 3. – С. 57-74.
2. Богачева Т.Ю., Соболева А.Н., Соколова А.А. Риски интернет пространства для здоровья подростков и пути их минимизации // Наука для образования: Коллективная монография. – М.: АНО «ЦНПРО», 2015. – С. 151-162.
3. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Социально-психологические аспекты восприимчивости молодежи к воздействиям среды Интернет // Образование и наука. – 2017. Т. 19. № 9. – С. 86–102. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-9-86-102,7,20
4. Солдатова Г.У. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. – М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
5. Хохлова Н. И. Обеспечение детской безопасности в Интернете: российский опыт и зарубежные инициативы // Пространство и время. – 2012. № 1. – С. 87-92.
6. Черных Е.А. Анализ классификаций угроз в Интернете / Е.А. Черных // Электронный научно-публицистический журнал «HomoCyberus». – 2016. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/chernih_e_analis_ugroz_v_internere
7. Livingstone S. Online risk, harm and vulnerability: Reflections on the evidence base for child Internet safety policy / S. Livingstone // ZER: Journal of Communication Studies. 2013. Volume 18. № 35. – P. 13-28.

УДК 159.922.27

**ПРОФИЛАКТИКА РИСКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ,
СПОСОБСТВУЮЩИХ ПРОЯВЛЕНИЮ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У
ПОДРОСТКОВ³**

Баева Ирина Александровна,

доктор психологических наук, профессор, академик РАО,
профессор кафедры психологии развития и образования

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И.
Герцена»

г. Санкт-Петербург

Кондакова Ирина Владимировна,

кандидат психологических наук,

старший преподаватель кафедры психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И.

Герцена»

г. Санкт-Петербург

Постановка проблемы. Современное общество сталкивается с множеством рисков. Они присутствуют во всех сферах жизни человека. В период учебного года подростки проводят большую часть времени в образовательных организациях, поэтому именно перед образовательной системой стоит задача профилактики рисков, способствующих возникновению и развитию негативных вариантов поведения у подрастающего поколения. К последствиям воздействия данных рисков можно отнести все возрастающее напряжение, психосоматические и психологические проявления стресса, суицидальное и самоповреждающее, а также девиантное и делинквентное поведение.

³ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00553.

Целью статьи является теоретический анализ рисков в образовательной среде, способствующих проявлению девиантного поведения у современных подростков, и мер профилактики выявленных провокативных факторов.

Изложение основного материала исследования. Социальные изменения, происходящие в российском обществе в последние десятилетия, влияние научно-технического прогресса приводят к резким изменениям в социальной структуре и социализации современных детей. Межпоколенческий разрыв становится более выраженным, порождая все большее непонимание взрослыми детей и подростков. Образовательные организации не видят точных целей в воспитании и обучении учащихся, так как происходят резкие трансформации ценностей общества, появляются новые и автоматизируются старые профессии, никто не может предсказать, какие изменения произойдут в ближайшие 10-15 лет и к чему нужно готовить современных детей и подростков. Кроме того, частые изменения стандартов, методов и методик обучения требуют таких же быстрых изменений и от учителей, проявления их гибкости, но не все учителя готовы так стремительно изменяться, подстраиваться под новые требования и постоянно осуществлять свою деятельность в ситуации неопределенности. Многие родители также не понимают, к какому воспитательному идеалу нужно стремиться. Поэтому позиция взрослых становится слишком детоцентрированной, на детей и подростков перекладывается излишняя ответственность, которую они еще не готовы нести, им предоставляется выбор, который они не всегда еще готовы сделать, что приводит к возрастанию рисков социализации и их негативных последствий. В итоге, отсутствие единого воспитательного идеала, рассогласованность между разными социальными группами по вопросам образования, чрезмерная ответственность приводят к росту девиантного поведения в детской и подростковой среде.

Современные реалии развития детей и подростков таковы, что большую часть своего времени они проводят в образовательной среде. Это может быть как образовательная среда основного, так и дополнительного образования. Длительное пребывание в рамках образовательной среде создает возможность активного влияния на становление личности подрастающего поколения (при этом данное влияние может быть и конструктивным, и деструктивным), так и возможности использовать данное время для проведения превентивных мер по профилактике различных отклонений в поведении. Негативное влияние рисков, возникающих в образовательной системе, часто заключается в их комплексном, всестороннем воздействии на развитие и становление детей и подростков. Зачастую последствия такого воздействия проявляются не сразу, а через значительный промежуток времени, что затрудняет установление истинных причин возникшего состояния. Следует отметить, что ребенок или подросток имеет недостаточные ресурсы для противостояния возникающим негативным факторам, а столкновение с отрицательным результатом может приводить к состоянию выученной беспомощности и не сопротивлению дальнейшему воздействию. Ключевая роль в процессе профилактики и предотвращения рисков девиантного поведения подростков принадлежит системе образования, поскольку многие риски, возникающие в современном обществе, можно осмыслить и предусмотреть, опираясь на знания о развитии личности подростка, что возможно именно в образовательных учреждениях.

При профилактике рисков в образовательной системе важно понимать, что учителя и другие специалисты не смогут, да и не должны, полностью устранять все риски, ситуация предотвращения всех рисков практически невозможна. В современных условиях гораздо важнее научить подростков действовать, принимать решения и реализовывать их в ситуациях, связанных с риском, так как одной из основных свобод человека является свобода выбора, а вслед за ней идет и ответственность за последствия данного выбора, а, следовательно, и разнообразные риски. В противном случае, мы получаем крайне авторитарную образовательную систему, результатом пребывания в которой будет подавление личности, его самовыражения и самоопределения, что в свою очередь может

стать еще одним провокативным фактором возникновения девиантного поведения у подростков. Одним из возможных вариантов профилактики различных девиаций в подростковом возрасте является создание комплексной модели рисков, присущих образовательной системе, и мер по их уменьшению. Поэтому целью нашего исследования является теоретический анализ литературы и определение рисков, присущих образовательной среде, способствующих проявлению девиантного поведения и мер по его профилактике.

Девиантное поведение в современном обществе может рассматриваться не только как некий показатель отклонений в развитии подростка, говорящий о нехватке воспитательных или иных воздействий, но и как важный фактор защитных сил личности, говорящий о внутреннем хаосе, отсутствии четких представлений об итогах данного развития. Поэтому важно определить те риски и протекционные факторы, которые могут помочь подростку справиться со всеми требованиями общества и прийти к позитивному решению возрастного конфликта.

В современной психологической литературе встречается достаточно большое количество трактовок понятия «риск» и его классификаций. Для нас важно рассмотреть данный термин именно с точки зрения образовательной среды. Риск в научной литературе трактуется как возможная опасность или вероятность нанесения вреда, определяемая наличием объективных и субъективных факторов, обладающих поражающими свойствами, либо как действие, связанное с достижением важной для человека цели и проявлениями опасности на пути ее достижения. Соответственно, в ситуации риска всегда присутствуют два вероятных варианта поведения – рискованный, в результате которого человек имеет вероятность достижения цели, но и потери всего, и надежный, который сохраняет накопленный уровень достигнутого, но не увеличивает его. Поэтому важно отметить, две основных характеристики риска: первая – риск – это действие, то есть нельзя рисковать, ничего не делая, ничего не предпринимая; вторая – в рискованной ситуации всегда есть свобода выбора – рискнуть или выбрать надежный вариант, который гарантирует сохранение достигнутого уровня. Получается, что риск – один из ответов на опасность, либо действие, в котором присутствует опасность, то есть в отличие от угрозы и опасности, которые существуют вне нас или независимо от нас, риск – это субъектная характеристика. Без человека, без его действий, без его субъективной оценки действительности риска быть не может. Последнее важно, в ситуациях с подростками, для которых многие рискованные действия не выглядят таковыми в силу слабо развитых прогностических способностей. Поэтому мы рассматриваем риск как состояние, связанное с необходимостью совершать некоторые действия, поступки в ситуации с неоднозначным исходом.

А.О. Прохоров и П.Н. Афанасьев предприняли попытку анализа существующих классификаций рисков и угроз психологической безопасности в образовательной среде. Авторы приходят к выводу, что в образовательной среде можно выделить следующие группы рисков:

- риски, связанные с взаимоотношениями внутри образовательной системы (самыми распространёнными в этой группе могут быть отношения «ученик-ученик» или «ученик-учитель»): риски, связанные с проявлениями насилия в межличностных взаимодействиях (физического, психологического, эмоционального), риски, связанные с проявлениями экстремизма, ксенофобии, как крайних степеней выражения насилия, риски связанные с потерями социального одобрения или времени, риск переноса со стороны педагога на учащегося своих неосознаваемых психологических проблем, негативных эмоций, или ученик просто используется как способ повышения собственной самооценки;

- риски, связанные с организацией процесса обучения: высокие образовательные нагрузки, сложные учебные программы, информационные перегрузки, ориентация школ на рейтинг, неэффективные методы преподавания, сложности в отношениях между учащимися, негативное отношение учителя и т. п.;

- риски, связанные с мотивами выбора дальнейшего профессионального обучения: данная группа рисков характерна для подростков и старшеклассников, которые стоят на пороге самоопределения не только в личностном, но и профессиональном планах;

- риски, связанные с окружающими условиями обучения: это риски экологического, природного и техногенного характеров [4].

Отношения «учитель-ученик» многими авторами рассматриваются как важный фактор отношения к образовательной среде, а, следовательно, и как фактор, влияющий на проявления девиантного поведения. Именно властные отношения между педагогами и детьми выделяются как провокативный фактор развития отрицательных реакций со стороны подростков. Несмотря на декларации о детоцентрированном и гуманистическом подходе педагога к учащимся, в реальных условиях часто приходится сталкиваться с директивными механизмами управления обучением и воспитанием в образовательных учреждениях, распространением потребительского отношения педагогов к здоровью обучающихся. К сожалению, до сих пор многие учителя придерживаются старых взглядов на отношения с учащимися, в которых преобладают разнообразные формы подавления и принуждения учеников, отсутствует необходимый учет индивидуальных особенностей подростков, игнорируются проявления психологического дискомфорта, присутствуют угрозы, недоброжелательное отношение и оскорбительные замечания в адрес учащихся, поощряются конформность, как вариант послушания [6].

Причинами использования авторитарного стиля в отношениях считаются следующие факторы [7]:

- строгая иерархическая структура отношений в большинстве образовательных систем, где учитель рассматривается как непререкаемый авторитет;

- личный опыт учителя, как в роли преподавателя, так и в роли учащегося;

- неуверенность, отсутствие знаний и умений приобретения авторитета у подростков;

- ожидания и мифы, связанные с авторитарным стилем взаимодействия, распространенные в обществе.

Все это приводит к появлению, усилению и закреплению данной модели отношений в ролевом репертуаре преподавателя. Итогом таких отношений могут быть как полный или частичный разрыв отношений, отсутствие восприятия педагога в качестве значимого, референтного лица, носителя не только знаний, но и культуры отношений, так и воспроизведение закрепленных в образовательной среде моделей взаимодействия в других сферах жизни, отсутствие гибкости и способности к эмпатии и рефлексии, неспособность к построению разнообразных отношений с окружающими, что в итоге может приводить к возникновению или развитию девиаций и неспособности меняться вместе с изменениями в социальной среде. Кроме того, властные отношения между педагогами и учащимися могут приводить к трудностям в становлении волевой сферы подростков, ответственности и мотивации, то есть быть фактором риска для развития основ поведения, направленного на самосохранение, связанного с просчетом вероятности и выбором адекватных способов реагирования в ситуациях риска. Одним из опасных последствий данного стиля взаимоотношений является утрата учащимся референтной значимости образовательной среды, когда подросток отрицает ценности и нормы, прививаемые данным учреждением, не видит цели его посещения и не может выстроить эффективное взаимодействие с учителями [6].

В исследовании авторитарного стиля взаимодействия между учителем и учеником выявлено, что около 40% опрошенных учителей отличаются высоким уровнем агрессивности, при этом более 25% проявляют его в вербальной форме и установлении конфликтных отношений с учащимися, около 18% респондентов – через высокий уровень вспыльчивости. Таким образом, можно сделать вывод о высоком уровне психологического насилия со стороны преподавателей, который может приводить к появлению девиантного поведения у подростков, как следствия отреагирования полученной травмы [7].

Травма в научной психологической литературе рассматривается как одна из гипотетических причин неадекватного поведения человека при здоровой и хорошо функционирующей психике, связанная с неокончательно проработанными трудными или болезненными событиями в жизни человека. Одним из таких событий является частое столкновение с психологическим насилием со стороны педагога. Под психологическим насилием рассматривается целый спектр вербальных или психических воздействий со стороны одного человека на другого, приводящий к серьезным изменениям или нарушениям развития и становления личности, к потере уверенности в собственных силах и уважения к самому себе. «К этой форме насилия относятся: открытое неприятие и критика ребенка; оскорбление и унижение его достоинства; угрозы в его адрес, проявляющиеся в словесной форме без физического насилия; преднамеренная физическая или социальная изоляция ребенка; предъявление ему чрезмерных требований, не соответствующих возрасту и возможностям; ложь и невыполнение обещаний со стороны взрослых; нарушение доверия ребенка» [7, с. 44]. Кроме того, к насилию со стороны педагога можно отнести и пренебрежение основными нуждами ребенка, среди которых значимыми являются потребности в уважении, признании собственной значимости и безопасности, когда подросток не испытывает чувства страха во время пребывания в образовательной среде [3,7].

Все это позволяет сделать вывод о важности установления и сохранения уважительных и доброжелательных отношений между преподавателями и обучающимся в качестве профилактики риска возникновения девиантного поведения среди подростков. Важно учитывать: во многом стиль взаимоотношений между взрослым и подростком задает стиль отношений внутри подросткового коллектива, что может также служить профилактикой распространения буллинга, как одной из форм девиантного поведения внутри учебного коллектива.

Рассмотрение факторов риска, или провокативных факторов, в образовательной среде, воздействующих на подростка, возможно с позиции структурно-функциональной модели образовательной среды как объекта психологической экспертизы, в которой выделено пять компонентов образовательной среды: организационно-управленческий, пространственно-предметный, психодидактический, социально-психологический и субъективный [2]. Каждый из перечисленных компонентов может быть как провокативным фактором, способствующим проявлению девиантного поведения у подростков, так и протекционным (защитным) фактором, который может содействовать достижению состояния психологической безопасности подростка в образовательной среде, что в итоге будет приводить к снижению негативных поведенческих проявлений. Теоретический анализ позволяет предполагать, что психодидактический и субъективно-психологический компоненты образовательной среды вносят большой вклад, как в проявление, так и профилактику девиантного поведения.

То, как учат детей, чему учат и с помощью каких методик составляет суть психодидактического компонента образовательной среды, включающего в себя образовательные программы, технологии, методы обучения и т.д., реализуемые в образовательной организации. В качестве факторов риска психодидактического компонента можно рассматривать следующие его компоненты: содержание образования и методы обучения и воспитания.

Известно, что последнее время содержание образования претерпевает значительные и постоянные изменения. Нет единых учебников, принятых программ, которые могли бы давать четкие ориентиры в подготовке школьников. Примерные рамки дают только федеральные государственные стандарты, но и они постоянно меняются, что также может приводить к возникновению излишнего напряжения у обучающихся. Но гораздо более сильное влияние на подростков оказывают методы обучения. Именно от них зависит отношение ребенка к образовательной среде, ощущение ее безопасности, комфортности или, наоборот, опасности, дискомфорта во время пребывания в образовательном учреждении.

Условия обучения, относящиеся к пространственно-предметному компоненту образовательной среды, отвечают за физические ощущения безопасности и комфорта. Никто

не хочет учиться в переполненном классе или плохо отремонтированном/оборудованном помещении. Но гораздо важнее для подростков ощущение психологической безопасности и комфорта, которые зависят от используемых учителем методов обучения и воспитания. Состояние психологической безопасности подростка складывается из его отношения к образовательной среде, удовлетворенности основными характеристиками образовательной среды и защищенности от психологического насилия. При нарушении любого из этих компонентов подросток может ощущать опасность при пребывании в образовательной среде, и соответственно, реагировать на нее так, как реагируют на любую опасность в социальном мире: он готовится к проявлению агрессии в ответ на любое внешнее воздействие, и чем более некомфортной является образовательная среда, тем более сильной и незамедлительной может быть ответная реакция подростка, распространяющаяся не только на своих одноклассников, но и на учителей. Примерами такой ответной реакции могут быть недавние трагические нападения школьников на своих одноклассников, закончившиеся многочисленными жертвами и разрушениями. Поэтому так важно соблюдать правила психологически безопасного и уважительного взаимодействия между подростками и учителями.

И.В. Вачков, С.Н. Вачкова приводят результаты исследования удовлетворенности психодидактическим компонентом образовательной среды как индикатора угроз психологическому здоровью школьников в трех группах испытуемых: родителей, педагогов и руководителей образовательных организаций. Изучалась удовлетворенность образовательной средой по следующим параметрам: удовлетворенность содержанием образования, условиями обучения и методами обучения и воспитания, используемыми в образовательных организациях. Парное сравнение результатов, полученных в трех группах респондентов, позволило обнаружить статистически достоверные различия между ними по всем параметрам. При этом самую высокую степень удовлетворенности психодидактическим компонентом образовательной среды продемонстрировали родители, что, возможно, связано с их недостаточной включенностью в образовательный процесс и с неполной осведомленностью о реальном положении дел в школах. Педагоги и директора школ в меньшей степени удовлетворены психодидактическим компонентом образовательной среды и, следовательно, видят больше рисков и угроз психологическому здоровью детей [1].

Таким образом, психодидактический компонент образовательной среды может выступать как фактором риска, так и защитным фактором. Провокативными факторами являются психологически небезопасная и некомфортная образовательная среда, отсутствие единства содержания образования, плохие пространственные и материально-технические условия обучения. Защитными компонентами могут быть психологически безопасная образовательная среда и комфортные условия обучения.

Одной из мер профилактики возникновения и распространения девиантного поведения в образовательной среде представляется сохранение ее эмоциональной безопасности, где под эмоциональной безопасностью понимается увеличение количества положительных и уменьшение количества отрицательных эмоций, испытываемых подростком во время пребывания в образовательной среде. Соответственно, индикаторами эмоциональной безопасности являются уровни позитивных и негативных эмоций, где основными негативными эмоциями рассматриваются страх, тревожность, неуверенность, а позитивными – радость, удовольствие. Проведенное исследование позволило выявить, что к возникновению отрицательных эмоций приводят переживания, связанные с экзаменами, а к положительным – интеллектуальные и творческие мероприятия, способствующие развитию и проявлению потенциала учащегося. Таким образом, можно сделать вывод, что для поддержания эмоциональной безопасности образовательной среды важно проводить мероприятия, направленные на сокращение переживания ребенком отрицательных эмоций и увеличение положительных эмоций [5]. Все это будет способствовать профилактике девиантного поведения. Но возникает вопрос, не приведет ли это в конечном итоге к формированию у подростка неспособности к саморегуляции. Сложно представить, чтобы

было возможно отменить в современных условиях все экзамены, но, вероятно, стоит пересмотреть отношение к ним или научить подростков различным техникам снятия напряжения. Ведь, как уже говорилось выше, мы не в силах убрать все риски из жизни подростка, но мы в силах научить его быть с ними и принимать верные решения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о важности создания и поддержания психологической безопасности образовательной среды в качестве меры профилактики риска возникновения девиантного поведения. Под психологической безопасностью мы понимаем «состояние среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии людей, способствующее удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и, как следствие, обеспечивающее психологическую защищенность ее участников» [3, с. 6]». Соответственно, во многом психологическая безопасность зависит от учителя и его личностных характеристик, которые будут влиять на выбираемые им стили взаимодействия, стили управления подростковым коллективом. Важно подчеркнуть, что для создания психологически безопасной среды важно обеспечить состояние психологического комфорта и для учителя. Таким образом, только создание комплексной системы сопровождения психологической безопасности подростка в образовательной среде позволит осуществить эффективную профилактику появления и развития девиантных форм его поведения. Данная система профилактики должна опираться на:

- концепцию психологической безопасности образовательной среды и ее субъектов (в первую очередь, учащегося и учителя), учитывающую средовые и личностные условия и факторы, оказывающие влияние на структуру и уровень психологической безопасности, например, субъективное благополучие, проблемные переживания подростков, кризисные состояния и личностная predisпозиция в подростковом возрасте, особенности социальной ситуации развития,

- модель психологической безопасности образовательной среды и ее субъектов, включающую критерии и показатели оценки психологической безопасности личности современного подростка, ресурсный потенциал сопротивляемости негативным воздействиям социальной среды.

Выводы. Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод о влиянии на возникновение и развитие девиантных форм поведения следующих рисков:

- риски, связанные с отношениями, где центральными, системообразующими становятся отношения «учитель-ученик». При нарушении данных взаимодействий происходят нарушения и в системе взаимоотношений внутри подросткового коллектива. Именно властные, агрессивные, конфликтные отношения между педагогом и подростком, сопровождающиеся различными формами психологического насилия приводят к появлению и развитию девиаций у учащихся. При этом в данном случае девиации могут быть не только как ответная, но и как защитная функция психики подростка, направленная на сохранение личностной целостности в травматических условиях;

- риски, связанные с организацией процесса обучения: чрезмерные социальные, психологические и информационные нагрузки, как на учащихся, так и на учителей. Несоответствие требований стандартов и современных реалий к условиям, методам и технологиям обучения и существующим в реальности, что приводит к повышению внутреннего и внешнего напряжения, а это в итоге влияет и на качество отношений.

Таким образом, выделенные группы рисков взаимосвязаны, а точнее сказать, взаимопроникающие, неотделимые друг от друга. Профилактика данных рисков может осуществляться через создание и поддержку психологической безопасности образовательной среды, обеспечивающую внутренний комфорт и защищенность, сохраняющую психологическое здоровье и способствующую консолидации ресурсов позитивного психического развития участников образовательного процесса.

Аннотация. Статья представляет собой теоретический анализ исследований, посвященных проблеме рисков образовательной среды, приводящих к появлению

девиантных форм поведения в подростковом возрасте. В результате выделены основные группы рисков, связанные с взаимоотношениями внутри системы «учитель-ученик» и с организацией процесса обучения. Стратегической линией профилактики возникновения девиаций в подростковом возрасте можно считать создание психологически безопасной образовательной среды.

Ключевые слова: риск, образовательная среда, подростки, девиантное поведение.

Annotation. The article is a theoretical analysis of the researches devoted to the problem of risks of the educational environment, leading to the emergence of deviant behaviors in adolescents. As a result the main risk groups associated with the relationships within the teacher-schoolchild systems and with the organization of the learning process are identified. The creation of a psychologically safe educational environment can be considered a strategic line to prevent the onset of deviations in adolescence.

Keywords: risk, educational environment, teenagers, deviant behavior.

Литература:

1. Вачков И.В. Удовлетворенность образовательной средой субъектов педагогического процесса как индикатор угроз психологическому здоровью детей / И.В. Вачков, С.Н. Вачкова // Клиническая и специальная психология. – 2018. – Т. 7. – №2(26). – С. 41-52.
2. Лактионова Е.Б. Структурно-функциональная модель образовательной среды как объекта психологической экспертизы / Е.Б. Лактионова. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2012. – №148. – С. 67-76.
3. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / под ред. И.А. Баевой. – СПб, Речь, 2006. – 288 с.
4. Прохоров А.О. Риски социализации и психологической безопасности образовательной среды школы / А.О. Прохоров, П.Н. Афанасьев // Филология и культура. – 2017. – №4(50). – С. 236-243.
5. Рубцов С.А. Роль подлинных эмоций в эмоциональной безопасности образовательной среды / С.А. Рубцов, Т.Н. Березина // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 6. – С. 101-107.
6. Симаева И.Н. Психологические риски для здоровья детей в современном образовании / И.Н. Симаева // Балтийский регион. – 2010. – №3(5). – С. 85-91.
7. Тарасова Л.Е. Агрессия педагога как фактор психологического риска в образовательной среде / Л.Е. Тарасова // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. – 2011. – №2. – С. 41-47.

УДК: 37.01.(075.8)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ И ИНСПЕКТОРОВ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПО ВОПРОСАМ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Баринова Вера Леонидовна,

инспектор (по делам несовершеннолетних)

Отделения по делам несовершеннолетних ОУУП и ПДН
МУ МВД России «Люберецкое», Московской области

Постановка проблемы. Современная практика профилактической работы отклоняющегося поведения детей, подростков и молодёжи характеризуется наличием

известной рассогласованности деятельности в вопросах взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и специалистов образовательных организаций по минимизации рисков детско-подростковой преступности, а также оптимизация деятельности участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних в деле формирования правосознания среди несовершеннолетних.

Целью статьи является изучение и анализ основных подходов и принципов к взаимодействию между органами внутренних дел и образовательными организациями.

Изложение основного материала исследования.

Проблема детской и подростковой преступности в России, несомненно, актуальна. В современном мире благополучные условия проживания и развития общества возможны лишь в условиях безопасности и стабильности. Наиболее ярким показателем безопасности является уровень преступности. Это одна из составляющих преступности в целом.

Отдельным пластом можно выделить детско-подростковую преступность, которая существовала в разные временные периоды при разных социально-политических укладах. Ее уровень периодически поднимался до высочайшей отметки, что естественным образом связывалось с падением социальной жизни в государстве. Сделаем краткий экскурс историю. Так, на территории России уже с середины XIX века начали появляться первые учреждения для работы с малолетними правонарушителями - воспитательно-исправительные приюты.

В первые годы советской власти социальная ситуация в стране привела к разгулу детско-подростковой преступности и вновь образованной власти необходимо было решать эту проблему. 100 лет назад, а именно 4 февраля 1919 года, В.И. Ленин подписал Декрет о создании Совета Защиты детей. Его председателем становится Народный Комиссар по Просвещению А.В. Луначарский. В его функции входило, создание детских домов, приютов, лесных школ и детских колоний; снабжение этих учреждений; эвакуация беспризорных в хлеботорговые губернии; планирование общественного детского питания и снабжения детей, в том числе бездомных. Позднее, в 1921 году организована Комиссия по улучшению жизни детей, так называемая Деткомиссия ВЦИК, которую возглавил Ф.Э. Дзержинский. Целью этой комиссии было координирование деятельности различных ведомств по ликвидации беспризорности [2].

Одним из первых документов, регламентирующих борьбу с детской преступностью и безнадзорностью, является Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП в 1935 год «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», которое просуществовало практически в неизменном виде до 50-х годов.

Сегодня подобный документ представлен в виде 120 ФЗ от 24.06.1999г «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Таким образом, на первый план выходит понятие «профилактика».

К основным условиям детско-подростковой преступности многие ученые и исследователи (С.А. Беличева, Ю.И. Курипченко, Л.С. Мардахаев, А.В. Мудрик, В.А. Слостенин, И.С. Скляренко Д.И. Фельдштейн, М.В. Шакурова и др.) относят: неблагополучие в семье, недостатки школьного воспитания, бесконтрольность и беспризорность несовершеннолетних, влияние отрицательно-ориентированных друзей, отсутствие доступного досуга, социальное расслоение общества, негативное влияние СМИ и социальных сетей и др.

Как известно, детство является периодом, когда в человеке закладывается фундамент личности: нравственные и этические эталоны, понятие о том, что такое хорошо и что такое плохо, понятие о добре и зле, понятие правосознания и т.д. Однако в связи с неокрепшей нервной системой, податливостью, ведомостью, привычкой слушаться других людей- дети и подростки, как младшие, так и старшие становятся хорошим материалом для осуществления преступной деятельности под влиянием других лиц.

В вопросе детско-подростковой преступности особенно важно понятие «социально-педагогическая профилактика», под которым сегодня в научной литературе [2, 4, 6] понимается система общих и специальных мероприятий на различных уровнях социальной

организации (общегосударственном, правовом, общественном, экономическом, медико-санитарном, педагогическом, социально-психологическом), направленных на *предотвращение* нервно-психических нарушений, которые сопровождаются нарушениями поведения.

А.С. Максимов дает понятие социально-педагогической профилактики повторной преступности несовершеннолетних, акцентируя внимание на том, что она представляет собой форму организации в образовательном процессе специальной образовательной организации педагогического воздействия на личность несовершеннолетнего, ранее совершившего преступление. Доказывает, что это воздействие обеспечивает ослабление влияния факторов повторной преступности и подготовку личности к сопротивлению влиянию этих факторов при их активности в социальной ситуации развития [3, с.17].

Существует множество государственных органов и организаций, к чьим функциям относится профилактика детско-подростковых правонарушений. В соответствии с вышеупомянутым ФЗ №120 такие функции выполняют:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее КДНиЗП);
- органы управления социальной защиты населения;
- специальные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации;
- органы осуществляющие управление в сфере образования;
- специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа;
- орган опеки и попечительства;
- органы и учреждения по делам молодежи;
- органы управления здравоохранения и медицинские организации;
- органы службы занятости;
- органы внутренних дел и подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Беря во внимание тот факт, что одним из первых органов, которому становится известен факт противоправного поведения несовершеннолетних являются органы внутренних дел, особого внимания заслуживает вопрос о педагогическом влиянии сотрудников полиции на детей и подростков.

В соответствии с п. 1 ст.21 ФЗ №120 подразделения по делам несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетних и законных представителей. На инспектора по делам несовершеннолетних, участкового уполномоченного полиции ложится непростая воспитательная функция, направленная на предотвращение правонарушений в дальнейшем.

Анализируя статистические данные, можно отметить, что в районе республики Крым по состоянию на 1 января 2018 года на профилактическом учете состояло 595 несовершеннолетних, поставлено за год на профилактический учет 546 человек. В сравнении за аналогичный период в Подмосковном районе на начало отчетного периода состояло 434 человека, а на профилактический учет поставлено 410 человек. Анализ статистических данных показывает, что в школах обучается наибольшее количество подростков, состоящих на профилактическом учете. Так, по Республике Крым это число составляет 347 несовершеннолетних, в Подмоскowie 310 человек. При том, что численность населения по Республике Крым составляет приблизительно 2 300 000 человек, а численность Подмосковского района – 7 500 000.

Следует отметить, что инспектор по делам несовершеннолетних вместе с участковым уполномоченным полиции, закреплены за определенным территориальным участком, на котором, как правило, находятся общеобразовательные организации (школы, лицеи, гимназии). При скоординированном взаимодействии администрация общеобразовательной организации, в лице социального педагога, поддерживает постоянную связь с сотрудниками полиции:

- оповещает о проведении массовых мероприятий в школе для осуществления контролируемых функций;
- помогает в установлении лиц, совершивших правонарушение;
- приглашает для участия в проведении профилактических мероприятий с детьми и подростками;
- проводит работу с детьми и подростками группы риска, а также с их семьями;
- организует встречи сотрудников полиции отдельно с классами или с параллелями в целях формирования правосознания.

Указанные направления взаимодействия между образовательной организацией и правоохранительными органами, способствуют профилактике детско-подростковых правонарушений.

В своей профессиональной деятельности социальные педагоги сталкиваются с проблемами в работе, обусловленные неблагоприятной средой, в которой воспитываются некоторые подростки. Как правило, дети из неблагополучных семей чаще используют ненормативную лексику, склонны к раннему употреблению запрещенных и ограниченных к обороту веществ. Одновременно с этим отсутствует положительное влияние семьи и тщательный контроль за поведением ребенка за территорией образовательной организации.

Еще одной немаловажной проблемой, которой обязаны заниматься как общеобразовательные организации, так и правоохранительные органы – это проблема неблагополучных семей. К сожалению, статистика неблагополучных семей неутешительна. Так, по Республике Крым в 2018 году число неблагополучных составило 376 семей. В Подмосковье зарегистрировано 440 семей. И, здесь практический опыт говорит о крайней необходимости взаимодействия. Администрации общеобразовательных организаций следует оказывать содействие в проведении разъяснительной работы с неблагополучными родителями.

Практический опыт позволяет утверждать, что эффективными профилактическими формами и методами такой работы являются:

- систематическое проведение совместных (образовательная организация и правоохранительные органы) бесед и лекториев;
- информирование и консультации разъясняющие нормы законодательства об ответственности за совершение правонарушений;
- профилактические мероприятия, направленные на предупреждение аморального и противоправного поведения;
- деятельность школьного Совета по профилактике не должны быть формальной, а должна быть организована на основе индивидуально-дифференцированного подхода по отношению к детям, подросткам и их родителям.

К сожалению, часто социальные педагоги пытаются переложить свои функции на плечи сотрудников органов внутренних дел. Возможно, это связано с низким авторитетом социального педагога у детей и подростков и их родителей, и в таком случае, сотрудник полиции выступает как устрашающий субъект. Однако такая позиция не является правильной. У детей и подростков, склонных к совершению правонарушений, попавших под дурное влияние сотрудник полиции в лице участкового уполномоченного полиции и инспектора по делам несовершеннолетних не должен вызвать страх. Его основная задача донести детям и подросткам необходимость соблюдать правопорядок, показать четкую взаимосвязь преступления и наказания, а также воспитать понимание, что полиция оказывает помощь, что не зазорно рассказать о лицах, совершающих преступления и склоняющих к этому других.

Анализируя статистические данные ежегодно по информации, которая поступает от участковых уполномоченных полиции на учет стоят около 270 семей, по Республике Крым, и 210 семей по Подмосковному району.

В совместной деятельности участковые уполномоченные полиции и инспектора по делам несовершеннолетних ставят перед собой следующие задачи:

- выявлять и устранять причины, способствующие росту и возникновению преступности несовершеннолетних;
- оказывать помощь и содействие несовершеннолетним, попавшим под дурное влияние, формирование правосознания;
- поддерживать, сохранять и создавать условия, способствующие нормальному образу жизни;
- изучать взаимоотношения несовершеннолетних в семье и с родителями.

Анализируя деятельность участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних по Республике Крым и по району Подмоскowie, для реализации задач профилактики детско-подростковых правонарушений, наиболее эффективными являются следующие мероприятия:

1. Совместный поквартирный обход лиц, состоящих на профилактическом учете.
2. Совместное планирование и проведение рейдов, профилактический мероприятий, таких, например, как «Полиция и дети», «Сообща, где торгуют смертью», «Полиция на страже здорового образа жизни».
3. Совместный анализ оперативной обстановки, выявление мест концентрации несовершеннолетних.
4. Использование Сетевой технологии в решении конкретных (адресных) проблем детей и подростков [5, 6].

Примером может послужить организация профилактического мероприятия «Полиция на страже здорового образа жизни». Целью данного мероприятия является привлечение внимания несовершеннолетних к сохранению своего здоровья, объяснить важность физической подготовки, а так же разъяснить административную ответственность за правонарушения, которые оказывают вред не только общественной безопасности и нравственности, но и здоровью.

Особое внимание было уделено статьям 20.20 КоАП РФ- Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах, а так же ст.6.24 КоАП РФ -нарушение установленного федеральным законом запрета курения на отдельных территориях и объектах. Несовершеннолетним было разъяснено, что в соответствии со ст.20.22 КоАП РФ ответственность за нахождение, употребление и распитие алкогольной продукции, наркотических средств и психотропных веществ несовершеннолетними в возрасте до 16 лет лежит на родителях и законных представителях. В беседах с учениками были даны разъяснения к статьям 6.23 КоАП РФ, которая устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака, и ст.6.10 КоАП РФ, за вовлечение в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Акцентом беседы была правовая ответственность, как и за самостоятельное употребление алкогольной, психотропной, наркотической продукции, так и за вовлечение в ее употребление.

Для необходимости пропаганды вести здоровый образ жизни и формирования правосознания среди учащихся 5-7 классов провели военно-патриотическую игру «Закон и порядок», в ходе которой дети были разделены на команды для выполнения различных заданий. В игру включены следующие этапы: эстафета, условия которой максимально приближены к реальной жизни (эстафета проводилась на улице, учащиеся были обмундированы в верхнюю одежду и оснащены бытовыми предметами (бег с сумками, пакетами, рюкзаками) и прочими утяжелителями), задания на общую физическую подготовку (отжимания, приседания, прыжки), силовая тренировка с использованием специального дополнительного инвентаря (шины, кувалда), преодоление веревочной переправы, задания на логику, задания на знание правовых основ российского законодательства, историческая викторина.

Для учащихся старших классов (8-11 класс), была организована аналогичная игра «Щит и Меч», которая проводится в течение двух дней в школе, с ночным пребыванием. Кроме описанных выше этапов игры добавляется разряжение и снаряжение АК-47, стрельба. На протяжении месяца участники посещают занятия по дисциплинам: первая медицинская помощь, основной закон, криминалистика, топография, занятия по строевой подготовке и подготовка прохождения строем с военной песней. Для обучения задействуют 10 классы, которые выполняют роль «посредников»: обучают строевой подготовке, сопровождают команду, занимаются организационными вопросами внутри команды. Руководство игрой ложится на 11 класс, которые отвечают за проведение специальных занятий, организуют помещения для проведения этапов, отслеживают правильность выполнения заданий, выставляют баллы. По итогу, на утро силами 11 классов, которые выполняют роль своеобразного штаба, для команд моделируется «полицейская игра». Каждый класс находит своего потерпевшего, узнают обстоятельства случившегося с ним преступления, после чего находят улики, по описанию находят преступника и задерживают его. Данные игры проводятся с участием учителей, и при сильной поддержке Администрации областного города, которая обеспечивает и наличие пожарной службы на момент игры, медицинского работника, осуществляется охрана порядка силами сотрудников полиции. Команда-победитель соревнуется с победителями других школ.

Социально-педагогическое значение данных игр заключается в высоком стремлении детей принять в них участие, в команду от класса попадают ученики с лучшими спортивными достижениями, с наилучшими показателями в учебе, таким образом игра выступает своеобразным мотиватором соблюдать дисциплину прикладывать должные усилия в соблюдении порядка и в образовательном процессе. Высокий уровень включенности детей в организацию данной игры позволяет проявлять творческий подход, учиться брать ответственность, работать в коллективе, взаимодействовать с учителями и детьми, проявлять лидерские качества, а также дополнительная проработка во всех возрастных категориях правосознания и основ здорового образа жизни.

Молодое поколение – будущее нашей страны, а по количеству преступлений, совершаемых детьми и подростками, можно прогнозировать будущую криминальную обстановку в стране.

Таким образом, снижение уровня детско-подростковой преступности представляется крайне важной государственной задачей. Ее решение требует комплексного подхода и интеграции всех сил общества. Верный подход к воспитанию в семье, положительное влияние со стороны ближайшего окружения, сверстников, педагогов, социальных работников способны оказать значительное влияние на подростков и их поступки.

Вывод: Организация грамотного взаимодействия сотрудников органами внутренних дел с образовательными организациями позволяет быть одним из первых и самых эффективным инструментом в вопросах профилактики детско-подростковых правонарушений.

В осуществлении профилактической деятельности необходимо уделять внимание всем факторам, оказывающим влияние на несовершеннолетних: социально-бытовые условия, организация досуга, изучение детско-родительских отношений, искоренение формального подхода в работе, индивидуально-дифференцированный подход в работе с детьми.

Аннотация. В статье идет речь о порядке взаимодействия сотрудников органов внутренних дел, а именно участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних с образовательными организациями. В работе представлена необходимость постоянного и плотного данного взаимодействия по вопросам детско-подростковой профилактики, основанной на актуальных статистических данных. Рассматриваются основные профилактические формы и методы работы: систематическое поведение бесед и лекториев, информирование и консультирование, отсутствие формализма в работе. Определены основные задачи во взаимодействии участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних: выявление и устранение

причин, способствующих возникновению и росту преступности, организация и сохранение условий способствующих нормальному образу жизни, оказание помощи, изучение родительского влияния.

Ключевые слова: дети и подростки, профилактика, несовершеннолетние, социально-педагогическая профилактика, взаимодействие, образовательная организация, сотрудники органов внутренних дел, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних.

Annotation: In the article there is a speech about the procedure of interaction between the employees of the internal Affairs bodies, namely the precinct authorized police officers and juvenile inspectors with educational organizations. The article presents the need for continuous and dense interaction on the issues of child and adolescent prevention, based on current statistics. The authors consider the following forms and methods of work: systematic conversations and lectures, informing and counseling, lack of formalism in the work. The authors defined main tasks in the interaction of the district police officers and juvenile inspectors: identification and elimination of the causes that contribute to the emergence and growth of crime, organization and preservation of conditions conducive to a normal lifestyle, assistance, study of parental influence.

Keywords: childrens and teenagers, **prevention, juvenile**, social-pedagogical prevention, cooperation, educational organization, employees of internal Affairs agencies, employees of divisions on Affairs of minors.

Литература:

1. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: Ред.- изд. Центр Консорциума «Социальное здоровье России», 2012 – 274 с.
2. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика. Полный курс: учебник для бакалавров / Л.В. Мардахаев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 817 с.
3. Максимов А.С. Социально-педагогическая профилактика повторной преступности воспитанников специальных образовательных организаций закрытого типа: дис. канд. пед. наук. – Омск, 2016. – 217 с.
4. Скляренко И.С. Коррекционная педагогика: курс лекций. – М.: Изд-во МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя. 2017.
5. Скляренко И.С. Курипченко Ю.И., Демин Г.И. Сетевая технология как педагогический инструмент / И.С.Скляренко, // Психология и право. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 192-203. (Web of Science)
6. Шептенко П.А. Технология работы социального педагога общеобразовательного учреждения: учебное пособие / П.А. Шептенко, Е.Н. Дронова, Л.Н. Гиенко. – М., 2013. – 200 с.
7. Фельдштейн Д.И. Трудный подросток. – М., Воронеж: МПСИ: Модек, 2008. – 206 с.

УДК: 159.943

**ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: АНАЛИЗ ЛИЧНОГО
ОПЫТА ПРАКТИЧЕСКОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ АВТОРА С ДЕТЬМИ С ДЕВИАЦИЯМИ В РАЗВИТИИ И ПОВЕДЕНИИ
(1969-2019 гг.)**

Бурчевский Сергей Вячеславович,

педагог-психолог, девиантолог, эксперт, представитель
диагностической онлайн-системы для детей и подростков России
«Профконтур» (г. Москва), общественный эксперт комиссии
по профилактике правонарушений при заместителе председателя
правительства Ставропольского края (г. Ставрополь)

Постановка проблемы. Метод диалектической девиантологии, как методологический базис в работе специалистов социального, психолого-педагогического, социально-педагогического, социально- правового и правозащитного сопровождения девиантов и, как методологическая основа в организации и создании индивидуальной, региональной и общероссийской модели и системы эффективной профилактики, коррекции и социальной адаптации несовершеннолетних детей и молодежи с различными типами и видами девиантного поведения.

Цель статьи:

1. Краткое подведение итогов практической, научно-практической и теоретической работы автора за 1969-2019 годы в сфере диагностики, организации и осуществления профилактики и коррекции детей с различными формами и видами девиантного поведения, с точки зрения субъектно-рефлексивного анализа и взгляда на проблему.

2. Обоснование применения метода диалектической девиантологии (Бурчевский С.В. 2009 г.) не только к прогнозу развитию общества и анализа его критических девиаций в современную эпоху, но и к деятельности по профилактике и коррекции девиантного поведения детей и молодежи

Изложение основного материала исследования. Педагогу, работающему с особенными детьми, подростками с девиантным поведением, жизненно важно и необходимо оптимистическое восприятие и «осмысление перспектив общественного развития человечества, как значимого компонента эффективной педагогической и психолого-педагогической коррекции» (К.О. Чедия, 2019 г.).

Понять закономерности прошлого, настоящего и, более того, будущего человеческой цивилизации в целом, сущность и методы системного решения актуальных проблем подрастающего поколения, особенно детей с различными формами девиантного поведения и ограничениями психического и физического здоровья в частности, возможно, с нашей точки зрения, лишь на основе диалектической методологии. Особенно это оправдано и актуально в начавшийся кризис Российского общества и развитых стран, находящихся на вершине пирамиды социальной эволюции в XX и первой четверти XXI века. По мнению К.О. Чедия, кризис перехода мирового сообщества в качественно новое состояние и на более высокий уровень развития, в том числе в России, продлится с 2019 по 2029 год.

С целью объективного анализа путей и способов решения актуальных проблем трансформации социальной, экономической, духовно-культурной и политической сфер общества в целом (и в разрешении проблем воспитания, профилактики и коррекции, социальной адаптации детей и молодежи в частности) автором был применен метод диалектической девиантологии (2009), основанный на диалектической методологии.

Мы разделяем точку зрения К.О. Чедия о том, что диалектическая методология – это способ осмысления причинно-следственных отношений эволюции материи, основанный на принципе внутренней детерминации (вне влияния извне чьего бы то ни было сверх сознания.

Опираясь на диалектический метод и применение законов диалектики в гносеологии, преодолевается ограниченность и односторонность современной теоретической конструкции общественного развития.

Метод диалектической девиантологии позволил автору в 2006-2019 годы, апробировать вариативную (от индивидуальной работы с ребенком) научно-практическую модель профилактики и коррекции девиантного поведения. Её основные компоненты:

1) диалектическая концепция модели, определяющая стратегию решения поставленных ею задач, опирающаяся на социально-культурную ситуацию региона, социальную ситуацию развития личности субъекта коррекции и профилактики поведения;

2) длительная системная персонифицированная работа по сопровождению от 1 года до 5 лет, до позитивного результата коррекции и профилактики или наступления совершеннолетия (для сирот с ОВЗ 7 и 8 вида до 23 лет);

3) динамический мониторинг наблюдений и работы по коррекции поведения; трехступенчатая программа индивидуального сопровождения и социального контроля девианта и подростковых неформальных групп;

4) динамический мониторинг значимой социальной среды, где проживают и взаимодействуют друг с другом подростки с девиациями поведения;

5) мониторинг и программа работы с неформальными лидерами по маршруту их сопровождения, развития и поддержки их социально-позитивной успешности совместно с волонтерами и наставниками или специалистом службы психолого-педагогического и социально-педагогического сопровождения.

При необходимости создается программа и осуществляется пошаговый лонгитюдный динамический мониторинг развития успешности для дезадаптированных и неуспешных детей и подростков (с различными видами патохарактерологических акцентуаций (по А.Е. Личко) и психопатологическими отклонениями (по П.Б. Ганнушкину и О.В. Кербикову).

Диалектически обоснованная научно-практическая модель профилактики и коррекции девиантного поведения и допустимых искажений развития ребенка как субъекта коррекции поведения и развития, находится в контексте, симметричной эволюционной динамики общественного сознания и общественного бытия, находящихся в двусторонней диалектической взаимосвязи с постадийно, пофазово и поэтапно изменяющимися взаимными приоритетами гносеологических и онтологических противоположностей (по К.О. Чедия).

Следует отметить, что деятельностной программе поведения и поведенческих программ человека как вида, противоречат поведенческие задачи, которые в условиях конфликтной и экологически неблагоприятной биосферы (что уже стало очевидным мировой науке сегодня) либо блокируют деятельность, либо делают её рискованной. В такой ситуации предкризисного и кризисного развития цивилизации и происходит жизнь и непрерывная адаптация детей и подростков, и их семей к окружающей среде и социально-экономическим реалиям действительности на всех ее уровнях.

Раздираемое противоречиями времени кризиса перехода на новый уровень развития, российское общество имеет, как никогда сложные взаимоотношения в мире. Налицо «дрейф» (термин автора) и затем трансформация нормы в антинорму, особенно в сфере социально-экономических, культурно-нравственных и духовных взаимоотношений. Сегодня же ожидаемо происходит обратный дрейф нормы, ее качественное изменение, отрицание противоположности и трансформация антинормы в норму, но на более высоком уровне развития.

Не выработав по своей «младости» иммунитет от чужой и до этого десятилетиями противопоставляемой нам морали, права, норм поведения, культуры и самого способа существования (*modus vivendi*), мы до сих пор не приобрели собственного лица, балансируя на опасной грани потери своей многонациональной идентичности. Состояние расслоения и ценностного мировоззренческого кризиса общественного сознания и морали вызвало такую массу идеологических, социально-экономических, межличностных и внутри личностных

проблем, что в этом многообразии вызовов и рисков трансформации не могут до сих пор разобраться не только правящие элиты, но российское, прежде всего активно формирующееся и все более авторитетное по мере развития кризиса перехода, гражданское общество.

В такие периоды, как показывает исторический опыт России и других постсоветских и социалистических стран, еще сильнее страдают и дезориентируются и дезадаптируются дети и молодежь, потерявшие и не получившие образцы и нормы морали и поведения, жизненные цели и перспективы на будущее.

На преодоление этого кризиса отставания от наиболее развитых стран мира, направлена и президентская программа развития и прорыва к новому более высокому по качеству жизни, гуманизму и социальной справедливости обществу до 2025 года в частности, и в XXI веке в перспективе.

Нашими отечественными учеными продолжают исследоваться причины массового появления детей с новыми и «старыми новыми» (забытыми с 1918-1934 и 1941-1947 годов XX века) видами и формами девиантного и делинквентного поведения: от безнадзорности, беспризорности и бродяжничества и до новых видов девиаций от граффити, детской проституции и порнографии, детского гомосексуализма, других сексуальных перверсий, детского пивного алкоголизма до наркомании и токсикомании, игровой и компьютерной зависимости и других форм аддиктивного поведения). Вернулись времена, когда стране и детям стали вновь нужны новые Макаренко и Шацкие, Кащенко и Фельдштейны, Выготские и Леонтьевы.

Это подтверждают и многочисленные диссертационные исследования отечественных психологов, социальных педагогов, юристов и правоведов в этот период (С.А. Беличева, 1989; Ю.А. Клейберг, 1999; М.А. Ковальчук, 2003; М.А. Львова, 2003; А.В. Гоголева, 2004; А.В. Ковальчук, 2005; Ю.М. Кудрявцев, 2003, и др.).

Вновь подтвердился уже второй раз в нашей отечественной истории последних ста лет, прогноз одного из основателей мировой социологии и социальной психологии Э. Дюркгейма (1858-1917), впервые сделанный накануне событий 1917 года в России, дополненный впоследствии его последователем и учеником Р. Мертоном. Говорится о том, что в обществе, где старые нормы разрушены, имеются слабое согласие, недостаток веры в ценности и цели. Происходит, таким образом, утрата старых норм и правил, правовых и нравственных рамок (нравственных, т.е. острых внутри личностных конфликтов). В таком обществе наступает состояние аномии (безнормности). Этот вывод, верный для 1917 года, в 1991-1992 годах, поразил автора, своей точностью и объективностью. Этот постулат социологии и социальной психологии дает и сегодня общественным наукам методологическую базу для понимания и исправления ситуации.

По убеждению автора, основывающегося на полувековом опыте научных и научно-практических исследований (в США, Франции, Германии, Швейцарии, Великобритании и других странах), именно безнормность провоцирует в стране рост и возникновение социально-девиантного, и противоправного и прогрессию криминального поведения молодежи. Убедительно подтвердили это исследования под руководством академиков И.П. Смирнова и Е.В. Ткаченко на базе масштабного Всероссийского социологического опроса учащихся и преподавателей учреждений профтехобразования в 2001-2002 годах. Опросы, проведенные нами совместно с К.О. Чедия, в школе-интернате для детей сирот с отклонениями в развитии и поведении в Москве, а также в спецшколах открытого и закрытого типа для подростков правонарушителей и детей с девиантным поведением в 2006-2015 годах, подтверждают присутствие нестабильности рамок нормы поведения подростков, их «шатающуюся ориентацию» поведения (по Г. Миньковскому), наличие у большинства исследуемых доконвенционного и предконвенционного уровня развития морали (по Л. Кольбергу). Причинами такого поведения могут выступать, например, болезнь родителей и невозможность купить им лекарство, отсутствие полноценной еды, желание понравиться

неформальному лидеру группы и заработать «авторитет», повысить свой социальный статус и проч.

Подтверждается это и последним масштабным исследованием 39 тысяч подростков и юношей (и 35,6 тысяч результатов ответов, остальные же получили ключи доступа, были у компьютера и не смогли или не захотели отвечать даже анонимно в онлайн режиме без присутствия взрослых, что также является поводом для дополнительного исследования причин такого поведения в регионе), проведенное силами психологов и экспертов российской онлайн-диагностической системы «Профконтур» (с участием автора, как психолога и эксперта «Профконтур» по девиантному поведению) по угрозе наркотизации и аддиктивному поведению детей и молодежи с 13 лет, в республике Бурятия в 2018 году. Оно проведено как было сказано выше методом анонимной онлайн-диагностики и анонимного социологического опроса с дополнительным анонимным тестированием и шкалой лжи по проявлениям психической неустойчивости и рисков детских суицидов в 357 школ и учебных заведениях в целом в республике и дополнительно по заказу в ряде школ ее столицы Улан Уде (экспертное заключение и выступление автора по итогам исследования было представлено участникам межрегионального Байкальского форума по образования в 2018 году и будет частично представлено для обсуждения на одном из круглых столов Ялтинской международной конференции в октябре 2019).

Анализируя полувековой опыт работы с детьми-девиантами и детей с ОВЗ, автор исходит из особенностей того или иного периода в жизни общества, на основе выводов диалектического исследования К.О. Чедия и применительно к тому промежутку времени, в котором этот опыт приобретался.

В 1969-1991 году работа по профилактике, сопровождению детей и коррекции их поведенческих девиаций, проходила в период, который сегодня носит название «глобально-региональный постклассовый (командно-административный) социализм», симметричный государственной пред рабовладельческой общине (но с противоположной направленностью).

Проблема девиантного поведения, биологической и социальной адаптации и коррекции являлась актуальной, и в упомянутый выше период. Как справедливо отмечает М.А. Ковальчук (2002) существовало и существует три направления в организации профилактики девиантного поведения детей и молодежи:

- «средовое направление», связанное с взаимодействием с социальной средой;
- «клинико-биологическое» направление, представители которого исследуют роль генетического и наследственного влияния. В последнем случае основное направление в профилактике и коррекции реализация направлено на проведение медицинских и психологических воздействий и мер.

- «лично ориентированное», оно изучает и объясняет возникновение девиантного поведения действием совокупности факторов, имеющих социальную, биологическую, психологическую природу. Странниками и последователями этого направления были и другие отечественные ученые, и практики (Б.С. Братусь, М.И. Буянов, Р.В. Овчарова и др.). Такой подход дает возможность оптимально и вариативно организовывать работу по диагностике, классификации, профилактике и коррекции, расширяет возможности индивидуального и группового сопровождения, как личности ребенка, так и группы подростков и молодежи с девиациями поведения различного или смешанного (сочетанного) генеза, как специалистам требуемого профиля, так и группы и коллектива специалистов и организованной системы профилактики со стороны государственных и социальных институтов общества.

Субъект-рефлексивный анализ девиантного детства, юности и личного опыта автора по самоадаптации, самовоспитанию, само коррекции и работе с девиантными подростками в 1969-1991 годы.

Автор в дошкольном возрасте остался без родительской опеки, заботы и воспитания (пятилетним ребенком был увезен от родителей из Новокузнецка в Ставрополь и воспитывался у родственников и не видел родителей с 5 до 17 лет). В 1991 году официально

реабилитирован государством, как пострадавший от государственных репрессий по факту рождения в семье, где отец «враг народа», а мать ссыльная по национальному признаку и дворянскому происхождению).

Как автору стало понятно спустя много лет, он подвергся длительной материнской и семейной депривации (А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых 2005). В связи с этим автор имел и до сих пор имеет, редкую для психолога и девиантолога возможность интроспекции и анализа собственного детства и юности, само рефлексии, исходя из собственного жизненного опыта и накопившегося опыта социальной адаптации и самовоспитания.

В 1969 г. состоялось после 12 лет депривации, по сути, «знакомство» с родителями в Сибири. Параллельно с этим в 1969 году, началась и разно уровневая практическая, а через 9 лет и научно-практическая работа с трудновоспитуемыми детьми. Эта деятельность по профилактике девиантного поведения началась в качестве внештатного инспектора детской комнаты милиции в Новокузнецке и как «шефа комсомольца» за закрепленными райкомом комсомола трудными детьми, стоящими на учете в милиции за асоциальное и даже делинквентное поведение. Благодаря эффективной работе с несовершеннолетними и тому, что поведение «подшефных» детей значительно улучшилось, а трое из них были сняты с учета в милиции, в 1969 году, 18 летнему юноше в райкоме комсомола и исполкоме доверили взять «на поруки», сбежавшего с Горнозаводской спецшколы Кемеровской области Вадима П. 1955 г.р.

Этот несовершеннолетний подросток, незадолго перед этим украл несколько десятков книг из библиотеки. В наказание был определен решением КДН города в спецшколу для исправления поведения. 14-летний подросток был безнадзорным и жил практически один в родительской квартире с постоянно отсутствующей матерью. Автору, только что вышедшему из трудного подросткового возраста, доверили практически неформальное опекунство. Родители «шефа», разрешили подростку жить у себя в квартире, чтобы автор мог взять под индивидуально-социальный контроль, сопровождение, поддержку и коррекцию поведения подростка. Стали с ним проводить совместный досуг, участвовать в рейдах комсомольского оперативного отряда с целью профилактики правонарушений несовершеннолетних, совместно с его сверстниками. Многие из них были знакомы подшефному подростку и помощнику, и в течении полугода с его помощью, стали членами оперативного комсомольского отряда Центрального РК ВЛКСМ Новокузнецка.

Уникально для опыта нашего исследования и до сих пор актуально, что из 23 человек нашего комсомольского оперативного отряда – 15 человек, были «трудновоспитуемыми», а лидером (наставником и другом) был только один совершеннолетний автор.

Большинство из них стояли на учете в детской комнате милиции (и по нашему ходатайству через год были сняты по результатам коррекционно-профилактической работы). Бывшие «трудные» подростки помогали сотрудникам уголовного розыска «ловить» карманников на общественном автотранспорте, работникам ОБХСС спекулянтов на вещевых рынках, дежурили в кинотеатрах и на танцевальных вечерах в городе, участвовали в рейдах по профилактике безнадзорности и бродяжничества. А также ходили в походы, где жили в палатках, готовили себе пищу, купались, загорали, пели у костра песни бардов под гитару. Вадим П, так же через год был снят с учета в детской комнате милиции, а через три года ушел в армию. В 1975 году, возмужавший и повзрослевший бывший трудный подросток Вадим П., уже отслуживший в армии, провожал своего бывшего «шефа», а теперь приятеля и друга на действительную военную срочную службу, после окончания им института. Впоследствии Вадим получил специальность строителя и затем рабочего металлурга, женился. Сегодня имеет двоих детей. Живет в Новокузнецке.

Плодотворная и энергичная работа с подростками продолжилась в комсомоле, когда после окончания вечерней школы рабочей молодежи в 1970 г. автор поступил на очное отделение ЕГФ Новокузнецкого государственного пединститута.

Сегодня многолетний опыт автора позволяет обоснованно судить о том, что нормы подростковой группы (и особенно группы детей с девиациями поведения, искаженной

самоидентификацией и не успешностью) как правило, преобладают над моральными и даже правовыми общественными установками. При этом установление позитивного целевого лидерства в формально-неформальной группе девиантных подростков помогает в интериоризации ими социальных норм, позволяет использовать присущую подростковому возрасту предрасположенность к реакции группирования для транслирования лидером мировоззренческих и нравственных ценностей.

Автору эта работа с позиции лидера, старшего и наставника «трудных» помогла самому скорректировать последствия родительской и материнской депривации. Продолжая работу с «трудными» подростками, организовать и руководить первым в Сибири экспериментальным комсомольским штабом ЦК ВЛКСМ по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних в Новокузнецке в 1977-1979 годах. В 1977-1992 годах работать со-руководителем лаборатории по профилактике правонарушений несовершеннолетних Академии педагогических наук СССР (в 1991-1992 со своим учителем, профессором выдающимся отечественным психологом Д.И. Фельдштейном).

Региональный компонент. Ставропольский край, Ставрополь.

По мнению профессора Е.Ю. Пряжниковой (2011-2018 годы), сегодня особенно актуальна не только «классическая профориентация» и профконсультирование старшеклассников и оптантов (по Е.А. Климову), но и ранняя профориентации детей и подростков с младшего школьного возраста и раньше.

Интересен с этой точки зрения более чем полувековой успешный опыт трудового воспитания в Ставропольском крае, прежде всего широко известных в стране и за ее пределами, ученических производственных бригад при школах (летом и в зимние каникулы, ежегодно действует 229 трудовых объединений старшеклассников во всех сельских районах края). Работает успешно, хотя и с недостатком контингента учащихся из ряда школ города (объяснение этому в существующем упущении законодательной базы в РФ, о чем пойдет речь ниже) и межшкольный учебно-производственный комбинат управления образования города Ставрополя (о чем убедительно свидетельствует представительный научно-практический международный форум, посвященный трудовому воспитанию детей в семье и школе на базе НОК «Российская семья»), проведенный в Ставрополе в 2017 году. Был затронут нами и позитивный опыт работы в МУПК г. Ставрополя. В целом из 1112 городов с имевшимися в них ранее УПК, осталось 9 городов страны, где эти МУПК успешно функционируют, включая Ставрополь. Объясняется такое удручающее положение дел с профориентацией на межшкольном и государственном уровне тем, что в ФЗ Р.Ф. «О народном образовании» от 2012 г., профориентация и учеба в УПК добровольны, т.е. не обязательны для учащихся и все вопросы по профориентации отданы на усмотрение школ. Результаты этого упущения налицо. Трудовое воспитание, как, впрочем, и все воспитание, по-прежнему, не вернулись в образование и не представлены должным образом в школьных учебных заведениях страны.

В 2019 текущем году (и до 2029 г.) мы вступаем в качественно новое состояние (пока еще перспективное «завтра») планетарное (командно-административное) государственно-общественное управление (9 стадия социальной эволюции по К.О. Чедия), симметричное племенной первобытной общине.

На диалектической основе и анализе качественного состояния общества в эти годы, пришла идея, а затем и возможность построения вариативных Моделей и программ социальной адаптации и сопровождения, эффективной индивидуальной и групповой и социальной профилактики девиантного поведения детей и молодежи на всех уровнях их осуществления

Аннотация. Впервые проблема диагностики, профилактики и коррекции девиантного поведения в стране и мире, создание и реализации на практике региональных и национальной моделей её эффективного социального сопровождения и социального контроля и других компонентов, рассматривается автором с диаметрально противоположных методов анализа: субъект-рефлексивного и метода диалектической

девиантологии, как неразрывной и неотъемлемой части диалектической методологии, всеобъемлющего способа познания живой материи и преобразования окружающего мира в целом и человеческого общества в частности.

Выводы. Метод диалектической девиантологии как только зарождающаяся новая отрасль научного познания (по предложению автора: «Диалектическая девиантология») рассматривается автором в качестве концепции выявления причинно-следственных оснований, многообразия и целенаправленности профилактики и коррекции девиантного поведения детей и молодежи во всем его многообразии. Показывается обоснованность и целесообразность вариативности региональных и общероссийской моделей диагностики, профилактики и коррекции всех типов, видов и форм девиантного поведения на принципе внутренней детерминации. На основе применения законов диалектики открывается возможность, полноценного выявления не только онтологических (что частично осуществлено в теоретическом марксизме), но также и гносеологических противоположностей (в частности, социальной) эволюции живой материи.

Для психологии эти выводы значимы обретением понимания, что эволюция сознания представляет собой развитие, кульминацию и обязательно изживание системы взаимопротиворечащих (прагматических /природных и общественных/ непрагматических, дедуктивных и индуктивных) эмоциональных ценностей и рациональных идей. Этот вывод, является оптимистическим обоснованием перспективного завершения социальной эволюции с переходом в новое, гуманистически-созидательное, качество развития.

Автор, на основании выводов многолетнего изучения Общества и Человека, убежден, что в будущем метод диалектической девиантологии трансформируется в новую отрасль научного познания окружающего мира, в диалектическую девиантологию, как отдельное направление в науке.

Ключевые слова. Диалектическая методология; метод диалектической девиантологии; законы диалектики; диалектическая девиантология; гносеологические и онтологические противоположности социальной эволюции; девиант; материнская и родительская депривация; дезадаптация и дезадаптация; аддиктивное поведение: наркомания и токсикомания, компьютерная и игровая зависимости; неуспешность и успешность подростка в референтной деятельности, в культурно досуговой среде, в общении со сверстниками; профориентация, ранняя профориентация и самоопределение; уровень и степень морального созревания (по Л. Кольбергу), до конвенционная, пред конвенционная и конвенционная мораль; коррекция и профилактика; модели комплексной вариативной коррекции и трехуровневая система сопровождения коррекции и социального контроля несовершеннолетнего девианта и делинквента; вариативность подхода к профилактике и коррекции девиаций поведения; самоадаптация, рефлексия и самовоспитание; реакция группирования подростков, групповые нормы, их примат над внешними нормами, навязываемых обществом; интериоризация подростком внешних социально-правовых норм морали во внутри личностные нравственные приоритеты личности.

Литература:

1. Бурчевский С.В. Психологические особенности девиантного поведения учащихся Психология образования. Материалы 2 Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / С.В. Бурчевский. – Славянск на Кубани Издательский центр СГПИ. 2008. – С. 180-183.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социальный этюд / Э. Дюркгейм. – М. Просвещение, 1994. – С. 12-17.
3. Девиантология. Хрестоматия. Под редакцией Ю.А. Клейберга / Девиантология. Хрестоматия. – СПб: Речь, 2007. – С. 24-341.
4. Прихожан А. М. Толстых Н. Н. Психология сиротства / А.М. Прихожан, Н.Н.Толстых. – М. Питер, 2005. – С. 16-19.

5. Фельдштейн Д. И. Психология развивающейся личности /Д. И. Фельдштейн. – М.: Воронеж Просвещение, 1996. – С. 23-79.
6. Чедия К.О. Диалектика и Эволюция биосферы / К. О. Чедия. Тверь, СФК-офис. 2008. – С. 15-19.
7. Чедия К.О. Диалектика и эволюция ноосферы / К.О. Чедия. Тверь, СФК-офис. 2011. – С. 23- 31; 117-121.

УДК: 364.044.43

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ, ДЕТЕЙ И ЛИЦ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Гришко Ирина Вильямовна,

старший преподаватель кафедры
социально-педагогических технологий и педагогики девиантного поведения
Гуманитарно-педагогической академии (филиала)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Российская Федерация, г. Ялта

Постановка проблемы. Проявление девиаций в детской и семейной среде приобрело в Российской Федерации значительное распространение, поэтому кроме традиционных мер наказания, которые не всегда эффективны, необходим комплекс предупредительных мер и системный подход к их реализации, к числу которых относится создание функциональной системы межведомственного взаимодействия субъектов социальной профилактики.

Цель статьи: характеристика модели взаимодействия субъектов профилактики девиантного поведения в процессе раннего выявления и социального сопровождения семей и детей, и лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Изложение основного материала исследования. Для построения модели взаимодействия необходимо описание сценария реализации профессиональных функций субъектами профилактики девиантного поведения в процессе социального сопровождения семей и детей и лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. При этом, в условиях Республики Крым, важно учитывать накопленный богатый опыт раннего выявления семей, детей и лиц, указанной категории, и организации их комплексного социального сопровождения, что является наиболее эффективной технологией профилактики девиаций детей [2]. Важно, что выявление семей, детей и лиц, нуждающихся в социальной поддержке, чаще всего происходит на этапе создания социально-опасного положения, когда необходима срочная реабилитация, а не предупредительная (профилактическая) работа. Внедрение действенных программ, направленных на своевременную поддержку семей, детей и лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, является одним из инструментов реализации государственной семейной политики и возможно только при условии комплексного, системного нормативно-определенного межведомственного взаимодействия. Основным нормативно-правовым актом организации межведомственного взаимодействия является документ, определяющий порядок указанного взаимодействия с распределением функций и сроков реализации тех или иных профессиональных действий субъектов профилактики девиантного поведения.

Субъектами межведомственного взаимодействия в процессе профилактики девиантного поведения детей на территории Республики Крым являются органы полиции по делам несовершеннолетних, учреждения исполнения наказаний, комиссии и управления по делам несовершеннолетних и защите их прав, республиканский, городские и районные Центры социальных служб для семьи, детей и молодежи, управления и отделы образования,

управления и отделы социальной защиты населения, управления и отделы по делам семьи, молодежи и спорта, управления и отделы культуры, учреждения дополнительного образования. Кроме этого, организационную структуру межведомственного взаимодействия нужно дополнить государственными бюджетными заведениями Республики Крым: Центр социальной поддержки семей, детей и молодежи, для детей и молодежи, Центр социальной адаптации и др. Для организации и регулирования всех направлений межведомственного взаимодействия, комплексного решения проблем семьи, ребенка или лица, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, необходимо создание организационно-структурного образования совещательного типа (далее совещательный орган), в состав которого входят руководители учреждений, служб и организаций – субъектов профилактики. Следует отметить, что функции организации и регулирования межведомственного взаимодействия может осуществлять любой из субъектов профилактики. Кроме этого, один из указанных субъектов должен обладать полномочиями администратора банка данных семей, детей и лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

На заседаниях совещательного органа рассматриваются материалы о положении семьи, ребенка или лица, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (заявление, акт обследования жилищно-бытовых условий). Большинство голосов принимается решение о взятии семьи под социальное сопровождение или отсутствие такой необходимости, и распределяются функции каждого субъекта по решению трудной жизненной ситуации, после чего центром социальных служб для семьи, детей и молодежи заводится учетная карточка установленного образца. Кроме этого, разрабатывается общий план социального сопровождения, устанавливается срок осуществления социального сопровождения. При необходимости дело рассматривается на заседании совещательного органа повторно и решается вопрос о продлении или прекращения социального сопровождения.

Управления (отделы) по делам семьи, молодежи и спорта организуют оздоровление и отдых детей и молодежи из семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; способствуют трудоустройству и занятости членов семей, обращаются с ходатайством в другие структурные подразделения органов государственной и муниципальной власти, предприятий, учреждений, организаций с целью содействия в предоставлении необходимой помощи семьям, детям и лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; способствуют решению вопроса о предоставлении гражданам обозначенной категории материальной (денежной или натуральной) помощи.

Управления и отделы по делам несовершеннолетних и защите их прав сообщают центрам социальных служб для семьи, детей и молодежи об обнаружении семей с детьми, где есть случаи насилия в семье, жестокого обращения с детьми или реальной угрозы его совершения и тому подобное; ставят вопрос об изъятии ребенка из семьи при непосредственной угрозе его жизни и здоровью, в случае необходимости – о назначения опекуна (попечителя), временное устройство ребенка, передачу в приемную семью, детский дом семейного типа, интернатные учреждения; принимают меры по защите жилищных и прав детей; осуществляют совместно с центрами социальных служб для семьи, детей и молодежи социальное инспектирование семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации участвуют в судебных заседаниях по рассмотрению дел, по которым проходят несовершеннолетние, предоставляют судам информацию об их социальном положении.

На территории Республики Крым функционируют центры социальных служб для семьи, детей и молодежи, штат которых укомплектован специалистами по социальной работе, количество которых определено в соответствии с численностью населения городов и районов из расчета 1 специалист по социальной работе для работы в сельской местности с населением до 2000 человек и 1 специалист по социальной работе – до 6000 человек городского населения. Введение должностей специалистов по социальной работе позволило перейти к более конкретной адресной помощи и предоставлению социальных услуг (психологических, социально-педагогических, юридических, информационных, социально-экономических, социально-медицинских), которые отвечают потребностям конкретного

человека, помогут решать насущные вопросы непосредственно на местах, так как социальные услуги максимально приближены к их получателям. Благодаря тому, что специалисты работают в определенных территориальных единицах, социальные услуги стали доступнее: каждый нуждающийся житель района со своими проблемами имеет возможность обратиться непосредственно к «своему» специалисту по социальной работе по месту жительства. Кроме этого, потенциал института специалистов социальной работы широко используется в профессиональной подготовке будущих социальных педагогов и педагогов-психологов, реализуемой на базовых кафедрах, организованных образовательными организациями высшего образования и центрами социальных служб для семьи, детей и молодежи Республики Крым. Богатый опыт социально-педагогической работы с семьями, детьми и лицами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, позволяет наиболее эффективно внедрять технологии знаково-контекстного обучения будущих специалистов социологического профиля [1].

Основной «фирменной» услугой центров социальных служб традиционно являлось социальное сопровождение семей, детей и лиц, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах. Поэтому, в структуре межведомственного взаимодействия, за центрами социальных служб для семьи, детей и молодежи закреплены следующие функции: координация осуществления социального сопровождения семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации; инициирование заседаний совещательного органа путем направления соответствующих материалов об обнаружении семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации; подготовка материалов к личному делу семьи на заседание совещательного органа; осуществление комплексной диагностики семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе обязательное социальное инспектирование; обеспечение системного учета семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации, путем формирования соответствующего банка данных; разработка совместно с семьей и лицами, которые оказались в трудной жизненной ситуации, план сопровождения; осуществление социального сопровождения семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации, путем предоставления ее членам комплекса адресных социальных услуг как необходимой поддержки, помощи и самопомощи; информирование управлений и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав о случаях жестокого обращения с детьми или реальной угрозы его совершения, представление в случае необходимости интересов членов семей, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в суде, распространение социальной рекламы услуг различным типам семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

Управления (отделы) здравоохранения участвуют в работе совещательного органа; сообщают центрам социальных служб для семьи, детей и молодежи об обнаружении семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации; оказывают медицинскую и медико-консультативную помощь и обеспечивают по направлению центра социальных служб для семьи, детей и молодежи консультирование медработниками в учреждениях здоровья семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации; способствуют распространению в учреждениях здравоохранения социальной рекламы по вопросам здорового образа жизни и ответственного родительства; обеспечивают санаторное лечение детей из семей, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в санаторных заведениях системы здравоохранения при наличии медицинских показаний для санаторно-курортного лечения; при необходимости привлекаются к инспектированию семей, семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации; информируют территориальные центры социальных служб для семьи, детей и молодежи о семье, родителей или лиц, их заменяющих, имеют длительную болезнь, мешает им выполнять свои родительские обязанности, или нарушают права и ограничивают законные интересы ребенка, уклоняются или не выполняют родительские обязанности в связи со злоупотреблением алкоголя, употреблением наркотических средств, психотропных веществ.

Управления (отделы) образования образовательные организации дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования участвуют в работе совещательного органа; сообщают центрам социальных служб для семьи, детей и молодежи об обнаружении семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации; ведут внутренний учет детей, требуют усиленного внимания со стороны педагога, социального педагога, и информируют об этом органы по делам несовершеннолетних и центры социальных служб для семьи, детей и молодежи; обеспечивают психолого-педагогическую работу с семьями, детьми, которые оказались в трудной жизненной ситуации; могут создавать при образовательных организациях объединения родителей, педагогов, общественности по обеспечению педагогического воздействия на детей из семей, которые оказались в трудной жизненной ситуации, и склонных к противоправным действиям, привлекают к этой работе специалистов по социальной работе центров социальных служб для семьи, детей и молодежи; проводят профилактическую и просветительскую работу с детьми, подростками, молодежью, склонными к правонарушениям, из числа семей, которые оказались в трудной жизненной ситуации, контролируют посещение ими учебных заведений и качество обучения; проводят неотложные мероприятия по активному привлечению к социально-значимой и культурно-досуговой деятельности. Кроме этого, специалисты управления образования и образовательные организации проводят совместно с центрами социальных служб для семьи, детей и молодежи информационно-профилактические мероприятия, направленные на подготовку молодежи к самостоятельной жизни, формирование ответственного родительства, создание позитивной модели семьи, профилактику жестокого обращения в семьях и тому подобное; привлекают работников образования к социальному инспектированию семей, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в которых воспитываются дети школьного возраста; способствуют распространению в образовательных организациях социальной рекламы по формированию навыков здорового образа жизни.

Органы труда и социальной защиты населения: по приглашению участвуют в работе совещательного органа; сообщают центрам социальных служб для семьи, детей и молодежи об обнаружении семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации; способствуют трудоустройству трудоспособных членов семей данной категории по ходатайству управлений по делам семьи, молодежи и спорта, центров социальных служб для семьи, детей и молодежи; рассматривают вне ходатайства управлений по делам семьи, молодежи и спорта, центров социальных служб для семьи, детей и молодежи дела лиц из числа семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации, при назначении государственной помощи, субсидий тому подобное; способствуют привлечению к оплачиваемым общественным работам лиц из числа семей, находящихся под социальным сопровождением центров социальных служб для семьи, детей и молодежи; способствуют распространению информации о предоставлении социальных услуг детям, молодежи, различным категориям семей.

Органы полиции: по приглашению участвуют в работе совещательного органа; присылают центрам социальных служб для семьи, детей и молодежи сведения об обнаружении семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации, способствуют распространению информации о предоставлении социальных услуг детям, молодежи, различным категориям семей; организуют и контролируют при районных отделах полиции совместно с центрами социальных служб для семьи, детей и молодежи профилактическую и просветительскую работу с несовершеннолетними, молодежью, склонными к правонарушениям, из числа семей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, и их родителями; принимают меры, направленные на своевременное выявление лиц, склонных к совершению насилия в семье, и детей, в отношении которых совершено насилие или угроза его совершения, и информируют об этих лицах центры социальных служб для семьи, детей и молодежи, органы по делам несовершеннолетних и защите их прав; осуществляют первичное исследование поведения, проблем и личности

несовершеннолетних, осужденных к наказаниям в виде общественных работ, исправительных работ, освобожденных от отбывания наказания, и их семей и передают материалы в центры социальных служб для семьи, детей и молодежи и уголовно-исполнительной инспекции; собирают и обобщают информацию о лицах, которые вовлекают несовершеннолетних в преступную деятельность; оказывают помощь органам образования и здравоохранения в подготовке соответствующих документов по оформлению личных дел несовершеннолетних, направляемых в специальные учреждения; осуществляют контроль за несовершеннолетними, находящимися на учете криминальной полиции по делам несовершеннолетних.

Учреждения исполнения наказаний: по приглашению участвуют в работе совещательного органа; сообщают центрам социальных служб для семьи, детей и молодежи об обнаружении семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации; способствуют распространению рекламы об услугах центров социальных служб для семьи, детей и молодежи среди несовершеннолетних и молодежи, освобождаемых из мест лишения свободы; проводят совместно с центрами социальных служб для семьи, детей и молодежи профилактическую и просветительскую работу с несовершеннолетними и молодежью из числа семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

Выводы. При организации эффективного межведомственного взаимодействия, использовании потенциала института специалистов по социальной работе, деятельность которых максимально приближена к получателю услуг и обеспечивает полный охват населения социальными услугами, возможно раннее выявление семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации и недопущение создания социально опасной ситуации. Указанная ситуация чаще всего свидетельствует о разрушении семьи и существовании реального риска для жизни и здоровья ребенка и других членов семьи. Важно заметить, что раннее выявление семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации, способствует сохранению функциональности семьи и самой возможности для ребенка воспитания в семье. Поэтому требует дополнительного изучения и масштабирования качественный опыт социального сопровождения семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации, накопленный субъектами социальной работы в Республике Крым.

Аннотация. На основании обобщения опыта взаимодействия субъектов профилактики девиантного поведения в Республике Крым в процессе социального сопровождения семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации, проводится описание региональной модели указанного взаимодействия. Рассматривается потенциал субъектов социальной работы Республики Крым в масштабировании модели взаимодействия при раннем выявлении и социальном сопровождении семей, детей и лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: междисциплинарное взаимодействие, социальное сопровождение, трудная жизненная ситуация, социально-опасное положение, дети, семьи, девиантное поведение.

Annotation. Based on the generalization of the experience of interaction between the subjects of prevention of deviant behavior of social work in the Republic of Crimea in the process of social support for families, children and people who are in difficult situations, the subjects accumulated describe the regional model of this interaction. The potential of the subjects of social work of the Republic of Crimea in scaling up the model of interaction with the early identification and social support of families, children and people who are in difficult situations is considered.

Key words: interdisciplinary interaction, social support, difficult life situation, socially dangerous situation, children, families, deviant behavior.

Литература:

1. Гришко, И.В. Использование инновационной образовательной технологии знаково-контекстного обучения как условие формирования эмпатийной культуры будущего социального педагога // Гуманитарные науки (г.Ялта). 2016. № 3 (35). С. 122-129.

2. Постанова КМУ від 21 листопада 2011 р. № 895 «Про затвердження Порядку взаємодії суб'єктів соціального супроводу сімей (осіб), які перебувають у складних життєвих обставинах». Електронний ресурс. Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/895-2013-%D0%BF>

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Давыдова Галина Ивановна,
доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры социально-педагогических технологий и
педагогике девиантного поведения,
Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта

Постановка проблемы. С точки зрения социализации, личность является продуктом общества – группы, культуры, истории, космос. Такой социоцентрический подход во главу ставит не межчеловеческое отношение, а нормативное, групповое, о чем образно высказался психолог Жан Пиаже, анализируя, как *дикие звереныши* (дети) постепенно становятся личностями [6]. В целом подобных взглядов придерживались такие крупные исследователи, как Э.Дюркгейм, М.Вебер, Т. Парсонс и другие, интересующиеся проблемой социализации [5].

Социализация – это освоение культурных норм, ценностей, идей, правил поведения, а также стереотипов понимания конкретного сообщества. Социализация связана не только с развитием личности, но и является своеобразным духовным кодированием человека, вырабатывая у него стандартные (типовые, легко распознаваемые и прогнозируемые) социальные формы активности и реагирования. Функциональное значение такого формирующего «вочеловечивания», культивирования способностей, знаний и навыков индивида состоит в том, чтобы подготовить людей к непосредственному сосуществованию, обеспечить их предстоящее тесное взаимодействие в обществе [2].

Известный социальный антрополог Р. Линтон, являющийся одним из основателей теории ролей, ввел понятия «модальной» и «нормативной» личности [4]. Нормативная личность – это та, черты которой лучше всего выражают ценности данной культуры, это как бы идеал *культурной личности*. Вместе с тем, чем более нестабильным становится общество (например, в переходные, транзитивные периоды системных преобразований), тем относительно больше становится людей, социальный тип которых не совпадает с нормативной личностью. Модальная личность выступает как статистически более распространенный тип отклоняющихся от идеала вариаций. В кризисных социально-экономических ситуациях возникают аномии, как нарушения нормального принятого порядка и количество девиаций (это понятие индивидуальных социальных отклонений ввел Э.Дюркгейм, изучая самоубийства) заметно увеличивается.

Роберт Мертон, изучавший отклоняющееся поведение, выделил пять моделей социальной адаптации личности по отношению к выработанным в обществе культурным нормам как механизму социального контроля:

1. Конформную модель адаптации: личность разделяет цели данной культуры и общества и стремится осуществить их легальными, рекомендуемыми средствами.
2. Ритуализм, – человек только соблюдает «правила игры» и ведет себя в соответствии со сложившимися представлениями о допустимых средствах социальных

достижений. В нашем обществе обычно это, так называемая, *семейная карма* детей из слоя российской интеллигенции.

3. Инновационная модель адаптации, характеризующаяся тем, что личность принимает цели сообщества, но стремится их осуществить нетривиальным, еще не признанными и, возможно, неодобряемыми средствами. Эта модель поведения, в частности, распространена в новых стратах *предэлитной части* современного российского общества, которые характеризуются «достигательной» мобильностью, связанной с поиском ресурсов получения прибыли.

4. Эскейпизм, получивший широкое распространение в постиндустриальном обществе среди молодежи (отстранение, уход от социальной реальности в свои экстравагантные миры), отрицающий и доминирующие цели, и рекомендуемые обществом средства их достижения. Эйскепизм как модель «параллельного существования», признание собственной отчужденности по отношению к сложившимся в обществе стереотипам.

5. Мятаж (бунт) является такой формой отклоняющегося поведения, когда общепризнанные цели и средства их достижения воспринимаются со стороны личности амбивалентно (двойственно, неоднозначно, превратно), которая направлена на активное противостояние и опровержение норм общественной организации.

Другая классификация нормативной личности принадлежит Ральфу Дарендорфу, одному из представителей конфликтологического направления в современной социологии:

1. Homo politicus, – человек, участвующий в общественной жизни, в управлении (в отличие от животного или раба).

2. Homo sociologicus – личность, как продукт развития культуры, социальных условий.

3. Homo faber – в традиционном обществе «человек трудящийся», крестьянин, воин, политик – личность, несущая бремя (наделенная важной общественной функцией).

4. Homo consumer – современный потребитель, личность, сформированная массовым обществом.

5. Homo universalis – человек, способный заниматься разными видами деятельности, в концепции К. Маркса – меняющий всевозможные занятия.

6. Homo soveticus – человек, зависящий от государства.

В 1960-е годы социолог из США Дэвид Рисман разработал концепцию «одномерного человека», основываясь на специфике капитализма. Суть ее в том, что путем пропаганды, эксплуатации информационных социальных стереотипов человек усваивает упрощенные схемы черно-белого видения проблем (в России это, например: «коммунисты» и «демократы», «олигархи» и «народ», проч.). Личность приобретает «одномерный» взгляд на происходящее, суждения в плоскости примитивных альтернатив и противостояний, упрощенный аппарат интерпретации.

Парадоксальный вывод делают неомарксисты и неофрейдисты, такие исследователи, как Теодор Адорно, Карен Хорни и другие последователи: «нормальная» личность современного общества – это невротик. В человеческом мире нет ничего объективного, понятие «общества» вообще уже не описывает реальной жизни конкретных индивидов, каждая социальная роль человека заставляет его «играть» в новой системе ценностей, предпочтений и стереотипов (то есть, выходя из дома, в транспорте, на работе, в кафе, магазинах и проч., человеку все время приходится менять ампула и социальные «маски»). При этом его сверх-Я (нормативная структура личности, совесть, мораль, значимая традиция, представления о должном) становится как бы автономным, неопределенным, плюралистичным. Мир предстает как хаос, способ жизни в таком мире – экзистирование, спонтанная игра поэтического мышления.

И.С. Кон, Мелвил Кон и др. уверяют, что современный человек любую роль отвергает, как актер, способный к постоянным социальным перевоплощениям, играющий множество ролей, в то же время ни одну не принимая всерьез. Социальная деструкция в условиях кризисной России сопровождается декультуризацией широких слоев населения,

падением престижа духовности, утратой четкости и определенности в нравственных ориентирах

Распад жестких структур социальности оборачивается неопределенным соотношением сил, борьбой различных ситуативных тенденций, обращением к контрастным нормативным ценностным стандартам, выступающим в качестве реальных жизненных ориентиров для наших соотечественников.

Повышение активности и самостоятельности индивида в процессе личностного становления и расширения возможностей в осуществлении выбора идентификационной модели обуславливают возрастание интереса к проблеме формирования личности в ситуации нормативно-ценностного плюрализма, и требуют привлечения внимания к ее теоретической и методологической разработанности на современном уровне знаний о формировании нормативно-ценностной модели личности в современных условиях, норм и ценностей личностного образца, типичного для общества современной России.

Целью статьи было определение обобщенной ценностной основы региональной личностной парадигмы современника на базе пилотажного исследования, проведенного на контингенте студенческой молодежи.

Эмпирическую базу исследования составили данные анкетирования, опроса, а также письменных работ (эссе) студентов 3-5 курсов ГПА (филиал) КГФУ им. В. И. Вернадского.

Проведен сравнительный анализ исторически устойчивых, широко распространенных нормативных личностных эталонов: *аристократа, крестьянина, буржуа* с нормативной моделью личности современника, что позволило выявить их сходные, а также отличительные признаки.

Изложение основного материала исследования Анализ исторически устойчивых нормативных образцов личности (аристократа, крестьянина, буржуа) продемонстрировал различную степень сохранения их существенных черт в ценностных и нормативных установках наших современников: аристократические ценности избирательно находят свое преломление в ценностных ориентациях определенных социальных групп, в то время как основные черты нормативного эталона буржуа окрасили нормативно-ценностную парадигму современного крестьянина и нашли воплощение в личностном образце предпринимателя.

Воздействие личностного образца «советского человека» на формирование личности современника как универсального для советской эпохи находит выражение в идентичной личностно-ценностной модели с элементами патерналистской парадигмы.

Нормативная личностно-ценностная парадигма связана с направленностью личности, воплощает наиболее предпочтительные представления об эталонах и ценностях, как духовных детерминант и жизненных координат поведения человека. Формирование направленности личности выступает как процесс трансформации нормативных и ценностных культурных идеалов в реальные нормы и ценности, являющиеся жизненными ориентирами для личности путем их отбора, осуществляющегося через рефлексию социально-группового восприятия в соответствии и индивидуальными личностными предпочтениями.

Всякая культура вырабатывает свой культурный идеал личности, придавая ему определенный ценностный статус, однако нормативно-личностное наполнение ценностной парадигмы может вмещать некие вневременные нормы и ценности. Широкий спектр таких ценностей представлен в философии античности и аксиологической системе христианства, в воззрениях гуманистов, возвысивших ценность творческих усилий на пути к личности, как новому интеллектуальному образованию. Оригинальным сочетанием аксиологических традиций и инноваций отмечена социокультурная ситуация технического общества XX века, отраженная в широкой панораме теорий и подходов к проблеме личностного становления, творческие усилия создателей которых обусловили отход от однолинейного рассмотрения личности взамен исследования человека как целостной развивающейся системы.

Составляющими элементами личностно-ценностной парадигмы являются значимые для личности нормативные и ценностные представления, формирующиеся путем отбора из

идеальных социально-групповых норм и ценностей в соответствии с личностными предпочтениями, позволяющие проследить путь ценностных ориентиров в повседневной жизненной практике индивида. Знания и представления личности о себе складывается в ходе intersубъективных отношений с вовлеченными в общее коммуникативное поле *Другими*, т.е. отмечены *печатью* социально-групповых норм и поведенческих стандартов [1].

Традиции и стереотипы, принадлежащие разным историческим эпохам, сближают людей как тождественно преемственных моральных субъектов. Так очевидным является то, что сравнительный анализ характерных черт нормативного образца аристократа, сочетающего в себе ценность благородства происхождения, древность рода, состоятельность, праздность, романтичность и учтивость, щедрость и расточительность, строгое соблюдение правил приличия, и личностной модели современников, демонстрирует тот факт, что аристократические нормы и ценности, преломляющиеся в ценностных ориентациях и поведенческих стандартах современных представителей административной и политической элиты не получили адекватного отражения в нормативно-ценностной парадигме современной личности. Демократизация нормативной системы общества обусловила избирательное восприятие современниками традиций дворянской культуры как нежизнеспособных, не соответствующих требованиям сегодняшнего времени, что привело к недооценке ее ценностей, имеющих непреходящее значение.

Стержневыми чертами нормативного образца личности крестьянина традиционно являлись мастерство и смекалка, трудолюбие и бережливость, а также соборность, консерватизм, приверженность патриархальным нормам морали. С поправкой на воздействие социалистических преобразований советского периода, аналогичные нормативно-ценностные критерии направленности свойственны и для личностной парадигмы современного российского крестьянина. Однако в последние годы наметилась тенденция к сближению наиболее инициативной и трудоспособной части крестьянства с предпринимательством, как одним из самых интенсивных видов социального творчества, в нормативно-ценностной парадигме личности современного крестьянина появились черты, являющиеся продуктом капиталистических отношений, присущие представителям другого социального слоя – буржуа. Ценностные ориентации буржуа были направлены преимущественно на достижение материальных благ, чему способствовали качества трудолюбия, практичности, предприимчивости, инициативы, верность взятому на себя обязательству, бережливость и др.

С XIX века, отмеченного триумфом буржуазии в области социально-экономической и политической жизни, усилились тенденции к дегуманизации и прагматизации ценностной парадигмы буржуа, выраженные в снижении требования к соблюдению правовых и нравственных норм, демократизировался и упрощался деловой этикет, приобретая утилитарно-избирательную направленность, место традиционной бережливости заняло стремление к демонстрации роскоши и др. Все эти новообразования получили отражение в нормативном образце личности современного предпринимателя, получившие широкое распространение в масштабах российского общества постсоветского периода.

По результатам анкетирования, проведенного среди студенческой молодежи, явное предпочтение (75%) отдается нормативному образцу предпринимателя в качестве идентификационной модели.

Духовное становление личности человека в советской России было подчинено персонцентрической цели формирования всесторонне и гармонично развитой личности, за которой на самом деле решались задачи более скромные и прагматичные – подготовки человека к главным социальным ролям работника и гражданина. В силу этого, например, такие качества как личностная индивидуальность, нестандартность мышления, самостоятельность, инициативность не являлись личностными ценностями индивида, заменяясь значимостью единства ценностных ориентаций и стандартизации мышления всех членов сообщества, что выступало условием претворения в жизнь общегосударственных и коллективных целей, исключая реализацию декларируемой социальной активности

личности. Вынужденная адаптация к официально установленным эталонам осуществлялась за счет редуцирования личности к индивидуально повтору культурного стандарта.

Описание нормативного образца личности «советского человека», представленного в эссе студентов, находит отражение в одноименной модели современника, отмеченной не только типичными сходными признаками, такими как: установка на социальное и материальное равенство всех членов социума, апелляция к государству в решении жизненно важных проблем и проч., но и такими особенностями, как: доминирование личных интересов и целей конкретного индивида над государственными, обретение определенной свободы в сущностной реализации и др.

Серьезные изменения в нормативной системе и механизме социальной регуляции в постсоветской России обострили проблему социальной идентичности, побуждая человека к поисковой активности в изменившейся и изменчивой среде нормативно-ценностных инноваций, делающего попытки совместить неизвестные ранее ценности и нормы с прежними укоренившимися в сознании идеалами и представлениями.

Конфликт личностной парадигмы в процессе формирования новой нормативно-ценностной модели личности современника, обусловлен воздействием на этот процесс не только мировоззренческих ориентаций, возникших в условиях техногенной цивилизации, но и множественных, в немалой степени деструктивных факторов, ставших отражением кризисной социокультурной ситуации явлений аномии, девальвации ряда санкций, утраты статусного равновесия, выраженных тенденций к ориентации на эталоны и поведенческие стандарты зарубежной культуры, зачастую механически заимствованные и нуждающиеся в существенной корректировке с учетом специфики российской реальности.

В пределах базового среднего слоя (находящегося между средним и низшим уровнями стратификационной системы общества, в который входят основная часть интеллигенции, технический персонал и крестьянство [3] и возникают конфликтующие личностные образцы, причем наиболее типичными из них принято считать нормативно-ценностные модели «советского человека», «предпринимателя» и «базового маргинала»

Название последней из перечисленных личностных моделей восходит к определениям базового среднего слоя общества [3] и маргинальной личности [7]. Предполагается, что указанная нормативно-личностная парадигма занимает промежуточное положение между вышеупомянутыми нормативными образцами, вступая порождением неразрешимой проблемы самоидентификации: «базовый маргинал» признает сомнительность и даже бесперспективность полноценной сущностной реализации в пределах идентификационной модели, не имея возможности (или желания) руководствоваться иными нормативно-ценностными установками.

Изучение представлений и ценностных установок студенческой молодежи служит отражением специфики трансформации общественной системы ценностей на современном этапе развития и нормативно-личностной парадигмы современной молодежи, ее конфликтный характер направленности личности. Наиболее ценными качествами по результатам проведенного анкетирования студентов являются: рациональность и практицизм, признание значимости достижений науки и техники, престиж образованности и профессионализма, приоритет личных интересов над государственными и коллективными, повышение творческой активности и самостоятельности, предпочтение материальных ценностей духовным, утилитарный подход к интериоризации ценностей (в частности в научной и религиозной сферах), ориентация на повышение социального статуса и материального благосостояния, унификация представлений и трафаретные суждения о явлениях действительности, преимущественное предпочтение западных заимствованных культурных образцов, избирательный характер следования правовым и нравственным нормам.

Выводы. Выявленные в исследовании основные определяющие признаки обобщенной нормативно-ценностной модели современной молодежи, приводит к выводу о наличии в указанной личностной парадигме наряду с конструктивными, общественно-

значимыми качествами негативных черт, проявление (или усиление) которых, во-первых, в значительной мере инициировано воздействием социальных трансформаций последних лет, во-вторых, требует внимания к воспитанию и личностному становлению молодежи, на основе утверждения и возрождения утраченных межлических ценностей. Это возможно при обеспечении свободы ориентации ценностной системы на приоритет человека, создании разумных разделяемых большинством членов общества программ взаимодействий, а также устойчивых нормативно-ценностных координат, которые бы позволили плодотворно влиять на духовный мир воспитанника, ограничивать крайние проявления его социальной активности, способствовать личностному развитию.

Таким образом, региональное исследование нормативно-ценностной модели современной молодежи заставляет делать вывод о том, что во избежание нравственной деградации личности молодежи необходима выработка новых механизмов управления социальными процессами а духовной сфере, задача создания которых ориентирует на исследование философских проблем формирования личности, подчиненное цели личностного самосовершенствования.

Аннотация. Проведенное региональное исследование нормативно-ценностной модели современной молодежи заставляет делать вывод о том, что во избежание нравственной деградации личности, необходима выработка новых механизмов управления социальными процессами в духовной сфере, задача создания которых ориентирует на исследование философских проблем формирования личности, подчиненное цели личностного самосовершенствования.

Ключевые слова: социализация, культурно-нормативная модель личности, нормативно-ценностная личностная парадигма, направленность личности.

Annotation. The regional study of the normative-value model of modern youth leads to the conclusion that in order to avoid moral degradation of the individual, it is necessary to develop new mechanisms of management of social processes and the spiritual sphere, the task of which focuses on the study of philosophical problems of personality formation, subordinated to the goal of personal self-improvement.

Keywords: socialization, cultural-normative model of personality, normative-value personal paradigm, orientation of personality

Литература:

1. Давыдова Г. И. Развитие направленности личности в процессе образовательной подготовки педагога-психолога в вузе // Среднее профессиональное образование – №1 – 2019, – С. 37-40.
2. Давыдова Г. И. Развитие творческой направленности личности в образовании: новая парадигма познания // Философская школа. – № 4. 2018. – С. 64-73.
3. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
4. Линтон Р., Уоллес Э., Хэллоуэл А. и др. Антология исследований культуры. Символическое поле культуры. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. – 384с.
5. Парсонс Т. Социальная система. – М.: Академический проект, 2018. – 529 с.
6. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребёнка. – М.: Академический проект, 2006. – 480 с.
7. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1999. – 544 с.

**ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
УЧАЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ***Ковров Владимир Викентьевич,*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социально-педагогических технологий и
педагогике девиантного поведения

Гуманитарно-педагогической академии (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Ялта,

Постановка проблемы. Эффективная организация профилактической и коррекционной работы по раннему выявлению асоциального и антисоциального поведения учащихся в различных социальных средах (в том числе образовательной среде образовательной организации) может существенно снизить риски их социальной дезадаптации, минимизировать проявления проблемного (отклоняющегося) поведения в социуме, как самих детей, его демонстрирующих, так и детей, взаимодействующих с ними.

Сегодня приходится констатировать, что во многих образовательных организациях профилактическая деятельность в большинстве случаев сводится к просветительской работе или информированию, а эффективность проводимых профилактических мероприятий, зачастую оставляет желать лучшего.

Развитие системы профилактики проблемного (отклоняющегося) асоциального поведения учащихся остаётся весьма актуальной социально значимой проблемой и должна строиться на раннем выявлении асоциально-аморальных поступков, негативный социальный смысл которых содержательно соответствует наличествующим внутренним установкам учащихся, а также верной психолого-педагогической трактовке нравственно-неоднородных действий и поступков учащихся, с целью разработки адекватных воспитательно-коррекционных программ сопровождения.

Организация профилактической и коррекционной деятельности по вопросам раннего выявления асоциального поведения детей в образовательной организации и в открытой социальной среде должна быть основана на принципах, интегрирующих социально-психолого-педагогические и правовые подходы, минимизирующие вероятность возникновения и развития антисоциальных, девиантных и делинквентных проявлений в поведении учащихся в будущем.

Целью статьи является рассмотрение проблем, актуальных для становления и развития целостной системы ранней профилактики отклоняющегося поведения учащихся, значимых в своём решении в различных по типу и виду образовательных организациях.

Изложение основного материала исследования.

По мнению И.Л. Первой понятие «асоциальное поведение» является «...общим, объединяющим обозначением для любых паттернов намеренного и повторяющегося попрания социальных стандартов как у взрослых, так и у детей» [4, с.7] и, следовательно, в онтогенезе «... устойчивое асоциальное поведение характеризует контингент детей, подпадающих под категорию девиантных, делинквентных и дезадаптированных» [Там же].

Асоциальное поведение рассматривается в большей степени как антидисциплинарное, то есть вступающее в противоречие с общепринятыми социальными нормами и опосредованным образом наносящее вред обществу, в отличие от антисоциального поведения, характеризующегося выраженной, в той или иной степени, антиобщественной направленностью, враждебным отношением к обществу и проявляющемся в прямой или косвенной разрушительной активности человека (социальной группы). Иными словами: асоциальность индивида, синонимизируется с понятием «социальное безразличие» и проявляется в отсутствии сильной мотивации к конструктивному социальному

взаимодействию либо в присутствии одной мотивации для одиночной деятельности [2]; антисоциальность подразумевает открытую неприязнь к другим людям и (или) к обществу в целом, отрицательное отношение к социальным нормам и стандартам поведения, стремление противодействовать им, в том числе и к традициям той или иной социальной общности [4].

По мнению А. Л. Венгера, при асоциальности и, особенно, при антисоциальности, нередко наблюдается психопатоподобное поведение, характеризующееся импульсивностью, нарушением общепринятых норм [3]. П. Е. Разумовская считает, что антисоциальное поведение проявляется не только во внешней поведенческой стороне, но и в изменениях ценностных ориентации и представлений, то есть в деформации системы внутренней регуляции поведения личности [5]. Наиболее опасные формы *антисоциального поведения* человека проявляются в *девиантности и делинквентности*, отличительными характеристиками которых, являются осознанность и степень мотивированности поведения (деятельности), что свидетельствует об его умышленном характере [1; 2; 4].

Различаясь как по своему содержанию, целевой направленности, а также по степени общественной опасности, асоциальное и антисоциальное поведение учащихся, как известно, проявляется в различных социальных отклонениях, спектр проявлений которых в образовательной организации и в открытой социальной среде достаточно значителен: от аморальных поступков и несоблюдения (игнорирования) принятых в конкретной среде норм, общественных устоев и правил поведения до правонарушений и преступлений.

Источником асоциального поведения учащихся является совокупность субъективных и объективных средовых факторов, обуславливающих неприспособленность детей к конкретным жизненным обстоятельствам и ситуациям, возникающим в процессе организации социально-значимой деятельности (в том числе учебной деятельности), их дезадаптированность, которая, в свою очередь, детерминирует отчужденность учащихся от социально-позитивных связей и отношений в школе, объясняет причины социально-педагогической запущенности, личностных нарушений в процессе социализации, причины десоциализации взрослого человека в целом.

Асоциальное поведение несовершеннолетних неразрывно связано с деморализацией и десоциализацией, проявляющихся в их трудновоспитуемости в семье и в образовательной организации. Десоциализированность учащихся фиксируется, в частности, в следующих качественных характеристиках:

- несобранность, неорганизованность и недисциплинированность в процессе обучения;
- неосознанность и инстинктивность самоорганизации учебной деятельности;
- дефицитарность жизненно-полезных интересов и увлечений, отсутствие (при их наличии) актуальной глубины и положительно ориентированного разнообразия;
- несформированность в средне- и долгосрочной перспективе позитивных жизненных планов;
- отсутствие стратегии и тактики реализации личных профессиональных намерений, либо их недостаточная осознанность и (или) стихийность;
- неадекватное отношение к воспитательным требованиям и воздействиям педагогов и родителей;
- несформированность умений и навыков критического мышления, неспособность оценивать собственные действия и поступки (и окружающих его людей) в соответствии с морально-нравственными традициями (принципами, устоями) и нормами права;
- недостаток умений и навыков конструктивного самоанализа, самокритики, либо их отсутствие;
- нечуткость и неотзывчивость в отношении к сверстникам и взрослым, неспособность к проявлению эмпатии;
- недобросовестность, невнимательность, эгоистичность к референтным лицам и группам в своём окружении;

- проявление зависимости и беспомощности перед трудностями, несамостоятельность и подражательность в процессе коммуникации и межличностном взаимодействии;
- сенситивность к негативному воздействию, неблагоприятному отрицательному влиянию других;
- наличие распушенности и безнравственности в привычках и пристрастиях (аддикции, нецензурные слова, грубость, наглость, неучтивость, бесцеремонность, цинизм и т. п.).
- демонстративность негативных проявлений в культуре поведения (внешнем виде, аксессуарах одежды манерах держаться, атрибутах речи и т. п.).

К асоциальному поведению следует отнести и такие формы его проявления как: раздражительность, агрессивность, жестокость по отношению к другим, драчливость с более слабыми, предрасположенность к физическому насилию со сверстниками; лживость, частое вранье по разнообразным причинам, невыполнение обещаний «не повторять негативные действия и проступки»; подвержение риску окружающих, отсутствие лояльности к другим, стремление «отмазаться» и «свалить» вину на других; умышленное повреждение чужой собственности, вандализм; издевательство и садизм над животными; частые уходы (побеги) из дома, присваивание чужого имущества и склонность к воровству, подстрекательство и стремление к вовлечению иных лиц в аморальную и противоправную активность.

Несмотря на то, что формы и виды асоциального поведения достаточно многообразны и регламентируются критериями морально-нравственного порядка (проявляются в докриминальных формах) – все они взаимосвязаны и приобщение учащегося к одному из видов асоциального поведения повышает вероятность его вовлечения в другое, повышает рискогенность социальной дезадаптации и антисоциальной активности в более опасных девиантных проявлениях.

Формирование и развитие у учащихся морально-нравственных норм происходит под влиянием конкретной институциональной среды его жизнедеятельности – образовательной среды школы. Образовательная организация, по-прежнему оставаясь основным социальным институтом эффективной социализации взрослеющего ребёнка, должна системно и комплексно, с максимальной эффективностью использовать свой воспитательный потенциал для обеспечения наибольшей выраженности в поведении учащихся степени осознанности (мотивированности) своих действий и поступков как *просоциальных*, а также степени снижения умышленного характера проявлений *асоциальности и антисоциальности*. Это актуализирует решение задач в области грамотного осуществления воспитательно-развивающей деятельности, включающей профилактическую и коррекционную работу с учащимися в образовательной организации.

Содержательно эта деятельность, в которой принимают участие все субъекты образовательной организации (учителя, классные руководители, социальные педагоги, педагоги-психологи, представители администрации и технический персонал школы, учащиеся, ученические коллективы, родители (законные представители), должна быть направлена на формирование искомого *нравственно-ориентированного поведения*, действий и поступков воспитанника, позитивное общественное значение и социальный смысл которых полностью синхронизируется с его личными установкам и мотивировано на такие нравственные ценности, как моральный долг, совесть и честь, персональная ответственность перед близкими людьми, своими одноклассниками, иными коллективами и социальными группами, обществом в целом. Это – педагогическая сверхзадача и основная цель нравственного воспитания школьника: выработка именно тех действий, которые он готов осуществлять по собственной воле, то есть свободно, в соответствии со своими внутренними убеждениями и жизненными принципами.

Однако, реальная педагогическая практика такова, что учащиеся зачастую осуществляют действия и поступки *репродуктивно-нравственного характера*. По сути, это социально-значимое и в большинстве случаев общественно-одобряемое поведение, которое хотя и совершаются добровольно (в соответствии с личным выбором), но не в полной мере осознаётся ребёнком, недостаточно глубоко и полно им понимаемо с точки зрения

причинно-следственных связей. Побуждения и регуляция активности школьника определяются не его собственными убеждениями, а некритическим усвоением тех нравственных образцов (моральных взглядов) в поведении окружающих, которые фиксируются ребёнком и репродуктивно транслируются в своей жизнедеятельности.

Система профилактики проблемного (отклоняющегося) асоциального поведения учащихся в образовательных организациях, с нашей точки зрения, должна строиться на раннем выявлении *асоциально-аморальных поступков*, включающих собственно аморальные поступки, негативный социальный смысл которых содержательно соответствует наличествующим внутренним установкам учащихся.

Асоциально-аморальные поступки – это, во-первых, *осознанно совершаемые действия и поступки* (злонамеренное поведение) учащегося вопреки известным ему нравственным и дисциплинарным требованиям в школе и открытой социальной среде: грубые нарушения норм поведения, демонстративный отказ от участия и (или) открытое игнорирование социально-значимых мероприятий, общественно-полезных коллективно-творческих дел, сокрытие негативных поступков сверстников (моббинг, буллинг, доносительство как дезинформация, причинение вреда здоровью, злонамеренный срыв значимых мероприятий в школе, вандализм и порча школьного имущества, осознанное неподчинение, хамство и оскорбление педагогов и т. д.). Во-вторых, – это *самовоспроизводимые асоциальные репродуктивно-безнравственные действия и поступки*, являющиеся по сути *конформно-безнравственными*, и совершаемые учеником вследствие неосознанности и необдуманности своих проступков под влиянием внешних условий и средовых обстоятельств. Чаще всего – это *подражательно-конформные поступки* – результат некритического заимствования разнообразных асоциально-безнравственных действий, присущих субъектам референтного окружения ученика. Кроме этого, следует отметить те *репродуктивно-безнравственные действия* и неблагоприятные поступки, которые совершаются школьником вследствие внешнего (суггестивного) влияния (внешнего побуждения к действию) со стороны безнравственных сверстников и (или) взрослых лиц, а также его собственно воспроизводимые интериоризованные бездумно-привычные действия, усвоенные ранее как эталонные поведенческие паттерны.

В современной образовательной практике наблюдается ещё одна группа асоциальных действий и поступков школьников, которые можно классифицировать как *нравственно-неоднородные*.

К ним следует отнести, во-первых, *внешне моральные поступки* (внешне вполне позитивные действия, но не являющиеся таковыми по внутреннему, мотивационному содержанию). Их мотивационная специфика заключается в том, что это принудительно-вынужденное поведение ученика, субъективный смысл которого заключается либо в охранительно-оберегающих действиях, либо в действиях корыстных. Действия, *охранительно-оберегающего характера* (формальное отношение к учебной деятельности и к участию в общественно-значимых делах, к выполнению учебных обязанностей и поручений, к соблюдению дисциплины и правил для учащихся в школе и т. д.) объясняются императивом: «вынужден соблюдать из-за опасения санкций со стороны». Нравственно-незрелый ученик вынужденно следует внутренне неприятым им (и чуждым ему) правилам жизнедеятельности в школе (социальной среде) из-за опасения в случае отказа от них стать объектом нежелательной для себя санкции со стороны взрослых и (или) сверстников. *Действия корыстного характера* выполняются школьником вследствие потребности в удовлетворении индивидуальных желаний и интересов.

Кроме этого, группа нравственно-неоднородного поведения включает *внешне асоциально-аморальные поступки*, без выраженных аморальных намерений, то есть асоциально-безнравственные по неведению. Здесь следует отметить аффективные поступки и нечаянные поступки. *Аффективные поступки* (в силу сильного, относительно кратковременного эмоционального состояния) и *непродуманные действия и поступки*, совершаются школьником по причине имеющих у него изъянов в познаниях в области

нравственности, морали, права, либо ложного понимания ценностей и (или) извращённых представлений о «должном и справедливом», а также ошибочности в выборе способов и средств для достижения конкретных нравственно-положительных целей.

Причинами таких поступков, например, неподчинение родителям, педагогам из-за субъективных представлений «о справедливости – несправедливости действий взрослых» или споры и пререкания ученика с оскорбившим его учителем, могут быть (чаще всего являются) – обида, задетое самолюбие, фрустрация, а также психогенная травма ребёнка. *Нечаянные проступки* – это немотивированные действия ученика, обусловленные стихийными неблагоприятными внешними средовыми обстоятельствами, возникшими случайно, помимо его воли.

В современных, динамично изменяющихся социально-политических и экономических условиях развития государства и общества, обуславливающих необходимость модернизации (реформирования) отечественной системы образования, особую значимость приобретает проблема актуализации субъектного подхода в различных образовательных практиках и направлениях психолого-педагогической деятельности в образовательных организациях. Концептуальное содержание данной парадигмы, её целевые ориентиры и ожидаемые результаты заключаются в развитии субъектности как особом качестве личности взрослеющего ребёнка, обладающего сформированными компетенциями (способностями, свойствами, качествами) необходимыми в активной конструктивно-преобразующей деятельности и обеспечивающими успешность адаптации и индивидуализации личности в различных социальных средах.

Развитие субъектности школьника осуществляется посредством квалифицированного психолого-педагогического сопровождения учебно-воспитательного процесса в школе. В аспекте рассматриваемой в данной статье проблемы эффективность профилактики асоциальности учащихся заключается в создании необходимых (и достаточных) условий развития субъектности в образовательной среде образовательной организации. Это предполагает осуществление работы по следующим направлениям:

- ориентация вариативных профилактических и коррекционных мероприятий на актуализацию личного субъектного опыта учащегося;

- проблематизация учебного процесса и содержания учебной деятельности, всемерное использование рефлексивных практик и процедур в дифференцированном психолого-педагогическом воздействии на ребёнка;

- максимальный учет специфики социальной ситуации развития, индивидуальных особенностей и позитивного потенциала школьника, а также воспитательного потенциала семьи и позитивного потенциала педагогического и ученического коллективов школы;

- опора на диалоговое взаимодействие с обучающимся и обеспечение психологического контакта в процессе коммуникации с ним, в основе которого: эмпатическое отношение к его субъективному миру и безусловно позитивное восприятие личности;

- актуализация совместной проектной работы как предпосылки личностного общения и взаимодействия, как условия процесса саморазвития и средства стимулирования умений использовать собственные ресурсы в развитии просоциальной деятельности и самокоррекции асоциального, антисоциального (девиантного) поведения.

Организация профилактической и коррекционной деятельности по вопросам раннего выявления асоциального поведения детей в образовательной организации и в открытой социальной среде должна быть основана на базовых принципах, интегрирующих социально-психолого-педагогические и правовые подходы, минимизирующие вероятность возникновения и развития антисоциальных, девиантных и делинквентных проявлений в поведении учащихся и обеспечивающих успешность целостного учебно-воспитательного процесса в школе.

В качестве таковых отметим следующие:

– принцип организации комплексного взаимодействия всех субъектов профилактики асоциального и антисоциального поведения учащихся, включая образовательную организацию, семью, ближайшее окружение, психолого-педагогические и социальные службы, органы опеки и попечительства, правоохранительные органы, учреждения здравоохранения.

– принцип систематичности (или, – системности), означающий планомерность, регулярность, методичность в осуществлении профилактики и коррекции личностных, поведенческих, коммуникативных качеств ученика, проявляющего асоциальную (антисоциальную) поведенческую активность, а также последовательное формирование умений и навыков просоциального поведения, следуя правилу: «от простого к сложному», «от легкого к трудному»;

– принцип практической направленности профилактической и коррекционной деятельности, означающий реализацию учеником возможности применять в конкретных ситуациях жизнедеятельности осваиваемые им умения и навыки конструктивного взаимодействия с окружающими, осознание причинно-следственных связей и зависимостей своих действий и поступков в социальной среде;

– принцип деятельностного участия самого ученика, как субъекта профилактической и коррекционной работы, предполагающий проявление (и поддержка) его инициативности, практичности, деловитости и непосредственной причастности к данной деятельности в процессе социализации в образовательной организации и социальной среде;

– принцип активного взаимодействия (информационного, операционного, мотивационного) и сотрудничества специалистов образовательной организации, специализированных учреждений (организаций), семьи и представителей общественности на внутри- и межведомственном и на территориальном уровнях;

– принцип преемственности в работе специалистов на основе проведения квалифицированного мониторинга асоциального (антисоциального) поведения ученика, а не только ситуативное реагирование «по факту», обеспечение логики и последовательности проводимых психолого-педагогических мероприятий на первичном и всех последующих этапах организации профилактической и коррекционной работы.

В образовательной практике реализация профилактической и коррекционной деятельности специалистов с учащимися асоциальными и антисоциальными (девиантными) проявлениями в поведении осуществляется по устоявшемуся специальному алгоритму работы педагогов психологов, включающему: выявление, диагностику и коррекцию. Большая роль в обеспечении качества профилактической деятельности отклоняющегося поведения учащихся отводится и организации воспитательной работы в школе.

В тоже время, приходится констатировать, что в образовательных организациях профилактическая деятельность в большинстве случаев сводится к формальному просвещению или информированию, а эффективность проводимых профилактических мероприятий зачастую оставляет желать лучшего. Это связано с комплексом причин, связанных с влиянием значительного количества экономических, политических, социально-культурных, факторов. Их характеристика, содержательное рассмотрение специфики их влияния на качественный результат рассматриваемой нами проблемы, является предметом серьёзного обсуждения специалистов и представителей общественности на межведомственном (региональном, муниципальном) уровне, является темой отдельной статьи. Здесь же отметим основные аспекты, с нашей точки зрения актуальные для становления (развития) целостной системы профилактики отклоняющегося поведения детей (в том числе на этапе ранней профилактики) и значимые в своём решении как для отдельно взятой образовательной организации, так и для территориальной системы образования в целом. Выделим следующее:

– профилактика асоциально- и антисоциального поведения учащихся осуществляется разными государственными и общественными структурами, слабо координирующими свою

деятельность; для многих из них профилактика и коррекция отклоняющегося поведения детей и молодёжи не является основной (первоочередной) задачей;

– социально-правовая и психолого-педагогическая деятельность в этом направлении не обеспечивается достаточным количеством специалистов, качеством профессиональной подготовки (переподготовки, повышения квалификации) психолого-педагогических кадров, в том числе в области девиантологии; Функционирование образовательных организаций и специальных профильных учреждений не в полной мере обеспечивается необходимыми материальными и финансовыми ресурсами несмотря на принятые долгосрочные целевые региональные программы, например, «Основные направления профилактики девиантного поведения в детской и молодежной среде», а также программы отдельных образовательных организаций (учреждений);

– научно-методическое и информационно-аналитическое сопровождение системы профилактической деятельности современного поколения детей и молодёжи требует качественного совершенствования; необходима ревизия неэффективных (архаичных) методик и технологий работы с детьми; актуальным остаётся повышение психолого-педагогической компетенции взрослых (родителей, педагогов, инспекторов ОПН, социальных работников и других лиц, работающих с детьми и молодежью); активное привлечение к этой работе общественные организации, волонтеров из числа подростков и молодёжи.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с оптимизацией психолого-педагогической деятельности по профилактике асоциального и антисоциального поведения учащихся в образовательной организации, обсуждаются теоретические подходы и принципы организации системы ранней профилактики социальной дезадаптации и девиантного поведения школьников.

Annotation. The article discusses the problems associated with the optimization of psychological and pedagogical activities for the prevention of asocial and antisocial behavior of students in an educational organization, discusses theoretical approaches and principles of organizing an early prevention system for social maladaptation and deviant behavior of students.

Ключевые слова: асоциальное поведение, аморальное поведение, девиантное поведение, профилактика асоциального поведения, система профилактики в школе.

Keywords: antisocial behavior, immoral behavior, deviant behavior, prevention of antisocial behavior, a system of prevention in school.

Литература:

1. Беженцев А.А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних [Текст]: учеб. пособие / А. А. Беженцев. – М.: МПСИ: ФЛИНТА, 2012. – 296 с.
2. Давлетбаева, З.К. Концептуальная модель превенции асоциального поведения учащихся. / З.К. Давлетбаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 17. – 2015. – № 1(3). – С. 635-641.
3. Венгер А.Л. Словарь терминов // Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 160 с.
4. Первова И.Л. Асоциальное поведение несовершеннолетних: социотипологический анализ : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.04. – Санкт-Петербург, 2000. – 40 с.
5. Разумовская П.Е. Особенности смысложизненных ориентаций девочек-подростков с антисоциальным поведением / Н. Л. Нагибина. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – М.: МосГУ, 2009. – 26 с.

Кравцов Николай Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону

Постановка проблемы. Девиантность поведения достаточно подробно изучена в психологии, психиатрии, юридической психологии и юридической психиатрии. При этом не подвергалась изучению «юридическая девиантность» поведения. Вместе с тем, это чрезвычайно интересное явление, с которым сталкиваются постоянно и юристы, и граждане, не имеющие отношения к юриспруденции. При этом, мы имеем дело с явлением сложным, и порой парадоксальным. В науке не освещён вопрос о соотношении реальной девиантности и юридической девиантности поведения, в то время как между ними возможны противоречия, как по сути, так и в общественном восприятии. Соответственно не решён вопрос о преодолении таких противоречий, как и вопрос об обосновании придания определенным формам поведения атрибута юридической девиантности.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование понятия «юридической девиантности»; изучение проблемы возможных противоречий между реальной и юридической девиантностью поведения, и предложение возможных путей ее преодоления; рассмотрение поставленной проблемы с точки зрения различных концепций правопонимания.

Изложение основного материала исследования. Под девиантным поведением мы традиционно понимаем такое поведение, которое очевидно отклоняется от норм, принятых в обществе, и являющихся устоявшимися.

Следует различать реальную и юридическую девиантность поведения. Что имеется в виду? Реальная девиантность очевидна и неоспорима. Так, если субъект расхаживает в пальто, надетом на голое тело, в парке и пугает встречных дам демонстрацией неожиданно обнажённого тела, это классический пример реальной девиантности поведения. Однако, возможна и другая ситуация: после принятия правовой нормы, поведение, противоречащее её диспозиции, будет считаться девиантным, с юридической точки зрения. Это мы называем «юридической девиантностью». При этом возможно, такое поведение никто не считает девиантным с психологической или моральной точек зрения. То есть, возможны противоречия и несоответствия между общественными представлениями о реальной девиантности некоторых форм поведения и их юридической девиантностью.

То, что мы имеем в виду, отчасти близко к формулам средневекового томизма, предполагавшего двойственный характер правовых предписаний и запретов. С одной стороны писаное право разрешает или запрещает то, что по природе своей хорошо, или плохо. С другой стороны, считается хорошим, или плохим, что по природе своей ни то, ни другое, но что разрешено, или запрещено законом. Постараемся проиллюстрировать эту мысль на современном примере. Так, убийство юридически запрещено в силу того, что оно плохо по своей природе. А, к примеру, если завод выпускает отличного качества товар, не имея на это лицензии, то в этом нет ничего по природе плохого. Однако делать это – плохо, именно потому, что это запрещено законом. Наоборот, закон позволяет родителям воспитывать детей, ибо это хорошо по природе. А в организации хозяйственного товарищества нет ничего хорошего по природе, но это хорошо в силу того, что дозволено законом.

При этом возможны два варианта ситуации. Или законодатель назначает наказание за объективно девиантное поведение; он придаёт юридический характер тем нормам поведения, которые уже являются на данный момент общепринятыми и устоявшимися. Или он

искусственно приписывает определенному поведению девиантность. И в этом случае чрезвычайно затруднительно обосновать девиантность поведения, в случае нарушения такой нормы; ведь она ещё не является ни общепринятой, ни устоявшейся, что противоречит классическому определению девиантного поведения. Более того, возможны случаи, когда принимаемые законодателем новые правовые нормы, противоречат иным, общепринятым и устоявшимся социальным нормам.

Ряд статей особенной части Уголовного кодекса РФ, юридически рассматривает в качестве девиантных поступки, которые не признаются таковыми в общественном сознании. Например:

«Статья 319. Оскорбление представителя власти

Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением -

наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года».

Данная статья УК РФ вызывает общественные нарекания, поскольку противоречит сложившимся за годы Перестройки, и в последующие девяностые годы взглядам на возможность критики власти, а также отечественным традициям политического юмора и сатиры. Очевидно, что под «оскорбление представителя власти, в связи с исполнением его должностных обязанностей» можно подвести любую шутку, карикатуру, критику. То же касается и широко обсуждаемых общественностью «законов о лайках в интернете». Любое неосторожное высказывание, любая двусмысленно трактуемая картинка, могут трактоваться, как оскорбление власти. Вполне контекстное использование символики, или прочих ассоциативных изображений может трактоваться, как пропаганда фашизма, национальной вражды, или терроризма. Более того, как известно, были случаи привлечения к ответственности лиц, скопировавших на свои страницы в социальных сетях, или просто выразивших одобрение в виде лайков, репостов, или комментариев. И это тревожит общественность, поскольку ее представления о девиантном поведении не соответствуют представлениям о нём законодателя.

Особенно заметна проблема при противоречии правовых и моральных норм. К примеру, когда граждане нацистской Германии были обязаны докладывать о соседях-евреях, или когда наши сограждане были вынуждены давать показания против членов семьи. Поведение, нарушающее эти нормы, не рассматривается как девиантное с иных, не юридических точек зрения. И потому подобные нормы рано или поздно подвергаются осуждению и отменяются.

Проблема ещё более очевидна, когда мы имеем дело с так называемыми «абсурдными законами». Так «В Миннесоте, в США, противозаконно вешать мужское и женское белье рядом друг с другом на сушилке,... В штате Флорида нельзя разбивать более трех тарелок в день,... В Денвере, в Колорадо, официально запрещено давать соседям пользоваться своим пылесосом» [1].

Ещё более абсурдны те законы, которые предписывают, или запрещают что-то животным, или неодушевлённым объектам, рассматривая их в качестве субъектов права. «В Калифорнии животным запрещается сношаться в пределах 500 метров от общественных зданий,... В Арканзасе есть закон, который гласит: «Река Арканзас Ривер не может подниматься выше моста в городе Литтл Рок»,... В Оклахоме собакам запрещено собираться в группы, числом три и более, если они не имеют специального разрешения, подписанного мэром города» [1]. Естественно, ни о какой реальной девиантности поведения животных, а тем более – «поведения» неодушевлённых объектов, особенно – в социальном аспекте, и речи быть не может. Поэтому придание им характера юридической девиантности совершенно абсурдно.

Понятно, что в указанных случаях законодатель либо абсолютно искусственно придаёт атрибут юридической девиантности поведению, которое объективно, по определению, не является девиантным, либо рассматривает в качестве субъекта неразумных существ, о девиантности поведения которых можно говорить только с точки зрения зоопсихологии, либо неодушевлённые сущности. То есть – путает объект права с субъектом.

Подмеченные нами выше противоречия наиболее подробно рассматриваются представителями теории «естественного права» Нового Времени. Согласно этой теории, существует безупречное, неизменное естественное право, которому зачастую противостоит несовершенное позитивное право, устанавливаемое государством. И то, что рассматривается, как девиация, с точки зрения позитивного права, может не рассматриваться в качестве такового с точки зрения права естественного. И наоборот.

Да и ранее, в первичных версиях этой теории, ещё в Античности, эта проблема подвергалась рассмотрению. И не только в трудах философов, но и в античной драме. Яркий образец драматического приближения к этой проблеме – «Антигона» Софокла. Здесь конфликт выражен предельно ярко. Если Антигона похоронит брата, это поведение будет девиантным с точки зрения полисного закона. Если не похоронит, оно будет девиантным с точки зрения религии и естественного права. Как мы знаем, именно в пользу естественного права Антигона сделала свой выбор. На вопрос правителя Креонта: «Как же могла закон ты преступить?», Антигона отвечает:

«Затем могла, что не Зевес с Олимпа
Его издал, и не святая Правда,
Подземных сопрестольница богов.
А твой приказ-уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Созданье человека, мог низвергнуть
Неписанный, незыблемый закон
Богов бессмертных. Этот не сегодня
Был ими к жизни призван, не вчера:
Живет он вечно, и никто не знает,
С каких он пор явился меж людей.
Вот за него ответить я боялась
Когда-нибудь пред божиим судом,
А смертного не страшен мне приказ». [2]

Но, несмотря на то, что ее поступок соответствует естественному праву и вызывает сочувствие у зрителя, он не перестаёт представлять собой проявление девиантного поведения с точки зрения полисного закона.

Иной подход сложился у представителей социологической школы права. Согласно воззрениям этой школы, законодатель должен не изобретать правовые нормы, а искать их в наличных общественных отношениях. С этой точки зрения, вообще невозможно юридически трактовать какую либо форму поведения, как девиантную, если она не рассматривается как таковая современным законодателем обществом.

С точки зрения марксистской теории права, право есть возведенная в закон воля экономически господствующего класса. Очевидно, что сторонники этой теории могут оправдать признание юридической девиантности поведению, реальная девиантность которого неочевидна, тем, что такое поведение с экономической, психологической и прочих точек зрения, признаётся девиантным представителями экономически господствующего класса.

Психологическая теория права Л.И. Петражицкого в большей степени объясняла природу субъективного права, чем природу объективного права, поскольку сводила право к проявлениям индивидуальной психики. Согласно этой теории, основой поведения индивида в правовой среде являются два «нравственных импульса» (по сути дела, носящих глубоко психологический характер). «Импульс императивности» представляет собой чувство, или

сознание долга что-либо сделать. «Импульс атрибутивности» - осознание обоснованности своих притязаний. С этой точки зрения понятно, что реально девиантным будет поведение индивида, если он не совершает действий, внутренне предписываемых ему «импульсом императивности». И с его точки зрения, реально девиантным ему будет представляться поведение его контрагентов, которые не признают его притязаний, которые он выводит из представлений, вытекающих из «импульса атрибутивности». Как следствие, и в том и в другом случае, реальная девиантность поведения будет отождествляться с юридической девиантностью. Задачей же права является оказание давления на лиц, чьё поведение является реально и юридически девиантным.

При всей своей глубине и изящности, эта теория мало что разъясняет по поводу обозначенной нами проблемы. Если законодатель в правовой норме приписывает некоей форме поведения юридическую девиантность, а это предписание не соответствует моему представлению о его реальной девиантности и противоречит в связи с этим моим внутренним импульсам, то в силу чего я могу воспринимать эту норму, как действительно правовую и обязательную для исполнения. Ещё в меньшей степени эта теория способна объяснить общественные взгляды на соответствие юридической и реальной девиантности поведения.

Наконец, с точки зрения нормативизма, право всегда создается законом; что прописано в законе, то и есть право. Право представляет собой «пирамиду» письменных закрепленных норм, где авторитет нижестоящих норм основывается на авторитете норм вышестоящих. Эта теория в принципе отрицает анализ права с точки зрения морали, религии, психологии, и прочего. Право относится к сфере должного, а не к сфере сущего, считают представители этой теории, вслед за И. Кантом. А это означает, что констатированная законом юридическая девиантность поведения, императивно должна восприниматься обществом, как отражение его реальной девиантности и не оспариваться не с каких точек зрения, кроме формально-юридической.

Выходит, что юридическая девиантность поведения, в значительной мере является искусственной рациональной конструкцией законодателя и не всегда соответствует реальной девиантности. Как нам представляется, решение проблем, связанных с этим может быть найдено в рамках парадигм социологической школы права, обязывающих законодателя искать фактически действующие нормы, вместо того, чтобы искусственно их создавать. В идеале законодатель должен быть обязан законодательно закреплять юридическую девиантность поведения только тогда, когда реальная девиантность такого поведения общепризнана.

Выводы. Необходимо различать реальную и юридическую девиантность поведения. Между ними возможны противоречия. Несоответствие реальной и юридической девиантности поведения вызывает негативную общественную реакцию, и служит «подпиткой» для проявлений правового нигилизма. Во избежание таких противоречий законодатель должен признавать юридически девиантным только реально девиантное поведение.

Аннотация. В статье рассматривается соотношение между реальным девиантным поведением и юридически девиантным поведением. Автор говорит об их существовании и возможных противоречиях между ними. Он считает, что такие противоречия наиболее заметны, когда речь идет о так называемых «абсурдных законах». Эта проблема анализируется с точек зрения юснатурализма, социологии права, психологической теории права, марксизма и нормативизма. Автор приходит к выводу, что законодатель должен признавать юридически девиантным только такое поведение, реальная девиантность которого общепризнана.

Ключевые слова: девиантное поведение, право, правовые нормы, абсурдные законы, юснатурализм, марксизм, психологическая школа права, социология права, психология, законодательство.

Abstract. The article deals with the problem of the relationship between the real deviant behavior and its legal deviant behavior. The author talks about their ratio and about possible contradictions between them. It is emphasized that such a contradiction is particularly noticeable when considering so-called "absurd laws." This problem is analysed from the points of view of jusnaturalism, sociology of law, psychological theory of law and regularism. The author concludes that the legislator should establish as a legally deviant only such conduct, the real deviant of which is generally recognized.

Keywords: deviant behavior, law, legal norms, absurd laws, jusnaturalism, marxism, psychological school of law, sociology of law, psychology, legislation.

Литература:

1. Подборка нелепых законов в мире. – <https://inkusto.com/stati/interesnye-fakty/289-absurdnye-i-nelepye-zakony-raznykh-stran-mira>
2. Софокл. Антигона - http://lib.ru/POEEAST/SOFOKL/sofokl3_3.txt

УДК 159.922.27

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ⁴

Лактионова Елена Борисовна,

доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
г. Санкт-Петербург

Тузова Александра Сергеевна,

аспирант кафедры психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
г. Санкт-Петербург

Постановка проблемы. В связи с распространенностью деструктивных межличностных отношений и неопределенностью психологической ситуации в современном образовании, рассогласованием требований к школе со стороны общества и экспериментированием в сфере образования, актуальной становится задача изучения психологического благополучия субъектов образовательной среды. Психологическое благополучие выступает в качестве необходимого условия профилактики отклоняющегося поведения учащихся, сохранения здоровья субъектов образовательного процесса, достижения высоких результатов учебной и профессиональной деятельности, позитивного развития личности учащихся и педагогов.

Целью статьи является теоретический анализ исследований, посвященных проблеме психологического благополучия, раскрытие взаимосвязи психологического качества образовательной среды и психологического благополучия ее субъектов.

Изложение основного материала исследования. В настоящее время наблюдается интенсивное изучение самых разнообразных процессов и явлений, происходящих в образовательной среде. Одним из объектов исследований, определяющих вектор разработки теоретических и прикладных проблем современной психологии образования, является психологическое благополучие субъектов образовательной среды.

⁴ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00410

Психологическое благополучие выступает в качестве важного условия сохранения здоровья участников образовательного процесса, профилактики девиантного поведения, достижения высоких результатов учебной и профессиональной деятельности, поскольку оказывает влияние на различные проявления психического состояния человека, эффективность межличностного взаимодействия, успешность деятельности, что особенно важно в условиях современного образования.

В работах зарубежных и отечественных авторов содержатся неоднозначные трактовки и определения понятия психологическое благополучие, однако характерной особенностью является рассмотрение феномена как приобретенного качества, предполагающее активность субъекта жизнедеятельности. Подходы к определению понятия благополучия в психологической науке разрабатывались как зарубежными (М. Аргайл, Н. Бредберн, Е.Л.Диси, Э. Динер, К.Л. М. Кейс, Д. Майерс, Р.М. Райан, К. Рифф, М. Селигман, А.С.Уотерман, Р. Эммонс, М. Яхода и др.), так и отечественными исследователями (Н.К.Бахарева, М. В. Бучацкая, А. В. Воронина, И.А. Джидарьян, Л.В.Карапетын, Л.В.Куликов, П.П. Фесенко, Р.М. Шамионов, Т. Д. Шевеленкова и др.).

Такое многообразие подходов можно объяснить методологическими основаниями, на которые опираются авторы концепций благополучия (гуманистическая психология, позитивная психология, психология здоровья, психология прагматизма, психология аксиологизма и др.) [3; 7].

Среди многочисленных подходов к содержанию и структуре благополучия наибольшую известность приобрела многомерная концепция К. Рифф, по определению которой психологическое благополучие — это наличие у человека специфических, устойчивых психологических черт, позволяющих ему функционировать значимо более успешно, чем при их отсутствии. В качестве базовых составляющих автор выделила шесть основных компонентов психологического благополучия, определяющих позитивное функционирование личности: позитивные отношения с другими, автономия, управление средой, целенаправленность жизни, личностный рост, самопринятие [3, с.2].

Важно отметить, что среди компонентов психологического благополучия ряд авторов выделяет аффективную составляющую, иными словами, эмоциональный комфорт, который может иметь существенное значение для здорового функционирования личности (Л.В.Куликов, И.А. Джидарьян, Е.В. Антонова и др.). Оценка разных аспектов собственной жизни, суждения о происходящем, эмоциональное состояние как доминирующий фон жизненных событий являются важными факторами психологического благополучия.

Как справедливо отмечает И.А. Баева, источником развития человека являются движущие силы, находящиеся в нем самом [1]. Но для того, чтобы внутренние механизмы личностного роста актуализировались, необходимы определенные условия.

Для подрастающего поколения важным фактором развития личности выступает образовательная среда как система специально организованных условий (И.А. Баева, Е.Б.Лактионова, В.П. Лебедева, В.И. Панов, В.И. Слободчиков, В.А. Ясвин и др.). В.И.Панов и В.А. Ясвин отмечают, что образовательная среда является совокупностью возможностей не только для обучения, но и проявления и развития способностей, личностных потенциалов учащихся [6].

Образовательная среда – психолого-педагогическая реальность, содержащая специально организованные условия для формирования личности, а также возможности для развития, включенные в социальное и пространственно-предметное окружение, психологической сущностью которой является совокупность деятельностно-коммуникативных актов и взаимоотношений участников учебно-воспитательного процесса [1]. Анализ психологической составляющей образовательной среды показал, что ее можно рассматривать как многоуровневое взаимодействие между субъектами образовательного процесса, и которое образует психологический компонент в структуре образовательной среды. Это дает возможность определить качество психических явлений, которые опосредуются данным взаимодействием и оценить психологическое качество

образовательной среды, которая будет либо способствовать позитивному развитию личности своих субъектов, либо порождать деформации, отклонения или препятствия на пути реализации их личностного потенциала [1].

Необходимо учитывать обоюдное участие среды и личности так как: с одной стороны, социальная среда формирует психологические свойства личности и влияет на развитие психических процессов; а с другой - «человек – не только объект различных воздействий, но и субъект, который, изменяя внешнюю среду, изменяет и свою собственную личность, сознательно регулируя свое поведение» [5].

Основным свойством образовательной среды, которая является благоприятной для развития личности, является ее психологическая безопасность. Психологически безопасной можно считать образовательную среду, в которой большинство участников имеют положительное отношение к ней, высокий уровень удовлетворенности характеристиками школьной среды и защищенности от психологического насилия во взаимодействии [1; 6].

Человек в состоянии психического напряжения, неудовлетворенный своей жизнью, испытывающий эмоциональный дискомфорт вряд ли может научиться чему-либо и тем более обучить другого. Педагог содействует обеспечению психологического благополучия участников образовательного процесса (как учеников, так и собственного), поэтому важно обеспечить достаточно высокий уровень психологической безопасности образовательного пространства. Основной угрозой для участников образовательной среды является получение психологической травмы как следствие психологического насилия в процессе взаимодействия [1].

Важно отметить, что круг работ, посвященных проблеме психологического благополучия субъектов образования достаточно узок. Феномен психологического благополучия участников образовательной среды является предметом исследований ряда ученых, которые изучают его различные аспекты как у учащихся (О.А. Елисеева, С.А.Водяха, Е.Ю. Григоренко; М.В. Григорьева, Л.Б. Козьмина, Е.Б. Лактионова, А.А. Шадрин и др.), так и у педагогов (И.В. Заусенко, Е.Б. Лактионова, Н.В.Панова и др.).

Отметим, что исследования психологического благополучия детей и подростков начались значительно позже, чем взрослых. При этом благополучие рассматривалось исследователями как необходимое условие формирования учебной деятельности и личностного становления обучающихся.

Результаты эмпирического исследования, проведенного О.И. Елисеевой, показали, что уровень психологической безопасности образовательной среды школы может влиять на отдельные компоненты субъективного благополучия, такие, как напряженность и чувствительность, выраженность психоэмоциональной симптоматики, самооценка здоровья, активность, способность к рефлексии, свобода выбора и ответственность за него, понимание и принятие другого [3, с.7].

В работах М.В. Григорьевой, посвященных субъективному благополучию учащихся разных образовательных учреждений, установлено, что основу структуры благополучия учащихся гимназий составляет удовлетворенность отношениями с другими людьми, условиями учебы, отношениями с родителями, жизнью в целом. В структуре субъективного благополучия учащихся общеобразовательных школ – удовлетворенность отношениями с родителями и с людьми в целом [2, с.45].

Исследования психологического благополучия взрослых людей, осуществляющих профессиональную деятельность, затрагивают изучение как негативных, так и позитивных индикаторов благополучия. Удовлетворенность трудовой деятельностью, увлеченность работой, позитивные эмоции относятся к положительным индикаторам (В.А. Ядов, А.А.Киссель, П.И. Спектор, М. Салановаи др.), к показателям неблагополучия можно отнести стрессы, эмоциональное истощение, переутомление, трудоголизм.

Для педагогов важными характеристиками образовательной среды являются следующие показатели: эмоциональный комфорт, возможность обратиться за помощью, возможность проявлять инициативу, активность, защищенность в ситуациях взаимодействия

с администрацией [5]. Эмоциональный дискомфорт, испытываемый педагогом в течение длительного времени, перерастает в эмоциональное выгорание, которое является одной из самых опасных угроз психологическому благополучию и психологической безопасности образовательного пространства, в котором учитель осуществляет свою профессиональную деятельность.

Е.Б. Лактионова с целью исследования взаимосвязи между психологическим качеством образовательной среды, показателями личностных характеристик и субъективным благополучием педагогов, вводит термин «психологическая комфортность» для обозначения психологического качества образовательной среды. «Психологическая комфортность» отражает внутреннее состояние, возникающее в процессе жизнедеятельности личности в результате её оптимального взаимодействия с образовательной средой. В результате исследований выявлена взаимосвязь показателей психологической комфортности с уровнем субъективного благополучия педагогов – чем выше показатель психологического комфорта, тем выше уровень благополучия. Состояние психологического комфорта связано с качеством предметного окружения, содержанием процесса обучения и организационно-коммуникативными условиями образовательной среды [5]. Результаты проведенных исследований показывают, что психологическое благополучие является характеристикой личности, которая проявляется по-разному в зависимости от характера взаимодействия личности с миром и уровня её организации. Важным фактором благополучия является значимость для человека тех или иных объектов в его социальном окружении, отношение к ним и специфика представлений о них. Образовательная среда, осуществляя системное воздействие на личность включенных в нее субъектов, вносит существенный вклад в процесс формирования их психологического благополучия.

Выводы. Проведенный анализ результатов теоретических и эмпирических исследований по проблеме психологического благополучия, позволяет сделать вывод о том, что психологическое благополучие как позитивное функционирование субъектов образовательного процесса может быть обеспечено в условиях образовательной среды, которая отвечает критериям психологической безопасности и комфортности. Перспектива исследований в этой области заключается в новой постановке проблемы, решение которой позволит выявить специфику взаимосвязи и характер детерминации разных типов образовательной среды и показателей психологического благополучия учащихся.

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического анализа проблемы психологического благополучия субъектов образовательной среды. Психологическое благополучие рассматривается как необходимое условие профилактики негативных явлений и сохранения здоровья учащихся и педагогов. Актуализируется проблема изучения психологического благополучия учащихся в разных типах образовательных организаций, позволяющая выявить специфику взаимосвязи и детерминации типа образовательной среды и показателей психологического благополучия учащихся.

Ключевые слова: психологическое благополучие, образовательная среда, субъекты образования.

Annotation. The article presents the results of a theoretical analysis of the psychological well-being of the subjects of the educational environment. Psychological well-being considered as a necessary condition for the prevention of negative impacts and maintaining the psychological health of both students and teachers. The problem of studying the psychological well-being of students in the educational environment of the school is being updated, which makes it possible to identify the specifics of the relationship and determination of the type of educational environment and indicators of the psychological well-being of students.

Keywords: psychological well-being, educational environment, subject of education.

Литература:

1. Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность образовательной среды: развитие личности / Под ред. И.А. Баевой. М.: Изд-во «Нестор-история», 2011, 272 с.

2. Григорьева М.В. Субъективное благополучие личности как результат школьной адаптации в разных условиях обучения // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 2. – С.41-46.

3. Елисеева О.А. Субъективное благополучие подростков и психологическая безопасность образовательной среды// Психологическая наука и образование PSYEDU.ru.2011. №3. – С.1-10.

4. Лактионова, Е.Б. Психологическая комфортность как фактор идентификации учащихся с педагогами в образовательной среде школы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2015. – N 177. – С. 30-35.

5. Лактионова, Е.Б. Психологическая экспертиза образовательной среды: монография. / Е.Б. Лактионова. - СПб.: Изд-во «Книжный Дом», 2013. – 283 с.

6. Панов В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.: ил. – (Серия «Практическая психология»).

7. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика.2014. № 1-1. – С.80-86.

УДК: 159.922

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Маковецкая-Серебрякова Екатерина Валерьевна,

студентка факультета Юридической психологии
ФГБОУ ВО «Московский психолого-педагогический университет»,
г. Москва

Делибалт Варвара Васильевна,

доцент кафедры юридической психологии и права
факультета Юридической психологии
ФГБОУ ВО «Московский психолого-педагогический университет»,
г. Москва

Постановка проблемы. В современном мире, в котором технологии стали частью нашей повседневной, профессиональной, учебной, да и в целом, любой сферы жизни многих специалистов волнует вопрос о том, как это влияет на развитие детей. Многие видят в интернете и в быстром развитии технологий угрозу и опасность для детей. Ведь Интернет дает большую свободу деятельности. Он доступен каждому, служб, которые могли бы регулировать деятельность людей в интернете, в должной мере, нет. В настоящее время данная область начинает интересовать научное сообщество всего мира. Эта новая область, которая является малоисследованной, обладающая большим количеством направлений, которые влияют на общие закономерности развития детей. Влияние оказывается как на когнитивные структуры, так и на поведенческие особенности детей и подростков. Стремительное развитие технологической среды делает нашу жизнь более простой, но вместе с тем влечет за собой изменения в структуре мотивов, в постановке целей, в стремлении совершать усилие ради достижения поставленных задач. Изменения касаются ценностных ориентаций, личностных смыслов, выстраивания норм поведения. Поведение в онлайн среде может разительно отличаться от «живого» общения. В интернет среде есть возможность примерять на себя разнообразные роли, отстаивать и принимать различные ценности, мнения и образцы для подражания. Вопрос о влиянии интернета на подростков рассматривался множеством авторов и с разных точек зрения. Данная тема становится

предметом междисциплинарных исследований, попадая в сферу исследований философии, социологии, экономики, юриспруденции, а также психологии.

Целью данной работы является обзор существующих актуальных исследований в области онлайн-поведения подростков. Существует множество мнений, что первично, что является основной проблемой. Будь это наличие интернета и технологий как таковых, либо недостаточный контроль, либо ранний доступ в интернет и слишком быстрое приобщение к техническим средствам. Общий массив исследований разделяется на две обширные группы. Одна группа исследований утверждает, что интернет несет в себе пагубное влияние и предоставляет опасность для детей и подростков. Другая же группа исследований говорит о том, что в развитых средствах технической информации есть ресурс и новые возможности для взаимодействия с детьми и подростками. На более понятном и привычном для них языке, с более ярким и занимательным материалом, который будет быстрее и легче усваиваться. В данной работе мы не ставим цель определить опасно ли интернет пространство, либо наоборот.

Изложение основного материала исследования. Расширение доступности интернет-среды так же расширяет и психологические и социальные проблемы. Многие формы девиантного поведения становятся доступнее для реализации и почти не доступны для отслеживания и регулирования. Интернет не только повышает риск стать жертвой преступления, но также и сильно расширяет возможности проявления девиантного поведения, такими как кибербуллинг, разработка вирусных программ, взломы, шантаж, онлайн-домогательства [7].

Другая область, которая волнует сообщество, заключается в том, что с большей доступностью информационных технологий, детям легче становиться жертвами преступлений. В социальной среде можно создать себе любой образ и уровень анонимности и возможности сокрытия своей личности вырастают в разы. При этом основные психологические особенности подросткового возраста остаются неизменными и подростки все так же легко поддаются влиянию значимых для них лиц. В интернете можно найти множество групп, посвященных романтизации, приданию большого интереса и добавляющие некоторый элемент приключений девиантной деятельности. Романтизация суицидальных наклонностей, расширение и упрощение сборов для stalking, либо группы посвященные вандализму. Трудности в регулировании таких групп являются очевидными и трудно решаемыми [1; 2].

Так же область исследований касается возможности регулирования интернет-поведения детей. В данной области существует уже немало исследований, касающихся возможности регулирования деятельности подростка в интернете родителями. Так, в работе Г.У. Солдатовой, говорится о «цифровой компетентности родителей и подростков». Под цифровой компетентностью авторами статьи понимается способность индивида уверенно, критично, эффективно и безопасно выбирать и применять информационные технологии в разных сферах своей жизни. А так же готовность к данному роду деятельности. То есть информационная компетентность – это не только набор специальных знаний и умений, которые применяются при использовании информационных средств, но и личностная установка на продуктивную и эффективную деятельность, основанное на чувстве ответственности. По результатам исследований было выявлено то, что подростки не желают, чтобы их родители вмешивались в их взаимодействие в интернете. Родители, за редким исключением, не знают, что их дети делают в сети и чем интересуются, и считают, что основным органом, регулирующим деятельность подростков в интернете, должны являться учителя и специальные организованные службы [5].

Но также существуют работы, которые посвящены возможностям технологической среды для профилактики девиантного поведения подростков. Так, Луговая О.М. говорит о том, что киберпространство сейчас становится привычным и одним из самых значимых социальных агентов современных подростков. Она подчеркивает неоднозначность данного явления. Интернет несет в себе опасность, как говорилось выше, так и предоставляет

положительные возможности. Негативные и положительные стороны можно выделить в нескольких сферах. В общении, получении информации, обучении и развлечениях. И в целом негативные стороны интернет пространства сводятся к нарушению социальной адаптации, формированию интернет-зависимости, увеличению риска развития невротического расстройств увеличение способов реализации девиантного поведения. Положительные же стороны киберпространства можно обозначить в возможностях более обширной коммуникации, люди имеют возможность связываться с другими людьми по всему миру [4; 6]. Так же интернет повышает уровень информированности, расширяет круг интересов подростков и дает возможность примерить на себя разные модели поведения, что, при условии адаптивных ответных реакциях, позволяет вырабатывать собственные модели поведения, которые позволяют лучше адаптироваться в различных коллективах.

Выводы. Основной вопрос, который беспокоит мировое научное сообщество – как регулировать поведение подростков в киберпространстве. Как корректировать его и каким образом можно использовать новые открывшиеся возможности в корректировке девиантного поведения. Основные мысли, которые звучат в разнообразных трудах, развивают направление контроля деятельности детей в интернет пространстве, разработке сайтов, имеющих профилактическую направленность, созданию специальных служб интернет-контроля, которые смогут отслеживать и выявлять проявления девиантного поведения [3].

Появление интернета в нашей жизни несет в себе большие возможности, как негативные, так и положительные. Технологии продолжают стремительно развиваться, и сейчас перед психологическим сообществом стоит тяжелая и огромная задача, понять какие последствия несет в себе столь стремительное техническое развитие.

Аннотация. Статья посвящена обзору исследований, касающихся девиантного поведения подростков в информационной среде. Рассмотрено как негативное влияние интернет среды на поведение подростков, так и положительные и ресурсные стороны киберпространства. На основе проделанного анализа были выявлены основные направления исследований, которые активно разрабатываются как в отечественном, так и в мировом пространстве.

Ключевые слова: Интернет пространство, киберпространство, подростки, девиантное поведение.

Annotation. The article is devoted to the review of researches concerning deviant behavior of teenagers in the information environment. The negative impact of the Internet environment on the behavior of adolescents, as well as the positive and resource aspects of cyberspace are considered. On the basis of the analysis, the main directions of research have been identified, which are actively developed both in the domestic and in the world.

Key words: Internet space, cyberspace, teenagers, deviant behavior.

Литература:

1. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. «Психологические последствия развития информационных технологий» / В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Национальный психологический журнал. – 2012, №1. – С.81-87.
2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация / Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Национальный психологический журнал – 2014 №3. – С.39-51.
3. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. «Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей» / Г.У. Солдатова - Национальный психологический журнал – 2014 №2. – С. 27-33.
4. Луговая О. М., Поликарпова А. И., Черникова И. В. Возможности использования воспитательно-образовательного потенциала интернет-среды для профилактики девиантного поведения молодёжи / Луговая О. М., Поликарпова А. И., Черникова И. В. – Вестник Северо-Кавказского Федерального Университета 2018 №3 – С. 161-166.

5. Adler, P. A., & Adler, P. The cyber worlds of self-injurers: Deviant communities, relationships, and selves // Adler, P. / Symbolic Interaction – 2008 / VOL – 31 № 1, p. 33-56.
6. Jenkins, P. Beyond tolerance: Child pornography on the Internet. // Jenkins, P /New York: New York University Press – 2001 / VOL
7. Joinson, A. N. Deviance and the internet: New challenges for social science. // Joinson, A / Social Science Computer Review – 2005/ VOL – 23 № 1, p. 5-7.

УДК: 371

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРОВ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Мироненкова Ольга Леонидовна,
преподаватель кафедры педагогики УНК ПСД,
майор полиции,
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Постановка проблемы. Проблема подростков-правонарушителей в современном обществе представляет собой одну из самых сложных и противоречивых. К большому сожалению, не каждый подросток, осознает какие совершаемые им противоправные деяния, ведут к тяжелым и трудно-исправимым последствиям.

Цель статьи. Значимость работы по профилактики девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних признается как самими сотрудниками полиции инспекторами по делам несовершеннолетних, так и гражданскими специалистами образовательных учреждений: психологами, социальными педагогами законными представителями несовершеннолетних. По мнению специалистов, на современном этапе развития общества главенствующую роль в вопросах профилактики девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних играют Центры временного содержания несовершеннолетних.

Изложение основного материала исследования. Работа в Центре основывается на принципах законности, гуманного обращения с несовершеннолетними, защиты их жизни и здоровья, индивидуального подхода к исправлению подростков, недопущения нарушений прав и их законных интересов. Говоря о контингенте, помещаемых в ЦВСНП несовершеннолетних, специалисты в области педагогики и психологии выявляют следующие категории: направляемые по приговору суда или постановлению судьи в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; временно ожидающие рассмотрения судом вопроса о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; самовольно ушедшие из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа; совершившие общественно-опасные деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность; совершившие правонарушения, влекущее административную ответственность до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность; совершившие правонарушение, влекущее административную ответственность.

В структуре личности каждого подростка эмоциональная сфера занимает очень важное место. Анализ результатов диагностики показал, что большую часть содержащихся несовершеннолетних составляют подростки: с задержкой психического развития, агрессивные подростки, склонные к бродяжничеству. Мониторинг самовольных уходов несовершеннолетних из семей определил преобладающие причины – это упрямство, низкий уровень самоконтроля, общение с эмоционально близкими им людьми. Это говорит об отсутствии контроля со стороны законных представителей. Практика показывает, чем

глубже степень семейного неблагополучия, тем сложнее с родителями организовать успешный диалог. Огромную роль играет работа, проводимая с родителями, где участие принимает психолог. Вместе с тем, родители информируются о порядке предоставления услуг семьям, находящимся в социально – опасном положении. Результатом работы с родителями является формирование конструктивных взаимоотношений в семье и изменение стиля воспитания. Психолог Центра осуществляет взаимодействие со школьными психологами, рассматриваются вопросы о профилактической и коррекционной работе с подростками.

В соответствии с выделенными категориями несовершеннолетних, специалистами ЦВСНП предложена модель профилактической работы, включающая в себя проведение индивидуальной воспитательной работы, культурно-массовых и спортивных мероприятий, организацию учебного процесса и психологического сопровождения подростков, проведение с несовершеннолетними индивидуальных и групповых бесед по нравственному, патриотическому, эстетическому, правовому и духовному воспитанию, а также работа в творческом мастерства. Комплекс таких мероприятий направлен на формирование у несовершеннолетних правового сознания, исключающего в дальнейшем совершение противоправных деяний. Особое внимание в Центре уделяется работе с несовершеннолетними, совершившими общественно опасное деяния, но не достигшими возраста уголовной ответственности. На каждого подростка составляется план индивидуальной воспитательной работы, в соответствии с которым профилактическая работа осуществляется на протяжении всего срока содержания с учетом совершенного правонарушения и направлена на предупреждение повторного общественно-опасных деяний.

Работа с несовершеннолетними в Центре проводится по расписанию режимных мероприятий, включающих в себя медицинский осмотр несовершеннолетних, завтрак, обед, полдник, ужин, прогулки, учебный процесс, проведение индивидуальных и групповых занятий, посещение музея, Храма, комнаты релаксации и другое. В соответствии с расписанием режимных мероприятий воспитателями проводится тематические беседы по правовому воспитанию, с целью профилактики совершения повторных правонарушений, а также на темы нравственности и морали. С целью распространения положительного опыта работы, наиболее подготовленными сотрудниками Центра регулярно проводятся открытые занятия с воспитанниками, на которых присутствуют молодые воспитатели учреждения, с целью обучения и передачи опыта по проведению подобных занятий. По итогам таких мероприятий готовятся обобщающие материалы, которые используются в дальнейшей работе.

За сравнительно короткий срок пребывания (30 суток согласно 120 ФЗ) несовершеннолетних в Центре, воспитатели умело воздействуют на личность подростков, прививают им общие понятия культуры общения, вырабатывают у них элементы сознательной дисциплины, частично корректируют их мировоззрение.

Для развития творческого потенциала у несовершеннолетних, проводятся занятия по выжиганию, рисованию, вышиванию с девочками, а также занятия по лепке из пластилина и глины.

В организации досуга несовершеннолетних используются просмотры художественных фильмов, проводятся концерты с участием артистов, праздники, детская художественная самодеятельность.

В целях духовно-нравственного воспитания в Центре проводятся богослужения, молебны, исповеди, литургии. Воспитанники охотно посещают Храм, исповедуются перед священником, так как уверены, что тайна исповеди сохраняется, и вера для них является опорой в жизни, она помогает по-новому взглянуть на свою жизнь, на совершенные поступки. Получая из уст священника добрый совет, напутственные слова, подросток пытается задуматься о своей судьбе. Взаимодействие Центра с церковью благотворно влияет на воспитательно-профилактическую работу с подростками, которую проводят сотрудники

Центра. По желанию воспитанников – мусульман, им предоставляется возможность совершения молитвы в определенное время.

В деятельности Центра немаловажную роль отводится психологическому сопровождению несовершеннолетних. Деятельность психолога состоит в проведении индивидуальной, групповой коррекционной и диагностической работы с несовершеннолетними. С целью коррекции девиантного поведения несовершеннолетних, снятия психологического напряжения, возникшего в результате помещения подростков в Центр, формирования навыков и умений, способствующих более эффективной адаптации в социуме и коррекции самооценки используются методы развития воображения, мышления, методы арт-терапии, психосинтеза, игровой терапии, гештальт-терапии и др.

На базе игровой комнаты проводятся обучающие занятия по психологическому просвещению подростков. Цель данных коррекционных занятий, это снижение уровня делинквентного поведения путем обучения навыкам адаптивного поведения. Задача: дать возможность подросткам осознать неконструктивность поведения; выработать умение грамотно проявлять свои эмоции, обучить регулированию своего гнева приемлемым способом, безопасным для себя и окружающих, научить подростков понимать чувства и интересы других людей; сформировать навыки конструктивного разрешения межличностных конфликтов. Методы: дискуссия, обсуждения, психологическая игра, работа в малых группах, визуализация, а также создание проблемных ситуаций. Содержание занятий: активизация самосознания; актуализация негативного опыта; осознание и выражение своего отношения к агрессивному поведению; изучение мотивов своего агрессивного поведения; вербализация чувств, выбор наиболее приемлемых способов разрядки гнева и агрессии, проведение ролевых игр, в которых разыгрываются бывшие в прошлом реальные конфликтные ситуации, в которых проявляется девиантное поведение; закрепление конструктивных способов поведения.

Выводы. Результаты показывают, что профилактика и коррекция девиантного и делинквентного поведения подростков эффективна, при следующих условиях:

- создание психологического и физиологического комфорта;
- организация полноценного питания;
- осуществление непрерывного воспитательного и образовательного процессов, с включением правового воспитания, нравственного и духовного воспитания, культурного просвещения, спортивного воспитания;
- реализация комплексной реабилитационной и коррекционной работы психолога;
- наличие комплексного медицинского сопровождения;
- создание специалистами Центра благоприятной социальной среды.

В ходе анализа работы Центра, был сделан вывод, что успех профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних зависит от сбалансированной и хорошо скоординированной работы всех ведомств и учреждений, являющихся субъектами системы профилактики. Общими целями органов, обеспечивающих профилактику противоправного поведения несовершеннолетних, является: предупреждение правонарушений, социальная адаптация несовершеннолетнего, привитие ему нравственных и моральных принципов, обучение правилам человеческого общения. Единым положительным результатом всей этой работы является отсутствие в будущем проявлений антиобщественного поведения, нарушений правопорядка со стороны несовершеннолетнего. Все меры для достижения этой цели должны использоваться в полном объеме, включая меру помещения несовершеннолетних в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей.

При помещении подростка в ЦВСНП необходимо исходить из того, что данная мера воздействия на противоправное поведение несовершеннолетнего направлена на его социально-педагогическую и психологическую реабилитацию, формирование законопослушного поведения, предупреждение совершения повторных правонарушений, разъяснение несовершеннолетнему особенностей и последствий привлечения к уголовной и

административной ответственности. Она не является наказанием либо мерой государственного принуждения, которые применяются в порядке уголовного судопроизводства. Это является профилактической мерой и тем самым дает возможность для несовершеннолетнего, который находится в конфликте с законом, в полной мере осознать противоправность своего поведения, встать на путь исправления и вернуться к нормальной законопослушной жизни.

Аннотация. В данной статье анализируется значимость проведения профилактической работы среди несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением. Главную роль в данной профилактической работе играют Центры временного содержания для несовершеннолетних. Основными целями для учреждений, которые обеспечивают профилактику противоправного поведения несовершеннолетних, является: социальная адаптация несовершеннолетних, обучение правилам человеческого общения, развитие творческий интерес, привитие ему нравственных и моральных принципов и т.д. Отсутствие в будущем проявления антиобщественного поведения, нарушений правопорядка со стороны несовершеннолетних являются единственным положительным результатом, при проведении профилактической работы с несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетние, профилактика, девиантное, делинквентное сотрудник полиции.

Annotation. This article analyzes the importance of prevention among the minors with behavior. The major role in this prevention work is played by Detention centers for minors. Main objectives for institutions work provide prevention of illegal behavior of minors is: social adaptation of minors, training rules of human communication, developing the creative interest, instilling the moral principles and etc. Absence of manifestations of antisocial behavior, violations of law and order from minors are the only positive result the prevention work with minors.

Keywords: juvenile, prevention, deviant, delinquent, police officers.

Литература:

1. Ерофеева М.А., Белоус Е.Н., Стриженко Е.Д. Психологические предпосылки гендерных и речевых девиаций современных подростков. Психология обучения. – 2018. № 7. – С. 147-154.
2. Никитская Е.А., Никитина Е.О. Совершенствование принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних с делинквентным поведением. Преподаватель XXI век. – 2018. № 4-1. – С. 206-217.
3. Никитская Е.А., Никитина Е.О. К вопросу о необходимости совершенствования работы субъектов профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних. Наука и школа. – 2018. № 5. С. – 182-188.
4. Огаркова Я.О., Дорошенко О.М. Профилактическая деятельность подразделений по делам несовершеннолетних. В сборнике: Правопорядок в России: проблемы совершенствования сборник научных статей Всероссийской конференции. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2017. – С. 71-75.

УДК: 347.641

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА (В ТОМ ЧИСЛЕ МЕДИАЦИИ) В РАБОТУ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ

Пимонов Владимир Александрович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры Юридической психологии и права
факультета Юридической психологии

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
г. Москва

Островский Антон Николаевич,

кандидат медицинских наук,

Руководитель Центра медиации и общественного взаимодействия
ФГОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
г. Москва

Постановка проблемы. Статистические данные, размещенные на порталах Главного управления правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ и Главного информационно-аналитического центра МВД России, свидетельствуют о том, что уровень преступности несовершеннолетних объективно снижается, что характерно не только для России, но и для Европы в целом. В то же время вызовами и угрозами современного мира является рост в подростковой и молодежной среде негативных девиаций (агрессия, наркотизация, самоубийства), создание и функционирование в социальных сетях тематических групп, стимулирующих суицидальное поведение несовершеннолетних, а также групп, направленных на популяризацию в подростковой среде криминальной субкультуры. Данными тенденциями обусловлен поиск подходов в профилактике асоциальных форм поведения, которые направлены на конструктивное разрешение конфликтов, на формирование у подростков уважения личности и интересов другого человека целом.

Целью статьи является анализ нормативно-правовой базы в области регламентации возможности внедрения в работу комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП) восстановительных технологий (включая медиацию), а также обоснование актуальности мероприятий по расширению масштабов применения восстановительных программ в работе КДН и ЗП как инструмента содействия развитию правосудия, дружелюбного к детям.

Изложение основного материала исследования. Важным шагом, направленным на внедрение новых подходов в систему образовательно-воспитательного процесса стала утвержденная Указом Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» (далее – Стратегия), в числе основных задач которой – создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей, системы правосудия и системы исполнения наказаний, дружественных к ребенку». В качестве мер по реализации данной задачи Стратегией предусматривалось: развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия, а также реализация программ и применение механизмов возмещения ребенком-правонарушителем ущерба потерпевшему.

Планом первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации важнейших положений Стратегии, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2012 г. N 1916-р, в целях реализации восстановительного правосудия предусматривалось:

- разработка программы восстановительного правосудия⁵ в отношении детей, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность (п. 59 Плана);

- развитие сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия (п. 62 Плана);

- организация служб школьной медиации в образовательных учреждениях (п. 64 Плана).

На основе концепции восстановительного правосудия в ряде регионов России действуют школьные и территориальные службы примирения, методически поддерживаемые Межрегиональным общественным центром «Судебно-правовая реформа». Опыт проведения восстановительных программ в отношении несовершеннолетних обобщен в «Методических рекомендациях по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций» (письмо Минобрнауки России от 26.12.2017 г. [3]). Создание служб примирения/медиации, направленных на работу с конфликтами в образовательных организациях, регламентировано соответствующими методическими рекомендациями, представленными в письме Минобрнауки России от 18.12.2015 [4]. Особенностью данного документа явилась вариабельность подходов Министерства образования и науки РФ к созданию школьных служб примирения / медиации, основанных на разработках двух разных методических центров (Межрегионального центра «Судебно-правовая реформа» и ФГБУ «Федеральный институт медиации»). Возможность выбора субъектами РФ той или иной рекомендованной модели закономерно привела к формированию сразу двух элементов системы по работе с конфликтами в системе образования страны: «школьных служб примирения» и «служб школьной медиации».

Вторым шагом по институционализации восстановительной практики в России стала разработанная в рамках плана реализации Стратегии «Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» (далее – Концепция), утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации №1430-р от 30 июля 2014 г (Распоряжением Правительства РФ от 01.09.2018 N 1837-р в наименовании Концепции развития слова "до 2017" заменены словами "до 2020") [6]. В Концепции отмечено, что основу служб медиации на региональном и местном уровнях должны составлять секретари комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП).

Возложение подобных функций на секретарей КДН и ЗП явилось юридически выверенным решением, поскольку согласно ст. 11 Федерального Закона от 24.06.1999 N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» КДН и ЗП создаются и действуют в целях:

- координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявления и устранения причин и условий, способствующих этому;

- обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;

⁵ Восстановительное правосудие – отличный от карательного подход, направленный не на наказание виновного, а на восстановление материального, морального и иного ущерба, нанесенного жертве, сообществу и обществу, на осознание и заглаживание вины, восстановление нарушенных отношений, содействие реабилитации и ресоциализации правонарушителя [1, с. 105].

– выявления и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям [6].

Кроме того, на основании положений статьи 11 Федерального Закона от 24.06.1999 N 120-ФЗ КДН и ЗП в пределах своей компетенции должны обеспечивать «...осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних» [6].

Практика регионов по интеграции восстановительных технологий (включая медиацию) в систему образовательно-воспитательного процесса развивается с учетом имеющихся в субъектах Российской Федерации возможностей и ресурсов. Так, например, в Архангельской области развиваются технологии восстановительного правосудия. Решением областной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Архангельской области определены муниципальные образования, являющиеся экспериментальными площадками по внедрению программ примирения по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних. Внедрение медиации в уголовный процесс осуществляется на основе межведомственного взаимодействия и соглашения о межведомственном сотрудничестве в развитии дружественного детям правосудия. Контроль за соблюдением данного эксперимента возложен на специалистов территориальных КДН и ЗП, прошедших обучение по программам повышения квалификации «Медиация в восстановительном правосудии», «Восстановительные технологии для педагогов школьных служб примирения». Другим направлением деятельности подготовленных специалистов территориальных КДН и ЗП является организационно-методическая помощь в создании и образовательных учреждениях школьных служб примирения [2, с. 7].

В Брянской области функционируют службы школьной медиации. Однако организационно-методическую работу по созданию и функционированию данных служб осуществляют не специалисты КДН и ЗП, а работники Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи Брянской области [2, с.11].

В целом следует отметить, что только в 19 субъектах Российской Федерации восстановительные технологии интегрированы в работу КДН и ЗП (2, с. 12) При этом в большинстве регионов в деятельности КДН и ЗП восстановительные технологии (включая медиацию) не применяются и не используются, поскольку на уровне федерального законодательства (если не считать приведенные ранее подзаконные акты Президента РФ и Правительства РФ) отсутствуют нормы, наделяющие КДН и ЗП соответствующими полномочиями.

Представленный выше анализ нормативной базы показывает, что при наличии у КДН и ЗП определенного нормативного ресурса для применения восстановительных технологий (включая медиацию), существующая законодательная регламентация применения медиативной практики в деятельности КДН и ЗП носит скорее косвенный и рамочный характер, описывая лишь направления реализации дружественного к детям правосудия и, в общих чертах – индивидуальной профилактической работы и субъектов системы профилактики правонарушений, ответственных за ее проведение..

Кроме того, опыт общения с представителями КДН и ЗП субъектов РФ демонстрирует, что масштаб внедрения восстановительных технологий (в том числе медиации) в данных органах оставляет желать лучшего. На практике члены КДН и ЗП на своих заседаниях нередко используют тактику публичной моральной «порки» провинившихся подростков и их родителей, не разбираясь в причинах того или иного проступка, совершенного несовершеннолетним. Такая ситуация может быть объяснена отсутствием должного уровня понимания сути восстановительных (медиативных) технологий, их ценности и возможных направлений применения.

С целью обоснования потребности КДН и ЗП в использовании в своей работе восстановительных (медиативных) технологий в июле-сентябре 2017 года был проведен всероссийский социологический опрос членов КДН и ЗП, охвативший более 500 респондентов в 17 субъектах РФ. Критерием уровня экспертности участников опроса, позволяющем говорить об их компетентности в рамках обсуждаемой тематики стало преобладание среди респондентов лиц с опытом работы в КДН и ЗП более 3 лет (60,9%), а также лиц, старше 40 лет (58,3%), что позволило сделать вывод о достаточном опыте респондентов, позволяющем высоко оценивать весомость их мнений по обсуждаемым вопросам [1, с. 110].

Полученные в рамках опроса результаты позволяют говорить о том, что уровень информированности об обсуждаемых в настоящей статье технологиях и масштабы их применения является недостаточным, несмотря на наличие соответствующих предписывающих нормативных документов. В частности, на вопрос «Как часто в конфликтах, возникающих при взаимодействии с семьей несовершеннолетнего в ходе решения задач, поставленных перед КДН и ЗП, Вы используете инструменты медиации?» ответы «всегда» были предоставлены 10,5% респондентов; «почти всегда» – 9,9%, «часто» – 13,1%, «не часто» – 15,5% [1, с. 110].

В то же время оставшаяся часть респондентов применяют данные технологии «не часто» (17,8%); «редко» (16,7%); «не знают, что это такое» (2,4%), «затруднились ответить» (11,2%); не дали ответ – 2,8%. Еще хуже обстоит ситуация с применением иных восстановительных программ: 23,4% респондентов – членов КДН и ЗП сообщили о том, что восстановительные программы при работе с несовершеннолетними не используются совсем [1, с. 110].

Тем не менее, востребованность инструментов медиации в работе КДН и ЗП не вызывает сомнений. Так, на вопрос «Как часто при работе с семьей несовершеннолетнего в ходе решения задач, поставленных перед КДН и ЗП, Вы встречаетесь с противоречиями и конфликтами в семье несовершеннолетнего?» ответ «очень часто» был предоставлен 10,3% респондентов, «часто» – 30,7%; «довольно часто» – 28,8%. При этом при ранжировании видов противоречий, которые возникают при работе с несовершеннолетним и (или) его законными представителями, в ходе решения задач, поставленных перед КДН и ЗП преобладающими явились: «Противоречия, связанные с отсутствием у законных представителей несовершеннолетних ресурсов на выполнение мероприятий ресоциализации: временных, материальных, иных.» (первое (16,3%) и третье (30,1%) место по степени весомости фактора); «Противоречия, развитие которых происходит под воздействием личностных особенностей участников конфликтной ситуации» (второе (19,1%) место по степени весомости фактора) [1, с. 111].

Полученные результаты указывают, что, принимая во внимание довольно высокую частоту конфликтов, с которыми приходится сталкиваться членам КДН и ЗП и выделенные респондентами «отсутствие ресурсов на выполнение мероприятий ресоциализации» и «противоречия, обусловленные личностными особенностями конфликтующих сторон» – внедрение принципов медиации в работе с несовершеннолетними и их законными представителями в деятельности КДН и ЗП является обоснованной и необходимой задачей.

Результаты проведенного всероссийского социологического опроса членов КДН и ЗП показали также и осознанную заинтересованность последних во внедрении принципов медиации в их непосредственную деятельность. Так, по мнению 54,7% респондентов – владение медиативными технологиями будет полезным для всех сотрудников органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; по мнению 36,5% опрошенных – для сотрудников всех органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, входящих в состав КДН и ЗП; для ответственных секретарей КДН и ЗП – по мнению 9,2% участников исследования; для председателей КДН и ЗП – 8,2% респондентов.

Кроме того, члены КДН и ЗП считают, что процедуры медиации/восстановительные программы «содействуют эффективной работе с несовершеннолетними, снижая риски повторных правонарушений» (52,8% респондентов); имеют потенциал социально-психологической реабилитации для семьи, в которой проживает несовершеннолетний (45,1%); могут вести к снижению показателей безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних (36,1%); повышают уровень социальной ответственности семьи, в которой проживает несовершеннолетний (22,3%).

При этом в качестве существующих ограничений на применение медиации в работе КДН и ЗП опрошенные выделили: «личные/личностные качества медиатора/ведущего восстановительных программ» – (33,7%); «нехватку времени у специалистов» (32,6%); отсутствие информации о профессиональных качествах медиатора/ведущего восстановительных программ (27,9%); отсутствие специального помещения для проведения процедуры медиации/восстановительной программы (20,4%).

В настоящий момент, по мнению респондентов, в качестве медиатора/ведущего восстановительных программ в сотрудничестве с КДН и ЗП выступают: представитель службы школьной примирения/медиации (38,4%); представитель структурного подразделения, обеспечивающего деятельность КДН и ЗП (13,5%); представитель специализированной государственной структуры (12,5%); представитель иного субъекта системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (11,6%); представитель аппарата Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации (1,9%); Представитель сторонней специализированной негосударственной структуры (1,5%), представитель аккредитованной при КДН и ЗП негосударственной структуры (1,7%). Как было сказано выше, о неприменении восстановительных программ сообщили 23,4% респондентов.

При этом экспертные мнения участников опроса свидетельствуют о необходимости расширения объема применения медиации/восстановительных программ: представителями школьных служб примирения/медиации (58,4%), специализированных государственных структур (39,7%); аккредитованным представителем негосударственной структуры (21,2%); структурного подразделения, обеспечивающего деятельность КДН и ЗП (15,9%) представителем негосударственной структуры (14,4%), представитель аппарата уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ (14%).

Подавляющее большинство участников опроса (76,2%) считают, что результаты процедуры медиации/восстановительной программы могут нести рекомендательный характер при принятии решений КДН и ЗП по каждому конкретному случаю. О возможности обязательного характера учета результатов восстановительных программ заявили 7,9% респондентов.

В качестве условий дальнейшего распространения процедур медиации/восстановительных программ в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних участники опроса видят: «широкое информирование представителей органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних о возможностях применения медиации и восстановительного подхода» (47,2%); широкое информирование населения о возможностях применения медиации и восстановительного подхода (40,3%); «внесение изменений в систему нормативно-правового обеспечения межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (37,5%); привлечение к данной работе представителей общественных организаций в качестве нейтральной стороны (22,8%). Одним из наиболее значимых факторов, который может сделать невозможным проведение процедуры медиации/восстановительного подхода участники опроса отметили: «личные/личностные качества медиатора/ведущего восстановительных программ» (33,7%) наряду с «нехваткой времени у специалистов (32,6%); «отсутствием информации о профессиональных качествах медиатора/ведущего восстановительных программ» (27,9%); «отсутствием специального

помещения для проведения процедуры медиации/восстановительной программы» (20,4%). Критерии профессионализма явились преобладающим ответом на вопрос о качествах, которыми должен обладать медиатор/ведущий восстановительных программ, среди которых респонденты назвали «профессиональные навыки» (72,8%); личные качества (стрессоустойчивость, неконфликтность, самообладание и др.) (62,8%); «знание психологии» (12%); «должен вызывать доверие» (10%); «юридическая грамотность» (8,5%); «образование» (7,7%), «опыт работы» (6,2%). Присутствие сразу двух значимых критериев, связанных с личностью и профессионализмом медиатора, в ответах респондентов диктует важность образовательной деятельности по подготовке специалистов по проведению процедур медиации/восстановительных программ [1, с. 112].

Приведенные результаты исследования (по его отдельным ключевым вопросам) свидетельствуют о высокой оценке значимости медиативных технологий членами КДН и ЗП, их выраженной практической направленности, наличии запроса на расширение применения медиативных практик в данной сфере и потребности в реализации соответствующих образовательных программ.

Между тем, направления внедрения медиативных технологий в деятельность КДН и ЗП не ограничиваются только работой с несовершеннолетними и их законными представителями.

В рамках проведенного нами социологического опроса при ранжировании ответов о противоречиях, которые возникают при межведомственном взаимодействии с другими представителями органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в ходе решения задач, поставленных перед КДН и ЗП на первом месте преобладают противоречия, «обусловленные ограниченностью ресурсов, необходимых для решения проблемы, у органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (20,4%), на втором – «противоречия, обусловленные несоответствием объема работ и времени на ее выполнение» (16,5%); на третьем и четвертом – «противоречия, в основе которых лежит недостаточная или избыточная регламентация действий органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» – (21,5% и 23,8% соответственно). Все эти противоречия неизбежно приводят к конфликтам в деятельности КДН и ЗП, являющихся безусловным сдерживающим фактором в создании единой системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, призванной сохранять «субъект-субъектные» отношения, основанные на паритетном участии членов КДН и ЗП в совместной деятельности и гарантирующие минимизацию риска принятия субъективных решений в отношении несовершеннолетних. Такой характер отношений реализует коммуникативный тип справедливости, который должен прослеживаться в межведомственном взаимодействии субъектов профилактики в ходе деятельности КДН и ЗП.

В связи с вышесказанным общая задача – достижение социальной справедливости в деле профилактики правонарушений несовершеннолетних – у новой системы не появляется, а сохраняются преимущества ведомственных задач перед субъектами, в частности приоритет в соблюдении специализированных ведомственных регламентов, отсутствие значимых изменений статистических показателей как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, принятие ответственного решения в рамках методологических и материальных ресурсов ведомственных учреждений. Подобный вид взаимоотношений сторон (КДН и ЗП и ее членов, государственных учреждений – субъектов профилактики) можно обозначить как «субъект – объектные», характеризующиеся сохранением у отдельных членов КДН и ЗП позиции «объекта воздействия», подчинением чьей-то воле и реализацией исполнительских функций. Несомненно, такой тип отношений внутри совещательного органа не гарантирует объективности в принятии коллективных решений и может быть иллюстрацией дистрибутивного/распределительного типа справедливости, реализуемого в ущерб созданию механизма обеспечения справедливости в работе данного совещательного органа и порождающего конфликтность в его работе. Результатом всех вышеперечисленных

правовых и организационных коллизий становятся конфликты между членами КДН и ЗП, являющимися полномочными представителями различных субъектов профилактики, не всегда несущими в себе конструктивный потенциал. Возможным следствием нарушенных коммуникаций между членами КДН и ЗП может являться, в том числе деформация парадигмы их функционирования, утрата объективности по отношению к несовершеннолетним. В такой ситуации владение ответственными секретарями КДН и ЗП навыками медиации является очевидной необходимостью [7, 3374].

Выводы. Проведенное нами исследование показало, что в современных условиях при работе с детьми и подростками с девиантным поведением осознание и заглаживание ими вины за содеянное, оценка последствий случившегося и рефлексия над тем, чтобы совершенное правонарушение не повторилось, выработка навыков поведения в конфликте как способа предупреждения насилия – по мнению представителей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является важнейшим элементом социально-педагогической и индивидуальной профилактической работы, оцененным и востребованным экспертным сообществом. Кроме того, немаловажную роль играет наличие навыков построения конструктивных коммуникаций внутри самих совещательных органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Однако масштаб применения восстановительных технологий (в том числе медиации) не позволяет говорить о них, как о повсеместно принятой и распространенной практике. Задача Концепции по созданию сети служб медиации в виде двухуровневой системы, в которой основу второго уровня на региональном и местном уровнях должны составлять в том числе секретари КДН и ЗП осталась фактически невыполненной, а описание результатов реализации Концепции в доступных источниках отсутствует. В тоже время п.92 «Плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства», утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июля 2018 г. № 1375-р регламентирует реализацию «мер по обеспечению психологической помощи обучающимся в образовательных организациях, применению восстановительных технологий и методов профилактической работы с детьми и их семьями, поддержке служб медиации (примирения) в системе образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав».

Не являясь сторонниками идеи реализации жесткой административной регламентации самой восстановительной практики, мы считаем, что в целом низкий уровень внедрения данных технологий в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обусловлен недостаточной информированностью специалистов системы о показаниях к направлению случаев на восстановительные программы, об их ценностях и преимуществах. Помимо системной просветительской работы на федеральном и региональном уровнях в качестве серьезного катализатора развития восстановительного правосудия в нашей стране нам представляется:

- разработка на основании обобщения существующей практики методических рекомендаций с критериями направления случаев на проведение восстановительных программ, фокусированными в зависимости от специфики правонарушений;

- включение в показатели эффективности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних критерия применения восстановительных программ в соотношении с общим числом рассмотренных дел с обоснованием причины направления на проведение восстановительных программ или отказа от них.

Реализация такого подхода могла бы в значительной мере косвенно способствовать повышению заинтересованности членов КДН и ЗП в получении знаний о специфике восстановительного правосудия, а также их рефлексии над индивидуализированным выбором в пользу восстановительных программ в зависимости от специфики случая.

Аннотация. Авторами статьи проведен обзор нормативных актов, регламентирующих возможности применения восстановительных технологий (в том числе медиации) в практике работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее КДН и ЗП). На

основе данного анализа установлено наличие у КДН и ЗП определенного нормативного ресурса для применения восстановительных технологий (в том числе медиации) в рамках имеющегося функционала. Статья также представляет результаты всероссийского социологического опроса членов КДН и ЗП, впервые затронувшего проблематику типологии конфликтов, возникающих у их членов в ходе исполнения своих профессиональных обязанностей. На основании результатов описанных изысканий авторами обоснована актуальность мероприятий по расширению масштабов применения восстановительных программ в работе КДН и ЗП как инструмента содействия развитию правосудия, дружелюбного к детям.

Ключевые слова: правосудие, дружелюбное к детям; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП); правонарушения несовершеннолетних; медиация; восстановительное правосудие; восстановительные программы.

Annotation. The article presents an overview of regulatory sources and the results of a sociological survey, justifying the direction of the introduction of restorative justice programs into the work of the juvenile affairs commissions in Russia.

Keywords: justice friendly to children, commission on juvenile affairs, offenses of minors, mediation, restorative justice, restorative justice programs

Литература:

1. Островский А.Н., Пимонов В.А. Обоснование направлений интеграции восстановительных технологий (в том числе медиации) в работу комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав //Социология и право. – 2018. № 4 (42). – С. 104 - 116.

2. О применении в отношении несовершеннолетних медиативных технологий и работе служб медиации: сборник материалов по результатам III Всероссийского совещания по вопросу организаций деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (г. Уфа, 8–9 ноября 2016 г. / редкол.: Е.В. Ильгова (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. – 184 с.

3. Письмо Минобрнауки России от 26.12.2017 N 07-7657 "О направлении методических рекомендаций" (вместе с "Методическими рекомендациями по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций")//Вестник образования, 2018. № 9. – С. 40 - 72.

4. Письмо Минобрнауки России от 18.12.2015 N 07-4317 "О направлении методических рекомендаций" [Электронный ресурс]// СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=9ADD35442E115BFE2CE8>

5. Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 N 1430-р (ред. от 01.09.2018) «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»// Собрание законодательства РФ", 11.08.2014, N 32, ст. 4557.

6. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»// Собрание законодательства РФ, 28.06.1999, N 26, ст. 3177.

7. Шамликашвили Ц.А., Островский А.Н., Лукоянова Э.Р. Системное взаимодействие органов профилактики правонарушений несовершеннолетних как залог социальной справедливости в их деятельности: пути преодоления существующих ограничений. Материалы V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года [Электронный ресурс] / отв. Ред. В.А. Мансуров –Электрон. Дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 3374 - 3383.

Поимцева Татьяна Петровна,

социальный педагог,

Муниципальное бюджетное учреждение «Молодёжный центр»,

г. Владимир

Моисеева Елена Юрьевна,

педагог – психолог,

Муниципальное бюджетное учреждение «Молодёжный центр»,

г. Владимир

Постановка проблемы. В настоящее время проблема формирования здорового образа жизни подростков и молодёжи является актуальной. Она определяет не только состояние современной молодёжи, но и влияет на благополучие будущих поколений.

Показатели здоровья подростков и молодежи относятся к числу важнейших характеристик, определяющих их положение в обществе, а негативные тенденции в области здоровья, без всякого сомнения, являются свидетельством социального неблагополучия. Следует отметить, что состояние здоровья подростков и молодёжи в наши дни значительно ухудшилось, наблюдается тенденция к снижению психофизического здоровья. Это связано с основными проблемами подростков и молодёжи: курением, алкоголизмом, употреблением наркотиков, нерациональным питанием, избыточной массой тела, низкой физической активностью.

В современной литературе представлены разные точки зрения понятия «здоровый образ жизни». Так И.И. Брехман, подчеркивает, что здоровье – это не отсутствие болезней, а физическая, социальная и психологическая гармония человека, доброжелательные отношения с другими людьми, с природой и самим собой [1, с. 27]. О.С. Васильева к числу основных факторов, влияющих на физическое здоровье, относит: систему питания, дыхания, физических нагрузок, закаливания, гигиенические процедуры [2]. Кроме того Э.Н. Вайнер рассматривает здоровый образ жизни, как образ жизни отдельного человека с целью укрепления здоровья и профилактики болезней.[3]. Е.Н. Назарова, Ю.Д. Жилов приходят к выводу, что здоровье – одна из важных человеческих ценностей, источник счастья, радости, залог оптимальной реализации личности. Есть только один способ быть здоровым самому и обеспечить здоровью своему потомству – уметь сохранять и укреплять собственное здоровье [4] Седых Н. В. аргументированно обосновывает, что здоровый образ жизни – это не только способ организации всех сторон жизнедеятельности, направленных на укрепление здоровья и выполнения общепринятых норм и правил здорового образа жизни. Данная категория предусматривает выработку у человека ценностей, приоритетной среди которых является здоровье, формирование осознанного отношения к собственному здоровью, и на этой основе выбор личностью своего поведения в различных сферах деятельности, позволяющих обеспечить физические, психические и социальные компоненты здоровья [5].

Таким образом, есть все основания полагать, что здоровье – это состояние полного физического, духовного (психического) и социального благополучия, а не только отсутствие болезней.

Целью статьи и данного исследования является изучение и изменение отношения подростков к здоровому образу жизни через создание и реализацию программы по формированию здорового и безопасного образа жизни, которая обеспечивает становление социально активной, нравственно устойчивой, психически и физически здоровой личности.

Задачи:

1. Информирование подростков и молодёжи о значимости знаний по основам здорового образа жизни, для поддержания и сохранения индивидуального здоровья.
2. Формирование стойких негативных установок по отношению к вредным

привычкам.

3. Развитие умений преодолевать кризисные ситуации и противостоять давлению социального окружения.

Изложение основного материала исследования. Для решения этих задач подготовлена и апробирована программа «Здоровый образ жизни – главная ценность современной молодёжи», которая реализовывалась в ГБПОУ ВО «Владимирский строительный колледж» с сентября 2018 года по май 2019 года в двух группах 1 курса.

В сентябре 2018 года проведено анкетирование. В нем участвовало 46 подростков 15-17 лет (80% – юношей, 20% – девушек) с целью оценки своего здоровья, отношения к жизненным ценностям, к условиям наиболее важным для сохранения здоровья, к вредным факторам для здоровья. Изучался анализ отношения студентов к информации о ЗОЖ и заботы о своём здоровье.

На основе полученных данных в каждой группе проведено 9 занятий по темам:

Занятие №1 «Здоровый образ жизни – как главная ценность современной молодёжи»;

Занятие №2 «Профилактика стрессовых состояний у подростков»;

Занятие №3 «Курить или не курить?»;

Занятие №4 «Умей говорить Нет!»;

Занятие №5 «Ваше право быть здоровым»;

Занятие №6 «Профилактика зависимостей»;

Занятие №7 «Здоровый образ жизни и Я»;

Занятие №8 «Позитивное общение – хорошее здоровье».

Занятие №9 «Формирование здорового образа жизни молодёжи».

Занятия проводились с элементами социально-психологического тренинга с преимущественным использованием ролевой игры. А также использовались индивидуальные тесты, интерактивные методы и мультимедиа-ресурсы. При этом применялись разнообразные формы работы с группой: беседа-дискуссия, игровые упражнения, презентации. Упражнения выполнялись фронтально, в подгруппах (2-4 человека), в парах.

В мае 2019 года для сравнительного анализа полученных результатов, в ходе апробации программы, проведено повторное тестирование с участием 41 подростка 15-17 лет (82% – юноши, 18% – девушки).

Для эффективности проделанной работы сделан сравнительный анализ до и после реализации программы, так как предполагалось, что в процессе проведения цикла занятий будут сформированы: негативные установки по отношению к вредным привычкам, повысится информированность подростков о значимости знаний по основам ЗОЖ, будет сформировано умение конструктивно решать конфликтные ситуации в социуме.

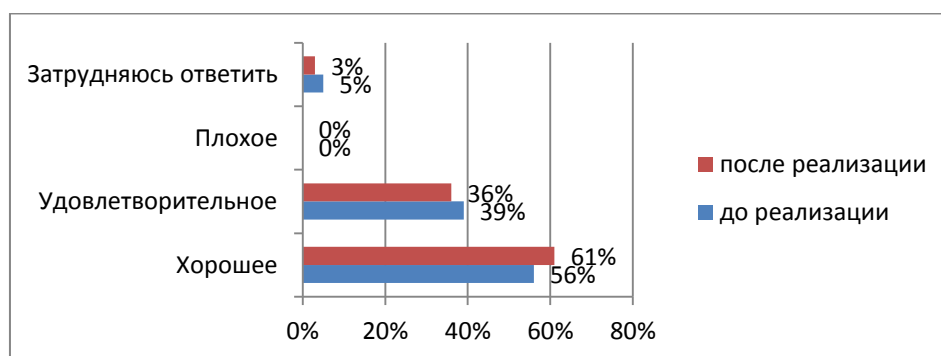

Рис. 1. Оценка состояния своего здоровья до и после реализации программ

После реализации программы ряд показателей оценки состояния своего здоровья изменился. Наибольшее увеличение достигнуто в области оценки здоровья «хорошее» – 5%. Уменьшился уровень оценок своего здоровья «удовлетворительное» – 3%, а вариант ответа «затруднялись ответить» снизился на 2%.

Можно предположить, что в ходе реализации программы подростки стали более объективно анализировать состояние своего здоровья (Рис. 1).

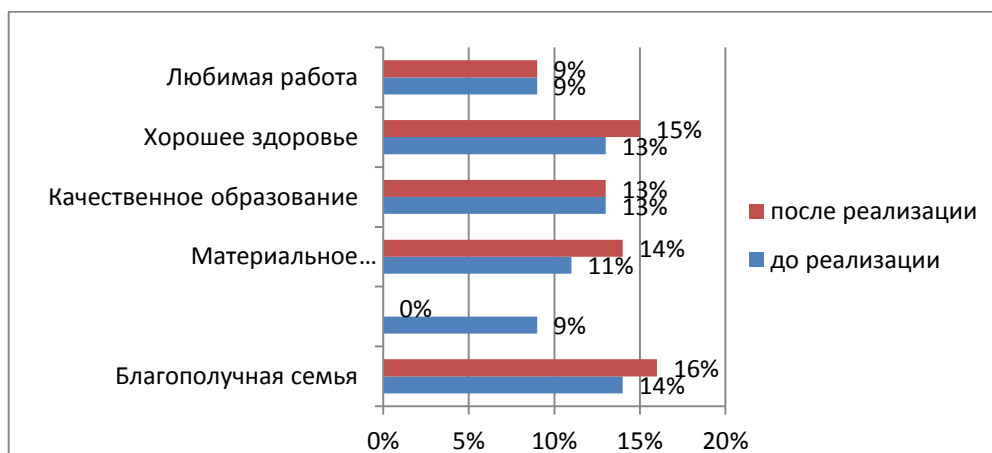

Рис. 2. Сравнительный анализ ценностей студентов до и после реализации программы.

Оценка динамики в структуре жизненных ценностей подростков показала, что некоторые жизненные ценности студентов первого курса после реализации программы изменились.

Увеличилось значение таких ценностей, как:

- благополучная семья (2018 – 14%, 2019 – 16%);
- хорошее здоровье (2018 – 13%, 2019 – 15%);
- материальное благополучие (2018 – 11%, 2019 – 14%).

Значимой осталась ценность «качественное образование» (2018 – 13%, 2019 – 13%), а такая ценность как «любимая работа» сохранила свои позиции (2018 – 9%, 2019 – 9%). Значимость ценности «привлекательная внешность» для студентов потеряла свою актуальность (2018 – 9%, 2019 – 0%). Это говорит о важности для подрастающего поколения таких институтов как семья, здоровье, образовательные организации, социальное окружение, материальное благополучие. (Рис. 2).

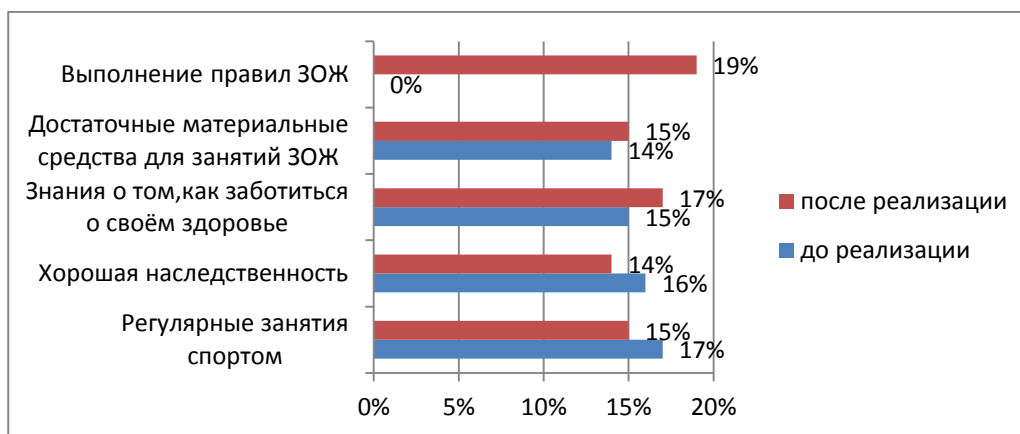

Рис. 3. Сравнительный анализ условий наиболее важных для сохранения здоровья до и после реализации программы.

По итогам исследования можно утверждать, что в ходе реализации программы у подростков изменилось отношение к условиям сохранения своего здоровья.

Появилось такое условие как выполнение правил здорового образа жизни (2018 – 0%, 2019 – 19%), что говорит о повышении информированности и эффективности полученных знаний.

Повысилась значимость таких условий как:

- достаточные материальные средства для ЗОЖ (2018 – 14%, 2019 – 15%);
- знания о том, как заботиться о своём здоровье (2018 – 15%, 2019 – 17%).

Несколько уменьшились, но остались не менее важными условия такие как:

- регулярное занятие спортом (2018 – 17%, 2019 – 15%);

- хорошая наследственность (2018 – 16%, 2019 – 14%). Следует отметить, что в ходе

проведенных занятий подростки стали по-другому анализировать условия для сохранения своего здоровья, более вдумчиво и осмысленно (Рис. 3).

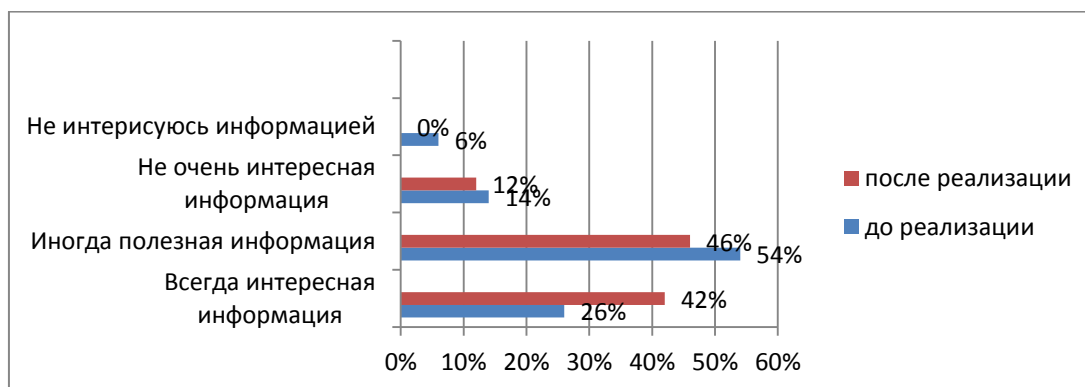

Рис.4. Сравнительный анализ отношения студентов к информации о ЗОЖ до и после реализации программы.

Анализ отношения студентов к информации о здоровом образе жизни показал, что у них изменилось отношение к ней в сторону увеличения интереса, а количество студентов, которых «не интересует информация о ЗОЖ», уменьшилось с 6% до 0%. Таким образом, можно утверждать, что содержание программы эффективно, тематика занятий подобрана правильно, формы и методы их проведения соответствуют целям и задачам программы (Рис. 4).

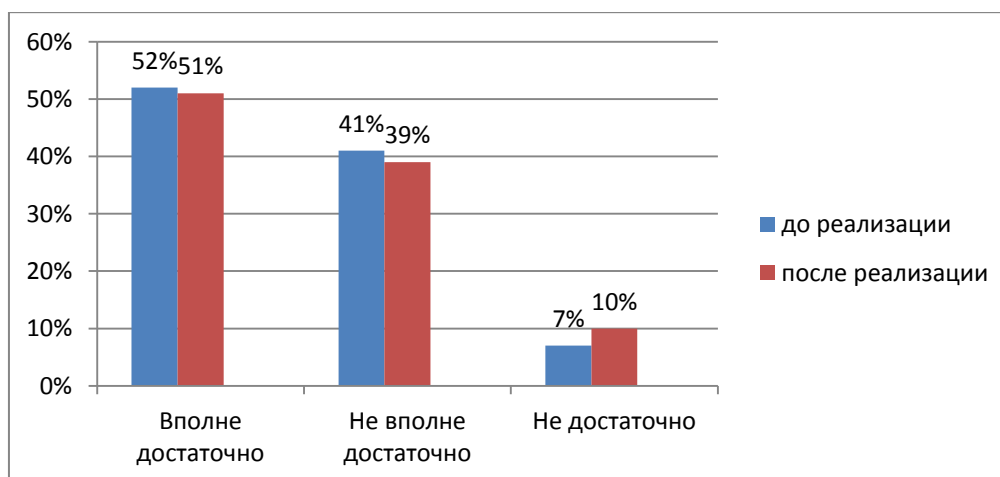

Рис. 5. Сравнительный анализ заботы студентов о своём здоровье до реализации и после реализации программы.

По итогам сравнительного анализа заботы подростков о своём здоровье видно, что уменьшилось количество студентов, которые считают, что они «вполне достаточно» заботятся своим здоровьем (2018 – 52%, 2019 – 51%), а также тех, которые считают, что они «не вполне достаточно» заботятся своим здоровьем (2018 – 41%, 2019 – 39%). Несомненный интерес представляет увеличение числа студентов, которые считают, что «недостаточно» заботятся о своём здоровье (2018 – 7%, 2019 – 10%), что является следствием высокой

информированности о способах сохранения и более внимательного отношения к своему здоровью. Это даёт возможность предположить, что подростки применяют в своей жизни полученные знания по программе «Здоровый образ жизни – главная ценность современной молодёжи» (Рис. 5).

Анализируя «вредные» для здорового образа жизни факторы, подростки стали более эффективно их дифференцировать, увеличилось количество ответов таких как «вредно»:

- курение – 2018 – 74%, 2019 – 90%;
- употребление алкоголя – 2018 – 63%, 2019 – 64%;
- неправильное питание – 2018 – 61%, 2019 – 68%;
- сидячий образ жизни – 2018 – 65%, 2019 – 78%.

Уменьшилось количество ответов «совсем не вредно»:

- употребление алкоголя – 2018 – 4%, 2019 – 2%;
- курение – 2018 – 2%, 2019 – 0%;

Надо отметить, что мнение подростков о вреде употребления наркотиков осталось неизменным – 100 %. Это даёт достаточное основание утверждать о правильности применения психологических и ролевых игр, занятий с элементами тренинга, индивидуальных тестов, интерактивных методов и мультимедиа-ресурсов в ходе реализации программы.

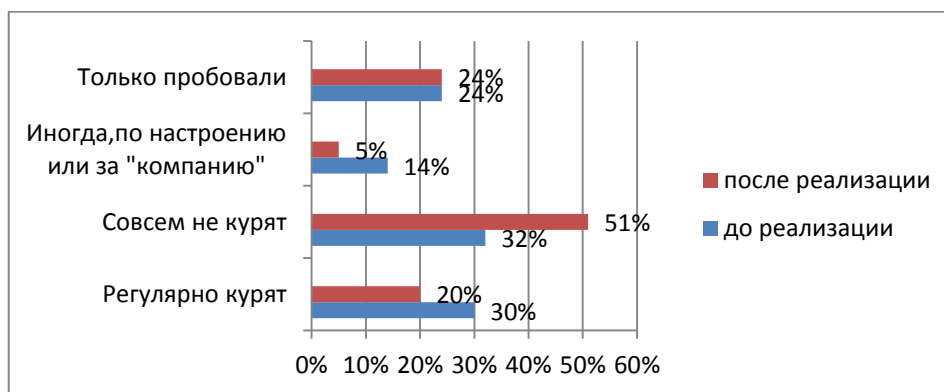

Рис.6. Сравнительный анализ количества курящих подростков до и после реализации программы.

По итогам полученных результатов количества курящих подростков уменьшилось:

- «регулярно» курящих студентов (2018 – 30%, 2019 – 20%);
- «иногда по настроению «или за компанию» (2018 – 14%, 2019 – 5%).

А вместе с тем, увеличилось число студентов, которые «совсем не курят» (2018 – 32%, 2019 – 51%). Это подтверждает важность и актуальность рассматриваемых проблем, предложенных в программе, с учётом возрастных особенностей и ведущей деятельности подростков, которой является межличностное общение (Рис. 6).

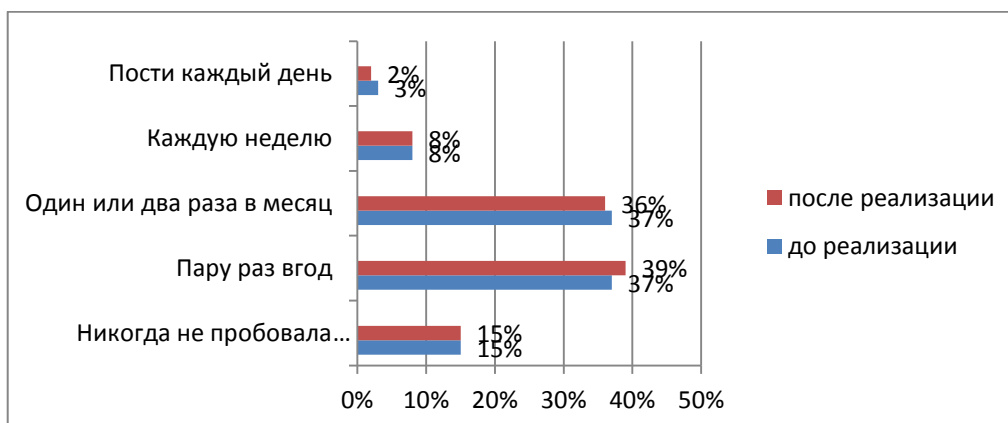

Рис. 7. Сравнительный анализ частоты употребления спиртных напитков до и после реализации программы

Реализация программы «Здоровый образ жизни – главная ценность современной молодёжи» позволила снизить частоту употребления спиртных напитков подростками «почти каждую неделю» (2018 – 3%, 2019 – 2%), «один или два раза в месяц» (2018 – 37%, 2019 – 36%). То есть условия, созданные в рамках программы, привели к изменению отношения подростков к употреблению спиртных напитков (Рис. 7).

Выводы:

1. Созданные психолого-педагогические условия при реализации программы, способствовали позитивным изменениям отношения подростков к своему здоровью и безопасному образу жизни.
2. Расширился репертуар умений и навыков выхода из кризисных ситуаций.
3. В ходе реализации программы подростки активно, осмысленно, с интересом и удовольствием включались во взаимодействие с ведущими и друг с другом, что подтверждают их положительные отзывы.
4. Проведённые занятия с элементами тренинга по коммуникативным навыкам и групповому взаимодействию научили подростков конструктивно общаться и противостоять давлению социального окружения.
5. Дальнейшее совершенствование программы необходимо дополнить занятиями по формированию вербальных и невербальных навыков общения и командообразованию.

Согласно полученным результатам, можно сделать вывод о том, что программа «Здоровый образ жизни – главная ценность современной молодёжи», является актуальной и востребованной, её можно рекомендовать для использования в работе с подростками 15-17 лет.

Аннотация. В статье рассматривается система формирования здорового образа жизни студентов колледжа. В работе представлены результаты первичного и заключительного тестирования после реализации программы «Здоровый образ жизни – главная ценность современной молодёжи». Обобщены и проанализированы полученные результаты и сделаны выводы.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, ценностное отношение к здоровью, негативные установки к вредным привычкам, условия для сохранения здоровья, изменение отношения к своему здоровью.

Annotation. The article deals with *the system of the formation of a college students' healthy lifestyle. The paper presents the results of the primary and final testing following the implementation of the project «Healthy lifestyle is the main value of young people today».* The results have been analysed and summarized, the necessary conclusions are made.

Keywords: healthy lifestyle, value attitude to health, negative attitudes to harmful habits, conditions for maintaining good health, change of attitude to health.

Литература:

1. Брехман, И.И. Введение в валеологию – науку о здоровье. – Л., 1987. – 125 с.
2. Васильева, О.С. Валеология – актуальное направление современной психологии // Психологический вестник РГУ. – Ростов-на-Дону, 1997. – Вып.3. – С. 406-411.
3. Вайнер Э.Н. Здоровый образ жизни как принципиальная основа обеспечения здоровой жизнедеятельности. / Э.Н. Вайнер/ ОБЖ основы безопасности жизни. – 2009. – №3. – С.39-46
4. Назарова Е.Н., Жилов Ю.Д. Основы здорового образа жизни – М.: Академия, 2013. –С. 9.

5. Седых Н.В. Педагогическая система формирования основ здорового образа жизни детей в дошкольных образовательных учреждениях: автореферат диссертации доктора педагогических наук / Н.В. Седых. – Волгоград, 2006. – 43 с.

УДК: 159.95

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРЕСУИЦИДАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Пономарева Екатерина Сергеевна,

студентка факультета Юридической психологии,
ФГБОУ ВО «Московский психолого-педагогический университет»,
г. Москва

Делибалт Варвара Васильевна,

доцент кафедры юридической психологии и права факультета Юридической
психологии,
ФГБОУ ВО «Московский психолого-педагогический университет»,
г. Москва

Постановка проблемы. В настоящее время проблема суицида активно разрабатывается исследователями, что говорит о ее значимости и отражается в количестве публикаций по этой теме. Так, на отечественном ресурсе Elibrary за последние 5 лет по запросу «суицид» было найдено 20435 статей, и на зарубежных ресурсах Web of Science Core Collection и Scopus по запросу «suicide» – 20435 и 28865 статей, соответственно. Так как в литературе, в рамках когнитивного компонента пресуицидального состояния, прослеживается интерес к когнитивным искажениям и особенностям автобиографической памяти, указанные выше ресурсы были проверены на наличие соответствующих публикаций. В результате, на Elibrary по запросу «когнитивные искажения» было найдено 294 статьи, из которых 7 было с уточнением «суицид», и они включали в себя 5 работ, посвященных подросткам; здесь же был проведен поиск по запросу «автобиографическая память» (214) с уточнением «суицид» (0). Также на зарубежных ресурсах был сформулирован запрос «cognitive distortions» (Web of Science Core Collection: 394; Scopus: 433) с последовательно введенными уточнениями «suicide» (Web of Science Core Collection: 11; Scopus: 11) и «adolescent» (Web of Science Core Collection: 4; Scopus: 0); затем – запрос «autobiographical memory» (Web of Science Core Collection: 1929; Scopus: 1899) детализированный таким же образом: «suicide» (Web of Science Core Collection: 27; Scopus: 11), далее «adolescent» (Web of Science Core Collection: 5; Scopus: 1). Таким образом, можно сделать вывод, что указанный аспект рассматриваемой темы не находится в центре внимания; вместе с тем, когнитивный компонент является одним из важных факторов принятия решений, поэтому необходимо выяснить какую роль он играет в возникновении и течении пресуицидального состояния и какие его составные элементы могут быть в этом задействованы.

Соответственно, *объект* исследования – пресуицидальное состояние несовершеннолетних, а *предмет* – особенности когнитивного компонента указанного состояния.

Цель – выявить и описать маркеры когнитивного компонента пресуицидального состояния несовершеннолетних.

В ходе исследования были поставлены следующие *задачи*:

1. описать феномен «пресуицидального состояния» и проанализировать подходы к его изучению;
2. рассмотреть компоненты пресуицидального состояния;

3. выделить психологические особенности несовершеннолетних в пресуицидальном состоянии;
4. структурировать подходы к изучению когнитивного компонента пресуицидального состояния, выделить маркеры;
5. описать маркеры когнитивного компонента пресуицидального состояния несовершеннолетних.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что существуют параметры, с помощью которых можно описать когнитивный компонент пресуицидального состояния несовершеннолетних. Предполагается, что это когнитивные искажения (особенно выделяется дихотомическое мышление) и сверхобобщающий стиль автобиографической памяти, которые могут оказывать влияние на принятие решений в проблемных ситуациях, снижая количество доступных вариантов их разрешения.

Методологические основы исследования составили работы Г.С. Банникова, выделившего маркеры пресуицидального состояния подростков, среди которых необходимо выделить когнитивный [1, с. 36], и А. Бека, описавшего факторы уязвимости, катализирующие развитие суицидального кризиса и, в своем большинстве, описывающие познавательную сферу [5, с. 191]; а также работы Н.Н. Спадеровой – к рассмотрению понятия «суицид» [3, с. 23].

Изложение основного материала исследования. В первую очередь необходимо определить следующие понятия:

- Суицид – «стадийный и динамичный процесс, в котором суицидальная активность прогрессирует от начальных, малоосознаваемых внутренних форм до практической реализации суицидальных действий» [Цит. по: 3, с. 23].
- Пресуицидальное состояние – специфическое состояние человека, обуславливающее проявление суицидального поведения, зависящее, от актуальной стрессовой ситуации; наличия факторов суицидального риска, отражающих уровень сформированности суицидальных намерений; депрессивного состояния и чувства безнадежности (авторское определение).

Анализ литературных источников позволил выделить несколько важных аспектов, характеризующих когнитивный компонент пресуицидального состояния.

В первую очередь, акцент ставится на наличии у человека когнитивных схем. Это когнитивные структуры, помогающие организовывать и упорядочивать стимулы, с которыми человек сталкивается каждый день, и способные изменяться под их влиянием. А. Бек указывает, что для суицидального кризиса характерно наличие определенных когнитивных схем, которые усиливают негативную эмоциональную оценку ситуации и обеспечивают неадаптивные формы обработки информации [5, с. 193].

Далее следует обратить внимание на такой конструкт, как когнитивные искажения. Это систематические, эволюционно сложившиеся ошибки, возникающие в ходе мыслительного процесса. А. Тверски и Д. Канеман выделяют 2 системы, в соответствии с которыми организовано мышление: система 1-го типа («быстрая», автоматизированная, предполагающая быструю оценку ситуации (в том числе, эмоциональную), затрагивающая сравнительно малое количество ресурсов) и система 2-го типа («медленная», ресурсоемкая, осознаваемая, предполагающая решение сложных, иногда нестандартных, задач). Авторы указывают, что когнитивные искажения характерны для системы 1-го типа ввиду ее не критичности и малой степени осознаваемости [2, с 16]. В литературе указывается, что пресуицидальному состоянию свойственна такая феноменология, и в большей степени делается акцент на дихотомическом мышлении (мышление в абсолютных категориях, исключая переходные).

Еще один аспект, требующий внимания – это сверхобобщающий стиль автобиографической памяти, для которого характерна затрудненность припоминания конкретных событий (однократные, длятся менее 1-го дня), происходивших в прошлом – из памяти извлекаются общие (повторяющиеся или длящиеся более 1-го дня) события [4, с.

1305]. В исследованиях этот конструкт связывали, в основном, с депрессией, реже – с суицидальным поведением, но, следует отметить, последнее может быть компонентом депрессии. Также А. Бек отмечал указанный аспект как один из факторов уязвимости, характерный для суицидального кризиса [5, с. 192].

Описанные процессы препятствуют всестороннему рассмотрению и, следовательно, адекватной оценке специфической ситуации, соответственно, сужается круг доступных стратегий поведения. Кроме того, они способствуют негативной эмоциональной оценке ситуации, что в совокупности увеличивает вероятность возникновения пресуицидального состояния. В отношении несовершеннолетних следует дополнительно упомянуть влияние на него возрастных факторов: активное формирование психических процессов (в большей степени, мышления) и копинг-стратегий (пик развития приходится на 7-11 лет, далее – увеличение продуктивных копинг-стратегий), а также недостаточную сформированность восприятия своей смерти при доступности этого понятия на абстрактном уровне.

Материалы и методы. Выборка была сформирована из учащихся 7-8 классов ГБОУ СОШ №1210 в количестве 31 человека (16 мальчиков и 15 девочек в возрасте 13-15 лет; средний возраст – 14,29), составивших нормативную часть выборки, и пациентов ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ» в количестве 9 человек (1 мальчик и 8 девочек в возрасте 14-15 лет; средний возраст – 14,56), составивших клиническую часть выборки. Общая выборка (40 человек) была разделена на 3 группы:

- Экспериментальную (Эк) – испытуемые из клинической части выборки.
- Экспериментальную (Эр) – испытуемые из нормативной части выборки, у которых были выявлены суицидальные риски по одношкальным методикам «Шкала одиночества» Д. Рассела, «Шкала безнадежности» А. Бека и «WHO-5 Well-Being Index» (17 человек).
- Контрольную (К) – испытуемые из нормативной части выборки, у которых указанных рисков выявлено не было (14 человек).

Были использованы следующие *методики*:

1. Шкала одиночества (UCLA – версия 3) Д. Рассел, М. Фергюсон.
2. Шкала безнадежности А. Бека (Hopelessness Scale, Beck et al. 1974).
3. WHO-5 Well-Being Index (1998) Индекс хорошего самочувствия.
4. Опросник когнитивных искажений Е.С. Ивановой.
5. Тест незавершенных предложений SCEPT F. Raes. Текст методики был переведен с английского языка на русский.

Были использованы следующие методы математической статистики: описательная статистика, критерий χ^2 , коэффициент ранговой корреляции Спирмена, U-критерий Манна-Уитни.

Результаты. Была выявлена прямая связь между методиками, направленными на оценку суицидального риска. Корреляция значима на уровне $p < 0,01$. Важно подчеркнуть, что шкала депрессивной симптоматики, измеряемая по «WHO-5 Well-Being Index», инвертирована по отношению к другим, так как оценивает степень невыраженности указанного признака.

Таблица 1

Результаты расчета статистической значимости различий по шкалам методики «Опросник когнитивных искажений» Е.С. Ивановой для групп испытуемых К, Эр и Эк по U-критерию Манна-Уитни

Шкала	Статистические критерии	Пары групп		
		К и Эр	К и Эк	Эр и Эк
Долженствование	U Манна-Уитни	59,500	33,000	72,000
	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,017	0,57	0,807
Эффект статуса-кво	U Манна-Уитни	63,500	46,500	56,500

	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,027	0,295	0,276
--	--	-------	-------	-------

Были выявлены статистически значимые различия по шкалам «Долженствование» и «Эффект статуса-кво» между группами «К» и «Эр» на уровне значимости $p < 0,05$ относительно обеих шкал (Табл. 1).

Таблица 2

Распределение рангов для групп К и Эр по шкалам «Долженствование» и «Эффект статуса-кво»

Шкала	Группа	Количество испытуемых	Средний ранг
Долженствование	К	14	20,25
	Эр	17	12,50
Эффект статуса-кво	К	14	19,96
	Эр	17	12,74

Показатели по обеим шкалам значимо выше в группе «К» (Табл. 2).

Таблица 3

Результаты расчета статистической значимости различий по шкалам теста незавершенных предложений SCEPT для групп испытуемых К, Эр и Эк по *U-критерию Манна-Уитни*

Шкала	Статистические критерии	Пары групп		
		К и Эр	К и Эк	Эр и Эк
Категориальная память	U Манна-Уитни	47,500	15,500	57,000
	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,003	0,002	0,250

Показатели по шкале «Категориальная память» различаются в группах «К» и «Эр», а также в «К» и «Эк» на уровне значимости ($p < 0,01$) в обоих случаях (Табл. 3).

Таблица 4

Распределение рангов для пар групп К/Эр и К/Эк по шкале «Категориальная память»

Шкала	Группа	Количество испытуемых	Средний ранг
Категориальная память	К	14	21,11
	Эр	17	11,79
Категориальная память	К	14	15,39
	Эк	9	6,72

Показатели группы «К» выше показателей групп «Эр» и «Эк» (Табл. 4).

Обсуждение результатов. Тенденция к более высоким показателям по шкалам «Долженствование» (человек считает, что должен поступать или чувствовать в соответствии с определенными стандартами, усвоенными в прошлом опыте; при этом, он не склонен анализировать детали ситуации и другие возможные решения) и «Эффект статуса-кво» (склонность совершать поступки, не приводящие к изменениям, или приводящие к минимальным изменениям текущей ситуации) в контрольной группе «К» по сравнению с группой риска «Эр», может говорить о том, что указанные когнитивные искажения могут

играть роль психологических защит, подталкивая человека к поиску более стандартных решений проблемной ситуации.

Значимо высокие показатели по шкале «Категориальная память» (воспоминания об одинаковых, повторяющихся событиях, не являющихся стрессовыми) в контрольной группе, по сравнению с остальными 2-мя, вероятно, могут говорить о том, что указанные воспоминания позволяют получать больше информации об актуализируемых событиях и, соответственно, укреплять и корректировать когнитивные схемы, связанные с ними. Это, возможно, способствует расширению диапазона возможных вариантов адаптивного поведения и способов мышления в специфической ситуации.

Следует заметить, что результаты клинической группы в меньшей степени отличаются от показателей контрольной, по сравнению с группой риска. Можно предположить, что это, по всей видимости, связано с уже проводящейся с испытуемыми реабилитационной и коррекционной работой в медицинском учреждении. Также может играть роль фактор социальной желательности. В то же время испытуемые из группы риска, вероятно, не участвуют в профилактических мероприятиях, соответственно, их состояние не находится под контролем специалистов и может быть почти не заметным для окружающих.

Выводы. Были выявлены следующие особенности автобиографической памяти и когнитивных искажений, являющихся составными частями когнитивного компонента пресуицидального состояния несовершеннолетних:

1. Тенденция к меньшей выраженности таких когнитивных искажений как «Долженствование» и «Эффект статуса-кво».
2. Склонность к припоминанию меньшего количества событий, отражающих категориальную память.
3. Отличия показателей респондентов из группы риска «Эр» сильнее выражены по сравнению с результатами испытуемых клинической группы «Эк» относительно контрольной группы «К».

Аннотация. В статье описывается исследование, в котором была рассмотрена связь особенностей автобиографической памяти и когнитивных искажений с пресуицидальным состоянием несовершеннолетних – предполагаемых составляющих его когнитивного компонента. Цель исследования – выявление и описание маркеров когнитивного компонента пресуицидального состояния несовершеннолетних. Были сделаны выводы о том, что для указанного состояния свойственны тенденции к меньшей выраженности когнитивных искажений «Долженствование» и «Эффект статуса-кво», а также к склонности к припоминанию меньшего количества событий, относящихся к категориальной памяти.

Ключевые слова: суицид, пресуицидальное состояние, суицидальное поведение, когнитивные искажения, автобиографическая память, подростки.

Annotation. The present article details the research, in which the link between autobiographical memory specificity, cognitive distortions and adolescents' presuicidal state was observed. These aspects are supposed to be constituents of its cognitive component. The aim of the research is to reveal and to describe markers of adolescents' presuicidal state cognitive component. Conclusion: there are tendencies to the decrease of cognitive distortions ("Obligation" and "Status-quo effect") severity and to recall fewer events related to categoric memory.

Keywords: suicide, presuicidal state, suicidal behavior, cognitive distortions, autobiographical memory, adolescents.

Литература:

1. Банников Г.С. Кризисные состояния абонентов Телефона доверия: вопросы диагностики и психологической помощи [Электронный ресурс] / Г.С. Банников, А.В. Ермолаева // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2013. – № 4. – С. 34-46. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65710.shtml (дата обращения: 23.06.2019).

2. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2014. – 653 с.
3. Спадерова Н.Н. Анализ завершенных суицидов у детей и подростков, в практике отделения амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз Тюменской ОКПБ за 2012-2014 гг. / Н.Н. Спадерова, О.В. Горохова, С.Е. Герасина // Тюменский медицинский журнал. – 2014. – Т. 16, № 1. – С. 21-24.
4. Overgeneral autobiographical memory predicts changes in depression in a community sample / T. Van Daele et al. // Cognition and Emotion. - 2014. - Vol. 28, № 7. - P. 1303-1312. - doi: 10.1080/02699931.2013.879052.
5. Wenzel A. A cognitive model of suicidal behavior : theory and treatment / A. Wenzel, A.T. Beck // Applied and preventive psychology. – 2008. – Т. 12. – № 4. – P. 189-201. – doi: 10.1016/j.appsy.2008.05.001.

УДК: 37.015.32

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ АДДИКТИВНЫХ ПОДРОСТКОВ С ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Пряжникова Елена Юрьевна,
доктор психологических наук, профессор
кафедры «Управление персоналом и психология»,
научный руководитель лаборатории
профессиональной ориентации «Таланты Будущего»
Финансовый университет при правительстве РФ,
г. Москва

Постановка проблемы. Для большинства аддиктивных подростков с химической зависимостью характерными особенностями профессионального самоопределения является отсутствие ценностных ориентаций и установок; отсутствие ближайших и перспективных жизненных планов и профессиональных намерений; несформированность представлений о мире профессий; отсутствие склонностей и интересов, низкий уровень развития профессиональной мотивации по сравнению с подростками, не обладающими химической зависимостью.

Целью статьи является знакомство читателей с результатами эмпирического исследования особенностей профессионального самоопределения аддиктивных подростков с химической зависимостью.

Изложение основного материала исследования. В данной статье мы не ставим перед собой задачу раскрытия содержания понятий «аддикция», «аддиктивное поведение». Поскольку материалы научного сборника рассчитаны на профессиональный круг специалистов в области изучения девиантного поведения подростков и молодежи. Хотели бы отметить, что проблема аддикции в последние годы становится наиболее актуальной в работе современных практических психологов, педагогов, врачей. Она также волнует и тревожит родителей этой категории молодежи и представляет для них сложную, личностную проблему, а порой и трудно разрешимую.

Наше исследование, которое вместе с нами организовывали и проводили магистранты-психологи Московских вузов состоялось в период 2017-2019 г. на базе образовательных учреждений и учреждений дополнительного образования Московской области. В исследовании приняло участие 45 подростков в возрасте от 15 до 17 лет с различного рода химической зависимости, которые составили экспериментальную группу: 23 девушки и 22 юноши. Контрольную группу составили учащиеся образовательных

учреждений, общее количество также 45 человек: 21 девушка и 24 юноши. Программа исследования была построена на основе известных психологических материалов: методика изучения мотивов учебной деятельности, К. Замфир; методика «ДДО», Е.А. Климов; методика «Карта интересов» А. Голомшток; авторский активизирующий опросник «Перекресток профессий».

В начале мы познакомим наших читателей с показателями характерных особенностей профессионального самоопределения подростков, имеющих зависимость от психоактивных веществ. По методике К. Замфир можно определить мотивационный комплекс личности (рис.1), который состоит из трех видов мотивации: ВМ – внутренняя мотивация, ВПМ – внешняя положительная мотивация, ВОМ – внешняя отрицательная мотивация. Мотивационный комплекс учащихся контрольной группы выражается следующим образом $ВМ=ВПМ>ВОМ$, в то время как у аддиктивных подростков мотивационный комплекс представляет собой $ВПМ>ВМ=ВОМ$. Это говорит о том, что аддиктивные подростки демонстрируют стремление к избеганию порицания, они не хотят «попасть впросак», а это как мы понимаем подтверждает их эмоциональную нестабильность.

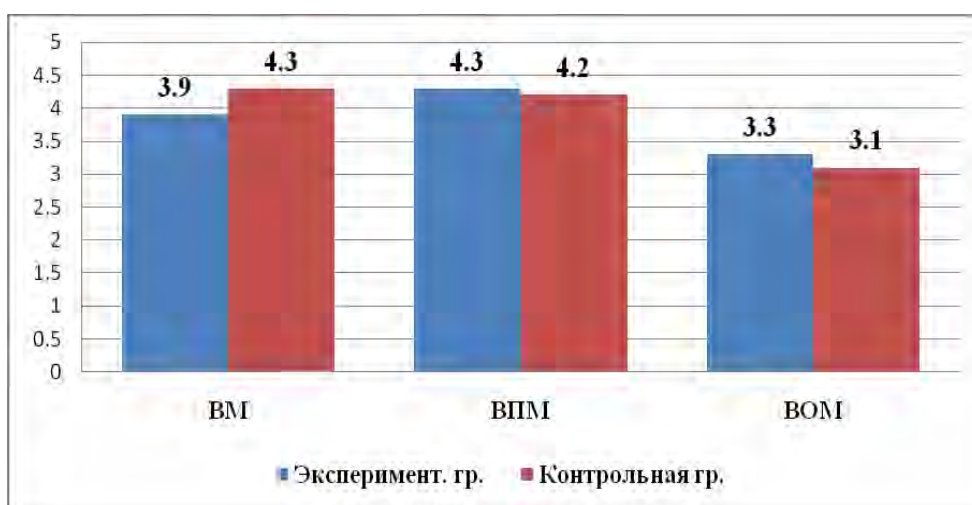

Рис. 1. Средние значения показателей по методике К. Замфир

Далее мы проверяли наличие или отсутствие интересов и склонностей к выбираемой профессии по известной методике ДДО Е.А. Климова. Полученные данные свидетельствуют о том, что тип выбираемой профессии у подростков экспериментальной и контрольной групп существенно отличен. Так аддиктивные подростки предпочитают профессии, относящиеся к типам: «Человек-Человек» – 40% и «Человек-Художественный образ» – 40%, в отличие от учащихся контрольной группы, где приоритетом является «Человек-Техника» – 45% аддиктивные подростки показали результаты по типу «Человек-Техника» – 0% (рис. 2,3). Можно предположить, что это происходит потому, что представлений о других профессиях у них нет, и они даже не пытаются интересоваться информационными материалами о профессиях и состоянии рынка труда в целом.

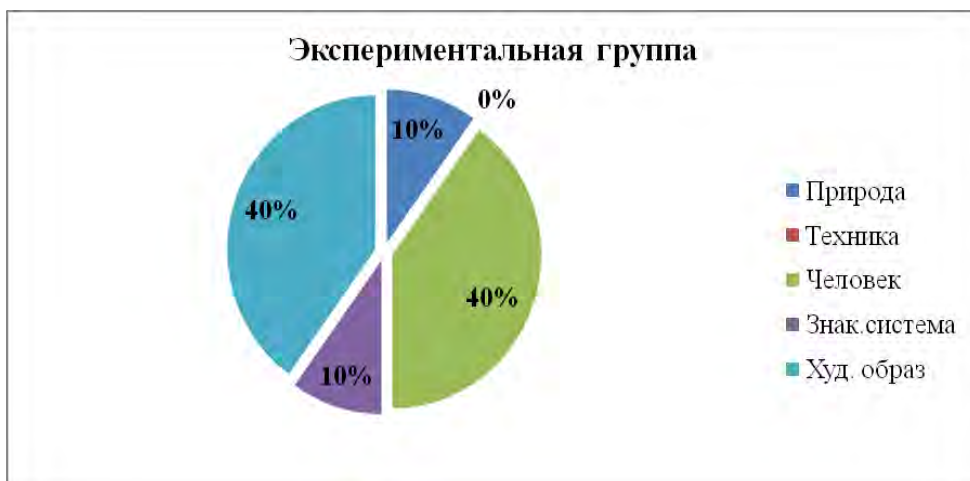

Рис. 2. Значения показателей по методике ДДО Е.А. Климова

Рис. 3. Значения показателей методики ДДО Е.А. Климова

Показатели методики А. Голомшток «Карта интересов», с помощью которой мы определяли интересы учащихся нас весьма удивили. Самый большой процент выявлен в пункте – «нет интересов» – 22% у аддиктивных подростков. Это свидетельствует о глубокой безинтересности подростков, в то время как учащиеся образовательных учреждений показывают самые разносторонние интересы в различных областях (рис.4,5).

Рис. 4. Значения показателей методики «Карта интересов» А. Голомшток

Рис. 5. Значения показателей методики «Карта интересов» А. Голомшток

Ориентация на избранную профессию и знание о характеристиках средств, условий, целей и предмета труда было изучено с помощью нашего авторского активизирующего опросника «Перекресток профессий». Анализ результатов проведенной методики показал, что более 35% выборки так и не определились в выборе будущей профессии, т.е. по данным методики они не набрали ни одного положительного результата ни по одной шкале. Так как данная методика дает более широкий выбор предметов труда, то можно отметить, что среди выбираемых профессий, подростки наибольшее предпочтение отдают таким сферам как – сознание конкретных людей, сознание взрослых людей, душа и тело самого работника, СМИ, торговля, духовно-эстетические системы, материальное производство, финансовые системы. Как видим, подростки так и не склонились к выбору профессий технических сфер, транспорта, науки и образования. Что касается вопроса о выборе средств труда, то практически все подростки – 75%, отдали предпочтение ручным или коммуникативно-художественным средствам труда.

Таким образом, анализ результатов по вышеперечисленным показателям позволяет говорить о наличии различий в выборе будущей профессии аддиктивными подростками с химической зависимостью и, следовательно, об особенностях данной категории детей, по сравнению с подростками без химической зависимости.

Вторая часть нашего исследования была посвящена анализу показателей особенностей профессионального самоопределения в зависимости от гендерных различий по выбранным показателям. По методике К. Замфир при рассмотрении средних значений показателей мотивационный комплекс юношей и девушек существенно не отличен. Мотивационный комплекс юношей выглядит следующим образом $ВМ > ВПМ > ВОМ$, в то время как у девушек мотивационный комплекс представляет собой $ВПМ > ВМ = ВОМ$. Это говорит о том, что девушки ориентированы на внешнюю положительную мотивацию, т.е. они стремятся к избеганию порицания, желанию «не попасть впросак», а это в очередной раз подтверждает эмоциональную нестабильность подростков. Девушки и юноши без химической зависимости имеют одинаковый мотивационный комплекс $ВМ > ВПМ > ВОМ$. Это свидетельствует о стремлении достичь определенных позитивных результатов в будущей профессиональной деятельности и желании самостоятельно выстраивать свои профессиональные траектории (рис. 6).

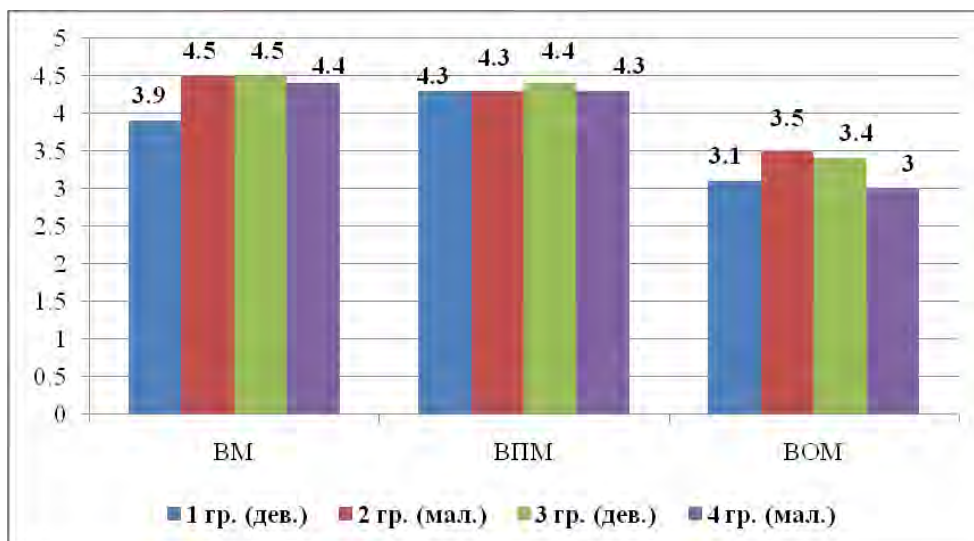

Рис.6. Средние значения показателей методики К. Замфир

Полученные данные по методике ДДО Е.А. Климова свидетельствуют о том, что тип выбираемой профессии у юношей и девушек с химической зависимостью существенно не отличен. По 33,3% юношей предпочитают профессии типа «человек-человек» и «человек-художественный образ», 25% склонны к профессиям типа «человек-техника», 8,4% – к типу «человек знак».

Таким образом у юношей менее преобладают склонности к техническим профессиям и профессиям, связанным со знаковыми системами, хотя для них эти профессии более характерны. Практически такие же приоритеты обнаружены в группе девушек. Большинство девушек продемонстрировали склонность к типу «человек – художественный образ» – 52,2%, 26% – к группе «человек-человек», 21,8% – к типу «человек-природа». Итак, мы видим, что девушки выбрали более свойственные им профессии. Сравнивая показатели зависимых подростков и школьников, можно наблюдать, что юноши без химической зависимости имеют 58% по типу «человек-техника», что существенно для мужчин. Девушки без химической зависимости наибольший показатель продемонстрировали по типу «человек-человек» (Рис. 7).

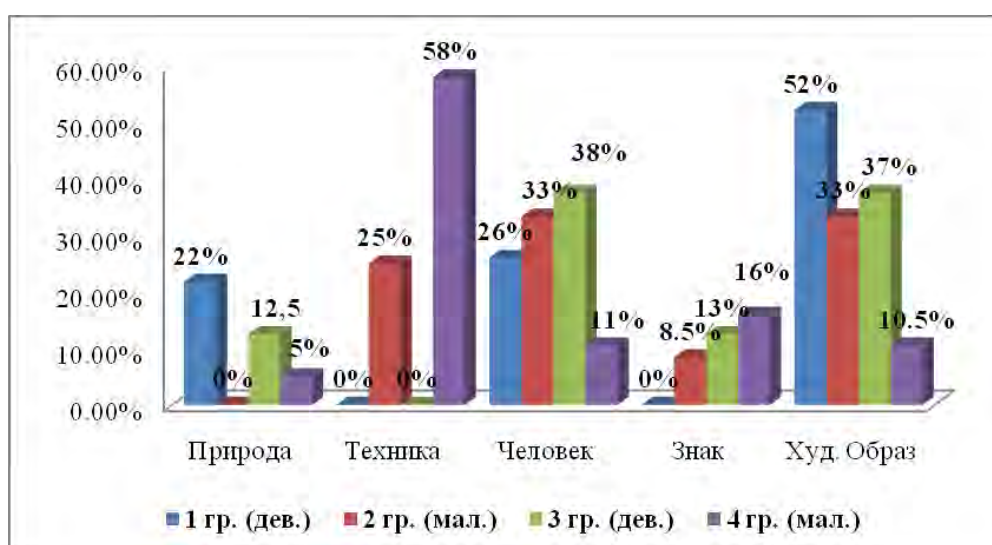

Рис 7. Средние значения показателей методики ДДО Е.А. Климова

По результатам методики «Карта интересов» мы обнаружили, что наибольший процент выявлен в пункте – «нет интересов» как у юношей (25%), так и у девушек с химической зависимостью (17%) (рис. 8, 9). Это свидетельствует о безинтересности данной категории подростков. Нет значительных отличий в познавательных интересах к таким предметам как «Педагогика» (юноши- 8,3%, девушки – 9%), а также «Искусство» (юноши- 25%, девушки – 13%) И лишь 17% юношей интересуются техникой, и 26% девушек – журналистикой.

Рис.8. Значения показателей методики «Карта интересов» А. Голомшток (экспериментальная группа)

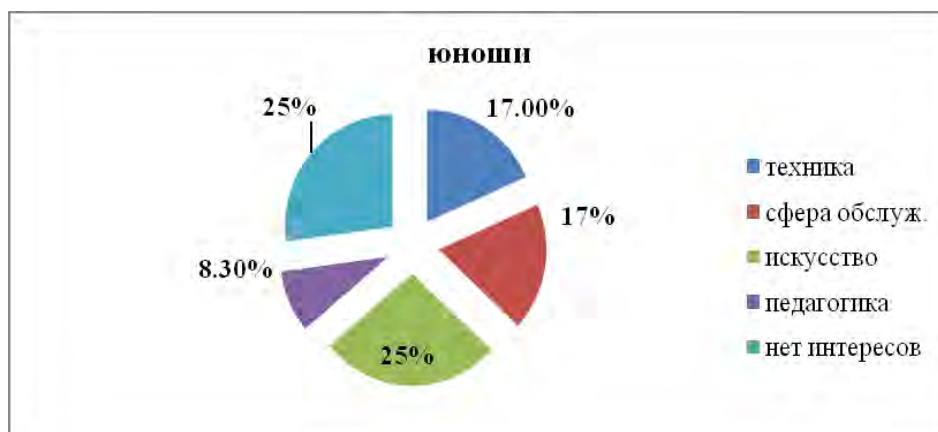

Рис.9. Значения показателей методики «Карта интересов» А. Голомшток (экспериментальная группа)

При сравнении показателей профессиональных интересов аддиктивных подростков и подростков без химической зависимости следует отметить о наибольшем разнообразии интересов и низком показателе в пункте «нет интересов» (девушки – 6%, юноши – 5%). В тоже время юноши больше интересуются техникой и математикой – по 32%, а девушки, в свою очередь, филологией и журналистикой – 44% и 25% (рис. 10,11).

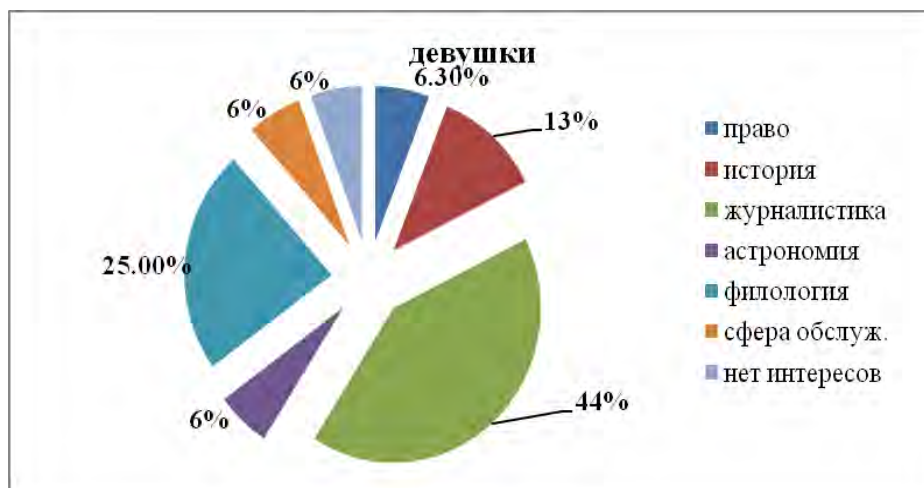

Рис10. Значения показателей методики «Карта интересов» А. Голомшток (контрольная группа)

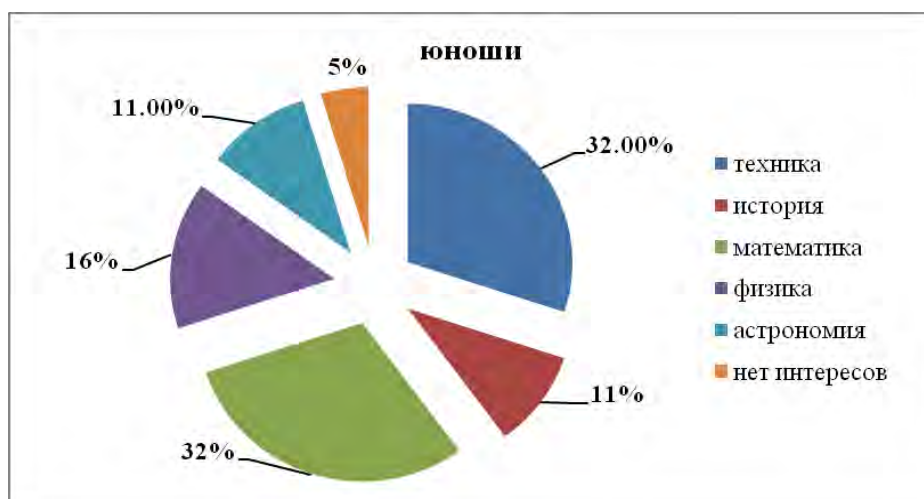

Рис11. Значения показателей методики «Карта интересов» А. Голомшток (контрольная группа)

Таким образом, результаты, полученные в ходе исследования профессионального самоопределения юношей и девушек с химической зависимостью, подтверждают отсутствие существенных различий между юношами и девушками, безинтересность и ограниченность выбора видов профессиональной деятельности.

Сравнительный анализ результатов исследования аддиктивных подростков между юношами и девушками по активизирующей методике «Перекресток профессий», продемонстрировал, что существенных отличий в предпочтениях не наблюдается. Практически все испытуемые, как юноши, так и девушки выбирают одни и те же предметы и средства труда.

Выводы. На основании полученных результатов по вышеперечисленным показателям можно выделить и обобщить следующие характерные особенности профессионального самоопределения аддиктивных подростков: нежелание делать самостоятельный выбор будущей профессиональной деятельности, принимать решения вдумчиво и осознанно; высокий показатель общего ограничения в интересах; подверженность влиянию со стороны; общая несформированность ориентации на избранную (предпочитаемую) профессию; дезадаптация в вопросах построения траектории и модели своего профессионального будущего. Относительно гендерных различий можно утверждать, что подростки с химической зависимостью не имеют представлений о разделении профессий на «мужские» и

«женские». Мы заметили, что они отдают предпочтение тем видам деятельности, которыми занимаются люди их окружающие. А это чаще всего специалисты реабилитационных центров, центров социальной адаптации и т.п. специалисты, которые находятся рядом с ними и оказывают им помощь и поддержку. Также необходимо обратить внимание на особенности возрастного аспекта в группах 14-16 лет и 16-18 лет. У данных групп наблюдаются значительные различия, однако можно утверждать о застое и глубокой незаинтересованности в своем будущем подростков группы 16-18 лет при сравнении с подростками без химической зависимости.

Безусловно, данная исследовательская работа нами будет продолжена, поскольку перед собой мы ставим задачу разработки психолого-педагогической программы по сопровождению и активизации профессионального и личностного самоопределения подростков с химической зависимостью. И представленные в статье материалы уже сегодня помогают нам выбрать ориентиры и направления в этой непростой профориентационной работе с данной категорией молодежи.

Аннотация. В статье наглядно представлены результаты эмпирического исследования особенностей профессионального самоопределения подростков с химической зависимостью. Автор акцентирует внимание на сравнительные данные по показателям осознанности в процессе выбора профессии, выявлены общие интересы и склонности двух групп испытуемых. Отражены также данные гендерных различий в выборе и предпочтении профессиональных видов деятельности молодыми людьми с химической зависимостью.

Ключевые слова: аддиктивные подростки, химическая зависимость, профессиональное самоопределение, гендерные различия.

Annotation. This material clearly presents the results of empirical research on the characteristics of professional self-determination of adolescents with chemical dependence. The author emphasizes comparative data on indicators of awareness in the process of choosing a profession, revealed the common interests and inclinations of the two groups of subjects. Gender differences in the choice and preference of occupations by young people with chemical dependence are also reflected.

Keywords: addictive teens, chemical addiction, professional self-determination, gender schisms.

УДК 373.31

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сергеева Марина Георгиевна,

доктор педагогических наук, доцент,
старший научный сотрудник НИЦ-2,

Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России»,
г. Москва

Постановка проблемы. В последнее время большое внимание уделяется профилактической деятельности девиантного поведения обучающихся, которое представляет собой социально-психологическое явление, состоящее в нарушении индивидом поведенческих норм, функционирующих в данном социуме, и отражающее докриминальный уровень ненормативного поведения. Преобразования, характерные для российского государства, выявили необходимость оказания помощи несовершеннолетним подросткам с

девиантным поведением (далее-ДП), организации и проведения регулярных превентивных мероприятий, интеграции проблемных подростков в широкую социальную среду.

Цель статьи. В контексте данной статьи проведены обзор и анализ ДП в рамках образовательного процесса в профессиональных образовательных организациях, с чем связано использование понятия «воспитательно-профилактическая работа». Данная деятельность трактуется как целенаправленный контролируемый процесс взаимного духовного обогащения педагогов и обучающихся, направленный на социализацию личности через превенцию и элиминацию негативных факторов, обуславливающих девиантность ее поведения.

Изложение основного материала исследования. При осуществлении профилактики девиантного поведения обучающихся перспективным направлением можно считать проведение воспитательных бесед с учащимися школ, защиту их гражданских прав, а также подготовку к данной деятельности учителей, родителей и руководителей образовательных организаций.

Особую роль в области предотвращения правонарушений играет знание психологического и педагогического характера, основанное на изучении сущности и причин *девиантного поведения* (далее – ДП), а также средств и способов воспитания. Различным аспектам воспитательного процесса (теоретическим, методологическим и т.д.) посвящены труды классиков отечественной педагогики: Надежды Константиновны Крупской, Антона Семёновича Макаренко, Константина Дмитриевича Ушинского и других.

Проблемы социального воспитания стали объектом пристального исследования в раннесоветский период (1920-е – 30-е годы) в связи с неудовлетворительным социальным положением несовершеннолетних граждан (огромным количеством беспризорных и сирот) и увеличением количества незаконных деяний среди молодежи. Например, П.П. Блонский и С.Т. Шацкий рассматривают основные теоретические аспекты социального воспитания, а О.С. Газман и Л.И. Новикова уделяют внимание национальной специфике воспитания, позиционируя учебное заведение в качестве основного источника социального воспитания детей [1, 2].

С 1980-х годов социальные, психологические и педагогические вопросы, связанные с работой воспитательно-профилактического типа, разрабатывались в рамках исследований, посвященных профилактике ДП учащихся школ и повышению уровня их правовой грамотности.

По мнению большинства социологов, психологов и педагогов-теоретиков, ключевое значение при профилактике ДП имеет проведение профилактических мероприятий в детской и подростковой среде. Это связано с тем, что в данном возрасте происходит формирование человеческой личности, ее склонностей, убеждений и иерархии ценностей. Как правило, подростки 15 – 17 лет проходят обучение в старшей школе или среднеспециальном учебном заведении – следовательно, обязанности по предотвращению ДП среди представителей упомянутой возрастной группы ложатся на плечи педагогов и школьной администрации.

Следует отметить, что, несмотря на возрастание роли воспитательной составляющей в современном образовании, профилактике ДП уделяется недостаточно внимания. Нередко профилактические (превентивные) мероприятия проводятся на формальном уровне, с доминированием административных методов воздействия, что делает социальную адаптацию личности будущего специалиста значительно более трудоемкой. Приоритет предотвращения незаконных действий со стороны подростков, официально являющийся частью образовательной политики нашего государства, пока слабо реализуется в практической деятельности конкретных людей и учреждений.

Анализ научных трудов и запросов реальной практики в области среднего образования демонстрирует, что при безусловной многоаспектности психолого-педагогических, юридических, медицинских и иных исследований, связанных с проблемой ДП, при их несомненной практической и теоретической ценности, использование полученных результатов в рамках повседневной педагогической практики связано с

серьезными трудностями. Таким образом, проблему ДП подростков следует теоретически осмысливать и подвергать эмпирической проверке.

Одной из ключевых задач, стоящих перед любым современным государством, является создание экономически устойчивого и здорового общества. Следует помнить о том, что молодежь находится в фокусе государственных интересов, так как типичные черты характера, поведение и образ жизни представителей данной возрастной группы оказывают прямое и весьма существенное влияние на функционирование сложившейся общественной системы. Преобразования, характерные для российского социума, выявили необходимость помощи подросткам с ДП, организации и проведения регулярных превентивных мероприятий, интеграции проблемных подростков в широкую социальную среду.

В специальной литературе по педагогике, психологии и социальным наукам для обозначения поведения, расходящегося с общепринятыми нормами, используется термин «девиация» (лат. “deviantio” – «расхождение», «отклонение»). Девиация представляет собой один из аспектов феномена изменчивости, свойственной и для homo sapiens, и для всей живой природы. В контексте общественных отношений изменчивость сводится к взаимодействию личности с окружающей действительностью и репрезентируется в его поведенческом сценарии – нормальном или девиантном, разграничить которые представляется возможным далеко не в любой ситуации. Для осознания сущности девиаций ключевым выступает понятие *нормы*. Под социальными нормами понимают комплекс императивов и рекомендаций, адресуемых обществом своим представителям для регулирования их деятельности и отношений. Данные рекомендации и императивы формируют одобряемый спектр поступков (совершаемых и не совершаемых), направляя и корректируя поведение личности в определенных пространственно-временных условиях. В настоящее время, на фоне многочисленных и радикальных реформ, вопрос интерпретации и использования норм стоит особенно остро, поскольку они регулируются в контексте доминирующей иерархии ценностей, убеждений и потребностей. С точки зрения большинства социологов и политологов, признаком, отделяющим девиантное поведение от нормального, следует считать наличие объективной угрозы социальному и физическому благополучию окружающих [1].

Профилактика или, иначе говоря, превенция ДП (а также делинквентного и криминального поведения) выступает крайне значимой, даже необходимой составляющей социального контроля – наряду с репрессивными мерами (наказанием). В наше время в большинстве цивилизованных стран все чаще говорят о кризисе пенитенциарной системы (Т. Mathiesen, N. Christie и др.), о фактической исчерпанности традиционных государственных мер борьбы с преступностью, краеугольным камнем которых являются санкции карательного характера.

В настоящее время человечество начинает постепенно переходить от наказаний к профилактике преступлений, о целесообразности которой свидетельствует российский и международный опыт. Безусловно, предотвращение всех противозаконных деяний не представляется возможным, однако частичная превенция определенных нарушений является не только осуществимой, но и совершенно необходимой.

По данной причине в современном российском социуме становятся более актуальными вопросы, связанные с предотвращением и искоренением молодежной преступности. При этом профилактику нужно воспринимать как средство недопущения социально-вредоносных явлений: воровства, хулиганства, мошенничества, агрессивного поведения, употребления и распространения запрещенных веществ и т.д. Наиболее важную роль играет научное знание, являющееся фундаментом исследований основ ненормативного поведения подростков и обязательным условием для осуществления мероприятий по превенции антиобщественного поведения подростков, а также для системной методической поддержки данного процесса.

Большинство экспертов в сфере психологии, педагогики и криминологии считают профилактику отклонений наиболее важным направлением, поскольку подростковый

возраст является тем периодом, когда формируется человеческая личность: идеалы, убеждения, потребности, интересы и иерархия ценностей. С точки зрения специалистов, учащение случаев ДП в подростковой среде имеет следующие причины [2, 3]:

- наличие большого количества энергии;
- неуверенность в себе, связанная с промежуточным этапом социализации;
- низкий общественный статус;
- осознание социальной несправедливости, социального неравенства;
- наличие трудностей с реализацией своего потенциала в мире взрослых и т.д.

Выраженность ДП также детерминируется недостаточной осведомленностью о социальных и правовых поведенческих нормах. В связи с этим предупреждение преступлений среди несовершеннолетних – это не только один из базовых элементов единой системы по предотвращению преступности на территории страны. Ее содержание и функции неотделимы от деятельности по обучению и воспитанию подрастающего поколения.

Изменения в социальной и экономической сферах, имеющие место в последние несколько десятилетий, оказали влияние на самые разные аспекты жизни россиян. Наряду с положительными преобразованиями, способствующими совершенствованию личности в различных областях, в социуме наблюдается интенсификация таких отрицательных факторов, как социальное расслоение, отсутствие работы у представителей трудоспособного населения, игнорирование духовных благ при повышенном внимании к ценностям материального характера, вследствие чего усилилась социальная растерянность молодежи и снизился возраст преступности. В настоящее время описанная ситуация связана с отсутствием национальной идеи и четких критериев правильного поведения в обществе, а также со склонностью молодых людей к асоциальному образу жизни (не в последнюю очередь «благодаря» воздействию СМИ).

В научной литературе ненормативное поведение обозначают разными прилагательными – «аномальное», «асоциальное», «девиантное», «делинквентное», «деструктивное» и т.д. При этом при выделении различных типов подобного поведения имеет место определенная «терминологическая чехарда». В связи с этим Я.И. Гишинский отмечает, что, несмотря на множество работ, посвященных вопросам ДП, суть данного явления до сих пор остается неясной. Выражая солидарность с позицией ряда авторов (М.А. Галагузова, Г.Н. Штинова и других), в рамках данной работы мы останавливаемся на позиции, что понятие «ненормативное поведение» является весьма широким, включая в себя все существующие разновидности девиаций: криминальное поведение, делинквентное поведение и собственно ДП [1].

Автор статьи трактует девиантное поведение (ДП) как самый распространенный тип ненормативного поведения психически полноценного индивида, имеющий результатом выпадение последнего из социальной среды из-за регулярного пренебрежения нормами и ценностями, служащими ориентиром в данном социуме. Под *делинквентным поведением* (лат. “delinquens” – «провинность») мы понимаем разновидность ненормативного поведения, противоречащего требованиям правового характера (поступки или их отсутствие, не соответствующие административному законодательству). Наконец, *криминальное поведение* трактуется нами как ненормативное поведение, при котором имеет место нарушение Уголовного кодекса и, как правило, формирующееся на базе девиантного и делинквентного поведения. Следовательно, для девиаций свойственны разнообразные отклонения от известного поведенческого стандарта. Обращая внимание на ряд не очень существенных различий, многие авторы считают основным признаком девиаций нарушение тех или иных конвенций: морально-нравственных, этикетных, профессиональных или юридических [2].

Несовершеннолетние представляют собой группу населения, для которой характерны стремительное физическое, психологическое и социальное развитие, связанное с возрастными особенностями и спецификой социальных отношений при детерминирующей роли педагогических и иных воздействий. Речь идет о гражданах РФ в возрасте от 14 до 17 лет включительно, которые, как правило, проходят обучение в старшей школе или в средней

профессиональной образовательной организации (колледже, училище, техникуме). В соответствии с результатами анализа, успешность деятельности педагогов по предотвращению ДП учащихся в значительной степени детерминирует итоги превенции подростковой преступности в социуме. Именно по данной причине в учебном заведении следует организовать научно выстроенный, структурированный, свободный от внутренних противоречий учебно-воспитательный процесс по предупреждению ДП среди подростков [3].

Существенную роль в данном процессе играет партнерство, поскольку нужно соответствовать требованиям, обозначенным в действующем законодательстве о предотвращении преступлений, выстраивать сотрудничество с комиссиями по делам несовершеннолетних, правозащитными организациями и прочими субъектами превенции.

Не менее значимым вопросом выступает научно-методическое обеспечение профилактической деятельности, принимающее во внимание истоки и отличительные черты различных девиаций. Существенное значение среди причин разнообразных девиаций в поведении несовершеннолетних имеют особенности психологического, социального, педагогического и биологического характера, которые необходимо знать для успешной организации профилактической работы в учебных заведениях [2].

Осуществленный анализ профилактической деятельности в колледжах, училищах и техникумах демонстрирует, что для нее в настоящее время характерен не персонифицированный подход, а формализм и смешивание профилактики с наказанием; многие учебные заведения, как и раньше, пытаются оградить себя от занятий с «проблемными» детьми. Недостаточно высокая профессиональная квалификация работников в области предотвращения ДП, неэффективное взаимодействие с семьей трудного ребенка и соответствующими органами – причины низкой результативности профилактической деятельности [3].

Противоречие, которое наблюдается между потребностью общества в превенции ненормативного поведения учащихся, с одной стороны, и недостаточной успешностью профилактической работы, осуществляемой профессиональными образовательными учреждениями, с другой стороны, легло в основу проблемы нашего исследования: поиска путей дальнейшего развития социально-педагогической деятельности по предотвращению ДП и других видов отклоняющегося поведения учащихся.

Научная перспективность решения данной проблемы состоит в формулировании теоретических принципов и практических пожеланий по выстраиванию профилактики ДП, создающей условия для снижения его выраженности у современной молодежи, а также для превенции подростковой преступности.

Тема девиантного поведения (ДП) не характеризуется принципиальной новизной, однако в данный исторический момент, столь ответственный для нашего социума, ее изучение становится еще более актуальным. В начале нового тысячелетия взаимодействие индивида, семьи и общества реализуется в контексте радикальной трансформации общественных отношений, способствующей не только положительным, но и деструктивным изменениям в тех или иных областях общественной жизни. Затруднения, имеющие место в рамках приспособления представителей различных социальных групп к требованиям, предъявляемым рыночной экономикой, приводят к ослаблению межличностных контактов, истончению связи поколений, потере или деформации базовых обычаев и традиций. Массовый рост различных форм общественной аномалии (употребление наркотиков, проституция, алкоголизм, сектантство и т.д.), увеличение количества преступлений, значительный регресс в области нормативного регулирования социальных отношений, – все перечисленные и другие отрицательные факторы, наблюдаемые в современном обществе, подталкивают педагогику и психологию к анализу содержания, причин, а также основных характеристик ДП и его главных субъектов – криминальных объединений и девиантной личности.

ДП представляет собой социально-психологическое явление, состоящее в нарушении

индивидом поведенческих норм, функционирующих в данном социуме, и отражающее докриминальный уровень ненормативного поведения.

Детальное изучение теоретических концепций (социальных, психологических и других) демонстрирует довольно печальную ситуацию: вредоносное, – безнравственное или праздное, – социальное окружение может нанести серьезный вред умственному и психическому развитию индивида, не позволить реализоваться его естественной потребности в духовном росте, привести к определенным отклонениям во взаимодействии с окружающими, от прямой агрессии до пренебрежения отелными нормами повседневного общения [2].

Выводы. Современные исследования ДП личности позволяют утверждать, что как комплексная форма общественного поведения она обусловлена множеством взаимозависимых факторов: социальных, экономических, культурных, психологических, педагогических, биологических. С выраженностью перечисленных факторов связано увеличение количества «трудных» подростков и совершаемых ими преступлений [1, 2, 3].

Значительное количество причин и разновидностей ДП требует многоаспектного подхода к выстраиванию педагогической деятельности по предотвращению и коррекции отклоняющегося поведения подростков.

Мы трактуем профилактику ДП как систему своевременных действий, ориентированных на предупреждение и элиминацию негативных воздействий, способствующих расхождению личности с принятыми в социуме поведенческими нормами.

В ходе исследования было установлено, что профилактическая деятельность в учреждении среднего профессионального образования базируется на следующих **принципах:**

- бережное отношение к общечеловеческим ценностям, его чувствам и идеалам, а также уважение к закону как основе общественного порядка;

- комплексность, состоящая в системном подходе к анализу личности на трех уровнях: психологическом, социальном и образовательном; отлаженное взаимодействие учителей, родителей, школьного руководства и всех учреждений, так или иначе связанных с вопросами образования;

- учет возраста учащегося и выраженности и типа ДП при выборе целей, задач и средств профилактики, прогнозировании ее результатов;

- значительное количество векторов, форм и способов профилактической деятельности;

- совместные усилия педагогов и их подопечных, направленные на борьбу с ДП и способствующие личностному росту участников учебно-воспитательного процесса.

Аннотация. Статья посвящена персонифицированному подходу при организации научно-методического обеспечения профилактической деятельности девиантного поведения обучающихся. Практика подтверждает использование данного подхода наиболее эффективным в профилактической работе в условиях профессионального образования.

Ключевые слова: девиантное поведение, профилактическая деятельность, социальный контроль, нормы поведения, образовательные организации.

Annotation. Article is devoted to the personified approach at the organization of scientific and methodical ensuring preventive activity of deviant behavior of students. Practice confirms use of this approach by the most effective in scheduled maintenance in the conditions of professional education.

Keywords: deviant behavior, preventive activity, social control, standards of behavior, educational organizations.

Литература:

1. Ломакина Т.Ю., Попова Е.М. Педагогическое обеспечение профилактики девиантного поведения обучающихся / Т.Ю. Ломакина, Е.М. Попова // Управление в

социальных и экономических системах: м-лы XXIII Международная научно-практическая конференция, г. Минск, 15 мая 2014г./рkdкол.: Н.В. Суша (предс.) и др.; Минский ин-т управления. – Минск: Изд-во МИУ, 2014. – С. 116-117.

2. Попова Е.М. Воспитывающая среда как фактор эффективности воспитательно-профилактической деятельности / Е.М. Попова // Профессиональное образование. Столица. – 2011. – №11.

3. Попова Е.М. Социально-педагогическая практика по предупреждению правонарушений / Е.М. Попова // Среднее профессиональное образование. – 2011. – №11.

УДК [159.922.76+159.943]-053.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООТНОШЕНИЯ С ЛОКУСОМ КОНТРОЛЯ У ПОДРОСТКОВ ГРУПП СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Стреленко Анна Анатольевна,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры прикладной психологии

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,

г. Витебск, Республика Беларусь

Постановка проблемы. Современная ситуация развития человеческого общества вносит в жизнь людей ряд угроз и рисков, которые бывает трудно самостоятельно преодолеть без серьезных сложностей или проблем.

Жизнедеятельность молодого человека сопряжена с противоречиями и кризисами, которые включают в себя такой социальный риск, который оказывает негативное влияние на формирующуюся личность. Под воздействием такого влияния личность попадает в группу социального риска, которая представляет собой наибольшую угрозу стабильности и безопасности общества и личности в целом. Отдельную возрастную группу, которая наиболее подвержена риску, составляют подростки. Неустойчивость психики, несформированность характера, стремление к самостоятельности, делают подростка уязвимым и подверженным к воздействиям групп социального риска. Существующий в таких группах образ жизни характеризуется снижением социальных интересов, возрастающей криминализацией, социально-нравственной деградацией личности, изменяющей смысл «Я».

В процессе психического созревания важное место занимает становление самооотношения, которое является центральным компонентом самосознания. Самоотношение имеет регулирующее влияние на поведение, играя значительную роль в установлении и поддержании межличностных взаимоотношений, в установке и достижении своих целей. Оно является устойчивой чертой личности и тесно связано с локусом контроля. Локус контроля формируется в процессе социализации личности и описывает представление индивида о причинах событий, происходящих в его жизни, об ответственности.

Современное общество заинтересовано в формировании активной и развитой личности. Именно такая личность может самостоятельно определять полноценные перспективы своего развития, контролировать собственное поведение и свою жизнедеятельность. Поэтому, изучение самооотношения вызывает особый интерес, так как именно в подростковом возрасте происходит его становление. На основании этого формируются и основные формы поведения.

Правильное развитие локуса контроля и адекватного уровня самооотношения в подростковом возрасте является успешным становлением дальнейшей жизни. Негативное формирование влечет за собой трудности в социализации подростков, тем самым оказывает влияние на личностные особенности, приводящие к асоциальному поведению.

Цель статьи. Целью нашего исследования явилось определение взаимосвязи самоотношения с локусом контроля у подростков групп социального риска.

Изложение основного материала исследования. Следует отметить, что в современной психологии отсутствует единый подход к определению понятия «самоотношение». Проведенный теоретический анализ работ, посвященных изучению данного феномена, позволяет говорить о том, что для его определения используются разнообразные психологические термины, такие как, «самоуважение», «самооценка», «самопринятие», «эмоционально-ценностное отношение к себе», «самоуверенность», «самоудовлетворение». Их содержание авторы трактуют по-разному. Например, Д.Н. Узнадзе рассматривает это понятие как «установка», А.Н. Леонтьев как «личностный смысл», В.Н. Мясищев как «отношение», И.С. Кон и Н.И. Сарджвеладзе как «социальная установка», С.Л. Рубинштейн как «чувство» [1, с. 82].

Вместе с тем, в отечественной психологии теоретическое понимание самоотношения было заложено И.И. Чесноковой. Она говорила, что «это понятие как специфический вид эмоционального переживания, в котором проявляется собственное отношение личности к тому, что она узнает, понимает относительно себя самой» [цит. по: 1, с. 83].

В свою очередь, И.С. Кон рассматривал самоотношение как меру принятия или непринятия личностью самой себя, положительное или отрицательное отношение к себе [1, с. 84]. С.Р. Пантилеев считает, что самоотношение является подсистемой самосознания и выражает смысл «Я» [2, с. 4-5]. В.В. Столин рассматривает самоотношение как поверхность сознания, которое является результатом личностного самосознания. В.Н. Мясищев, А.Ф. Лазурский, И.В. Ильенков рассматривали самоотношение в качестве одного из видов человеческих отношений. По мнению А.П. Карниловой, самоотношение лежит в основании веры человека в свои возможности [1, с. 84].

В свое время, разработкой теоретических аспектов самоотношения в Беларуси занимались Л.А. Пергаменщик, Я.Л. Коломинский. Они рассматривали данное понятие как исходную первичную форму человеческого сознания, которое основывается на самоощущении. Например, Я.Л. Коломинский считал, что самоотношение закладывается через общение.

За рубежом наибольший вклад в изучении проблемы самоотношения внесли Р. Бернс, К. Роджерс, У. Джеймс [3].

Р. Бернс включал самоотношение в понятие самооценки и рассматривал как оценку представления индивида о себе. К. Роджерс рассматривал самоотношение как самооценку – отношение к себе и самопринятие – принятие себя в целом. У. Джеймс определял самоотношение как самодовольство и недовольство собой. Он считал, что важным компонентом в этом понятии является самоуважение [3].

Одной из важных интегральных характеристик самоотношения, связывающих чувство ответственности, готовность к активности и переживания «Я», является качество личности, которое называется локус контроля.

Феномен локуса контроля изучалась при рассмотрении вопросов, которые затрагивали способности человека управлять своими делами и поступками. Большой вклад в разработку проблемы локуса контроля внес американский психолог Дж. Роттер. Дж. Роттер в своей теории социального научения рассматривал локус контроля как обобщенное ожидание того, в какой мере индивид контролирует поступки в своей жизни.

В отечественной психологии феномен локуса контроля изучали А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский. Они связывали это понятие с контролем волевого усилия, который может быть ослаблен у подростков групп социального риска.

В связи с актуальностью данной проблемы, нам стало интересным выявить особенности самоотношения и определить взаимосвязь самоотношения с локусом контроля у подростков групп социального риска.

Данная работа проводилась с участием подростков, состоящих на учете в Инспекции по делам несовершеннолетних РОВД г. Витебска. В исследовании приняли участие 50 человек (юноши – 28 человек, девушки – 22 человека, в возрасте 15–17 лет).

Из всей группы подростков, которые принимали участие в нашем исследовании, 24 человека в возрасте 16–17 лет, которые являлись учащимися профессионально-технического колледжа г. Витебска. Из них, 8 подростков – жители г. Витебска, 16 подростков – жители сельской местности. Из полных семей – 5 подростков, 8 подростков – из неполных семей, 11 подростков – из многодетных семей. Со всеми подростками, принимавшими участие в исследовании, проводилась индивидуально-профилактическая работа в связи с выявлением фактов употребления алкогольных и слабоалкогольных напитков.

Также, в нашем исследовании приняли участие 26 подростков, которые являются учениками общеобразовательной средней школы № 3 г. Витебска. Из них, 14 подростков являются нуждающиеся в государственной защите и находятся на государственном обеспечении в связи с тем, что их родители ведут аморальный образ жизни. Эти подростки проживают в детском доме г. Витебска; 12 подростков – воспитываются в семьях, чьи родители ненадлежащим образом исполняют свои обязанности по воспитанию, обучению и содержанию несовершеннолетних, тем самым негативно влияют на их поведение. Эти подростки определены как находящиеся в социально-опасном положении, и с ними также проводилась индивидуально-профилактическая работа.

В нашем исследовании были использованы следующие методики: методика исследования самооотношения В.В. Столина, С.Р. Пантिलеева; методика «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда в модификации Т.В. Румянцевой; методика уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера (адаптирована Е.Ф. Бажиным, С.А. Голькиной, А.М. Эткиндоном).

Для обработки материалов исследования были использованы: описательная статистика, метод ранжирования, U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

На основании проведенного эмпирического исследования по методике изучения самооотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилеева были выявлены следующие особенности. Во-первых, по фактору «самоуважение» между показателями двух групп респондентов (юношей и девушек) значимых различий выявлено не было. Данный фактор определяется такими шкалами, как: «закрытость/открытость», «самоуверенность», «саморуководство», «отраженное самооотношение». Все эти шкалы выражают оценку собственного «Я» индивида по отношению к социально-нормативным критериям: целеустремленности, моральности, социального одобрения и др. Самоуважение предполагает процесс оценки себя по сравнению с некоторыми социально-значимыми критериями, нормами, эталонами-представлениями о благополучном и эффективном индивиде, заложенными в идеальный образ «Я» субъекта [2, с. 22-23].

Во-вторых, по фактору «аутосимпатия» были выявлены достоверные различия на 99% уровне значимости. В данный фактор входят следующие шкалы: «самоценность», «самопринятие», «самопривязанность». Важно отметить, что юноши и девушки изучаемых групп испытывают разные чувства и переживания в адрес собственного «Я». Так, для юношей будет более характерна ригидность «Я»-концепции, стремление сохранить в неизменном виде свои качества, требования к себе, а главное – видение и оценку себя. Помехой для самораскрытия может быть высокий уровень личностной тревожности, предрасположенность воспринимать окружающий мир как угрожающий их самооценке. Также для юношей более свойственна избирательность отношения к своим личностным свойствам, стремление к изменению лишь некоторых своих качеств при сохранении других.

В-третьих, по фактору «самоуничижение» были выявлены достоверные различия на 99% уровне значимости. Как известно, данный фактор представлен шкалами: «самообвинение», «внутренняя конфликтность». Важно отметить, что в сравнении с девушками, юноши истинным источником своих достижений и неудач считают преимущественно себя. Вместе с тем, юноши отличаются высокими требованиями к себе,

что нередко приводит к конфликту между «Я»-реальным и «Я»-идеальным, между уровнем притязаний и фактическими достижениями, к признанию своей малоценности. Также юношам более свойственна установка на самообвинение, которая сопровождается развитием внутреннего напряжения, ощущением невозможности удовлетворения основных потребностей.

В отличие от юношей у девушек обнаруживаются тенденция к отрицанию собственной вины в конфликтных ситуациях. Защита собственного «Я» осуществляется путем обвинения преимущественно других, перенесением ответственности на окружающих за устранение барьеров на пути к достижению цели. Ощущение удовлетворенности собой сочетается с порицанием других, поисками в них источников неприятностей и бед. А вот у юношей отмечается избирательное отношение к себе. Обвинение себя за те или иные поступки и действия сочетается с выражением гнева, досады в адрес окружающих.

Вместе с тем, практически одинаковые показатели отмечаются при анализе «внутренней конфликтности». Как для юношей, так и для девушек будет характерна установка видеть себя в зависимости от степени адаптированности в ситуации. В привычных для себя условиях, особенности которых хорошо знакомы и прогнозируемы, наблюдаются положительный фон отношения к себе, признание своих достоинств и высокая оценка своих достижений. Неожиданные трудности, возникающие дополнительные препятствия могут способствовать усилению недооценки собственных успехов.

На основании проведенного эмпирического исследования по методике «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда адекватная самооценка была выявлена у 11 испытуемых, что составляет 22% всей выборки. Из них – 9 юношей (18%) и 2 девушки (4%). Неустойчивая самооценка выявлена у 1-го юноши, что составляет 2% из всей выборки. Неадекватно завышенная самооценка выявлена у 38 испытуемых, что составляет 76% из всей выборки. Из них – 18 юношей (36%) и 20 девушек (40%).

На основании проведенного эмпирического исследования по методике уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера (адаптирована Е.Ф. Бажиным, С.А. Голькиной, А.М. Эткиндоном) было установлено, что на момент исследования внутренним типом локуса контроля обладают 32% испытуемых, внешним типом локуса контроля обладают 68% испытуемых.

По результатам проведенного корреляционного анализа (Пакет анализа MS Excel) нами было выявлено 2-е корреляции в двух группах испытуемых. Положительные корреляции отмечаются между показателями таких шкал, как «закрытость/открытость» и «общая интернальность» ($r_s = 0,46$; $p \leq 0,05$), а также между показателями по шкалам «саморуководство» и «интернальность в области межличностных отношений» ($r_s = 0,35$; $p \leq 0,05$).

Вместе с тем, в группе юношей была выявлена одна корреляционная связь между показателями шкал «открытость» и «интернальность в семейных отношениях» ($r_s = 0,033$; $p \leq 0,05$). В группе девушек корреляционных связей выявлено не было.

Таким образом, на основании проведенного эмпирического исследования по определению взаимосвязи самоотношения с локусом контроля у подростков групп социального риска отмечаются следующие особенности: во-первых, «общая интернальность/экстернальность» взаимосвязана с таким фактором как «закрытость/открытость» в эмоционально-оценочной подсистеме самосознания исследованных групп подростков. Во-вторых, «интернальность в области межличностных отношениях», отражающая уверенность в своих силах при формальной и неформальной коммуникации связана с «саморуководством», которое отражает представление личности об основном источнике собственной активности, об источнике развития собственной личности, подчеркивает доминирование либо собственного «Я», либо внешних обстоятельств. В-третьих, по сравнению с группой девушек у юношей отмечается преобладание одной из двух тенденций: либо наличием конформности, выраженной мотивации социального одобрения и связанного с этим восприятия других как причины значимых ситуаций, возникающих в

семье; либо развитой критичности, глубоко осознания себя, внутренней честности и открытости, которые взаимосвязаны с восприятием себя ответственным за семейную жизнь.

Выводы. На основании проделанного теоретического и эмпирического анализа по проблеме исследования, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, самоотношение – это система эмоционально-ценностных установок в адрес собственного «Я» и является главным компонентом самосознания. Оно лежит в основе формирования самоуважения, самооценки, самопринятия, самоуверенности, самоценности, рефлексии, которые объединяются в положительное или отрицательное отношение к себе. Самоотношение является свойством личности и тесно связано с ее целями жизнедеятельности. Оно влияет на формы проявления всей системы психологических особенностей личности.

В подростковом возрасте самоотношение определяет его возрастные особенности, общую социальную адаптацию и, в целом, регулирует поведение и деятельность.

Во-вторых, локус контроля – это свойство личности, которое проявляет склонность человека приписывать успехи и неудачи внутренним либо внешним факторам. Локус контроля делится на два типа: внешний (экстернальный), внутренний (интернальный). Если человек склонен приписывать результаты своей деятельности внешним факторам – это внешний тип локуса контроля. Внутренний тип локуса контроля характерен людям, которые считают, что только они могут контролировать и управлять своей жизнью. Следует отметить, что внешний и внутренний локус контроля могут взаимозаменяться.

В-третьих, на основании проведенного эмпирического исследования по определению взаимосвязи самоотношения с локусом контроля у подростков групп социального риска, нами было установлено, что подростки, которые принимали участие в исследовании, нуждаются в коррекционно-развивающих мероприятиях по формированию позитивного самоотношения, адекватной самооценке и ответственного поведения. В результате совместной работы педагогов и психологов, специалистов ИДН, были разработаны рекомендации, выполнение которых будет способствовать позитивным изменениям в восприятии себя такими подростками.

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения взаимосвязи самоотношения с локусом контроля у подростков групп социального риска. Автором статьи представлены результаты исследования самоотношения и локуса контроля подростков групп социального риска и на этой основе предпринята попытка описания особенностей взаимосвязи самоотношения с локусом контроля у юношей и девушек.

Ключевые слова: самоотношение, локус контроля, внешний локус контроля, внутренний локус контроля, подростки, социальный риск.

Annotation. The article is devoted to the problem of determining the relationship of self-relation with the locus of control in adolescents of social risk groups. The author presents the results of the study of self-relation and locus of control of adolescents at social risk and on this basis attempts to describe the features of the relationship of self-relation with the locus of control in boys and girls.

Keywords: self-relation, locus of control, external locus of control, internal locus of control, teenagers, social risk.

Литература:

1. Гуревич, П.С. Психология: учебник / П.С. Гуревич. – Москва: Инфра-М, 2015. – 330 с.
2. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения / С.Р. Пантилеев. – М.: «Смысл», 1993. – 32 с.
3. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 440 с.

УДК 351.74.37(075.8)

МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Тихомиров Сергей Николаевич,

кандидат педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики учебно-научного
комплекса психология служебной деятельности
ФГКОУ ВО «Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Постановка проблемы. Предпосылками для проведения данного исследования и написания статьи выступили три причины. Во-первых, трансформация технологии социального сопровождения узаконила закрепление базисного принципа ее реализации – межведомственного взаимодействия. Вторая – это обязательство обеспечить социальное сопровождение рассматриваемой целевой группы в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. При социальном сопровождении несовершеннолетних, привлеченных к правовой ответственности, характеризуя их положение как социально опасное, важно руководствоваться нормами ФЗ-№120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», которые закрепляют межведомственное взаимодействие субъектов профилактики. Третья – это современное состояние и анализ динамики преступности несовершеннолетних.

Число преступлений, совершенных несовершеннолетними (с их участием), сократилось со 195,4 тыс. в 2000 году до 61,8 тыс. в 2018 году, с 2008 по 2018 годы на 54% уменьшилось число несовершеннолетних, состоящих на учете в органах МВД, численность осужденных в возрасте до 17 лет, содержащихся в воспитательных колониях, за этот же период сократилась на 80%. Несовершеннолетние последние три года составляют около 5% всех преступников [4, с.65]. Однако ряд фактов нами характеризуются как вызывающий беспокойство. Так, при оценке динамики преступности несовершеннолетних важно помнить как о сокращении численности данной демографической группы, произошедшее за этот промежуток времени, так и высокую долю латентной преступности. Другой факт – это изменения в структуре подростковой преступности. По криминологическим оценкам основными видами преступлений, совершаемых несовершеннолетними, являются кражи и грабежи. После снижения доли тяжких и особо тяжких преступлений в 2000-2008 годах с 8,9 до 6,8% произошел их значительный рост в последние годы. По данным МВД, в 2016 году эта доля составила 21,5% от всех преступлений несовершеннолетних [2]. Беспокоят рост доли несовершеннолетних преступников женского пола, а также вовлечение подростков в виды преступной деятельности, ранее для них нехарактерные (преступления в сфере компьютерной безопасности, валютного мошенничества, вымогательства, торговли оружием и наркотиками). Еще однимстораживающим фактом подростковой преступности являются повторные правонарушения, которые свидетельствуют о том, что они легко становятся устойчивой формой поведения. Остроту проблемы демонстрируют 26% повторной преступности среди подростков [7, с.35-36]. МВД фиксирует формирование и активное действие смешанных преступных групп подростков и взрослых лиц (в 2017 году 19 889 несовершеннолетних совершили групповые преступления), в них часто несовершеннолетние выполняют активные криминальные роли (применяют насилие, оружие, оказывают физическое сопротивление сотрудникам ОВД [2;5, с.103]. Тенденциями преступности несовершеннолетних являются: процесс омоложения преступности (лица в возрасте от 14 до 29 лет – 57% зарегистрированных преступлений); вовлечение в сферу преступности большого числа молодых людей; рост рецидива (ФРГ – 5%; РФ – около 40);

феминизация молодежной преступности (доля несовершеннолетних преступников женского пола составляет 9,8%.) [5, 7].

Цель статьи. Так как в столичном регионе утвержден порядок межведомственного взаимодействия, и в его реализации участвуют: комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления и учреждения в сфере социальной защиты населения, образования, здравоохранения, культуры, по делам молодежи, правоохранительные органы, общественные социально-ориентированные организации, нами была выдвинута гипотеза, согласно которой, социальное сопровождение несовершеннолетних, привлеченных к правовой ответственности, требует повышения качества межведомственного взаимодействия органов и организаций системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Задача статьи: охарактеризовать межведомственное взаимодействие; оценить путем опроса экспертов качество межведомственного взаимодействия (эксперты – руководители и специалисты высокой квалификации органов и организаций системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, выборка – 91 чел.: сотрудники ОВД 27 (ПДН-21, 6 ЦВСНП); специалисты органов образования – 25; специалисты органов соц. защиты – 13; сотрудники учреждений здравоохранения – 18; правозащитники – 8).

Изложение основного материала исследования.

1. Характеристика межведомственного взаимодействия и некоторых его проблем.

Известно, что социальное сопровождение – одна из устоявшихся технологий социальной работы с клиентом, направленная на оказание ему непрерывной помощи и поддержки в процессе выхода из трудной жизненной ситуации. С принятием и введением в действие ФЗ-№442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» данная технология получает нормативное закрепление, определяется через категорию содействие в предоставлении помощи на основе именно межведомственного взаимодействия.

В статье межведомственное взаимодействие и социальное партнерство рассматриваются нами как совместные, скоординированные усилия государственных и негосударственных институтов, направленные на социально-психолого-педагогическое сопровождение девиантных подростков. Всеми субъектами реализация межведомственного взаимодействия и социального партнерства проводится с учетом принципов субъект-субъектного взаимодействия, возможности инициативы каждого участника взаимодействия, распределения ответственности при общих задачах деятельности, распределения ресурсов и возможностей инфраструктуры, понимания частичности своего содержания и возможностей его взаимного дополнения, выстраивания многообразных возможных путей движения при общности цели. В качестве субъектов (партнеров) выступают органы муниципального управления, социальной защиты, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, управления образованием, управления культуры, опеки и попечительства, управления здравоохранением, службы занятости, органы внутренних дел, органы судопроизводства, общественные организации.

По нашему мнению, основу межведомственного взаимодействия и социального партнерства при сопровождении девиантных подростков составляют три взаимосвязанных элемента: методология (система идей, принципов, определяющих стратегию сопровождения и профилактики), непосредственная деятельность государственных и негосударственных институтов (выражает формы, способы реализации стратегии) и результаты (ожидаемые и реальные), которые являются показателями эффективности межведомственного взаимодействия.

Методологическими основаниями профилактики девиантности являются: деятельностный подход (личность и ее сознание формируется, развивается и проявляется в деятельности), личностно ориентированный подход (становление личности рассматривается через реализацию собственной активности, способность к творческой самореализации), а также теория социального контроля, согласно которой причиной девиантности несовершеннолетних является ослабление, разрыв или отсутствие социального и

внутреннего контроля, и культурных девиаций, где девиантность несовершеннолетних рассматривается как результат недостаточного подкрепления конвенционального поведения [6, с.87-88]. С учетом обозначенных подходов педагоги и криминологи в качестве принципов профилактики девиантности в условиях межведомственного взаимодействия выделяют: комплексный подход к проблеме с учетом несовершеннолетних как особой группы населения, нуждающейся в повышенной защите; формирование многоуровневой системы ресоциализации и предупреждения девиантности; создание единого пространства профилактики и обеспечение единства диагностики, коррекции и защиты от негативного влияния социальной среды; создание системы мониторинга результативности профилактической деятельности; организацию подготовки специалистов, использующих дискреционные полномочия.

Практика показывает, что проблемы межведомственного взаимодействия возникают в тех случаях, когда субъект профилактики оказываются вне поля зрения ведомственных структур и/или во вне институциональном пространстве. Опыт взаимодействия Университета МВД России со своими социальными партнерами свидетельствует о том, что речь идет о несовершеннолетних с диагностированным отклоняющимся поведением, как правило, отягощенном психическими патологиями, которые ранее направлялись в специализированные школы [5,6]. Известно, что реорганизация этих образовательных организаций в Москве привела к разрушению системы специального коррекционного обучения. Отзывы руководителей образования свидетельствуют о том, что большинство таких детей в обычных школьных учреждениях обучаться не могут и вымываются из системы образования, пополняя уличные подростковые группировки.

Система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основанная на ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» №120, решает проблемы этих групп в рамках полномочий Комиссий по делам несовершеннолетних и ряда ведомств лишь частично [3]. По мнению опрошенных 17экспертов (члены КДН подмосковных районов) – только на 25-30%. Согласно ФЗ №442 введен новый заявительный принцип, при котором (применительно к условно судимым подросткам) офицер УИИ может сам (заставить условника) написать в орган соцзащиты заявление об оказании социально-реабилитационной помощи, принудив подростка стать их клиентом.

2. Оценка качество межведомственного взаимодействия, поиск и анализ «точек согласия» и «зон конфликта» специалистов в вопросах социального сопровождения несовершеннолетних.

При рассмотрении организационно-управленческих аспектов межведомственного взаимодействия при опросе 91 специалиста было установлено, что инициатива взаимодействия и её частота имеют разные источники. Так сотрудники органов опеки и попечительства в своей работе регулярно взаимодействуют с представителями учреждений, занимающихся проблемами несовершеннолетних, так: 60% из опрошенных не менее 1-2 раза в месяц взаимодействуют со специалистами органов соц. защиты; 58-59% опрошенных взаимодействуют с специалистами органов образования и сотрудниками ОВД; 45% с работниками учреждений здравоохранения. С правозащитниками 46% опрошенных взаимодействует 3-4 раза в год. Выявление основ взаимодействия показало, что только в трети случаев оно осуществляется на основе совместных планов. Так плановая работа со специалистами органов социальной защиты ведется у 41% респондентов, органов образования у 39%; сотрудниками ОВД у 37% опрошенных; с работниками здравоохранения у 36% респондентов. Ответы на вопрос «Какие из мер могут быть, на Ваш взгляд, эффективными для совершенствования системы работы с несовершеннолетними правонарушителями», показали, что 84,5% респондентов назвали совершенствование межведомственного взаимодействия, а 79,3% - привлечение дополнительного финансирования на проведение целевых мероприятий.

Характер, интенсивность, трудности взаимодействия с различными органами и организациями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в части социального сопровождения привлеченных к уголовной ответственности оценивалась нашими экспертами по 5-балльной шкале. Данные по уровню реализации межведомственного взаимодействия представлены нами ниже в таблице 1.

Таблица 1.

Уровень реализации межведомственного взаимодействия в социальном сопровождении несовершеннолетних, привлеченных к правовой ответственности

Субъект/Оценки экспертов в %	«1» взаи модей ствия нет	«2» недоста точный уровень	«3» критич еский уровен ь	«4» достато чный уровень ;	«5» оптимал ьный уровень
Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав	14,3	9,5	31,0	9,5	35,7
Подразделения по делам несовершеннолетних ОВД (ПДН)	6,9	5,8	12,7	28,5	46,1
Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ОВД (ЦВСНП)	17,7	20,4	9,3	31,3	21,3
Учреждения исполнения наказания (ФСИН)	16,7	11,5	12,3	41,5	18,0
Управления социальной защиты населения	18,7	16,5	7,3	43,1	14,4
Общеобразовательные организации	4,8	10,5	7,2	45,2	32,3
Специальные учебно-воспитательные учреждения	26,2	8,3	18,0	36,8	10,7
Органы опеки и попечительства	23,4	14,7	20,8	33,1	8,0
Органы по делам молодежи	18,0	12,9	18,9	40,3	9,9
Организации здравоохранения	23,8	16,7	14,3	42,9	2,4
Правозащитники и социально-ориентированные некоммерческие организации,	26,2	23,8	11,9	28,6	9,5

Сравнение оценок экспертов свидетельствует о том, что требуется повышение эффективности взаимодействия с субъектами профилактики в сфере образования (специальные учреждения открытого и закрытого типа), органы труда и занятости населения, органы здравоохранения. Необходимо налаживание партнерских отношений с социально-ориентированным некоммерческим сектором. Опрос показал, что активны в межведомственном взаимодействии организации социального обслуживания, органы внутренних дел (подразделения по делам несовершеннолетних), организации исполнения наказания и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Анализ современных практик и данные опроса экспертов показали, что к «точками согласия», на которых базируется межведомственное взаимодействие при работе с несовершеннолетним, привлеченным к правовой ответственности, являются:

-Использование судами технологий восстановительного правосудия и медиации, применяемых в сфере дружественного к ребенку правосудия, и работа в ряде регионов специализированных ювенальных судов [1. С. 255]. 63,4% респондентов полагают, что уголовные дела в отношении несовершеннолетних должны рассматриваться судами в таком

режиме. 70,1% экспертов указали, что в них социальный педагог и психолог наделены функциями по социальному сопровождению несовершеннолетних, привлеченных к правовой ответственности, обладает профессиональными компетенциями для поддержки несовершеннолетних подсудимых и пострадавших, успешно используются механизмы примирения сторон.

-Признание учеными и опрошенными экспертами проблем реадaptации несовершеннолетних правонарушителей [5, с.103]. Все специалисты едины в мнении о том, что в процессе индивидуальной профилактической работы требуется учитывать следующие аспекты реадaptации: по мнению 81,3% экспертов – «влияние тюремной субкультуры» и по мнению 62,9% – «сложность включения освободившегося из заключения подростка в нормальную жизнь».

Ответы экспертов показали, что к «точкам разногласий» они отнесли:

-Преобразования в системе исполнения наказания (по мнению 68,2% экспертов). К важнейшим желаемым изменениям были отнесены: «осуществление более активного межведомственного взаимодействия»; «развитие и оптимизацию работы центров исправления и/или реабилитации несовершеннолетних, которые впервые совершили преступления легкой и средней тяжести»; «создание социально-психолого-педагогических служб в учреждениях исполняющих наказание»; «специальная подготовка педагогов, психологов, работающих в спецшколах, колониях, инспекциях»; «современное описание и возможность учета возрастных особенностей несовершеннолетних и реализация индивидуального подхода в работе».

-Выявление и классификацию трудностей, возникающих в социальном сопровождении несовершеннолетних, привлеченных к правовой ответственности. Опрос показал, что классификация трудностей, с которыми сталкиваются специалисты при работе с девиантными подростками мнения опрошенных экспертов разделились. 16,9% заявили о «рассогласованности в действиях специалистов»; 27,2% указали на «несовершенство законодательства»; 30,1% указали на то, что «нарушена сеть социальных контактов несовершеннолетнего»; 25,6% отметили «низкий уровень реализации мер ранней профилактики по месту жительства несовершеннолетнего»; 47,6% посетовали на «нежелание сегодняшних несовершеннолетних принимать помощь специалистов»; 10,3% указали на «отсутствие программ повышения квалификации специалистов по реализации современных и инновационных технологий работы с несовершеннолетними».

Выводы. Анализ практики, опрос экспертов свидетельствуют наличии «точек согласия» в выработке единых стратегий, тактик, технологий работы с подростком, а «зоны конфликта» как особенные сегменты, демонстрируют противоречия при проведении индивидуальной профилактической работы, показывают рассогласованность действий специалистов, ведомств и требуют своего решения. Повышение в современных условиях уровня реализации межведомственного взаимодействия не только возможно, но и необходимо [5, 6].

В качестве рекомендаций для повышения эффективности взаимодействия предлагается организация исследования и современная характеристика психологических особенностей несовершеннолетних; разработка и внедрение совместных для субъектов профилактики социальных проектов; разработка и внедрения межведомственных программ повышения квалификации для специалистов различных органов и организация системы профилактики; проведение межведомственного мониторинга причин правонарушений и преступлений несовершеннолетних с последующей разработкой сквозных мер межведомственного реагирования на уровне первичной, вторичной и третичной профилактики противоправного поведения.

Аннотация. Проанализирована проблема межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (по целевой группе – привлеченные к административной и уголовной ответственности). Показаны

результаты экспертного опроса по проблеме в Москве и Московской области. Предложены пути повышения результативности межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: социализация, девиантное поведение, межведомственное взаимодействие; социальное сопровождение; профилактика правонарушений несовершеннолетних

Annotation. The article analyzes the interagency cooperation in the system of prevention of neglect and juvenile delinquency (by target group - brought to administrative and criminal responsibility). There are shown results of the expert survey on the problem in Moscow and the Moscow region. The author proposed the ways of increasing the effectiveness of interdepartmental interaction.

Keywords: socialization, deviant behavior, interagency cooperation; social support; juvenile delinquency prevention

Литература:

1. Долгова В.И., Гартвик Е.В. Использование судами технологий восстановительного правосудия и медиации, применяемых в сфере дружественного к ребенку правосудия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 44. – С. 251 - 256.

2. По данным ФГКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс] // МВД.РФ: [сайт]. URL:<https://xn--b1aew.xn--p1ai> (дата обращения: 11.05.2019).

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ: в ред. от 03 июля 2016 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2017. Доступ из локальной сети МосУ МВД России.

4. Титова А.И. Преступность несовершеннолетних: состояние и динамика // Молодой ученый. – 2018. – №34. – С. 64-66. – URL <https://moluch.ru/archive/220/52434/> (дата обращения: 27.06.2019).

5. Тихомиров С.Н. Современные концепции безопасности российского образовательного пространства. – В сборнике: Совершенствование профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей в образовательных организациях системы МВД России. сборник научных трудов межвузовской конференции и всероссийского семинара. – 2018. – С. 101-103.

6. Тихомиров С.Н. Научно-образовательная коллекция «А.С. Макаренко – человек, педагог, ученый, писатель»: содержание и основные технологические решения. – В сборнике: Модернизация образования: научные достижения, отечественный и зарубежный опыт. Материалы XXV Рязанских педагогических чтений: в 2 томах. Под общей редакцией Л.А. Байковой, Н.В. Мартишиной, Л.И. Архаровой. – 2018. – С. 86-90.

7. Тихомиров С.Н. Представления подростков о допустимом и девиантном поведении в рискогенном обществе // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2018. № 1. – С. 33-37.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Черникова Елена Васильевна,

кандидат педагогических наук, доцент,

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,

Приднестровская Молдавская Республика, г. Тирасполь

Постановка проблемы. В последнее время отмечаются тенденции увеличения количества и возвеличивания людей с отклоняющимся поведением. СМИ активно обсуждает возможности самовыражения для всех «странных», порой отождествляя креативность и асоциальность, рассматривая девиации как стимул прогрессивных изменений, новаций.

Огромную важность приобретают вопросы проблемы выбора оптимальной методики профилактики девиантного поведения подростков, которая является сегодня одной из актуальных социально-педагогических проблем. Она имеет глубокие нравственно-этические, социально-культурные, экономико-политические корни, и для принятия эффективных мер ее разрешения необходимо знать особенности этой проблемы.

Интерес к проблеме обусловлен тем, что социально-педагогическая работа по профилактике девиантного поведения в подростковом возрасте, реализуется в виде комплекса развивающее-воспитательных, формирующе-корректирующих мероприятий, а также путем помощи в социальной адаптации и поддержке в проблемных ситуациях.

Большой вклад в изучение проблемы девиантного поведения подростков внесли исследования: С.А. Беличевой, В.Г. Бочаровой, С.И. Григорьева, В.И. Загвязинского, Г.Ф. Кумариной, В.Д. Семенова, Г.Н. Филонова, и других, которые рассматривают теоретико-методологические моменты социально-воспитательной и профилактической работы как комплексное образование.

Целью статьи является изучение социально-педагогической деятельности по профилактике девиантного поведения в подростковом возрасте.

Известно, что поддержка в процессе социализации, устранение негативных факторов, способствуют формированию негативных моментов в поведении, что реализует комплекс задач социального педагога, работающего с подростками девиантного поведения.

Теоретико-методологические основы исследования построены на работах С.А. Беличевой, В.Г. Бочаровой, С.И. Григорьева, В.И. Загвязинского, Г.Ф. Кумариной, В.Д. Семенова, Г.Н. Филонова и др.

Особенностью является то, что существует множество определений девиации.

Во-первых, под девиациями (отклонениями) понимают поступки, деятельность, не соответствующая официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе понятиям и взглядам; социальные явления, проявляющиеся в относительно массовых и стабильных формах деятельности, не соответствующих установленным в обществе показателям обычного поведения [5].

Во-вторых, девиации – это устойчивые отклонения поведения и развития личности, не соответствующие наиболее важным социальным нормам. Отрицательные девиации являются социальными патологиями, к ним относятся наркомания, пьянство, проституция, преступность и алкоголизм и т.д. могут причинять реальный ущерб социуму или самой личности, а также сопровождаться ее социальной дезадаптацией.

Вместе с тем, возможны и положительные девиации – это действия, направленные на изменение устаревших норм и ценностей, которые препятствуют дальнейшему развитию общества. Они могут проявляться в креативном творчестве, политической деятельности или просто личном протесте [3].

Характерным признаком является то, что причин и поводов асоциального, отклоняющегося от норм поведения может быть много. Они могут быть как личностного, субъективного плана, такие как: эгоцентричность, психологическая склонность к асоциальным действиям, социально-материальное неблагополучие, физиологические дефекты и особенности, так и внутрисемейного характера – несправедливые оценки, непонимание близких, неудовлетворенность пониманием проблем, не восприятие родственниками интересов, его отверженность, много возможностей для проявлений девиаций, а могут быть и внешнего плана: при асоциальных поступках, под давлением сверстников, ближайшего окружения негативного плана. Данные факторы могут спровоцировать подростка на совершение девиантных поступков, а возможно он сможет преодолеть негативные условия и не отклонится от общепринятых социальных норм поведения [2].

Важным является то, что ученые и практики различных областей знаний всегда уделяли повышенное внимание вопросам выявления, коррекции и профилактики отклоняющегося поведения в различных его аспектах.

В российской педагогике XX века девиантное поведение исследовали такие выдающиеся ученые, как В.М. Бехтерев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, С.Т. Шацкий, А.С. Макаренко и многие другие.

Напрямую проблемам деятельности школы по профилактике отклоняющегося поведения подростков посвящены работы таких российских ученых, как Б.Н. Алмазова, Н.А. Закатова, И.А. Клейсберг, Н.А. Катаева, И.А. Невского, А.Ф. Никитина, Р.В. Овчаровой.

Имеют место несколько основных научных подходов у зарубежных авторов для объяснения девиантного поведения:

1) биологический или антропологический (Ц. Ломброзо, У. Шелдон и др.), смысл которого проявляется в том, что девиантное поведение, в частности преступное, обусловлено определенными антропологическими особенностями, признаками человека, например, выступающая нижняя челюсть, реденькая бородка, пониженная чувствительность к боли и т.д. (Ц. Ломброзо) или мезоморфность, т.е. строение тела, которое отличается силой и стройностью (У. Шелдон). В последние годы девиантность в русле данного понимания иногда объясняется аномалиями половых хромосом (присутствие дополнительной хромосомы Y);

2) психологический подход (З. Фрейд, А. Адлер и др.), понимающий девиантность в психических отклонениях личности, наличием различных комплексов, а также тем, что конфликт личности и общества определен первоначально как столкновение «оно» и «супер-эго» – системы моральных табу. Общество ущемляет возможность удовлетворения инстинктов человека и тем самым создает проблемную конфликтную ситуацию;

3) социологический подход (Э. Дюркгейм, Р. Мертон и др.), при котором девиантное поведение определяется социальными причинами: несовершенством общества, социальным неравенством и противоречиями, первоначально заданными конфликтами, протестом против неправильного общественного устройства и т.д. [1].

Следует согласиться с мнением большинства ученых, что посредством анализа биологических, психологических особенностей, наличия комплексов нельзя в полной мере объяснить сущность, уровень преступности или других видов девиаций. Более вероятно, что и биологическая, и психологическая предрасположенность к девиантному поведению в некоторых случаях, соединяясь с определенными социальными условиями, дает соответствующий результат.

Концепции, сформулированные в рамках российских научных взглядов феномен девиантного поведения, в основном, объясняется «тройным несовпадением»: требований нормы, системы реальных общественных отношений и интересов личности. Вышесказанное вызвано конфликтностью развития социума, где основным является противоречие между стабильностью и неустойчивостью общества как системы. Общество, с одной стороны,

направляет личность на конформное поведение, что является условием социальной стабильности, а с другой – объективно требует от него активности, т.е. выхода за рамки общепризнанной нормы, как необходимого условия прогресса [3, с. 35].

Исследователи дают различные классификации форм отклоняющегося поведения.

Так, В.Э. Зисс полагает, что отклоняющееся от принятых в обществе взглядов о норме поведение точнее всего относится к понятию «педагогически-вакуумный» подросток, так как объединяет в себе дисциплинарные, аморальные и противоправные поступки, совершающиеся этими подростками. В качестве распространенных компонентов структуры отклоняющегося поведения ученый определяет:

–поступки, связанные с нарушением подростками норм морали;

–поступки, связанные с невыполнением подростками своих основных социальных обязанностей;

–поступки, связанные с нарушением уголовного законодательства.

Ряд исследователей, в частности, В.В. Ковалев называет девиантное (антидисциплинарное, асоциальное) и делинквентное (криминальное) поведение. Автор понимает девиантное поведение как отклонение от нравственных норм данного общества. По его мнению, проявления антисоциального поведения отличаются разнообразием и не всегда легко поддаются систематизации [1;2], включая:

–систематическое уклонение от учебной и трудовой деятельности;

–регулярное пребывание в асоциальных неформальных группах;

–антиобщественные насильственные, либо корыстные действия, действия сексуального характера;

–злоупотребление алкоголем;

–употребление наркотических и токсических веществ;

–регулярные уходы из дома, бродяжничество;

–прочие виды отклоняющегося поведения.

Вместе с тем, А.Е. Личко называет следующие формы проявления нарушений поведения:

–делинквентное поведение;

–побег из дома и бродяжничество;

–ранняя алкоголизация как токсикоманическое поведение;

–девиации сексуального поведения;

–суицидальное поведение [5].

Под делинквентным поведением А.Е. Личко подразумевает мелкие антисоциальные действия, не приводящие к уголовной ответственности: школьные прогулы, включенность в асоциальную группу, мелкое хулиганство, издевательство над слабыми, отнимание мелких денег и т.д.

Наряду с вышеизложенным, видится целесообразным использовать оба термина – «отклоняющееся», «девиантное» – в качестве взаимозаменяемых.

Девиантное поведение в кратком словаре современных понятий и терминов определяется как отклонение от нормы поведения, развития [3].

Следовательно, что причин и поводов девиантного, отклоняющегося от норм поведения подростков может быть много. Они могут быть как внутриличностного, субъективного плана, такие как, психологическая склонность к отклоняющемуся поведению, противоправным деяниям, социально-материальное неблагополучие, так и внутрисемейного – несправедливые оценки, непонимание близких, неудовлетворенность пониманием проблем, не восприятие родственниками интересов, его отверженность, много возможностей для проявлений девиаций, а могут быть и внешнего плана: при асоциальных поступках, под давлением сверстников, ближайшего окружения негативного плана. Данные факторы могут спровоцировать подростка на совершение девиантных поступков, а возможно он сможет преодолеть негативные условия и не отклонятся от норм поведения.

В результате рассмотрения темы рассмотрено определение девиации как поступков, действий, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям; социальных явлений, выражающихся в относительно массовых и устойчивых формах деятельности, не соответствующих установленным в обществе критериям нормального поведения и, потому, влекущее за собой формальное или неформальное порицание.

Девиантное поведение характеризуется следующими противоречиями: готовность бороться с несправедливостью и неумение разобраться в сложных явлениях жизни; стремление к идеалу и нетерпимость к поучениям; желание самоутвердиться и неумение цивилизованно это сделать; потребность в помощи и нежелание обратиться к взрослым; разнообразие потребностей и ограниченность сил, опыта в их достижении; романтическая восторженность и грубые выходы.

Выявлена специфика девиаций в подростковом возрасте, в отличие от младших детей девиантного поведения, которые связаны с тем, что подростковый период переходный, сложный, трудный, критический. Отсюда и неадекватность реакций во взаимоотношениях с окружающими, подверженность влиянию негативных сверстников, противоречивость в действиях и поступках, которые воспринимаются как девиации, отклонение от общественных правил.

Наряду с вышеизложенным, рассмотрим особенности социально-педагогической работы с подростками по профилактике девиантного поведения.

Из вышеизложенного следует, что социально-педагогическая деятельность с проблемными подростками, может быть реализована путем решения следующих задач:

1. Создание форм активной действенной социально-педагогической помощи для конкретного подростка.
2. Формирование у подростка позитивных ценностных ориентации в процессе социально-педагогической и коррекционной работы.
3. Вовлечение подростков в социально-полезную деятельность, формирование у него разносторонних интересов и увлечений.
4. Воспитание активной личности, привитие социальной ответственности, формирование положительной самооценки.
5. Укрепление физического и психического здоровья подростка путем осуществления комплекса медицинских, психолого-педагогических и других мероприятий.
6. Формирование основ правовой культуры подростка.
7. Формирование навыков «выживания» в условиях кризиса современного общества.

Изучение и анализ разных форм воспитания подростков с девиантным поведением показывает, что форма поддержки, реабилитации и социализации детей подбирается с учетом конкретных условий, традиций и национальной системы общественного социального сопровождения.

Следовательно, на основе проведенного исследования можно предложить социальным педагогам следующие рекомендации:

1. Очень важно предоставить подросткам девиантного поведения как можно больше возможностей для правильного жизненного выбора, социальной адаптации, включая комплекс мер оказания необходимой социально-психолого-педагогической помощи и поддержки, они должны предполагать включение подростка и его окружения в процесс преодоления проблемной ситуации, обеспечения условий для освоения ребенком позитивного опыта разрешения проблем.
2. Социальным педагогам необходимо комплексно осуществлять мероприятия по оздоровлению обстановки в семье, прекращению отрицательного влияния родителей на детей.
3. Развитие позитивной системы ценностных ориентации личности подчиняется определенным закономерностям – преобладание на протяжении социализации действия тех

или иных факторов и механизмов, реализующих процессы личностной динамики в условиях конкретной среды семьи, определяет доминирование характеристик в индивидуальности, которое, в свою очередь, формирует представления об общечеловеческих ценностях и жизненном выборе;

4. Для формирования представления о ценностях здорового образа жизни необходим комплексный подход, предполагающий взаимодействие всех органов и учреждений системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, в частности по решению вопросов организации обучения, труда, оздоровительного отдыха и досуга несовершеннолетних.

Данные рекомендации подобраны для осуществления работы социального педагога как с подростками, так и их семьями.

Важно то, что социальный педагог сосредоточивает свое внимание на индивидуальной работе с подростками через:

1) проведение индивидуальных консультаций с целью устранения причин, негативно влияющих на отклонения в поведении, освоении социальных норм, образов;

2) социальное обучение личности, включающее формирование представлений о положительных социальных образах. Социальный педагог через упражнения помогает подростку усвоить нормы социально-положительного поведения. Социальному педагогу необходимо научить его освоить новые для него роли, что возможно путем, поручения ребенку интересных для него функций внутри семьи и в школьном коллективе.

Выводы. Таким образом, деятельность социального педагога должна быть нацелена на формирование здоровых социально-психологических установок путем просвещения, возможно также использование зарубежного опыта в адаптированном современном реалиям варианте при использовании различных форм социальной поддержки (таких как: наблюдение, опека, попечительство, волонтерство, надзор, консультативные услуги, назначение испытательного срока воспитания, мобильная социальная работа, а так же программы обучения и профессиональной подготовки и другие формы наблюдения, заменяющие надзор в учреждениях, с целью обеспечить такое обращение с ребенком, которое отвечало бы его благосостоянию, а также его положению и характеру девиации).

Аннотация. В статье раскрываются теоретико-методологические аспекты социально-педагогической деятельности по профилактике девиантного поведения подростков. На основе проведенного исследования социальным педагогам предлагаются рекомендации по профилактике девиантного поведения подростков.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, девиантное поведение, делинквентное поведение, социально-педагогической деятельности, специфика девиаций в подростковом возрасте, профилактика девиантного поведения подростков.

Annotation. The article reveals the theoretical and methodological aspects of socio-pedagogical activities for the prevention of teen deviant behavior. On the basis of the conducted research, social pedagogues are offered recommendations for the prevention of teen deviant behavior.

Keywords: deviant behavior, delinquent behavior, delinquent behavior, social and educational activities, the specifics of deviations in adolescence, prevention of deviant behavior of adolescents.

Литература:

1. Возрастная и педагогическая психология / под ред. М.В. Гамезо и др. – М., 2004. – 346 с.
2. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. – М., 2007. – 236 с.
3. Наумчик В.Н. Социальная педагогика: Проблема «трудных» детей: Теория. Практика. Эксперимент / В.Н. Наумчик, М.А. Паздников. – Мн., 2005. – 496 с.
4. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов. А.В. Мудрик. Под ред. В.А. Слостенина. – 3-е изд., испр. и доп. - М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 200 с.

СЕКЦИЯ 3.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОПЫТ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И
МОЛОДЕЖИ

УДК 378.147

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО
СПЕЦИАЛЬНОСТИ 44.03.03. СПЕЦИАЛЬНОЕ (ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ)
ОБРАЗОВАНИЕ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО
СПЕКТРА

Алпатова Ольга Борисовна,
кандидат педагогических наук, доцент
доцент кафедры специального дефектологического образования
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»,
г. Москва

Постановка проблемы. В настоящее время психолого-педагогическое сопровождение детей с РАС является актуальным для всех уровней образования. Закон об образовании декларирует право детей с ОВЗ обучаться в общеобразовательных учреждениях наравне со сверстниками. С 1 сентября 2016 года действует ФГОС для детей с ОВЗ начального общего образования. Психолого-медико-педагогические комиссии (ПМПК) уже указывают в заключении необходимость тьюторского сопровождения и дополнительных коррекционно-педагогических занятий в качестве специальных образовательных условий. Помимо финансовых проблем, встает проблема подготовки педагогических кадров для работы с детьми с РАС.

Целью статьи является раскрытие особенностей подготовки студентов дефектологов к работе с детьми с расстройством аутистического спектра

Изложение основного материала исследования. Не секрет, что современное профессиональное образование имеет крен в сторону теоретического обучения. К чему это приводит? Это приводит к тому, что все знания и умения, и даже те немногочисленные навыки, которые получили молодые специалисты, они не могут успешно применить. Им не хватает соответствующих профессиональных качеств. Им не хватает опыта, не хватает погруженности в профессиональную среду, не хватает целеустремленности. Они не хотят быть профессионалами! Как раз этих составляющих не хватает в современном профессиональном образовании: профессионального воспитания, профессиональной практики. Они «не в теме», поскольку среда, в которой они «варились» в процессе обучения – это студенты и преподаватели, а не профессионалы [1].

Кафедра специального дефектологического образования является выпускающей кафедрой, поэтому мы стали проводить работу по составлению паспорта компетенций бакалавра обучающегося по специальности 44.03.03 «Специальное (дефектологическое образование).

Работа с паспортом компетенций помогла нам составить модель ПУСК (Полная Универсальная Структура Компетенции). Внедрение в процесс профессиональной подготовки студентов, модели «ПУСК» и ее структурных компонентов позволит нам усилить блок практической подготовки. Основные структурные элементы модели: практический опыт, умения и навыки, методика тренировки, психологические установки,

алгоритм эффективной деятельности, теоретические знания, методика внедрения, личностные качества.

Предлагаем ознакомиться с теми шагами, которые мы предпринимаем в направлении усиления практической направленности профессиональной подготовки студентов, обучающихся по направлению Специальное (дефектологическое образование), на основе организации психолого-педагогических мониторинговых исследований, осуществляемых преподавателями кафедры в процессе организации образовательного процесса по профессионально-ориентированным дисциплинам.

На основании паспорта компетенций они отслеживают и при необходимости проводят корректировку личностных качеств студентов. Эта работа направлена на формирование психологической устойчивости и изменению мотивации профессионального обучения и деятельности и включает в себя:

- участие в научно-практических конференциях по комплексному сопровождению детей с расстройством аутистического спектра и написание научных статей по данной теме;
- прохождение педагогической практики студентами с последующим поэтапным анализом педагогической деятельности
- рефлексивный анализ социально-педагогических явлений, который теснейшим образом связан с таким методом педагогического исследования, как наблюдение. По сути, включенное и невключенное наблюдение – это не просто фиксация, регистрация фактов, но глубокий и тонкий анализ системы любых отношений.

В образовательном процессе это осуществляется следующим образом:

- через проведение самоанализа студентов дефектологов в период начала обучения на первом курсе (соответствующие вопросы в процессе лекций, специальные задания на семинарах, практикумах).
- через совместную индивидуально-групповую деятельность обучающихся при корректирующей поддержке преподавателя в конце первого курса (творческий проект «Я и мой личностно-профессиональный образ после окончания института»).
- через подготовку обучающихся к актуализации аналитической деятельности, включая самоанализ, в последующей жизни, после получения высшего образования.

Каждая общекультурная, профессиональная компетенция, которую осваивает студент может быть обеспечена комплексом соответствующих алгоритмических схем, ориентировочных основ, матриц. Их использование в обучающей практической деятельности стимулирует развитие визуального восприятия, внимания, памяти личности, закрепляет аналитические умения и навыки.

При обучении студентов дефектологов работе с детьми с РАС мы используем опорные конспекты.

Примером такой работы может служить **матрица анализа социально-педагогического явления в образовательном процессе:**

1. Охарактеризовать реализуемый педагогический процесс (Что? Кто? Где? Когда? Почему? Каково соответствие действий и деятельности субъектов принципам гуманистической педагогики?).
2. Выявить социально-педагогическую проблему(ы) (Какие выявляются социально-педагогические нарушения? Конкретизировать несоответствия на основе знания социально-педагогической, психологической нормы).
3. Обозначить систему и подсистемы субъектов, включенных в социально-педагогическую проблему, оценить качество выполняемых ими функций.
4. Представить краткие характеристики субъектов (психолого-педагогические, поведенческие).
5. Охарактеризовать сущность педагогической задачи.
6. Реализовать деятельность:

а) педагог: привлечение внимания обучающихся к конкретному социально-педагогическому явлению – побуждение обучающихся к актуализации эмпатии, ответственности, внимания, мышления – представление алгоритма аналитической деятельности (на первых этапах обучения) – побуждение к детальному изучению психолого-педагогических условий эффективности процесса воспитания, обучения, социализации и развития личности – организация учебно-профессиональной дискуссии – привлечение обучающихся к оцениванию социально-педагогического явления.

б) обучающиеся: сосредоточение на предлагаемом педагогом социально-педагогическом явлении – эмоционально заинтересованное отношение к рассматриваемой проблеме – актуализация чувств эмпатии, ответственности – актуализация внимания, мышления – изучение элементов социально-педагогического явления – первичный самостоятельный анализ проблемы – участие в учебно-профессиональной дискуссии – оценивание социально-педагогического явления путем «вписывания» собственной позиции в коллективный результат.

7. Коллективное итоговое оценивание специфики социально-педагогической проблемы и проектирование актуальной социально-педагогической деятельности.

Позже, когда будущий дефектолог приступает к учебной практике, данная матрица становится полезным руководством к действию. Наблюдая за субъектами педагогического процесса, студент получает возможность детально анализировать те события, мероприятия школы, социально-педагогического центра в которых он принимает участие. Данная матрица позволяет выявлять, с одной стороны, признаки гуманности, системности, личностно ориентированного подхода педагогов к подопечным, с другой стороны, – отметить проявления девиаций школьников [2]. Большую помощь в практической деятельности наших студентов оказывают методические рекомендации специалистов Федерального ресурсного центра по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра (г. Москва).

Конечно, в идеале наблюдение и контакт с будущими субъектами профессионального влияния, постоянное взаимодействие с ними (хотя бы 1-2 встречи в неделю) обеспечивает студентов-дефектологов исключительными возможностями приобщения к избранной специальности. Однако, это не всегда возможно. Мы стараемся расширить профессиональные интересы наших студентов с помощью организации их участия в научно-практических конференциях, где они получают возможность узнать новые тенденции в работе с детьми с РАС от педагогов- практиков.

Выводы. В качестве выводов отметим очевидность того, что успешность подготовки студентов дефектологов к работе с детьми аутистического спектра строится на разработанной нами модели ПУСК. Элементами которой являются: практический опыт, умения и навыки, методика тренировки, психологические установки, алгоритм эффективной деятельности, теоретические знания, навыки научной работы, личностные качества

В данной статье мы затронули (достаточно поверхностно) вопрос о формировании дефектологами только одной профессиональной компетенции – а сколько за этим высветилось общих и частных задач, требующих системного, планомерного решения, комплексного подхода. Поэтому наивно ожидать сегодня от образовательной системы высшего профессионального образования получения быстрых результатов при переходе на компетентностный подход к подготовке, в том числе, будущих дефектологов.

Аннотация: статья раскрывает особенности подготовки студентов дефектологов к работе с детьми с расстройствами аутистического спектра. Внедрение в процесс профессиональной подготовки студентов, модели «ПУСК» и ее структурных компонентов позволит усилить блок практической подготовки. Основные структурные элементы модели: практический опыт, умения и навыки, методика тренировки, психологические установки,

алгоритм эффективной деятельности, теоретические знания, методика внедрения, личностные качества.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, практический опыт, умения и навыки, методика тренировки, психологические установки, алгоритм эффективной деятельности, теоретические знания, методика внедрения, личностные качества.

Annotation: Abstract: the article reveals the features of preparing students of defectologists to work with children with autism spectrum disorder. The introduction of процесс professional training of students, model START, and its структурных components will allow усилить unit practical training. Основные structural elements of the model: practical experience, skills and perks, psychological attitudes, methods of training, psychological установок, the algorithm is efficient activities, theoretical knowledge, methods of implementation, личностные quality.

Keywords: professional competence, practical experience skills & perks, methods of training, psychological attitudes, the algorithm is efficient activities, methods of implementation, theoretical knowledge and personal qualities.

Литература:

1. Алпатова О.Б. Принцип преемственности в современном профессиональном образовании// Педагогические науки – 2008. – №4. – С. 106.

2. Ульянова И.В. Алпатова О.Б. Подготовка будущих социальных педагогов к анализу социально-педагогических явлений// Успехи современного естествознания. – 2015. – № 9-3. – С. 567-571.

УДК 159.9.07

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Богданович Наталья Викторовна,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры «Юридическая психология и право»,

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,

г. Москва

Делибалт Варвара Васильевна,

доцент кафедры «Юридическая психология и право»,

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,

г. Москва

Шишлянникова Любовь Михайловна,

начальник отдела мониторинга качества профессионального образования,

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,

г. Москва

Постановка проблемы. В настоящее время система образования (в том числе конкретные образовательные учреждения) и социальная практика в широком смысле ставят перед специалистом целый ряд задач, предполагающих, что педагог-психолог:

– способен и готов работать с разными категориями клиентов (включая так называемых «трудных» клиентов – несовершеннолетних и семей, находящихся в трудной жизненной или юридически значимой ситуации, детей и подростков с различными видами девиантного поведения);

– умеет моделировать профилактическую среду и разрабатывать концептуальные (ориентированные на конкретное образовательное учреждение) программы профилактики отклоняющегося поведения;

– умеет вести индивидуальную профилактическую работу и разрабатывать адресные (ориентированные на конкретную клиентскую группу) профилактические программы;

– умеет разрабатывать адресные (ориентированные на конкретную клиентскую группу) профилактические программы [1].

Все это требует от педагога-психолога владения специальными познаниями, т.е. компетенциями в области диагностики отклоняющегося поведения, использования специализированных диагностических методов оценки и управления трудными случаями, технологий планирования и реализации профилактической деятельности/индивидуальной профилактической работы с учетом индивидуально-психологических особенностей ребенка и специфики его социальной ситуации развития, знаний нормативно-правовой базы, умений выстраивать межведомственное взаимодействие и разрабатывать программы профилактики для образовательного учреждения. Особых компетенций требуют от специалистов юридически значимые ситуации с участием несовершеннолетних, поскольку предполагают владение инструментарием оценки и технологиями работы с социальными рисками, девиантным поведением и рецидивами противоправного поведения. Таким образом, все вышесказанное обуславливает актуальность и значимость оценки и анализа профессиональных компетенций психологов образования в контексте профилактики девиантного поведения обучающихся.

Цель статьи – определить основные проблемные зоны в развитии профессиональных компетенциях психологов образования в контексте профилактики девиантного поведения.

Изложение основного материала исследования. Авторы статьи в 2018-2019 годах разрабатывали и апробировали проект «Разработка и апробация программ повышения квалификации (включая учебно-методический комплекс) для педагогов-психологов образовательных организаций всех уровней образования по вопросам профилактики девиантного поведения обучающихся в образовательной среде», заказчиком которого выступало Министерство образования и науки Российской Федерации (ныне – Министерство просвещения России). Целью проекта являлось повышение профессиональной компетенции педагогов-психологов всех уровней образования в области профилактики социальных рисков, правонарушений несовершеннолетних, психолого-педагогической помощи детям и подросткам с девиантным и делинквентным поведением, организации профилактической работы в образовательных учреждениях. При этом перед разработчиками стояло несколько задач:

1. Проектирование и разработка программы повышения квалификации повышения квалификации «Профилактика девиантного поведения обучающихся в образовательной среде».

2. Проведение апробации программы повышения квалификации «Профилактика девиантного поведения обучающихся в образовательной среде».

3. Разработка по итогам апробации 3 программ ДПО педагогов-психологов всех уровней образования по вопросам профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.

Теоретическими и методологическими основаниями проекта послужили положения юридической психологии детства (Е.Г. Дозорцева, Н.В. Богданович, В.В. Делибалт), девиантологии (Е.В. Змановская, Ю.А. Клейберг и др.) и культурно-исторической психологии (Л.С. Выготский, В.К. Зарецкий, О.В. Лишин и др.), а также деятельностный и субъектно-деятельностный подходы (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн).

В процессе апробации программы повышения квалификации педагогов-психологов проводилось исследование профессиональных компетенций, которое осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе был проведен анализ профессионального стандарта "Педагог-психолог" (психолог в сфере образования) (часть А) [2]. Из выделенных в

стандарте семи трудовых функций особое значение для контекста профилактики девиантного поведения играют следующие: Психологическая диагностика детей и обучающихся, Коррекционно-развивающая работа с детьми и обучающимися, в том числе работа по восстановлению и реабилитации, Психологическое консультирование субъектов образовательного процесса, Психологическое просвещение субъектов образовательного процесса, и, для нас особо важно для нашего исследования, Психопрофилактика (профессиональная деятельность, направленная на сохранение и укрепление психологического здоровья обучающихся в процессе обучения и воспитания в образовательных организациях).

Что же требуется от педагогов-психологов при выполнении данных функций? Заметим, в этих функциях можно выделить ряд общих требований: 1. разработка программ; 2. их реализация совместно с другими специалистами; 3. оценка эффективности.

Отдельно обращается внимание на взаимодействие с учителями, дефектологами, логопедами и социальными педагогами; на привлечение других профильных специалистов (например, «для информирования субъектов образовательного процесса о способах получения отраслевой психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»); работа должна быть направлена на развитие интеллектуальной, эмоционально-волевой сферы, познавательных процессов, снятие тревожности, решение проблем в сфере общения, преодоление проблем в общении и поведении; в диагностической функции предполагается «участие в работе психолого-медико-педагогических комиссий и консилиумов» [2].

При рассмотрении собственно функции психопрофилактики можно заметить, что основной акцент делается на рекомендации всем субъектам образовательного процесса. Какие же проблемы предполагается предотвращать? Социальную дезадаптацию, аддикции и девиации поведения. На какие сферы воздействовать? На развитие личности обучающихся, а также на развитие аффективной, интеллектуальной и волевой сфер. В каких условиях нужно обращать особое внимание? Тогда, когда появляются новые образовательные условия, требуется социальная интеграция и социализация дезадаптивных обучающихся и воспитанников, обучающихся с девиантными и аддиктивными проявлениями в поведении; в адаптационный, предкризисный и кризисный периоды. Через какие средства? Путем формирования у обучающихся навыков общения в разновозрастной среде и в среде сверстников, развитию навыков поведения в виртуальной и поликультурной среде [2].

Можно сделать вывод, что в профессиональном стандарте педагога-психолога реализована довольно общая модель психопрофилактики. Однако авторами статьи разрабатывается модель психопрофилактической деятельности психологов, работающих в юридически значимом контексте. В этой модели психопрофилактика понимается как направление деятельности психолога, целью которого является формирование и развитие у клиентов личностных ресурсов, повышающих их устойчивость к действию тех или иных неблагоприятных факторов, т.е. снижающих уязвимость клиента перед действием этих факторов [3].

На втором этапе на основании анализа профессионального стандарта был разработан входной контроль для оценки развития и сформированности базовых профессиональных компетенций педагога-психолога в соответствии профессиональным стандартом «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)», необходимых для освоения специальных познаний в области профилактики девиантного поведения.

Входной контроль включал в себя: тестирование; решение кейса; анкетирование.

Тестирование было направлено на оценку компетенций в сфере психологической диагностики детей и обучающихся; коррекционно-развивающей работы с несовершеннолетними, в том числе работе по восстановлению и реабилитации; психологического консультирования субъектов образовательного процесса; психологического просвещения субъектов образовательного процесса; оценку знаний в области возрастной психологии, социальной психологии, основ клинической и специальной психологии. Отдельно анализировались компетенции в области психопрофилактики (т.е. как

указывается в Профессиональном стандарте «Педагог-психолог» – профессиональная деятельность, направленная на сохранение и укрепление психологического здоровья обучающихся в процессе обучения и воспитания в образовательных организациях).

Также было предложено для решения 2 структурированных кейса на выбор в зависимости от того с какой возрастной категорией работает слушатель – дошкольники/младшие школьники или подростки/юноши. В кейсе необходимо было предоставить решение описанной ситуации.

Анкетирование проводилось с целью определения уровня осведомленности в области профилактики девиантного поведения, а также актуальных запросов слушателей.

Анализ тестирования. Тестирование проводилось в период с 12 по 28 сентября 2018 года, в on-line режиме. В нем приняли участие 834 испытуемых. Из них 288 специалистов высшей категории (34,5%), 446 человек (53,5%) – первой, 100 человек – второй (12%). В процедуре тестирования приняли участие педагоги-психологи из восьми Федеральных округов Российской Федерации из городских, поселковых и сельских образовательных учреждений, причем подавляющее большинство – это специалисты городских образовательных организаций (88,6%).

Более 80% специалистов, принявших участие в тестировании, занимают должность педагога-психолога. Тестирование проходили специалисты различных образовательных организаций, причем более половины – это специалисты общеобразовательных учреждений 59,7%.

Средний стаж работы специалистов в должности составляет 6,7 лет. Подавляющее большинство прошедших тестирование имеют стаж более 3 лет (71%) и только 29% можно отнести к группе молодых специалистов. Стаж работы в должности более 10 лет имеют 38% испытуемых.

Среди испытуемых выпускников бакалавриата – 141 (17%) человек, специалитета – 613 (73%) и магистратуры – 80 (10%). Подавляющее большинство имеют образование либо психологическое (51,9%), либо психолого-педагогическое (39,5%) и только у 9 (1,4%) испытуемых специальность по диплому не связана с психологией или педагогикой.

За последние 5 лет курсы повышения квалификации по проблемам девиантного поведения прошли только 190 испытуемых, что составило 23%.

Для проведения компьютерного тестирования использовалась диагностическая методика, разработанная авторским коллективом факультета Юридической психологии МГППУ с учетом основных требований к содержанию трудовых функций, описанных в Профессиональном стандарте «Педагог-психолог» (Психолог в сфере образования).

Банк контрольно-измерительных материалов содержит 360 тестовых заданий, которые распределены по 6 блокам в соответствии с проверяемыми компетенциями. Испытуемому для выполнения предлагалось 90 заданий, по 15 из каждого блока. Таким образом, каждому испытуемому всего необходимо было выполнить 90 заданий, которые выпадали из общей базы в случайном порядке в строгом соответствии с проверяемыми компетенциями.

Все тестовые задания прошли психологическую и содержательную экспертизу. Задания оценивались по 3 критериям:

- Адекватность задания и доступность его формулировки;
- Практическая направленность задания (соответствие работе психолога);
- Уровень трудности задания.

По каждому критерию задание оценивалось по 5 бальной шкале. Средний балл по критерию «Адекватность задания и доступность его формулировки» составил 4,7, по критерию «Практическая направленность задания (соответствие работе психолога)» – 4,8, по критерию «Уровень трудности задания» – 4,2. Таким образом, экспертами качество заданий признано хорошим и отвечающим требованиям профессионального стандарта.

Средний процент выполнения теста составил 58% (уровень владения компетенцией считается соответствующей требованиям, если испытуемый правильно выполнил не менее

60% тестовых заданий по данной компетенции). На рис. 1 представлена диаграмма уровня выполнения теста входного контроля.

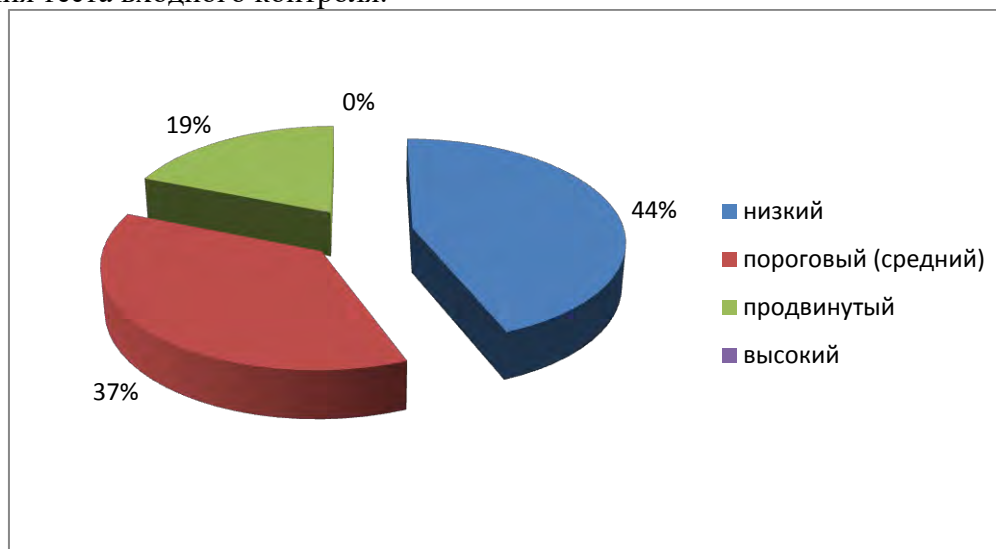

Рис .1. Уровень выполнения теста входного контроля

Из диаграммы видно, что с тестом входного контроля справилось чуть более половины испытуемых (56%). Средний уровень выполнения теста показали 37% испытуемых, а 19% – продвинутый. Высокие результаты по выполнению теста не показал никто. Данные результаты показывают, что испытуемые не владеют необходимой системой знаний по вопросам профилактики девиантного поведения обучающихся в образовательной среде.

Наиболее высокие результаты получены по вопросам блока «Психологическое просвещение субъектов образовательного процесса» и знаниям в области психологии.

Проверяемые компетенции	Средний процент правильных ответов	Уровень знаний			
		низкий	пороговый (средний)	продвинутый	высокий
Психологическая диагностика детей и обучающихся	58,9%	40,4	29,2	23,1	7,3
Коррекционно-развивающая работа с детьми и обучающимися, в том числе работа по восстановлению и реабилитации	55,2%	46,9	31,2	18,2	3,7
Психологическое консультирование субъектов образовательного процесса	53,5%	54,0	28,3	14,4	3,3
Психологическое просвещение субъектов образовательного процесса	64,3%	26,7	27,8	30,2	15,3
Психопрофилактика	55,8%	45,3	32,1	19,5	3,1
Знания в области психологии: (возрастная психология, социальная психология, основы клинической и специальной психологии)	59,1%	37,5	31,3	23,0	8,2

Таб. 1. Проверяемые компетенции и уровни знаний

Наибольшие дефициты знаний показали испытуемые по вопросам блока «Психологическое консультирование субъектов образовательного процесса» (менее 50% испытуемых достигли порогового значения). Также ниже критериального значения (60%) получены результаты по вопросам блока «Коррекционно-развивающая работа с детьми и обучающимися, в том числе работа по восстановлению и реабилитации» (53,1%); «Психопрофилактика» (54,7%); «Психологическая диагностика детей и обучающихся» (59,6%).

Рис. 2. Диаграмма исследуемых компетенций в контексте девиантного поведения

Из диаграммы видно, что из 6-и компетенций, проверяемых на входном тестировании, испытуемые по 4 компетенциям показали низкие результаты и только по двум более 60% испытуемых преодолели пороговый уровень.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень владения профессиональными компетенциями в части знаний и умений в соответствии с профессиональным стандартом педагога-психолога у испытуемых низкий.

Решение кейсов. Также был проведен анализ структурированных кейсов, которые испытуемые решали до прохождения программы повышения квалификации. В результате анализа было выделено три категории:

1. «мишени воздействия» – данная категория включает описание факторов риска формирования проблемного или отклоняющегося поведения несовершеннолетнего в контексте той ситуации, которая была описана в кейсе, и переформулирование этих факторов в мишени психопрофилактического воздействия (например, «развитие и коррекция регуляции поведения», «коррекция когнитивной сферы» и. т.д.). Контент-анализ показал, что большинство испытуемых на первый план среди мишеней воздействия выделяют эмоционально-волевою и коммуникативную сферы.

2. «специалисты» – категория отражает то, насколько испытуемый понимает необходимость взаимодействия как с другими специалистами того учреждения, которое описано в кейсе, так и со смежными специалистами из других ведомств в рамках комплексной и системной работы (например, взаимодействие с психиатром, нейропсихологов, логопедом, дефектологом и др.). В результате контент-анализа получены следующие данные: испытуемые чаще всего будут взаимодействовать с педагогами (43%) по сравнению с другими смежными специалистами (с логопедом – 11,5% испытуемых, психиатром – 7,9%, дефектологом – 7,6%, неврологом – 5,8%, участковым – 0,6%). Такие

данные говорят о том, что испытуемые недостаточно используют ресурсы профилактического пространства и возможности межведомственного взаимодействия.

3. «план профилактической работы» – категория, описывающая то, каким образом испытуемый планирует и прорабатывает работу с несовершеннолетним в рамках кейса, какие методы работы включает в профилактическую деятельность (например, проведение психодиагностики, участие в работе консилиума, проведение индивидуального консультирования и т.д.). Чаще всего испытуемые в планировании психопрофилактической работы указывают такие виды деятельности как психодиагностика, консультирование и психокоррекция.

Анализ анкеты. Анкета состояла из 4-х вопросов, направленных на анализ осведомленности педагогов-психологов в области девиантного поведения, профилактики, опыта работы в области юридически значимых ситуаций с участием несовершеннолетних:

1. По каким признакам можно определить девиантное поведение?

2. Что такое психологическая профилактика отклоняющегося поведения?

3. Приходилось ли Вам в Вашей практике работы взаимодействовать с комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделениями по делам несовершеннолетних и иными ведомствами в рамках межведомственного взаимодействия? Если да, то опишите с какими и в каких ситуациях.

4. Приходилось ли Вам участвовать в судебных заседаниях по делам несовершеннолетних? Если да, то опишите по каким.

В процессе анализа данных по каждому вопросу использовался метод контент-анализа.

В вопросе №1 о признаках девиантного поведения были выделены ключевые дефиниции, отражающие достаточный уровень осведомленности в данной области, к которым были отнесены такие слова и словосочетания как: «агрессивность», «неуправляемость», «резкая смена настроения», «скрытность». Также оценивалась степень развернутости ответа. В результате анализа было выявлено, что 22% испытуемых смогли описать признаки отклоняющегося поведения, и 10% смогли ответить на этот вопрос достаточно подробно.

В вопросе №2 испытуемые должны были дать определение психологической профилактике отклоняющегося поведения. Несмотря на то, что многие испытуемые использовали такие дефиниции как «комплексная», «дифференцированная» и «последовательная», ответы в основном носили либо формальный характер, либо были стандартными, встречающимися во многих нормативно-правовых актах или толковых словарях и не отражающими специфику психопрофилактической деятельности психолога. Например, психопрофилактика нередко определялась как комплексная система мер по предотвращению девиантного поведения, однако сам характер мер не раскрывался.

В вопросе №3 об опыте взаимодействия с учреждениями других ведомств только 28,5% испытуемых ответили положительно, описав свое взаимодействие и сотрудничество с комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделениями по делам несовершеннолетних и иными структурами.

В вопросе №4 об участии в судебно-следственных ситуациях и судебных заседаниях по делам несовершеннолетних также лишь 20% испытуемых описали свой опыт участия в допросах и представлении интересов несовершеннолетних в суде.

Данные результаты опроса коррелируют с результатами тестирования, указанными выше.

Анализ запросов. Дополнительно проводился анализ типовых запросов, с которыми к испытуемым педагогам-психологам обращаются клиенты (различные субъекты образовательного процесса). Было проведен анализ 3233 типовых ситуаций, с которыми сталкиваются педагоги-психологи в своей профессиональной деятельности в контексте девиантного поведения, и которые были описаны испытуемыми в ходе одного из

рефлексивных заданий в рамках программы повышения квалификации. По результатам анализа было выделено две группы запросов:

1 группа – проблемы девиантного поведения обучающихся образовательных организаций. Чаще всего в практике своей работы педагоги-психологи сталкиваются с проблемами агрессии и агрессивного поведения (26,37% среди всех запросов), а также с проблемами воровства и краж (25% запросов). Также встречаются следующие проблемы, с которыми обращаются к педагогам психологам: проблемы аддиктивного поведения – употребление ПАВ, алкоголя, курение (10%), компьютерная и интернет-зависимость (8%); нарушения дисциплины и статуса в виде прогулов и бродяжничества (9%); проблемы антивиталяного поведения – суицидальные тенденции (5,82%) и самоповреждение (2,94%).

2 группа – иные запросы (12,87%), не связанные с проблемами отклоняющегося поведения.

Выводы. Таким образом, можно сделать следующие выводы. В стандарте «Педагог-психолог (Психолог в сфере образования)» одна из трудовых функций прямо предписывает, что данный специалист должен заниматься психопрофилактикой и работать по предотвращению социальной дезадаптации школьников. Однако педагоги-психологи имеют недостаточные и слабо дифференцированные представления о том, в чем конкретно заключается такая работа (например, каковы признаки девиантного поведения, какие факторы влияют на его формирование и т.д.), хотя нередко сталкиваются с подобными рода запросами. Кроме того, и остальные трудовые функции развиты не всегда на необходимом уровне. Проведенное исследование показывает, что развитие профессиональных компетенций психологов образования в контексте профилактики девиантного поведения представляется остро необходимым.

Аннотация. В современной действительности психологи образования все чаще сталкиваются с новыми вызовами, к встрече с которыми их не готовили в ходе получения высшего образования. Это и проблема различного рода зависимостей, и суициды, количество которых увеличивается в последние годы, и различные формы проявления агрессии в Интернете, такие как кибербуллинг и т.д. Вопрос готовности к оказанию психологической помощи в изменяющихся условиях – это в первую очередь требования к профессиональным компетенциям. В данной статье исследуется вопрос, насколько практикующие психологи образования обладают нужными для профилактики девиантного поведения компетенциями.

Ключевые слова: психопрофилактика, девиантное поведение, подготовка специалистов.

Annotation. In modern reality, psychologists of education are increasingly faced with new challenges, for which they were not prepared in the high educations. This is a problem of various kinds of addictions, and suicides, the number of which has increased in recent years, and various forms of aggression on the Internet, such as cyberbullying etc. The issue of readiness to provide psychological assistance in changing conditions is primarily the requirements for professional competencies. This article examines the question of what kind competences necessary for the prevention of deviant education have practicing educational psychologists.

Keywords: psychological prevention, deviant behaviour, educational training

Литература:

1. Гаврилова О.В., Чернушевич В.А. Методические основы сетевого взаимодействия в рамках модульной подготовки в магистратуре «школьная психология» / Образование и наука: вопросы теории и практики. – 2015. № 1. – С. 23-27.

2. Приказ от 24 июля 2015 г. № 514н Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (Психолог в сфере образования)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyjournals.ru/psynews/77328.shtml>

3. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Специфика основных направлений деятельности психологов в системе профилактики правонарушений и защиты интересов детей

[Электронный ресурс] // Итоги и перспективы реализации важнейших положений национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы: Сборник материалов конференции / Под ред. З.Ф. Драгункиной, В.В. Рубцова, Г.В. Семьи, А.С. Дубовик, А.А. Шведовской. – М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. – С. 84-85. URL: http://psyjournals.ru/files/79192/sbornik_itogi_realizatsii_natsionalnoy_strategii.pdf

ББК 74.263.2

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР
ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ В
ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
УЧАЩИХСЯ В ШКОЛЕ**

Бузни Виктория Александровна,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры педагогического мастерства учителей
начальных классов и воспитателей дошкольных заведений

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта

Постановка проблемы. Информатизация образования – одно из основных направлений процесса информатизации, продиктованный потребностями современного общества, в котором главным двигателем прогресса является индивидуальное развитие личности. Она должна обеспечить внедрение в практику программно-педагогических разработок, направленных на интенсификацию учебного процесса, совершенствования форм и методов организации обучения.

Основной целью всех инноваций в сфере образования является содействие переходу от механического усвоения учащимися знаний к формированию умений и навыков самостоятельного получения знания. Успешность решения этой задачи во многом зависит от методов, средств, используемых в учебном процессе, качества и возможностей программного обеспечения от того, какое место займет компьютер в системе дидактических средств.

Исходя из того, что педагогика под девиантным поведением понимает нарушение традиционно сложившихся в обществе социально-нравственных, правовых норм и стандартов поведения, с целью профилактики девиантного поведения школьников необходимо интегрировать возможности всех педагогических подходов, учитывать всю совокупность факторов социального, педагогического, психологического и личностного характера. Особенности информационного подхода состоят в активном использовании СМИ (пресса, телевидение, радио, кино и др.) с целью профилактики девиантного поведения учащихся, достижениях зарубежных методик и технологий.

Целью статьи является выделение тенденций в практике использования ИКТ в образовательном процессе, в том числе в решении проблемы девиантного поведения детей школьного возраста. Рассматривается повышение качества образования на основе создания современной информационной образовательной среды, широкого использования информационно-коммуникационных технологий в образовательной практике.

Изложение основного материала исследования. Быстрое развитие инновационных технологий требует от учащихся адаптации к учебному процессу, а от педагога создания адаптированных методов обучения и своевременной подготовки для удовлетворения потребностей и мышления современных учащихся. Педагогу необходимо использовать широкий спектр инструментов и методов, чтобы дифференцировать и адаптировать свое

образование к потребностям своих учеников. Современные информационные и коммуникационные инструменты предоставляют множество возможностей, которые умножаются на бесконечное количество информации, распространяемой в мировой сети, тем самым являются мощным инструментом для решения проблем современного образования. Применение современных информационных и коммуникационных технологий поддерживает развитие двух других ключевых компетенций педагога – цифровых компетенций и навыков самообучения. Владение ими является хорошей основой в личностном развитии и дает возможности для реализации в будущем.

Информация является стратегическим фактором развития общества и его структурных элементов, позволяет человеку обрести творческую независимость, повысить самооценку в результате превосходства в профессии, а также повысить самооценку при анализе выбранного пути развития.

В настоящее время полезность информационных технологий измеряется тем, насколько хорошо они приспособлены к способностям, взглядам и индивидуальности человека. Человек в момент развития технологической культуры является не компонентом технологических систем, а стандартом, к которому должны адаптироваться информационные технологии. Интенсивные изменения в обществе связаны с серьезными изменениями в области культуры. Его специфические сверхструктурные особенности определяются новыми ценностями и системами нормативной оценки, которые регулируют деятельность человека в рамках определенного типа общества.

Ведущим фактором развития общества является информационная культура его членов. Она характеризует возможности для создания и использования информационных ресурсов, инструментов ИТ и ИКТ, которые обеспечивают условия для динамичного социально-экономического и культурного развития. Информационная культура показывает уровень знаний, который позволяет членам общества свободно ориентироваться в информационном пространстве, участвовать в его формировании и способствовать реализации информационного взаимодействия.

Как компонент культуры информационная культура личности реализуется в информационной деятельности, т. е. это процесс трансформации информационного поведения в профессиональной сфере. Он представляет собой интеграцию информационной и профессиональной деятельности, в ходе которой человек знакомится и трансформирует окружающую информационную среду.

Степень развития у индивида способности работать с информацией является получение, накопление, кодирование, обработка и создание на этой основе новой информации, ее передача и использование в практической работе.

Одним из важнейших личностных качеств современного учителя начальной школы является наличие у него информационной культуры. Ее формирование – это непрерывный процесс постепенного перехода от информационной компетентности к совершенствованию своих навыков и появлению других. Компетентность означает интегративную характеристику, совокупность взаимосвязанных качеств личности, знаний, навыков, привычек, опыта работы, понимания и воли. Информационная компетентность педагога – это его способность решать образовательные и профессиональные задачи посредством использования ИКТ в своем сотрудничестве с учащимися. Согласно В.В. Жилкину – это «умение индивида адекватно использовать имеющиеся информационные ресурсы, умело их комбинировать, достигая новых качественных результатов своей деятельности, испытывая, при необходимости, потребность в замене или расширении их компонентов» [1].

По нашему мнению, информационная культура личности педагога характеризует его способность формировать и использовать информационные ресурсы, современные средства информатики и информационные технологии в интересах развития его учеников. Он включает в себя навыки и умения использовать в практике ИКТ, передовые программные продукты, поиск необходимых данных из различных источников, в том числе в глобальной сети Интернет, знание информационных процессов и успешное управление ними.

Информационная культура педагога связана с реализацией трех направлений в процессе модернизации высшего образования:

- понимание современных знаний в области информатики и ИКТ;
- создание опыта проектирования и применения собственных комплексных информационных технологий, ориентированных на конкретную предметную область;
- формирование мировоззрения для глобального информационного пространства и специфики информационных взаимодействий между ним и учащимися.

Школа должна создавать такие условия для учащихся, чтобы последние имели возможность полностью раскрыть свой интеллектуальный потенциал и творческие способности. Изменяя и улучшая учебные взаимодействия между участниками образовательного процесса, предполагаемые использованием ИКТ, появляются возможности для интенсификации процессов изучения, исследования и проявления законов науки, для интерактивности, для немедленной обратной связи между субъектами в процессе обучения.

Решение этих задач во многом зависит от профессиональных навыков и педагогического мастерства учителей, их высокой личной, специальной, технологической и информационной культуры. Для педагога чрезвычайно важно осознать необходимость включения информации в творческий процесс, а не слепо копировать установленные правила и функции этого процесса.

По мнению А. Фридланда, педагог должен придерживаться следующих правил научного поведения, обеспечивающих высокую степень информационной культуры:

- ставьте все под сомнение, не принимайте убеждения только потому, что они опубликованы в прессе, в электронных публикациях или высказаны известными авторами;
- помните, что события, которые произошли после других событий, не всегда являются их следствием;
- когда вы ошибаетесь, необходимо проверить свои действия с помощью логики;
- при обсуждении чего-то нового, дайте определение основным понятиям;
- не вводите новые термины без обоснованной необходимости» [3].

Готовность педагогов работать в новом информационном пространстве является необходимым условием для разработки и внедрения новых форм и технологий обучения. Благодаря им учащиеся формируют позитивный настрой, стимулируют нестандартное, эвристическое мышление, развивают навыки командной работы и передают знания в другие научные области.

По словам К. Кларка (бывший государственный секретарь по образованию и занятости Великобритании), ИКТ радикально изменили природу отношений между учениками и преподавателями, а также стиль преподавания и стиль обучения. Отношения взаимного уважения построены на доверии. [2].

В этой ситуации возрастает роль педагогов как посредников, помощников, консультантов и организаторов мышления учащихся. Благодаря высокой информационной культуре, компетентности и осведомленности они способны стимулировать творческий рост учащихся. Информационная культура учителей начальной школы особенно важна для повышения содержания учебных предметов посредством использования ИКТ. Это должно быть сделано следующими двумя способами:

- через информатизацию обучения и расширение содержания дисциплин как из базового блока, так и из специализированных модулей. ИКТ предлагает информационно-программную среду, которая может помочь справочным, иллюстративным, демонстрационным и исследовательским аспектам содержания предметов;
- обогащение учебной программы создаст условия для формирования у учащихся новой информационной культуры.

Высокая информационная культура педагогов находит свое воплощение в выборе соответствующих стратегий обучения, т. е. синтез профессиональных знаний, навыков, отношений, ожиданий, связанных с планированием, реализацией, оценкой и контролем процесса обучения и его конечных результатов.

Главная цель профилактической деятельности с детьми школьного возраста, склонными к девиантному поведению заключается в содействии образовательного учреждения адаптации ребенка в мире, помощи ему в установлении доброжелательных отношений, устранении дефицита общения, содействии в решении собственных проблем, развитии у школьников чувства ответственности за свое поведение, которое способствует осознанию не только своих прав, но и обязанностей.

Среди ведущих путей профилактики девиантного поведения школьников можно определить:

- пропаганду здорового образа жизни;
- привлечение школьников к активной деятельности по интересам (спортивной, трудовой, технической, музыкальной и т.п.);
- организацию трудового воспитания, что дает возможность привлечь большую часть склонных к девиантному поведению учеников к интересной работе во внеурочное время;
- проведение ранней диагностики и педагогической коррекции;
- оздоровление среды и оказание помощи несовершеннолетним, которые оказались в неблагоприятных условиях жизни и воспитания;
- реализацию индивидуального подхода с опорой на положительные качества;
- организацию самовоспитания школьников.

Необходимость использования компьютерных технологий на занятиях продиктована социальными, педагогическими и технологическими причинами:

- сформирован социальный заказ на включение такой деятельности в систему образования;
- педагогические причины обусловлены необходимостью поиска новых средств для повышения эффективности обучения;
- компьютер значительно расширяет возможности передачи учебной информации, позволяет усилить мотивацию учения и активно вовлечь учащихся в учебный процесс.

Поиск новых форм и методов обучения в наше время – явление не только закономерное, но и необходимое. И это понятно: в свободной школе, к которой мы идем, каждый не только может, но и должен работать так, чтобы использовать все возможности личности. В условиях гуманизации образования реальная теория и технология массового обучения должна быть направлена на формирование сильной личности, способной жить и работать в мире, непрерывно претерпевающим изменения, способной смело разрабатывать собственную стратегию поведения, осуществлять нравственный выбор и нести за него ответственность, – то есть такой личности, которая способна к саморазвитию и самореализации.

С компьютеризацией обучения связывают перспективы повышения эффективности учебного процесса, уменьшение разрыва между требованиями, которые общество предъявляет к подрастающему поколению, и практической школьной подготовкой. В школе особое место должно отводиться таким формам занятий, которые обеспечивают участие каждого ученика в проведении урока, повышают авторитет знаний и индивидуальную ответственность школьников за результаты учебной деятельности. Эти задачи учащихся можно успешно решать благодаря информационным технологиям.

Обучение с использованием информационных компьютерных технологий позволяет осуществить уровневую дифференциацию, так как в условиях этой технологии ученик имеет право на выбор содержания своего обучения, уровня усвоения необходимых знаний в зависимости от того, какие он имеет способности, и от заинтересованности определенным вопросом. При этом деятельность учителя должна обеспечить возможность каждому школьнику овладеть знаниями на обязательном или более высоком уровне, который учащийся выбирает лично.

Бурное развитие информационных технологий и компьютерной техники открывает новые возможности совершенствования педагогических технологий и методик обучения.

Использование информационно-коммуникационных технологий и электронных средств обучения в образовательном процессе направлено на повышение эффективности и качества обучения учащихся.

Под информационными технологиями в данном случае понимаем такие педагогические технологии, которые используют для реализации образовательной деятельности совокупность электронных средств и способов их функционирования. Однако информатизация образования – это не только установка компьютеров в школах и подключение к сети Интернет, но, прежде всего, и процесс изменения содержания, методов и организационных форм обучения школьников.

Развитие информационных технологий, повсеместное использование информационных ресурсов, являющихся продуктом интеллектуальной деятельности наиболее квалифицированной части трудоспособного населения общества, определяет необходимость подготовки в подрастающем поколении творчески активного резерва. По этой причине становится актуальной разработка определенных методических подходов к использованию средств новых информационных технологий для реализации идей развивающего обучения, развития личности ученика. В частности, для развития творческого потенциала индивида, формирования у ученика умения осуществлять прогнозирование результатов своей деятельности, разрабатывать стратегию поиска путей и методов решения задач – как учебных, так и практических.

Не менее важная задача – обеспечение психолого-педагогическими и методическими разработками, направленными на выявление оптимальных условий использования средств новых информационных технологий с целью интенсификации учебного процесса, повышения его эффективности и качества. Актуальность вышеупомянутого определяется не только социальным заказом, но и потребностями индивида к самоопределению и самовыражению в условиях современного общества состояния информатизации.

Средства новых информационных технологий могут быть использованы в качестве:

1. Средства обучения, которое совершенствует процесс преподавания, повышает его эффективность и качество. При этом обеспечивается:

– реализация возможностей программно-методического обеспечения современных ЭВМ с целью сообщения знаний, моделирования учебных ситуаций, тренировки, контроля за результатами обучения;

– использование объектно-ориентированных программных средств или систем (например, системы подготовки текстов, электронных таблиц, баз данных) с целью формирования культуры учебной деятельности;

– реализация возможностей систем искусственного интеллекта в процессе применения учебных интеллектуальных систем.

2. Инструмента познания окружающей действительности и самопознания.

3. Средства развития личности ученика.

4. Объекта изучения (например, в рамках освоения курса информатики).

5. Средства информационно-методического обеспечения и управления учебно-воспитательным процессом, учебными заведениями, системой учебных заведений.

6. Средства коммуникации (например, на базе асинхронной телекоммуникационной связи) в целях распространения передовых педагогических технологий.

7. Средства автоматизации процессов контроля, коррекции результатов учебной деятельности, компьютерного педагогического тестирования и психодиагностики.

8. Средства автоматизации процессов обработки результатов эксперимента (лабораторного, демонстрационного) и управления учебным оборудованием.

9. Средства организации интеллектуального досуга, развивающих игр.

Информационные технологии обеспечивают интерактивность обучения, способствует учету индивидуальных особенностей школьника. Компьютер позволяет более широко использовать межпредметные связи. Кроме того, многофакторность системы, научный подход, богатый инструментарий, большой объем электронной справочной информации,

привлечение мультимедийных средств позволяют достичь удачного сочетания игровой, познавательной и экспериментально-исследовательской активности. Эффективность рационального использования информационных технологий обуславливается еще и тем, что сокращается время изучения теоретического материала программы. Высвобождается время в творческой практической работы, устранение пробелов в знаниях, актуализации ранее изученного материала. В случае возникновения трудностей ученик с помощью компьютера может самостоятельно быстро найти необходимую информацию и повторить ее. Это способствует расширению у учащихся кругозора, развития осведомленности в различных сферах человеческой жизни, видение проблем современного мира.

Компьютер на любом уроке помогает создать высокий уровень личной заинтересованности учащихся с помощью информации, выводимой на экран. Структура урока с использованием компьютера является многовариантной, однако его цель не только формировать знания, но и способствовать развитию учеников.

Активная работа с компьютером формирует у учащихся более высокий уровень самообразовательных навыков и умений, анализа и структурирования полученной информации. При этом новые средства обучения позволяют органично сочетать информационно-коммуникативные, личностно-ориентированные технологии с методами творческой и поисковой деятельности.

Кроме того, внедрение средств информационно-коммуникационных технологий направлено на интенсификацию процесса обучения, реализацию идей развивающего обучения, совершенствование форм и методов организации учебного процесса, обеспечивающих переход от механического усвоения знаний к овладению умениями самостоятельно приобретать новые знания.

Современные дети интересуются компьютерными технологиями и любят проводить время в социальных сетях. Педагог может воспользоваться этим явлением и перенести часть обучения в глобальную сеть. Используя учебный блог, педагог получает возможность предоставления учебных материалов – наглядных уроков, домашних заданий и другой информации. Посредством блога информационные потоки являются двусторонними: от учителя к ученикам и от ученика к учителю. Блог также можно использовать с целью виртуальной выставки детских работ.

Для визуализации уроков учителя в основном используют MS PowerPoint. Использование музыкального сопровождения дает возможность привнести новую привлекательную форму в учебный процесс и привлечь внимание и интерес учащихся. Каждая презентация может представлять собой интерактивный онлайн-урок, которым в последующем можно поделиться с учащимися в блоге.

В современном цивилизованном обществе все его члены, независимо от их общественного положения, используют информацию и знания в своей деятельности, решая непрерывно возникающие перед ними задачи. При этом, постоянно увеличиваясь, запасы знаний, опыта, весь интеллектуальный потенциал общества, который сосредоточен в книгах, патентах, журналах, отчетах, идеях, активно, на современном техническом уровне участвует в повседневной производственной, научной, образовательной и других видах деятельности людей. Ценность информации и удельный вес информационных услуг в жизни современного общества резко возросли. Под информацией (по общим позиций) будем понимать сведения о фактических данных и совокупность знаний о зависимости между ними, то есть средство, с помощью которого общество может осознавать себя и функционировать как единое целое. При этом информация должна быть научно-достоверной, доступной в смысле возможности ее получения, понимания и усвоения; данные, из которых информация извлекается, должны быть существенными, соответствующими современному научному уровню.

Информационная среда включает множество информационных объектов и связей между ними, средства и технологии сбора, накопления, передачи, обработки, продуцирования и распространения информации, собственно знания, а также организационные и юридические структуры, поддерживающие информационные процессы.

Остановимся на описании основных направлений формирования и становления средств, методов и технологий, которые приводят к перестройке информационной среды, открывая новые возможности прогрессивного общественного развития, что находит свое отражение и в сфере образования.

Математизация и информатизация предметных областей.

Использование современных информационных технологий при реализации возможностей аппарата математики, в том числе математической статистики, позволяет автоматизировать процессы обработки информации, результатов научного эксперимента, интенсифицировать применение инструментария математики в социологических исследованиях. Математизация дает возможность повысить качество принимаемых решений на всех стадиях процесса принятия решений человеком или ЭВМ за счет применения современных методов многофакторного анализа, прогнозирования, моделирования и оценки вариантов, оптимального планирования. Это позволяет перейти к разработке научно обоснованных подходов к принятию оптимального решения в конкретной ситуации, использовать методы и средства информатики в процессе решения задач различных предметных областей.

Интеллектуализация деятельности.

Реализация возможностей технических и программных средств современных информационных технологий позволяет обеспечить управление информационными потоками; осуществлять распознавание образов и ситуаций, их классификацию; эффективно обучать логике доказательств; накапливать и использовать знания; организовывать разнообразные формы деятельности по самостоятельному извлечению и представлению информации; осуществлять самостоятельные «микрооткрытия» исследуемой закономерности.

Все вышеперечисленное способствует развитию интеллектуального потенциала индивида, реализует идеи развивающего обучения.

Интеграционные процессы.

Использование современных информационных технологий поддерживает общие интеграционные тенденции процесса познания окружающей информационной, экологической, социальной среды, способствует реализации преимуществ узкой специализации и возможностей индивидуализации процесса обучения.

Сегодня внедрение компьютерных технологий в учебный процесс является неотъемлемой частью школьного обучения. Общеизвестно, что использование компьютерных технологий в образовании неизбежно, поскольку существенно повышается эффективность обучения, качество знаний и умений.

Выводы. Возможность легкого доступа к информационным ресурсам, а в сфере образования – к информационно-методическому обеспечению процесса обучения, тиражированию передовых педагогических технологий на базе использования средств новых информационных технологий обеспечивает расширение и укрепление связей между отдельными структурами системы образования, что приводит к совершенствованию ее инфраструктуры. Внедрение в практику информационных компьютерных технологий дает возможность рационально объединять общественные силы на борьбу с различными негативными явлениями и процессами, которые получили широкое распространение. Использование информационно-коммуникационных технологий в работе педагога позволяет применять большее количество методов диагностических исследований, создать качественно новые формы коррекционной работы, улучшить работу по интеграции в образовательную деятельность детей «группы риска», требующих коррекции.

Аннотация. В статье автором рассматриваются актуальные вопросы использования современных информационных технологий в организации образовательного процесса, а также перспективы организации профилактически-воспитательной работы с учащимися школьного возраста, выяснении возможностей эффективного применения новых информационных технологий в профилактике девиантного поведения школьников.

Раскрывается потенциал информационных технологий, которые призваны существенно повысить качество образования, обеспечить его доступность и создать более благоприятные условия для включения всех без исключения детей в образовательный процесс. Отдельное внимание уделяется требованиям к уровню профессионализма педагогов в области применения новых информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, образовательная организация, компетенция, девиантное поведение, информационная культура.

Annotation. In the article, the author discusses current issues of the use of modern information technologies in the organization of the educational process, as well as the prospects of organizing preventive and educational work with schoolchildren, finding out the possibilities of the effective use of new information technologies in the prevention of deviant behavior of schoolchildren. The potential of information technologies is revealed, which is designed to significantly improve the quality of education, ensure its accessibility and create more favorable conditions for the inclusion of all children without exception in the educational process. Special attention is paid to the requirements for the level of professionalism of teachers in the application of new information technologies.

Keywords: information technology, educational organization, competence, deviant behavior, information culture.

Литература:

1. Жилкин, В. В. Проблемы освоения современной информационной культуры // В.В. Жилкин. Педагогическая информатика, 2003. – № 3. – С. 3-8.
2. Кларк, Ч., Информационные и коммуникационные технологии: революция в образовании, Информатика и образование, 2003, кн. 4.
3. Фридланд, А. Я, Основные понятия информатики: информация-информационный процесс-информационная культура, Информатика и образование, 2003, кн. 7.

УДК 378.147

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Глузман Юлия Валериевна,

заведующая кафедрой социально-педагогических технологий и педагогике девиантного поведения,

доктор педагогических наук, доцент

Гуманитарно-педагогическая академия

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Ялта

Постановка проблемы. Современная система высшего образования специалистов нового поколения предполагает ориентировку на индивидуальный подход в процессе обучения с учетом актуальных проблем социальной и жизненной ситуации. Важным требованием практики сейчас является подготовка специалистов для работы в системе профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Наиболее востребованной задачей системы профилактики правонарушений несовершеннолетних является совершенствование деятельности педагогов-психологов, специалистов по социальной работе, социальных педагогов, инспекторов по делам несовершеннолетних, психологов и других специалистов применительно к новым требованиям социальной действительности и профессиональных стандартов.

Цель статьи: проанализировать магистерские программы подготовки специалистов системы профилактики девиантного поведения подростков в европейских вузах.

Изложение основного материала исследования. Новая парадигма подготовки специалистов интегрирует психолого-педагогические дисциплины, которые позволят специалисту овладеть теоретическими, экспериментальными, правовыми и организационными основами психолого-педагогической деятельности. Она дает возможность учитывать возрастные и индивидуальные особенности развития детей и подростков, оказывать психологическую помощь семье, рассматривать девиантное поведение как психосоциальное явление, разрабатывать в каждом

Современные запросы социальной практики требуют от специалистов активности, энергичности, инициативности, предприимчивости, разработки и модификации инновационных адресных технологий помощи и навыков работы с «немотивированными» и «трудными» клиентами. Специалист, работающий с девиантными и делинквентными несовершеннолетними, а также их социальным окружением, должен обладать широким спектром профессиональных компетенций, уметь предвидеть изменения в профессиональной деятельности на основе анализа изменяющихся социальных условий, владеть различными эффективными технологиями и разрабатывать гибкие индивидуально-ориентированные программы психолого-педагогической помощи детям и семьям.

В настоящее время в отечественных вузах достаточно активно рассматривается вопрос подготовки специалистов в сфере профилактики девиантного поведения, в частности рамках специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (Дозорцева Е.Г., Делибалт В.В., Богданович Н.В. [1], Калинина З.Н., Пазухина С.В., Декина Е.В.[2], Ковров В.В.[3], Малова Е.О. [4], Подольский А.И., Идобаева О.А. [5], Рыжова О.С. [6]).

Важно отметить, что зарубежный опыт подготовки специалистов указанной сферы (Houchins D., Shippen E., Jolivette K.[7], Meringolo P. [8]) может стать примером инноваций и активно использоваться при подготовке специалистов к работе с несовершеннолетними.

Как показал анализ учебных планов и программ подготовки магистров европейских вузов к работе с подростками с девиантным поведением, каждое государство имеет свою специфику с учетом законодательных норм.

Магистерские программы итальянских и испанских университетов, направленные на подготовку специалистов по профилактике девиантного поведения подростков имеют разнообразные профили. Так, при подготовке студентов в итальянских университетах приоритет отдается социальной работе и посредничеству и выпускники получают степень магистра по:

- проблемам молодежи, преступности и буллинга (Римский университет "La Sapienza");

- ювенальному уголовному посредничеству (Средиземноморский университет Reggio Calabria e il Garante);

- пенитенциарному посредничеству (Университет Вероны);

- социальному вмешательству в дела несовершеннолетних (Римский университет "La Sapienza").

Современная ситуация развития общества указывает на необходимость решения проблем в области девиантологии, профилактику преступности несовершеннолетних, социальные контексты которых имеют первостепенное значение.

Рост насилия среди подростков и молодежи актуализирует необходимость ювенального уголовного посредничества. В последние годы, посредничество возникло в различных сферах - гражданской, уголовной, социальной, культурной. Важно отметить, что посредничество оказывается особенно полезным в области правосудия в отношении несовершеннолетних.

Указанные программы предназначены для желающих решать проблемы подростковой и молодежной преступности, овладеть знаниями социального и уголовного правосудия в сфере несовершеннолетних, а также о правах детей. Такие эти программы направлены на

развитие важных аналитических навыков и расширение возможностей для оценки политики и практики в отношении международных стандартов и критериев профилактики девиантного поведения.

В рамках данных программ изучаются следующие дисциплины: ювенальное уголовное посредничество, система правосудия в отношении несовершеннолетних, социальная маргинальность и преступность среди несовершеннолетних, исследование конфликтов, права ребенка, введение в методы исследования, молодежь и социальная справедливость.

Магистерские программы нацелены на социальных работников, педагогов, психологов, психотерапевтов, детских психиатров и юристов, которые работают в сфере услуг для детей и подростков и хотят улучшить свои навыки в защите несовершеннолетних.

Спецификой магистерских программ в испанских университетах является обязательное изучение криминологии, виктимологии, ювенальной юстиции и уголовного права, что больше делает акцент на практическую подготовку в области права. Можно выделить следующие программы подготовки магистров:

-магистр в области криминологии и преступности среди несовершеннолетних (Университет Castilla-La Mancha);

-магистр в области преступности несовершеннолетних и социального вмешательства (Университет Granada)

-магистр в сфере уголовного правосудия (Университет Málaga).

Данные программы позволяют обеспечить необходимые знания о психологии подростков. Для работы с ними очень важно знать их эмоциональное и социальное развитие. Курс дисциплин позволит приобрести базовые знания об основных нарушениях, особенностях преступности среди несовершеннолетних, а также ситуации социального риска. Первый шаг, который студенты сделают в социальной реальности - они должны знать особенности несовершеннолетних, совершивших преступления, а также детей из группы риска. Кроме того, практические занятия позволяют понять механизм правового регулирования вопросов, связанных с детьми социального риска и совершившими преступления.

Таким образом, в европейских вузах также существует практика подготовки специалистов системы профилактики девиантного поведения подростков, но больший акцент, в отличие от российского опыта, делается на ювенальной юстиции.

Аннотация. В статье представлен анализ программ подготовки по магистерским программам итальянских и испанских университетов в сфере профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: магистерская программа, профилактика, девиантное поведение, несовершеннолетние, ювенальная юстиция.

Annotation. The article presents an analysis of training programs for master's programs of Italian and Spanish universities in the field of prevention of deviant behavior of minors.

Keywords: Master's program, prevention, deviant behavior, minors, juvenile justice.

Литература:

1. Дозорцева Е.Г., Делибалт В.В., Богданович Н.В. Об образовательном стандарте подготовки специалиста по направлению «Педагогика и психология девиантного поведения» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39324.shtml>

2. Калинина З.Н., Пазухина С.В., Декина Е.В. Инновационные формы подготовки специалистов по психологии и педагогике девиантного поведения // В сборнике: Государственная молодежная политика в системе развития человеческого капитала: наука и практика Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Т.К.

Ростовской, Н.Л. Смакотиной, С.Н. Фоминой. Издательство: «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА» (Москва) 2017. С. 207-210.

3. Ковров В.В. Нормативная модель профессиональной деятельности специалиста - инспектора по делам несовершеннолетних органов внутренних дел // Научные исследования и образование. 2018. № 1 (29). С. 23-26.

4. Малова Е.О. Подготовка педагогов к организации работы по профилактики девиантного поведения в среде студентов ПОО // Профилактика зависимостей. 2019. № 2 (18). С. 133-137.

5. Подольский А.И., Идобаева О.А. К проблеме подготовки специалистов по направлению "Педагогика и психология девиантного поведения" // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-podgotovki-spetsialistov-po-napravleniyu-pedagogika-i-psihologiya-deviantnogo-povedeniya>

6. Рыжова О.С. Компетентностный подход к подготовке специалистов в области профилактики девиантного поведения несовершеннолетних // Евразийский союз ученых. 2015. № 7-4 (16). С. 117-120.

7. Houchins D., Shippen E., Jolivette K. System Reform and Job Satisfaction of Juvenile Justice Teachers. Teacher Education and Special Education // The Journal of The Teacher Education Division of The Council for Exceptional Children. - 2006.- №29. - pp. 127-136.

8. Meringolo P. Juvenile justice system in Italy: Researches and interventions // Universitas Psychologica. 2012. - №11(4). – pp.1081-1092.

УДК: 37.013.42

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ РЕСОЦИАЛИЗОВАННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Горобец Даниил Валентинович,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры социально-педагогических технологий и педагогики девиантного поведения Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

г. Ялта,

Горобец Наталия Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент, Стахановский педагогический колледж Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

Постановка проблемы. Социально-педагогическая работа с осужденными по ресоциализации их личности является одной из главных проблем пенитенциарного процесса. Особенно эта работа важна для несовершеннолетних осужденных.

Понятие ресоциализации осужденных рассматривается в разных областях знаний: в психологии, социальной педагогике, криминалистике и др. Так, Е.Г. Бугреева рассматривает ресоциализацию как процесс субкультурной десоциализации, в ходе которого происходит отказ личности от ценностей субкультуры преступного мира [2]; С.А. Беличева главным институтом ресоциализации подростков выделяет специально созданную социально-педагогическую среду [1]; исследования В.Е. Бурого, В.И. Степаненко направлены на изучение особенностей ресоциализации и адаптации неоднократно осужденных [3]; В.Б. Малинин и М.В. Малинина описывают приемы ресоциализации несовершеннолетних осужденных в реабилитационных центрах [5].

Анализ научных исследований подтверждает, что ресоциализация несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях – это сложный процесс

повторной социализации подростков на основе нейтрализации асоциальных норм, ценностей, негативных ролей, стереотипов поведения и дальнейшего усвоения и развития положительных социальных норм, ценностей, ролей, образцов поведения с целью повторной интеграции в общество после освобождения. Мы согласны с утверждением Е.Л. Караман о том, что идеальным результатом социально-педагогической работы с несовершеннолетними осужденными является сформированный в определенный отрезок времени уровень ресоциализованности личности [4]. Чтобы достичь данного результата необходимо проводить социально-педагогическую работу с осужденными подростками на основе диагностики реального уровня ресоциализации личности несовершеннолетнего.

Целью данной статьи является анализ экспериментальных исследований по определению уровня ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Изложение основного материала исследования. Определяя конечным продуктом процесса ресоциализации ресоциализованность личности, исследователи данного процесса в основе определения критериальной базы для оценки уровня ресоциализованности на любом этапе рассматривают модель структуры личности несовершеннолетнего осужденного. Личность – это системное качество, которое индивид приобретает в процессе взаимодействия с социальной средой. Как отмечает Н.И. Шевандрин, такое взаимодействие происходит в трех ведущих формах – общении, познании и совместной деятельности [7, с.7].

В связи с тем, что мы рассматриваем ресоциализованность несовершеннолетних осужденных, следует заметить, что в криминальной психологии по отношению к ним используется термин «личность преступника». Поэтому целесообразно рассмотреть личностные признаки преступника. В криминальной психологии мы находим два противоположных взгляда на эту проблему. Представители первого взгляда – П.С. Дагель, Н.С. Лейкина, К.Е. Игошев и другие считают, что личность, которая совершила преступление, отличается от законопослушных граждан наличием у нее антиобщественной направленности. Представители второй точки зрения – Г.М. Резник, Ю.Д. Блувштейн и другие отрицают понятие «личность преступника», поскольку оно не содержит специфических качеств, которые были бы присущи только преступникам [6]. Если мы говорим не о системных преступлениях, то целесообразно рассматривать повышенную частоту определенных негативных личностных качеств у лиц, осужденных за преступную деятельность по сравнению с лицами соответствующего возраста и социального статуса, но не осужденных. Личность же преступника – это личность человека, который совершил не отдельные правонарушения, а систему преступных действий сознательно и целенаправленно ради удовлетворения собственных потребностей [1; 6].

Нарушение правовых и моральных норм несовершеннолетними обычно происходит неосознанно. Однако, как свидетельствует криминальная практика, такие несовершеннолетние имеют определенный набор специфических социально-психологических и моральных личностных качеств.

Наукой доказано, что личность – это сложное образование, которое имеет свою структуру. Элементы каждой личностной подструктуры взаимодействуют между собой на психологическом уровне. Поэтому личность несовершеннолетнего осужденного мы рассматриваем как системную структуру, состоящую из определенных признаков и свойств, которые находятся во взаимодействии и тесной взаимосвязи.

Личность несовершеннолетнего осужденного имеет определенную специфичность, она обусловлена изменениями на всех структурных уровнях. Часто личностные изменения в сочетании с врожденными индивидуальными особенностями психики и конкретными жизненными ситуациями приводят подростка к правонарушениям и асоциальному поведению. Структура личности, разработанная Н.И. Шевандриным, может быть использована для определения уровня ресоциализованности несовершеннолетних осужденных. Данная структура представляет собой пять основных сфер, которые дают возможность выделить основные критерии ресоциализации осужденных подростков:

1. Потребностно-мотивационная сфера – это система потребностей, мотивов, установок, ценностных ориентаций, которые составляют направленность личности.

2. Когнитивно-познавательная сфера – это особенности познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления, воображения), направленных на формирование системы знаний личности.

3. Морально-волевая сфера – это морально-этические и правовые нормы, совесть, убеждения, гуманность, эмоционально-волевые состояния и переживания. Данная сфера проявляется в отношениях личности к окружающему миру и к собственным действиям.

4. Сфера межличностных отношений – это социальный статус и ролевые функции, которые реализуются во взаимоотношениях с другими людьми и межличностном взаимодействии.

5. Активно-практическая (творческая) сфера – это умения и навыки личности, ее способности к определенному виду деятельности – интеллектуальному или физическому, художественно-эстетическому или техническому [7].

Изучение уровня ресоциализации несовершеннолетних осужденных проводилось в Перевальской воспитательной колонии Луганской Народной Республики на основе разработанной Е.Н. Караман «Индивидуальной карты ресоциализации несовершеннолетнего осужденного» [4].

Анализ заполненных индивидуальных карт несовершеннолетних осужденных дал возможность определить:

-социально-демографическую характеристику несовершеннолетнего осужденного;

-его криминально-правовую характеристику;

-склонности, способности, физические особенности несовершеннолетнего осужденного;

-общий уровень ресоциализованности личности несовершеннолетнего осужденного на потребностно-мотивационном, когнитивно-познавательном, эмоционально-волевом, межличностном и творческом уровнях;

-индивидуально-психологические особенности (уровень самооценки, тревожности, агрессивности) и социометрический статус осужденного подростка.

Изучение социально-демографических характеристик несовершеннолетних осужденных (возраст, образование, семья, состояние здоровья, наличие профессии) показало, что критическим возрастным периодом совершения правонарушений является возраст 15-16 лет. Это объясняется разными причинами, как психическими, так и социально-психологическими. Именно в этом возрасте наиболее ярко проявляются акцентуация характера подростка, чувство взрослости, стремление к самоутверждению, эмоциональная возбудимость и неуравновешенность, стремление к группообразованию и антиобщественным проявлениям. Немаловажную роль играют генетические и биологические причины, например, врожденные психопатии, гормональные нарушения, психические заболевания, склонность к суицидальному поведению.

Основной же причиной противоправного поведения осужденных подростков являются семейные проблемы и особенности семейного воспитания, что подтверждено многочисленными исследованиями. В нашем случае две третьих подростков проживали в асоциальных семьях, у половины осужденных не было отцов, семья имела низкий материальный достаток, часто противоправное поведение несовершеннолетних поощрялось самими родителями. Совсем небольшая часть несовершеннолетних осужденных, около 5%, проживала в благополучных семьях с высоким социальным уровнем и материальным достатком. При этом подростки отмечают, что родители ими не интересовались, они были предоставлены сами себе, то есть дети были лишены родительского внимания.

Однако не только недостатки семейного воспитания приводят к правонарушениям, но и проблемы во взаимоотношениях в ученических коллективах, с педагогами, неуспеваемость в учебе, насмешки со стороны окружающих становятся причинами противоправного поведения несовершеннолетних. При этом необходимо отметить недостаточный уровень

правового просвещения и воспитания в школе, колледже, вузе и в семье, что приводит к негативному или безразличному отношению к нормам государственного права.

Немаловажным фактором правонарушений является образовательный уровень несовершеннолетних осужденных. Более половины из них закончили 8-9 классов, а треть имеют только 7 классов образования.

Анализ правонарушений, за которые были осуждены подростки, дает возможность констатировать криминально-правовую характеристику несовершеннолетнего осужденного. Большинство подростков осуждены за кражу или грабеж, однако, немалый процент резонансных преступлений, таких как убийство, изнасилования, нанесение тяжких телесных повреждений, торговля наркотиками. Совершая преступления, многие подростки пытались самоутвердиться.

Как было сказано выше, уровень ресоциализации подростка зависит от уровня развития его личности на разных структурных уровнях: чем выше уровень развития мотивационной, когнитивной, морально-волевой, межличностной, творческой составляющих личности, тем выше уровень ресоциализации несовершеннолетнего осужденного.

Проведенный нами качественный анализ индивидуальных карт ресоциализации несовершеннолетних подтверждает выделенные Е. Караман три категории осужденных [4].

Первая категория включает в себя приблизительно 2% несовершеннолетних с высоким уровнем развития всех сфер личности. Такие осужденные характеризуются наличием у них четких жизненных целей, стремлением к самосовершенствованию. Они понимают роль образования в жизни человека, имеют глубокие знания по учебным предметам, эрудированны, отличаются чувством нового и самостоятельностью мышления, признают свою вину и негативно относятся к совершенному преступлению. Имеют любимое дело, дисциплинированы, добросовестны, показывают качественные результаты в общественно-полезном труде, во взаимоотношениях с другими осужденными проявляют доброжелательность.

Вторая категория осужденных более многочисленная, она составляет приблизительно 40% подростков, которые имеют средний уровень развития личностных качеств. Такие подростки характеризуются ситуативной готовностью к удовлетворению жизненных потребностей в будущем правомерными способами, у них наблюдается расхождение между жизненными целями и направленностью поведения. Они имеют слабое желание продолжать обучение, обладают посредственными знаниями. К совершенному преступлению относятся негативно, но вину свою не признают и решение суда считают несправедливым. В отношениях с другими осужденными проявляет заинтересованность, понимает важность сплоченности коллектива, при этом проявляет эпизодическую добросовестность и дисциплинированность, а общественно полезную работу выполняет качественно.

Наибольшую группу несовершеннолетних осужденных составляют подростки с низким уровнем развития личности – приблизительно 58%, которые относятся к третьей категории. Эти подростки не имеют социально-положительных жизненных целей, не видят значимости образования в своей будущей жизни, имеют низкий уровень знаний. Они не признают своей вины, считают решение суда несправедливым, не раскаиваются в совершенном преступлении. Во взаимоотношениях с другими осужденными не проявляют доброжелательности, очень редко вступают во взаимодействие, не имеют любимого дела, ни к чему не проявляют интереса.

Таким образом, мы видим, что значительное количество несовершеннолетних осужденных имеют средний и низкий уровень развития личности. Успешная ресоциализация осужденных подростков возможна лишь в случае создания определенных условий по развитию всех сфер личности. Индивидуальная карта ресоциализации несовершеннолетних включает и такой показатель как уровень самооценки несовершеннолетнего осужденного – заниженной, адекватной, завышенной и сравнение ее с оценкой учителей и психолога воспитательной колонии. Сравнительный анализ показал, что большинство осужденных подростков склонны к завышенной самооценке, они не могут адекватно оценить свои

возможности. При этом у них существует стремление к самоусовершенствованию, которое, к сожалению, не реализуется в действительности. Причиной этому служат как внешние факторы, связанные с закрытым режимом колонии, так и внутренние факторы – лень, переоценка своих возможностей и др. Только 3% осужденных несовершеннолетних имеют адекватную самооценку, что свидетельствует о низком уровне ресоциализации подростков.

Немаловажным фактором ресоциализации являются уровень тревожности и агрессивности несовершеннолетних осужденных. Большинство подростков в колонии имеют высокий уровень тревожности, которая проявляется в повышенной нервозности, напряжении, плохом сне, страхе, суетливости, чувстве собственной ненужности. Повышенная тревожность напрямую связана с повышенной агрессивностью несовершеннолетних осужденных, которая может переходить из скрытого состояния в открытую форму.

Что же касается межличностных взаимоотношений несовершеннолетних осужденных, то исследования показали, что около 75% подростков имеют низкий статус в коллективе. Этот показатель также свидетельствует о низком уровне ресоциализации детей.

Выводы. Обобщая результаты изучения уровня ресоциализованности несовершеннолетних осужденных в Перевальской воспитательной колонии Луганской Народной Республики, мы можем констатировать, что большинство подростков находятся на низком уровне ресоциализованности. Об этом свидетельствуют количественные и качественные показатели анализа ресоциализованности осужденных подростков на основе индивидуальных карт: повышенная тревожность и агрессивность, низкий социальный статус, склонность к правонарушениям и асоциальному поведению, отсутствие стремления к обучению, низкое развитие личностных качеств.

Решение данной проблемы требует дальнейших научных исследований в русле социальной педагогики, психологии, криминалистики, правоведения. Также не маловажным фактором успешной ресоциализации несовершеннолетних осужденных является создание благоприятных условий в воспитательных колониях.

Аннотация. Статья посвящена исследованию ресоциализации несовершеннолетних осужденных в пенитенциарном учреждении на потребностно-мотивационном, когнитивно-познавательном, эмоционально-волевом, межличностном и творческом уровнях; выделены критерии и уровни ресоциализованности; раскрыты социально-демографические, криминально-правовые, индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова. Несовершеннолетние осужденные, ресоциализация, уровни ресоциализации, индивидуальная карта ресоциализации.

Annotation. The article is devoted to the study of the resocialization of juvenile prisoners in a penitentiary institution at the need-motivational, cognitive-cognitive, emotional-volitional, interpersonal and creative levels; highlighted the criteria and levels of resocialization; socio-demographic, criminal law, individual psychological characteristics of juvenile convicts are disclosed.

Keywords. Juvenile convicts, resocialization, resocialization levels, individual resocialization map.

Литература:

1. Беличева С.А. Превентивная психология в подготовке социальных педагогов и психосоциальных работников / С.А. Беличева. – СПб.: Питер, 2012. – 336 с.
2. Бугреева Е.Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников / Е.Г. Бугреева. Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 302 с.
3. Бурый В.Е, Степаненко В.И. Особенности организации исправительного процесса осужденных в местах лишения свободы: монография / В.Е. Бурый, В.И. Степаненко. – Могилев: Изд-во Могилевского института МВД, 2017. – 164 с.

4. Караман Е.Л. Социально-педагогическая работа с несовершеннолетними осужденными в пенитенциарных учреждениях Украины [текст]: монография / О.Л. Караман. – Луганск: ГУ «ЛНУ им. Тараса Шевченко», 2012. – 447 с.

5. Малинин В.Б., Малинина М.В. Понятие ресоциализации осужденных и применение ее к несовершеннолетним / В.Б. Малинин, М.В. Малинина // Ленинградский юридический журнал, 2017, №1/5. – С. 189-202.

6. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы / С.В. Познышев. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 292 с.

7. Шевандрин Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности. 2-е изд. / Н.И. Шевандрин. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 512 с.

УДК 316.624

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ АГРЕССИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Гривенная Елена Николаевна,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры психологии и педагогики,
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»,
г. Краснодар

Плотников Владимир Валериевич,

доктор социологических наук,
профессор кафедры философии и социологии
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»,
г. Краснодар

Постановка проблемы. Одной из важных задач теоретической социологии является прояснение специфики социальных процессов и явлений, ориентированное на улучшение ситуации в обществе. И это определяет то, что, с одной стороны, необходимо более глубокое понимание сущности социальных процессов и явлений (что, собственно, и определяет направленность фундаментальных исследований в области теоретической социологии), с другой – выявление причин, движущих факторов и специфических черт присутствующих в обществе негативных явлений. Как отмечает А. Гофман, исследование отклонений от социальной нормы представляет собой одно из магистральных направлений социологических исследований [1, с. 97-167]. Неслучайно, например, такие известные теоретики социологии, как Э. Дюркгейм и Р. Мертон существенную долю внимания уделяли проблемам социальной аномии в различных ее проявлениях [2-4].

В современном обществе актуализируется все больше проблем, связанных с нарушением стабильности социальной структуры. Эти процессы связаны с широким спектром оснований, начиная с последствий глобализации и глобальной трансформации, и заканчивая демографическими изменениями. В целом, исследователи отмечают существенный рост интенсивности социальных процессов, что, на фоне отраженной еще Э. Дюркгеймом тенденции неуклонного роста сложности общественной структуры [5], приводит к повышению интенсивности социальных вызовов, с которыми приходится столкнуться современным обществам. Вполне очевидно, что на фоне такого рода тенденции интенсификации кризисных факторов происходит увеличение числа отклоняющихся явлений различной качественной определенности. Одним из важнейших факторов дестабилизации ситуации в обществе становится рост конфликтности, который проявляется как на индивидуальном, так и на межгрупповом уровне. Данная проблема носит комплексный характер и, в частности, отражается одновременно на социально-правовой и

социально-политической обстановке в обществе. При этом, категория конфликтности выражается в различных формах, в том числе на уровне противоречий в интересах социальных акторов и, соответственно, потенциала социальной напряженности, однако крайней, высшей формой проявления конфликтности является агрессия, как реализация накопленного конфликтного потенциала. Социальная агрессия может иметь единичный характер, либо выступать в качестве модели действия, которая рассматривается участниками общественных отношений в качестве приемлемой и целесообразной. Последнее представляет собой крайне негативную ситуацию, в рамках которой присутствуют условия для многократного воспроизводства деструктивных процессов в обществе. При этом, если латентная социальная напряженность имеет под собой, в первую очередь, основания структурного плана (условия существования, системы взаимодействия и заложенные в них противоречия), то социальная агрессия как действующая модель связана, преимущественно, с социокультурными факторами. Иными словами, для того, чтобы социальные противоречия трансформировались в негативные формы поведения (агрессию), необходим либо критический уровень данных противоречий, либо наличие мировоззренческих предпосылок, задающих склонность членов общества к осуществлению агрессивных практик. Последнее в высшей степени актуализирует проблему социокультурных факторов аномичных состояний, на значимость которых еще в середине прошлого столетия обращал внимание Р. Мертон [4, с. 299-313]. Влияние репрезентируемых кризисных моделей на сознание молодежи присутствует в работах многих исследователей, среди которых интерес представляют работы А.П. Михайлова, который подробно рассмотрел основания молодежной делинквентности и агрессивных установок [6].

Как уже было отмечено выше, последние десятилетия характеризуются наличием обширных трансформаций в обществе, которые затрагивают не только область общественной структуры, но и сферу социокультурного взаимодействия. И если на структурном уровне наличие кризисных тенденций, связанных с глобальной трансформацией, приводит к росту социальной напряженности, то на уровне социокультурной сферы обнаруживаются разнонаправленные процессы, определяющие как повышение устойчивости общества, так и его дестабилизацию. При этом нельзя не отметить, что уровень информационного взаимодействия многократно возрос, а степень его подконтрольности действующей власти в значительной мере снизилась. Это определяет глубокие риски современного общества, связанные с влиянием информационно-коммуникационной сферы на практику общественных отношений, от бытовых и вплоть до социально-политических.

Анализируя социальные группы, в наибольшей степени подверженные негативному влиянию происходящих в современном обществе процессов, следует отдельно выделить уязвимые в социальном плане группы (малоимущие, представители малых этносов), а также социальную группу, в наибольшей степени подверженную воздействию внешних дестабилизирующих социокультурных факторов – молодежь.

Следует отметить, что тематике молодежи как «группы риска» посвящено множество современных исследований, что лишь подтверждает важность изучения данной группы и ее характеристик. Немаловажно и то, что молодые люди находятся в стадии активного становления – это (наряду с детьми) – наиболее пластичная группа в плане характеристик социального мировоззрения и подверженности внешнему влиянию. Кроме того, молодые люди обладают пониженным уровнем социальной устойчивости и определенности: здесь также присутствует момент активного становления, связанный с недостатками жилищной определенности, сложностями в трудоустройстве, нехваткой материальных ресурсов. Отдельно следует обратить внимание на такую характеристику молодых людей, как склонность к максимализму, экстремальность мировоззренческих позиций [7, с. 37-47]. Таким образом, мы наблюдаем сразу несколько оснований, которые определяют социальную уязвимость и нестабильность молодежи как социальной группы. Соответственно, риск вовлечения молодых людей в деструктивную деятельность различной направленности

чрезвычайно высок, что определяет необходимость поиска оснований обострения проблемы с целью ее локализации.

Цель статьи. В рамках настоящей статьи нами будет рассмотрена социальная прослойка молодежи, обладающая высокой степенью социальной активности, и одновременно с этим – характеризующаяся пребыванием в переходном социальном состоянии, а именно студенческая молодежь. С одной стороны, молодые люди, обучающиеся в вузах, обладают определенной степенью социальной устроенности (включенность в структуру учебного заведения, наличие жилищных условий на уровне общежитий или съемного жилья, поддержка семьи). Щадящие социальные условия, в которых находятся студенты, определяют повышенный уровень личной свободы и связанную с этим интенсификацию социальной активности. Именно это, в частности, определяет повышенную значимость студентов, как субъектов социальной активности. Одновременно с этим следует отметить, что студенческая молодежь в существенной мере отличается от молодых людей, получивших средне-специальное образование и, далее, пошедших по пути активного трудоустройства. Это связано с тем, что включенность в структуру учебных заведений не позволяет получить ряд рабочих мест из-за несовместимости графика, в результате чего студенты в большинстве своем вынуждены довольствоваться нерегулярными заработками, либо работать на неполную ставку. При этом помощь со стороны членов семьи (в случаях, когда таковая имеется), а также государственная поддержка определяют тот минимум социальной устроенности, который делает возможной личную свободу, однако не дает полной социальной удовлетворенности по ряду позиций. Иными словами, мы наблюдаем, с одной стороны, социально уязвимую группу, сильно зависящую от внешних факторов (институты семьи, социальной защиты, образования), с другой – обладающую серьезным потенциалом социальной активности, с третьей – в значительной степени подверженную внешним социокультурным факторам. Все это делает исследование студенческой молодежи на предмет информационных воздействий, способствующих росту уровня проявлений агрессии в студенческой среде, чрезвычайно актуальным.

Изложение основного материала исследования. В рамках поставленной проблемы существует сразу несколько позиций, требующих прояснения. Коль скоро мы говорим об информационных факторах, определяющих рост агрессии в среде студенческой молодежи, необходимо, с одной стороны, отделить основания агрессии, укорененные в социокультурной сфере, от иных факторов актуализации агрессивных моделей поведения. Второй немаловажный аспект, который необходимо осветить в данном случае – это специфика социально-коммуникативной определенности молодых людей, проходящих обучение в вузах. Также немаловажное значение имеет выявление общих механизмов влияния информационной среды на развитие агрессии с точки зрения разграничения информационных поводов актуализации конфликтных сценариев и, собственно говоря, механизмов привития негативных моделей поведения. Наконец, в контексте поставленной проблемы имеет значение определение ведущих каналов информационного обмена, в рамках обращения к которым происходит восприятие агрессивных моделей поведения.

Рассмотрим подробнее первый вопрос, а именно – основания агрессии. В современном социо-гуманитарном знании присутствует сразу несколько подходов, своими корнями уходящих в различные дисциплинарные сферы. Одним из наиболее давних подходов является отражение биологических оснований агрессивного поведения человека – в различных трактовках это выражается как «животная природа», «инстинкт» и т. д. Общим для всех этих взглядов является рассмотрение человека по аналогии с животными, у которых агрессия представляет собой один из ведущих инструментов обеспечения собственной безопасности, сохранения или добычи ресурсов (пища), обеспечения возможности продолжения рода. Последнее можно назвать доминирующим фактором проявления агрессии, как конкуренции между самцами. Особенность данного подхода состоит в том, что агрессия рассматривается как исходно заложенный в природе человека механизм, передающийся генетически и, в целом, не зависящий от социальных факторов. Данный

подход был подвергнут существенной критике в силу того, что основные процессы получения значимых результатов в жизни человека получили социальное преломление, и потому игнорирование социальной природы агрессии представляет собой теоретическую редукцию. То есть мы можем наблюдать вспышки агрессии, как инстинктивное действие, однако уже в более широком ключе – как общую тенденцию – агрессию стоит рассматривать с учетом социокультурного преломления основных форм активности человека. В этом плане, например, можно рассмотреть культ физической силы и бойцовских качеств, присутствующих в отдельных сообществах. Здесь мы наблюдаем культурные факторы, созвучные реализации агрессивных практик (и во многом унаследованные из периода первобытной дикости), однако это именно культурные факторы, которые воспроизводятся, в том числе, в процессе коммуникации, а не только проявляются на генетическом уровне.

Еще один немаловажный подход к исследованию агрессии – психоаналитический. Здесь присутствует рассмотрение в качестве центральной предпосылки противоречивой структуры личности, которая формируется, в том числе, в процессе восприятия социальных норм и запретов. При этом, в человеке присутствуют инстинкт жизни (созидания), и инстинкт разрушения. Последний и находит свое отражение в агрессивном поведении человека. Вместе с тем, проявление агрессии зависит от структуры личности и внешних факторов, а именно от того, насколько табуированными являются для личности агрессивные действия и насколько неприемлемой является внешняя ситуация. Чем более негативной является ситуация, тем больше предпосылок для «прорыва» агрессии. Вместе с тем, признание внешних табу как оснований для сдерживания внутренне заложенной агрессии допускает и то, что в условиях отсутствия таких культурных запретов уровень агрессии будет существенно выше.

В целом, на уровне психоанализа мы наблюдаем взгляд на тематику агрессии, сконцентрированный, в первую очередь, на индивидуальных особенностях личности. Склонность к агрессии рассматривается как обязательно присутствующая составляющая личности, которая в различных вариациях проявляется как инстинкт разрушения (с точки зрения Фрейда), либо жажда власти и доминирования (с точки зрения Э. Фромма) [8]. В данном случае исследуются, в первую очередь, особенности структуры личности и внешние факторы, способствующие актуализации агрессивного начала. Вместе с тем, последнее рассматривается скорее стихийно – как направленность активности, а не как структурированное поведение.

Один из наиболее последовательных взглядов на природу агрессии реализован в рамках социологического дискурса, в котором был поднят вопрос о причинах и основаниях делинквентного поведения. Особого внимания заслуживает теория социального действия, разработанная такими классиками социологической мысли, как М. Вебер и Т. Парсонс [9], а также ее соотнесенность с принципом статусно-ролевой определенности, выраженным в исследованиях Р. Мертона.

С точки зрения социологии деятельность человека имеет социальное преломление, иными словами – приобретает особое значение в контексте сложившейся системы социальных условностей. Это означает, что как целесообразность действия, так и его форма, приобретают зависимость от специфики принятых в обществе отношений. Как результат, поведение социальных акторов вступает в зависимость от сложившейся в обществе системы моделей и норм поведения, а также сложившейся системы ценностей. Последнее определяет значимость определенных результатов, а также приемлемость конкретных методов их достижения. Таким образом, агрессивное поведение, с точки зрения теории социального действия, представляет собой реализацию заложенных в мировоззрение социального субъекта форм и моделей поведения, которые актуализируются в конкретных условиях.

С точки зрения теории статусно-ролевой определенности одни и те же действия могут быть приемлемыми или неприемлемыми в зависимости от того, каким статусом обладает субъект социальной активности и какую роль он выполняет. Так, например, полицейский обладает в конкретных ситуациях правом на совершение насильственных действий, что

определяется спецификой выполняемой им социальной функции (ролью) и исходным статусом. Вместе с тем, как отмечает Р. Мертон, одним из доминирующих факторов, определяющих социальное поведение, является набор социальных ценностей, воспринимаемых субъектом, и его соотнесенность с существующим набором вариантов достижения значимого результата.

Здесь мы, собственно говоря, приходим к важному пониманию: существуют различные формы социального преломления агрессии:

-агрессия как негативная модель поведения, которая «прорывается» под действием внешних факторов, преодолевающих социальный запрет на агрессию (иррациональное проявление агрессии);

-агрессия как одна из присутствующих в социуме моделей поведения (без явного запрета, либо через его преодоление), применение которой определяется моментами целесообразности (агрессия, как средство достижения определенных результатов);

-агрессия как социально одобряемая модель поведения, признак силы, основание статуса и т. д.;

-агрессивность как ценность.

Рассматривая представленные выше варианты, следует отметить, что иррациональные проявления агрессии под гнетом внешних обстоятельств весьма близки к отраженному в рамках психоаналитической мысли проявлению инстинкта разрушения, с тем исключением, что в рамках психоанализа рассматривается принцип выплеска агрессии без учета формы, которую она принимает, в то время как с точки зрения социологического дискурса поведение человека принимает, в первую очередь те формы, с которыми он сталкивался в процессе социальной практики. Иными словами, в данном случае сохраняет свои позиции теория социального научения, согласно которой поведение человека складывается в набор реализуемых моделей действия, воспринятых извне. И уже здесь, рассматривая влияние информационной коммуникации, следует отметить, что современные средства информационной коммуникации дают обширные основания для восприятия агрессивных моделей поведения. Прежде всего, в данном случае следует отметить такие средства массовой коммуникации, как телевидение и Интернет, на уровне которых (преимущественно в рамках новостной и развлекательной продукции) даются многочисленные сцены конфликтного содержания, вплоть до отражения явных проявлений агрессии. Последнее варьируется от бытовых конфликтов, и вплоть до сцен насилия и жестокости. Это определяет многообразие воспринимаемых моделей агрессивного поведения, которые бессознательно заимствуются и воспроизводятся членами общества. Безусловно, как таковые, спонтанные проявления агрессии формируются, в первую очередь, под влиянием внешних обстоятельств (иными словами, укоренены, в первую очередь, в сфере общественных процессов, а не в социокультурной сфере). Вместе с тем, наличие широкого арсенала доступных моделей агрессивного поведения является мощным фактором интенсификации проявления данных моделей в социальной практике.

Что касается второго случая, а именно проявления агрессии, связанного с наличием определенной целесообразности, следует отметить, что в данном случае агрессия выступает в качестве средства, приемлемость которого определяется значимостью цели. Фактически, рассматривая вариант с социальным запретом на агрессию, присутствующим на уровне сложившейся системы норм, мы наблюдаем момент совершения выбора, в котором альтернативными вариантами являются достижение цели (ценностная определенность которой весьма высока) и следование социальным нормам, которое, опять же, становится объектом оценки. Как результат, зачастую реализация агрессивных моделей поведения происходит в тех случаях, когда присутствует высокая оценка социальной значимости определенных результатов, и при этом отсутствуют «легальные» в нормативном плане методы их достижения. На этот аспект в свое время обратил внимание Р. Мертон, утверждавший, что несоответствие между культурой (в частности – представленными на ее уровне ценностями и идеалами) и представленными в структуре общества возможностями

представляет собой одно из доминирующих оснований развития делинквентного поведения. Обозначенный механизм зачастую усугубляется этноментальными особенностями трансформирующегося общества на фоне резкого социального неравенства. Примером может служить комплекс проблем, с которыми сталкивается молодежь Абхазии, периода социальных трансформаций последних десятилетий. Более подробно ситуация описана в серии публикаций Э.Н. Тужба [10].

Следует отметить, что здесь уже налицо доминирующее значение социокультурных факторов, определяющих неудовлетворенность членов общества теми возможностями и доступными им формами «нормального» поведения, которые не способствуют достижению социально значимых результатов. А последние, в свою очередь, задаются именно на уровне транслируемых в культуре ценностных установок. Р. Мертон рассматривает в качестве примера подобного рода несоответствия классическое расхождение между «американской мечтой», активно транслируемой в современном обществе не только в США, но и далеко за их пределами, и ограниченными возможностями по достижению материального достатка широкими слоями населения [4, с. 299-313]. Вместе с тем, причины для конфликта между представленными обществом возможностями и активно транслируемыми в социокультурной среде ценностными установками могут быть различными. Так, например, предметом несоответствия могут быть политические интересы отдельных групп и их реальные возможности, либо, например, стремление к сохранению культурной идентичности отдельных этносов в условиях глобализации. Ключевое значение в данном случае имеет то, что речь идет о несогласованности культурной сферы и системы общественных отношений, в рамках которой ряд процессов ориентирован на сохранение удовлетворенности важнейших общественных групп. В условиях, когда процессы культурного обмена происходят самостоятельно, практически стихийно, становится крайне проблематичным контроль над этой «точкой соответствия».

В современном мире одним из серьезнейших двигателей межкультурного диалога становятся средства массовой информации и транслируемая на их уровне культурная продукция, которая не только служит познавательным и развлекательным целям, но и способствует передаче внешних для локальных обществ культурных моделей. Наиболее широко данный процесс представлен в тенденции трансляции ценностей потребления, однако развитие массовой культуры и формирование общества потребления, с его идеалами и установками представляет собой лишь одно из последствий современного уровня развития средств массовой коммуникации. Не менее значимыми последствиями являются утрата целостности и внутренней непротиворечивости культурных пространств локальных обществ, а также формирование нравственного релятивизма в условиях ознакомления широких масс с многочисленными, подчас серьезно противоречащими друг другу аксиологическими установками, принадлежащими различным культурам. Фактически, в современном мире происходит постепенное размытие отдельных нравственных ориентиров (в число которых входит, в том числе, и набор представлений о справедливости, ответственности, благородстве), с одновременным закреплением нравственных установок, ориентированных на достижение личного могущества, богатства, силы и т. д. В целом, одной из основных тенденций становится активное распространение идеологии индивидуализма, которая предполагает условное восприятие социальной сферы как среды, центром которой является воспринимающая его личность. Это определяет существенное ослабление механизмов социального контроля, и одновременно с этим – высокую степень актуализации интересов личности, что располагает к реализации конфликтных сценариев.

Следующим важным аспектом проводимого нами анализа является исследование ценностных ориентаций, связанных с рассмотрением агрессии и, в целом, агрессивности в качестве позитивной характеристики личности. Культ агрессии связан с признанием значимости таких характеристик, как сила, способность к доминированию, при этом агрессивность рассматривается как позитивное конкурентное качество. Рассмотрение агрессии в качестве позитивного проявления имеет различные измерения. Речь идет, с одной

стороны, о биологически заложенном принципе соперничества (в первую очередь, связанном со стремлением к продолжению рода), что существовало еще на ранних этапах развития общества. В данном случае агрессивность представляет собой проявление силы и одновременно – показатель способности защитить себя и свое ближайшее окружение. В настоящее время также существуют культурные прослойки, в которых агрессивность соотносится с категорией сексуальности, привлекательности для представителей противоположного пола. Другое измерение позитивной оценки агрессии – это рассмотрение последней в качестве показателя личной силы и пребывания на верхних ступенях социальной иерархии, либо, как минимум, нацеленности на таковое. Наконец, существуют отдельные формы мировоззрения, в которых агрессивность рассматривается как самостоятельная ценность. Наконец, агрессия может рассматриваться положительно не только в контексте гендерных отношений, но, в целом, как показатель высокой конкурентности человека, в частности, она может приобретать позитивную оценку как деловое качество. Соответственно, чем выше актуальность конкурентных отношений в социальной среде, тем более востребованной и одобряемой может стать агрессивная модель поведения.

Рассматривая в данном отношении средства массовой информации, как канал передачи позитивного отношения к агрессивным моделям действия, нельзя не отметить такой аспект, как формирование моды на агрессию в рамках современной культурной продукции, транслируемой на уровне ведущих СМИ. Образ «плохого парня» как героя современных произведений предполагает момент самоотождествления с персонажами, обладающими набором в социальном плане негативных качеств, и, при этом, обладающего сильной харизмой. В целом, в современных СМИ тематика конфликтов является одной из наиболее популярных, при этом, модели доминирования в конфликтных ситуациях (в том числе с применением агрессии и насилия) в существенной мере востребованы у широкой аудитории. Все это влечет за собой серьезную актуализацию агрессивных моделей поведения в социальной среде: члены общества приобретают склонность к подражанию медийным лицам или понравившимся персонажам, а такие качества, как саркастичность, порой доходящая до желчности, «брутальность», склонность к хулиганским поступкам и нарушению правил, приобретают положительную оценку среди массовой аудитории.

Оценивая рассмотренную выше тенденцию развития индивидуалистических установок, следует отметить, что актуализация агрессии и ее позитивная оценка в социальной среде предстают в качестве одного из закономерных результатов развертывающихся культурных тенденций. При этом, в целом, наиболее сильно происходящие социокультурные процессы влияют на наиболее пластичную в мировоззренческом плане группу – молодежь.

Следует отметить, что приведенные выше тенденции актуализации агрессивных моделей поведения связаны не только со сферой масс-медиа: в различных своих проявлениях данные тенденции обнаруживаются в сфере межличностной коммуникации, на уровне литературных произведений, в рамках сетевого взаимодействия, в компьютерных играх, музыке и т. д. Вместе с тем, средства массовой информации выступают в качестве одного из магистральных направлений воздействия на социальное мировоззрение членов общества, и именно здесь мы наблюдаем мощные тенденции, связанные с повышением склонности членов общества к агрессии. Отдельно следует отметить и то, что нередко именно информация, публикуемая в СМИ становится тем «триггером», который определяет переход скрытой социальной напряженности в открытые проявления агрессии и насилия, что связано с актуализацией в сознании членов общества конкретных проблемных явлений, ранее ими не осознаваемых. Таким образом, средства массовой информации не только представляют собой один из основных каналов социокультурного воздействия, способствующего росту социальной приемлемости агрессии и насилия для членов общества, но и дают поводы для ее проявления.

Выводы. Анализируя в данном отношении подверженность студенческой молодежи подобного рода воздействиям, следует отметить, что студенты представляют собой социальную группу, достаточно активно обращающуюся к публикуемой в различных СМИ информации, при этом, речь идет об институционально определенных сообществах, в которых активно реализуются механизмы обмена актуальной информацией и ее совместного обсуждения. В отличие от других сообществ и групп, участие в которых связано с совместной профессиональной деятельностью или, например, родственными связями, студенты в возрастном плане однородны, что определяет сходный уровень подверженности информационному воздействию и сходные условия формирования мировоззрения, что снижает вероятность критического осмысления отдельных установок через «взгляд со стороны». Мы не говорим, что все представители молодежной возрастной группы характеризуются равной степенью отсутствия критического мышления, однако в данном случае речь идет об отсутствии межпоколенного взаимодействия в групповой коммуникации, что зачастую можно было бы рассматривать как стабилизирующий фактор в динамике социального мировоззрения. Относительная замкнутость социального существования студентов, оторванность многих из них от родственников создает благоприятную среду для многократного отражения идей и установок, воспринимаемых молодыми людьми в рамках обращения к средствам массовой информации. И это определяет высокий потенциал воздействия последних на принятие агрессивных моделей поведения в качестве приемлемого и даже позитивного варианта формирования личностных характеристик. В целом, большинство современных тенденций развития масс-медиа свидетельствуют о перспективах развития и усугубления отмеченной ситуации.

Аннотация: в статье проанализированы причины и условия возрастающей динамики отклоняющихся явлений различной качественной определенности, научно обосновано, что студенческая молодежь является социальной группой, в наибольшей степени подверженной воздействию внешних дестабилизирующих социокультурных факторов. Проанализированы основания агрессии, укорененные в социокультурной сфере, в сравнении с иными факторами актуализации агрессивных моделей поведения. Установлена и описана специфика социально-коммуникативной определенности молодых людей, проходящих обучение в вузах, определены ведущие каналы информационного обмена, в рамках обращения к которым происходит восприятие агрессивных моделей поведения.

Ключевые слова: социальная аномия, социальный вызов, социальная агрессия, группа риска, агрессивная модель поведения, масс-медиа.

Annotation: The article analyzes the causes and conditions for the increasing dynamics of deviating phenomena of varying qualitative definiteness; it is scientifically substantiated that student youth is a social group most affected by external destabilizing sociocultural factors. The bases of aggression, rooted in the socio-cultural sphere, are analyzed in comparison with other factors of actualization of aggressive behavior patterns. The specificity of the socio-communicative certainty of young people studying at universities has been established and described, the leading channels of information exchange have been identified, within the framework of which the aggressive behavior patterns are perceived.

Keywords: social anomie, social challenge, social aggression, risk group, aggressive behavior model, mass media.

Литература:

1. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. – С. 97-167.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. – 399 с.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.

4. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299-313.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
6. Михайлов А.П. Альтернативные стратегии ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей: социокультурный анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. – 158 с.
7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37-47.
8. Фромм Э. Бегство от свободы – Die Furcht vor der Freiheit (1941). – М.: АСТ, 2011. – 288 с.
9. Парсонс, Т. О структуре социального действия. М., 2000. – 880 с.
10. Тужба Э.Н. Глобализация культуры: основные измерения и последствия // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. Научный журнал. Вып. 1, Т. 15. – СПб. 2011. – С. 13-20.

УДК 376; 378

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ДЕВИАНТОЛОГОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ОПОРНОМ ВУЗЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Денисова Ольга Александровна,

доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой дефектологического образования,
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец

Леханова Ольга Леонидовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дефектологического образования,
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец

Гудина Татьяна Викторовна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры дефектологического образования,
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец

Букина Ирина Адольфовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дефектологического образования,
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец

Цель статьи: представление опыта проектирования образовательной программы подготовки специалистов-девиантологов в региональном опорном вузе Вологодской области.

Изложение основного материала исследования. Череповецкий государственный университет является опорным проектным вузом Вологодской области, промышленный кластер которого нацелен на реализацию социально ориентированных проектов. Одним из проектов явилось совместное проектирование основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) «Психолого-педагогическая коррекция и реабилитация лиц с девиантным поведением» по направлению 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения».

В проектировании ОПОП принимали участие ключевые стейкхолдеры, реализующие социально-ориентированные проекты, такие как ПАО «Северсталь», БФ «Дорога к дому», БУ СО ВО «Преодоление», БУ СО ВО «Росток», центры ППМСП, школы [3; 4;6].

Нормативно-правовую базу проектирования образовательной программы составили: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Приказ Министерства образования и науки РФ от 05 апреля 2017 г. № 301 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры»; Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29.06.2015 № 636 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программа специалитета, программам магистратуры»; Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 ноября 2015 года № 1383 «Об утверждении Положения о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования»; Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (специалитет); Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.10.2013 N 544н (с изм. от 25.12.2014) (зарегистрировано в Минюсте РФ 06.12.2013, регистрационный номер 30550), с изменениями, внесенными приказами Министерством труда и социальной защиты РФ от 25.12.2014 г. №1115н (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 19.02.2015 г., регистрационный №36091) и от 05.08.2016 г. №422н (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 23.08.2016 г., регистрационный № 43326); Профессиональный стандарт. Специалист в области воспитания. Приказ Минтруда России от 10.01.2017 г. № 10н, Профессиональный стандарт. Социальный работник. Приказ Минтруда России от 18.11.2013 г. № 677н; Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Череповецкий государственный университет»; иные локальные акты федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Череповецкий государственный университет» и др.

В ходе проектной деятельности было определено, что целью ОПОП является развитие у студентов личностных качеств, а также формирование общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВО. Студенты, освоившие данную ОПОП ориентированы на решение комплексных задач в сфере психолого-педагогической работы с проблемами девиантного поведения детей, подростков и взрослых, профилактики девиантного поведения; сопровождение детей и подростков группы риска; коррекцию и реабилитацию детей, подростков и взрослых с девиантным поведением; психолого-педагогическую экспертизу и прогнозирование; психолого-педагогическое обеспечение социальной работы по защите прав и законных интересов детей и подростков, социальному оздоровлению семьи, предупреждению безнадзорности, беспризорности, девиантного поведения детей и подростков; профилактику правонарушений несовершеннолетних в системе учреждений образования; социальную защиту населения, правоохранительных органов и организаций, работающих с детьми, подростками и взрослыми с проблемами в поведении; психолого-педагогическое образование.

Объектами профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу специалитета, являются: общественные отношения в сфере воспитания детей и подростков, защиты их прав и законных интересов, профилактики социального неблагополучия семьи, правонарушений несовершеннолетних; процессы социализации и развития личности; психические процессы, свойства и состояния человека, их проявления в условиях

девиантного поведения личности, межличностных и социально-педагогических взаимодействий, факторы, способствующие возникновению девиантного поведения и противодействующие его развитию на индивидуальном, семейном, групповом и общесоциальном уровнях.

Нами выделены виды профессиональной деятельности, которыми должен овладеть обучающийся в рамках осваиваемой ОПОП: воспитательная (социально-педагогическая), диагностико-коррекционная, научно-исследовательская. Область профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу специалитета, включает: решение комплексных задач в сфере психолого-педагогической работы с проблемами девиантного поведения детей, подростков и взрослых, профилактики девиантного поведения; сопровождения детей и подростков группы риска; коррекции и реабилитации детей, подростков и взрослых с девиантным поведением; психолого-педагогической экспертизы и прогнозирования; психолого-педагогическое обеспечение социальной работы по защите прав и законных интересов детей и подростков, социальному оздоровлению семьи, предупреждению безнадзорности, беспризорности, девиантного поведения детей и подростков; профилактики правонарушений несовершеннолетних в системе учреждений образования; социальная защита населения, правоохранительных органов и организаций, работающих с детьми, подростками и взрослыми с проблемами в поведении; психолого-педагогическое образование.

В соответствии с выделенными видами профессиональной деятельности будущий девиантолог должен решать ряд профессиональных задач.

В процессе реализации *воспитательной (социально-педагогической) деятельности*: программирование и прогнозирование процессов воспитания, социализации и развития личности на основе всестороннего анализа социально-педагогической ситуации; социально-педагогическая поддержка и решение проблем семьи, детей и подростков, контроль за кризисными ситуациями в целях защиты прав детей и подростков, предупреждение и позитивное разрешение конфликтов, оказание помощи в разрешении межличностных конфликтов; координация деятельности организаций и служб по защите прав и законных интересов детей и подростков, социальному оздоровлению семьи; коррекция воспитательных воздействий (в целях усиления позитивных, нейтрализации или переключения негативных), оказываемых на детей и подростков со стороны семьи и социальной среды, в том числе неформальной; формирование нравственно-правовой устойчивости детей и подростков, ценностей здорового образа жизни, гармоничного развития, толерантности во взаимодействии с окружающим миром, продуктивного преодоления жизненных трудностей, создание условий для самореализации, развития творческого потенциала личности, разработка, реализация и мониторинг эффективности психолого-педагогических профилактических программ для детей и подростков; организация досуга детей и подростков, формирование сети социальной и психолого-педагогической поддержки детей и подростков группы риска; обеспечение ресоциализации несовершеннолетних с девиантным поведением, в том числе в процессе отбывания наказания, и последующей адаптации после освобождения из пенитенциарного учреждения или выпуска из специального учебно-воспитательного учреждения для детей и подростков с девиантным поведением.

В рамках *диагностико-коррекционной деятельности*: разработка моделей диагностики проблем лиц, нуждающихся в коррекционных воздействиях, выбор методов сбора первичных данных, их анализ и интерпретация, психолого-педагогическая диагностика личности несовершеннолетних с девиантным поведением, в том числе в специальных учебно-воспитательных учреждениях для детей и подростков с девиантным поведением, составление диагностических заключений и рекомендаций по их использованию; мониторинг личностного развития и социального поведения детей и подростков групп риска с целью профилактики девиантного поведения; установление причин девиантного поведения детей и подростков, социального неблагополучия семьи; выбор и реализация адекватных

форм, методов и программ коррекционных мероприятий, программ педагогического сопровождения и психологической помощи лицам, склонным к девиантному поведению, социально-психологической реабилитации несовершеннолетних с девиантным поведением, в том числе отбывающих наказание, их адаптации к среде пенитенциарного учреждения или специального учебно-воспитательного учреждения; коррекция состояний нервно-психической дезадаптации.

Научно-исследовательская деятельность предполагает: проведение прикладных научных исследований в соответствии с профилем своей профессиональной деятельности; разработку и внедрение практических рекомендаций по результатам научно-исследовательской работы в сфере педагогики и психологии девиантного поведения.

Для осуществления *психолого-педагогической коррекции и реабилитации лиц с девиантным поведением* обучающиеся должны уметь осуществлять: диагностирование и идентификацию психосоциальных проблем и отклонений психического, личностного и социального развития лиц с девиантным поведением; диагностирование основных признаков и видов девиантного поведения, факторов, условий их развития; применять методы психодиагностики личностных и социальных отклонений у лиц с девиантным поведением; владение концептуальными основами и принципами комплексной реабилитационной работы в контексте оказания помощи лицам с девиантным поведением; учет правовых и организационных основ оказания реабилитационной и профилактической помощи лицам с девиантным поведением в контексте различных ведомств и учреждений; установление контактов с лицами с девиантным поведением и выработка у них мотивацию к сотрудничеству; использование методов оценки риска рецидива девиантного поведения; планирование и реализация программ групповой и индивидуальной психолого-педагогической коррекции и реабилитации лиц с девиантным поведением с учетом их личностных особенностей, этнокультуральной специфики, вида девиаций и организационно-ведомственного контекста работы; проведение мониторинга и оценки эффективности коррекционно-реабилитационных программ; координирование психолого-педагогической коррекционно-реабилитационной работы с деятельностью других специалистов, учреждений и ведомств, участвующих в комплексной коррекции, реабилитации и социальной реадaptации лиц с девиантным поведением; проведение образовательной, психолого-педагогической консультативной работы с персоналом коррекционных учреждений для повышения эффективности его деятельности и профилактики профессионального выгорания; проведение образовательной, психолого-педагогической консультативной работы с персоналом специальных учебно-воспитательных учреждений для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением для повышения эффективности деятельности и профилактики профессионального выгорания.

В результате освоения образовательной программы у выпускника должны быть сформированы универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

Общекультурные (универсальные) компетенции предполагают способность: понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы; анализировать основные этапы и закономерности исторического развития России, её место и роль в современном мире в целях формирования гражданской позиции и развития патриотизма; ориентироваться в политических и социальных процессах; выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета; работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, культурные, конфессиональные и иные различия, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности; проявлять психологическую устойчивость в сложных и экстремальных условиях, применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции для оптимизации собственной деятельности и психологического состояния; к логическому мышлению, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь, вести полемику и дискуссии; принимать оптимальные организационно-управленческие решения; организовывать свою жизнь в соответствии с

социально значимыми представлениями о здоровом образе жизни; осуществлять письменную и устную коммуникацию на русском языке; к деловому общению, профессиональной коммуникации на одном из иностранных языков; работать с различными информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации.

Общепрофессиональные компетенции ориентированы на использование в практической деятельности закономерностей и методов педагогики и психологии в профдеятельности.

Профессиональные компетенции жестко регламентируют реализацию определенных видов деятельности: воспитательная (социально-педагогическая) деятельность предполагает способность: анализировать социально-педагогические явления, психолого-педагогические условия эффективности процесса воспитания, социализации и развития личности; осуществлять практическую деятельность по социально-педагогической, правовой и психологической поддержке семьи, детей и подростков, защите их прав и законных интересов, социальному оздоровлению семьи; взаимодействовать с различными категориями воспитуемых, в том числе в сложных социально-педагогических ситуациях, осуществлять контроль кризисных ситуаций, предупреждение и конструктивное разрешение конфликтов, оказывать помощь в разрешении межличностных конфликтов; разрабатывать и использовать средства социально-педагогического и психологического воздействия на межличностные и межгрупповые отношения и на отношения субъекта с реальным миром, осуществлять коррекцию воспитательных воздействий, оказываемых на детей и подростков со стороны семьи и социальной среды, в том числе и неформальной, формировать сети социальной и психолого-педагогической поддержки детей и подростков; реализовывать педагогические и психологические технологии, ориентированные на личностный рост детей и подростков, их гармоничное развитие, формирование установок в отношении здорового образа жизни, толерантности во взаимодействии с окружающим миром, продуктивного преодоления жизненных трудностей; разрабатывать, реализовывать и оценивать эффективность программ, направленных на формирование нравственно-правовой устойчивости детей и подростков, предупреждение нарушений и отклонений в социальном и личностном статусе, рисков асоциального поведения; обеспечивать ресоциализацию несовершеннолетних с девиантным поведением, в том числе в процессе отбывания наказания, и последующую адаптацию после освобождения из пенитенциарного учреждения или выпуска из специального учебно-воспитательного учреждения для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением; *диагностико-коррекционная деятельность* включает способность выявлять специфику психического функционирования человека с учетом особенностей возрастных этапов, кризисов развития и факторов риска, его принадлежности к тендерной, этнической и другим социальным группам, диагностировать психологические свойства и состояния человека, характеристики психических процессов и проявлений в различных видах деятельности, проводить мониторинг личностного развития и социального поведения индивидов и групп, составлять психодиагностические заключения и рекомендации по их использованию; выделять лиц группы риска, осуществлять психолого-педагогическую диагностику несовершеннолетних с девиантным поведением, в том числе отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях или содержащихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях для детей и подростков с девиантным поведением; устанавливать причины отклоняющегося поведения личности, причины кризиса, в котором оказался ребенок (подросток), причины социального неблагополучия семьи, изучать личностные особенности и социально-бытовые условия жизни детей, семьи и социального окружения, выявлять позитивные и негативные влияния на ребенка (подростка), а также различного рода проблемы в развитии личности и межличностных взаимоотношениях; психолого-педагогическое консультирование, разрабатывать модели психолого-педагогической диагностики проблем лиц, нуждающихся в коррекционных воздействиях, разрабатывать, выбирать, реализовывать и оценивать эффективность форм, методов

коррекционных мероприятий, программ психолого-педагогической помощи и поддержки лиц, склонных к девиантному поведению, социально-психологической реабилитации несовершеннолетних с девиантным поведением, в том числе отбывающих наказание, их адаптации к среде пенитенциарного учреждения или специального учебно-воспитательного учреждения; к комплексному воздействию на уровень развития и функционирования познавательной и мотивационно-волевой сфер, самосознания, психомоторики, способностей, характера, темперамента, функциональных состояний, личностных черт и акцентуаций в норме и при психических отклонениях с целью гармонизации психического функционирования человека, осуществлять психологическое и педагогическое вмешательство с целью оказания индивиду, группе психологической помощи; *научно-исследовательская деятельность регламентирует* способность: обрабатывать, анализировать и систематизировать научную информацию, отечественный и зарубежный опыт по теме научного исследования; применять методы проведения прикладных научных исследований, анализировать, обрабатывать и интерпретировать их результаты; формулировать выводы по теме научного исследования, готовить отчеты и рекомендации по результатам выполненных исследований.

Профессионально-специализированными компетенциями по профилю «Психолого-педагогическая коррекция и реабилитация лиц с девиантным поведением» являются: способность владеть концептуальными основами и принципами комплексной реабилитации; способность проводить анализ социальной ситуации развития, факторов риска девиантного поведения (в том числе рецидива) и ресурсов позитивного социального развития для организации замещающей среды; способность разрабатывать программы комплексной реабилитации с учетом деятельности специалистов других учреждений и ведомств; способность проводить работу с персоналом учебно-вспомогательных учреждений для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением на основе комплексного подхода к работе с клиентами для повышения эффективности реабилитации и профилактики профессионального выгорания специалистов.

При построении ОПОП реализуется модульный и проектный подходы [1].

Модульный подход предполагает построение учебного плана и распределение учебных дисциплин по модулям. Так, в структуру учебного плана включены модули: историко-философский, коммуникативный, здоровьесберегающий, программа личностного и профессионального развития, общеуниверситетский курс, современные цифровые технологии, основы профессиональной деятельности, психолого-педагогический, медико-биологические основы девиантологии, педагогика девиантного поведения, психология девиантного поведения, социальные основы девиантного поведения, коррекция и реабилитация лиц с девиантным поведением, профессионально – компетентностный, профилактика аддиктивного поведения.

Проектный подход предполагает включение в учебный план проектного модуля. В рамках данного модуля студенты осваивают дисциплины: технология проектной деятельности, проектирование и инновации, проектирование в профессиональной сфере, основы предпринимательской деятельности.

По реализуемой ОПОП используется образовательная платформа Sakai, на которой созданы сайты всех учебных дисциплин, включающие лекционный материал, задания для практических, кейсы для проверочных работ, тесты, тематику и рекомендации для проектов.

Важной составляющей учебного процесса является прохождение практик студентами. В структуру учебного плана включены такие виды практик, как учебная и производственная. Изучаемыми во время практики объектами профессиональной деятельности являются: общественные отношения в сфере воспитания детей и подростков, защиты их прав и законных интересов, профилактики социального неблагополучия семьи, правонарушений несовершеннолетних; процессы социализации и развития личности; психические процессы, свойства и состояния человека, их проявления в условиях девиантного поведения личности, межличностных и социально-педагогических взаимодействий, факторы, способствующие

возникновению девиантного поведения и противодействующие его развитию на индивидуальном, семейном, групповом и общесоциальном уровнях.

Учебная практика направлена на получение первичных профессиональных умений и навыков, в том числе первичных умений и навыков научно-исследовательской деятельности.

Базой для проведения учебной практики являются учреждения, осуществляющие коррекционно-педагогическую деятельность для детей и подростков с девиантным поведением: БУ ВО «Череповецкий центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи»; Благотворительный фонд «Дорога к дому»; МБОУ «Общеобразовательная школа для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья № 35»; БПОУ «Череповецкий лесомеханический техникум им. В.П. Чкалова»; МБУ СО ВО «Череповецкий центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей «Доверие»; средние (общеобразовательные) школы и др. Студенты знакомятся с организацией работы специалистов организации, нормативно – правовой базой деятельности, правилами ведения документации, функциональными обязанностями, планированием, методическим обеспечением деятельности и оформлением кабинета, осуществляют просмотр занятий (мероприятий), проводимых специалистами и последующее их совместное обсуждение. Так же студентами проводится изучение личностных, интеллектуальных, межличностных и эмоциональных особенностей детей, склонных к девиантному поведению; социально-бытовых условий жизни детей в семье, их социального окружения, выявление позитивных и негативных влияний на ребёнка (подростка).

Производственная практика направлена на получение профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности и ориентирована на профессионально-практическую подготовку студентов. Производственная практика проводится на базе общеобразовательных учреждений, центров ПМСС, социально – реабилитационных центров для несовершеннолетних, центрах помощи для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и других организаций, осуществляющих свою деятельность в области психолого-педагогической коррекции и реабилитации лиц с девиантным поведением. Подбор базы практики осуществляется с учетом интересов студентов, возможностей последующего проведения экспериментальной работы в проблемном поле выпускной квалификационной работы и их дальнейшего трудоустройства.

Во время практик и проектной деятельности студенты прикреплены к наиболее успешным социальным проектам, в реализации которых принимают активное участие [2], [5], [7]:

I. Проекты БФ ПАО «Северсталь», «Дорога к дому», реализуемые на территории Северо-Западного федерального округа: «Наш детский сад», «Дворовая футбольная лига», «Профессиональная семья», «Зеленая комната», «Выбери жизнь», «Дети Череповца. Путь к успеху», «Сыны полка», «Уроки доброты», «Новый путь», «Служба поддержки ребенка в семье», «Служба «Подросток»», «Защити ребенка», «Служба правовой и психологической помощи», «Твой шанс», «Вместе ради детей», «Служба помощи матери и ребенка», нацелены на профилактику и коррекцию девиантного поведения у детей и различных групп населения.

II. БУ СО ВО «Реабилитационный центр для детей и подростков с ОВЗ «Преодоление», реализует социально-направленные проекты, такие как: «Спорт без границ», «Радуга успеха», «Доброе сердце», «Зеленая комната»; осуществляет комплекс мер Вологодской области по развитию эффективных практик социального сопровождения семей с детьми, нуждающихся в социальной помощи и развитию эффективных практик активной поддержки родителей, воспитывающих детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями; эффективно действует мобильная служба м дистанционное консультирование.

III. БУ СО ВО для детей и подростков в социально-опасном положении «Росток», реализует проект «ШКИД» и осуществляет текущая деятельность специалистами,

способствующими социальной адаптации и социализации детей и подростков, профилактикой и коррекцией девиантного поведения.

IV. ППМСП и школы города и области, осуществляют ежедневную деятельность по профилактике и коррекции девиантного поведения. Наиболее значимыми являются реализуемые проекты: «Тепло семьи», «Телефон доверия», «Почта доверия», «Вектор».

В процессе работы над проектами у обучающихся формируются профессиональные компетенции, накапливается опыт работы в команде, предоставляется уникальная возможность пройти с учеными, практиками и экспертами весь путь работы над проектом от «генерации идеи» до «экспертной оценки полученного результата».

Обязательным этапом обучения студентов является научно-исследовательская работа. Она направлена на стимулирование студентов к научно-исследовательской деятельности, развитие у них исследовательской инициативы, активности и творчества, формирование навыков организации, ведения, апробации и анализа результатов самостоятельной научно-исследовательской деятельности в области психолого-педагогической коррекции и реабилитации лиц с девиантным поведением. В процессе научно-исследовательской работы студенты осуществляют сбор, систематизацию и обработку материала в соответствии с темой проекта. Специфика избранной темы может предполагать разработку собственной стратегии, структуры и процедуры осуществления экспериментальной работы, которая согласовывается студентом с научным руководителем. Студенты работают над теоретическим обоснованием проблемы исследования; проводят констатирующий эксперимент, осуществляют анализ, систематизацию и оформление результатов проведенного исследования; планируют коррекционно-развивающую работу в соответствии с полученными результатами анализа данных констатирующего эксперимента.

Логическим продолжением научно-исследовательской работы является преддипломная практика. Данный вид практики предполагает реализацию исследовательских действий в рамках формирующего эксперимента, планирование и проведение мониторинга эффективности коррекционной работы, проведенной в проблемном поле индивидуального или коллективного проекта (контрольный эксперимент).

Выводы. Таким образом, проектируемые и реализуемые ОПОП по подготовке специалистов-девиантологов должны отвечать современным требованиям образовательной деятельности в вузе, нормативно-правовым регламентам, ожиданиям стейкхолдеров. На всех этапах обучения студенты, изучая теоретические основы девиантологии, должны иметь возможность апробации этих знаний в практической реальной деятельности, осваивать компетенции не только определенные ФГОС ВО, но и формируемые работодателями региона и ключевыми стейкхолдерами. Нам видится, что системная подготовка девиантологов и возможность реализации сетевого взаимодействия федерального и международного уровня, позволяет создавать и реализовать уникальные ОПОП в проблемном поле девиантологии и готовить высококлассных специалистов для научной и практической деятельности.

Аннотация: в представленной статье описывается опыт проектирования образовательной программы подготовки девиантологов в опорном проектном вузе Вологодской области.

Ключевые слова: девиантолог, девиантология, основная профессиональная образовательная программа, модульный подход, проектный подход.

Annotation: the article describes the experience of designing educational programs of deviantology in a regional support project University of the Vologda region.

Keywords: deviantologist, deviantology, basic professional educational program, modular approach, project approach.

Литература:

1. Арсенова М.А., Букина И.А., Виноградова М.А., Гольцова Н.В., Денисова О.А., Иванова Н.В., Леханова О.Л. и др. Образовательные технологии в условиях разноуровневой

подготовки студентов психолого-педагогических профилей в вузе. Практико-ориентированная монография. – Череповец, 2015.

2. Виноградова М.А., Гольцова Н.В., Денисова О.А., Иванова Н.В., Леханова О.Л., Яковлева Е.В. Угрозы социального развития личности ребенка в микросреде жизнедеятельности: выявление и прогнозирование. Коллективная монография. – Череповец, 2013.

3. Виноградова М.А., Денисова О.А., Иванова Н.В., Леханова О.Л. Концептуальная инновационная модель системы подготовки специалистов в сфере сохранения социального здоровья детей. – Череповец, 2012.

4. Глузман А.В., Глузман А.А. Технология профессионально-педагогической подготовки студентов университета: системный подход / Гуманитарные науки (г.Ялта). – 2019. № 1 (45). – С. 43-57.

5. Денисова О.А., Леханова О.Л. Угрозы социального развития детей с ограниченными возможностями здоровья в дошкольном, младшем школьном и подростковом возрасте // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. Т. 1. № 1 (36). – С. 98-102.

6. Иванова Н.В., Денисова О.А., Виноградова М.А., Леханова О.Л. Проектирование современных образовательно-профессиональных программ по направлениям педагогического образования родителей в сфере сохранения социального здоровья детей дошкольного возраста и детей с ОВЗ. – Череповец, 2012.

7. Эффективные социальные услуги по профилактике социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних. Часть 1, 2 / Под.ред. О.Л. Лехановой / [авторы]. – Череповец: Издательский дом – Принт, 2015, 2016.

УДК 371

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ПРОФИЛАКТИКА БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Дорошенко Ольга Марковна,

кандидат юридических наук, профессор РАЕ
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Постановка проблемы. Патриотизм выступал и выступает главным объединяющим фактором, помогающим народу преодолеть невзгоды, выстоять в трудные периоды истории. Не может считаться цивилизованным общество, если составляющие его граждане не будут ощущать потребности обогатить и приумножить историческое наследие, бережно относиться к своей Отчизне, культурным и историческим ценностям. Патриотизм означает – горячо любить свой народ, а не ненавидеть другие.

Понятие «гражданственность» является ключевым в гражданско-патриотическом воспитании. Сложно дать единое определение этому термину, слишком размыты границы этого понятия. В основе своей – это особое нравственное качество личности, которое определяет сознательное и активное выполнение своих обязанностей перед Родиной и обществом. Гражданственность проявляется в поведении отдельной личности, но становится заметной в социуме и в нем же развивается. Гражданское воспитание воспитывает гражданина своей страны – сознательную, законопослушную личность со свободным критическим мышлением.

Целью статьи является рассмотрение на основе системного подхода содержательных аспектов гражданско-патриотического воспитания, цели и задачи организации

воспитательной работы в этом направлении, актуальные для современной социально-педагогической практики.

Основное содержание статьи. Согласно толковому словарю «Евразийская мудрость от А до Я» «патриотизм – моральная позиция, выражающаяся в любви к родине, гордости за ее успехи и достижения, в уважении к ее историческому прошлому, культурным традициям, в готовности прийти на помощь в трудные времена, отстаивать ее независимость перед лицом завоевателей, пожертвовать жизнью за ее независимость и свободу» [9].

Патриотизм выражается в единении духовности, социальной активности в совокупности с гражданственностью. Формируется он в процессе обучения и воспитания детей от дошкольного до старшего школьного возраста. Чувство патриотизма у молодежи – это не просто полученные знания о своей Родине, это образ мышления, стиль жизни, основы поведения в обществе.

Гражданско-патриотическое воспитание – одно из особо важных и сложных сфер воспитания детей и молодежи. Его средствами формируется правильное мировоззрение (нравственные ориентиры, идеалы и принципы), происходит становление личностных качеств, необходимых для полноценной жизни молодого гражданина в условиях современного российского общества [4].

Гражданско-патриотическое воспитание – это воспитание гражданина, горячо любящего свою Родину. Если патриотизм – это любовь к Отчизне, то гражданско-патриотическое воспитание должно быть направлено на формирование у подрастающего поколения этого высокого, великого чувства.

Естественным в этом контексте развития любого общества, нации становится вопрос, что же такое гражданско-патриотическое воспитание, а главное какие цели и задачи преследует этот вид воспитательной работы. В связи с этим определим цели гражданско-патриотического воспитания [1].

- научить подрастающее поколение горячо любить свою Родину, свой народ;
- сформировать чувство сопереживания к судьбе Отечества, все свои усилия направить на служение Родине, ее интересам;
- на основе исторических примеров воспитать высококультурную личность, многосторонне развитого гражданина в нравственном, культурном, физическом отношении.

Источником патриотизма в любой части света является привязанность к родным местам, традициям своего народа, языку. Уже в XVIII столетии он становился составной частью формирования и развития общества, и отображал значимые вехи в развитии государства и становления гражданского самосознания нации.

Понимая под воспитанием комплекс методов, формирующих личность ребенка, видим, что гражданско-патриотическое воспитание, это работа с подрастающим поколением, целью которого формирование патриотических чувств, высоких идеалов служения своему народу. Если обратится к официальным документам, то в федеральном образовательном стандарте одним из требований выступает формирование российской гражданской идентичности обучающихся [3].

Опираясь на официальные документы, можно отметить, что гражданско-патриотическое воспитание начинается в семье. Только комплексный, системный подход сможет обеспечить высокий результат общего процесса воспитания. Важен и такой момент гражданско-патриотического воспитания, как формирование глубокого, а главное осознанного чувства любви родному краю, к родной природе, истории своей страны. Через формирование любви к своей малой родине, пройдя ряд этапов, патриотические чувства должны стать общегосударственным патриотическим самосознанием.

- Среди множества задач гражданско-патриотического воспитания выделим основные:
- воспитание настоящего гражданина, любящего свою Родину;
 - формирование устойчивой привычки поступать в соответствии с общепринятыми в обществе нормами и правилами;

-воспитание гордости за свою Родину, за ее народных героев, знание и уважительное отношение к прошлому страны;

-воспитание гражданина, знающего свои права, уважительно относящегося к правам другого человека;

-воспитание толерантности, веротерпимости, противодействие проявлению экстремизма среди молодежи;

-формирование чувства сопричастности к своей семье, городу, Отечеству, культурно-историческому наследию своего народа;

-формирование чувства верности своему Отечеству и воспитания готовности у подрастающего поколения в любой момент защитить свою Родину [3].

Патриотизм гармонично сочетает национальные идеалы, преданность служению Родине. Любое воспитание, в том числе и патриотическое, должно опираться на национальные традиции, наилучшие духовные и культурные достижения народа.

Определив цели и задачи, легко можно выстроить структуру, определенный алгоритм действий при формировании гражданской позиции личности:

1. Патриотическое убеждение. Это первоначальные знания о своей Родине, своей истории, которые ребенок получает в семье, а также в младшей школе.

2. Патриотическое осознание. Этап, когда личность пытается осознать полученные знания, и выразить свое отношение. Главная задача этого этапа – научить ребенка думать, давать оценку происходящим событиям, как прошлого, так и настоящего.

3. Патриотическая деятельность. На этом этапе ребенок осознает свою сопричастность к судьбе страны, и готовность поступать в соответствии с нормами и правилами, принятыми в обществе [5].

Все эти компоненты в конечном итоге должны последовательно сформировать у детей ценности, правила и нормы поведения, решить основные задачи патриотического воспитания.

Современное общество ставит перед подрастающим поколением новые серьезные задачи, ведь государству нужны сильные, высокоразвитые и инициативные люди, способные учиться и работать на его благо, и, в экстремальной ситуации, встать на защиту Родины. В этой связи важнейшая функция в формировании таких личностей ложится на военно-патриотическое воспитание. Здесь широкое поле для форм и методов организации этой работы: военно-патриотические клубы; профильные военно-спортивные лагеря; поисковые отряды; тесное сотрудничество с музеями, общественными историческими организациями [8].

В вопросах организации большая часть работы ложится на педагогов, специалистов по военной истории, историков, но необходима существенная поддержка государства в этих вопросах. У военно-патриотического воспитания есть две исключительные особенности, так как оно формирует морально-волевые качества, которые пригодятся, как будущему защитнику Отечества, так и совершенно мирному человеку.

Гражданско-патриотическое воспитание – это сложный процесс, который не ограничивается уроками мужества, празднованиями Дня Победы и Дня России. О любви к Родине и уважительному отношению к ней нужно вспоминать не периодически, а проводить постоянную работу с молодежью по развитию и укреплению патриотических чувств.

Разные направления гражданско-патриотического воспитания помогут воспитать грамотных, культурных и высоконравственных молодых людей. Нельзя выделить самое важное направление, каждое из них крайне необходимо для развития определенной грани патриотических чувств.

Выделим основные направления развития у взрослеющего человека гражданских и патриотических чувств: духовно-нравственное; культурно-историческое; гражданско-правовое; военно-патриотическое; спортивно-патриотическое. Данные направления разные по внешним проявлениям, но имеют перед собой одинаковые цели. Юные граждане России

должны проникаться любовью и уважением к культурным традициям своей страны, заботиться об интересах Родины, испытывать чувство привязанности к родным местам.

Педагоги-практики с опытом утверждают, что в основе формирования любых патриотических чувств лежит пережитая эмоция. Нужно уметь затронуть струны души детей таким образом, чтобы у них осталось глубокое переживание, связанное с Родиной. Здесь все зависит от ситуации, обстоятельств, а также от квалификации педагога.

Выбор направления гражданско-патриотического воспитания зависит от возраста человека: пятилетнему ребенку достаточно просто выучить названия главных улиц его города; школьникам уже нужно рассказывать о памятниках на улицах и о деятелях, в честь которых они установлены; со студентами можно проводить беседы патриотически-философского направления о Родине и ее героях [8].

Все направления преследуют единые задачи патриотического воспитания. Рассмотрим их подробнее.

1. Духовно-нравственное направление основывается на развитие сознания молодых людей. Они должны непрерывно работать над собой, видя перед глазами примеры поведения старших людей. Особенно действенным будет пример со стороны тех взрослых, которые пользуются властью или уважением в обществе. Например, большой эффект получит не афишируемая посадка молодых деревьев в местном сквере руками городских чиновников, чем часовые пафосные речи о любви к России с трибуны.

Духовно-нравственное направление воспитания молодежи включает в себя следующие действия:

-воспитание уважения к родителям – с уважения к отцу и матери начинается любовь к Родине. Этому учат с детского сада, чувство уважения к семье укрепляется в школе и институте;

-рост социальной активности на благо Родине – молодежь не должна дожидаться указаний свыше, чтобы сделать полезное дело. Желание улучшить Родину должно идти изнутри, и каждый молодой человек просто обязан внести свой посильный вклад в развитие Отечества. Например, купить малоимущей бабушке скромный продуктовый паек, убрать свой подъезд и т.д.;

-воспитание правильного отношения к труду – целью работы должно быть не просто зарабатывание денег любыми способами. Зарплата является вознаграждением за социально-полезный труд, который приносит добро гражданам и Родине в целом. Молодежь нужно учить выбирать не только модные и высокооплачиваемые профессии, но общественно-полезные: учитель, врач, геолог и т. д. Юноши или девушки не должны гнаться за деньгами и, тем более, уезжать на работу в другие страны. Нужно учить молодежь работать на благо России и создавать полезный для страны продукт [10].

2. Культурно-историческое направление. Огромное внимание нужно уделять изучению истории России – это один из способов понимания величия Родины и ее места в мировой политической системе. Для этого нужно не только штудировать сухие исторические учебники, но и почаще выходить на улицу для изучения достопримечательностей родного края.

Большую ценность имеет изучение традиций своего народа, его фольклора, особенностей диалекта, традиционных блюд. Нужно сходить в местные краеведческие музеи, узнать о выдающихся людях своего родного края, поучаствовать в благоустройстве местных памятников.

Но правильное формирование духовно-нравственных ценностей означает любовь к своей Родине без ненависти к другим соседствующим народностям. Ни в коем случае нельзя возвышать свой народ на фоне угнетения других, соседствующих культур. Эту ошибку часто допускают некоторые недалёковидные политики, не стоит им уподобляться. В каждой культуре есть что-то, чему можно поучиться, при этом не забывая своих исконно русских традиций.

3. Гражданско-правовое направление. Детям с малых лет рассказывают, что брать чужое запрещено, за это могут посадить в тюрьму. Подрастающему поколению нужно объяснить, что все написанные законы нужно обязательно соблюдать. Но соблюдать их нужно не из страха быть пойманным и наказанным, а руководствуясь чувством глубокой любви к Родине. Если все будут жить по законам и по принятым в обществе правилам, то общее благополучие в стране пойдет вверх.

Юным гражданам рассказывают о государственном строе России, порядке образования органов власти, объясняют основные конституционные права и обязанности граждан. Детям нужно вкратце рассказать о вертикали государственной власти, но без сложных и заумных терминов. Лучше использовать простые и понятные сравнения, например, государство – это семья, президент – это глава семьи, народ – члены семьи и т.д.

Важно организовать в школе самоуправление, выбрать главу класса, наделить его определенными полномочиями. Обязательно следует показать выборность всех органов местного школьного самоуправления, чтобы каждый ученик понимал, как его решение по выбору кандидатуры главы класса может повлиять на общую судьбу всего коллектива. В процессе работы местного школьного самоуправления детям рассказывают, что по аналогичной схеме проходит формирование органов власти в городе, регионе и в стране в целом.

4. Военно-патриотическое направление. История России связана с войнами и необходимостью защиты своих земель от захватнических планов соседствующих стран. Военно-патриотическое воспитание должно занимать значительное место в развитии личности, особенно это касается юношей. Для воспитания поколения защитников Родины нужно уделять внимание следующим аспектам:

- изучать военную историю России, детально разбирать причины, ход и результаты каждой значимой войны. Особое внимание должно уделяться Великой Отечественной Войне, которая является образцом военно-патриотического духа русского народа;

- с охранять связь учеников с участниками военных конфликтов и проводимых антитеррористических операций. Многие дает проведение открытых уроков с реальными людьми, которые служили Отечеству и на деле подтвердили свой патриотизм своими боевыми подвигами;

- обеспечивать формирование положительного образа ВС РФ, прививать учащимся готовность выполнить свой военный долг и защитить свой родной край и страну в целом [10].

5. Спортивно-патриотическое направление прививает любовь к Родине путем участия в различных спортивных соревнованиях. В процессе воспитания формируется чувство гражданственности, осуществляется подготовка к службе в вооруженных силах, оттачиваются навыки физической подготовки и порядок их применения в экстремальных условиях.

Детям нужно привить любовь к спорту и здоровый образ жизни как норму. Категорически исключаются алкоголь, сигареты и другие вредные привычки. Сознательный гражданин должен держать свое тело и дух в здоровом состоянии, быть всегда готовым применить свои навыки на пользу страны. В качестве примера для подражания должны быть олимпийские чемпионы, победители соревнований на разных уровнях. Учащимся ставятся определенные цели по спортивным достижениям, но они являются лишь ориентирами. Главное, чтобы спорт стал частью жизни, заменой дурным привычкам и альтернативой безделью. Можно сделать акцент на современных спортивных направлениях, например – культура турникменов. Но при этом не стоит забывать такие исконно русские спортивные игры, как лапта, «Казачьи-разбойники» и т.д.

Высокие спортивные достижения должны быть целью, но не стоит забывать о тех, кто временно не может добиться таких выдающихся результатов. У лидера, показавшего лучшие результаты на уровне класса, школы, района и т. д. не должна формироваться гордыня. Лидеры должны помогать более слабым, учить их добиваться успехов в спорте, ни в коем

случае не смеяться над неудачами других и приписывать им обидные и оскорбительные ярлыки [10].

Выводы. Все указанные выше направления патриотического воспитания являются весьма актуальными для современной образовательной и широкой социально-педагогической практики, тесно взаимосвязаны: нельзя развивать одно направление в ущерб другому. Только при гармоничном их сочетании можно добиться качественного педагогического результата – сформированность зрелых в духовном и физическом плане личностей, любящих свою Родину.

Аннотация. Россия – многонациональное и многоконфессиональное государство, и проблемы межэтнической, межконфессиональной толерантности нуждаются в научном осмыслении. Деятельность, направленная на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних – одна из важных задач государства и гражданского общества, но к этому вопросу необходимо подходить с учетом социально-культурных и экономических условий различных регионов.

Ключевые слова: патриотизм, народ, несовершеннолетние, гражданин, общество, личность, наследие, традиции, воспитание.

Annotation. Russia is a multi-ethnic and multi-confessional state, and the problems of inter-ethnic and inter-confessional tolerance need scientific understanding. Activities aimed at the prevention of child neglect and juvenile delinquency are one of the important tasks of the state and civil society, but it is necessary to take into account the socio-cultural and economic conditions of different regions.

Keywords: patriotism, people, minors, citizen, society, personality, heritage, traditions, education.

Литература:

1. Болотина Т.В. Тенденции развития гражданско-патриотического образования в РФ // Методист. – 2012. – № 1.
2. Бырдина Л. Мое Отечество-Россия // Воспитательная работа в школе. – 2009. – №5.
3. Гуськов Ю.В. Военно-патриотическое воспитание как фактор оптимизации отношений государства и гражданского общества. – М.: МПСИ, 2017. – 311 с.
4. Касимова Т.А. Система патриотического воспитания в общеобразовательном пространстве // Внешкольник. – 2013. – № 4. – С. 43-47.
5. Крошилина Г.И. Система гражданско-патриотического воспитания школьников // Дополнительное образование и воспитание. – 2014. – № 6. – С. 20-23.
6. Маркова С.В., Никитская Е.А. Содержательные аспекты организации производственной практики студентов на базе образовательного учреждения для подростков с девиантным поведением. В сборнике: Человек как предмет междисциплинарного гуманитарного познания / Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы Л.Ф. Уварова, Е.В. Федосенко. 2015. – С. 359-365.
7. Никитина Е.О. Реализация государственной политики в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних. Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2018. № 1. – С. 11-14.
8. Стекляр Г.В. Гражданское и патриотическое воспитание в современных условиях // Дополнительное образование и воспитание. – 2012. – №1.
9. Толковый словарь Евразийская мудрость от А до Я // [Электронный ресурс] – Режим доступа. <http://terme.ru> (дата обращения 04.02.2019)
10. Циулина М. Патриотическое воспитание школьников: возможности социообразовательной среды // Воспитание в школе. – 2013. - № 3. – С. 24-32.

**ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ВОЛОНТЕРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Ерина Инобат Аъзамкуловна

кандидат психологических наук, доцент

доцент кафедры психологии

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

г. Ялта

Постановка проблемы. Профилактика негативных явлений в молодежной среде сегодня становится одной из важнейших социальных задач общества. Это осознает сегодня большинство населения: от государственных чиновников всех уровней до обычных, рядовых граждан. Наркомания, игромания и другие виды аддикций – явления, характерные не только для каких-то замкнутых общностей, члены которых деградированы в социально-нравственном отношении [2, с. 3].

Проблема девиантного поведения в молодежной среде приобретает актуальность в связи с тем, что в современном обществе этот вопрос стоит довольно остро. Несмотря на позитивные проявления этого возраста настоящая молодежь представляет собой особую социальную группу, характеризующуюся яркими проявлениями конфликтного, агрессивного отклоняющегося от нормы поведения, которое приобретает массовый характер. Различные отклонения в социализации ведут к возникновению различных видов девиаций (аддиктивное, суицидальное, конформистское, аутистическое, нарциссическое поведение, а также наркомания, проституция, преступность, алкоголизм, токсикомания).

Многие возникающие проблемы, связанные с поведением молодежи возможно решать, используя волонтерскую деятельность.

Решая вопросы профилактики девиантного поведения в молодежной среде общественные организации столкнулись с рядом трудностей, связанных с созданием взаимодополняющих условий для успешной социализации молодых людей.

И волонтерская деятельность, которая во всем мире имеет положительное одобрение со стороны членов сообществ. Волонтерская деятельность распространяется по миру и все больше пополняет свои ряды новыми членами, но к сожалению, не всегда эта деятельность имеет четкие взаимосвязи и отношения между элементами. Для того чтобы эта деятельность была более продуктивной необходимо использовать моделирование. Модель позволит упорядочить и объединить элементы профилактической деятельности, направленной на изменение девиантного поведения молодых людей, культивировать общественно позитивное поведение. Профилактических моделей в научных трудах и статьях к сожалению, нет. В связи с этим в данной работе предпринята попытка создать профилактическую модель девиантного поведения с молодежью через привлечение ее к волонтерской деятельности.

Целью статьи является представление разработанной профилактической модели организации волонтерской деятельности, направленной на работу с молодежью, с проявлением девиантного поведения.

Изложение основного материала исследования.

Волонтерская деятельность выступает значимым ресурсом в решении ряда вопросов и проблем различных сообществ, проживающих на определенной территории России. В последние годы эта деятельность набирает высокий темп в общественной жизни молодых людей.

Проблему девиантного поведения изучали психологи, педагоги, социологи, философы такие как А.Е. Личко, В.С. Мухина, А.В. Мудрик, Л.М. Зюбина, А.В. Петровский, Т.П. Шилова и другие. В научной литературе существует ряд определений понятия «девиантное

поведение». Одно из них как пример дает А.В. Мирук в своей статье девиантное поведение он понимает, как (...отклонение от социальных, психологических, а также нравственных норм представленное либо как ошибочный антиобщественный образец решения конфликта, проявляющийся в нарушении общественно принятых норм...) [1, с. 152].

Сегодня молодое поколение задает тон развития общества не только в будущем, но и в настоящем. Происходящие изменения в рассматриваемой социальной группе все актуальнее встает проблема девиантного поведения молодежи. Изучая и рассматривая те подходы и методы, используемые для предотвращения распространения девиантного поведения в молодежной среде в полной мере не решают изучаемую проблему. Причины возникновения такого поведения большое количество и предотвращение которых возможно с помощью профилактической модели с привлечением волонтерских организаций, так как это движение считается интересным и привлекательным для молодых людей.

Поиск путей решения данной проблемы привело к целесообразности создания профилактической модели, направленной на девиантное поведение (рис. 1).

профилактической модели, направленной на девиантное поведение (рис. 1).

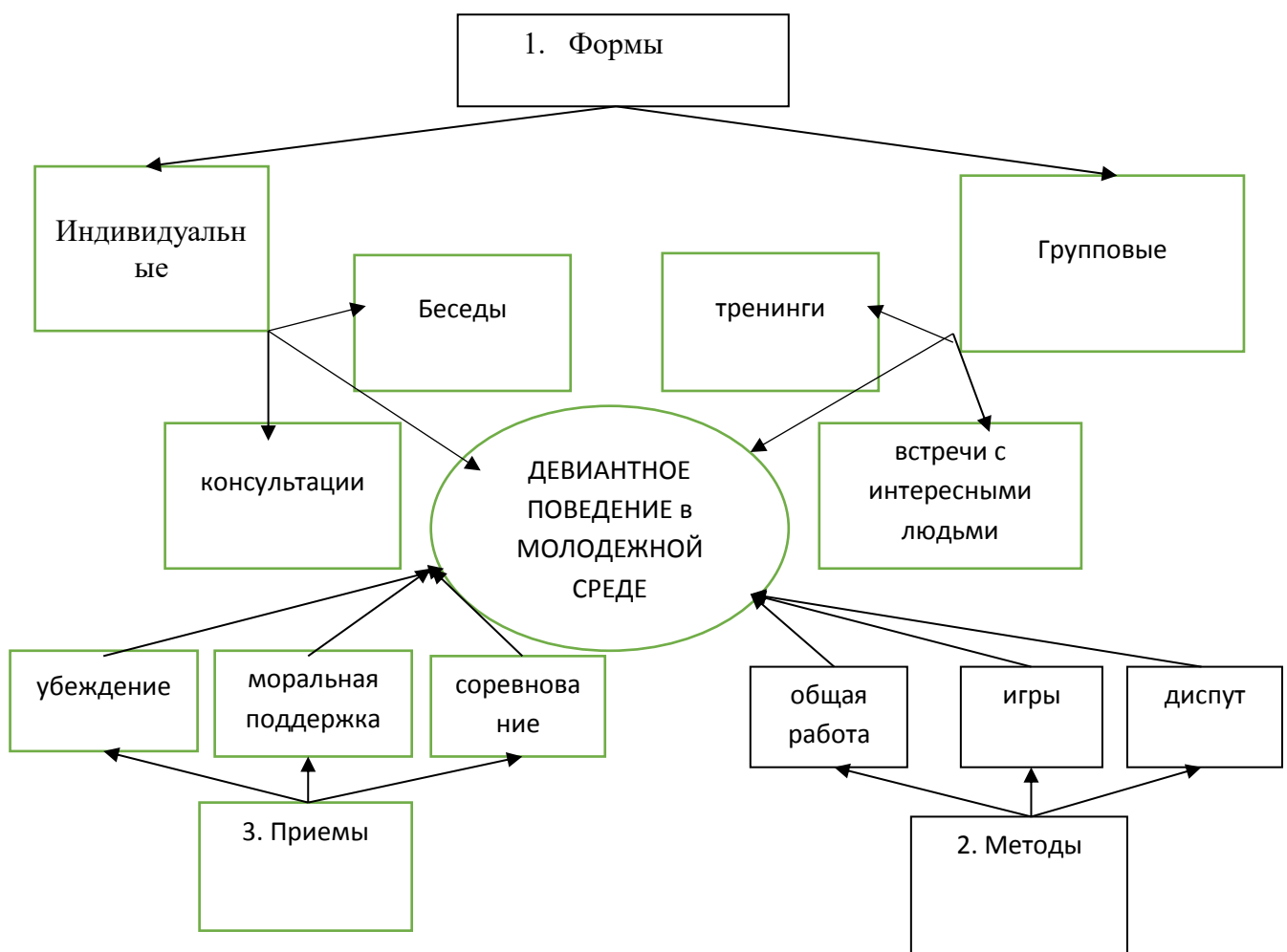

Рис. 1. Профилактическая модель формирования позитивного поведения молодежи

Содержание данной модели включает три основополагающих компонента: формы, методов и приемов. Формы были взяты традиционные (индивидуальные и групповые). Индивидуальная форма включает беседы и консультации молодых людей. Темы бесед различны. Волонтеры сами предлагают темы бесед, но изначально работая с молодежью спрашивают и запрос (о чем хотелось бы побеседовать). Индивидуальная форма включает консультации, которые проводят волонтеры специалисты – практики. Тренинги и интересные встречи включает групповая форма работы. Что касается тренингов – это форма

дает возможность почувствовать командный дух, проработать свою проблему с помощью других людей, детально разобраться в рассматриваемой теме. Встречи с интересными людьми предполагали приглашения людей, которые в свое время тоже имели отрицательный опыт в своей жизни, но смогли исправить свое поведение.

Следующий компонент – методы. Продуктивными методами воздействия были выбраны, во-первых, общая работа, заключающаяся во включение молодежи, демонстрирующей девиантное поведение в различные социально-общественные акции и мероприятия, например, помощь участникам всероссийского марафона в г. Ялте, в сборе продуктов и одежды для малоимущих пенсионеров, новогодних подарков для детей из малообеспеченных семей, сирот и т.д.

Во-вторых, игра. Использование игр помогает моделировать различные ситуации. Игровая деятельность развивает человека, дает возможность проиграть роли различных персонажей (положительных и отрицательных), пережить различные эмоции.

В-третьих, диспут. Эта форма позволит каждому участнику быть самостоятельным в своих суждениях, проявлять активность и инициативность, приучит мыслить. Само участие в диспуте способно развить у молодого человека самокритику и критику, культуры речи и логического мышления, учит умению спорить и проверять правильность своих взглядов и убеждений.

Заключающий компонент профилактической модели – это приемы. В данный компонент были определены: убеждение, моральная поддержка и соревнование. Считается, что прием «убеждение» помогает в проведении профилактической работе через объективное информирование, разъяснение, доказательство и опровержение. В работе с молодыми людьми с девиантным поведением и желающим изменить свое поведение моральная поддержка необходима. Человек счастлив, когда он понят и одобрен, когда не чувствует одиночество. Третьим приемом было выбрано «соревнование». Описываемый прием целенаправлен на обеспечение условий для социального развития личности. С помощью этого приема происходит формирование умений и навыков работать в команде, ощущать себя единицей группы. Но использовать этот прием надо осторожно, так как соревновательный формат может быть и положительным, и отрицательным. С одной стороны, процесс соревнования стимулирует инициативность, приносит радость, восторг, а с другой - разочарование, ощущение слабости, неполноценности.

Выводы. Таким образом, государственная политика должна больше уделять внимание проблемам молодежи: оказывать поддержку волонтерским движением, мотивировать молодых людей положительное поведение в сообществе людей. волонтеры могут участвовать в апробации и распространении просветительских материалов, в творческих массовых и досуговых мероприятиях, проводить профилактические занятия в виде бесед, деловых игр, тренинговых занятий и т.д. [2, с. 36] Включение самой молодежи через волонтерство в профилактику асоциальных явлений позволяет формировать социально активную личность, интолерантную к различного рода негативным явлениям в молодежной среде [3].

Итак, использования выше представленной профилактической модели позволит обеспечить работу волонтеров среди молодежи с проявлением девиантного поведения по формированию в ней позитивного поведения. Соблюдение и согласованность всех компонентов конкретизирует профилактическую работу. Представленную модель можно рассматривать как эффективную модель волонтерства для внедрения в практику работы с молодежью. Это служит перспективным общественным ресурсом для решения социально значимых задач общества в повышении качества моральных сторон молодого человека, как субъекта будущего человеческого сообщества.

Аннотация. В статье рассматривается девиантное поведение как социального феномена. Описывается составленная профилактическая модель формирования позитивного поведения молодежи, с помощью которой молодые люди могут скорректировать и исправить

свое поведение. Занимаясь волонтерской деятельностью человек проводит работу над собой, в результате избавляется от девиантного поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, профилактическая модель, молодежь, молодежная среда, волонтерская деятельность.

Annotation. The article considers deviant behaviour as a social phenomenon. Described is the introduced preventive pattern of forming young people's positive behavior, with the help of which they can remedy and correct their behavior. Being engaged in volunteer activities, a person cultivates his or her own abilities and, as a result, disposes of deviant behavior.

Keywords: deviant behavior, preventive pattern, young people, youth environment, volunteer activities.

Литература:

1. Мирук А. В. Психолого-педагогическая коррекция девиантного поведения подростков // Профилактическая и коррекционная работа с детьми «группы риска»: опыт, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (9-10 декабря 2015г.) / Под ред. Т.Т. Щелиной, Т. В. Калининой; Арзамасский филиал ННГУ – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С. 152-155.

2. Профилактика негативных явлений в молодежной среде: Методическое пособие / Под ред. М.Б. Дерягиной. – 2-е изд., испр. и доп. – Красноярск, 2008. – 36 с.

3. Чечеленко Д.Д. Волонтерская деятельность как средство профилактики асоциального поведения молодежи: региональный аспект // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. VII междунар. студ. науч.-практ. конф. – № 7(7). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/7\(7\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/7(7).pdf) (дата обращения: 25.07.2019).

УДК 373.5

РИСКИ И УГРОЗЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕВИАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Занина Лариса Витольдовна,

доктор педагогических наук, профессор

Академии психологии и педагогики

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,

г. Ростов-на-Дону

Морозова Ольга Львовна,

аспирант Академии психологии и педагогики

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,

г. Ростов-на-Дону

Постановка проблемы. В современной социологии под девиантным поведением с одной стороны, подразумевается поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам или стандартам, а с другой – социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам или стандартам. Проблемы девиации рассматриваются во многих исследованиях и сущность этого феномена трактуется в аспекте отношения к нормам социума: поведение, отклоняющееся от ценностей, норм, установок и ожиданий общества или социальной группы (Е.И. Холостова, В.В. Ковалев); поведение, не соответствующее официально установленным или фактически сложившимся в данном

обществе нормам (Я.И. Гишинский) и др. В исследованиях, посвященных психологическим аспектам девиантного поведения так же делается акцент на социально-нормативных основах данного феномена. На пример, Е.В. Змановская отмечает, что речь идет о поведении, отклоняющемся от наиболее важных социальных норм, причиняющем реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающемся ее социальной дезадаптацией [6, с. 15]; С.А. Беличева [1, с. 27] и В.Н. Кудрявцев используют понятие «асоциальное, отклоняющееся поведение», как поведение, в котором устойчиво проявляются отклонения от социальных норм [12, с. 15]. Таким образом, при всем многообразии определений и характеристик, девиантное поведение можно трактовать как поведение, действие которого выходит за рамки принятых в окружающем обществе норм и правил.

Цель статьи. Важным для нашего исследования является рассмотрение сущности девиантного поведения как результат социального выбора, осуществляемый в ситуации, когда цели социального поведения несоизмеримы с реальными возможностями для их достижения, что в результате и побуждает индивида искать такие средства для достижения собственных целей, который порой являются социально запрещенными, а иногда и противозаконными.

Основной материал исследования. В этом случае актуальным является рассмотрение понятия социальная норма, определяемая как мера, как предел допустимого (дозволенного или обязательного) в поведении или деятельности людей, соблюдение которых и обеспечивает сохранение социальной системы. В данном контексте важной является позиция Я.И. Гишинского, который в прошлом веке определил социологию девиантного поведения как «сквозную» теорию с исторически изменчивым предметом, рассматривая понятие «отклонение» как элемент механизма изменения любой системы, что позволяет говорить об отклонении как в негативном, так и в позитивном смыслах [4].

Подчеркнем, что социальные нормы – количественная и качественная характеристика требований общества, предъявляемых к процессам и условиям жизнедеятельности людей и социальных групп; эффективный механизм организации справедливых отношений между коллективами и отдельными личностями. Они служат средством ориентации социального поведения каждой личности или общности людей в определенной ситуации и средством контроля за их поведением со стороны общества. В отличие от других регуляторов общественного поведения, социальные нормы характеризуют единство предписывающего и оценочного моментов; наличие средств социальной оценки и контроля; наличие определенных социальных санкций. В данном исследовании в толковании термина «социальная норма» мы придерживаемся определения, предложенного Л.В. Мардахаевым считаем, что социальные нормы – это официально установленные или сложившиеся под воздействием социальной практики правила общественного поведения и проявления человека в конкретно-исторических условиях жизни общества, выступающие для индивида необходимым условием взаимодействия с социумом [7, с. 237].

Поскольку девиантное поведение проявляется преимущественно в подростковом возрасте и риски его проявления являются доминирующей проблемой системы образования, мы полагаем, что и дальнейшее исследование данной проблемы следует вести с учетом этой позиции. Для нравственного становления в подростковом возрасте характерно формирование новых убеждений и идеалов. При этом как социальное явление девиантность «намертво» связана с жизнедеятельностью реального, конкретного, общественного организма и отражает экономические и социально-политические процессы. В многочисленных исследованиях социологов к причинам возникновения отклоняющегося поведения отнесены: 1) разрыв между ценностями культуры и существующей в обществе социальной структурой; 2) углубление противоречий между доминирующей в обществе культурой и разнообразными субкультурами, включая молодежные субкультуры; 3) разрыв между социальным статусом личности и ее социальными ожиданиями; 4) утрата личностью ценностных ориентиров и т.д. [11]. Наша гипотеза стоит в том, что цифровизация жизнедеятельности влияет и на

изменение социальных норм, и на проявление девиантных форм поведения. Обоснуем свою позицию.

Интернет не просто стремительно продолжает проникать во все элементы их жизнедеятельности, упрощая и видоизменяя многие привычные процессы, – он сопровождает молодых людей в течение всей их жизни с момента появления на свет, становится частью многих (а может быть большинства) привычных повседневных процессов, что, в свою очередь, с одной стороны, привело к углублению межпоколенных противоречий (молодые люди вступают в жизнь в таких социальных и технологических условиях, которые полностью отсутствовали в жизни их родителей и старших членов семей), а с другой – породило новое в научной теории и практике понятие – киберсоциализация. Следовательно, следует говорить о трансформации социальных норм в современной обществе. Поскольку в опрос сохранения и развития духовности общества чаще всего рассматривается в контексте духовности подрастающего поколения и молодежи, то в этой составляющей социальных норм мы также видим модификации. Таким образом, по-нашему мнению, проблема свободы и духовности личности в цифровом пространстве, имеет, как минимум, два аспекта. С одной стороны, принципиальное отсутствие анонимности и телесности личности в виртуальном пространстве, превращает личность, ее индивидуальность, в калейдоскоп, создаваемых самой личностью набор образов, ролей (аватаров), что, в конце концов может привести к потере личностью идентичности. С другой стороны, следует признать, что Интернет как техническое средство, этически нейтрален, что может способствовать раскрытию творческого потенциала личности и расширению ее свободы [8, с. 92].

При этом, позитивным считается изменение социальных норм в связи с устареванием норм или стандартов. Такие ситуации связаны с социальным творчеством, способствующие качественным изменениям социальной системы, поскольку цифровизация и сопутствующие ей преобразования жизнедеятельности личности, обусловленные развитием сетевых коммуникаций, перманентно несет в себе необходимость преобразования социальных норм в процессе социального творчества в связи с расширяющимся информационно насыщенным пространством коммуникации. Особенность этого пространства заключается, в частности, в его обезличенности, что, свою очередь, определяется как утрата идентичности. В данном случае возникает вопрос, который остается открытым: какие традиционные нормы социальной системы сохранятся в цифровом обществе, а какие будут преобразованы.

В ряде исследований инновационная социальная парадигма определяется как «новая электронная культура», описываемая в категориях «цифровой номадизм» и «трансформация сознания» [10], что находит отражение в накопившихся проблемах и рисках связанных, в частности, с реализацией цифрового образования (поскольку, как было отмечено выше, образовательная система осуществляет профилактику девиаций школьников): 1) на основе анализа деструктивных последствий сетевых коммуникаций и проявлениях Интернет-культуры; 2) риски информационной безопасности учащихся, угрозы разрушения психического здоровья населения (Ю.И. Полищук, В. Владимирова); 3) опасности порождение новых типов девиаций (П. Бергер), 4) развитие Интернет-зависимость (Н.В. Корытникова и др.); 5) угроза развития в обществе «нового антагонизма», генерирующего, с одной стороны, вражду и нетерпимость в обществе между теми, кто ассоциирует себя с обитателем социально-эмпирического пространства [9] и, с другой стороны – обитателями пространства виртуального (О.А. Волосатова, Н.В. Корытникова, Т.В. Кондратьева, Д.В. Иванов, А.М. Холод и др.). В современном мире модификация социальных норм проявляется, в частности, в том, что некоторые нарушения в половых отношениях молодых людей постепенно утрачивают ярлык девиантности. Достаточно отметить, что, несмотря на то что гомосексуализм, оставаясь в разряде маргинального поведения (занимающего крайнюю границу нормы и пока вызывающего неприятие в российском обществе), постепенно утрачивают ярлык девиантности [5]. По мнению ряда исследователей, современник цифрового общества может быть охарактеризован как

цифровой номад, которому свойственны качества гедонистического эгоизма, включающие: потребность в приоритетном удовлетворении стремления не быть привязанным к постоянному рабочему месту, и свободно структурировать свое жизненное пространство и время; осуществлять социальную коммуникацию исключительно по объективной необходимости и по собственному желанию; определять вторичными интересы семьи и близких людей [14].

Актуальность проблемы трансформации и модификации социальных норм как определяющих риски девиантного поведения подчеркивается возникновением в процессе цифровизации еще одного феномена – кибер-социализации. Пространство Интернета все чаще (как показывают исследования социологов) становится для многих молодых людей замкнутой системой, которая живет по своим внутренним законам и порождает особый, специфический характер проблем [9]. Быстрота и множественность информационных потоков, циркулирующих в пространстве Интернета, приводят к тому, что в нем тиражируется огромное количество самой разной информации, часть из которой может быть недостоверной, а часть – и вовсе направленной на деструктивные последствия. Констатация данного явления актуализирует проблему доверия к информации в виртуальном пространстве и проблему защищенности и безопасности. Социологи отмечают еще одну проблему – уязвимости молодежи перед информацией различного содержания и агрессивного содержания: интернет-зависимости, троллинга кибер-буллинг и пр. (С.Н. Варламова, Е.В. Волченкова, В.С. Таранова и др.) [3; 2; 13].

Поскольку цифровизация влечет изменения в жизнедеятельности личности, одновременно способствуя ее совершенствованию и, в тоже время, генерирует риски трансформации духовных ценностей и угрозы свободе личности. Следовательно, следует вести речь о предотвращении рисков и угроз духовности личности. Традиционно, эти аспекты рассматриваются в содержании воспитательной деятельности. Мы полагаем, что в условиях цифровизации в воспитании все большее значение имеет его превентивная составляющая, которая реализуется на методологических основаниях превентивной педагогики.

Взаимодействия молодых людей в сети демонстрирует смысловой сдвиг сущностных характеристик традиционных духовно-нравственных понятий. Например, таких, как понятие дружба. В сети дружат своеобразно: друзья (френды) – это, фактически, партнеры по обмену информацией. Друзьями(френдами) считаются постоянно находящиеся в сети пользователи (иными словами – доступные для контакта или незримо присутствующие в сети) пользователи, с готовностью откликающиеся на любое обновление в профиле, и выражающие свое отношение выставлением «лайка». Количество полученных «лайков» для подростка является главным показателем его успешности и признания. Это простота общения и мгновенное однозначное одобрение, не требующее дополнительных усилий от подростка, часто порождает желание продолжать «жизнь» в сети, отдаляясь от живущих рядом друзей, одноклассников, родственников. В этом случае, в жизнедеятельности подростков невостребованными оказываются способность к сопереживанию, сочувствию, заботе о тех, кто находится рядом в реальном мире. Такой низко эмоциональный фон становится естественной средой для появления еще одной опасности для духовности личности – троллинга, феномена, зародившегося интернет-пространстве в 90-х гг. XX столетия, и приобретшего в наше время статус значимого социально-психологического феномена, оказывающего деструктивное влияние как на индивидов – объектов воздействия, так и на атмосферу коммуникативного взаимодействия виртуального сообщества в целом. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что троллинг является одним из самых действенных и практически ненаказуемых механизмов агрессивного воздействия, жесткой межличностной, внутригрупповой и межгрупповой манипуляции, и рассматривается как пусковой механизм жесткой провокации, создания ситуации скандала [5].

Поскольку цифровизация влечет изменения в жизнедеятельности личности, одновременно способствуя ее совершенствованию и, в тоже время, генерирует риски

трансформации духовных ценностей и угрозы свободе личности, следует вести речь об их предотвращении и сохранении духовности личности. Традиционно, эти аспекты рассматриваются в содержании воспитательной деятельности. Мы полагаем, что в условиях цифровизации в воспитании все большее значение имеет его превентивная составляющая, которая реализуется на методологических основаниях превентивной педагогики. Отметим, что в ответ на вызовы времени возникают самые разнообразные философские концепции сохранения и восстановления социальной активности личности: учение о независимой жизни (Г. Делонг); теория нормализации (Б. Нирье); теоретические положения активизации внутренних возможностей личности (Ф. Парслоу); концепция педагогического сопровождения (Е.И. Казакова, Л.М. Шипицына). Однако, как показал проведенный анализ литературы, авторы педагогических теорий ограничивают потенциальные возможности реабилитации, оставаясь в рамках методологии специальной педагогики или сосредоточиваясь на какой-то одной из сторон педагогической реабилитации и не выходя на общие закономерности.

В качестве научно-педагогического тренда в решении проблемы сохранения духовного здоровья и личностной свободы молодежи в условиях цифровизации мы рассматриваем развитие новой отрасли педагогической науки – превентивной педагогики – науки, изучающей пути и методы предупреждения (недопущения) и исправления социальных отклонений среди подростков и молодежи [8]. Мы рассматриваем медиацию как форму альтернативного разрешения споров, а целью медиации – качественное изменение ситуации, в основе которой заложены принципиально иные способы работы с подростками, в том числе девиантными, попавшими в конфликтную ситуацию. В этом случае следует подчеркнуть возрастание значимости превентивной составляющей в школьной медиации, включая целенаправленную деятельность по восстановлению способности к полноценной социальной жизни, поскольку входящая в структуру превентивной педагогики социальная реабилитация подростка, совершившего проступок, призвана осуществлять сопровождение социального развития и восстановление подростка – девианта. Технологии восстановления социального развития на основе включения реабилитантов в образовательное и социальное пространство исследуют Л.И. Акатов, А.В. Гордеева, М.А. Жданова, Н.М. Назарова, Р.В. Овчарова, А.М. Прихожан, А.В. Суворов, Н.Н. Толстых, Т.В. Фуряева и др. В качестве научно-педагогического тренда в решении проблемы сохранения духовного здоровья и личностной свободы молодежи в условиях цифровизации мы рассматриваем развитие новой отрасли педагогической науки – превентивной педагогики – науки, изучающей пути и методы предупреждения (недопущения) и исправления социальных отклонений среди подростков и молодежи [5]. В частности, создание волонтерского медиативного движения в школе. Мы рассматриваем медиацию как форму альтернативного разрешения споров, а целью медиации – качественное изменение ситуации, в основе которой заложены принципиально иные способы работы с подростками, в том числе девиантными, попавшими в конфликтную ситуацию.

Когда речь идет о создании структуры школьного медиативного волонтерства, принципы функционирования этой структуры следует рассматривать с учетом влияния цифровизации на формирование духовности школьников (см. Таблица 1), а целью определить предполагает медиативную подготовку школьников и создание с их помощью сообщества (включая сетевое), ориентированного на медиативную поддержку и взаимное консультирование школьников по принципу «равный-равному».

Функции школьной волонтерской медиативной службы в условиях цифровизации

Традиционная функция	Дополнительные функция с учетом влияния цифровизации
Исцеление жертвы (основное внимание фокусируется на чувствах и потребностях жертвы, разрешении ее проблем, возникших в результате конфликта)	Создание ситуаций, в которых школьники оценивают позиции участников конфликта, на основе «проживания» и анализа этих позиций, рефлексия качества жизни
Активное участие самого нарушителя в возмещении причиненного ущерба не только материального, но и так называемого «символического», и удовлетворение других нужд жертвы)	Формирование готовности прийти на помощь школьникам и поддержать стремление к позитивному разрешению конфликта. Формирование чувства товарищества и равноправного партнерства
Активное участие сторон в разрешении конфликтной ситуации (если участники сами приняли решение, то, скорее всего, они его исполнят)	Умение принимать решение, проанализировав позиции обеих сторон конфликта и условия, приведшие к конфликту, включение и в создание нового социального опыта
Использование диалоговых форм разрешения конфликта (о способе разрешения ситуации участники должны договориться сами в ходе диалога)	Умение выстраивать коммуникацию он-лайн и оф-лайн, стимулирование подростков к восприятию новых идей
Включение сообщества в нормализацию взаимоотношений (участие в восстановительных программах людей, которые могут оказать поддержку сторонам и помочь в их реабилитации)	Участие в процессах социализации и ресоциализации школьников, совершивших проступок, включая снятие социальную дисстигматизацию по отношению к учащимся, совершившим проступок

Выводы. Рассматривая интегративный подход в реализации медиативной составляющей воспитания как одного из условий сохранения духовно-нравственной составляющей социально-нормативной системы общества в условиях цифровизации, мы выдвинули гипотезу о том, что в современных условиях воспитательная деятельность педагога приобретает выраженную превентивную составляющую. Доказательство данной гипотезы составит предмет нашего дальнейшего исследования.

Аннотация. В статье представлены трансформационные характеристики социальных норм и духовных ценностей в условиях цифровизации как дополнительных угроз и вызовов при возникновении отклонений в молодежной среде. В статье представлены результаты широкого круга исследований, которые позволяют рассмотреть новые риски и угрозы девиантного поведения в условиях киберсоциализации, изменения системы ценностей современного молодого человека, живущего в пространстве цифрового общества, характеризующегося как цифровой кочевник, для которого характерно качество гедонистического эгоизма «кочевник». В статье рассматривается профилактическая педагогика как органическая часть образовательной деятельности в образовательной организации, а ее технологическая составляющая рассматривается как медиация. Представлены дополнительные функциональные характеристики школьной медиации с учетом особенностей киберсоциализации.

Ключевые слова: социальная норма, киберсоциализация, угрозы, вызовы, духовно-нравственные.

Annotation. The article presents the transformational characteristics of social norms and spiritual values in the conditions of digitalization as additional threats and challenges in the emergence of deviations in the youth environment. The article presents the results of a wide range of studies that allow to consider new risks and threats of deviant behavior in the conditions of cyber-socialization, changing the system of values of the modern young man living in the space of digital society, characterized as a digital nomad, which is characterized by the quality of hedonistic egoism "nomad". The article deals with preventive pedagogy as an organic part of educational activity in an educational organization, and its technological component is considered mediation. Additional functional characteristics of school mediation taking into account the peculiarities of cyber-socialization are presented.

Key words: social norm, cyber-socialization, threats, challenges, spiritual and moral values, preventive pedagogy, mediation

Литература:

1. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: Ред.-изд. центр Консорциума «Социальное здоровье России», 1994. – 224 с.
2. Волченкова Е.В. Профилактика кибер-буллинга в молодежной среде / Е.В. Волченкова // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования». – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 702-708.
3. Варламова С.Н. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология / С.Н. Варламова, Е.Р. Гончарова, И.В. Соколова // Мониторинг общественного мнения. – 2015. – № 2 (126). – С. 165-182.
4. Гишинский Я. И. Творчество: норма или отклонение? // Соц. исследования. – 1990. № 2. – С. 41-49.
5. Занина Л.В. Междисциплинарные основы профилактики саморазрушающего поведения детей и подростков / Интегративный подход в профилактике зависимостей в молодежной среде: Материалы IV Международного научного форума, г. Ростов-на-Дону - г. Элиста – г. Ставрополь – г. Потсдам (Германия) (30 ноября – 2 декабря 2017 г.). – Ростов-на-Дону – Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. – С. 115-118.
6. Змановская Е. В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. завед. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 288 с.
7. Мардахаев Л.В. Словарь по социальной педагогике. – М., 2002. – С. 237.
8. Мищеряков А.А. Безопасность и свобода личности в информационном обществе: анализ проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2011, № 1. – шифр Информрегистра 0421100093\0009.
9. Руденкин Д.В. Экспансия интернета в пространство повседневной коммуникации российской молодежи: портрет явления // Научный журнал «Дискурс» – 2018 – 4 (18) Социологические науки – С.188-196.
10. Савельев А. В. Эпистемология самопознания в нейрокомпьютерной парадигме // Философия науки. – 2007. – № 3 (34). – С. 41-55.
11. Социальная работа / под ред. В. И. Курбатова. – Ростов-н/ Д.; М., – 2000. – С. 382.
12. Социальные отклонения / Под ред. В. Н. Кудрявцева. – М.: Юридическая литература, 1989. – 112 с.
13. Таранова В.С. Троллинг как проблема кибер-социализации молодежи // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 11-4. – С. 133-135.
14. Холод А.М. «Новая электронная культура», цифровой номадизм и трансформация сознания /цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-

конференции. – Издательство: Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск. 2017. – С. 283-290.

УДК 316.43

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ПОДРОСТКОВЫХ ДЕВИАЦИЙ

Карнович Татьяна Ефимовна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики
УО «Минский государственный лингвистический университет»,
г. Минск, Республика Беларусь

Изменения в политической, экономической и социокультурной жизни общества отражаются на ценностных ориентациях, нормах и правилах поведения людей и осложняют процесс поиска молодежью своего места в стремительно меняющемся мире. Возрастание требований к уровню допрофессиональной подготовки молодых людей приводит к увеличению сроков обязательного образования, что усугубляет разрыв между психофизиологической и социальной зрелостью молодежи и может найти выражение в различных формах девиантного (отклоняющегося) поведения.

Согласно педагогическому словарю, девиантное (от лат. *deviatio* ‘отклонение’, где *de* ‘от’ и *via* ‘дорога’) поведение – это действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям и приводящие нарушителя к изоляции, лечению, исправлению или наказанию [6, с. 148]. В настоящее время не существует единого подхода к объяснению причин девиантного поведения, которое рассматривается как полидетерминированное явление, вызванное исторической эпохой, социальными факторами, индивидуальными особенностями личности. Поэтому исследователи используют различные подходы к классификации девиаций (социально-правовой, психологический, педагогический, медицинский).

Обратимся к наиболее общей классификации типов девиантного поведения в зависимости от того, насколько оно расходится с социокультурными традициями общества, как влияет на личность девианта и затрагивает интересы окружающих его людей. Так, выделяют конструктивные девиации, или поведенческие отклонения, имеющие наряду с разрушающим началом созидательный характер, и деструктивные девиации, или поведение преступного характера, с преобладающим разрушительным началом. Девиации первого типа представляют собой естественную реакцию человека на изменившуюся обстановку, попытку приспособиться к новой ситуации. Девиации второго типа включают:

1) отклонения, приводящие к саморазрушению личности (человек неадекватно реагирует на необходимость изменений в обществе, сосредотачивает свои усилия не на созидательной деятельности по его совершенствованию, а на разрушении собственного сознания, своего «естества»);

2) отклонения, наносящие ущерб окружающим людям (личность посягает на общечеловеческие ценности) [3, с. 27].

В нашей статье мы сосредоточим внимание на возможностях профилактики деструктивных отклонений в поведении обучающихся в образовательном процессе.

Вопросы непослушания детей и поддержания дисциплины в процессе обучения и воспитания волновали старшее поколение с момента возникновения потребности в передаче молодежи социального опыта. Особую актуальность эти проблемы приобрели с появлением организованных форм обучения, предполагавших усилия ребенка по длительному сосредоточению на изучаемом предмете, а также в связи с расширением доступности

образования и массовым характером обучения, обеспечившими приток в образовательные учреждения обучающихся, существенно различных по способностям, культуре поведения и жажде познания. При этом девиации напрямую связаны с возрастными особенностями личности, так как для каждого возраста характерны определенные психические характеристики и поведенческие модели.

Наиболее часто и остро девиации проявляются в подростковый период, когда происходит становление самосознания, неотъемлемым признаком которого считается «чувство взрослости». Подросток требует признания своего равенства со взрослыми, своей самостоятельности, хотя для этого отсутствуют реальные условия – физические, интеллектуальные, социальные. Подростковый возраст характеризуется импульсивностью, повышенной возбудимостью, легко переходящей в запальчивость, неуравновешенностью, поэтому требует особого внимания со стороны педагога. Невозможность реализовать в образовательном процессе свою потребность в свободе и автономии, в признании и самоопределении, в успехе и эффективности может привести к активизации защитных механизмов подростка и трансформации его нормального поведения в девиантное.

Ситуация усугубляется тем, что в нашей стране школа остается единственным образовательным учреждением, обязательным для посещения большинством подростков, но далеко не самым актуальным источником знаний в условиях информационного общества. Массовость профессии учителя на фоне падения ее престижа не исключает педагогического невежества. Поэтому сначала девиантное поведение подростка может служить психологической защитой от нетактичности, чрезмерных нравоучений, несправедливых обвинений и негативных оценок, от посягательства на мир интимных чувств и интересов. В последующем оно может использоваться для оказания активного сопротивления действиям тех педагогов, которые не сумели вовремя переключиться с воспитательной модели «послушания» на модель «относительно равноправного взаимодействия» [4, с. 10].

Анализ проявлений девиантного поведения подростков, с которыми сталкивается учитель-предметник в образовательном процессе, показывает, что они приводят к осложнениям в учебной деятельности (плохая успеваемость, дефекты интеллекта и развития, педагогическая запущенность) и учебном поведении (отсутствие способности самоконтроля, дисциплинарных навыков, умения сосредоточиться на выполнении задания, усидчивости, асоциальное поведение), что находит отражение в педагогических конфликтах. В свою очередь педагогический конфликт может привести к закреплению подростковых девиаций и дальнейшим проблемам во взаимодействии учителя и ученика либо явиться двигателем личностного развития субъектов образовательного процесса.

Для определения педагогических условий конструктивного преодоления конфликтов с подростками обратимся к дифференцированному анализу психологического состояния современного подростка, выполненному Д.И. Фельдштейном [7], который выявил и содержательно охарактеризовал три психологических уровня, три стадии процесса развития подростка.

Первый уровень условно назван автором «локально капризным» [7]. Он отличается тем, что стремление 10-11-летнего ребенка к самостоятельности проявляется в потребности признания со стороны взрослых его возможностей и значения через решение, как правило, частных задач. Поэтому Д.И. Фельдштейн называет этот уровень локальным, а капризным потому, что преобладают в нем ситуативно обусловленные эмоции. Следовательно, в отношении младших подростков, которые пытаются привлечь внимание к собственной персоне, придать ей значимость в глазах сверстников и педагога мелкими дисциплинарными проступками, адекватно применение такой стратегии управления конфликтами, как уклонение. Педагогу целесообразно сознательно уйти от конфронтации в ситуациях мелких размолвок, проявления дурного настроения, вспыльчивости.

Помимо тех младших подростков, которые демонстративно пытаются привлечь внимание к собственной личности, можно выделить и тех учеников, которые переживают физический и моральный стресс, вызванный быстрым ростом и созреванием организма.

Когда желаемое не удается реализовать на практике, возникает страх потери авторитета в глазах сверстников, а их насмешки могут привести к нервозности, вспыльчивости или крайней замкнутости, немотивированной агрессии как защитной реакции от стресса. По отношению к данной группе младших подростков целесообразно применение стратегии приспособления, которая предполагает принятие ученика таким, каков он есть, и максимальную его поддержку в сложный период взросления.

Второй уровень-стадию подросткового развития Д.И. Фельдштейн условно называет «правозначимым», так как 12-13-летний ребенок уже не удовлетворяется своим участием в определенной совокупности дел, решений; у него разворачивается потребность в общественном признании, происходит освоение не только своих обязанностей, но, главное, прав в семье и обществе («Я тоже имею право...»), формируется стремление к взрослости не на уровне «я хочу», а на уровне «я могу» и «я должен» [7].

С учетом сказанного наилучшим способом разрешения педагогических конфликтов в этот период послужит компромисс. Учителю следует четко определить вместе с подростком его «могу» и «должен», чтобы помочь реализовать иногда вполне серьезные намерения как в учебной деятельности, так и за ее пределами. Даже если мнения по вопросу границ допустимого расходятся, учителю важно пойти на компромисс, подчеркивая значимость подростка как партнера по общению и выиграть в главном за счет частных уступок. При этом на личном примере педагога подростки учатся культуре согласования своих интересов с потребностями и желаниями других, что характерно для взрослого поведения.

На третьем уровне подросткового возраста, «утверждающе-действенном», по выражению Д.И. Фельдштейна, у 14-15-летнего подростка развивается готовность к функционированию во взрослом мире, что порождает стремление применить свои возможности, проявить себя, обостряя потребность в самоопределении, самореализации. Возникает новый, более высокий уровень осознания своей связи с обществом в реально взрослой позиции ответственного человека, выполняющего серьезную социальную роль [7]. Поэтому для преодоления конфликтов со старшими подростками педагогу целесообразно использовать стратегию сотрудничества, которая построена на совместном с учащимися выборе решения, принятии взаимной ответственности. При использовании данной стратегии учитель подчеркивает значимость личности подростка как взрослого человека, готового к взаимодействию не только с учителем, но и окружающими его людьми.

Демократичность отношений, уважение к другому, открытый обмен мнениями и мыслями при сотрудничестве позволяют рассматривать различные точки зрения, инициировать плюрализм взглядов и формировать умение видеть многообразие выходов их проблемной ситуации. Так как сотрудничество предполагает ориентацию участников конфликта одновременно на реализацию как своих интересов, так и интересов партнера, то педагог всегда может опереться на сильные стороны подростка, учесть его интересы и склонности при выработке такого варианта решения, который в полной мере отвечал бы интересам обеих сторон.

Известно, что в подростковом возрасте учащиеся стараются найти свой талант, пробуя себя в различных направлениях, чтобы удивить не только сверстников, но и взрослых, быть замеченными. Реализация творческого потенциала подростков может послужить залогом дальнейшего интереса к изучаемому предмету, желания знать больше, за рамками школьной программы, проявить новаторство. Сотрудничество как педагогическая стратегия позволяет обеспечить подростку творческую самореализацию, которая, по мнению Р.М. Грановской [2], выступает наиболее эффективным способом преодоления конфликтов.

Согласно Р.М. Грановской, творчество побуждается желанием разрядить возникшую в результате конфликта тревогу достойным образом. Такой способ разрядки не только полностью снимает кризис, но и исключает его повторение, выступая в качестве предпосылки умственного здоровья и душевной удовлетворенности. Творчество активизирует глубинные мотивы, побуждающие к продуктивной умственной деятельности, поддерживающие в человеке стремление к новым достижениям [2]. Следовательно, при

сотрудничестве педагог может направить трудно сдерживаемую энергию подростка на решение творческих задач, помочь развить его творческий потенциал через проявление инициативы в интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальная инициатива личности и ее развитие являются предметом многолетних исследований российского психолога Д.Б. Богоявленской [1] и ее последователей. Термин был введен автором для оценки творческого потенциала личности. Под ним Д.Б. Богоявленская понимает продолжение мыслительной деятельности личности за пределами, заданной ей и уже решённой ею задачи, что не обусловлено ни практическими нуждами личности, ни внешней оценкой ее работы.

Интеллектуальная инициатива является проявлением надситуативной (неадаптивной) активности личности, которая, согласно В.А. Петровскому [5], представляет собой способность человека подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения основной задачи, преодолевая внешние и внутренние ограничения деятельности; предполагает существование мотивации, суть которой заключается в самой притягательности действий с не предрешённым исходом.

Несомненно, такая способность у личности появляется не сразу. Д.Б. Богоявленская выделяет три качественных уровня интеллектуальной инициативы:

1) стимульно-продуктивный, когда человек достигает решения при добросовестном использовании найденного способа решения;

2) эвристический, когда человек, имея достаточно надёжный способ решения, продолжает анализировать состав и структуру своей деятельности, сопоставляет отдельные задачи, что приводит его к открытию новых, оригинальных, внешне более остроумных способов решения;

3) креативный, в котором обнаруженная субъектом эмпирическая закономерность становится для него самостоятельной проблемой, ради изучения которой он готов прекратить предложенную извне деятельность, начав другую, мотивированную изнутри, без внешней стимуляции для поиска более совершенных и обобщённых способов решения [1].

Благоприятные условия для подобной деятельности предоставляет подростковый возраст, когда у школьников появляются новые мотивы учения, связанные с формированием жизненной перспективы и профессиональных намерений, идеалов и самосознания. Интеллектуальная взрослость выражается в стремлении подростка что-то знать и уметь по настоящему. Такое желание стимулирует возникновение самостоятельной учебно-познавательной деятельности, содержание которой выходит за пределы школьной программы. Именно в подростковом возрасте происходит становление доминирующей направленности познавательных интересов. Поэтому задачей педагога является такая организация образовательного процесса, которая обеспечит поэтапное развитие интеллектуальной инициативы подростков как средства профилактики педагогических конфликтов и подростковых девиаций.

Проанализируем возможные способы учебной работы по развитию интеллектуальной инициативы на разных этапах подросткового возраста (по Д.И. Фельдштейну) в рамках выявленных стратегий преодоления педагогических конфликтов.

Так как *младшие подростки* только вступают на путь взросления, в период которого у них возникает желание утвердиться в глазах как сверстников, так и учителей, то они хотят попробовать что-то новое, пытаются выйти за пределы своих возможностей, но часто отвлекаются на общение со сверстниками, проявляют недовольство и вспышки раздражительности, потому что не могут воплотить все свои «хочу» в «могу». У младших подростков преобладает узкая социальная мотивация, поэтому для стимулирования их интереса и реализации их учебных возможностей важно создавать ситуации успеха в учебной деятельности, когда каждый подросток может решить задачу и получить результат, найдя необходимое решение из уже предоставленных, что сможет принести позитивные эмоции. Речь идет о развитии стимульно-продуктивного уровня (типа) интеллектуальной инициативы, для которого характерно отсутствие ярко выраженного внутреннего источника

стимуляции – познавательного интереса. Активность подростка ограничивается рамками предложенного образца, способа действия при внешней успешности деятельности. При этом построив обучение на групповой работе, педагог может уклониться от индивидуального общения с подростком, конфликтность которого повышена в связи с пубертатным периодом. Получая необходимое общение со сверстниками, выполняя совместные задания, подросток сможет отвлечься от тревожных мыслей, углубиться в процесс изображения результата прочитанного текста или изученной темы. Изобразительное творчество может стать одним из способов выхода накопившейся энергии у младших подростков.

Занимательные ситуации в форме викторин, соревнований, игр будут способствовать развитию познавательного интереса младших подростков, потому что именно тогда они могут общаться со сверстниками, что является ведущим видом деятельности в данном возрасте.

При создании ситуаций успеха учителю целесообразно прибегнуть к индивидуально-дифференцированному подходу с учетом уровня интеллекта учеников и их творческих способностей. Отдельные учащиеся могут нуждаться в опорах в виде таблиц, схем, кратких планов для устного высказывания или написания сочинения.

Так как некоторые подростки, помимо занятий в школе, посещают дополнительные занятия по изучаемому предмету, это может привести к опережению школьной программы и отрицательно сказаться на отношении к уроку и педагогу. Младшие подростки могут реагировать на изучение уже знакомого материала, отвечая за весь класс, исправляя ответы своих одноклассников или игнорируя объяснения учителя, выполнение заданий в группе. В сложившейся ситуации учителю целесообразно дать таким ученикам более сложное задание или прибегнуть к взаимному обучению, когда ученик в малой группе объясняет материал своим сверстникам, помогает им, тем самым не только повышая свой статус компетентного ученика, а не выскочки, но и укрепляя собственные знания.

У *средних подростков* в связи с развитием рефлексии, умения оценивать своих сверстников и себя, строить планы на будущее активнее формируются внутренние мотивы учения. На этом этапе подростки начинают более четко представлять план своих действий, что помогает им в дальнейшем выйти за его рамки. Именно здесь возникает ситуативная творческая активность, что является сигналом перехода подростка на второй уровень развития интеллектуальной инициативы – эвристический. Продолжая анализировать состав и структуру своей деятельности, сопоставляя отдельные задачи, средние подростки могут прийти к открытию новых, внешне более оригинальных способов решения. Д.Б. Богоявленская [6] отмечает, что новые способы деятельности могут быть весьма оригинальными и остроумными, но они используются «эвристами» лишь применительно к прежней цели. На этом уровне осуществляется выход за пределы заданного первоначально способа деятельности. Поэтому на втором этапе подросткового возраста, правозначимом, при решении педагогических конфликтов педагогу следует прибегнуть к компромиссу, что позволит развить внутренние мотивы к учению при помощи дифференцированного подхода. Учителю важно уловить любые признаки интереса ученика к той или иной сфере деятельности, определенной теме в своем предмете, чтобы обеспечить получение знаний на максимально доступном подростку уровне.

Для этого важно решение задач разной степени проблемности. Основой дифференциации становится взаимоконтроль и самоконтроль. Идя на компромисс, учитель может предоставить несколько видов заданий по пройденной теме на выбор: создание презентации, написание эссе, подготовка рисунка и т.д. Это поможет определить каждого подростка в группу по интересам со своими одноклассниками. Выполняя задание, которое нравится каждому члену малой группы, поможет ее сплочению. Возможно обсуждение изученного материала вне занятий для выяснения истины.

Создание проблемных ситуаций дает возможность подросткам задуматься, найти дополнительную информацию, самостоятельно сформулировать и решить проблему, чтобы

удовлетворить свой интерес. При этом важно не требовать единственно верного ответа. После урока следует попросить учеников попытаться найти иные решения.

На третьем этапе подросткового возраста, утверждающе-действенном, ученики уже понимают, чего хотят, они готовы действовать, решать поставленные перед ними задачами. И именно в этот период целесообразно использование сотрудничества как способа преодоления возникающих педагогических конфликтов. После выбора заданий, *старшие подростки* начинают поисковую деятельность для решения проблемы. При этом у них могут возникнуть трудности из-за нехватки знаний, что может привести к возникновению конфликтных ситуаций. Помогая старшему подростку решить проблемную задачу, учителю не следует давать четкие ответы на все возникающие вопросы. В таком случае подросткам знание достанется слишком легко, и они могут просто потерять к нему интерес. Направляя с помощью наводящих вопросов, предлагая литературу для прочтения, видео и презентации, учитель помогает ученику найти решение самостоятельно, а не предоставляет готовый ответ. Именно на третьем этапе у старших подростков формируются те знания и умения, которые они готовы применить на практике, формируется внутренняя мотивация учения. Затронувшая интерес старшего подростка проблемная задача может стать в будущем тем, изучению чего он будет готов посвятить свою жизнь.

Таким образом, старшие подростки способны проявлять интеллектуальную инициативу на креативном уровне, когда они готовы прекратить предложенную извне деятельность, начав другую, мотивированную изнутри, без внешней стимуляции для поиска наиболее совершенных и обобщённых способов решения. Творческая активность старшего подростка в совокупности с внутренней мотивацией, высоким уровнем знаний и развитым мышлением является главной предпосылкой успешного развития креативного уровня развития интеллектуальной инициативы. В деятельности креатива наблюдаются признаки повышенной предметной рефлексивности ее субъекта: осознание и интерпретация оснований собственных действий, стремление доказать себе и другим правильность своей познавательной позиции. На этом уровне старший подросток может отойти от требований инструкции и не считаться с затратами времени ради того, чтобы «дойти до сути», до глубинных оснований задачи. Активизация креативного уровня интеллектуальной инициативы имеет место при условии вовлечения старших подростков в исследовательскую, изобретательскую и иную творческую деятельность в различных областях науки, техники и культуры.

В силу своих индивидуальных особенностей некоторые подростки могут обладать креативностью при отсутствии высоко развитого интеллекта. Или же наоборот, обладая высоким интеллектом, они могут находиться на стимульно-продуктивном уровне развития интеллектуальной инициативы. Исходя из анализа особенностей подростков, развитие их интеллектуальной инициативы следует начинать с ее первого этапа, с создания ситуаций успеха, в дальнейшем расширяя диапазон используемых способов и средств для вывода учеников на возможный для них уровень развития интеллектуальной инициативы. Благоприятные возможности для этого можно создать в процессе организации проектной деятельности. Суть проектной работы – в стимулировании интереса подростков к практико-ориентированным проблемам, решение которых предполагает овладение и реализацию в практической деятельности некоторой суммы знаний из разных областей с получением конкретного социально- и личностно-значимого продукта. Распределение обязанностей в группе при выполнении проекта позволяет поддержать интеллектуальную инициативу каждого подростка на доступном ему уровне.

Таким образом, демократизация современной школы, ее ориентация на создание благоприятных условий для обучения и воспитания каждого ребенка предполагает выявление его личностных особенностей, обеспечение ему достойного положения в ученическом коллективе и профилактику негативных проявлений в его жизнедеятельности. Современному педагогу важно иметь теоретические знания и практический опыт в области диагностики и профилактики проявлений девиантного поведения учащихся разного возраста

в образовательном процессе. В подростковом возрасте в качестве наиболее адекватного средства профилактики девиантного поведения школьников правомерно рассматривать развитие их интеллектуальной инициативы, которая обеспечивает осознанное осуществление не стимулированных извне действий по преобразованию ситуации из объекта заданной деятельности в предмет познания и самостоятельного исследования с целью открытия нового знания. Таким образом достигается творческая самореализация подростка в обучении, обеспечивающая преодоление педагогических конфликтов.

Аннотация. В статье рассматриваются способы профилактики подростковых девиаций, проявляющихся в педагогических конфликтах в образовательном процессе, с помощью развития у учащихся интеллектуальной инициативы. На каждом этапе подросткового возраста автор выделяет наиболее адекватные стратегии преодоления педагогических конфликтов, которые выступают отправным пунктом построения процесса обучения для повышения уровня интеллектуальной инициативы подростков.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростковый возраст, педагогический конфликт, интеллектуальная инициатива.

Annotation. The article discusses the ways to prevent teen deviations, manifested in the pedagogical conflicts in the educational process, by developing students' intellectual initiatives. The author identifies the most adequate strategies to overcome pedagogical conflicts at each stage of adolescence, which are the starting point of building the teaching/learning process to raise the adolescents' level of intellectual initiatives.

Keywords: deviant behavior, adolescence, pedagogical conflict, intellectual initiative.

Литература:

1. Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей: Монография / Д.Б. Богоявленская. – Самара: Издательский дом «Федоров», 2009. – 416 с.
2. Грановская, Р.М. Конфликт и творчество в зеркале психологии / Р.М. Грановская. – М.: Генезис, 2002. – 573 с.
3. Наумчик, В.Н. Девиантное поведение подростка как педагогический феномен / В.Н. Наумчик // Адукацыя і выхаванне. – 2003. – №7. – С. 25–32.
4. Наумчик, В.Н. «Трудные» ученики, или учащиеся с проблемами / В.Н. Наумчик // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2002. – №4. – С. 2–10.
5. Петровский, В.А. Психология неадаптивной активности / В.А. Петровский. – М.: «РОУ», 1992. – 224 с.
6. Современный словарь по педагогике / сост. Е.С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2001. – 928 с.
7. Фельдштейн, Д.И. Психология развивающейся личности / Д.И. Фельдштейн. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 512 с.

**ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СЛУЖИТЕЛЕЙ И РЕЛИГИОЗНОГО ПЕРСОНАЛА
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ПОПАВШИМИ В
ТРУДНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ**

Ковтунович Марина Георгиевна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры богословия и библеистики,
специалист учебно-методического управления

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования Русской Православной Церкви
«Общecerковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»,
г. Москва

Постановка проблемы. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [6] в статье 2 определены основные понятия, которые применяются для реализации целей настоящего Федерального закона. Понятие «Образование» определено как «целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства» [6; статья 2]. При этом образование как процесс, понимается не только как «совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций» [6, статья 2], что можно рассматривать как инструментальную основу учебной деятельности, но и уточняется, на какие цели направлен данный процесс. Наряду с интеллектуальным и профессиональным развитием человека, одной из основных целей как образования, так и воспитания названа цель духовно-нравственного развития, а также создание условий для самоопределения и социализации личности в интересах не только самого человека и семьи, но и в целом общества и государства, принятых в нем духовно-нравственных ценностей, правил и норм поведения.

Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования определены статьей 3 [6, статья 3]. Мною выделены следующие важнейшие принципы для раскрытия целей нашего последующего разговора: «приоритетность образования, недопустимость дискриминации в области образования и его гуманистический характер, а также адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека» [6, статья 3].

Реализация целей формирования и развития личности в соответствии с семейными и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями регулируется статьей 87 [6; статья 87] рассматриваемого нами Федерального закона. Я не буду подробно останавливаться на анализе данной статьи, хочу только отметить, что «частным образовательным организациям, учредителями которых являются религиозные организации, дано право включать в часть основных образовательных программ религиозный компонент, а духовным образовательным организациям, реализующим образовательные программы, направленные на подготовку служителей и религиозного персонала религиозных организаций, – реализацию образовательных программ среднего профессионального образования и высшего образования в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, а также дополнительные профессиональные программы и программы профессионального обучения» [6; статья 87].

Современная Русская Православная Церковь (РПЦ) активно включилась в процесс построения новой национальной благотворительной модели, а также в процесс образования и воспитания подрастающего поколения и в процесс подготовки кадров для работы с детьми и молодежью. Однако на этом пути возникают некоторые проблемы и противоречия.

Итак, наша статья будет базироваться на трех основных тезисах, которые можно рассматривать как проблемные поля нашего исследования:

1. Педагогическая и социальная работа в России должна строиться на концепции духовного просвещения.

2. Подготовка семинаристов и священников к работе с детьми требует серьезной педагогической и психологической подготовки.

3. Необходимо более доверительно относиться к педагогической и социальной работе религиозных организаций со стороны светского общества и светских государственных образовательных организаций с одной стороны, и более интенсивно и целенаправленно внедрять в учебный процесс духовных образовательных организаций достижения светской научной мысли в области педагогики и психологии, с другой стороны, наладив, таким образом, тесное взаимодействие между государственными и религиозными организациями по вопросам духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, социальной работы с детьми и подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации и в вопросах подготовки педагогических кадров и социальных работников для сферы образования.

Цели статьи.

1. Показать, что выполнение задач образования и воспитания подрастающего поколения, связанных с духовно-нравственным развитием личности, необходимо осуществлять в тесной связи с духовным просвещением.

2. Показать пути и возможности взаимодействия между государственными и религиозными образовательными организациями по вопросам духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, социальной работы с детьми и подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации и в вопросах подготовки педагогических кадров и социальных работников для сферы образования.

Изложение основного материала исследования. Несколько слов из истории. Социальная работа в России имеет многовековую традицию. В дореволюционной России центральную роль в общественном призрении играла именно РПЦ. Всечеловеческая, христианская любовь к ближнему нашла отражение в национальном самосознании россиян как идея милосердия и благотворения, однако достаточно долго эти понятия были сродни исключительно религиозной деятельности РПЦ и отождествлялись с христианской моралью. Однако существует и реальный вклад, который внесла Православная Церковь в дело помощи «сырым и убогим», в том числе в дело образования. Конец XX – начало XXI вв. ознаменовался возрождением отечественной благотворительности, восстановлением институтов социальной работы. В связи с этим, становится необходимым не только изучить с исторической точки зрения практический опыт религиозной благотворительности РПЦ, но и расширить его применение, так как Православная Церковь в России взяла заботу о сиротах и обездоленных с самого начала своего существования. Милосердие и благотворительная деятельность находится в основе всего исторического развития восточно-христианской церкви.

В настоящее время на идее возрождения религиозно-нравственного воспитания построена выдвинутая РПЦ концепция духовного просвещения и благотворительности [2, с. 41-42]. В конкретные направления благотворительной работы вошли создание церковных детских домов, приютов и интернатов, семейных детских домов, специализированных приходских учреждений, таких как детские сады, библиотеки, воскресные школы и пр.

Необходимо отметить, что деятельность Русской Православной Церкви в области социального служения и благотворительности в последние годы существенно возросла. Эта работа осуществляется на общецерковном и епархиальных уровнях через Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата, учрежденный в 1991 году. Среди основных задач работы Синодального отдела являются, обратим внимание на те, которые нас интересуют в контексте данной статьи. К ним относятся организация массового добровольческого движения милосердия в

общецерковном масштабе и координация социальных программ и проектов на уровне епархий Русской Православной церкви. В ведении Отдела находится также разработка и внедрение методик организации помощи по всем направлениям социальной работы Церкви, а также обучение церковных социальных работников и организация обмена опытом.

Одним из основных направлений работы Отдела является помощь детям-сиротам, многодетным и неполным семьям. При этом также осуществляется помощь престарелым и инвалидам; наркозависимым; алкоголезависимым; бездомным, помощь в чрезвычайных ситуациях и развитие православного добровольческого движения. При Отделе создано несколько координационных центров, организовывающих, курирующих и координирующих социальную работу Церкви по всем вышеозначенным направлениям. Это координационный центр по противодействию алкоголизму и утверждению трезвости; общество православных врачей; координационный центр по противодействию наркомании; координационный центр по работе с глухими, слепоглухими и слабослышащими; группа церковной помощи в чрезвычайных ситуациях (ЦПЧС); координационный центр помощи бездомным; юридическая служба Синодального отдела по благотворительности.

У Отдела существует сайт и база данных по социальному служению Церкви. База данных по социальному служению Церкви представляет собой реестр социальных учреждений, проектов и инициатив РПЦ. Созданная база данных позволяет любому пользователю сети интернет получить справочную информацию обо всех интересующих его церковных социальных объектах, кроме того, на данном сайте можно получить представление о масштабах церковной социальной работы в том или ином населенном пункте, регионе, в стране в целом, а также записаться в волонтеры при Церкви.

Объектами социального служения Церкви по данным на май 2019 г., являются свыше 4500 церковных социальных учреждений, проектов и инициатив Русской Православной Церкви на территории России. Среди них более 500 групп милосердия в России; 60 кризисных центров с приютами для женщин, в том числе женщин с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации; свыше 180 гуманитарных центров (складов), оказывающих вещевую и продуктовую помощь беременным и матерям с детьми; 65 детских приютов в России; 18 центров ресоциализации, 67 консультационных пунктов, 16 амбулаторных и 9 мотивационных программ, более 65 групп поддержки зависимых и др.

Значительное внимание в деятельности РПЦ уделяется детским программам. Задачи, которые ставят перед собой координирующие центры – это оказание необходимой всесторонней помощи в духовно-нравственном воспитании и профессиональной подготовке воспитанников детских домов и детей, нуждающихся в социальной защите, кроме того Церковь помогает в создании материальных условий для начала их самостоятельной жизни.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл неоднократно высказывался о позиции Русской Православной Церкви в отношении детей-сирот. Патриарх Кирилл, в частности, отметил, что в этой сфере сделано очень много, появилось большое количество церковных детских домов. «В масштабах государства это не много, однако, для Церкви, которая насчитывает не так много лет своей активной социальной работы, это достаточно много» [3]. Предстоятель РПЦ при этом отметил, что эта цифра могла бы быть значительно больше, он считает, что государственные социальные службы всячески препятствуют направлению детей в церковные детские дома. Он также отметил, что, в России увеличивается процент усыновления, и на этом фоне количество детских домов будет сокращаться. Однако не многие берут к себе в семьи детей-инвалидов. Церковь готова расширить свою работу с детьми-инвалидами констатировал Святейший Владыка. «Мы готовы работать с детьми-инвалидами, и мы были бы готовы взять государственный сиротский дом, детский дом для инвалидов под свой покров. Полагаю, что это перспективное направление работы Русской Православной Церкви» [3], – сказал в заключении Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Свои мысли о социальной поддержке со стороны Церкви людей, попавших в кризисную ситуацию, Святейший Патриарх Кирилл озвучил 19 октября 2018 года в своем

выступлении на итоговом пленарном заседании VIII Общецерковного съезда по социальному служению «Координация социального служения в епархии». Выступление было озаглавлено «Социальное служение – это деятельное выражение христианской любви к ближнему» [5]. В своем выступлении Патриарх обратил внимание на несколько направлений работы Церкви. Во-первых, работа с бездомными. Здесь Патриарх Кирилл обратил внимание на то, что церковные служители «должны не просто оказывать срочную социальную помощь, а выстраивать систему поддержки и возвращения людей в общество» [5; с. 44]. Очень важное заявление касалось женщин, попавших в кризисную ситуацию. Патриарх особенно подчеркнул, что в Церкви, женщина получит всю необходимую поддержку.

В своем выступлении Владыка вновь вернулся к деятельности Церкви по помощи детям сиротам. Основным тезисом явилось то, что «деятельность церковных служителей по помощи детям сиротам должна быть сконцентрирована на устройстве детей в приемные семьи и работе с кровной семьей» [5; с. 46]. При этом Патриарх отметил, что «нужно не терять осмотрительность и подвергать тщательному анализу состояние семьи, потому что нередко искусственное возвращение ребенка в семью приводит к трагическим последствиям, когда у него разрушаются те добрые навыки, которые сформировались в церковных учреждениях. Возвращение в семью должно обязательно сопровождаться как предварительным изучением ситуации, так и определенным мониторингом. Нельзя ребенка оставлять один на один с родителями, которые уже когда-то обнаружили свою неспособность к воспитательной деятельности. Конечно, происходят большие перемены, в том числе в сознании таких родителей, часто под влиянием Церкви» [5; с. 46]. Он еще раз подчеркнул, что «мониторинг нужно осуществлять на протяжении достаточно продолжительного времени, чтобы убедиться: ребенку ничто не угрожает. Необходима работа по преодолению кризисной ситуации в кровной семье, а также сопровождение, как я уже сказал, приемных семей, которые взяли на воспитание ребенка-сироту» [5; с. 46].

Для того чтобы такая работа была систематической и действенной, необходимо создать сеть обучающих центров для священнослужителей и мирян-волонтеров, которые трудятся при храмах. В частности, синодальный отдел проводит не только дистанционные обучающие семинары, но и занятия в епархиях по вопросам подготовки будущих наставников и приемных родителей. Развиваются все формы обучения – от дистанционного до очного обучения. Такие Центры открыты в Москве, Екатеринбурге, Ростове, и охватывают соответственно Центральный Федеральный округ, Уральский Федеральный округ, включая Казахстан и Среднюю Азию, а также епархии Южного Федерального округа. Будут открываться подобные региональные обучающие центры и в других федеральных округах. Это относится к дополнительному образованию. Как обстоит дело с подготовкой служителей и религиозного персонала религиозных организаций в духовных образовательных организациях РПЦ – духовных академиях и университетах?

Начиная с 2014 года в практику работы высших учебных заведений РПЦ были внедрены Федеральные государственные образовательные стандарты. Самое массовое и распространенное направление бакалавриата ФГОС 48.03.01 Теология. Мы уже отмечали, что подготовка служителей и религиозного персонала религиозных организаций к работе с детьми требует серьезной педагогической и психологической подготовки. Учебный план по данному направлению готовится и утверждается Учебным комитетом РПЦ и является единым для всех учебных заведений РПЦ, осуществляющим подготовку для данного направления. К сожалению, дисциплины «Педагогика» и «Психология» в данном учебном плане не нашли должного внимания, они являются дисциплинами по выбору и их объем составляет соответственно 3 и 2 зачетные единицы. Гораздо лучше обстоит дело со специальными профильными программами бакалавриата и магистратуры, которые осуществляет Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ) на педагогическом факультете вуза. Здесь осуществляется подготовка по направлению 39.03.02 «Социальная работа» с профилями: «Социальная работа в системе некоммерческих организаций и развитие добровольческого движения» и «Социальная работа с молодежью», а

также 44.03.01 «Педагогическое образование» с профилями: «Дошкольное образование», «Начальное образование» и «Религиозная культура, этика, культурно-просветительская и добровольческая деятельность в школе».

По программам магистратуры направления 44.04.01 Педагогическое образование присутствуют такие программы как «Коммуникация в религиозной и педагогической культуре» и «Педагогика начального образования, духовно-нравственного развития и воспитания школьников» (ООП на основе ФГОС ВО с учетом профессиональных стандартов). Кроме дисциплин базовой части, обратим внимание на дисциплины вариативной части учебных планов, которые дают нам представление о серьезном подходе к реализации данных направлений в духовных образовательных организациях высшего образования. Они представлены такими дисциплинами как «Социальное проектирование и моделирование в социальной сфере», «Психолого-педагогическая диагностика», «Технологии социальной работы в некоммерческих организациях», «Теория и практика корпоративной благотворительности», «Теория и практика добровольческой деятельности», «Основы консультирования в социальной работе», «Современные религиозные движения и деструктивные культы», «Социальная работа с жертвами тоталитарных сект» и др.

Необходимо отметить, что обучение ведется по учебным программам и учебным пособиям, специально разработанным для специалистов, ориентированных на работу с людьми в общественных и религиозных организациях [4; с. 5]. Отличительной особенностью данных учебных пособий, является «сопоставление данных психологической литературы с ведущими представлениями о человеке в православной антропологии» [4; с. 6]. Курс «Педагогика» разработан с позиций православного мировоззрения [1].

Обращает на себя внимание то, что недостаточно дисциплин, а также бакалаврских и магистерских программ, посвященных работе с сиротами, с людьми, попавшими в трудные жизненные ситуации, в том числе кризисные, а также программ и дисциплин из области девиантной педагогики и психологии, в то время как РПЦ в своем социальном служении делает акцент именно на работе с данными категориями детей. Выход может быть, в том числе в том, чтобы более интенсивно развивать сетевые формы обучения, совместные магистерские программы обучения между религиозными образовательными организациями и государственными университетами в области педагогики и психологии. Такую работу уже начали целенаправленно проводить Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет и Общецерковная аспирантура, и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Выводы.

1. В настоящее время значительно активизировалась милосердно-благотворительная, социальная и педагогическая деятельность Русской православной церкви. Это организация домов общественного призрения для неимущих и обездоленных, детских домов и приютов для сирот, работы с заключенными и иными категориями людей и детей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию. Такая работа основывается на духовно-нравственном воспитании и концепции духовного просвещения.

2. Одним из активных участников и субъектов процесса формирования и функционирования системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи в регионах, обеспечению необходимых условий для развития волонтерского движения в сфере профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних является Русская православная церковь, ее усилия необходимо поддержать со стороны светских Институтов, включить в сферу координации и совершенствования сотрудничества государственных, общественных институтов, Церкви и СМИ по широкому кругу вопросов, касающихся темы профилактики девиантного поведения детей и молодежи в социальной среде, помощи людям в непростой жизненной ситуации. Реализация Программы по церковному взаимодействию с государством и обществом в социальной сфере показывает недостаток опыта такого взаимодействия.

3. Необходимо наладить двусторонний, направленный навстречу друг другу, процесс подготовки педагогов и социальных работников с одной стороны и служителей и религиозного персонала религиозных организаций с другой стороны, включая в процесс подготовки светских педагогов духовно-нравственную педагогику, основанную на духовном просвещении, а в подготовку священнослужителей – достижения светской науки в области педагогики и психологии. Таким образом, необходимо наладить тесное взаимодействие между государственными и религиозными организациями по вопросам духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, социальной работы с детьми и подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации и в вопросах подготовки педагогических кадров и социальных работников для сферы образования.

В заключении хотелось бы отметить, что такое сотрудничество между духовными академиями и другими церковными вузами, с церковными зарубежными вузами и со светскими учебными заведениями стало возможным, благодаря открывшимся возможностям, которые предоставило присоединение России к Болонскому процессу. Это перспективы «как в плане академической мобильности и студенческих обменов, так и в плане совместных научных проектов» [7; с. 217]. Как справедливо отмечает Д.И. Шмонин, «такое сотрудничество особенно важно с учетом неоднозначности и многофакторности влияния Болонского процесса на российскую систему образования и глобальных вызовов, усилившихся в последнее время» [7; с. 218].

Аннотация. В статье обсуждаются пути и возможности взаимодействия между государственными и религиозными образовательными организациями по вопросам духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, социальной работы с детьми и подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации и в вопросах подготовки педагогических кадров и социальных работников для сферы образования.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, милосердие, благотворительность, педагогическая и психологическая подготовка, религиозные служители, дети, попавшие в трудную жизненную ситуацию, Русская Православная Церковь.

Annotation. The ways and possibilities of interaction between state and religious educational organizations on the issues of spiritual and moral education of the younger generation, social work with children and adolescents who find themselves in difficult life situations and in the training of teachers and social workers for education are shown.

Keywords: spiritual and moral education, charity, charity, pedagogical and psychological preparation, religious ministers, children in difficult situations, Russian Orthodox Church.

Литература:

1. Дивногорцева С.Ю. Теоретическая педагогика: учеб. пособ. В двух частях. Часть первая: Введение в педагогическую деятельность; Теория и методика воспитания. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2004. 195 с.
2. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (18 февраля 1997 г.) // Журнал Московской патриархии. – 1997. – № 3. – С. 12-82.
3. Православное информационное агентство «Русская линия» <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=58838>
4. Склярова Т.В. Возрастная психология: От рождения до старости / Т.В. Склярова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. – 224 с. – С. 5-6.
5. Социальное служение – это деятельное выражение христианской любви к ближнему: выступление Святейшего Патриарха Кирилла на VIII Общецерковном съезде по социальному служению // Журнал Московской патриархии. № 11. – 2018. – С. 42-47. <http://www.jmp.ru/y-marh.php?y=2018&m=11> http://jmp.ru/archiv/2018_11.pdf
6. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

7. Шмонин Д.В. Технология блага: очерки теологии образования. – М.: Познание, 2018. – 224 с.

УДК: 378.1

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, СКЛОННЫМИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Лёвкина Елена Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и педагогики профессионального образования Арзамасский филиал ННГУ ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Арзамас

Постановка проблемы. В настоящее время в связи с непростой экономической ситуацией в стране, с ростом увлечения детей и молодежи компьютерными играми, их активным и бесконтрольным общением в социальных сетях увеличивается количество и неблагополучных семей, и количество детей, склонных к девиантному поведению. Проблемой профилактики девиантного поведения в России занимались такие российские учёные, как Кудрявцев В.И., Кон И.С., Личко А.Е., а также продолжают заниматься Гишинский Я.И., Змановская Е.В., Шнейдер Л.Б. и многие другие исследователи.

Целью статьи является изучение теоретических основ и практической подготовки специалистов к работе с детьми, склонными к девиантному поведению, в современных условиях.

Изложение основного материала исследования. Государство в свою очередь направляет свои усилия на изменение ситуации в обществе, разрабатывая нормативную базу, включающую документы, в основе которых лежит, как ключевая, идея профилактики девиантного поведения и создание в семье, образовательных учреждениях безопасной и комфортной среды для развития современного молодого поколения. К таким нормативно-правовым документам относятся: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5], Письмо Министерства образования РФ «О мерах по профилактике суицида среди детей и подростков» от 26.01.2000 г. и от 29.05.2003 г. [3], Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [7], Письмо Департамента воспитания и социализации детей Министерства образования и науки РФ от 27.02.2012 г. N 06-356 «О мерах по профилактике суицидального поведения обучающихся» [2], а также Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» [6].

Министерство образования и науки РФ, поддерживая государственную политику, разработало, а затем утвердило, 19 декабря 2016 г. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (№1611) [4].

В связи с этим на уровне государства во многих вузах Российской Федерации (например, в МГУ им. М.В. Ломоносова, Южном федеральном университете, Кубанском государственном университете, Российском государственном гуманитарном университете, Московском городском психолого-педагогическом университете, Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева, в том числе Арзамасском филиале ННГУ и др.) осуществляется подготовка специалистов, сущностью будущей профессии которых является работа с трудными детьми. Педагогика и психология девиантного поведения – специальность, которая сегодня является весьма актуальной и востребованной, но не каждому окажется по плечу. Студент, готовящийся работать в данной

области должен иметь высокую мотивацию и быть готов сталкиваться с непростыми случаями, когда ребёнок ведёт себя асоциально, причиняет вред окружающим его людям не только физический, но и моральный, нарушает, порой, самые элементарные принятые в обществе нормы.

Главной профессиональной целью является выявление и преодоление девиантных проявлений. К ним относят деяния, идущие вразрез с общепринятыми нормами поведения, причиной которых могут быть: ещё неокрепшая психика, неспособность адаптироваться среди своих сверстников, неблагополучная ситуация дома, в семье, или наличие серьёзных заболеваний, в том числе и патологий.

При этом основными задачами специалиста этого направления являются: своевременное диагностирование, коррекция и недопущение девиантных проявлений в группе риска, в том числе у детей и подростков, попавших в сложную жизненную ситуацию; знакомство с условиями проживания подопечных, консультирование их по вопросам обучения, трудоустройства и отношений в семье; оказание психологической поддержки детям, не справляющимся с жизненными трудностями; общение с родителями и педагогами.

Анализ работы вышеперечисленных вузов, осуществляющих подготовку студентов по специальности 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения», показывает, что данная область является синтетической и соединяет в себе не только педагогику, психологию, но и, отчасти, юриспруденцию. При этом рассматриваемая специальность подразумевает несколько подспециализаций: социальная педагогика; коррекция, педагогическая и психологическая реабилитация лиц с отклонениями в поведении; сопровождение подростков, потенциально находящихся в группе риска девиантного поведения; педагогика в пенитенциарных заведениях.

Особенностью профессии является то, что специалист данной сферы призван не только общаться со школьниками и подростками категории риска, с людьми, попавшими в тяжёлые жизненные обстоятельства, корректировать агрессивное поведение дошкольников, но и отстаивать права, интересы воспитуемых, консультировать по проблемам отношений с близкими людьми, по вопросам, связанным с обучением, и, даже, трудоустройством [1].

Одной из особенностей, отягощающей труд специалиста по работе с девиантными детьми, является преобладание интенсивного общения в условиях серьёзного психоэмоционального давления, а также творческий и нестандартный подход к разрешению сложившейся ситуации.

Объектами деятельности специалистов в области педагогики и психологии девиантного поведения могут выступать: процессы становления и социализации; межличностное общение и педагогическое взаимодействие; состояния индивида в асоциальной среде; факторы, особенности и причины девиантного поведения, способы его противодействия, а также общественные отношения, связанные с воспитанниками, охраной их прав, профилактикой правонарушений и антиобщественной деятельности.

В период своего обучения, студенты, обучающиеся по специальности 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения» в Арзамасском филиале ННГУ, изучают предметы, связанные с нормативно-правовыми основами профессии (Конституционное право России, Семейное право, Криминология, Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, Правовое регулирование труда несовершеннолетних и др.), социально-ориентированные предметы (Социальная политика, Социология, Основы социальной работы, Методика и технология социального работника, Социология отклоняющегося поведения и др.), блок педагогически ориентированных дисциплин (Общие основы педагогики, Коррекционная педагогика, Социальная педагогика и др.), блок психологических дисциплин (Педагогическая психология, Психология девиантного поведения, Психологическое консультирование и психологическая коррекция, Психология конфликта, Психология семьи и др.), предметы, в основе которых лежат основы коммуникации специалиста (Иностранный язык, Основы

риторики и профессиональной коммуникации). Основу подготовки составляют профессионально ориентированные предметы по получаемой специальности, к которым можно отнести такие предметы, как: Методология и методы профилактики девиантного поведения, Клинико-психологическое обеспечение работы, Психотерапия и психокоррекция девиантного поведения, Основы реабилитации лиц с девиантным поведением, Проектирование программ профилактики девиантного поведения, Технологии профилактической работы с разными категориями детей, Психолого-педагогическое проектирование профилактической работы с несовершеннолетними осужденными, Психолого-педагогическое проектирование профилактики социального сиротства, беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, Межведомственное взаимодействие в профилактической работе с детьми и подростками группы риска и др.

Во время учебы в вузе студенты изучают не только педагогику и психологию девиантного поведения, но и овладевают следующими умениями и навыками: выявление причин отклонений как на ранних стадиях, так и в крайне запущенных случаях; коррекция психического состояния подопечных; профилактика девиантного поведения у учащихся школ и других учебных заведений; выявление сложных детей, а также лиц, оказывающих на них негативное влияние; организация полезного досуга подрастающего поколения; постановка трудных подростков на учет; работа с родителями и лицами, их заменяющими.

Важной частью профессиональной подготовки специалиста по профилактике девиантного поведения является практика, как учебная – практика по получению первичных профессиональных умений, в том числе первичных умений и навыков научно-исследовательской деятельности (на 3 курсе обучения), так и производственная (практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (на 2 курсе); педагогическая практика (на 3 курсе); социально-педагогическая практика (на 4 курсе); научно-исследовательская работа (на 5 курсе).

Практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности, как правило, проходит на базе общеобразовательных учреждений г. Арзамаса, например в МБОУ «Средняя школа №2 им. А.С. Пушкина», МБОУ «Гимназия» и др.

Основу учебной практики и производственной практики (научно-исследовательской работы) составляет работа студентов на базе Арзамасского филиала ННГУ при кафедре общей педагогики и педагогики профессионального образования. В период учебной практики студенты разрабатывают конспект программы формирования установки на здоровый образ жизни у воспитанников ДОЛ в течение смены, подбирают диагностический инструментарий, направленный на выявление риска возникновения зависимости, трудностей, проблем, конфликтных ситуаций и отклонений в поведении воспитанников.

В рамках НИР студентам необходимо подготовить доклад выступления по результатам проведенного исследования, а также написать научную статью по теме проведенного исследования в области профилактики девиантного поведения детей и подростков.

Профильными организациями для прохождения социально-педагогической практики являются многие социальные учреждения г. Арзамаса и района, среди них: ГБУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья города Арзамаса», ГБУ «Центр социальной помощи семье и детям» г. Арзамас, ГКУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Арзамасского района» (р.п. Выездное), ГБУ «Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов города Арзамас», ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Арзамасского района» и др.

Педагогическая практика (3 курс, 6 семестр) предполагает работу студентов в качестве вожатых и осуществление деятельности по созданию воспитательных условий для временного детского коллектива в различных организациях, учреждениях, осуществляющих временное пребывание детей в летний период каникул, посредством включения в

практическую деятельность в условиях реализации компетентностного подхода. В качестве баз практик для студентов традиционно выступают: «Международный детский центр «Артек» (г. Ялта, п.г.т. Гурзуф), МБУ ДОД «Детский оздоровительно-образовательный (профильный) центр «Водопръ» (Арзамасский район, с. Пологовка), ГБУ «Областной санаторно-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Золотой колос» (Арзамасский район, с. Абрамово), ООО (ДОСККД) «Кипячий ключ» (р.п. Шатки), МБОУДО ДООЦ «Озёрный» (Ардатовский район, р.п. Мухтолово), Детская оздоровительная база отдыха «Ласточка» филиал ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород» (Вадский район, д. Костино), ООО «Лесная здравница» (Павловский район, п. Тумботино), МБУДО «ООЦ «Березка» (Дивеевский район, г. Саров).

Завершающим этапом является прохождение студентами преддипломной практики, в рамках которой практиканты проводят занятия (лекционные и практические), воспитательные мероприятия с целью профилактики девиантного поведения, а также разрабатывают программу социально-педагогического или психолого-педагогического сопровождения в соответствии с темой ВКР.

Работа с трудными детьми часто требует понимания внутреннего состояния каждого ребёнка. С этой целью студенты в период практики могут осуществлять знакомство с бытом и жилищными условиями школьников группы риска, изучать особенности близкого окружения ребёнка или подростка, оказывать им некоторую психолого-педагогическую помощь, а также организовывать общение с учителями, родителями (законными представителями) детей.

Неотъемлемой частью образовательного процесса, способствующей формированию соответствующих компетенций специалиста, является написание курсовой работы, участие студентов в научно-исследовательской работе факультета и вуза, участие во Всероссийских, областных и внутривузовских олимпиадах по педагогике и психологии, в научно-исследовательских конкурсах различного уровня и направленности.

Следует отметить, что в Арзамасском филиале ННГУ особое внимание уделяется организации волонтерской деятельности, в рамках которой студенты выезжают в различные социальные учреждения города и района с концертами, мероприятиями разного формата. Примером служит многолетнее сотрудничество с Муниципальным казенным общеобразовательным учреждением «Коррекционная школа № 8» г. Арзамаса. Решение проблемы повышения социальной активности и ответственности старшеклассников школы стало возможным благодаря тесному сотрудничеству с психолого-педагогическим факультетом АФ ННГУ. Объединение усилий образовательных организаций положило начало союзу детского общественного объединения школьников «Звездная страна» и добровольческого отряда студентов. Опыт совместной деятельности позволил младшим получить бесценный социальный опыт, закрепить продуктивные модели поведения в различных жизненных ситуациях, старшим – помочь на практике реализовать потребности ответственного лидерства и общественно значимой деятельности.

Студенты психолого-педагогического факультета совместно с преподавателями ежегодно принимают активное участие в реализации проектов, в том числе в международном открытом грантовом конкурсе «Православная инициатива»; работают на инновационных площадках города и района по проблеме профилактики девиантного поведения учащихся; при поддержке городских молодежных организаций и объединений города организуют игровые площадки для детей разного возраста; в рамках изучения отдельных дисциплин при сотрудничестве с администрацией города, комиссией по делам несовершеннолетних и др. структурами реализуются выходы в культурные и образовательные учреждения для встречи со специалистами, работающими в данном направлении.

Как показывает практика, выпускники вузов, ведущих подготовку специалистов по программе 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения», могут занимать на сегодняшний день такие должности: педагог по коррекции; инспектор по делам

несовершеннолетних; психолог в учебных заведениях; сотрудник, специализирующийся на несовершеннолетних; конфликтолог; сотрудник органов опеки и т. д.

В качестве работодателей для них выступает достаточно обширный ряд учреждений, к которым можно отнести: комиссии по делам несовершеннолетних, органы по делам молодёжи, дошкольные образовательные организации, общеобразовательные организации, коррекционные и реабилитационные учреждения, система здравоохранения, центры психолого-педагогического сопровождения, организации, осуществляющие опеку и попечительство, отделы соцзащиты, попечительства, служб занятости, а также органы внутренних дел.

Выводы. Специальность «Педагогика и психология девиантного поведения» является актуальной и современной, востребованность которой растёт. Выпускник данной специальности однозначно сможет найти себе применение в сложившихся социокультурных и образовательных условиях, а также возможности для дальнейшего роста и самореализации не только в сфере образования, но и в правоохранительной системе, здравоохранения, а также социальной защиты.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы и практические аспекты подготовки специалистов к работе с детьми, склонными к девиантному поведению, в современных условиях, особенности и перспективы профессии.

Ключевые слова: специальность, профилактика, девиантное поведение, подростки, психолог.

Annotation. The article discusses the theoretical foundations and practical aspects of training specialists to work with children who are prone to deviant behavior in modern conditions, features and prospects of the profession.

Keywords: specialty, prevention, deviant behavior, adolescents, psychologist.

Литература:

1. Мардахаев, Л.В. Социальная педагогика: учебник для бакалавров / Л.В. Мардахаев. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 817 с. – (Бакалавр. Академический курс).

2. Письмо Департамента воспитания и социализации детей Министерства образования и науки РФ от 27.02.2012г. N 06-356 «О мерах по профилактике суицидального поведения обучающихся» (<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=529720#05187406520300326>)

3. Письмо Министерства образования РФ «О мерах по профилактике суицида среди детей и подростков» от 26.01.2000 г. (<http://news-city.info/akty/pravila-61/tekst-xq-sovet-russia.htm>)

4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2016 г. N 1611 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (уровень специалитета)» (<http://fgosvo.ru/440501>)

5. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) (<https://base.garant.ru/12116087/>)

6. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» (<https://fzrf.su/zakon/o-profilaktike-pravonarushenij-182-fz/st-12.php>)

7. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/)

ВНЕШНИЕ РИСКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА КАК ФАКТОР ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Лялюк Александр Викторович,

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой физического воспитания и спорта,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,
г. Краснодар

Постановка проблемы. Многочисленные исследования в области педагогики и психологии безопасности свидетельствуют о том, что среда является одним из главных факторов формирования и развития личности [3]. К основным факторам (системам воздействий) образовательной среды относят:

-группу внешних факторов (макро- и микрополитические, медийные, природно-климатические, социокультурные, социально-экономические);

-группу внутренних факторов (профессиональное мастерство педагогов, следование определенным педагогическим подходам, теориям и концепциям, качество принятия педагогических и управленческих решений, система взаимодействия всех участников образовательного процесса и т.п.) [1].

Наиболее перспективным для исследования проблем психолого-педагогической безопасности нам представляется использование субъектного, в частности, субъектно-бытийного подхода. Данный теоретико-методологический подход к проблеме психолого-педагогической безопасности сосредоточен, с одной стороны, на проблемах безопасности личности в различных пространствах её бытия в условиях социально-экономических и политических трансформаций современного общества, с другой стороны, обращается к изучению потенциальных и реальных рисков, исходящих из нарушения направленности и оптимума активности личности как субъекта бытия и со-бытия [5].

Перспективным представляется использование категории «развивающая безопасная образовательная среда» как особое личностное пространство познания и развития [2]. Образовательная среда в данном подходе выступает в качестве объективной предпосылки развития личности и в то же время создается самим индивидом [7].

Для создания образовательной среды, обеспечивающей профилактику девиантного поведения в студенческой среде, необходимо учитывать такие предпосылки социальной напряженности в обществе, как неопределенность ценностей и социальных установок, возникшая в результате произошедших в короткие сроки изменений политического, экономического и национально-государственного устройства страны; возникновение в обществе стереотипов восприятия проявлений жестокости, ксенофобии, этнофобии как привычной социальной нормы и, соответственно, демонстрация негативных образцов агрессивного поведения в деятельности отдельных личностей и социальных групп; активное распространение манипулятивных технологий формирования установок «свой-чужие», конструирование образа врага, использование языка вражды в СМИ, создание радикальных «сайтов ненависти» в Интернет, основной мишенью которых являются подростки и чувствующие себя социально ущемленными слои населения [2].

Целью статьи является выявление основных факторов риска образовательной среды с позиций участников образовательного процесса.

Изложение основного материала исследования. На первом этапе исследования респондентов просили перечислить факторы, негативно сказывающихся на личности студента и мешающих образовательному процессу. В качестве экспертов выступили преподаватели Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ), 32 человека, стаж работы в вузе от 12 до 36 лет. На основании результатов исследования, используя метод контент-анализа, были выделены ряд рисков образовательной среды

современного вуза [4]. Внешние риски образовательной системы, обусловленные действием средовых факторов (социальными, политическими, идеологическими, экономическим факторами, воздействием СМИ) [6].

Следующую группу факторов, создающих риски образовательной среды, образовали факторы, связанные с управлением и организационной культурой вуза, факультета, кафедры и с учебно-воспитательным процессом: большие учебные нагрузки; нехватка времени; неудобное расписание, затрудняющее возможность студентов работать; информационно-психологические перегрузки; необходимость участвовать в неинтересных студенту внеучебных мероприятиях [5].

Отдельную группу факторов мы обозначили как коррупционные, отнесли к ним вымогательство и создание атмосферы в вузе, когда все вопросы можно решить за деньги.

Следующую группу рисков образовательной среды мы описали как социально-психологические, связанные с межличностными отношениями субъектов образовательной среды и качеством педагогического общения: оторванность обучения от реальной жизни; недостаточная квалификация преподавателей; предвзятое отношение преподавателей к студентам; потеря интереса к обучению из-за неинтересных, скучных занятий; низкая доступность информационных ресурсов; преподаватели не объясняют непонятный материал; неадекватная система контроля знаний; негативные отношения в студенческой группе; негативные качества окружающих (агрессивность, глупость, хамство и т.п.); проблемы в отношениях с другими людьми (трудности общения, отверженность); недооценивание преподавателями и однокурсниками способностей и возможностей студента; сексуальные домогательства; моббинг (травля) со стороны студенческой группы; моббинг (травля) со стороны преподавателей, администрации; сексизм (негативное отношение по половому признаку); негативное отношение по этническому, религиозному или идеологическому признаку; алкоголизм; наркомания; события личной жизни (проблемы в отношениях с партнером, с друзьями, однокурсниками, родителями); беспорядочные половые связи; необдуманый ранний брак; нежелательная беременность; игромания; необдуманное рискованное поведение, которое может угрожать жизни и здоровью (драки, экстремальный спорт, рискованные поступки и т. д.); вовлечение в криминальную деятельность (наркоторговля, проституция и т. д.); негативное влияние социального окружения (плохая компания).

В следующий группу рисков вошли факторы, связанные со здоровьем и самочувствием студентов: эмоциональная напряженность; стресс; низкая физическая нагрузка; нездоровое питание; невозможность хорошо отдохнуть, хронические недосыпание и усталость; несоблюдение режима труда и отдыха.

В последнюю группу были выделены собственно психологические риски, определяемые индивидуально-личностными особенностями субъектов образовательной среды вуза: невозможность реализовать себя в рамках университета; неумение самостоятельно решать свои проблемы и организовать свою жизнь в отрыве от семьи; проблемы с самоопределением после окончания университета, с самореализацией в данной профессии и выбором дальнейшего рода деятельности; слабое знание и учет своих способностей, склонностей и интересов; неясное представление о будущей профессии; отсутствие мотивации в выборе профессии; необоснованность мотивации в выборе учебного заведения; низкий уровень познавательной активности; низкий уровень общей культуры; низкий уровень базовых интеллектуальных (в том числе общеучебных) умений; недостаточная мотивация к личностно-профессиональной и творческой самореализации и самовыражению; отсутствие потребности в непрерывном образовании; неумение распределять время и организовать учебную работу.

На основе результатов предыдущего этапа исследования была составлена анкета исследования рисков образовательной среды, в которой респондентов просили оценить по пятибалльной системе, насколько каждый из данных факторов представляет опасность для студентов. В данной статье рассмотрены результаты исследования внешних рисков

образовательной системы, обусловленные действием средовых факторов (социальными, политическими, идеологическими, экономическим факторами, воздействием СМИ).

В исследовании приняли участие 547 студентов КубГТУ, 257 юношей и 290 девушек от 18 до 25 лет, средний возраст 19,6 лет и 267 преподавателей высшей школы, 106 мужчин и 161 женщина, средний возраст лет 45,3 года, средний стаж преподавания в вузе 17,5 лет.

Как показали результаты исследования, преподаватели оценивают внешние риски образовательной среды вуза выше среднего, особенно воздействие, осуществляемое через Интернет.

При этом оценки внешних рисков образовательной среды, существенно различаются в группах учащихся и преподавателей (табл. 1).

Таблица 1

Результаты оценки внешних рисков образовательной среды участниками образовательного процесса

Внешние риски образовательной среды	Студенты		Преподаватели		Значение критерия Стьюдента
	ср. знач	ст. откл	ср. знач	ст. откл.	
Формирование негативных образцов агрессивного поведения	3,86	1,17	3,70	1,21	1,76
Зависимость от соцсетей	3,58	1,19	3,98	0,99	-4,71
Негативное влияние радикальных «сайтов ненависти» в сети Интернет	3,62	1,26	4,02	1,18	-4,31
Влияние экстремистской идеологии	3,62	1,30	3,98	1,21	-3,92
Вовлечение в несанкционированные протестные акции	3,45	1,31	3,60	1,20	-1,54
Утрата культурных традиций и привычных социальных норм (в межличностных отношениях, манере поведения)	3,54	1,18	3,92	0,94	-4,57
Загрязнение языка (использование сленга, ненормативной лексики, слов-паразитов и т.д.)	3,43	1,18	3,81	1,03	-4,47
Формирование образцов поведения, чуждых нашей культуре	3,31	1,25	3,50	1,09	-2,10

*жирным шрифтом отмечены показатели, имеющие значимые различия в исследуемых группах ($p \leq 0,01$).

Преподаватели, таким образом, оценивают значимо выше информационное влияние через соцсети и Интернет в целом. Разрушение традиций и социальных норм также является, по мнению преподавателей, более значимым фактором риска, чем считают студенты.

Результаты корреляционного анализа оценок респондентами внешних рисков образовательной среды показали следующее. В группе преподавателей выявлена взаимосвязь группы факторов «формирование негативных образцов агрессивного поведения», «негативное влияние радикальных «сайтов ненависти» в сети Интернет», «влияние экстремистской идеологии и вовлечение в несанкционированные протестные акции», а также корреляция факторов «утрата культурных традиций и привычных социальных норм», «загрязнение языка» и «формирование образцов поведения, чуждых нашей культуре» ($p \leq 0,01$). Таким образом, преподаватели рассматривают агрессивное поведение и экстремистскую идеологию в контексте информационного влияния, а утрату культурных традиций и изменение поведения как отдельный фактор, не связанный с первым.

Результаты исследования студентов показали другие корреляционные связи. По мнению учащихся, формирование негативных образцов агрессивного поведения связано с зависимостью от соцсетей. А влияние радикальных «сайтов ненависти» в сети Интернет связано с влиянием экстремистской идеологии, вовлечением в несанкционированные

протестные акции и утратой культурных традиций ($p \leq 0,01$). Соответственно, студенты связывают влияние экстремизма и ксенофобии с утратой традиционных ценностей.

Выводы. Таким образом, преподаватели вуза выше, чем студенты оценивают внешние риски образовательной системы, обусловленные действием социокультурных и информационных факторов. При этом они, в отличие от студентов, рассматривают как рядоположенные факторы информационного влияния и изменения ценностной системы общества. Студенты оценивают ниже информационные и культурные угрозы, но считают их взаимосвязанными.

Аннотация. В статье представлены результаты психолого-педагогического исследования рисков образовательной среды современного вуза. Рассмотрены внешние риски образовательной системы, обусловленные действием средовых факторов (социальными, политическими, идеологическими, экономическими факторами, воздействием СМИ). Результаты сравнительного исследования оценки внешних рисков образовательной среды студентами и преподавателями показали, что оценки рисков преподавателями значимо выше, при этом студенты и преподаватели связывают агрессивное поведение с разными факторами.

Ключевые слова: девиантное поведение, образовательная среда; риски образовательной среды; внешние факторы рисков.

Annotation. This article provides the results of psychological and pedagogical investigation of risks in learning environment of a modern higher education establishment. The environmental risks of education system were explained, which are being caused by the impact of environmental factors (social, political, ideological, economical, and media). The comparative analysis of external risks of a learning environment as assessed by students and teachers shows that the teachers assess the possibility of risk arising much higher, while both students and teachers associate bullying to different factors.

Key words: deviant behavior, learning environment, risks of learning environment, external risk factors.

Литература:

1. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Проблема патриотизма и толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. № 12. – С. 35-40.
2. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования № 1, 2008. – С. 65-86.
3. Безопасная образовательная среда: психолого-педагогические основы формирования, сопровождения и оценки: монография; под науч. ред. И.А. Басовой, С.В. Тарасова. – СПб.: ЛОИРО, 2014. – 269 с.
4. Лялюк А.В., Тучина О.Р. Риски образовательной среды современного вуза // Инновационные процессы в высшей школе: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет». – Краснодар: Изд. ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2018. – С. 113-115.
5. Фоменко Г.Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление, 2010. №1. – С. 83-99.
6. Доница О.И., Ковардакова М.А. Основные подходы к формированию профессиональной готовности специалистов социальной сферы к организации педагогической поддержки детей-мигрантов // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 55-2. – С. 162-170.

7. Mitin S. N., Shukshina L. V., Bazhdanova Y. V., Koretskaya I. A., Vasyakin B. S. Value and meaning attitudes as a factor of forming tolerant ethnic consciousness in the multicultural milieu of a higher education institution//Eurasian Journal of Analytical Chemistry. – 2017. Vol. 12. No. 7b. P. 1193-1200 DOI: 10.12973/ejac.2017.00244a.

УДК 378.147

«СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ» КАК ИНТЕРАКТИВНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Муллаширов Руслан Нариманович,

старший преподаватель,

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Симферополь

Постанова проблемы. В современном образовательном процессе все более сложным становится механизм вовлечения студентов в учебный процесс. В связи с этим способы передачи, информации, знаний, умений и навыков требуют постоянного совершенствования, обновления и поиска новых подходов.

В большинстве случаев процесс обучения юристов реализуется традиционно: лекция – семинар, где доминирующую роль занимает преподаватель. При традиционном подходе студент становится пассивным субъектом взаимодействия. Для привлечения студентов-юристов к более активным формам взаимодействия необходимо помимо традиционных методов применять интерактивные формы обучения.

Модернизация юридического образования связано с различными обстоятельствами:

- 1) социально-экономическими преобразованиями, происходящими в современном обществе;
- 2) повышением уровня требований к качеству подготовки юристов;
- 3) поиском новых образовательных технологий;
- 4) адаптацией отечественного образования к общемировым образовательным стандартам.

Несомненно, в процессе подготовки юристов нельзя отказываться от традиционных форм обучения. В образовательном процессе необходимо создавать условия для целостного и системного синтеза традиционных и интерактивных форм обучения с учетом современных тенденций развития технологий подготовки [1]. В юридических вузах России такой подход уже реализуется, но целевое его использование не сформировано. Важно отметить, что особенности использования деловых игр для формирования профессиональных компетенций юриста раскрыли в своих трудах Борейчук А.В., Латыпова К.С., Нариманова Н.Р., Репин А.В., Хайрутдинова Р.Р., Цимбалюк В.И., Шабалина Е.Л.

Цель статьи: проанализировать игру «Судебное заседание» как интерактивную форму обучения студентов-юристов в Крымском филиале Российского государственного университета правосудия.

Изложение основного материала исследования. Интерактивный метод является современной формой активного метода обучения. Интерактивный ("inter" – взаимный, "act" – действовать) означает взаимодействовать, то есть в отличие от классического активного метода, интерактивный направлен на более широкое взаимодействие студентов не только с педагогом, но и друг с другом, при котором активность студентов в образовательном процессе является доминирующей.

Интерактивное обучение юристов способствует формированию неординарного мышления, позволяет выявлять проблемные ситуации и пути их решения, аргументировать свои позиции и взгляды, уметь сотрудничать, вступать в партнерское общение, проявлять

толерантность к своим оппонентам.

Важно отметить, что посредством интерактивных форм обучения у будущих юристов формируются профессиональные умения социального взаимодействия в сфере профилактики девиантного поведения детей и молодежи, что значимо в связи с ростом количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

В Крымском филиале Российского государственного университета правосудия при обучении студентов активно применяются и внедряются элементы инновационных интерактивных технологий – проблемная лекция, лекция-провокация, бинарная лекция, лекция-визуализация, лекция «пресс-конференция», лекция-диалог, контролируемые и обучающие программы, сюжетные, ролевые, деловые, имитационные, дидактические или образовательные игры, презентации и др.

Одной из действенных форм, применяющихся в Крымском филиале, является учебная игра – «Судебное заседание». В вузе оборудован специальный зал для проведения судебных заседаний, с соответствующей мебелью, элементами визуализации и техническим оборудованием. Учебная игра проводится со студентами 3-го курса в ходе образовательного процесса по дисциплинам «Уголовный процесс» и «Гражданский процесс».

«Судебное заседание» позволяет студентам получить представление о сущности судебного процесса, понять механизм судебных прений, понять роли всех субъектов судебного заседания, развить умения работать и взаимодействовать в коллективе, команде.

Кроме того, моделирование определенных ситуаций позволяет будущим юристам закрепить знания и сформировать умения, в том числе и в социально-психологическом сопровождении несовершеннолетних в суде.

Учебный суд проводится в строгом соответствии с процессуальным порядком гражданского или уголовного судопроизводства, так как это создает реальное осознание судебного процесса и повышает качество образовательного процесса.

Успешная реализация данной интерактивной формы происходит благодаря следующим условиям:

1) преподаватели вуза обладают высоким уровнем практической подготовки и имеют реальный опыт участия в судебных разбирательствах [2];

2) студенты, участвующие в игре, имеют хорошую теоретико-практическую подготовку [3];

3) в ходе судебного заседания имеет место неразрывная связь игры с изучаемыми темами по «Гражданскому процессу» и «Уголовному процессу».

«Судебное заседание» условно состоит из трех этапов: подготовка, проведение и подведение итогов. Первый этап подразумевает организацию проведения учебного суда, в ходе которого студенты заранее на практических занятиях повторяют соответствующий материал, функциональные особенности всех субъектов судебного заседания (судья, прокурор, адвокат, подозреваемый, потерпевший, свидетель и др.), составляют процессуальные документы.

На втором этапе происходит рассмотрение и разрешение дела по существу. Игра проводится в обстановке и условиях, которые максимально приближены требованиям уголовного или гражданского процессуального закона Российской Федерации. В процессе судебного разбирательства происходит видеофиксация судебных прений, что позволяет выявить и обсудить те или иные допущенные ошибки на любом этапе игры – как в процессе, остановив видеозапись, так и подводя итог игры.

В ходе проведения игры реализуются все действия, которые применяются в реальных судебных разбирательствах – отводы судей и других участников процесса, удаление из зала судебного заседания, передача дела в другой суд и т.д. Заканчивается игра вынесением судебного решения по рассматриваемому делу.

На третьем этапе происходит разбор всей проделанной работы, в ходе которого преподаватель оценивает действия каждого студента, выявляются все положительные и отрицательные моменты учебного суда. В процессе оценивания участников судебного

заседания учитывается правильное применение всех процессуальных норм, знание нормативно-правовой базы, соблюдение судебной, адвокатской этики.

Выводы. Таким образом, активное применение игры «Судебное заседание» в образовательном процессе юристов Крымского филиала Российского государственного университета как интерактивной формы обучения позволяет студентам закрепить и использовать знания об институтах, законодательстве, процессуальном статусе участников, понятиях и свойствах доказательств уголовного и гражданского судопроизводства, продемонстрировать свои практические умения оперировать процессуальными категориями, взаимодействовать со всеми участниками судебного процесса, квалифицировать различные виды преступлений и правонарушений, составлять процессуальные документы, анализировать факты и обстоятельства по рассматриваемому делу.

Аннотация. В статье рассмотрено содержание и особенности проведения деловой игры «Судебное заседание о» в Крымском филиале Российского государственного университета правосудия, которая является действенной интерактивной формой обучения будущих юристов к их будущей профессиональной деятельности. Данный метод обучения позволяет студенту познать сущность судебного разбирательства не только как наблюдателю, но и в роли участника судебного заседания.

Ключевые слова: судебное заседание, обучение, интерактивная форма, взаимодействие, юрист, метод обучения.

Annotation. The article discusses the content and features of the business game "Court Session on" in the Crimean branch of the Russian State University of Justice, which is an effective interactive form of training future lawyers for their future professional activities. This training method allows the student to learn the essence of the trial not only as an observer, but also as a participant in the court session.

Keywords: court session, training, interactive form, interaction, lawyer, training method.

Литература:

1. Глузман Ю.В. Практическая подготовка студентов в рамках сетевой магистерской программы // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2018. – № 1 (41). – С. 135-141.
2. Нариманова Н.Р. Особенности проведения практического занятия по дисциплине «уголовный процесс» в форме деловой игры // В сборнике: «Наука и инновационные образовательные технологии: современные концепции». Материалы V Всероссийской (национальной) научно-методической конференции. – Ставрополь, 2019. – С. 83-84.
3. Хайрутдинова Р.Р. Модель формирования профессиональной компетентности юристов средствами деловых игр // Высшее образование сегодня. – 2011. – № 5. – С. 53-58.

УДК 371.94

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ

Поникарова Валентина Николаевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры дефектологического образования
ФБГОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец

Постановка проблемы. В настоящее время понятие «копинг-поведение» рассматривается как индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями [1, с. 45].

Под «копингом» подразумеваются постоянно изменяющиеся когнитивные, эмоциональные и поведенческие попытки справиться со специфическими внешними и внутренними требованиями, которые оцениваются как напряжение или превышают ресурсы человека с ними справиться. Существенной особенностью копинг-поведения является его способность не только разрешать проблемную ситуацию, но и изменять личность человека, который использует копинг-поведение.

Особенно актуальной проблема формирования копинг-поведения является для специалистов, чья профессиональная деятельность связана с лицами, имеющими девиантное поведение, в т.ч. с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) [2, с. 557].

Исследование проводилось в период с 2007 по 2017 гг. Генеральная совокупность выборки составила более 1500 человек, репрезентативная выборка – 752 человека. Результаты, полученные нами в ходе лонгитюдного исследования, показывают, что примерно 15-25% респондентов могут быть отнесены к группе риска по развитию эмоционального и профессионального выгорания, профессиональной деформации дезадаптации. Эти испытуемые характеризуются трудностями выбора продуктивных стратегий разрешения проблемных ситуаций в профессиональной деятельности, экстернальным или выраженным интернальным локусом контроля, низким уровнем фрустрационной толерантности.

По разработанной нами типологии копинг-поведения респонденты относятся преимущественно к типу краш-копинга [4, с. 35].

Целью статьи является структурная и содержательная характеристика тренинга, направленного на формирование копинг-поведения. Тренинг является составной частью педагогической системы формирования продуктивного профессионального копинг-поведения педагогов и специалистов, чья профессиональная деятельность связана с коррекцией и профилактикой девиантного поведения детей и молодежи.

Изложение основного материала исследования. Нами разработано содержание тренинга по формированию продуктивного профессионального копинг-поведения для специалистов системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи.

Тренинг охватывает следующие направления:

- диагностическое,
- реконструктивное,
- рефлексивное.

Цель диагностического направления состоит в выявлении особенностей профессионального копинг-поведения специалистов, которые работают в системе профилактики девиантного поведения детей и молодежи.

Для реализации данного направления нами поставлены следующие задачи: выявить типологию профессионального копинг-поведения; отследить динамику ее изменения, дать оценку эффективности тренинга.

Реконструктивное направление предполагает непосредственно формирование продуктивного профессионального копинг-поведения через систему тренинговых занятий, семинаров-практикумов, мастер-классов, консультаций.

Задачи формирования продуктивного профессионального копинг-поведения предполагают развитие:

- профессионального самоопределения – формирование ценностных ориентаций: осознание значимости деятельности специалиста, формирование мотивов профессионального самосовершенствования;

- профессионального саморазвития – формирование системы знаний по феноменологии копинг-поведения: долговременный характер, направленность на изменение ситуации и личностный рост, поиск информации, пластичность, возможность обучения;

- профессионального мастерства – формирование умений дифференциации непродуктивного, относительно продуктивного и продуктивного профессионального копинг-

поведения в ситуациях, связанных с деятельностью; направленность на осмысление собственного копинг-поведения;

- профессиональной креативности – формирование умений адекватного выбора и (при необходимости) изменение паттернов продуктивного профессионального копинг-поведения в ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью [5].

Система тренинговых занятий охватывает четыре основных модуля: феноменология проблемной ситуации; феноменология копинг-поведения; феноменология контекстов копинг-поведения; формирование продуктивного копинг-поведения у специалистов.

Нами разработаны и реализованы разные варианты тренинга формирования продуктивного профессионального копинг-поведения. стационарный вариант, мобильный вариант и экспресс-вариант.

Стационарный вариант предполагает тренинговые занятия в соответствии с тематикой каждого модуля, количество тренингов может варьироваться от двух до четырех. При необходимости тренинги могут быть дополнены семинарами-практикумами, мастер-классами, консультациями. По окончании курса тренинговых занятий проводится итоговая деловая игра. Продолжительность курса составляет от шести до девяти месяцев. Частота сессий составляет 1 – 2 раза в месяц в течение учебного года. Продолжительность сессии – до 3 академических часов. Тренинговые группы при этом являются закрытыми.

Мобильный вариант может включать четыре тренинговых занятия по тематике каждого модуля: «Проблемная ситуация как она есть», «Копинг-поведение... Это что?», «Контексты копинг-поведения... Это как?», «Профессиональное копинг-поведение... Это для меня!». При этом половина тренинговых занятий может быть заменена на аналогичные семинары-практикумы или мастер-классы. По заявке клиентов могут проводиться консультации и итоговая деловая игра. Продолжительность курса составляет до шести месяцев при частоте сессий 1 раз в месяц в течение учебного года. Продолжительность сессии – до 2 академических часов. Тренинговые группы при этом являются полузакрытыми.

Экспресс-вариант чаще включает только семинары-практикумы и/или мастер-класс(ы). По желанию клиентов может проводиться итоговая деловая игра. Продолжительность курса и частота сессий определяется согласно требованиям клиента. Минимальная продолжительность сессии при этом – 1 академический час. Тренинговые группы при этом являются открытыми.

Структура тренингового занятия включает ритуал приветствия, игры (задания) на групповое взаимодействие (1 игра или 2 задания); диагностическая методика, упражнения в соответствии темой тренинга (2-3 упражнения), релаксация, рефлексия, ритуал прощания.

Рефлексивное направление реализуется через методические особенности проведения структурных компонентов занятия. Каждое задание и упражнение, диагностическая методика предполагает рефлексивный компонент. Он может быть реализован индивидуально, может обсуждаться в группе и/или с тренером.

Рефлексия также проводится после каждого структурного элемента занятия. Участие в рефлексии добровольное. Структура занятия может быть дополнена домашним заданием. Как правило, это работа с индивидуальным портфолио.

Портфолио является важным элементом формирования продуктивного копинг-поведения. Портфолио представлено в печатном, рукописном или электронном варианте. В случае использования тренинга как составной части повышения квалификации специалистов, портфолио является одним из видов отчетности участника тренинга, на основании которой выдается свидетельство о повышении квалификации.

Но основное предназначение портфолио – инструмент личностного развития, показатель динамики личностных ресурсов (контекстов) участника тренинга. Портфолио служит для подведения промежуточных результатов и итога прохождения тренинга. Портфолио отражает не только персональные достижения, но и вскрытые проблемы, а также индивидуальные пути их решения, приемы и рекомендации, которые апробированы пользователем и могут быть транслированы другим участникам тренинга.

Для каждого модуля разработана своя рабочая тетрадь «PROкопинги» [3, с. 222].

Каждая рабочая тетрадь включает мини-лекцию, задания, упражнения, проективные и диагностические методики, рекомендации, список литературы, глоссарий.

Содержание рабочей тетради носит интерактивный характер, предполагая наличие активной обратной связи. Рабочая тетрадь используется как в печатном, так и в электронном варианте, что увеличивает ее диагностический и рефлексивный потенциал.

Материал мини-лекции может использоваться по прямому назначению, т.е. давать пользователю новую информацию, расширять уже имеющиеся знания, дополнять и систематизировать их. Материал мини-лекции может быть представлен в виде традиционной лекции, презентации, может быть предложен для самостоятельного ознакомления с последующей дискуссией или диспутом. Подача материала может также осуществляться в формате панельной дискуссии. Формы работы с информацией мини-лекции предполагают индивидуальный, групповой, коллективный формат. При необходимости мини-лекция может выступать в качестве консультационного материала.

Письменное выполнение заданий и упражнений также позволяет «развести» проблему и личность, зафиксировать и визуализировать персональные ресурсы. Это разрешает возвращаться к материалу и оценивать полученные результаты «на расстоянии».

Диагностические методики позволяют оценить различные контексты копинг-поведения: ценностно-мотивационный (отношение к профессиональной деятельности), когнитивный (типология проблемных ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью, профессионально-важные качества, уровень субъективного контроля), собственно поведенческий (выбор копинг-стратегий в определенной ситуации) и аффективный (факторы риска, уровень фрустрационной толерантности).

В печатном варианте использования рабочей тетради рефлексия может быть зафиксирована пользователем письменно, что помогает осознанию проблемы, а также возможных ресурсов ее разрешения.

Глоссарий дает пользователю возможность его дополнять новыми понятиями в соответствии с новыми сведениями. Материал для глоссария также может быть использован для анализа как самим клиентом, так и тренером, для оценки предпочтений пользователя, зоны его интересов.

Обобщение полученных данных позволяет оценить индивидуальный стиль копинг-поведения – индивидуальные предпочтения в выборе копинг-стратегий, а также типологию копинг-поведения – креатив-копинг, смэш-копинг, адаптив-копинг, краш-копинг.

Наиболее благоприятными типами копинг-поведения являются смэш-копинг и адаптив-копинг. Креатив-копинг можно отнести к условно благоприятному типу, т.к. представители этого типа предпочитают риск в разрешении проблемных ситуаций, использование неординарных копинг-стратегий и чрезмерно расширенный репертуар копинг-поведения.

Краш-копинг является наименее благоприятным типом копинга в основном за счет неэффективного использования личностных ресурсов – преимущественно экстернального локуса контроля, высокой конфликтности, низкого уровня фрустрационной толерантности.

Диагностические методики подобраны по принципу удобства, простоты и возможности мобильной оценки актуального состояния пользователя по принципу «здесь и сейчас». Вместе с тем полученные результаты дают возможность их сравнения в течение определенного периода времени, что позволяет оценить динамику той или иной характеристики копинг-поведения.

Выводы. Таким образом, педагогическая система представляет собой сочетание практического и теоретического компонентов в виде тренингов, вебинаров, семинаров-практикумов, мастер-классов, консультаций, разработанных и проведенных для педагогов и специалистов образования, соцзащиты, сопровождения Вологодской области, СЗФО России.

Теоретический материал обобщен в виде тезисов, статей, монографий, учебных и учебно-методических пособий, рабочих тетрадей.

Педагогическая система представляет собой эффективную практику и технологию работы с педагогами и специалистами, чья профессиональная деятельность связана с работой с лицами, имеющими девиантное поведение.

Курс тренинговых занятий позволяет сформировать не только теоретические знания, но и реальные паттерны продуктивного копинг-поведения и использовать их для разрешения проблемных ситуаций, возникающих в профессиональной деятельности специалистов. Курс тренинговых занятий служит для развития высокоэффективной и конкурентоспособной личности. Основное направление тренингового процесса заключается в учете личностных и поведенческих особенностей специалистов: продуктивность, стилевые особенности копинг-поведения, риски развития профессиональной и личностной дезадаптации.

Аннотация. Нами разработана педагогическая система формирования копинг-поведения педагогов и специалистов. Составной частью системы является курс тренинговых занятий. Мы использовали теоретические и практические методы исследования. Полученные результаты позволяют выстроить методически эффективную практику формирования продуктивного профессионального копинг-поведения.

Ключевые слова: копинг-поведение, педагогическая система, направления формирования копинг-поведения, рабочая тетрадь.

Annotation. We have developed a pedagogical system for the formation of coping behavior of teachers and specialists. An integral part of the system is a course of training sessions. We used theoretical and practical research methods. The obtained results allow us to build a methodically effective practice of forming productive professional coping behavior.

Keywords: coping behavior, pedagogical system, directions of formation of coping behavior workbook.

Литература:

1. Нартова-Бочавер С.К. Копинг-поведение в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – № 4. – С. 45-57.
2. Поникарова В.Н. Динамика выбора стратегий совладания педагогами инклюзивного образования / В.Н. Поникарова // Resonances science: Proceedings of articles the III International scientific conference. Czech Republic, Karlovy Vary – Russia, Moscow, 2018 November 07-08 [Electronic resource] / Editors prof. N.N. Masjuk. – Electron. txt. d. (1 file 6.6 MB). – Czech Republic, Karlovy Vary: Skleněný Můstek – Russia, Kirov: MCNIP, 2018. – С. 557-569.
3. Поникарова В.Н. Использование дидактического комплекса «Рабочая тетрадь» в процессе формирования готовности специалистов к организации образовательного процесса для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья / В.Н. Поникарова // Комплексное сопровождение образования и профессионального становления инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья: материалы Международной научно-практической конференции (г. Череповец, 8-9 декабря, 2016 г.) / Череповец. гос. ун-т, Ин-т педагогики и психологии, Ресурс. центр поддержки обучающихся с ОВЗ и работающих с этой категорией лиц, Каф. дефектолог. образования [под ред. О.Л. Лехановой]. – Череповец: ЧГУ, 2016. – С. 222-226.
4. Поникарова В.Н., Покудина Т.Н. Особенности индивидуально-дифференцированного подхода в формировании копинг-поведения педагогов // General question of world science: Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference 30.03.19, Ed. SIC «Science Russia», 2019 – p. 31-35.
5. Поникарова В.Н. Профессиональное копинг-поведение педагогов – модель и технологии сопровождения: монография / В.Н. Поникарова – Канада, Гамильтон, Ascent Graphics Communication & Publishing, Premier Publishing – 2018. – 188с.

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ ПЕДАГОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПОДРОСТКОВ

Проничева Мария Михайловна,

младший научный сотрудник Лаборатории психогигиены и психопрофилактики
ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России,
г. Москва

Булыгина Вера Геннадьевна,

доктор психологических наук, руководитель Лаборатории психогигиены и
психопрофилактики
ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России,
г. Москва

Постановка проблемы. В качестве внешних условий психического развития, способствующих адекватной социализации ребенка, выступают другие люди. Так, расстройства поведения рассматриваются как нарушения социальных норм [5, 6, 7], формирующиеся под влиянием социально-психологических и клинко-психопатологических факторов, среди которых важное место занимают социальное и семейное окружение [4]. Успешность социализации детей и подростков в значительной мере обусловлена не только адаптивными родительскими практиками, но и зависит от адекватности представлений родителей о нормовозрастных симптомах и поведенческих расстройствах.

Среди социально-обусловленных заболеваний у детей и подростков выделяют психотические расстройства, связанные с употреблением алкоголя, в том числе и синдром зависимости от алкоголя; синдром зависимости от наркотических веществ и синдром зависимости от ненаркотических веществ. При этом отмечается, что у 40% детей школьного возраста наблюдаются заболевания, требующие психосоциальной адаптации, а не медикаментозного лечения (ВОЗ, 2016).

Возникновение поведенческих расстройств у подростков связывают со стилем воспитания в родительской семье [1, 4, 7]. Показано, что реализуемые родителями воспитательные практики, их структурный и содержательный компоненты, существенно влияют на нарушения социализации ребенка [3, 8]. Одним из психологических факторов, определяющим генез ряда расстройств как соматического, так и психического характера, в детском и подростковом возрасте, является семейная дисфункция (конфликтные взаимоотношения, воспитание по типу гиперопеки и ограничивающего контроля, эмоциональное отвержение ребенка, симбиотическая связь с одним из родителей и др.) [2].

Вовлеченность родителей в жизнь ребенка определяется их информированностью о психологических и поведенческих особенностях ребенка, а также количеством времени, проводимого в общении с ребенком. При этом отмечается, что информированность матери оказывает большее влияние на поведение ребенка в школе и коррелирует с социально-экономическим статусом семьи [9].

Семья, являясь одним из наиболее значимых институтов социализации, способствует формированию усваиваемых социальных норм, а также оказывает значительное влияние на представления о детско-родительских отношениях. Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис подчеркивают, что семейные представления имеют не только свою содержательную специфику, но и различны по степени своей активации. Иными словами, при столкновении с какой-либо проблемой человек «вспоминает» определенный поведенческий паттерн, уже заложенный в его опыте и, исходя из него, принимает решение [10].

Таким образом, знания родителей о специфике индивидуального развития ребенка в норме и при расстройствах поведения необходимы для выработки адекватных родительских стратегий и тактик взаимодействия с профильными специалистами, к которым можно отнести педагогов.

Целью статьи является выделение особенностей осведомленности родителей и педагогов об эмоциональных и поведенческих проблемах подростков.

Изложение основного материала исследования. В исследовании приняли участие педагоги общеобразовательных школ (50 человек) и 38 родителей детей с расстройствами психологического развития (F84.8, МКБ – 10) и с отсутствием диагноза (условная норма). Средний возраст обследованных специалистов $41,33 \pm 7,53$ (от 31 до 53 лет); родителей – $41,00 \pm 7,9$ (от 31 до 63 лет). Количество детей в семьях варьируется от 1 до 3.

Для достижения поставленной цели использовался диагностический комплекс, включающий в себя методики, направленные на оценку осведомленности специалистов и родителей об эмоциональных и поведенческих проблемах подростков, а также на выделение особенностей отдельных механизмов социальной перцепции (эмпатия, рефлексия).

«Тест эмоционального интеллекта (ЭИ) Люсина» позволяет оценить механизм идентификации.

«Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна направлена на анализ общих эмпатических тенденций (уровень выраженности способности к эмоциональному отклику на переживания другого, степень соответствия/ несоответствия знака переживаний объекта и субъекта эмпатии).

Методика «Самооценка уровня онтогенетической рефлексии» позволяет изучить уровень онтогенетической рефлексии.

Проверочный лист Т. Ахенбаха (адаптация Корниловой Т.В., Григоренко Е.Л., Смирнова С.Д., 2005) является методом экспертных оценок и включает в себя девять шкал: «Замкнутость», «Соматические проблемы», «Тревожность», «Нарушения социализации», «Проблемы мышления», «Проблемы с вниманием», «Делинквентное поведение», «Агрессия», «Общий показатель проблем».

«Диагностика предрасположенностей ребенка к употреблению психоактивных веществ (ПАВ)» позволяет составить объективно-вероятностную картину предрасположенности подростка к употреблению наркотических веществ.

Тест Кимберли-Янг на интернет-зависимость (Internet Addiction Test, IAT) (Янг К., 1994) представляет собой инструмент самодиагностики патологического пристрастия к интернету.

Опросник «Риск химической зависимости» (Хриптович В.А., 2013). Позволяет выявить склонных к формированию химической зависимости подростков на основании выраженности у них личностных характеристик, соответствующих психологическому портрету зависимой от ПАВ личности.

Шкала самооценки депрессии Цунга (Цунг У., 1965, адаптация Балашовой Т.И., 1992) позволяет определить степень депрессивного расстройства.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью дескриптивного анализа, сравнения независимых выборок по критерию U-Mann-Whitney. Анализ данных проводился с помощью статистических пакетов SPSS 17.0, IBM SPSS Statistics v22, Microsoft Office Excel 2013.

Результаты исследования показали, что значительная часть специалистов (54%) не относят детей с диагнозом расстройства психологического развития в группу риска употребления психоактивных веществ. Также в группу риска употребления ПАВ не относят своих детей 47% родителей. При этом следует отметить, что 37% родителей считают, что необходимо уделять особе внимание к поведению их ребенка, т.к. существует вероятность его отнесения к группе риска употребления психоактивных веществ, тогда как только 23% педагога отметили данную степень риска. Высокую степень вхождения в группу риска употребления ПАВ отмечают 23% специалистов и 16% родителей.

Было выявлено, что в 43,8% родители отмечают наличие у своих детей проявлений интернет зависимости; в 37,5% – сформированной интернет зависимости; и лишь в 18,8% – отсутствие проявлений интернет зависимости (рис. 1). Было также выявлено, что 53,1%

родителей оценивают своих детей, как не входящих в группу риска формирования химической зависимости (рис. 1).

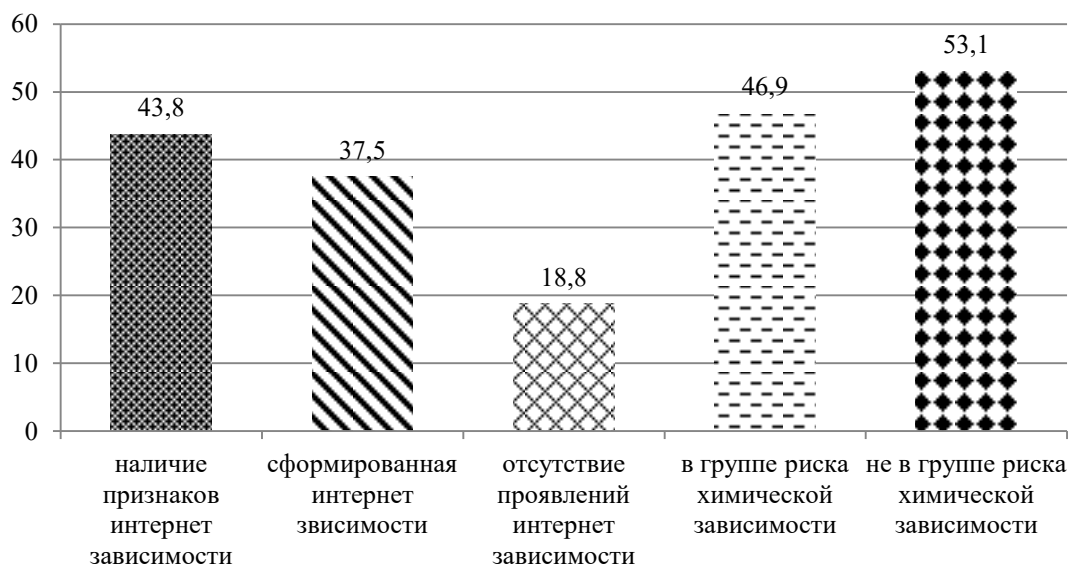

Рис. 1. Оценка проявлений интернет зависимости и риска химической зависимости детей обследованных (%)

Для выявления значимых различий между оценкой родителями своих детей в зависимости от наличия или отсутствия у них заболевания был применен критерий U Манна-Уитни (табл.1). Результаты анализа показали, что существуют значимые различия по переменным «интернет зависимость», «риск возникновения химической зависимости», шкалам «Замкнутость», «Нарушение социализации», «Проблемы с вниманием», «Делинквентное поведение», «Агрессия», «Общий показатель проблем» и «Самооценка депрессии» (табл. 1). Значимо высокие показатели по этим шкалам обнаружены в группе родителей детей с диагнозом расстройства психологического развития.

Таблица 1. Сравнение показателей восприятия родителями своих детей (критерий U Манна-Уитни)

Название шкалы	Группа		p ≤
	Родители детей без заболевания	Родители детей с диагнозом расстройства психологического развития	
Замкнутость	12,8	22,7	0,05
Нарушение социализации	11,4	25,0	0,05
Проблемы с вниманием	10,4	25,9	0,05
Делинквентное поведение	12,4	23,4	0,05
Агрессия	11,7	24,5	0,05
Общий показатель проблем	11,3	25,2	0,05
Самооценка депрессии	11,4	25,1	0,05
Интернет зависимость	12,3	23,5	0,05
Риск химической зависимости	12,2	23,7	0,05

Специфические характеристики восприятия родителями своих детей были выделены с помощью однофакторного дисперсионного анализа (рис. 2).

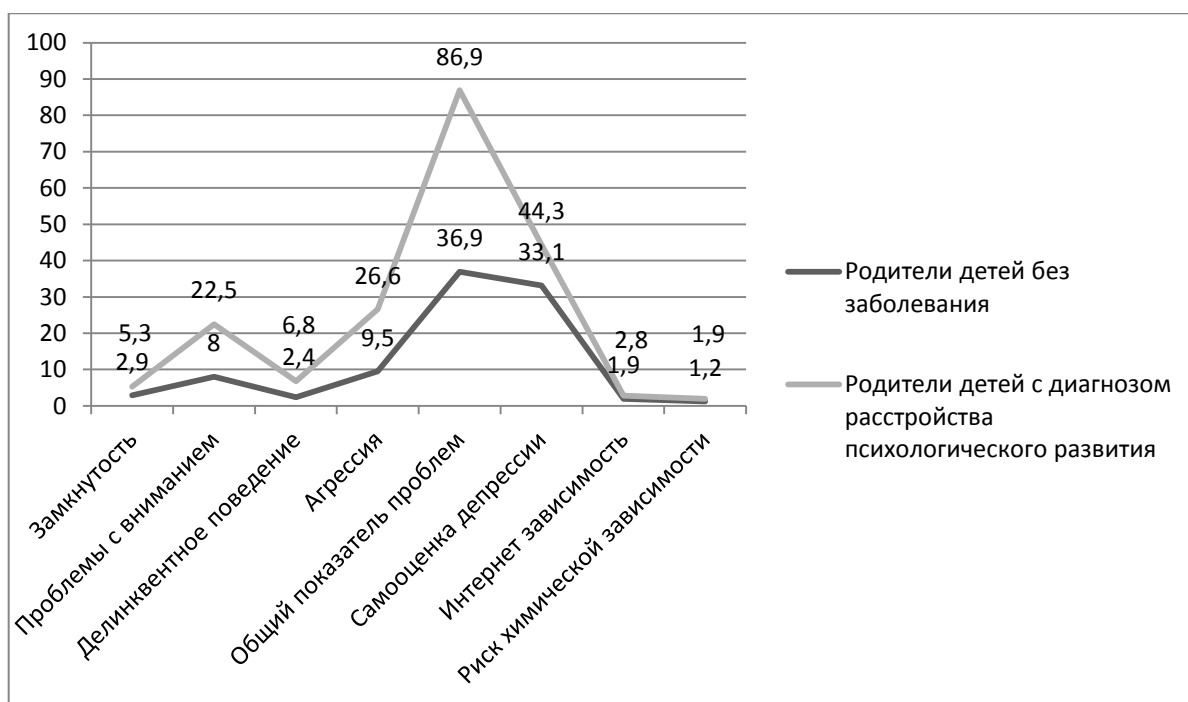

Рис. 2. Специфические характеристики восприятия родителями своих детей (средние показатели, $p \leq 0,05$)

Родителей детей с психологическими расстройствами развития отличают значимо высокие показатели по следующим параметрам «Замкнутость», «Проблемы со вниманием», «Делинквентное поведение», «Общий показатель проблем», «Самооценка депрессии», интернет зависимость и риск химической зависимости.

Для определения разницы восприятия детей специалистами и родителями был применен критерий U Манна-Уитни.

Были выявлены значимые различия по переменным «Понимание чужих эмоции», «Межличностный интеллект» и «Понимание эмоций» в группах специалистов и родителей (табл. 2).

Таблица 2.

Сравнение показателей восприятия специалистами и родителями (критерий U Манна-Уитни)

Шкала	Статистика U Манна-Уитни	Асимпт. знч. (двухсторонняя)
Понимание чужих эмоций	54,500	,008
Межличностный интеллект	64,000	,022
Понимание эмоций	59,000	,013

Анализ полученных данных показал, что в группе специалистов значимо высокие показатели по выделенным параметрам по сравнению с родителями (рис. 3).

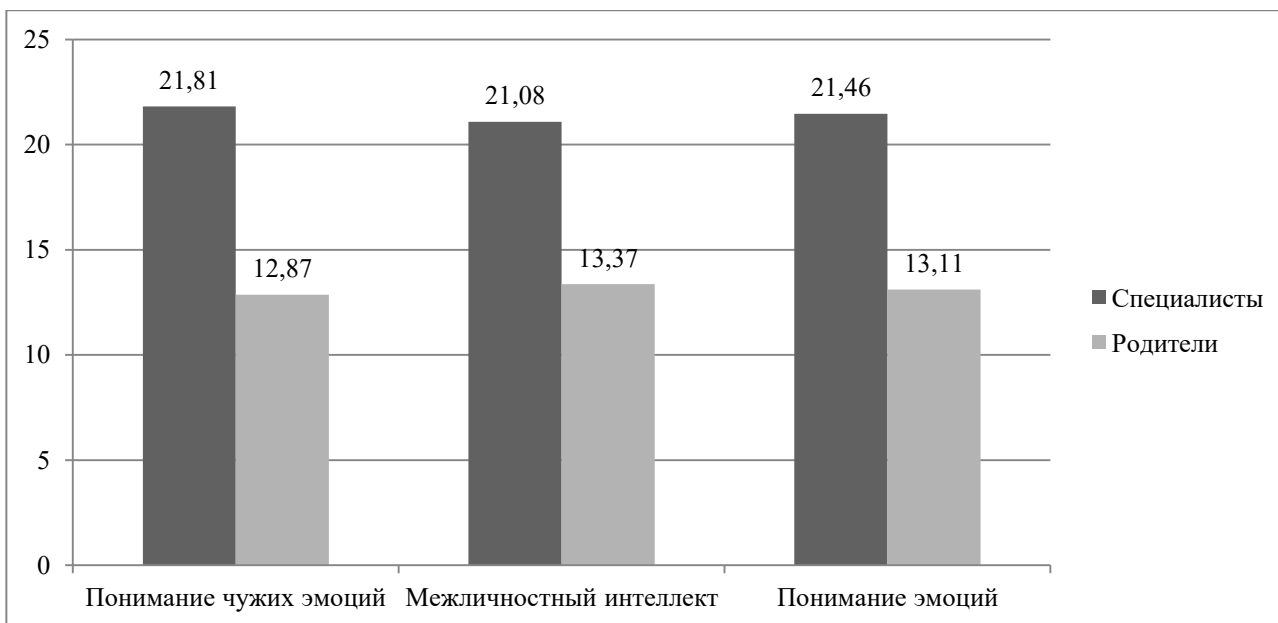

Рис. 3. Специфические характеристики восприятия специалистами и родителями детей (средние показатели, $p \leq 0,05$)

Педагогам легче, чем родителям, понимать эмоциональное состояние ребенка на основе каких-либо внешних проявлений эмоций (мимика, жестикация, звучание голоса) и/или интуитивно. У них также более развита способность к пониманию собственных эмоциональных переживаний, эмоциональных переживаний другого человека и навык управления эмоциональным состоянием другого человека.

Выводы. Полученные результаты указывают на то, что педагоги могут распознавать, идентифицировать и выстраивать причинно-следственные связи появления эмоций у подростков лучше, чем их родители. Специалистам легче, чем родителям, контролировать свои эмоции и управлять ими, что позволит выстраивать эффективное взаимодействие с ребенком. Таким образом, представляется перспективным дальнейшее изучение специфики восприятия родителями и специалистами поведения ребенка в норме и при расстройствах поведения, что позволит разрабатывать психопрофилактические программы в образовательной среде, а также программы психологического сопровождения семей с детьми с отклоняющимся поведением.

Аннотация. В статье представлены данные исследования, направленного на выделение особенностей осведомленности родителей и педагогов об эмоциональных и поведенческих проблемах подростков. Были обследованы педагоги общеобразовательных школ (50 человек) и 38 родителей детей с расстройствами психологического развития и с отсутствием диагноза. Диагностический комплекс включал следующие методики: «Тест эмоционального интеллекта (ЭИ) Люсина»; «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна; методика «Самооценка уровня онтогенетической рефлексии»; проверочный лист Т. Ахенбаха (адаптация Корниловой Т.В., Григоренко Е.Л., Смирнова С.Д., 2005); «Диагностика предрасположенностей ребенка к употреблению психоактивных веществ (ПАВ)»; тест Кимберли-Янг на интернет-зависимость; опросник «Риск химической зависимости» (Хриптович В.А., 2013); шкала самооценки депрессии Цунга. Было выявлено, что специалистам легче, чем родителям, понимать эмоциональное состояние ребенка на основе каких-либо внешних проявлений эмоций; у них также более развита способность к пониманию собственных эмоциональных переживаний.

Ключевые слова: информированность, педагоги, расстройства психологического развития, социализация, родительское восприятие

Annotation. The article presents the results of the research aimed to identify the awareness of parents and teachers about the emotional and behavioral problems of adolescents. 50 teachers of secondary schools and 38 parents of children with/without disorders of psychological development were examined. The diagnostic complex included the following methods: “The questionnaire on Emotional Intelligence” (EMIN, D.V. Lyusin); “The scale of emotional response” A. Mehrabyan and N. Epstein; methodology “Self-assessment of the level of ontogenetic reflection”; checklist T. Aachenbach (adaptation Kornilova T.V., Grigorenko E.L., Smirnova S.D., 2005); “Diagnosis of a child's predisposition to the use of psychoactive substances”; “The Internet Addiction Test” (IAT, Young); the questionnaire “The risk of established dependence” (Khriptovich V.A., 2013); Zung self-rating depression scale. It was found that for specialists it is easier than for parents to understand the emotional state of the child on the basis of any external manifestations of emotions. In addition, their ability to understand their own emotional experiences is also more developed.

Keywords: awareness, teachers, psychological development disorders, socialization, parental perception.

Литература:

1. Беляева Н.И. Влияние стиля семейного воспитания на формирование личности ребенка. IN SITU. №4. 2016.
2. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина: Кратк. учебн. / Пер с нем. Г.А. Обухова, А.В. Бруенка; Предисл. В.Г. Остроглазова. М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999.
3. Булыгина В.Г., Белякова М.Ю., Абольян Л.В. Влияние семейной дисфункции на психофизическое развитие детей и подростков. Педиатрическая фармакология. Т. 10. № 3. 2013.
4. Зайцева О.В. Социализация личности ребенка в условиях семейного образования. Педагогическое образование в России №6. 2015.
5. Корнилова Т.В. Подростки групп риска / Т.В. Корнилова, Е.Л. Григоренко, С.Д. Смирнов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018.
6. Лебединская К.С. Клинико-психологический анализ нарушений поведения у подростков (сообщение первое). Альманах Института коррекционной педагогики. Альманах № 9. 2005.
7. Разварина И.Н., Кондакова Н.А. Семья как социальный институт развития личности ребенка в подростковом и юношеском возрасте. Проблемы развития территории №6 (74). 2014.
8. Столин В.В., Бодалев А.А. и др. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика. 1989.
9. Чирков В.И. Межличностные отношения, внутренняя мотивация и саморегуляция. Вопросы психологии № 3. 1997.
10. Эйдемиллер Э.Г., Юцтискис В.В. Психология и психотерапия семьи. – СПб: Питер, 1999.

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ
ДЕПРИВАЦИОННЫХ РИСКОВ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ
ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ**

Просветова Татьяна Сергеевна,

доктор педагогических наук, профессор,
профессор 215 кафедры Военного учебно-научного центра
Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
Воронеж

Постановка проблемы: выявление социально-педагогических условий профилактики и коррекции депривационных рисков военно-профессиональной среды высшей военной школы на основе их дифференциации и соотнесения с конкретными средовыми характеристиками.

Цель статьи: обоснование социально-педагогических условий профилактики и коррекции депривационных рисков военно-профессиональной среды высшей военной школы.

Изложение основного материала исследования. К настоящему времени в работах отечественных исследователей (Е.Г. Алексеенкова [1], И.С. Бахтин [2], Л.Н. Бережнова [3], Й. Лангмейер, З. Матейчек [4], А.В. Межуев [5] и др.) выделены и обоснованы следующие виды деприваций: сенсорная (стимульная), социальная (идентичности), когнитивная (смысловая), эмоциональная (отношений), каждая из которых имеет определенные основания в специфических условиях военно-профессиональной среды высшей военной школы. Прежде чем выделить специфические характеристики военно-профессиональной среды и соотнести их, как потенциальные основания, с развитием определенного вида депривации, необходимо конкретизировать понятие «депривация», «депривационные риски». Под депривацией будет пониматься психическое состояние курсанта военного вуза, у которого отсутствуют возможности удовлетворения в достаточной мере жизненно важных потребностей продолжительное время, что может привести к различным отклонениям в его деятельности и поведении. Депривационные риски – это вероятностные возможности отклонений в деятельности и поведении курсантов военного вуза как объектов и субъектов военно-профессиональной среды.

Специфика военно-профессиональной среды военного вуза характеризуется, прежде всего, закрытостью и пространственно-временной ограниченностью свободы действий; регламентированностью, нормативностью и жестким контролем всех видов деятельности (учебной, внеучебной, служебной). Курсантские подразделения военных вузов состоят, как правило, из лиц одного пола. В соотнесении данных характеристик военно-профессиональной среды с определенным видом депривации исходим из теоретического положения о том, что значимой потребностью личностного развития является разнообразная средовая сенсорная стимуляция, способствующая построению когнитивных моделей взаимодействия со средой, которые должны не только сохраняться, но и корректироваться, что, собственно, и определяет не только формирование адекватных образов среды, но и адекватных моделей взаимодействия с ней, а также способствует развитию избирательности, оценочных суждений личности. Исходя из этого, можно констатировать, что сенсорная (стимульная) депривация, характеризующаяся ограниченным количеством сенсорных стимулов (слуховых, осязательных, зрительных) и их модальностью и отождествляющаяся с понятием «обедненная среда», обусловлена конкретными специфическими характеристиками военно-профессиональной среды военного вуза. Ее следствием становится нарушение познавательной деятельности курсантов (логическое мышление, произвольное внимание, речь, опосредованное запоминание), а также личностные и поведенческие

расстройства курсантов (стресс, дезориентация, страх, регрессивное поведение, повышение внушаемости, гипнабельности). В целом, сенсорная депривация проявляется в нарушении функционирования психики и поведения, а также выраженных расстройствах. Данные последствия применяются при вербовке, основной целью которой является внушение новых взглядов, ценностей и разрушение убеждений молодого человека. Вместе с тем, наряду с негативными последствиями сенсорной депривации, можно выделить и положительные. Прежде всего, изоляция (закрытость) среды военного вуза, способствует активизации воображения и развитию креативности.

Социальная (идентичности) депривация связана с ограничением возможности взаимодействия с социумом для усвоения социальных ролей. Данный вид депривации является следствием закрытости военного учебного заведения по отношению к социуму (внешней среде), Молодой человек, поступивший в военное учебное заведение, отрывается от привычных социальных сред (семья, друзья и др.), а значит от привычных стереотипов поведения, что приводит к отсутствию вариативности его социализации и обеднению системы значимых для него межличностных связей, выступающих регулятивами его поведения и деятельности. В ситуации социальной депривации особую актуальность приобретает потребность в общении. Однако социальная депривация возникает и в условиях постоянного общения с одним и тем же кругом лиц по возрасту и полу (курсантское подразделение), а также в условиях постоянной публичности, постоянном внимании со стороны своих коллег, командиров, а, значит, постоянном подавлении своих желаний и чувств, контроле эмоций, что, несомненно, приводит к агрессивности, несдержанности, неадекватной реакции, раздражительности и др. Данные состояния, в свою очередь порождают неврозы, депрессии и, в крайних ситуациях, суицид.

Когнитивная (информационная) депривация понимается как дефицит информации, а также как ее изменчивость, неупорядоченность, хаотичность, затрудняющая адекватное видение окружающего мира и возможность конструктивного действия в нем. Когнитивная депривация, являющаяся следствием закрытого характера среды военного вуза, и, соответственно, ограниченности информации, характеризуется отсутствием возможности понимания, объяснения и прогнозирования хаотично происходящего во внешней среде, без возможности придания происходящему смысла и упорядоченности, что препятствует созданию адекватных моделей окружающего мира. Отсутствие полного объема необходимой информации может привести к созданию искаженных связей между предметами и явлениями, а, следовательно, к ложным ценностям и убеждениям. Когнитивная депривация также может проявляться в образовательном процессе военного вуза (когда нарушается смыслообразующая его функция) и характеризоваться рассогласованием связей между мотивацией к учению и личностным смыслом в потребности достижения высокого уровня военно-профессионального образования, который не соотносится с жизненно-профессиональными ценностями курсанта. Отсутствие смысла у курсанта в достижении высоких результатов своей образовательной деятельности взаимосвязано с непониманием его значимости и для личностно-профессионального развития и для жизненных планов, в целом. Такая образовательная деятельность курсанта априори предполагает ее формальный характер, а значит, как следствие, удовлетворительный уровень успеваемости, «умственную лень», отсутствие инициативы, активности на занятиях.

Эмоциональная депривация или депривация эмоционального отношения основана на разрыве имеющихся ранее эмоциональных связей и недостаточной возможностью для их установления. Военно-профессиональная среда военного вуза в этом отношении характеризуется императивностью, нормативностью, иерархичностью, жесткой системой управления и контроля, категоризацией, что, по сути, потенциально порождает эмоциональную депривацию. Тогда как условием полноценного психического функционирования человека являются эмоциональные связи («психологические поглаживания»). Последствиями эмоциональной депривации могут являться апатия, различные фобии, депрессия.

Таким образом, депривация представляет многоаспектный феномен, зачастую взаимосвязанный по видам и, в этой связи, комплексный по характеру воздействия. Исходя из данной особенности, необходимо выделить социально-педагогические условия ее профилактики и коррекции в военно-профессиональной среде военного вуза. Среда – это совокупность условий, взаимодействующих и окружающих человека. Социально-педагогические условия – это совокупность возможностей военно-профессиональной среды (образовательной, предметно-пространственной), определяющей успешность процессов социализации, обучения, воспитания и личностно-профессионального развития курсантов.

Профилактика предполагает научно обоснованный и своевременно предпринимаемый комплекс мер социально-педагогического характера, направленный на минимизацию депривационных рисков специфики военно-профессиональной среды на личность курсанта с целью предупреждения отклонений в его поведении и деятельности. Коррекция рассматривается как способ минимизации и преодоления психофизиологических проблем через формирование соответствующих личностно-профессиональных качеств и моделей поведения педагогическими средствами в военно-профессиональной среде на основе учета характера и величины рассогласования между нормой и отклонением.

Итак, к социально-педагогическим условиям необходимо отнести:

1. Организацию образовательного процесса военного вуза на основе личностно-профессионального подхода, предполагающего актуализацию личностного смысла обучения для курсантов и, как следствие, достижение ими высоких показателей в учебной деятельности. Это достигается педагогическим мастерством профессорско-преподавательского состава, материально-технической базой военного учебного заведения, соответствующей процессам модернизации Вооруженных Сил Российской Федерации; методическим и нормативным обеспечением компетентностной модели образовательного процесса, личной мотивацией и дисциплинированностью курсантов. Личностно-профессиональный подход также предполагает гуманизацию межличностных отношений в системе «преподаватель-курсант», повышение воспитывающей роли обучения. Социальное взаимодействие должно стать компонентом повседневной деятельности: рукопожатие, улыбка, приветствие, ритуальные действия.

2. Содержание основной профессиональной образовательной программы по направлениям подготовки должно включать учебные дисциплины, интегративные курсы, содействующие знанию и пониманию социокультурного контекста времени и ориентированные на формирование универсальных компетенций, предполагающих развитие способностей к социальной адаптации, умений организации собственной жизнедеятельности, коммуникативных умений как средств преодоления конфликтов и стрессовых ситуаций. Наряду с этим, значимое место должна занимать военно-научная работа как возможность развития творческих способностей курсантов (исследовательских, изобретательских) на основе расширения информационных источников и субъектов коммуникации, владения методами поиска информации, что предполагает необходимость организации интернет-классов; развития умения презентовать результаты военно-научной работы как через непосредственное участие в конференциях, так и через участие в видеоконференциях.

3. Организацию культурно-досуговой деятельности, направленной на взаимодействие с внешней средой (экскурсии, акции, межвузовские соревнования, конкурсы и др.).

4. Организацию предметно-пространственной среды военного вуза, определяющей эстетику зданий, помещений и прилегающих территорий (учебных корпусов, аудиторий, казарм, общежитий и др.) и их освещенность, озеленение, цветовые решения. Наряду с этим целенаправленную организацию запахов военно-профессиональной среды путем целенаправленного подбора определенных видов цветов, кустарников, деревьев, насыщающих среду обонятельными стимулами, выполняющими психотерапевтическую функцию.

5. Регламент времени военного вуза должен обязательно включать музыку для общего фонового звучания и слушания, а также личное время курсантов.

6. Организацию пунктов и комнат психологической разгрузки (музыка, ароматерапия, специальная мебель и цвет), содействующие релаксации, нормализации эмоционального фона, повышению работоспособности.

Выводы. Таким образом, совокупность социально-педагогических условий осуществляет профилактику и коррекцию последствий депривационных рисков специфики военно-профессиональной среды высшей военной школы и содействует, прежде всего, нормализации психофизического состояния курсантов, а также адекватной их профессиональной и социокультурной социализации, успешности учебной деятельности.

Аннотация. В статье выделены, обоснованные в психолого-педагогической науке, виды деприваций, соотнесенные со спецификой военно-профессиональной среды высшей военной школы, определяющие депривационные риски; обоснована совокупность социально-педагогических условий их профилактики и коррекции.

Annotation. The article highlights the types of deprivations justified in psychological and pedagogical science, correlated with the specifics of the military-professional environment of the higher military school, which determines the risks of deprivation; the set of socio-pedagogical conditions for their prevention and correction is substantiated.

Ключевые слова: депривация, виды деприваций, депривационные риски, среда, специфика военно-профессиональной среды, профилактика, коррекция, социально-педагогические условия.

Key words: deprivation, types of deprivation, deprivation risks, environment, specifics of military-professional environment, prevention, correction, social and pedagogical conditions.

Литература:

1. Алексеенкова Е.Г. Личность в условиях психической депривации: учебное пособие /Е.Г. Алексеенкова. – Питер, 2009. – 96 с.

2. Бахтин И.С. Личностные особенности курсантов военно-морских высших учебных заведений, склонных к аддиктивному поведению: автореферат на соиск. уч. ст. канд. псих. наук /И.С. Бахтин. – Санкт-Петербург, 2016 – 15 с.

3. Бережнова Л.Н. Депривация в образовательном процессе: монография / Л.Н. Бережнова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 167 с.

4. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчик. – Прага: Авиценум, 1984. – 334 с.

5. Межуев А.В. Формирование готовности к жизнедеятельности в образовательной среде военного вуза у курсантов младших курсов: автореферат на соиск. уч. ст. канд. пед. Наук / А.В. Межуев. – Астрахань, 2008. – 22 с.

УДК: 37.01.(075.8)

ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ К ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Скляренко Инна Сергеевна,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры психологии, педагогики и
организации работы с кадрами
ФГКОУ ВО «Академии управления МВД Российской Федерации»,
г. Москва

Соловьев Александр Анатольевич

начальник отдела организации деятельности
участковых уполномоченных полиции и
по делам несовершеннолетних МВД по Республике Крым

Постановка проблемы. Выявленное противоречие между объективной необходимостью профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и существующими недостатками в подготовке курсантов образовательных организаций МВД России, к этой деятельности определило проблему, касающуюся выделения ведущего педагогического подхода, способствующего максимально эффективной подготовке курсантов к профилактической деятельности с несовершеннолетними. Практико-ориентированный подход в подготовке курсантов, определяющий практико-ориентированный инструментарий, позволяет реализовать требования современных федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.

Целью статьи является теоретическое обоснование практико-ориентированного педагогического инструментария, используемого в подготовке курсантов образовательных организаций МВД России к профилактике девиантного поведения несовершеннолетних.

Изложение основного материала исследования.

В настоящее время проблема девиантного поведения несовершеннолетних, различных видов и форм продолжает стоять достаточно остро. Так, например, по данным МВД РФ в 2017 г. на территории России зарегистрировано 45 288 *преступлений, совершенных* несовершеннолетними или при их соучастии, в то время как всего зафиксировано 2 058 476 преступлений, т.е. каждое 27-е преступление так или иначе связано с участием несовершеннолетних. В 2018 г. зарегистрировано 1 991 532 преступлений, а *преступлений совершенных* несовершеннолетними или при их соучастии - 43 553, каждое 26-е преступление. За период с января по декабрь 2017 г. выявлено лиц, совершивших преступления 967 103, в том числе несовершеннолетних 42 504. В 2018 г. лиц, совершивших преступления выявлено немногим меньше, 931 107, несовершеннолетних среди них было 40 860. Заметна тенденция снижения общего количества преступлений и, совершенных несовершеннолетними, в частности. Однако проблема продолжает оставаться актуальной и требует профилактических мер. [9]

Проиллюстрируем более конкретизированной статистикой, представленной сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) территориальных органов МВД по Республике Крым. Согласно данным Главного управления статистики Республики Крым на территории Республики проживает 353 559 детей и подростков, из них 64044 несовершеннолетних в возрасте 14-17 лет. По состоянию, на конец 2018 года, на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних состоит 542 человека, среди них 64% учащиеся общеобразовательных организаций, 19,56% учащиеся профессиональных образовательных организаций, 7% несовершеннолетние, которые нигде не учатся и не работают.

За 2018 г. несовершеннолетними или при их соучастии совершено 451 преступление. Среди них тяжких и особо тяжких 25,72%, средней тяжести 52,55%, небольшой тяжести 21,73%. При совершении преступлений 6,43% несовершеннолетних находились в состоянии алкогольного опьянения. 32,37% преступлений совершены несовершеннолетними по предварительному сговору и 18,63% преступлений, совершенных несовершеннолетними, относились к рецидивным.

Кроме того, сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД по Республике Крым составлено 5033 административных протокола. Среди них, в отношении несовершеннолетних наибольшее количество протоколов – 441 по статье 6.24 КоАП (нарушение установленного законом требования запрета курения табака на отдельных территориях и объектах); 323 протокола по статье 20.20 КоАП (потребление алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств в общественных местах); 260 - по статье 20.22 КоАП (нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление ими алкогольной продукции либо наркотических средств или психотропных веществ); 43 по статье 7.27 КоАП (мелкое хищение) и 42 по статье 20.1 КоАП (мелкое хулиганство).

К сожалению, следует отметить, что в большинстве случаев *причины* и *условия* криминальной активности несовершеннолетних сотрудниками территориальных ОВД не анализируются всестороннее, акцент делается лишь на многоэпизодность совершенных преступлений и правонарушений, переход с прошлого года уголовных дел, лояльность принимаемых судами решений.

Таким образом, приведенная статистика позволяет утверждать, с одной стороны, возникает крайняя необходимость профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. С другой стороны, явственны недостатки в подготовке сотрудников ПДН, к профилактической деятельности с несовершеннолетними.

Сказанное наталкивает на решение проблемы педагогического характера, касающейся определения ведущего педагогического подхода, способствующего максимально эффективной подготовке курсантов образовательных организаций МВД России, будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних к профилактической деятельности с несовершеннолетними. Одним из таких подходов может стать практико-ориентированный подход в подготовке курсантов, определяющий практико-ориентированный дидактический инструментарий и позволяющий реализовать требования современного федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Уточняя понятие практико-ориентированного подхода, изложенного в работах М.Н. Реутовой, И.В. Шавыриной, и др. [6] под **практико-ориентированным подходом в обучении** мы понимаем совокупность приемов, методов, форм, средств, технологий обучения, направленных на формирование практических умений, навыков и компетенций в профессиональной деятельности.

Опираясь на практико-ориентированный подход, исследователи по-разному понимают используемые педагогические категории. **Практико-ориентированное обучение**, по утверждению Н.И. Исмаиловой, Г.М. Лыдковой и др. – это вид обучения, целью которого является формирование у обучающихся профессиональных компетенций практической работы, востребованных работодателями, формирование понимания, где, как и для чего полученные компетенции применяются на практике [4]. Ю. Ветров и Н. Клушина выделяют практико-ориентированное обучение, которое связывают с организацией всех видов практик: учебная, производственная и преддипломная [1]. Е.Н. Галкина в практико-ориентированном обучении делает акцент на участии, в освоения образовательных программ и подготовки обучающихся к профессиональной деятельности, социальных партнеров (работодателей) [2]. В обучение сотрудников органов внутренних дел Е.И. Мещерякова и И.С. Панферкина определяют практико-ориентированную технологию обучения в образовательных организациях системы МВД России как последовательность целенаправленных

педагогических процедур, операций и приемов, в совокупности составляющих целостную дидактическую систему, реализация которой обеспечивает формирование профессионально-значимых качеств личности, а также знаний, умений и навыков, обеспечивающих высокий уровень готовности обучающихся к осуществлению практической правоприменительной деятельности. При этом они утверждают, что преподаватель и курсанты здесь становятся авторами проекта, реализация которого позволяет сформировать у будущих специалистов значимые профессиональные качества личности, подготовить их к профессиональной правоприменительной деятельности [5, с.21-24]. С.И. Иванова отмечает, что практико-ориентированное обучение в подготовке сотрудников ОВД проявляется в значительном повышении объема практических занятий, насыщения их проблематикой профессиональной деятельности [3].

Подводя итог краткому анализу, заметим, несмотря на некоторые различия в определении основных категорий практико-ориентированного подхода, исследователи подчеркивают его основную сущность, что результатом основания практико-ориентированного подхода должен стать специалист, который способен применять на практике сформированные компетенции.

Не вызывает сомнения тот факт, что практико-ориентированное обучение предполагает соответствующий ему педагогический инструментарий, включающий методы, формы, средства обучения и технологии, ориентированные на практическую деятельность, усиливающие ее в части профессионального обучения.

К такому инструментарию мы, прежде всего, относим: **групповую форму организации деятельности обучающихся, метод решения задач, сетевую технологию, метод проектов**. Остановимся более подробно на каждом из указанных дидактических инструментов, используемых в процессе подготовки курсантов образовательных организаций МВД России, будущих сотрудников ПДН к профилактической деятельности с несовершеннолетними.

Групповая форма организации деятельности курсантов (групповая форма работы – ГФР) – практико-ориентированная деятельность обучающихся в малых группах в целях решения дидактических или воспитательных задач. Учебная мотивация и интерес к учению здесь у курсантов формируются благодаря тому, что при групповой форме организации деятельности в обучении создается личностно-развивающая образовательная среда.

Опыт исследовательской деятельности позволил нам сформулировать десять основополагающих принципов **групповой формы организации деятельности курсантов**, ее характеризующих [7, С.318-333].

Первый принцип, принцип **разделения курсантов на малые группы по различным основаниям** (учебные возможности, интересы, психологическая совместимость). Обучение в группах, состав которых постоянно меняется, предполагает необходимость взаимодействия курсантов с разными людьми. Тем самым моделируется реальная ситуация профессиональной деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних.

Второй принцип, принцип **варьирования составом, количеством и ролями в группах**. При обучении в такой «подвижной» группе курсант исполняет разные функции и роли. При этом он вынужден находить контакт, передавать информацию, взаимодействовать с разными товарищами по учебной группе, даже с теми, к кому не испытывает особой симпатии, что делает его более мобильным в общении и приближает к профессиональной ситуации.

Третий принцип, принцип **создания условий для усвоения правил работы в группе**. Реализация этого принципа позволяет настроить курсантов, членов группы, на достижение общего успеха, привить им навыки говорения и дискутирования, воспитать уважение к мнению и чувствам товарищей. Если на «традиционном» занятии невозможно предоставить слово каждому курсанту, то при обучении в малой группе каждый курсант может высказать свое мнение, адресуясь к товарищам по группе. Общение курсантов в группе позволяет им включаться в духовный мир друг друга. Обучающий эффект при этом

достигается путем моделирования деятельности и за счет особенностей внутригрупповых отношений.

Четвертый принцип, **принцип предоставления уровневых дифференцированных (на выбор группе) и проблемных заданий**. Выбор задания предполагает оценивание уровня учебных возможностей каждого члена и группы в целом, что влияет на совместное его выполнение. В процессе выбора и последующего выполнения заданий, группа продвигается от более простых к более сложным, одновременно усваивая и более сложные формы совместной работы. Проблемный характер заданий усиливает потребность в общении, совместной мыследеятельности и взаиморазъяснении.

Пятый принцип, **принцип оперативного руководства деятельностью малой группы**. Суть этого принципа состоит в том, что любой курсант может выступать в роли руководителя группы. Умение подчинять себе других развивается через умение подчиняться.

Шестой принцип, **принцип сочетания групповой работы с индивидуальной и фронтальной**. При этом обучение в группе дает осознание значимости группового общения. Учитывается, что коллектив сотрудников ПДН противопоставляет неформальной (криминальной) общности несовершеннолетних групповую поддержку, придающую каждому члену смелость, веру в справедливый успех, дисциплинированность и ответственность. Общение в группе самостимулирует взаимопомощь курсантов, азарт подготовки и решимость взять ответственность за группу на себя с целью удовлетворения непроизвольного желания показать лучшее решение на фронтальной работе, организуемой вслед за групповой.

Седьмой принцип, **принцип перспективного планирования совместной работы курсантов в малых группах**. Перспективное планирование совместной учебной работы курсантов подразумевает не эпизодическое, а систематическое обучение в малых группах. Системность и плановость позволяет выработать навыки сотрудничества, закрепить их при изучении разных тем и дисциплин, а значит, использовать в разнообразных видах профессиональной деятельности инспекторов ПДН.

Восьмой принцип, **принцип универсального использования малых групп во всех формах учебной и внеучебной деятельности**. Этот принцип дает возможность отработать различные виды взаимодействия в деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних.

Девятый принцип, **принцип организации открытого представления группой результатов** своей учебной деятельности. В процессе его реализации члены группы, обосновывая свое решение, осмысливают его качество и, общаясь с другими группами, сравнивают свои результаты с результатами других групп. Уяснив, в процессе общения, каким путем другие группы пришли к решению, увидев разнообразие путей его поиска, каждый курсант выбирает путь решения наиболее приемлемый лично для него. Открытое представление результатов совместного обучения - залог связей между малыми группами, отчетности перед ними и контроля с их стороны.

Десятый принцип, **принцип создания ситуаций само- и взаимооценки**. Этот принцип при выполнении групповых заданий подразумевает применение способов контроля, обеспечивающих объективность оценивания групп. Они применяются в следующих разновидностях: групповая самостоятельная работа, групповой тест, групповой диктант, групповой коллоквиум, групповой зачет. Возникающая при этом групповая рефлексия позволяет курсантам обосновать позицию другого и соотнести ее со своей.

Метод решения задач еще один инструмент практико-ориентированного обучения, направлен на рассмотрение социально-педагогических ситуаций, высвечивание в них профессиональных проблемных вопросов и их разрешение. Цель использования метода решения задач: не механическое усвоение, а интеллектуально-познавательное, активное практико-ориентированное осмысление, творческая переработка изучаемого материала, формирование общекультурных и профессиональных компетенций. Реализация метода решения задач происходит путем поиска и определения неизвестных элементов (вопрос

задачи) через известные (условие задачи).

Среди большого разнообразия психологических и педагогических определений *дидактической задачи*, наиболее оптимально по смыслу понятие представителей деятельностного подхода В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.М. Фридмана, Д.Б. Эльконина. Они рассматривают учебную задачу как сложную систему информации о каком-либо явлении, объекте, процессе, в котором четко определена лишь часть сведений, а остальная часть неизвестна. *Учебная задача – это задача, при решении которой требуется мыслительный анализ и теоретическое или содержательное обобщение.* Фактически любая учебная задача предполагает формирование комплекса учебных действий, поскольку действие соотносится с целью задачи, а его операции - с ее условиями (В.В. Давыдов).

Исходя из разнообразия толкований слова «задача» вытекает: во-первых, большое разнообразие разновидностей дидактических задач; во-вторых, определяются их характерные особенности. Общей чертой в задачах является наличие одного или нескольких вопросов. Многие исследователи придерживаются мнения о том, что задача является одновременно и методом, и средством обучения. Выделяют задачи с недостатком или избытком данных, неопределенностью условий, ограничением времени на решение, различным предъявлением условия (текст, рисунок, фотография, картинка, видеосюжет и др.). Объекты задачи могут быть разные (предметы и их заменители в виде теоретических моделей), отсюда можно выделить классификацию. При подготовке курсантов образовательных организаций МВД России, будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, мы выделили наиболее целесообразные типы *задач социально-педагогического содержания*: задачи-тексты; задачи визуального характера; задачи исследовательского характера; задачи-размышления; игровые задачи, комплексные задачи.

Еще один практико-ориентированный инструмент, который мы используем в подготовке курсантов образовательных организаций МВД России, будущих сотрудников ПДН – это *сетевая технология* [8]. Она представляет собой технологию социально-педагогической работы с несовершеннолетним и сетью его социальных контактов (с семьей, знакомыми, друзьями, учителями, должностными лицами), опирающуюся на использование ресурсов семьи, связей и отношений между людьми. Эта *технология* применима в том случае, если несовершеннолетний и его семья, оказывается в трудной жизненной ситуации. Сеть социальных контактов подразумевает ближайшее окружение несовершеннолетнего. В нее входят люди, поддерживающие контакт с ребенком и его семьей.

В основу *сетевой технологии* заложена *теория экологических систем* У. Бронфенбреннера. Смысл этой теории состоит в том, что каждый человек является частью различных систем и подвержен их воздействию. Если проблемы возникают в одной системе, это непременно отражается и на других. Например, проблемы, возникающие в семье, сразу отражаются на всех ее членах. Исходя из этого в работе с несовершеннолетним «группы риска» необходимо принять во внимание все его связи.

Сетевая технология призвана изучить, мобилизовать, восстановить социальное окружение, контакты несовершеннолетнего и его семьи развивая их внутренний потенциал. Цель *сетевой технологии*: сплочение и мобилизация социального окружения несовершеннолетнего для его поддержки; активизация внутренних ресурсов несовершеннолетнего и членов его семьи для самостоятельного выхода из трудной жизненной ситуации.

Сетевая технология включает четыре алгоритмических этапа.

Первый этап (подготовка) – социальное расследование. На этом этапе составляется сетевая карта – карта социальных связей несовершеннолетнего. На карте символами отражаются все взаимоотношения значимые для несовершеннолетнего: члены семьи, родственники, близкие друзья, учителя, соседи, знакомые, чиновники и профессионалы, заинтересованные в судьбе ребенка. Важно также отметить символическое лицо (человек, мнение которого наиболее ценно) и умерших значимых людей. На карте выделяются

положительные и отрицательные связи, приближение и удаление во взаимоотношениях, контакты и разрывы связей. Символы обозначенных людей, которых несовершеннолетний хотел бы пригласить на встречу заштриховываются. На дополнительном бланке инспектор фиксирует имена людей, отмеченных на карте, их контактную информацию. По итогам социального расследования составляется пояснительная записка, в которой сотрудник ПДН: дает краткое описание семьи и ее контактов; описывает историю жизни и настоящее несовершеннолетнего; отношение к несовершеннолетнему социального педагога и психолога, классного руководителя; вырабатывает рекомендации нормализации семейного неблагополучия.

Второй этап (реализация) – организация сетевой встречи. *Сетевая встреча* – встреча, организованная в момент кризисной ситуации несовершеннолетнего и его семьи, привлечение заинтересованных сторон профессиональной (формальной) сети и частной (неформальной) сети, отмеченных на карте людей, мобилизация их сил и средств для улучшения ситуации в интересах несовершеннолетнего.

Предшествует сетевой встрече множество предварительных контактов, направленных на убеждение людей, обозначенных на сетевой карте, прийти на встречу. *Целью* сетевой встречи является поиск возможностей в сети контактов для решения проблемы несовершеннолетнего, с которым каждый участник согласится и поддержит. *Участники встречи*: команда (ведущий – сотрудник ПДН; два координатора, наблюдающих за ходом встречи, координирующих ее, помогают участникам увидеть со стороны происходящее), группа рефлексии (несовершеннолетний, его семья и окружение), группа экспертов (должностные лица, люди заинтересованные в судьбе ребенка).

Примерный *план* сетевой встречи включает следующие пункты. 1) Ведущий приветствует собравшихся, представляется сам, представляет участников сетевой встречи, объявляет примерное время встречи (1,5 – 2 часа), актуализирует проблему и цель встречи. 2) Участники встречи поочередно высказываются об ожиданиях, с которыми они пришли на встречу. Первыми высказываются члены семьи, затем должностные лица. 3) Несовершеннолетний описывает, идеальное видение своей дальнейшей жизни и роль в этом своей семьи. 4) Обсуждение кризисной ситуации, в ходе которого присутствующие высказывают свое мнение относительно путей выхода из затруднений. 5) Обсуждение оптимального пути выхода из кризисной ситуации. При необходимости заполняется программа и оформляется список обязательств. 6) Повторные высказывания присутствующих относительно разработанных путей и их реализации.

Третий этап (контроль) - контроль выполнения программы и обязательств сторон.

Четвертый этап (корректировка) - коррекция действий, при необходимости возврат к первому этапу алгоритма, если прогнозируемый результат оказался отрицательным.

Для подготовки будущих сотрудников ПДН к использованию *сетевой технологии*, на практических занятиях по педагогическим дисциплинам («Социальная педагогика», «Теория и методика воспитания» «Методика и технология работы социального педагога», «Коррекционная педагогика»), делая акцент на профилактическую деятельность с несовершеннолетним, мы применяем *модель сетевой технологии*. Она включает три составляющие: подготовка практического занятия, реализация и заключение.

В процессе подготовки разрабатывается фабула ситуации, определяется цель практического занятия, план и роли в соответствии с фабулой. План занятия включает: знакомство курсантов с фабулой; выбор главного героя, курсанта с артистическими способностями; составление сетевой карты на электронной доске совместно с курсантом, исполняющим роль главного героя; распределение ролей между курсантами – участников сетевой встречи; организация сетевой встречи; вынесение решений по проблеме сетевой встречи; контрольная встреча с героем и его семьей; анализ использования сетевой технологии; оценка работы курсантов.

В процессе реализации проигрывается *сетевая технология* в соответствии с ее этапами. В заключении курсанты анализируют обыгранный ход сетевой технологии,

выработанные на ней решения проблемы в соответствии с фабулой, отмечая положительные и отрицательные стороны.

И, наконец, **метод проектов** – метод, в котором педагог специально организует, а обучающиеся самостоятельно выполняют комплекс действий, завершающийся созданием творческого продукта. Цель метода не усвоение суммы знаний и не прохождение образовательных программ, а реальное использование собственного опыта обучающихся и его обогащение. При этом под **проектом** мы понимаем совокупность определенной информации, идей для создания реального объекта, предмета разного рода теоретического и практического продукта.

Изучение литературы, многолетний практический опыт позволил нам выявить *условия эффективности использования метода проектов* при подготовке курсантов образовательных организаций МВД России, будущих сотрудников ПДН: знание педагогом проектной методик, ее технологических элементов и накопление опыта в ее использовании; проведение педагогом консультаций для курсантов в процессе их работы над проектом; разработка педагогом методических рекомендаций для курсантов по оформлению проекта; овладение курсантами технологическими элементами метода проектов; овладение курсантами знаниями, умениями и компетенциями по предмету проекта; выполнение курсантами проектной деятельности по разработанному ими плану; создание педагогом вместе с курсантами условий для реализации проекта.

Среди требований, предъявляемых к методу проектов, особенно важны следующие. Наличие в предложенной тематике проектов проблемы, требующей творческого поиска. Наличие цели-ценности проекта и определение круга задач для ее достижения. Самостоятельность курсантов в подготовке, оформлении и реализации проекта. Определение знаний, умений, навыков, компетенций необходимых курсантам в подготовке и реализации проекта. Структурирование деятельности курсантов в подготовке проекта, выделение этапов достижения цели. Материализация результатов проекта, в виде соответствующего его оформления и реализации.

Абсолютно является и то, что курсантам необходимо разъяснить требования к самому проекту. Тема проекта выбирается и разрабатывается по инициативе курсантов. Проект должен быть актуален для курсантов его разрабатывающих и их ближайшего окружения, т.е. тех, на ком или для кого он будет реализован. Проект должен быть педагогически значим, т.е. курсанты в процессе его подготовки и реализации приобретают новые знания, умения, навыки, компетенции, выстраивают новые отношения. Проект заранее планируется, но по мере разработки допустимы изменения. Проект должен быть реалистичен, ориентирован на возможности курсантов и объекта.

Выделим технологические элементы проекта. Первый этап – этап целеполагания: определение курсантами цели и задач проекта; формулировка проблемы; выдвижение гипотезы. Второй этап – этап планирования деятельности членов групп: подбор источников информации; прогнозирование результатов; распределение заданий. Третий этап – этап организация деятельности по проекту: сбор и анализ информации; выводы и предложения; оформление методической разработки проекта. Четвертый этап – реализация проекта. Пятый этап – анализ результатов деятельности: дискуссия и оценка.

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя при подготовке будущих сотрудников ОВД по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения», с 2011 по 2017 учебный год, выше указанный практико-ориентированный дидактический инструментарий (*групповая форма организации деятельности обучающихся, метод решения задач, сетевая технология, метод проектов*) мы использовали на дисциплинах Теория и методика воспитания, Социальная педагогика, Коррекционная педагогика.

По окончанию педагогического эксперимента с курсантами проводилось анкетирование, в целях изучения вопроса о целесообразности использования выше указанного инструментария в обучении будущих сотрудников ОВД, подразделений по делам

несовершеннолетних для повышения его качества, активизации познавательной деятельности и развития самостоятельности. В анкетировании за годы эксперимента приняли участие более ста человек. При этом о целесообразности использования вышеупомянутого инструментария высказались 100% респондентов. Среди положительных свойств участники эксперимента отметили следующие. Групповая работа развивает сплоченность, позволяет задействовать в работе каждого члена малой группы. Моделирование сетевой технологии способствует повышению качества и эффективности выполнения служебных задач за счет погружения в реальную ситуацию. Курсанты отметили, что применение *сетевой технологии* влияет на развитие *мыслительных способностей* (памяти, внимания, логики, воображения, творчества), *коммуникативных качеств* (речи, коммуникабельности), *интереса к предмету* (общего и профессионального кругозора). Выделенные показатели относятся к важнейшим профессиональными качествами инспектора ПДН. Реализация проекта способствует формированию педагогические умений и навыков, умений работать с аудиторией, дает положительные эмоции от работы в коллективе. В оценке подготовленного проекта 92% респондентов полагают, что необходимо учитывать мнение ребят и педагога, причем 8% из них добавляют к этому учет мнения самой группы, реализующей проект. К отрицательным характеристикам метода проектов курсанты отнесли: трудности его технологизации и пространственно-временные ограничения при реализации. Кроме того, опрашиваемые отметили, что использованный в обучении практико-ориентированный инструментарий способствует формированию ряда личностных и профессиональных качеств, необходимых им в будущей профессии таких, как ответственность, самостоятельность, целеустремленность, долг, толерантность, коллективность, взаимовыручка, дисциплинированность, организованность, творчество, лидерство. Приведем некоторые выдержки из ответов курсантов на открытые анкетные вопросы, характеризующие групповую работу, метод проектов. На вопрос: «Что нового Вы приобрели в результате использования метода проектов?», были даны следующие ответы. *«При подготовке проекта я получила удовлетворение от работы, педагогический опыт и знания», «мне выпал отличный шанс реализовать свои организаторские способности», «очень понравилось попробовать себя в роли педагога», «при решении задач и в процессе работы над проектом все курсанты нашего взвода объединились», «я научилась слышать товарищей».*

Вывод. Функциональные обязанности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних предписывают проводить профилактику девиантного поведения несовершеннолетних. Как было отмечено во введении, инспектора ПДН, безусловно, проводят эту работу на что указывает, в том числе, и количество составленных административных протоколов. Именно этот административно-правовой метод принято считать наиболее действенным. Кроме того, при составлении такого протокола инспектор в обязательном порядке проводит профилактическую беседу с несовершеннолетним и его семьей, разъясняет правовые позиции, актуализирует ответственность. Однако беседа часто проводится формально, для отчета, не оказывая реальной помощи несовершеннолетнему. Поэтому, крайне важно в современных условиях деятельность инспектора оснастить инновационными средствами, подобно сетевой технологии, а сделать это можно лишь используя практико-ориентированный инструментарий при подготовке курсантов образовательных организаций МВД России.

Аннотация. В статье идет речь о подготовке курсантов образовательных организаций МВД России, будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних к профилактике девиантного поведения. Представленная тема обосновывается актуальной статистикой преступлений и правонарушений, совершенных несовершеннолетними. Авторы предлагают решение поставленной проблемы на основе практико-ориентированного подхода. Рассматриваются такие практико-ориентированные инструменты в подготовке курсантов, как решение задач, метод проектов, групповая форма организации деятельности, моделирование сетевой технологии.

Ключевые слова: несовершеннолетние, профилактика, девиантное поведение,

подготовка курсантов образовательных организаций МВД России, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних.

Annotation. In the article there is a speech about the preparation of cadets of educational institutions of the MIA of Russia, the future employees of divisions on Affairs of minors for prevention of deviant behavior. The presented topic is justified by the actual statistics of crimes and offenses committed by minors. The authors propose a solution to the problem on the basis of a practice-oriented approach. The authors consider such practice-oriented tools in the training of cadets as problem solving, project method, group form of activity organization, modeling of network technology.

Keywords: juvenile, prevention, deviant behavior, training of cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia, employees of divisions on Affairs of minors.

Литература:

1. Ветров Ю. Практико-ориентированный подход / Ю. Ветров, Н. Клушина // Высшее образование в России, 2002. – N 6. – С. 43-46.
2. Галкина Е.Н. Реализация практико-ориентированного подхода в процессе обучения бакалавров по направлению подготовки «Технология продукции и организация общественного питания» // Интернет-журнал «Мир науки», 2018No1, <https://mir-nauki.com/PDF/31PDMN118.pdf> (доступ свободный).
3. Иванова С.И. Практико-ориентированное обучение в системе дополнительного профессионального образования образовательных учреждений МВД России // Научно-методический электронный журнал «Концепт» – 2014. – Т. 26. – С. 281-285. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/64357.htm>.
4. Лыдова Г.М., Исмаилова Н.И. Практико-ориентированные занятия по психоаналитическому направлению психологической науки // Современные проблемы науки и образования.- 2016.- № 4; URL: <http://www.science-education.ru>
5. Мещерякова Е.И., Панферкина И.С. Управление практико/ориентированным обучением курсантов как условие повышения эффективности профессионально/личностного становления // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2013, № 2 (53). – С. 21-24.
6. Реутова М.Н. Практико-ориентированный подход как инструмент развития интеллектуального потенциала студентов / М.Н. Реутова, И.В. Шавырина ; НИУ БелГУ // Воспроизводство интеллектуального капитала в системе высшего профессионального образования: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Белгород, 18-22 нояб. 2013 г. / отв. ред. И.С. Шаповалова. – Белгород, 2013. – С. 85-87.
7. Складенко И.С. Педагогическая система формирования профессиональных ценностных установок у курсантов вузов МВД России: Дисс. док. пед. наук – М., 2014. – 531 с.
8. Складенко И.С. Сетевая технология как педагогический инструмент [Текст] / И.С. Складенко, Ю.И. Курпиченко, Г.И. Демин // Психология и право. – 2018. – Т. 8. № 4. – С. 192-203. (Web of Science)
9. Сайт МВД РФ. Статистика и аналитика – URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733/>.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОРИСУНКОВ В ПОДГОТОВКЕ ПСИХОЛОГОВ К КОРРЕКЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Усатенко Оксана Николаевна,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта

Залевская Яна Геннадиевна,

аспирант, ассистент кафедры психологии
Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта

Постановка проблемы. Профилактика и психологическая коррекция агрессивного поведения современной молодежи является одной из важнейших задач современного психолога согласно профессиональному стандарту «Психолог в социальной сфере». Проблема агрессивности не ограничивается узкими возрастными (так называемая «подростковая агрессивность») или социальными рамками, за последние годы приобретает мировой масштаб, «помолодела» и не является безусловным показателем социального неблагополучия. Агрессивность отрицательно влияет на адаптационные возможности личности и ее психологическое здоровье в целом, которое понимается как «...адекватность личностных проявлений окружающей среде, внешним воздействиям, критичность и возможность принимать нормы и правила социума, пластичность в отношении изменяющихся жизненных обстоятельств и способность выстраивания (планирования) перспективы будущего» [3].

Подготовка психологов к работе по профилактике и коррекции агрессивного поведения подростков включает в себя теоретический анализ концепций и подходов (А. Бандура, Л. Берковиц, Е. П. Ильин, К. Левин, К. Лоренц, Д. Майерс, Т. Шибутани, Х. Хекхаузен, З. Фрейд, Э. Фромм и др.), а также овладение эффективными инструментальными методами. Среди таких методов положительно зарекомендовали себя психоанализ неавторского психорисунка и психоанализ комплекса тематических психорисунков, разработанные в глубинной психокоррекции.

Цель статьи. Рассмотреть и обосновать возможность использования психорисунков в подготовке психологов к профилактической и психокоррекционной работе с подростковой агрессивностью, направленной на улучшение состояния и динамики их психологического здоровья.

Изложение основного материала исследования. Под психорисунком понимается рисунок, выполненный на психологическую тему, основная задача которого состоит в диагностике и коррекции трудновербализуемых переживаний и проблем клиентов, имеющих глубинно-психологические истоки. В современной психологии психорисунок изучается в контексте следующих проблем: познания психики (Р.С. Бернс, Л.Ф. Бурлачук, А.Л. Венгер, П. Гоулд, Дж. Дилео, Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, С.Х. Кауфман, А.И. Копытин, К. Маховер, Дж. Остер); выражения психических особенностей человека (Г.С. Абрамова, Е.Ю. Артемьева, Г.А. Ковалев, В.С. Мухина, О.Ф. Потемкина, О.Г. Романова, Н.В. Семилет, О.Г. Юсупов); диагностики и коррекции психологических особенностей (М.В. Киселева, Е.С. Романова, Т.С. Яценко).

Современные исследователи наряду с психодиагностической функцией проективного рисунка выделяют и психокоррекционную. Диагностический потенциал рисунка состоит в получении представления о личностных особенностях клиента. Исследователи В.Н. Мельников, Л.Т. Ямпольский отмечают, что в отличие от большинства других

подходов, методы, основанные на рисунке, могут быть использованы многократно, не уменьшая своего диагностического значения. Они применяются в работе с клиентами разного возраста, что позволяет использовать их для наблюдения за ходом психического развития в течение длительного периода, а также для оценки динамики психоэмоционального состояния. Коррекционная функция заключается в гармонизации личности с помощью искусства, возвращении к психологической целостности, в процессе которой агрессивные и враждебные чувства обращаются к более социально приемлемым способам самовыражения.

Важнейшим преимуществом работы с психорисунком является объективирование широкого диапазона личностных свойств и качеств:

- импульсивность, недостаточность самоконтроля и планирования действий,
- страхи,
- демонстративность,
- тревожность (как черта личности) и тревога (как состояние на момент тестирования),
- депрессивные тенденции,
- агрессия (и ее формы: физическая, вербальная и невербальная, косвенная агрессия, аутоагрессия, негативизм, обида),
- неудовлетворенность потребности в общении,
- антисоциальные тенденции и др.

Исходя из целей исследователя, рисунок может применяться как в индивидуальной, так и в групповой психологической работе. Подбор тем осуществляется в двух направлениях – с целью определения феноменов группы, ее динамики или для исследования чувств, истории жизни или отношения к событиям из прошлого. Рисунок позволяет человеку воспроизвести в образах действительность и спроектировать содержание психики в символической форме. Образы рисунков способствуют свободному выражению тенденций бессознательного в символах, а потому существует разнообразие приемов в данном методе: рисунок на заданную тему, свободное рисование, дополнительное рисование и др.

Исследователи отмечают, что искусство анализа и интерпретации психорисунков требует от психолога знакомства со значительным количеством разных вариантов выполнения заданий, что связано с приобретением психологом опыта практической работы. На сегодняшний день, не существует такого руководства или набора правил, которые могли бы содержать полноценное описание той уникальной комбинации характеристик, которую обнаруживает психолог в рисунке, поэтому он должен полагаться на своё личное искусство при определении скрытого значения рисунка. Однако существуют общие рекомендации при интерпретации психологического рисунка [2]:

- ознакомиться со стандартным руководством по интерпретации проективных рисунков;
- использовать все возможности для анализа того, что скрыто внутри рисунка;
- брать во внимание все противоречия в процессе оценки рисунка;
- объединить всю информацию, известную о клиенте.

В истории психологии психорисунок активно начал развиваться в XX веке как один из методов психодиагностики. Уже тогда появляются первые тесты, целью которых является исследование различных сторон личности («Дом-дерево-человек» Дж. Бук, «Метод портретных выборов» Л. Сонди, «Метод чернильных пятен» Г. Роршаха, «Нарисуй человека» Ф. Гуденаф, «Рисунок семьи» В. Вульф, «Тематический апперцептивный тест» К. Морган и Г. Мюррей). В России исследования с применением рисунка, как тестового материала, начались в 1909 году отечественным психоневрологом Г. И. Россоломо. Изучение элементарных изобразительных способностей с целью выявления индивидуальных различий, как в норме, так и в патологии, проводилось на различных группах обследуемых. Стандартизированные рисуночные тесты оказали влияние на становления проективного подхода в психологии, как альтернативы опросникам и тестам умений, внесли значительный

вклад в психодиагностику, показав возможность использования рисунка для диагностики личности и личностных свойств.

Однако на сегодняшний день стандартизированные рисуночные методы подвергаются критике, так как имеют ряд ограничений – требуют адаптации для разных возрастных, этнокультурных групп и различных прикладных задач; отсутствует гибкость в предоставлении инструкции; базируются на теоретических представлениях авторов методик о личности человека и ее свойствах, которые могут идти в разрез с общепринятыми; в зависимости от конкретной методики, процедура проведения может быть как растянутой во времени (занимать несколько сеансов), так и предполагать значительных временных и ресурсных затрат.

Другой подход к использованию психорисунка представлен доктором психологических наук, профессором, автором метода глубинной психокоррекции Т.С. Яценко [1, 4]. Работа с рисуночными методами в данном подходе базируется на следующих принципах: использование феноменологического подхода при работе с респондентом; целостное понимание психики в единстве сознательного и бессознательного с учетом противоречивости их взаимосвязей, что проявляется в направленности сознания «к силе», а бессознательного – к инфантильным ценностям («к слабости»), обуславливая отличия между «логикой сознания» и «логикой бессознательного»; процессуальности диагностики и ее единстве с коррекцией, основывающихся на диалогическом взаимодействии психолога и респондента.

Глубинная психокоррекционная работа отмечается лабильностью и разнообразием отдельных методов. Все они подчиняются общим принципам психокоррекции и основным механизмам, которые выражаются в феноменах положительной дезинтеграции и вторичной интеграции. Среди этих методов особое значение в психокоррекционном процессе имеет метод психоанализа неавторского рисунка, который используется как диагностический и психокоррекционный прием, способствующий познанию бессознательных тенденций психики субъекта, а также позволяет исследовать проекции, которые имеют инфантильный характер и переносятся на актуальную ситуацию взаимодействия личности с другими людьми.

Работа с неавторским рисунком актуализирует механизм проекции, содержание бессознательного проектируется клиентом на эмоционально нейтральный объект – картину. Психокоррекционная работа с неавторским рисунком начинается с представления клиентом содержания картины. Ему предлагается выбрать «активные» фрагменты картины, воплотиться в эмоционально близкий образ и вербализировать собственные чувства. Такая методика предусматривает присвоение рисунка клиентом, наполнение содержанием отдельных деталей рисунка и семантическое переструктурирование (расстановка собственных акцентов, игнорирование отдельных частей рисунка или символов). Далее клиент дает название рисунку, указывает важные и второстепенные символы, аспекты рисунка, с которым он ассоциирует себя, высказывает свое ощущение от имени определенных образов, свое отношение к другим персонажам на рисунке (картине). Во внимание берется изменение сюжета картины. Высказывания клиента являются приоритетным, учитывая соблюдение феноменологического подхода и ориентацию на познание глубинных детерминантов психики.

Для адекватной диагностики и коррекции, важным является спонтанный выбор клиентом рисунка или нескольких рисунков из ряда предложенных. Применение приема работы с неавторским рисунком позволяет объективировать логику бессознательного путем познания объектных отношений, которые проявляются в стереотипности чувств и эмоциональных реакций. Именно эмотивный характер объектных отношений обуславливает выбор того или иного рисунка клиентом, который представляется ему субъективно привлекательным и таким, который отвечает его ценностям.

Особенность работы с неавторским рисунком выражается в опредмечивании клиентом рисунка, выполненного другим автором, что открывает возможности

использования в работе психолога рисунков, отличных от стандартизированных (методики САТ, ТАТ и др.). К неавторским рисункам относятся как художественные полотна, так и тематические авторские рисунки выполненные другими участниками психокоррекционных групп. В работе с неавторским рисунком не обязательно придерживаться какого-либо одного рисунка, клиент может выбрать ряд заинтересовавших его рисунков и разложить в порядке эмотивной значимости. Каждый рисунок будет дополнять анализ предыдущего и позволит более полно исследовать бессознательную сферу психики.

Психоанализ комплекса тематических психорисунков предполагает целостный анализ более 40 рисунков, выполненных автором на заданные психологические темы. Темы подобраны так, чтобы при их выполнении актуализировались эмоциональные аспекты опыта, отношение к пережитым ситуациям, субъективное видение себя и собственных отношений с другими людьми. Бессознательное, выявляя себя путем анализа рисунков, представляет определенную строгую логическую систему, которая формируется в течение всей истории жизни и отображает причинно-следственные связи психики. Психодинамический анализ комплекса рисунков обеспечивает психоаналитическое видение логики бессознательного, отличной от «логики сознательного» и противоречащей ей. «Логика бессознательного» в одинаковой мере подтверждает, как вербальный, так и невербальный материал, представленный автором. Авторский тематический рисунок позволяет отображать в образах действительность и проектировать содержание психики в символы. Преимуществом использования рисунка в психоанализе является возможность объединить в образах и определенных символах внешний и внутренний мир, а это позволяет приблизиться к внутренним характеристикам психики субъекта.

В основу психоаналитической работы с использованием психорисунков положено диалогическое взаимодействие психолога и клиента. В диалоге проясняется субъективная значимость определенного цвета, символа, их роль в рисунке и содержание самого изображения. Диалогическое взаимодействие с субъектом позволяет диагностировать эмоциональные приоритеты инфантильного и травмирующего происхождения, которые определяют направленность активности личности. При работе с психорисунком, важно когнитивное осмысление субъектом эмоциональных переживаний. Такого рода анализ, проводится в единстве сознательных и бессознательных аспектов психики. Исследование глубинных истоков деструкций психики, предусматривает организацию познания с соблюдением принципов работы психокоррекционной группы – добровольность, открытость, искренность, что способствуют выявлению спонтанной активности субъекта.

Овладение методологией глубинной психокоррекции будущими психологами предполагает прохождение студентом групп глубинной психокоррекции (в качестве участника) с целью личностной психокоррекции. На этом этапе рисуночные методы применяются для осознания собственных неосознаваемых тенденций поведения, деструктивных жизненных программ и их влиянием на межличностное взаимодействие. Будущий психолог в группе приобретает психологическую защищенность, состоящую в возможности осознать и ослабить действие собственных автоматизированных способов защит. На следующем этапе подготовки психологи овладевают глубинно-психологической теорией, предполагающей целостное познание психики в структурно-функциональном аспекте, методологией и инструментальными навыками осуществления диалогического взаимодействия и процессуальной диагностики психоанализа комплекса тематических психорисунков и психоанализа неавторских психорисунков с последующей супервизией.

Выводы. Глубинно-психологический подход позволяет рассматривать агрессию как системное явление в его взаимосвязи с глубинно-психологическими тенденциями и психологическими защитами. Использование психологами глубинно-психологических рисуночных методов в психокоррекции агрессии позволяет не только диагностировать, но и осуществить психокоррекцию, выявляя бессознательные тенденции психики и глубинно-психологические предпосылки агрессивного поведения, которые имеют инфантильный

характер и переносятся на актуальные взаимодействия. Их психокоррекция открывает возможности оптимизации собственных поведенческих реакций и взаимоотношений.

К преимуществам рассматриваемых рисуночных методов относится также относительная быстрота работы (в сравнении с другими подобными методами), оперативность психодиагностики, процессуальность диагностики в ее единстве с психокоррекцией, «глубина» психокоррекционного воздействия, лабильность в предоставлении инструкции, возможность менять ее исходя из задач работы, а также возможность их использования в индивидуальной и групповой работе.

Аннотация. Статья освещает возможности использования проективных методик по работе с агрессией. Проанализированы преимущества методов психоанализа комплекса тематических психорисунков и психоанализа неавторских психорисунков. Рассмотрены особенности овладения психологами указанными методами, диагностические и коррекционные возможности их применения.

Ключевые слова: психорисунок, неавторский психорисунок, агрессия, глубинная психокоррекция.

Annotation. The article highlights the possibility of using projective techniques to work with aggression. The advantages of the methods of psychoanalysis complex thematic psychodrawings and psychoanalysis non-author psychodrawings. The peculiarities of mastering these methods, diagnostic and correctional opportunities of their application.

Keywords: psychodrawing, not author's psychodrawing, aggression, deep psychocorrection.

Литература:

1. Глубинная психология. Агрессия: психодинамическая теория и феноменология: [Монография] / Т.С. Яценко, А.В. Глузман, А.Э. Мелоян, Л.Г. Туз; Под ред. Т.С. Яценко. – К.: ВИЦА ШКОЛА-XXI, 2010. – 271 с.: ил.
2. Киселева, М. В. Арт-терапия в психологическом консультировании / М.В. Киселева, В.А. Кулганов. – СПб.: Речь, 2016. – 64 с.
3. Современный психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд. – М.: АСТ; СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2007. – 490 с., с. 125.
4. Яценко Т.С. Психоаналитическая интерпретация комплекса тематических психорисунков (глубинно-психологический аспект) / Т.С. Яценко, Я.М. Кмит, Л.В. Мошенская. – М.: СИП РИА, 2000. – 194 с.

УДК: 376.112.4

ОВЛАДЕНИЕ БУДУЩИМИ ВОСПИТАТЕЛЯМИ И ПЕДАГОГАМИ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ТЕХНОЛОГИЯМИ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Федосеева Наталья Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и педагогики профессионального образования Арзамасский филиал ННГУ
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
г. Арзамас

Проблема девиантного поведения детей становится все более актуальной. В условиях инклюзивного образования, когда в группе или классе находятся разные обучающиеся, в том числе с особыми образовательными потребностями, педагогу важно быть готовым к различным ситуациям, владеть разнообразными технологиями профилактики девиантного поведения. Значительное количество трудов в современной психолого-педагогической науке

посвящено изучению причин и источников возникновения девиаций, путей и средств предупреждения и преодоления трудностей в поведении детей (С.А. Беличева, И.П. Башкатов, А.И. Кочетов, Г.Ф. Кумарина, Р.В. Овчарова, Г.М. Потанин, Д.И. Фельдштейн, П.С. Самыгин [3], и др.). Особое внимание уделено основам, стратегиям и технологиям реализации работы с девиантными подростками, обоснованию наиболее эффективных способов и методов разрешения сложной ситуации, участниками которых являются дети с девиантным поведением, особенностям профессиональной готовности педагогов к работе с такими подростками (С. А. Завражная, А. В. Мудрик [2], В. А. Попов, Н.А. Подымов, Г.В. Фицула, Ю. И. Юрчик, Р.У. Арифудинова [1], Л.Б. Шнейдер [4] и другие).

Постановка проблемы. Однако, вопросы подготовки воспитателей и педагогов начальной школы к работе с детьми с девиантным поведением рассматриваются недостаточно. Будущим воспитателям и педагогам необходимо знать особенности проявлений девиантного поведения у дошкольников и младших школьников. Специфика детей данного возраста такова, что они еще не обладают способами адекватного взаимодействия друг с другом, зачастую не могут сознательно определить, сформулировать, чем вызвано возникающее у них чувства, обуславливающие отклоняющееся поведение. Поэтому с ними должны применяться особые технологии взаимодействия, адекватные возрасту и психологическим особенностям.

В связи этим **целью статьи** является рассмотреть систему подготовки воспитателей и педагогов первой ступени обучения по овладению технологиями работы с детьми с отклонениями в поведении.

Изложение основного материала исследования. На наш взгляд, основополагающим в рассмотрении подготовки воспитателя и педагога первой ступени обучения должен явиться компетентностный подход. Он позволяет взглянуть на деятельность педагога с позиций формирования у него готовности к работе с такими детьми, как совокупности знаний о психологии ребенка, методологии организации образовательного процесса и умений и навыков осуществления взаимодействия, владения технологиями работы с детьми с отклоняющимся поведением. Вторым основанием при проектировании работы с будущими педагогами и воспитателями по овладению технологиями работы с детьми с девиантным поведением определен нами событийный подход, так именно он позволяет взглянуть будущему специалисту на образовательный процесс как систему событий, интегрирующих ребенка в активную жизнь и, тем самым, отвлекающих от отрицательных эмоций и агрессивного поведения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: рассмотреть характер и способы ознакомления будущих педагогов с особенностями проявлений девиаций у детей раннего возраста, раскрыть организационно-педагогические условия овладения ими технологиями работы с детьми с девиантным поведением.

Методами исследования явились наблюдения за процессом подготовки студентов, обучающихся по направлению Педагогическое образование, профили «Начальное образование» и «Дошкольное образование», экспериментальное обоснование овладения технологиями образовательного процесса с детьми с отклоняющимся поведением.

Для проведения исследования были выбраны группы студентов профилей «Начальное образование», «Дошкольное образование», «Дошкольное и начальное образование». Их объединили в две группы 27 (контрольная) и 28 (экспериментальная) человек в каждой из них соответственно. С ними был проведен опрос, наблюдения, показавшие, что в первой группе только 25% имеют незначительное представление о технологиях взаимодействия с детьми раннего возраста с девиантным поведением, 44% – в общих чертах представляют себе такие технологии, частично перечисляют, 29 % – ориентируются в технологиях, частично владеют ими; во второй – 25%, 53% и 22% соответственно.

Затем в одной из групп была спланирована и проведена работа по овладению технологиями организации работы с детьми раннего возраста, имеющими отклонения в

поведении. В другой занятия велись в традиционной форме без установки акцентов на технологии работы с детьми с девиантным поведением.

Под овладением технологиями работы с детьми с девиантным поведением мы подразумеваем систему деятельности по освоению студентами знаний об особенностях формирования и развития девиаций у детей дошкольного и младшего школьного возраста, технологий организации взаимодействия с ними, овладению умениями и навыками проведения мероприятий игр, дел, позволяющих отвлечь детей от отрицательных эмоций и переживаний и переключить на позитивные виды деятельности, подвести их к осмыслению внутренней стороны жизни человека, развитие у будущих педагогов и воспитателей эмоциональной сферы, устойчивой гуманистической ориентированной позиции в подходе к осуществлению профессионально-педагогической деятельности. Последнее, на наш взгляд, формируется постепенно в ходе систематически и последовательно организованной работы по овладению технологиями. Сама такая работа состоит из двух частей. Во-первых, формирование знаний об особенностях развития девиаций у детей раннего возраста осуществляется в ходе знакомства с дисциплинами базового цикла (Педагогика, Психология, Истории педагогики и др.). на занятиях лекционного типа, и на занятиях семинарского типа через разбор и анализ педагогических ситуаций и задач. Особое значение имеет проигрывание студентами этих ситуаций. Принципиально важно разделение на группы, одна из которых выступает в роли экспертов, другая намечает сценарии развития событий, третья группа разыгрывает эти сценарии по очереди. В конце такого занятия не только важно экспертам дать оценку, но и тем, кто выполнял роль детей и педагогов, озвучить возникавшие в ходе работы эмоциональные ощущения. Благодаря такой форме проведения занятия студенты имеют возможность научиться распознавать признаки отклоняющегося поведения и вести раннюю профилактическую работу по их предупреждению. Они приходят к выводу, что проявления девиации могут являться сигналом для педагога к тому, что у ребенка что-то не в порядке, либо показателем неблагополучия в семье, или проявлением нарушенного эмоционального поведения, когда ребенок не может совладать с собой.

Во-вторых, вооружение технологиями работы с детьми с девиантным поведением. Студенты на занятиях семинарского типа проникаются особенностями развития эмоциональной сферы ребенка (и, тем самым, совершенствуют свою), в ходе ознакомления с методикой работы со сказками К. Спилман «Когда я злюсь», «Когда я завидую», «Когда я грущу» и другими, Программой развития эмоционального интеллекта «Умница» («Первые эмоции. Учимся понимать эмоции и управлять ими»). Студенты работают с ними в двух направлениях: 1) овладевают методикой чтения их с детьми; 2) разрабатывают пути и способы ознакомления с методикой родителей. Осуществляется эта деятельность в форме имитационных игр. Один из участников выполняет роль родителя, другой воспитателя, и один знакомит другого с работой по сказкам.

Также они читают и анализируют психотерапевтические сказки О.В. и О.Е. Хухлаевых, Т. Ткачевой, А.В. Зубовой, С.А. Черняевой и других. Разрабатывают способы ознакомления родителей с методикой работы по ним. Разбирают достоинства и недостатки для работы с детьми с девиантным поведением психотерапевтические аудиосказки Маниченко А., Онисимовой О. и других. Проводят сравнение сказок разных авторов, устанавливают их специфику, целевую аудиторию, выявляют проблемы, в решении которых они будут наиболее эффективны. Для сравнительного анализа могут быть предложены сказки с группы ВК <https://vk.com/club91661050>. Студенты приходят к выводу, что преимущество сказок в книжках перед их аудиоформатом состоит в том, что родители сами могут почитать их детям, обсудить вместе, поразмышлять, придумать дальнейшее развитие сюжета, оформить иллюстрациями. Чтение сказок именно родителями сближает, располагает друг к другу.

Отдельно следует обратить внимание на привлечение студентов к решению проблем девиации с помощью произведений художественной литературы. В первую очередь, это произведения нравственного содержания. «Сказки для добрых сердец» Н. Абрамцевой,

С. Козлова о Ёжике, Медвежонке и их друзьях, Е. Арсениной и Д. Бобылева «Морковкино счастье», Е. Михаленко «На планете доброты жить мечтаем я и ты», «Детям о бабушке», «Детям о дедушке», «Детям о маме», А. Воронцового «Детям о семье», Н. Лясковской «О бабушках и варежках» и т.д. Книги о бабушках, дедушках, мамах особо хороши для детей, имеющих проблемы в семье, у которых нет бабушек и дедушек, или даже мам и пап. Благодаря данным книгам у детей формируется представление о роли в семье старших поколений, роли матери в семье. Для младшего школьного возраста это могут быть произведения и зарубежных авторов. Например, книги Холли Вебб. Её сказки о животных (о кошках, собачках), о ведьмочке Лотте, о девочках и мальчиках («Идеальный праздник Кетти», «Волшебная фигурка» и многие другие), оказывающихся в сложных ситуациях выбора, помогут будущим педагогам воздействовать на эмоциональную сферу детей, будут содействовать развитию у них сознательности в оценке себя и в выборе тех или иных линий поведения. Студенты анализируют данные произведения, составляют и защищают списки чтения для детей, для родителей, разрабатывают сценарии литературных вечеров.

Овладению технологиями работы с детьми с девиантным поведением способствует также анализ медиа продукции, выявление её потенциала для решения проблем девиации. Студентам предлагается составить и обосновать подборки мультфильмов для снятия агрессии у детей. Например, мультфильмы «Просто так», «Крошка Енот», «Ежик и медвежонок», «Приключения Хомя и Суслика», «Как Маша поссорилась с подушкой» и другие. А вот мультфильм «Котенок с пушистым хвостом» не подойдет для снятия негативных, чрезмерно бурных эмоций у детей с девиантным поведением. Свои выводы студенты мотивируют тем, что он возбуждающе подействует на и без того неустойчивую нервную систему особого ребенка. Они проводят психолого-педагогический и методический анализ передачи «Гайны сказок», которую ведет А. Ковальчук на канале «Спас». Ведущая не только читает с детьми сказки, но и разбирает поведение героев, просит их соотнести со своим, вместе с ними делает выводы. Студенты составляют психологические портреты детей, участников передачи. Они анализируют речь ведущей, воспитательные приемы, которые она использует в работе с детьми, соотносят, насколько их можно применять в отношении детей с отклонениями в поведении (если нет, то почему, если да, то в каких случаях). Интересен для разбора мультфильм «Головоломка», с которым также работают студенты. После его просмотра будущим педагогам и воспитателям предлагается написать эссе, описать эмоции ребенка, выявить и охарактеризовать причинно-следственные связи между поведением и эмоциями главной героини. Определить, почему она сбегает из дома. Студентам планируют систему работы с ней и её семьей, предлагают способы взаимодействия с Райли.

Используются в ходе овладения студентами технологиями работы с девиантными детьми фильмы и книги «Педагогическая поэма» и «Республика ШКИДТ». Ролевые игры по мотивам произведений позволяют студентам прочувствовать состояние героев-трудных детей, установить причины выбора педагогами именно тех методов средств воздействия, которые они применяют в работе с детьми, найти доказательства тому, что они педагогически верны и оправданы.

Активно практикуется в работе со студентами использование игровых технологий по преодолению девиаций в поведении. Существует целая подборка игр, позволяющая студентам в процессе выполнения игрового действия овладеть технологией взаимодействия с детьми с девиацией. Наибольшим эффектом для снятия физического напряжения, расслабления и нивелирования агрессии обладают такие игры как «Годо», «Фанты», «Крокодил», в которых имеется элемент театрализации, так как один участник изображает или кого-либо, или какую-то эмоцию, а другие пытаются угадать. Подобные игры развивают у студентов фантазию, умение наиболее точно отображать эмоциональное состояние, способность распознавать эмоции, определять причину их возникновения. На это же нацелены игры Ю.Б. Гиппенрейтер на снятие напряжения, развитие социального ориентирования, эмоционального интеллекта, которые также применялись на занятиях со

студентами. Способствует формированию ассоциативного мышления, эмоций, снятию напряжения игра «Ловец снов». В ней требуется и выбор иллюстрации, демонстрирующей сон, и её объяснение, и описание состояние участника игры, который её выбрал и т.п. Студенты сначала осваивают игру сами, а затем в ходе имитации, ролевых инсценировок овладевают навыками совместной игры с детьми.

Выводы. Анализ результатов повторного проведения опросов и анкетирования показал, что в обеих группах наблюдалась устойчивая динамика. Однако в экспериментальной результат оказался выше (контрольная группа – 21% имеют незначительное представление, 55% – в общих чертах представляют себе такие технологии, частично перечисляют, 34% – ориентируются в технологиях, частично владеют ими; экспериментальная группа – 16%, 43%, 41% соответственно).

Опираясь на полученные данные, можно утверждать, что продуманная систематическая работа с будущими педагогами и воспитателями по овладению ими технологиями взаимодействия с детьми с девиантным поведением помогает осмыслить знания об особенностях девиации детей в раннем возрасте, овладеть многообразием приемов работы с ними. Она, по сути, содействует их готовности к эффективному выполнению профессионально-педагогической деятельности.

Аннотация. В статье рассматриваются пути и способы подготовки педагогов к работе с детьми с девиантным поведением в раннем возрасте. Дается обоснование технологий работы с детьми с девиантным поведением. Разбирается система подготовки будущего педагога, которая включает овладение представлениями о девиациях и особенностях их проявлений у детей дошкольного и младшего школьного возраста и технологиями взаимодействия с такими детьми. Приводятся данные исследования, показавшие, что наиболее эффективными способами в овладении студентами технологиями работы с детьми с девиантным поведением является структурированная система, основанная на активных и интерактивных формах освоения материала.

Ключевые слова: дети, девиантное поведение, воспитатель, педагог начального образования.

Annotation. The article discusses the ways and means of training teachers to work with children with deviant behavior at an early age. The substantiation of technologies of work with children with deviant behavior is given. The system of training of the future teacher which includes mastering of concepts of deviations and features of their manifestations at children of preschool and primary school age and technologies of interaction with such children is analyzed. The data of the study showed that the most effective ways to master the technology of working with children with deviant behavior is a structured system based on active and interactive forms of development of the material.

Keywords: children, deviant behavior, educator, primary education teacher.

Литература:

1. Ариффулина Р.У. Профессиональная подготовка социальных педагогов к работе с детьми девиантного поведения: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.08. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003160735#?page=1>
2. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / под ред. В.А. Сластенина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 200 с.
3. Самыгин П.С. Профилактика девиантного поведения молодежи: учебное пособие для академического бакалавриата / П. С. Самыгин, С. И. Самыгин, Д. В. Кротов; под общей редакцией П. С. Самыгина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 284 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-534-10828-6. – Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://biblio-online.ru/bcode/431597>
4. Шнейдер Л.Б. Психология девиантного и аддиктивного поведения детей и

подростков : учебник и практикум для академического бакалавриата / Л. Б. Шнейдер. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 219 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-534-05932-8. – Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://biblio-online.ru/bcode/441552>

УДК: 379.8.092.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ

Шлычков Вадим Рудольфович,

кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психологии Центра гуманитарной подготовки
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ)»,
г. Москва

Шлычков Дмитрий Вадимович,

студент 2 курса направления подготовки
«Адаптивная физическая культура»,
Российский государственный университет физической культуры,
спорта, молодёжи и туризма (РГУФКСМиТ),
г. Москва

Постановка проблемы. Профилактика различных форм девиантного поведения современной молодёжи по-прежнему остаётся актуальной задачей не только специалистов-девиантологов, но и важнейшей задачей всех социальных институтов общества. Оказание адресной помощи в рамках специальной профилактики девиантного поведения принесёт меньший социальный эффект, если не будет поддержано методами общей профилактики. Одним из методов такой общей профилактики является создание в обществе атмосферы, культивирующей здоровый образ жизни и вовлекающий в него все слои и возрастные группы населения.

Целью статьи является анализ и обобщение передового опыта города Москвы по реализации комплекса практических мероприятий, направленных не только на пропаганду принципов здорового образа жизни, но активно реализующих различные, в том числе инфраструктурные, проекты по их обеспечению.

Изложение основного материала исследования. Теория вопроса и практические аспекты профилактики девиантного поведения являются тем научным полем, где сходятся интересы нескольких отраслей знания. Однако, всесторонняя изученность проблемы не снимает остроту социального вреда и негативных последствий для личности хорошо изученных аддиктивных и маргинальных форм девиантного поведения. По-прежнему проблемы алкоголизации, наркомании, делинквентного, суицидального и других видов девиантного поведения вызывают общественную тревогу и обязывают принимать серьёзные профилактические меры по борьбе с ростом социальных пороков и превенцией социальных отклонений. Масштаб этих отклонений и вовлечённость в него различных слоёв российского общества имеет заметные различия по регионам и субъектам РФ, и варьируется в некоторых случаях от практически полного отсутствия проблемы (например, алкоголизация населения в Чеченской республике) до явлений эпидемиологического характера в отдельных регионах.

Серьёзную озабоченность специалистов вызывает вовлечение в различные формы девиантного поведения молодёжи, что создаёт угрозы не только их личному и общественному благополучию, но и угрозы безопасности государства в целом.

Так, официальная статистика позволяет увидеть только «часть айсберга» из тех проблем, которые несёт нашей стране употребление наркотиков и алкоголя. Цифровые неточности и расхождения в анализе этих явлений не позволяют точно оценить их распространённость, но наглядно демонстрируют их угрожающие масштабы даже в самых минимальных значениях. Тем более, что за сухой цифрой статистики стоит жизнь конкретного человека, трагедия его семьи.

По мнению специалистов около 20% оборота героина в мире приходится на Россию. Периодически употребляют и «знакомы» с наркотиками больше 18 миллионов людей по всей России, а около 8 миллионов человек являются зависимыми от запрещенных препаратов. Не менее 60% наркоманов составляют молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет, и не мене 20% знакомятся с наркотиками в школьные годы [3].

Анализ основных причин подобного роста численности наркоманов зачастую сводится:

- к доступности опасных (в том числе, разрешённых и запрещённых к обороту) веществ;

- к хорошо организованной стратегии развития наркобизнеса и вовлечению в него очередных жертв;

- к пониженному родительскому контролю за время препровождением подростков;

- к непродуманной и неэффективной профилактике наркомании и терапии в отношении наркозависимых;

- к полному отсутствию в некоторых регионах пропаганды здорового образа жизни, организации культурного досуга и спортивных секций и неумелому информированию населения о вреде наркотических веществ и другим причинам.

Однако сама проблема имеет и более сложные уровни причинности, которые также нашли отражение в научной литературе. Психолого-педагогические, социологические, правовые и медицинские аспекты проблемы позволяют глубже понять основные детерминанты девиантного поведения и пути его профилактики.

Так, интересный анализ проблемы употребления наркотиков подростками, поиска методов диагностики и коррекции их склонности к этому чрезвычайно вредному и социально опасному явлению проведён в монографии В. Н. Власовой [2]. Роль семейного воспитания, социальных стереотипов, особенности формирования гендерных моделей поведения и их влияние на отклоняющееся поведение проанализированы в работе И.Л. Шелехова [5]. Глубокий анализ причинности девиантных форм поведения молодёжи и способов его профилактики проведён в исследованиях по превентивной психологии, выполненной С.А. Беличевой и другими авторами [1, 6].

Но какой бы аспект девиантного поведения не исследовался, все авторы единодушны в том, что важнейшим направлением работы государственных и муниципальных органов, общественных организации и, желательно, всех российских семей должно стать формирование у населения страны, и особенно у молодёжи, другого стиля и образа жизни, основанного на осознании ценности здоровья, прав других граждан и стремлении достичь внутренней гармонии и социального благополучия. Для достижения такого благополучия нужны соответствующие условия. И это налагает на государственные органы управления, надзора и контроля определённые обязанности. Они не должны сводиться к «вялой рефлексии» на свершившиеся события, не должны «бить по хвостам» в тех ситуациях, где необходимо работать «на упреждение». Именно поэтому, нередко в адрес государственных структур и отдельных чиновников раздаётся справедливая критика.

Поэтому, одним из важнейших направлений профилактики девиантного поведения, создающим условия для формирования нового сознания и системы жизненных ценностей граждан становится реализация программ по формированию здорового образа жизни (ЗОЖ).

По общему представлению здоровый образ жизни должен способствовать сохранению, укреплению и восстановлению здоровья человека, как важнейшей ценности. Медико-демографические показатели свидетельствуют, что большинство болезней связано

именно с образом жизни людей, с наследственностью и окружающей средой, с формированием неправильных поведенческих привычек и потребностей, с недостатками и чрезмерностями в еде и питье, с низкой двигательной активностью. А выбор человеком здорового образа жизни невозможен без отказа от вредных привычек, к числу которых относятся: курение, употребление алкоголя, наркотических веществ.

По данным специалистов Всемирной организации здравоохранения, здоровье человека на 50-55% зависит от образа его жизни, от наследственности – на 20-23%, от экологии – на 20-25% и от работы национальной системы здравоохранения на 8-12%. Как видно, доля этих процентов во многом зависит от конкретных социальных обстоятельств и, прежде всего, от образа жизни. Хотя, по мнению авторов, влияние наследственных факторов в такой статистике явно недооценено.

Анализ литературы показывает, что основными элементами здорового образа жизни являются: сбалансированное рациональное питание, регулярная физическая активность, позитивное мышление, удовлетворенность трудом, активная жизненная позиция, социальный оптимизм, устроенность быта, отказ от вредных привычек, умение управлять своим здоровьем, высокая медицинская активность и т. д.

Таким образом, понятие «здоровый образ жизни» включает типичные формы и способы повседневной жизнедеятельности человека, укрепляющие и совершенствующие адаптационные (приспособительные) и резервные возможности организма, что обеспечивает успешное выполнение социальных и профессиональных функций. Или другими словами, это не что иное, как рациональная организация жизнедеятельности человека на базе ключевых биологических и социальных жизненно важных форм поведения.

Основными из них являются:

-культивация положительных эмоций, способствующих психическому благополучию, как основе всех аспектов жизнедеятельности и здоровья;

-оптимальная двигательная активность, как ведущий врожденный механизм биопрогресса и здоровья;

-рациональное питание, как базисный фактор биопрогресса и здоровья;

-ритмический образ жизни, соответствующий биоритмам, как основной принцип жизнедеятельности организма;

-эффективная организация трудовой деятельности, как основная форма самореализации, формирования и отражения человеческой сущности;

-сексуальная культура, как ключевой фактор жизнедеятельности и как адекватная и прогрессивная форма воспроизведения вида;

-здоровое старение, как естественный процесс плодотворного долголетия;

-отказ от пагубных пристрастий (алкоголизм, наркомания, табакокурение и т.п.), как решающий фактор сохранения здоровья.

Теория формирования здорового образа жизни на практике сталкивается с проблемами мотивации положительного отношения к своему здоровью и ЗОЖ в целом, особенно у молодёжи. Поэтому формирование установки на здоровый образ жизни является важнейшей задачей государства и его институтов, и лежит в основе любой профилактической деятельности, многочисленных программ, направленных на повышение здоровья общества.

Принято считать, что формирование образа жизни, способствующего укреплению здоровья человека, осуществляется на трёх уровнях:

-социальном (пропаганда, информационно-просветительская работа);

-инфраструктурном (конкретные условия в основных сферах жизнедеятельности, профилактические учреждения, экологический контроль);

-личностном (система ценностных ориентиров человека, стандартизация стиля жизни и бытового уклада).

Пропаганда здорового образа жизни является важнейшей функцией и задачей всех органов здравоохранения (особенно учреждений первичной медико-санитарной помощи),

центров санитарного просвещения, учреждений образования, органов социальной защиты и других структур и организаций. Основными направлениями формирования здорового образа жизни должны стать:

- 1) усиление и создание положительного в образе жизни;
- 2) преодоление, уменьшение факторов риска.

Реализация идей здорового образа жизни на личностном уровне, как правило, требует от человека добровольности такого выбора, преодоления и затраты некоторых физических и духовных сил, а также возможность наблюдать постоянное повышение своих физических, психических и других возможностей. Человек прибегает к этим усилиям, если у него есть достаточно высокая мотивация или жизненно важная цель. Поэтому создание своей системы здорового образа жизни представляет собой исключительно длительный процесс и может продолжаться всю жизнь.

Особенности формирования мотивов на здоровый образ жизни у молодых людей, типология этих мотивов хорошо исследованы в работах Куликова В.Н. [3], Карасёвой Т.В., Руженской Е.В и других специалистов.

Примером успешной реализации программ по формированию здорового образа жизни может являться деятельность Правительства города Москвы, одной из важнейших задач которого является активное развитие культурной и спортивной инфраструктуры города, создание условий для вовлечения в активный досуг всё большего числа жителей столицы.

Для этого в Москве выстроены и постоянно развиваются комплексные программы по благоустройству и жилых районов, реконструируются и создаются новые спортивные объекты. Так, по данным сайта Мэра столицы в Москве созданы и работают 21 тысяча спортивных объектов, на которых занимаются физкультурой и спортом примерно 4,4 млн. человек. В Москве работает свыше 100 тысяч кружков, спортивных секций, творческих студий, школ искусств для людей разных возрастов, функционирующих как на бюджетной, так и на платной основе. К удобству москвичей открыты и работают:

- 3684 спортивных зала;
- 379 бассейнов;
- 2291 тренажерный городок;
- 842 беговых и велосипедных дорожки;
- 57 крытых катка.

А в зимний период подготавливаются и работают: 1474 открытых катка и 370 лыжных трасс [7].

К этому следует добавить, что ежегодно в Москве проводятся несколько велопарадов для участников с любым уровнем подготовки, с лета по осень проходят этапы Московского марафона, а зимой массовая лыжная гонка «Лыжня России». В 2018 году в массовых спортивных акциях, организуемых в столице, приняло участие около 2,5 млн. человек [7].

В Москве также функционируют крупные стадионы, где проходят десятки профессиональных чемпионатов, включая международного уровня, на которых можно присутствовать в качестве зрителя. Мощный толчок к занятию детей и подростков в секциях и во дворах дал Чемпионат мира по футболу.

При поддержке ведущих спортивных федераций, Москомспорта и Департамента образования и науки города Москвы регулярно проводятся многоэтапные соревнования в системе школьных и студенческих команд по игровым видам спорта: футболу, волейболу, баскетболу и другим – такие как «Кожаный мяч», «Золотая шайба» и т.д.

С 2014 года новый этап возрождения переживает комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), который включает в себя 11 возрастных групп, начиная от детей 6 лет и старше. Сегодня в столице действует около 30 центров тестирования комплекса ГТО.

Введение комплекса ГТО способствует улучшению физической подготовки молодёжи и развитию массового спорта в целом. Следует отметить, что абитуриенты и студенты, имеющие золотой знак ГТО могут получить при поступлении в вуз дополнительные баллы,

претендовать на повышенную стипендию при соответствующем решении администрации вуза [7].

Большую роль в организации досуга молодёжи также играют такие, организованные Департаментов культуры города Москвы, регулярные культурные программы и акции, как «Ночь музеев», «Ночь библиотек», «Ночь театра» и другие.

Все эти усилия и постоянное развитие культурной и спортивной инфраструктуры в городе Москве стимулирует и поддерживает идею здорового образа жизни и в целом способствует созданию атмосферы, культивирующей здоровье и спортивные достижения, отказа от вредных привычек. Конечно, всё это не избавило Москву от основных «язв мегаполиса» и проблем девиантного поведения, но приостановило некоторые процессы, способствовало снижению вовлечения детей и подростков в неблагоприятную среду благодаря новым, открывшимся альтернативам проведения своего досуга.

Подтверждением этих тенденций могут стать некоторые исследования, выполненные в последнее время, которые внушают определённый оптимизм и дают надежду на повышение общего профилактического эффекта.

Так, опрос, проведённый одним из авторов в 2011 и в 2018 году среди студентов очной формы обучения в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова, показал, что тенденция избавления от такой вредной привычки как курение становится среди учащейся молодёжи более выраженной:

Содержание вопроса (из опросного листа)	Данные 2011 года (число участников - 213 студентов, 2 курс)		Данные 2108 года (число участников – 219 студентов, 2 курс)	
	Ответили «да»	% от общей суммы	Ответили «да»	% от общей суммы
- Вы курите?	87	41%	54	24,5%
- Вы курили раньше, но бросили?	17	8%	21	9,5%
- Вы пробовали курить (хотя бы раз)?	27	13%	35	16%
- Я не курю и не пробовал	82	38%	109	50%

Очевидно, что тенденция отказа от вредных привычек, таких как курение и употребление спиртных напитков, стала набирать обороты. Причём отмечается опережающий рост численности студентов-парней, выбирающих здоровый образ жизни. Опрос также содержал вопросы, касающиеся отношения к алкоголю, и показал, что возросло число тех студентов, кто исключили алкоголь из своей жизни совсем: в 2011 году – 8%, в 2018 году – 12%.

Всё больше студентов РЭУ вовлекается в общественную и спортивную жизнь своих вузов, и, как правило, делают свой выбор в сторону отказа от вредных привычек ещё в школе, обосновывая его личными убеждениями, семейным примером, «не модностью» и другими причинами.

Аналогичные результаты были получены и при опросе студентов 1 курса другого известного учебного заведения – Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма. В 2018 году из 117 студентов 1 курса отказ от курения продекларировали более 88%, а полный отказ от алкоголя – 28%. Такой высокий результат, в общем, не вызывает удивление с учётом профиля вуза, осознанности его выбора и соответствующей ценностно-мотивационной системы, сложившейся у большинства студентов, которая изначально была ориентирована на здоровый образ жизни. Сравнить полученные данные с более ранними периодами не представляется возможным, но хочется

верить, что тенденция выбора такого образа жизни сохранится и в этом учебном заведении и в последующие годы.

Полученные данные не обладают высокой степенью надёжности и достоверности с точки зрения полноценного исследования, несут констатирующий эффект, но являются иллюстрацией того, что в студенческой среде постепенно просматриваются тенденции смещения ценностных представлений в сторону здорового образа жизни, вовлечения в спорт и отказа от вредных привычек. Проведение дальнейшего мониторинга показателей «социального здоровья» молодёжи позволят оценить развитие этих тенденций в ближайшем будущем.

Выводы. Хорошо спланированная и системно организованная пропаганда идей и ценностей здорового образа жизни, постоянное развитие и совершенствование инфраструктуры и специализированных объектов для активного досуга граждан разного возраста и, прежде всего, молодёжи создаёт благоприятные условия для общей профилактики различных форм девиантного поведения. Она оказывает стимулирующее влияние на систему ценностей и мотивацию поведения молодых людей, формирует новые смыслы и привычки активного и просоциального проведения. Эта пропаганда и стратегии общественной, социальной и культурно-массовой работы создают атмосферу неприятия и отторжения отклоняющегося поведения, в его различных формах и видах, привлекают всё новых сторонников, формируют новую «моду» на спортивные достижения, культурное самовыражение и новый стиль жизни.

Огромную работу по пропаганде такого здорового образа жизни проводит Правительство Москвы и префектуры. Это требует не только волевых решений от должностных лиц, но и значительных материальных вложений в реализацию намеченных планов. Опыт работы города Москвы по многим аспектам профилактики девиантного поведения может стать хорошим примером для других субъектов Российской Федерации в пропаганде здорового образа жизни. Цифры, свидетельствующие о росте числа реализованных культурных и спортивно-массовых проектов, о количестве вовлечённых в них жителей столицы и гостей свидетельствует о том, что Москва стала терять несимпатичные ярлыки «города соблазнов» и приобретать с новым обликом и новое доброе имя – «культурной и спортивной столицы страны». Можно с уверенностью сказать, что по числу действующих объектов культурной и спортивной инфраструктуры Москва входит в число мировых лидеров и уступать эти передовые позиции уже не намерена.

Аннотация. В статье рассматривается теория и практика работы по пропаганде здорового образа жизни как одного из важнейших направлений общей профилактики девиантного поведения современной молодёжи. Вовлечение молодых людей в проведение активного организованного досуга с предоставлением широкого круга специальных объектов спортивной и культурной инфраструктуры оказывает положительное влияние на ценностно-потребностную сферу и интересы молодёжи, повышает их мотивацию к выбору социально полезных форм досуга и в целом благотворно влияет на социальное здоровье общества в целом.

Ключевые слова: профилактика девиантного поведения; здоровый образ жизни; городская инфраструктура; организованный досуг; культурные программы; спортивная жизнь.

Annotation. The article deals with the theory and practice of promoting a healthy lifestyle as one of the most important areas of General prevention of deviant behavior of modern youth. The involvement of young people in active organized leisure with the provision of a wide range of special sports and cultural infrastructure has a positive impact on the value-need sphere and the interests of young people, increases their motivation to choose socially useful forms of leisure and generally has a beneficial effect on the social health of society as a whole.

Keywords: prevention of deviant behavior; healthy lifestyle; urban infrastructure; organized leisure; cultural programs; sports life.

Литература:

1. Беличева, С.А. Основы превентивной психологии / С.А. Беличева. – М.: Социальное здоровье России, 1994. – 220 с.
2. Власова, Н.В. Психологическая диагностика и коррекция склонности подростков к употреблению наркотиков. Монография / Власова Н.В.; Междунар. акад. акмеол. наук, Моск. открытый социал. ун-т. – Москва, 2005.
3. Куликов, В.Н. Формирование мотивов здорового образа жизни у подростков в средней общеобразовательной школе: Дис. канд. пед. наук: 13.00.01: Киров, 2002, – 181 с.
4. Наркомания в России: статистика, цифры, факты и методы борьбы. Статья. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vashnarkolog.com/narco-faq/narkomaniya-v-rossii>
5. Шелехов, И.Л., Морева, С.А., Власова, Н.В. Гендерные роли и стереотипы. В сборнике: Наука и образование. Материалы конференции: в 6 томах, 2007. – С. 200-204.
6. Шлычков, В.Р. Девиантное поведение личности как социально-психологический феномен: анализ проблемы, типология форм и возможности профилактики. Образовательные ресурсы и технологии. – 2013. – № 1 (2). – С. 33-41.
7. Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mos.ru>

УДК 378

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ» К ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С РАЗЛИЧНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

Щелина Тамара Тимофеевна,

доктор педагогических наук, профессор,
декан психолого-педагогического факультета,
заведующая кафедрой общей педагогики и педагогики профессионального образования

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Арзамасский филиал),
г. Арзамас

Постановка проблемы. Закономерно представленная в ходе развития общества периодичность взаимосвязанных кризисов политической, экономической и социальной систем непосредственно сказывается на необходимости осмысления происходящих и произошедших на каждом витке изменений в основной составляющей будущего страны – детства как главного стратегического ресурса. Развитие цивилизации, появление материально-технических благ, обеспечивающих комфорт и уменьшение физических затрат на жизнеобеспечение, значительно опередили готовность человечества к выработке и освоению эффективных форм и способов воспитания, механизмов социализации и развития эффективно функционирующих в обществе граждан. Ценностный и технологический разрыв между поколениями, рост отклонений в поведении детей и подростков обостряется именно в кризисные периоды развития общества. Современный его этап характеризуется поиском вариантов решения проблемы подготовки специалистов, учитывающих изменившиеся условия развития и психологию детства, в организации профилактики девиантного поведения растущих граждан.

Целью статьи является теоретический анализ истории возникновения социального заказа на профессиональную подготовку специалистов в области профилактики девиантного

поведения детей и подростков, концептуальное обоснование модели подготовки студентов специальности Педагогика и психология девиантного поведения и описание опыта ее реализации в части профилактической работы с различными категориями детей.

Изложение основного материала исследования. Современное понимание проблемы профилактики девиантного поведения и подготовки специалистов для ее осуществления имеет глубокие исторические корни в развитии отечественной превентивной практики работы с несовершеннолетними. Выделяемые исследователями основные этапы развития педагогической системы профилактической работы с трудными детьми относят начало ее становления в дореволюционной России к X веку, когда в правлении отдельных княжеств формировались предпосылки целенаправленной организации такой деятельности на государственном уровне. Последующие периоды связаны с открытием в XVIII веке при Петре I для таких детей госпиталей, созданием условий «для превращения трудных детей в полезных для государства служащих» [4, с.80], при Екатерине II – воспитательных домов для формирования так называемого «третьего сословия» – людей, способных приносить пользу обществу практическими делами в различных искусствах и ремеслах. Первая половина XIX века отмечена применением карательных мер для детей, совершивших преступления, и содержанием их под стражей вместе с взрослыми на общих основаниях. Во второй половине XIX века появляется узаконенный порядок «учреждения и общие начала деятельности исправительных приютов» [4, с.81], постепенно снижается тяжесть уголовного наказания для несовершеннолетних [1, с.127].

Отметим, что с конца XIX столетия в организации профилактической работы с несовершеннолетними в предреволюционной России начинает преобладать акцент именно на профилактике правонарушений, а впоследствии, после революции и гражданской войны, – на борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Прошедшие с момента подписания декрета от 17 января 1918 г. «О комиссиях о несовершеннолетних» более 100 лет свидетельствуют о преимущественном сохранении выявленной тенденции до настоящего времени. Очевидно, что особенность развития изучаемого явления непосредственно связана с общими тенденциями развития самого общества и государства, происходящих в нем экономических, социально-политических преобразований, наличием кризисов и криминогенной среды, уменьшением или нарастанием гуманистических представлений и практик по отношению к детям и подросткам в самой педагогике, в юриспруденции, социальной защите детства.

В этой логике особо выделяется период развития России в 60 – 80-е годы XX столетия, когда «оттепель» отразилась и на организации профилактической работы с детьми и подростками. Помимо деятельности детских комнат милиции и непосредственно правоохранительных органов усиливается социально-педагогический, воспитательный аспект профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. В соответствии с принятым еще в 1957 г. Советом Министров РСФСР Постановлением «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности» [5] акцент перенесен на полезную занятость детей и подростков, привлечение к ее организации и обеспечению взрослой общественности. Работа строилась на созданных при школах и домоуправлениях детских спортплощадках; осуществляли ее родительские комитеты и комиссии содействия, созданные при всех домоуправлениях для организации работы с детьми.

Усиливается превентивная направленность работы введением в действие принятого в 1963 г. Министерством просвещения РСФСР и Министерством коммунального хозяйства РСФСР «Примерного положения о Советах общественности по работе с детьми и подростками при домовых комитетах в государственном жилищном фонде РСФСР». Благодаря деятельности Советов общественности осуществлялась координация и обеспечение единого направления в воспитательной работе с детьми и подростками по месту жительства. Реальная деятельность Советов общественности была направлена на развитие творческой инициативы и трудовой самостоятельности детей и молодежи, организацию их

досуга, помощь семьям и школе в воспитании и обучении несовершеннолетних. Отсутствие заинтересованности современного микросоциума в реальном участии в обеспечении полезной занятости живущих рядом детей и подростков, передача ряда функций таких Советов общественности по месту жительства или замена их «социальной услугой», оказываемой Центрами социальной защиты и помощи населению, привели сегодня и к отчуждению поколений, живущих рядом, и к разобщению самого микросоциума.

Существенным вкладом в становление и развитие отечественной системы профилактики девиантного поведения детей и подростков стало включение в 1970 году в штатное расписание работников коммунального хозяйства педагога-организатора по проведению воспитательной работы с детьми и подростками по месту жительства. Именно эти сотрудники организовывали полезную занятость детей в подростковых клубах по месту жительства, обеспечивая позитивный опыт общения и взаимодействия ребят со сверстниками и взрослыми.

Анализируя историю становления системы профилактики девиантного поведения детей и подростков, ученые считают период 60 – 80-х гг. прошлого века наиболее эффективным и последовательным в плане выстраивания системы предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних [1, с.132], что подтверждалось сохранявшейся с 1967 по начало 80-х гг. стойкой тенденцией снижения общего уровня преступности среди несовершеннолетних.

Очередной этап в развитии России, характеризующийся стремительными и разнонаправленными процессами преобразований во всех сферах жизни общества, привел к разрушению выстроенной системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних отчасти по причине смены общих подходов к управлению государством, с одной стороны. С другой стороны, имеющаяся квалификация людей, осуществляющих профилактическую работу, используемые методы, снижение роли авторитета взрослых, школы и самого государства уже не соответствовали меняющейся психологии детей и родителей, витающим в обществе настроениям. Резкое расслоение граждан по экономическому критерию, социальному положению, ухудшение жизнеобеспечения семей, рост криминала и разгул преступности, потеря социальной защищенности и отсутствие гарантий какой-либо безопасности сказались в 90-е годы не только на взрослом населении, но и на детях. Причем последствия социализации взрослеющих в это время юных граждан непосредственно связаны с потерей взрослыми на всех уровнях уверенности в своей воспитательской компетентности, поскольку декларировалось, что государство и школа излишне идеологизированы, родители и педагоги недемократичны.

Однако именно этот период характерен осознанием на государственном уровне необходимости сохранения целенаправленной профилактической деятельности среди несовершеннолетних, в связи с чем обновляется законодательная и нормативно-правовая база в этой сфере. Основные документы, определяющие методологию и направления профилактической работы с детьми и подростками, регламентирующие деятельность реализующих ее субъектов, представлены Указами Президента РФ «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» (1993 г.), об утверждении «Положения о межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних при Правительстве Российской Федерации» (1994 г.); Федеральными Законами «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998 г.), «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999 г.).

Обновление законодательной и нормативно-правовой базы деятельности по профилактике девиаций несовершеннолетних ознаменовано появлением дополнительных возможностей реализации социозащитного принципа профилактики детской безнадзорности, дальнейшего развития сети соответствующих учреждений, комплексного решения проблем детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, на основе более тесного взаимодействия всех субъектов, входящих в систему профилактики. Генерализованная установка системы

профилактической работы представлена неприемлемостью и непродуктивностью административно-карательного подхода к детям, что отражено в принятых на федеральном уровне в начале 2000-х гг. и далее специальных документах («Федеральная целевая программа «Дети России», «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» и др.). При этом особо подчеркнем, что стратегические направления профилактической деятельности, организационно-административная система работы в целом относительно прописаны, проблема же подготовки специальных кадров для работы в новых условиях в официальных документах не поднимается.

В то же время первое десятилетие наступившего XX века научно-педагогическая общественность интенсивно изучала и анализировала произошедшие с 80-х годов перемены в социальной ситуации развития детства, психологии современного ребенка, возникающие проблемы в воспитании и взаимодействии взрослых с детьми. Результаты были положены в основу весьма настораживающих выводов в докладе вице-президента Российской академии образования, доктора психологических наук, профессора, действительного члена РАО Д.И. Фельдштейна на выездном пленарном заседании Президиума РАО в Нижнем Новгороде 19 – 20 апреля 2010 года. Речь шла о тех негативных изменениях ментальности, ценностных ориентаций, когнитивной и эмоционально личностной сфер людей, «которые сопровождаются, в частности, присвоением чуждых нашей культуре образцов поведения, актуализацией потребительства, ростом равнодушия в отношениях и, что очень тревожно, объективно и субъективно нарастающей психологической отчужденности взрослых от мира детства, порождающей опасность деструктирования всей системы культурно-исторического наследования» [11, с.98]. Тем самым ставилась задача изучения произошедших существенных изменений в психологии детей, влияния изменившейся атмосферы семейного и социального воспитания в целом, появления особого вида воспитания – диссоциального, профилактики риска возникновения девиаций и минимизации их отрицательных последствий для успешной социализации детей и подростков. Это требовала не только научного осмысления названных явлений, но и подготовки соответствующих специалистов к работе с детьми и взрослыми в изменившихся условиях.

Одним из вариантов ответа на вызовы времени стал утвержденный в декабре 2010 г. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 050407 Педагогика и психология девиантного поведения [10], с 2016 г. федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (уровень специалитета). Предусмотренная в стандарте специализация «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения» непосредственно отвечает задачам подготовки специалистов для организации профилактической работы.

Разработка образовательной программы в соответствии с указанной направленностью осуществлялась сотрудниками психолого-педагогического факультета Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского с учетом опыта научных исследований и практики профилактической деятельности с начала 2000-х в тесном сотрудничестве с областной и городской администрациями. За этот период времени сложилась достаточно стройная система понимания цели, задач, направлений и модели профилактики девиантного поведения несовершеннолетних [6]. Основу концептуального построения системы подготовки студентов по специальности Педагогика и психология девиантного поведения, специализация «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения» составляет комбинация психолого-педагогической и медико-психологической моделей профилактики [7] в соответствии с тремя уровнями воздействия. Принципиальное отличие выстроенной системы от современной западной профилактической модели, ориентированной на деятельность по предупреждению преступлений [2, с.74], состоит в широком охвате вариантов и причин возможных психологических, социально-педагогических, социально-психологических и медико-психологических отклонений и

нарушений возрастного, личностного развития ребенка и функционирования его родительской семьи, группы сверстников и воспитательных организаций. Это предполагает описание задач каждого возрастного периода, характеристику факторов риска возникновения школьной дезадаптации и на ее основе – девиантного поведения, содержание и технологии профилактической работы с детьми и взрослыми соответственно на всех трех уровнях профилактики [7].

С этих позиций в учебный план специальности Педагогика и психология девиантного поведения, специализация «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения» включены следующие профилирующие дисциплины: Психолого-педагогические основы профилактики девиантного поведения молодежи, Методы психолого-педагогической профилактики девиантного поведения у детей и подростков, Технологии профилактической работы с различными категориями детей, Проектирование программ профилактики девиантного поведения, Системная профилактика девиантного поведения учащихся. Особое место занимает в этом ряду дисциплина Технологии профилактической работы с различными категориями детей, которая определяет инструментальное обеспечение деятельности специалиста, его практическую компетентность и вариативность профилактической работы.

Учебная дисциплина Технологии профилактической работы с различными категориями детей является дисциплиной вариативной части в цикле профессиональных дисциплин и изучается на 4 курсе (8 семестр) и 5 курсе (9 семестр). Изучение курса Технологии профилактической работы с различными категориями детей дает возможность освоения знаний, умений, навыков и компетенций, устанавливаемых содержанием вариативных дисциплин, составляющих общую основу направления профессиональной подготовки, а также позволяет систематизировать сквозь призму профиля знания, навыки и компетенции, определяемые группой учебных курсов гуманитарного, социального и экономического цикла. Целью дисциплины являются формирование и развитие компетенций, характеризующих способность взаимодействовать с различными категориями воспитуемых, в том числе в сложных социально-педагогических ситуациях, осуществлять контроль кризисных ситуаций, предупреждение и конструктивное разрешение конфликтов, оказывать помощь в разрешении межличностных конфликтов (ПК-3); способность реализовывать педагогические и психологические технологии, ориентированные на личностный рост детей и подростков, их гармоничное развитие, формирование установок в отношении здорового образа жизни, толерантности во взаимодействии с окружающим миром, продуктивного преодоления жизненных трудностей (ПК-5); способность осуществлять психолого-педагогическое консультирование, разрабатывать модели психолого-педагогической диагностики проблем лиц, нуждающихся в коррекционных воздействиях, разрабатывать, выбирать, реализовывать и оценивать эффективность форм, методов коррекционных мероприятий, программ психолого-педагогической помощи и поддержки лиц, склонных к девиантному поведению, социально-психологической реабилитации несовершеннолетних с девиантным поведением, в том числе отбывающих наказание, их адаптации к среде пенитенциарного учреждения или специального учебно-воспитательного учреждения (ПК-11) [9].

Учебная дисциплина Технологии профилактической работы с различными категориями детей в качестве обязательного минимума включает 3 раздела, интегрирующих тематику теоретической, практической и контрольной составляющих ее содержания.

В первом разделе «Технологии профилактической работы с детьми дошкольного возраста» изучаются вопросы о нарушении поведения и деятельности у детей дошкольного возраста, детской агрессивности, причинах и профилактике детских капризов, ранней детской лживости и воровстве, об основных алгоритмах социально-педагогической коррекции и реабилитации детей с ранним (детским) девиантным поведением, детских страхах, адаптации ребенка в дошкольном образовательном учреждении, технологии

педагогической работы по профилактике/сглаживанию трудностей адаптации ребенка в условиях детского сада.

Во втором разделе «Технологии профилактической работы с детьми школьного возраста» изучаются вопросы профилактической работы по решению проблемы школьной дезадаптации, невропатии и невротизма у детей и подростков, технологии коррекции инфантилизма детей дошкольного и младшего школьного возраста, синдрома дефицита внимания с гиперактивностью, астенического и церебрастенического синдрома.

В третьем разделе «Нарушения развития личности как объекты профилактической работы специалистов» изучаются вопросы профилактики, коррекции и лечения психопатий, депрессии и суицидального поведения в детском и подростковом возрасте, нарушений у детей из неполных семей.

Теоретическая составляющая формирует мировоззренческую систему научно-практических знаний о концепции девиантного поведения, технологиях работы с девиантами, формах работы, ориентированных на личностный рост детей и подростков, их гармоничное развитие, формирование установок в отношении здорового образа жизни, продуктивного преодоления жизненных трудностей.

Практическая составляющая обеспечивает операционное овладение технологиями и навыками продуктивного взаимодействия с детьми и подростками, субъектами профилактики, разработки программ диагностики, профилактики и коррекции по организации и оказанию помощи детям «группы риска», девиантам, педагогам и родителям.

Контрольная составляющая определяет дифференцированный объективный учет процесса и результатов учебной деятельности студентов.

Профессионально-прикладная направленность образовательного процесса объединяет все три составляющих содержания программы, выполняя связующую, координирующую и активизирующую функцию.

Интерактивные образовательные технологии используются в учебном процессе с целью:

- освоения и реализации педагогических и психологических технологий, ориентированных на личностный рост детей и подростков, их гармоничное развитие, формирование установок в отношении здорового образа жизни, толерантности во взаимодействии с окружающим миром, продуктивного преодоления жизненных трудностей;

- освоения способов и умений проектировать программы, направленные на предупреждение отклоняющегося и виктимного поведения;

- развития навыков конструктивного психолого-педагогического взаимодействия с педагогами, психологами, дефектологами, родителями детей, медицинскими работниками;

- освоения и реализации практических умений и навыков общения с ребятами различного возраста, имеющими нарушения в развитии;

- освоения методов коррекции проблем развития личности и построение индивидуальной траектории развития личности;

- развитие умения прогнозировать, обобщать и анализировать данные психодиагностических исследований и на их основе выстраивать систему взаимодействия с испытуемыми, родителями, педагогами и администрацией в образовательном учреждении.

Непосредственное закрепление полученных в ходе освоения учебной дисциплины технологий профилактической работы с различными категориями детей происходит в процессе социально-педагогической практики. Задачами социально-педагогической практики [8] с учетом осваиваемых компетенций являются:

- 1) анализ социально-педагогических явлений, психолого-педагогических условий эффективности процесса воспитания, социализации и развития личности;

- 2) осуществление практической деятельности по социально-педагогической, правовой и психологической поддержке семьи, детей и подростков, защите их прав и законных интересов, социальному оздоровлению семьи, выполнение профессиональных задач в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета;

3) приобретение навыков выявления специфики психического функционирования человека с учетом особенностей возрастных этапов, кризисов развития и факторов риска, его принадлежности к гендерной, этнической и другим социальным группам, диагностирования психологических свойств и состояний человека, характеристики психических процессов и проявлений в различных видах деятельности, мониторинга личностного развития и социального поведения индивидов и групп, составления психодиагностических заключений и рекомендаций по их использованию;

4) применение в профессиональной деятельности концепции и теоретических принципов профилактики, осуществление работы, направленной на повышение психолого-педагогической и правовой компетентности взрослых, участвующих в воспитании детей и подростков, в работе с лицами, склонными к девиантному поведению;

5) обеспечение ресоциализации несовершеннолетних с девиантным поведением, проведение правового воспитания, формирование у детей и подростков правосознания, законопослушного поведения и правовой культуры

6) выявление семейной, школьной, социальной дезадаптации и организация психологической помощи лицам группы риска, выявление лиц группы риска, осуществление психолого-педагогическую диагностику несовершеннолетних с девиантным поведением;

7) приобретение навыков выявления причин отклоняющегося поведения личности, причин кризиса, в котором оказался ребенок (подросток), причин социального неблагополучия семьи, изучения личностных особенностей и социально-бытовых условий жизни детей, семьи и социального окружения, выявление позитивных и негативных влияний на ребенка (подростка), а также различного рода проблем в развитии личности и межличностных взаимоотношениях.

Выводы. Анализ появления социального заказа на профессионально подготовленных специалистов в области профилактики девиантного поведения детей и подростков в изменившихся условиях развития детства свидетельствует как о научной, так и практической актуальности сформулированной проблемы. До сих пор акцент в профилактической работе сохраняется на предупреждении правонарушений и преступности среди несовершеннолетних как наиболее явных и опасных для общества явлениях. В то же время действительное положение вещей таково, что до наступления момента готовности совершить правонарушение, тем более преступление, подросток проживает длительный и насыщенный «подготовительный» период различного рода неадекватных воздействий со стороны родителей, сверстников, педагогов и других взрослых. Эта неадекватность необязательно агрессия, тотальный контроль либо дидактогеня. В данном случае неадекватность характеризуют любой непродуктивный (дисфункциональный) стиль воспитания, некомпетентность и невнимательность в отношении психологического и психического здоровья ребенка и др. Раннее выявление фактов и причин возникновения девиаций, понимание и принятие их медико-психологической обусловленности становятся сегодня главными ориентирами подготовки специалистов в области профилактики девиантного поведения. Представленный опыт подготовки студентов специальности Педагогика и психология девиантного поведения к профилактической работе с различными категориями детей является одной из попыток ответа на социальный заказ современному высшему образованию.

Аннотация. В статье представлен анализ предпосылок истории возникновения в современной России социального заказа на профессиональную подготовку специалистов в области профилактики девиантного поведения детей и подростков. Предложен подход к концептуальному обоснованию модели подготовки студентов специальности Педагогика и психология девиантного поведения, описан опыт ее реализации в части профилактической работы с различными категориями детей.

Ключевые слова: девиантное поведение, профилактика, профессиональная подготовка, технологии профилактической работы.

Annotation. The article presents an analysis of the background of the history of the emergence in modern Russia of a social order for the professional training of specialists in the field of prevention of deviant behavior of children and adolescents. An approach to the conceptual substantiation of the model for training students of the specialty Pedagogy and Psychology of Deviant Behavior is proposed, the experience of its implementation in terms of preventive work with various categories of children is described.

Key words: deviant behavior, prevention, training, technology of preventive work.

Литература:

1. Ариффулина Р.У., Белогорская Л.В. Становление системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в России / Р.У. Ариффулина, Л.В. Белогорская // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №11. – С. 127-133.
2. Бабак Ю.В. Роль государства в профилактике девиантного поведения подростков / Ю.В. Бабак // Вестник Ярославского государственного университета. – 2008. – № 10. – С. 73-80.
3. Девиантное и делинквентное поведение детей и подростков: монография. – Красноярск: Центр информации, 2012. – 232с.
4. Зиниуров Ф.К. Основные исторические этапы развития педагогической системы профилактики девиантного поведения подростков в дореволюционной России. / Ф.К.Зиниуров // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 1. – С. 76-82.
5. Предупреждение правонарушений и охрана прав несовершеннолетних // Сборник нормативных документов. – М.: Известия Советов народных депутатов, 1977. – 568 с.
6. Проблемы профилактики и коррекции отклоняющегося поведения детей и подростков: монография /Н.Н. Савина, А.Л. Нелидов, Т.Т. Щелина [и др.]; под общ. ред. Н.В.Лалетина. – Красноярск: ООО «Центр информации», ЦНИ «Монография», 2013. – 236 с.
7. Проектирование программ профилактики девиантного поведения школьников. // Щелина Т.Т., Акутина С.П., Беганцова И.С., Болотин Ю.Е., Глебова Л.Н. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – 250 с.
8. Программа и фонд оценочных средств производственной практики «Социально-педагогическая» специальность Педагогика и психология девиантного поведения, специализация «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения». 2017 г. // Режим доступа: [http://www.arz.unn.ru/sveden/files/B2.B.04\(P\)_Socialynopedagogicheskaya_praktika_2019.pdf](http://www.arz.unn.ru/sveden/files/B2.B.04(P)_Socialynopedagogicheskaya_praktika_2019.pdf)
9. Федеральный государственный стандарт высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения // Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvospec/440501.pdf>
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 050407 Педагогика и психология девиантного поведения // Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/58/20110323125307.pdf>
11. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Д.И. Фельдштейн // Культурно-историческая психология. – 2010. – №2. – С. 98-103.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Актуальные технологии профилактики девиантного поведения детей и молодежи: инновационный опыт регионов

Акутина Светлана Петровна

ФОРМИРОВАНИЕ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ОТВЕТСТВЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА КАК ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....4

Ананьева Оксана Александровна

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖА.....9

Банников Геннадий Сергеевич, Вихристюк Ольга Валентиновна

РАННЕЕ ВЫЯВЛЕНИЕ РИСКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....13

Беганцова Ирина Серафимовна, Калинина Татьяна Валентиновна

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ.....18

Беленцов Сергей Иванович

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ.....21

Бережнова Мария Александровна, Куликов Сергей Александрович

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ СРЕДСТВАМИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА.....25

Бойкина Екатерина Эдуардовна

РОЛЬ ИГНОРИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ АНТИСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ЧАСТЬ 1. МЕТОДОЛОГИЯ.....29

Вачков Игорь Викторович

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИИ И ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ РАБОТЫ С АГРЕССИВНЫМИ ДЕТЬМИ.....37

Власова Наталия Викторовна

ГАРМОНИЗАЦИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ.....41

Голубева Галина Федоровна, Спасенников Валерий Валентинович

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ АДДИКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ.....46

Горбунова Наталья Владимировна

ДЕВАЛЬВАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ КОРРЕКЦИИ.....54

<i>Гуреева Софья Максимовна, Делибалт Варвара Васильевна</i> АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ МЕДИАКОНТЕНТА В СЕТЕВЫХ СУБКУЛЬТУРАХ.....	60
<i>Данилков Андрей Анатольевич</i> СТРЕССИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОНОСТИ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ.....	63
<i>Деулин Дмитрий Владимирович, Паршутин Игорь Александрович, Аникеева Наталья Викторовна</i> К ВОПРОСУ МОБИЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ У КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ.....	70
<i>Димитрова Екатерина</i> РОЛЬ ШКОЛЬНОГО ПСИХОЛОГА В ДИАГНОСТИКЕ И КОРРЕКЦИИ «ТРУДНОГО КЛАССА» В ШКОЛЕ.....	75
<i>Дубровина Ирина Владимировна</i> ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ.....	81
<i>Жокина Надежда Алексеевна, Харитонова Елена Евгеньевна</i> ОБ ОПЫТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДЕТЬМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ.....	88
<i>Zografova Yolanda Konstantinova</i> THE AGRRESSION IN SCHOOL ENVIRONMENT - FACTORS FOR MANIFESTATION AND MOTIVATIONAL SPECIFICS.....	93
<i>Иванова Десислава Асенова, Крастев Иван Димитров</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В КОМИССИЯХ ПО БОРЬБЕ С АНТИСОЦИАЛЬНЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БОЛГАРИИ.....	97
<i>Ильина Леся Олеговна</i> РОЛЬ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОМПЛЕКСНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	103
<i>Исаева Эльмира Гаджиевна, Сутаева Аида Рамазановна</i> ПРОФИЛАКТИКА НЕГАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МАРГИНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ.....	107
<i>Комарова Александра Владимировна, Ситников Валерий Леонидович, Слотина Татьяна Викторовна</i> ВОЗМОЖНОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФИЛАКТИКЕ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ.....	114
<i>Костина Любовь Николаевна</i> ИЗ ОПЫТА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	121

Куделина Анастасия Андреевна, Шефов Сергей Александрович ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОСТИ.....	126
Кузина Ирина Валерьевна МЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.....	130
Кукушкина Мария Дмитриевна ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОУ КАК УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ.....	132
Кулишов Владимир Валентинович МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РИСКОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ, ВЫЗВАННЫХ ДЕВИАНТОГЕННЫМ ВЛИЯНИЕМ ЦЕННОСТЕЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	136
Купач Тамара Юрьевна, Кондрашов Сергей Александрович, Шкуров Александр Вячеславович, Рязанов Алексей Алексеевич АКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВОИНСКОЙ СРЕДЕ.....	140
Лазарева Ирина Владиленовна, Волком Михаил Александрович ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ШКОЛЕ.....	145
Литинский Борис Борисович ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮМОРА КЛАССНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ КАК ИНСТРУМЕНТА ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ СПО.....	151
Матвеевко Вероника Эдуардовна ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ.....	153
Мириманова Мария Суреновна ПРОФИЛАКТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА.....	157
Миронычева Валентина Федоровна ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ТЕХНОЛОГИИ ТВОРЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ.....	163
Морозова Марина Алексеевна, Свинар Елена Владимировна СПОРТИВНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ДЕТЕЙ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	165
Моцовкина Елена Владимировна, Пяткова Кристина Николаевна СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФОРМАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ДЕСТРУКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, НА ПРИМЕРЕ «ЗАЦЕПЕРЫ».....	169
Назмутдинов Ризабек Агзамович ВЛИЯНИЕ НЕБЛАГОПОЛУЧНОЙ СЕМЬИ НА ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКА.....	173

Никитина Екатерина Леонидовна ТЕХНОЛОГИИ КЛУБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ.....	176
Новикова Лариса Юрьевна, Онуфриева Вера Васильевна КОРРЕКЦИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ.....	180
Самедова Юлия Александровна ТВОРЧЕСКАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОФИЛАКТИКА НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ДОПРИЗЫВНОЙ МОЛОДЕЖИ.....	184
Симонова Галина Ивановна ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ.....	189
Скибо Татьяна Юрьевна УСЛОВИЯ СНИЖЕНИЯ ДЕПРИВАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДЫ ВОЕННОГО ВУЗА НА КУРСАНТОВ.....	193
Смирнова Ирина Эдуардовна «НЕ ПОЙДУ В МУЗЫКАЛКУ!»: ПРОДЕЛКИ И ШАЛОСТИ УЧАЩИХСЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	199
Тюрин Павел Трофимович МОТИВАЦИОННЫЕ ИМПУЛЬСЫ «НЕМОТИВИРОВАННОГО» ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	207
Ус Оксана Александровна К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	210
Утёмов Вячеслав Викторович ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ ОТРЯД КАК РЕСУРС ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ.....	213
Хагуров Темыр Айтчевич В ПОИСКАХ ГЛУБИННЫХ ПРИЧИН ПОДРОСТКОВОЙ (НЕО)КРИМИНАЛИЗАЦИИ: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ К СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА И ГЕНДЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	217
Хусаинова Светлана Владимировна ЛИЧНОСТНО-СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	225
Чедия Константин Олегович ПСИХОКОРРЕКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТЕ С КОНТИНГЕНТОМ «ТРУДНЫХ» ДЕТЕЙ.....	229
Черникова Елена Васильевна СРАВНЕНИЕ ОПЫТА СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	234

Чуносов Михаил Александрович
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРОФИЛАКТИКИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....240

**Секция 2. Профилактика социальных рисков, правонарушений и безнадзорности
несовершеннолетних: проблемы межведомственного взаимодействия**

Алексеева Елена Вячеславовна, Николаева Анна Петровна
ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ЗАЩИТНИКОВ ЖЕРТВЫ И АГРЕССОРОВ, УЧАСТНИКОВ
БУЛЛИНГА В СИТУАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА.....248

**Баева Ирина Александровна, Акиндинова Ирина Александровна, Ихер Ксения
Михайловна**
ОСОЗНАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ СТУДЕНТАМИ ВУЗА
И КОЛЛЕДЖА.....252

Баева Ирина Александровна, Кондакова Ирина Владимировна
ПРОФИЛАКТИКА РИСКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ, СПОСОБСТВУЮЩИХ
ПРОЯВЛЕНИЮ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ.....259

Баринова Вера Леонидовна
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ
ПОЛИЦИИ И ИНСПЕКТОРОВ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПО ВОПРОСАМ ПРОФИЛАКТИКИ
ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....266

Бурчевский Сергей Вячеславович
ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: АНАЛИЗ ЛИЧНОГО ОПЫТА
ПРАКТИЧЕСКОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ АВТОРА
С ДЕТЬМИ С ДЕВИАЦИЯМИ В РАЗВИТИИ И ПОВЕДЕНИИ (1969-2019 гг.).....273

Гришко Ирина Вильямовна
МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО
ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ, ДЕТЕЙ И
ЛИЦ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ.....280

Давыдова Галина Ивановна
ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО
КОНТРОЛЯ.....285

Ковров Владимир Викентьевич
ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....291

Кравцов Николай Александрович
РЕАЛЬНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕВИАНТНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ.....298

Лактионова Елена Борисовна, Тузова Александра Сергеевна
К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СУБЪЕКТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....302

Маковецкая-Серебрякова Екатерина Валерьевна, Делибалт Варвара Васильевна
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ.....306

Мироненкова Ольга Леонидовна
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРОВ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ.....308

Пимонов Владимир Александрович, Островский Антон Николаевич
ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА
(В ТОМ ЧИСЛЕ МЕДИАЦИИ) В РАБОТУ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ.....313

Поимцева Татьяна Петровна, Моисеева Елена Юрьевна
ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО И БЕЗОПАСНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ
МОЛОДЁЖИ.....321

Пономарева Екатерина Сергеевна, Делибалт Варвара Васильевна
ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КОГНИТИВНЫХ
ИСКАЖЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРЕСУИЦИДАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....327

Пряжникова Елена Юрьевна
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
АДДИКТИВНЫХ ПОДРОСТКОВ С ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ.....332

Сергеева Марина Георгиевна
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....339

Стреленко Анна Анатольевна
ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООТНОШЕНИЯ С ЛОКУСОМ КОНТРОЛЯ У ПОДРОСТКОВ
ГРУПП СОЦИАЛЬНОГО РИСКА.....345

Тихомиров Сергей Николаевич
МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ К
АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....350

Черникова Елена Васильевна
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПОДРОСТКОВ.....356

Секция 3. Современные тенденции и опыт подготовки специалистов системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи

Алпатова Ольга Борисовна
ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО
СПЕЦИАЛЬНОСТИ 44.03.03. СПЕЦИАЛЬНОЕ (ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ)

ОБРАЗОВАНИЕ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА.....361

Богданович Наталья Викторовна, Делибалт Варвара Васильевна, Шишлянникова Любовь Михайловна

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....364

Бузни Виктория Александровна

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ШКОЛЕ.....372

Глузман Юлия Валериевна

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ.....379

Горобец Даниил Валентинович, Горобец Наталия Николаевна

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ РЕСОЦИАЛИЗОВАННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ.....382

Гривенная Елена Николаевна, Плотников Владимир Валериевич

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ АГРЕССИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ.....387

Денисова Ольга Александровна, Леханова Ольга Леонидовна, Гудина Татьяна Викторовна, Букина Ирина Адольфовна

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ДЕВИАНТОЛОГОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ОПОРНОМ ВУЗЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....395

Дорошенко Ольга Марковна

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ПРОФИЛАКТИКА БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....403

Ерина Инобат Аъзамкуловна

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ЧЕРЕЗ ОРГАНИЗАЦИЮ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....409

Занина Лариса Витольдовна, Морозова Ольга Львовна

РИСКИ И УГРОЗЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕВИАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....412

Карпович Татьяна Ефимовна

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ПОДРОСТКОВЫХ ДЕВИАЦИЙ.....419

Ковтунович Марина Георгиевна

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СЛУЖИТЕЛЕЙ И РЕЛИГИОЗНОГО ПЕРСОНАЛА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ПОПАВШИМИ В ТРУДНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ.....426

Лёвкина Елена Викторовна

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, СКЛОННЫМИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ.....432

Лялюк Александр Викторович

ВНЕШНИЕ РИСКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА КАК ФАКТОР ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ.....437

Муллаширов Руслан Нариманович

«СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ» КАК ИНТЕРАКТИВНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ.....441

Поникарова Валентина Николаевна

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ.....443

Проничева Мария Михайловна, Булыгина Вера Геннадьевна

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ ПЕДАГОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ПОДРОСТКОВ.....448

Просветова Татьяна Сергеевна

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕПРИВАЦИОННЫХ РИСКОВ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ.....454

Склярченко Инна Сергеевна, Соловьев Александр Анатольевич

ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ К ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....458

Усатенко Оксана Николаевна, Залевская Яна Геннадиевна

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОРИСУНКОВ В ПОДГОТОВКЕ ПСИХОЛОГОВ К КОРРЕКЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ.....467

Федосеева Наталия Викторовна

ОВЛАДЕНИЕ БУДУЩИМИ ВОСПИТАТЕЛЯМИ И ПЕДАГОГАМИ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ТЕХНОЛОГИЯМИ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ.....471

Шлычков Вадим Рудольфович, Шлычков Дмитрий Вадимович

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ.....476

Щелина Тамара Тимофеевна

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ» К ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С РАЗЛИЧНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ.....482

Научное издание

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ**

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
(г. Ялта, 8-10 октября 2019 г.)

Публикуется в авторской редакции

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 57,89. Тираж 500 экз. Заказ № 09А/05.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru